429

State Museum Library
7209
Lucknow

7209

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТРУДЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И КУЛЬТУРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КУШАНСКУЮ ЭПОХУ

ДУШАНБЕ, 27 СЕНТЯБРЯ — 6 ОКТЯБРЯ 1968 г.

PROCEEDINGS OF THE INTERNATIONAL CONFERENCE OF THE HISTORY, ARCHAEOLOGY AND CULTURE OF CENTRAL ASIA IN THE KUSHAN PERIOD

DUSHANBE, SEPTEMBER 27 — OCTOBER 6 1968

Опубликовано
Комитетом по изучению цивилизаций
Центральной Азии
Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО
по контракту с ЮНЕСКО

Published
by the Committee on the Study
of the Civilizations of Central Asia
of the Commission of the USSR for UNESCO
under contract with UNESCO

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В КУШАНСКУЮ ЭПОХУ

Том II

CENTRAL ASIA IN THE KUSHAN PERIOD

Volume II

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1975

9(М)03
Ц38

Редакционная коллегия: Б. Г. ГАФУРОВ, Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИН,
Э. А. ГРАНТОВСКИЙ, Л. И. МИРОШНИКОВ,
Б. Я. СТАВИСКИЙ

Editorial Committee: B. G. GAFUROV, G. M. BONGARD-LEVIN,
E. A. GRANTOVSKY, L. I. MIROSHNIKOV,
B. Y. STAVISKY

Труды Международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху (Душанбе, 1968) освещают важные проблемы происхождения народов Центральной Азии, их материальной культуры, искусства, языка и письменности; освещаются археологические открытия в Средней Азии, Индии, Афганистане, Иране, Пакистане. Многие уникальные находки публикуются впервые и несомненно вызовут живой отклик среди ученых и широких кругов читателей, интересующихся древней историей и культурой народов Азии.

$Ц \frac{10603\text{-}021}{013(02)\text{-}75}$ 133-75

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975.

Часть III

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ НА ПЛЕНАРНЫХ ЗАСЕДАНИЯХ И ДИСКУССИИ

Part III

PAPERS, COMMUNICATIONS, DISCUSSIONS

Утреннее заседание 1.X.1968

ИСТОРИЯ КУШАНСКОГО ГОСУДАРСТВА И ЕГО ГРАНИЦЫ

Morning Session, 1.X.1968

HISTORY AND FRONTIERS OF THE KUSHAN STATE

D. SIRCAR (CALCUTTA, INDIA)

EASTERN INDIA AND THE KUSHANS

According to Chinese sources, the Yüeh-chih had their capital at Kien-chi in the Bukhara region to the north of the Oxus about the close of the 2nd century B.C., when Ki-pin (Kafiristan together with the adjoining eastern areas) lay on the southern frontier of their kingdom. The territory was soon divided into five principalities, each under a chief. These chiefdoms are sometimes located by scholars in the Wakhan, Chitral and Kabul regions, and in the valley of the Panjtar River. About the beginning of the 1st century A.D., K'ieou-tsieou-k'io (Kusuluka-Kujula Kadphises of the coins), the chief of the Kuei-shuang (Kushan) territory, conquered the other four principalities and became king. He occupied Kao-fu (Kabul), overcame Po-ta (near Kabul) and Ki-pin (the Kafiristan region), and became completely master of these areas. After his death at the age of more than 80, his son Yen-Kao-tchen (Vima Kadphises of the coins) succeeded him and conquered T'ien-tchou (Sindhu-India, probably meaning the Punjab region), which he placed under a governor[1].

Although the extent of Vima Kadphises' Indian possessions under his viceroy cannot be determined[2], there is no doubt that the Kushan king Kanishka, whose dominions included at least the whole of Uttar Pradesh and who had his capital at Purushapura (Peshawar in West Pakistan), flourished at a later date. Inscriptions dated in the 3rd year of Kanishka's reign found in different parts of U.P. suggest that he was originally the ruler of the central part of Northern India and occupied the north-western regions of the Indo-Pakistan subcontinent and also Afghanistan at a later date[3].

Kadphises I issued coins of copper or bronze. On the reverse of his issues, showing the name of the Greek "King of Kings" Hermaeus on the obverse, the Kushan ruler is represented as "the Kushan Chief", while on his later coins, issued independently, he is styled "the Great King, the King of Kings"[4]. Kadphises II introduced a gold coinage suggested by the Roman *aureus* (124 grains or 8.035 grammes). His copper-bronze coinage is extensive. He is called *Soter Megas*, "the Great Saviour", in the legend of his coins[5].

A large number of coins found in the Punjab and Afghanistan were issued by a ruler known only by his title *Soter Megas*, which associates him with Kadphises II. This "nameless" king has to be associated with the "nameless" Kushan rulers mentioned in the Panjtar inscription[6] of the year 122 (A.D. 65) as "the Great King, the Kushan" and in the Taxila inscription[7] of the year 136 (A.D. 79) as "the Great King, the King of Kings, the *Devaputra,* the Kushan". The title *Devaputra* associates the ruler in question with another ruler called "*Devaputra,* the Great King, the King of Kings, Kujula-Kara Kaphsa", who is known from his coins. It is not improbable that the issuer of the *Soter Megas* coins was the semi-independent governor of the Indian possessions of Vima and that he is mentioned in the Panjtar inscription (A.D. 65), while Kujula-Kara Kadphises, probably the Kushan ruler mentioned in the Taxila inscription (A.D. 79), was his son and successor. For some time after the death of Vima, Kujula-Kara, and possibly also his father, about the closing years of his life, appear to have ruled independently and to have succeeded even in extending their power over Afghanistan. Kanishka, whose role in the Kushan conquest of Northern India seems to be similar to that of Ikhtiyar-uddin Muhammad bin Bakhtiyar Khalji (a follower of Malik Husam-uddin Aghul-Bak) in the Turko-Muslim conquest of the same land under Muiz-uddin Muhammad bin Sam and the latter's general Qutb-uddin Aibak about the close of the 12th century, probably ousted Kujula-Kara and assumed his title *Devaputra*[8] some time after having concolidated his position in U.P.[9]

From his capital at Peshawar, Kanishka seems to have ruled over a vast empire extending from Northern Afghanistan and its neighbourhood in the west to at least up to Eastern U.P. in the east, and from Kashmir in the north probably to Sind and Northern Maharashtra in the south. As regards the inclusion of Afghanistan and Kashmir in Kanishka's empire, reference may be made to the Surkh Kotal inscription[10] and the tradition recorded in the *Rajatarangini*[11]. The inclusion of the Sind region in the empire has been inferred from the find of the Suivihar (former Bahawalpur State) inscription[12], and that of Malwa and Gujarat and parts of Rajasthan and Maharashtra has been supposed on the basis of the discovery of Vasishka's inscription at Sanchi (former Bhopal State) in Eastern Malwa[13] and of the possibility of the Saka satraps of Western India having originally been feudatories of Kanishka's house[14].

In the east, Kanishka's inscriptions have been discovered in U.P. at Set-Mahet (on the borders between the Gonda and Bahraich districts), Kosam (Allahabad District) and Sarnath (Varanasi District)[15]. As regards his relations with Bihar, there is a tradition according to which Kanishka advanced against Soked (Saketa near Ayodhya, Faizabad District, U.P.) and Pataliputra (near Patna, Bihar) in Eastern India and took away the Buddhist scholar Asvaghosa from the latter place[16]. The king of Pataliputra, who was the suzerain of Eastern India, being defeated by the Yüeh-chih, offered 9 lakh pieces of gold, but was unable to collect the huge sum and, instead, gave the Buddha's alms-bowl together with Asvaghosa and a miraculous cock[17].

The reckoning used by the Early Licchavis of Nepal is now supposed to be identical with the Kanishka or Saka era of A.D. 78[18], while its use in Bihar has been supposed to be indicated by the recently published Kailvan inscription[19] of the year 108. Some coins of the Kushans have also been discovered in Bihar and the neighbouring regions, as we shall presently see. There is thus a controversy on the question whether Bihar and its neighbourhood formed a part of Kanishka's empire, one group of scholars regarding it possible and another group doubting the possibility[20].

Those who are doubtful about Bihar's inclusion in Kanishka's empire may say that the possible spread of the Kanishka era in Bihar and Nepal does not presuppose the spread of Kushan rule in those areas. Just as the use of the East Iranian era of 58 B.C. (later called the era of King Vikramaditya) seems to have been carried to the valley of the Indus by the Scythians and Parthians, from there to Rajasthan by the Malavas, and from there to U.P. by the Maukharis[21], in the same way the use of the Kanishka era may have been carried to Bihar by the Mitras of Ahicchatra or Kausambi, a branch of them that probably migrated to the east being known to historians as the Mitras of Bihar[22]. Likewise the Licchavis of Bihar may have carried the use of the Kanishka era to their new home in Nepal. As regards the discovery of Kushan coins in Bihar, it may be argued that coins travel, as they may be carried from one area to another by traders, soldiers, pilgrims, plunderers and others, and attention may be drawn to the discovery of the coins of the Saka satraps of the Malwa-Gujarat region in the Akola, Amaravati, Yeotmal and Wardha districts of Berar (Maharashtra), the Seoni and Chhindwara districts of Madhya Pradesh and the Guntur District of Andhra Pradesh[23]. It may further be remembered that Kushan coins have been discovered not only in Bihar but also in Bengal and Orissa, so that we should not speak of the inclusion of Bihar alone in the dominions of Kanishka or of the Kushans, but probably of Bihar, Bengal and Orissa together. Thus the problems relating to the discovery of Kushan coins in Eastern India require to be very carefully examined.

The coins of the Kushans discovered in Eastern India are of three classes, viz. (1) gold, (2) copper and (3) imitation in both gold and copper.

1. *Gold Coins*. The discovery of only some stray gold coins has been recorded, although these may have been part of some hoards which were mostly melted down. The discovery of such Kushan gold coins has been reported from several places in Bihar and Bengal. In Bihar, the find-spots are Sultanganj (Bhagalpur District)[24], Monghyr[25], Belvadag (Ranchi District)[26] and Bodhgaya (Gaya District)[27]. In Bengal, Kushan gold coins have been reported from Mahasthan[28] and Malda (Bengal)[29].

We have also some imitation Kushan coins in gold from the same region[30].

2. *Copper Coins*. Numerous hoards and stray finds of copper coins from Bihar, Bengal and Orissa have been reported. In Bihar, we may mention Kumrahar (Patna District)[31], Basarh (Muzaffarpur District)[32], Buxar (Shahabad District)[33], Nandangadh (Champaran District)[34], Vatara (Darbhanga District)[35], Darbhanga[36] and Karra Thana (Ranchi District)[37].

Kushan copper coins have been found at various places, including Tamluk in the Midnapur District[38]. A large number of Kushan-type copper coins have been collected by the Directorate of Archaeology, Government of West Bengal, apparently from the southern districts of the State[39]. Some of them may be genuine issues of the Kushan kings, while the rest appear to be of the imitation type.

In Orissa, Kushan copper coins have been reported from Bhanjakia and elsewhere in the Mayurbhanj District[40], Sitabhinji (Keonjhar District)[41], Viratgadh (Mayurbhanj District)[42], old Nayagadh State[43] and Sisupalgadh (Puri District)[44].

3. *Imitation Coins*. Copper issues imitated from the Kushan types

have been discovered in large numbers in Eastern India, especially in Orissa. A hoard of such coins was at first found in the Puri District of Orissa, for which the type was characterised as "Puri Kushan" [45]. Later, when similar coins were discovered in other parts of Orissa, scholars began to call the type "Oriya Kushan" [46]. Hoards of such coins have been discovered in Bihar also, so that the type should be called "Imitation Kushan" rather than "Puri or Oriya Kushan".

Similar imitation coins in gold have been discovered in Bengal, and we have referred above to a coin imitated from the Kanishka issues and to the barbarous imitation of a coin of Vasudeva. We have also mentioned a number of talismans imitated from the gold coinage of the Kushans, which were discovered in Bihar. To the category of imitations may be assigned the gold coin discovered at Sisupalgadh in the Puri District of Orissa, the obverse of which imitates the Kushan motif, the reverse showing the head of a Roman emperor. The coin has been tentatively assigned to the 3rd century A.D. and to a king named Dharmadamadhara on the strength of an indistinct legend [47].

Imitation copper coins of the Kushan type have been reported from the Mayurbhanj District [48], Balasore [49], Manikaratna (Puri District) [50], Ganjam District [51], Viratgadh (Mayurbhanj District) [52], Sitabhinji (Keonjhar District) [53], Sisupalgadh (Puri District) [54], and Nuagaon and Khiching (Mayurbhanj District) [55].

The coins from Gulka and Jaugada, noticed by Beglar, appear to belong to the same class [56].

In Bihar, imitation coins have been reported from the Rakha hill in the Singbhum District [57] and a village in Barabhum in the Dhanbad District (formerly in the Manbhum District) [58].

The discoveries referred to above clearly prove that both gold and copper coins of the Kushans, as well as their imitations, were in use in Eastern India, the copper issues being the popular currency particularly in Orissa. The copper coins must have been the regular money like the Mughul *Rupiya* of silver, while the gold coins were really treated as bullion meant for presentation and hoarding, as in the case of the Mughul *Muhr* [59]. This explains the small number of gold coins so far discovered, although there is no doubt that most of the gold coins discovered from time to time since olden days were melted down for the manufacture of ornaments.

The discovery of large hoards of mixed genuine and imitation copper coins in and in the neighbourhood of Orissa suggests two possibilities: (1) that the genuine coins entered into the area from outside and that the imitations were fabricated by local manufacturers when the source of the supply dried up, (2) that the coins of both types were minted in the region, the genuine coins during Kushan rule and the imitation issues after its decline. There is thus, even in the first case, a strong possibility that the area formed a part of the Kushan Empire.

Certain Indian literary works refer to Murunda rule at Pataliputra about the 2nd century A.D., i.e. before the rise of the Guptas in the first quarter of the 4th century [60], while Ptolemy's *Geography* (c. A.D. 145) places the Maroundai (Murunda) in the same region [61]. This seems to suggest that the Murundas had become powerful in Bihar even before the time of Vasudeva, whose known dates range between the years 64 and 98 (A.D. 142-176). The Chinese annals speak of an ambassador of the Fu-nan king, who reached, about the second quarter of the 3rd century, the mouth of a large river (probably the Ganges) after a long voyage from T'eu-kia-li (Takkola) and went up the river to the capital of the Meu-luen (Murunda) king, who sent the embassy back with a present of four horses of the Indo-Scythian country[62]. This would indicate the continuation of Murunda rule till the middle of the 3rd century A.D., although Visakhamitra's Kailvan inscription of A.D. 186 seems to go against the above suggestion regarding Murunda rule, as we shall see.

Since the Murundas are believed to be Scythians, their occupation of Bihar may be explained by supposing that they were originally Kushan viceroys of Bihar or of Eastern India. In this connection, mention may also be made of the fact that the Puranas place a Magadha king having an un-Indian name in the period before the rise of the Guptas. The name is variously quoted as Visvasphani, Visvasphatika, Visvasphaci, Visvasphati, Visyaphini, Visvasphiti, Visvasphurji, Visvasphurti, etc[63]. This Magadha ruler may have been a Murunda[64].

The circulation of Kushan gold coins and their imitations in Eastern India, as pointed out above, raises another interesting point. It is well known that pre-Kushan India had practically no gold coinage and, even if it had, its gold currency had extremely limited circulation[65]. Under these circumstances, very interesting information is offered by the *Periplus of the Erythraean Sea,* which at first refers to the market town of Ganges situated on the River Ganges in the country of Ganges and then observes, "It is said that there are gold mines near these places and there is a gold coin which is called *caltis*"[66]. Elsewhere we have tried to show that the *Periplus* was composed during the reign of Kanishka in the early years of the ninth decade of the 1st century A.D.[67] It may not be improbable that the said gold coin, prevalent in the deltaic region of Lower Bengal according to the *Periplus*, is the Kushan gold currency introduced in the area during the reign of Kanishka I. The name *caltis* has not yet been satisfactorily explained[68]. It may possibly be the Greek modification of an East Indian corruption of some Scytho-Kushan word meaning "a coin" or "a gold coin".

The possibility of the extension of Kushan rule in Eastern India raises another problem of considerable importance. The issue of their own currency by the Sakas of Western India from a date before A.D. 119 and the absence of any Kushan record on that area later than the Sanchi inscription (year 28-A.D. 106) referred to above, seem to suggest that the hold of the successors of Kanishka I on the southern province of the empire was feeble, even though the satrapal titles assumed by the Sakas show that they had not thrown off Kushan suzerainty altogether. The rise of the Yaudheyas and others in the Rajasthan-Punjab region about the 2nd-3rd centuries A.D. seems also to indicate the decline of Kushan power. No Kushan inscription has been discovered in Central and Eastern U.P. after those of the early years of Kanishka I, while the rise of the Maghas of Kausambi and others, from the 2nd century A.D., points to a similar decline in the hold of Kanishka's successor over the eastern areas of his empire. These facts have to be studied along with the fact that, besides Bihar, a large number of Huvishka's copper coins have been discovered in Orissa and some coins of Vasudeva also in Bengal. Eastern India therefore may have acknowledged at least the nominal suzerainty of the Kushans till the reign of Vasudeva, whose latest known date is the year 98 (A.D. 176). When Ptolemy wrote his *Geography* (c. A.D. 145), the Gangaridae of Deltaic Bengal and the Maroundai living above them in the Ganges valley probably owed nominal allegiance to the Kushans like the Maghas and others.

It is tempting to suggest that the Kushan hold on Eastern India was maintained through the Murundas[69]. But there is at least one difficulty in regarding the Murundas as having ruled continuously over Bihar and probably also over parts of Bengal and Orissa from the first half of the 2nd to the middle of the 3rd century A.D. The Kailvan inscription of the year 108=A.D. 186, referred to above, speaks of the rule of Rajan Arya-Visakhmitra in the heart of the Patna District. The humble royal title applied to him suggests that his political status was no better than that of the Magha kings. It should, however, be remembered that, just as in the case of the records of the Saka satraps of Western India, neither in the Kailvan inscription nor in the Magha epigraphs is the overlord of the local ruling king mentioned. Are we to assume that there was a long-drawn struggle between the Murundas and the scions of the local ruling families, in which both sides were successful in their turn?

In the same context, reference may be made to the discovery in Bengal of a number of sculptures in which distinct affinities with the Kushan art idiom have been recognised. These include the head and bust of the Buddha-Bodhisattva in mottled red sandstone from Chandraketugarh (Bengal), the red stone torso of a deity (probably Karttikeya) from Mahasthan, the Surya images from Kumarour and Niamatpur, the Visnu image from Hankrail (Bengal) and a colossal head from Dinajpur. The main point of Kushan affinity of some of these sculptures is the *udicya-vesa,* or Turkish dress, consisting of a long tunic covering the body from the neck to the knees. The stern economy that confines the main effect to the surface and to angles and lines is, in the opinion of scholars, not unlike that in the portrait statue of Kanishka. The broad and heavy features, e.g. the broad shoulders, have affinities with the early Kushan Buddha-Bodhisattva type of Mathura. Another Kushan feature is that the hands of the images, whether raised to the level of the shoulder or lowered down to the hips, exhibit the elbow at some distance from the body. The raised eyebrows of the Visnu image, rarely noticed in later sculptures, is another point of affinity with the Kushan art idiom. The colossal head has some resemblance to the Buddha-Bodhisattva type of Mathura and to the contemporaneous sculptures of the Gandhara school[70].

Whether the above sculptures point to the inclusion of Bengal in the Kushan Empire or the migration of Western artisans or art motifs or sculptures to Bengal cannot, of course, be determined. But the fact cannot be dissociated from the problem of the extension of Kushan influence in Eastern India.

---

[1] See Sten Konow, *Corp. Ins. Ind.,* vol. II, pt I, pp. XII ff.; Raychaudhuri, *Pol. Hist. Anc. Ind.,* 1938, pp. 382 ff.; *The Age of Imperial Unity* (ed. Majumdar), pp. 137 ff..

[2] We do not believe that the Khalatse inscription belongs to this monarch. See *Select Inscriptions,* 1965, p. 134 and note 2.

[3] Sten Konow's reading of the date of the Peshawar casket inscriptions as year 1 of Kanishka's reign is certainly wrong. See *op. cit.,* pp. 135 ff.; cf. N. G. Majumdar's *List of Inscriptions,* No. 60. The earliest date of Kanishka's reign, so far known, is year 3, the Kosam inscription being really dated in that year and not in year 2 (see *Sel. Ins.,* p. 136 and note 2).

[4] Some scholars believe that Kadphises I flourished some time later than Hermaeus; but that seems improbable. See *The Age of Imperial Unity,* p. 138.

[5] Cf. *ibid.,* pp. 138-139.

[6] *Sel. Ins.,* p. 130.

[7] *Ibid.,* p. 133.

[8] For the Indian custom of the victor appropriating the title of the vanquished, see Sircar, *The Guhilas of Kiṣkindha,* p. 37, note 3. The same may have been the custom

of certain other peoples. The Guhilas, who followed the custom, are regarded by some as of foreign origin. See *ibid.*, p. 6; *Journ. As. Soc. Beng.*, 1909, pp. 167 ff.

[9] For the above reconstruction of Kushan history, see *The Age of Imperial Unity*, pp. 137 ff.

[10] *Journ. As.*, 1958, pp. 345 ff.; *BSOAS*, vol. XXIII, pp. 47 ff.

[11] I, 168 ff.

[12] *Sel. Ins.*, pp. 139-140.

[13] *Ibid.*, pp. 150-151. See also the Sanchi inscription of year 22, which speaks of a *Rajan* named Vaskushana who may be the same as Vasishka or a local ruler under Kanishka I. Cf. Marshall, *Monuments of Sanchi*, vol. I, pp. 278, 386 (No. 829). A large number of Kushan copper coins have been found at Sanchi (*ASI, AR*, 1934-1935, p. 84) and at a place in the former Indore State (Cunningham, *ASIR*, vol. XII, pp. 43-44).

[14] Cf. Rapson, *Catalogue of Coins*, p. CVI.

[15] *Sel. Ins.*, pp. 135 ff., 144 ff.

[16] Raychaudhuri, *Political History of Ancient India*, 1938, p. 395. According to the Chinese translation of Kumaralata's *Kalpanamanditika*, composed shortly after Kanishka's reign, "In the family of the Kiu-sha (Kushan) there was a king called Chen-t'an Kia-ni-ch'a (Candana or Candra Kanishka). He conquered Tung T'ien-chu and pacified the country. His power spread fear; his good fortune was complete. He set out to return to his kingdom. The route passed through a broad, flat land". Some scholars regard Tung T'ien-chu as a part of Eastern India. See Sten Konow, *op. cit.*, p. LXXV.

[17] *Comp. Hist. Ind.*, vol. II (ed. Sastri), p. 237; cf. *Journ. As.*, 1936, pp. 61-121. The analysts say that Kanishka subdued the east, south and west, but that the north remained unconquered.

[18] *Sel. Ins.*, p. 378, note 1.

[19] *Ep. Ind.*, vol. XXXI, pp. 229 ff.

[20] Cf. *Journ. Anc. Ind. Hist.*, vol. I, p. 43.

[21] Sircar, *Ind. Ep.*, pp. 242 ff., 251 ff.

[22] Cf. *The Age of Imperial Unity*, pp. 172, 174, 214.

[23] Mirashi, *Stud. Indology*, vol. IV, p. 233; *Stud. Ind. Coins*, pp. 150 ff. It is sometimes argued that, copper being a cheap metal, copper coins did not usually travel far away from their place of issue. If this view is accepted, then the discovery of Kushan copper coins in Eastern India would prove the inclusion of the said region in the Kushan Empire. Unfortunately, copper coins are known to have been the principal currency of some ancient Indian states, and there is no doubt that the copper money had very considerable purchasing power in early times, so that the migration of copper coins from one region to another even in the course of trade is not improbable.

[24] For one coin of Huvishka, see *Ind. Num. Chron.*, vol. II, pt I, pp. 81 ff., pl. III, No. 1; cf. vol. I, pts I-II, p. 86.

[25] For two coins probably of Kanishka, see *ibid.*, vol. II, pt I, pp. 79 ff., pl. II, Nos. 2-3.

[26] *JBORS*, vol. I, pt II, pp. 231-232.

[27] For one coin of Huvishka found under the Vajrasana, see Cunningham, *Coins of the Indo-Scythians*, p. 10. A gold talisman of the type of Huvishka's coins was also discovered here. Cf. Cunningham, *Mahabodhi*, pl. XXII, Nos. 11 and 17, for a gold coin and a gold talisman. One of the three gold talismans, imitating the gold coin of Huvishka, was discovered at Kumrahar, the second coming from Budhgaya and the third from Patna city. See Altekar and Mishra, *Kumrahar Excavations*, 1951-1955, p. 131.

[28] For one gold coin of Vasudeva, see *JPASB*, NS, vol. XXVIII, 1932, pp. 127 ff., pl. I, No. 1.

[29] *Loc. cit.*, pl. I, No. 2.

[30] For one imitation coin of Vasudeva in base gold, see Chanda, *Gaudarājamālā*, p. 4; for a gold coin imitated from Kanishka's issues, see *JPASB*, vol. XXVIII, *loc. cit.*, pl. I, No. 3.

[31] For 52 coins, including 2 of Vima Kadphises, 12 of Kanishka and 30 of Huvishka, see *JNSI*, vol. XIII, pt II, pp. 144 ff.; for 7 coins (2 of Kanishka and 5 of Huvishka), see Altekar and Mishra, *op. cit.*, p. 99, pl. LXX-B, Nos. 20-21.

[32] For some coins of Kadphises II, see *JBORS*, vol. I, pt II, p. 232. A few coins were found from Raja Bisalka Gadh (*Indian Archaeology*, 1958-1959, p. 12). For another lot of 9 coins (3 of Kanishka, 4 of Huvishka, 1 of Vasudeva and 1 unidentified), see K. P. Jayswal Research Institute's *Report on the Vaiśālī Excavations*, 1958-1962. See also S. R. Roy, *A Guide to the Vaiśālī Museum*, pt II, pp. 16-17, Nos. C 49-59.

[33] For nearly 400 coins (23 of Vima Kadphises, 159 of Kanishka, 172 of Huvishka and 38 unidentified), see *JNSI*, vol. XII, pt II, pp. 121 ff.

[34] For 3 coins of Kanishka and 2 of Huvishka, see *ASI, AR*, 1936-1937, p. 50.

[35] For a hoard of 500 coins, see *Ann. Rep. K. P. Jayswal Research Inst.*, Patna, 1961, p. 4.

[36] For some coins apparently collected from the Darbhanga region, see *Ind. Num. Chron.*, vol. II, pt I, p. 82.

[37] For one coin of Kanishka, see *JBORS*, vol. V, p. 78, note 2.

[38] For a coin of Kanishka, see *Proc. ASB*, 1882, p. 113.

[39] Cf. B. Chatterjee, *The Age of the Kushans*, p. 238 and note 42.

[40] For a hoard of coins of Kanishka and Huvishka (together with imitation coins) discovered at Bhanjakia in 1923, see *ASI, AR*, 1924-1925, pp. 131-132; for some Kushan copper coins in the Baripada treasury, see *JNSI*, vol. II, p. 123. R. D. Banerji speaks of 112 Kushan copper and 282 imitation copper coins (*Hist. Or.*, vol. I, pp. 111 ff.).

[41] For a few coins together with imitation issues, see *JNSI*, vol. II, p. 124; vol. XIII, pt I, pp. 69-72.

[42] For a few coins with a large number of imitation issues, see *JNSI*, vol. II, p. 124; vol. IX, pt II, p. 107.

[43] For a hoard referred to by Beglar, see Cunningham's *ASIR*, vol. XIII, p. 116.

[44] For one coin, each of Kanishka and Huvishka, together with 4 imitation issues, see *Ancient India*, No. 5, p. 97.

[45] For the Manikaratna (Puri District) hoard, see Hoernle, *Proc. ASB*, 1895, pp. 61-65.

[46] *JNSI*, vol. II, p. 126; vol. XIII, pt I, p. 69.

[47] *Ibid.*, vol. XII, pt I, pp. 1 ff.; *Anc. Ind.*, No. 5, pp. 97, 100.

[48] See *JNSI*, vol. IX, p. 107.

[49] For a hoard of 910 coins, see *ASI, AR*, 1924-1925, p. 130. One of the coins bears the legend *tanka* on the reverse in Gupta characters.

[50] For a hoard of 548 coins, see *Proc. ASB*, 1895, pp. 63-66.

[51] *Madras Journ. Lit. Sc.*, N.S., No. 7, 1838, pp. 75-78.

[52] For a few Kushan copper issues and a large number of imitation coins, see *JNSI*, vol. II, p. 124; vol. IX, pt II, p. 107.

[53] For a few copper and imitation coins, see *JNSI*, vol. II, p. 124; vol. XIII, pt I, pp. 69-72.

[54] For 4 imitation copper coins found along with 2 genuine copper issues (one of Kanishka and the other of Huvishka), see *Ancient India*, No. 5, p. 97.

[55] For a hoard of 105 coins from Nuagaon, see *JNSI*, vol. II, p. 124.

[56] See Cunningham's *ASIR*, vol. XIII, pp. 72, 116.

[57] For a hoard of 363 coins discovered from the northern slope of the hill, see *JBORS*, vol. V, p. 78; *JNSI*, vol. XI, p. 107. The word *tanka* written on the coins in characters of the Gupta age was first noticed on the Rakha hill coins. See Allan's *Cat.* (*Anc. Ind.*), p. CXII.

[58] For a hoard of 93 coins, see *Ind. Cult.*, vol. III, pp. 727 ff.; *JNSI*, vol. II, p. 124.

[59] Cf. Sircar, *Stud. Ind. Coins*, p. 289.

[60] See Raychaudhuri, *PHAI*, 1938, p. 460.

[61] Cf. Sircar, *Cosmography and Geography in Early Indian Literature*, p. 140.

[62] *Comp. Hist. Ind.*, vol. II, p. 774.

[63] Pargiter, *The Purāṇa Text*, etc., p. 95.

[64] *Ibid.*, p. 2, notes 28-29. "Of the Magadhas, the king will be very valiant Visvasphani. Overthrowing all kings, he will make other castes [kings, viz.], Kaivartas, Pancakas (or Madrakas, or Madrakas and Yadus), Pulindas and Brahmanas. He will establish those persons as kings in various countries. Visvasphani the magnificent [will be] mighty, Visnu's peer in battle. King Visvasphani is said to be eunuch-like in appearance. Overthrowing the Ksatriya caste, he will create another Ksatriya caste. After gratifying the gods, manes and Brahmanas once and again, he will resort to the bank of the Ganges and subdue his body; after resigning his body he will go to Indra's world" (ibid., p. 73).

[65] Cf. Sircar, *Stud. Ind. Coins*, pp. 2-3, 11.

[66] Schoff's trans., p. 48.

[67] *Stud. Ind. Coins*, pp. 119 ff.

[68] Schoff's trans., p. 259.

[69] Some scholars identify the Murundas with the Kushans. Cf. *Ind. Cult.*, vol. III, p. 729.

[70] See S. K. Saraswati, *Early Sculptures of Bengal*, 1962, pp. 11 ff.

G. SHARMA, J. NEGI (ALLAHABAD, INDIA)

THE SAKA-KUSHANS IN THE CENTRAL GANGA VALLEY

(Mainly a Review of New Data from Kausambi)

Mr. Rosenfield's hope that the materials obtained by Allahabad University from its excavations at Kausambi will make it possible to judge more accurately the controversial issue of the easward expansion of the Kushan Empire[1] has been justified inasmuch as there now exists an almost conclusive case for postulating Kushan sovereignty in the middle Ganga regions. The direct epigraphic record of the Kushans is augmented and the foreign impact on the Ganga culture in the early centuries A.D. is revealed to be so impressive that the argument for minimising the historical importance of the inscriptional and numismatic documentations no longer appears formidable.

Kushan study at Kausambi inevitably involves the Sakas or Saka-Pahlavas. The evidence is, in fact, very largely a mixed one, pointing to a voluminous influx of Saka-Parthian and Kushan elements from the west in the early centuries A.D. The stratigraphy suggests appreciable pre-Kushan Saka-Parthian contacts, but soon the Kushans appear on the scene, perhaps marching along the routes opened up by their predecessors, and under their aegis the composite Saka-Parthian-Kushan tradition flourishes vigorously in the Gangetic valley. The striking extent it now acquires in the east cannot but be taken to reflect political domination of the Kushans, themselves largely the bearers of the antecedent mixed culture of the north-west.

Inscriptions

The identifiable Kushan epigraphic records at Kausambi belong to Kanishka. To the previously known inscription of the great emperor at this site[2], incised at the word of Buddhamitra, the excavations have added one which definitely bears his name, but in which the date is now lost. Another new inscription, due to the piety of the same learned and familiar nun, can be ascribed to his reign with plausibility, though the king's name in it is not preserved.

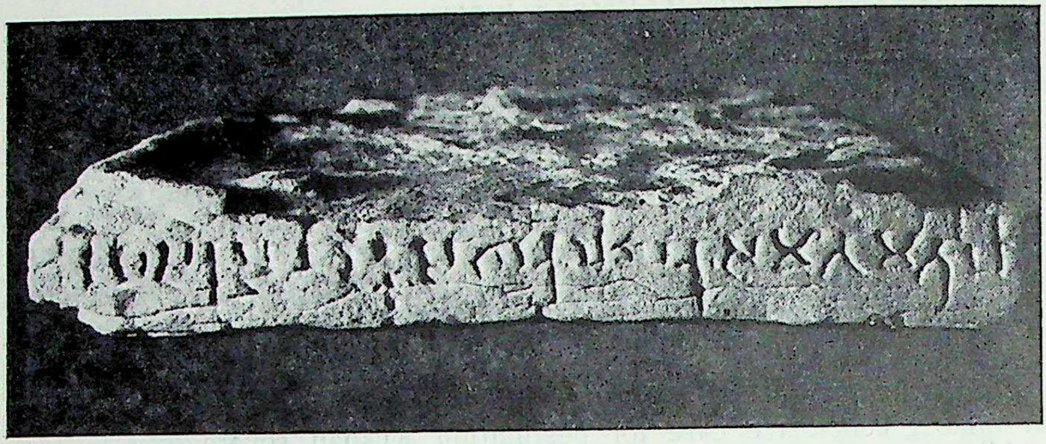
The first epigraph, already briefly noticed[3], reads:

1. Maharajasa Kan (i) shka . . . . 5(?)
   Bodhisattvam prat (i) . . . .
2. yati bhikhuni Buddhamitra (treptika Bhagava) to Badhasa
   camkkam (e)

The inscription is, like its companion document of the year 2 of Kanishka, engraved on the base of a Mathura (Karri) red sandstone Bodhisattva image. It shares this feature with the other record which also commemorates the religious act of Buddhamitra.

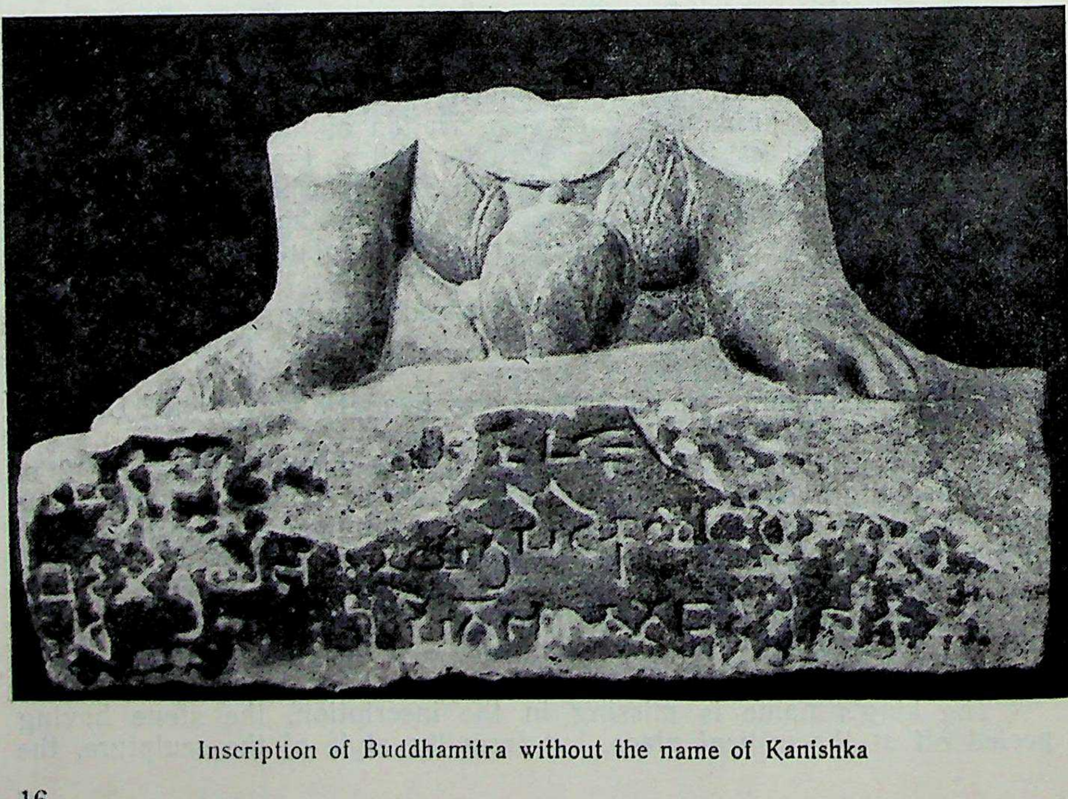
1. Maharajasya . . . . 6 He 3 . . . .
2. Buddhamitraye bhikṣuniye trepitikaye
   Bodh (i) sattv (o) (p) rati (stha)
3. pito Bhagavato Buddhasya ca(m)krame

The king's name is missing in the inscription, the stone having peeled off at the critical place, but from the style of the sculpture, the



Inscription of Layaka

Mathura stone, the manner of dating and the mention of Buddhamitra it can safely be inferred to be a Kushan document. The date in it was apparently specified in accordance with the usual Kushan system of giving the year followed by the month of the season and the day. Obviously the symbol resembling the Brahmi letter *ja* (*E* of the Roman alphabet) in the first line, just before the mention of Hemanta (*He*), stands for the year. To avoid misunderstanding, it may be stated at the beginning that the vertical stroke connecting the three horizontal ones in the symbol is unmistakably deliberate, so that the temptation to read it as 3 must be restrained. An almost exact correspondence can be traced between this symbol and the one deciphered as 8 by Bühler in the first line of an inscription at Mathura [4]. Subsequently the reading was corrected into 6, which appears quite plausible in view of the com-



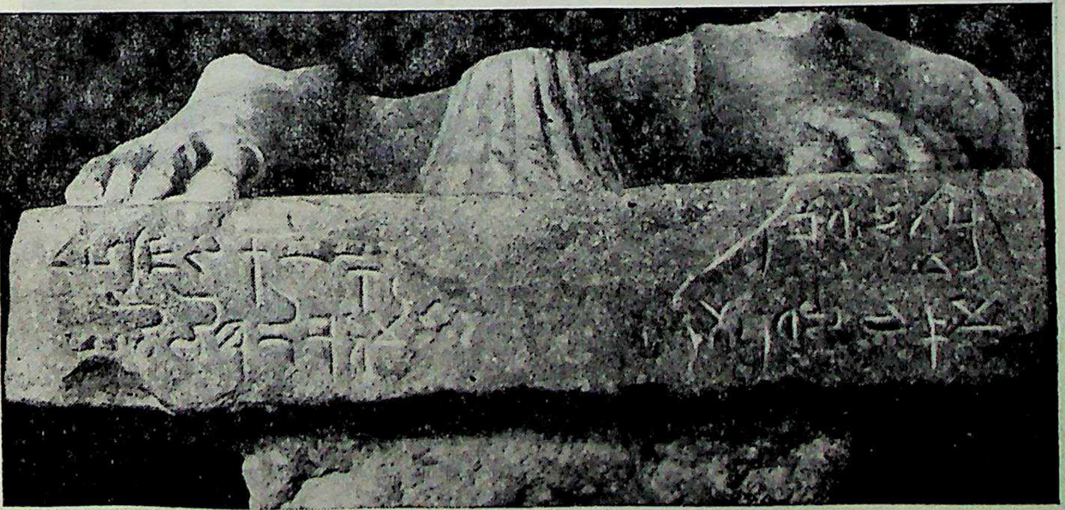
Inscription of Buddhamitra without the name of Kanishka mon Kushan form of that numeral[5]. The present symbol may also therefore be taken to be the figure for 6. If there was a decimal figure before it, the king mentioned in the epigraph may have been Vasishka or Huvishka. As, however, the lacuna between *sya* (in *Maharajasya*) and the *ja*-like symbol does not appear sufficient for accommodating a decimal figure besides the king's name, the date in all probability is the year 6, and the inscription may be ascribed to Kanishka (I), to whose reign the year belongs. The association of Buddhamitra can also be taken as pointing to that monarch rather than to a successor of his[6].

Buddhamitra installed Bodhisattvas at Kausambi on at least two different occasions, in the year 2, if this be the correct date of the Kausambi (Allahabad Museum) record[7], and the year 6. The present inscription was recovered from the ruins of the Ghositarama monastery, the traditional abode of the Buddha in the city. It is possible that the other image was also set up in the same monastic establishment, which was undoubtedly a leading Buddhist centre of Northern India.

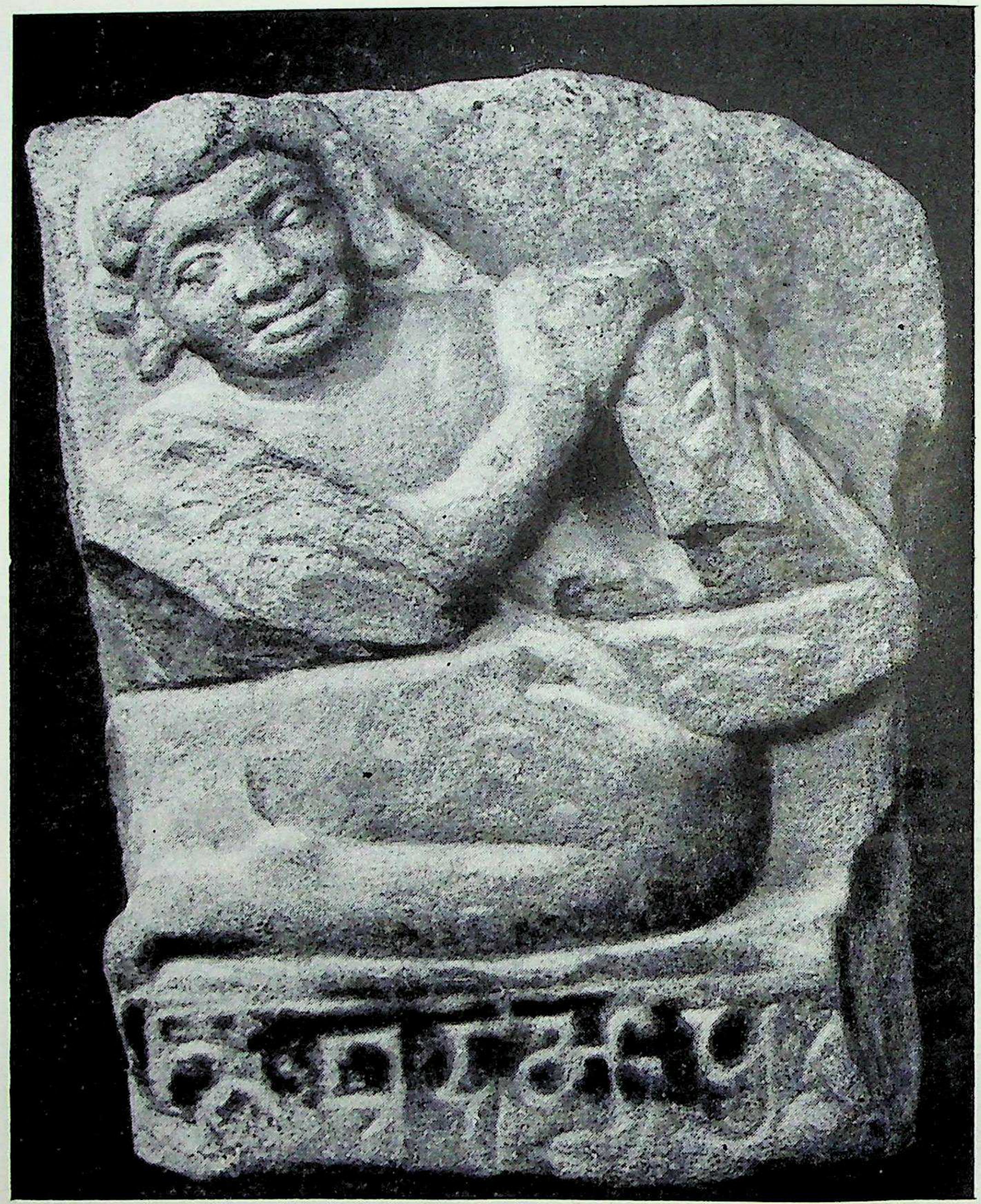
Another valuable Kushan find from Kausambi is a sealing of Kanishka. The sealing, the only one of the Kushan kings known so far, is rectangular in shape with a lug to one side. The impressions of the double threads in the lug clearly indicate that the sealing was affixed to some royal document. The fingerprints on the back of the sealing are quite clear. The legend reads:

1. (M)aharajasya rajati
2. rajasya devaputrasya
3. Kanishkasya prayo
4. ga[8]

The sealing has a symbol or monogram in the lower right-hand corner. The form of *sa* at all the four places where it occurs is looped. The manner of joining *ya* to other letters is also "Magha". These features might make it tempting to associate the sealing not with Kanishka (I) but with a later prince of that name, and this possibility has, of course, to be kept in view. But the preceding inscription takes back the antiquity of at least looped *sa* to the time of Kanishka (I), and stratigraphy also seems to point to him rather than to a subsequent potentate. It may be



Inscription of Buddhamitra with the name of Kanishka



Inscription of Naka, son of Hasthika

added that writing on seals, etc., is generally somewhat more advanced than in inscriptions on stone, which have a tendency to retain archaic forms for a longer time.

To date Kausambi has yielded as many as four Kushan inscriptions, including the inscriptions and sealing mentioned here. The repertory of "foreign" inscriptions is further expanded by the discovery of votive records of Saka donors, mainly from the ruins of Ghositarama. One fragmentary epigraph, now containing only the letters (*sa*) *ka* (*ke?*) *na Sa ka*[9], appears to be the record of the religious gift of a person of Saka nationality, who was a lay devotee (*upasaka*) of Buddhism. Alternatively, *sakana* may have been his personal name. A better-preserved inscription, incised on the top edge of a dharmacakra stone plaque[10], reads:

1. Symbol. Upasakasa Nadikasa Saka La(i) yakasa matu Mitrla . . . .

The name Layaka of Mitrla's son recalls the well-known Scythic name Liaka of the western epigraphs[11]. Whether Nadika is the title or office (or the home-place) of Layaka, or the name of a brother of his, the cryptic language of the inscription makes it hard to say. The script of the record is clearly Brahmi of the early Kushan epoch.

The inscription was recovered from inside a stupa together with ashes deposited in an earthen pot. Connected with it by stratigraphy was an important document, an ayagapatta, which conclusively settled the question of the identification of Kausambi by giving the name of Ghositarama. The writing on the patta, which was discovered on the floor above the ruins of the stupa containing the Mitrla slab, reads: [12]

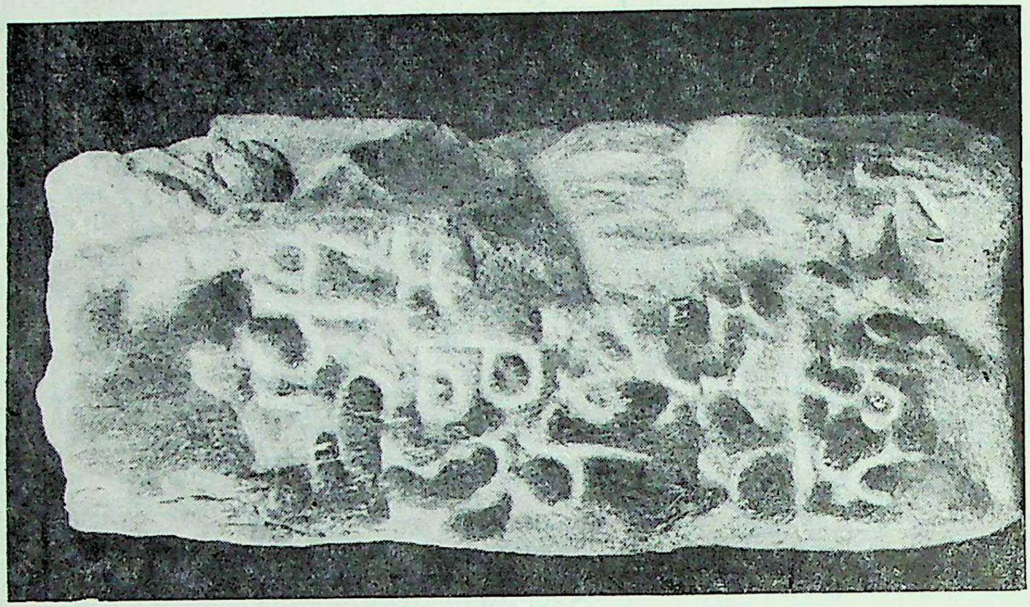
1. Bhayamtasa Dharasa amtevasisa bhikhusa Phagalasa
2. Budhavase Ghositarame sava-Budhanam pujaya sila kar . . . . .

Two Kausambi inscriptions invoking the authority of King Bhadramagha and mentioning the religious act of Juvasaka and Ujhaka, the son of Khunuka, are already before scholars[13]. Juvasaka at least was perhaps a Saka. Of about the same time is a puzzling record commemorating the installation of an image of Sakyamuni Buddha by Naka, the son of Hasthika[14]. Like Khunuka and Ujhaka, these names appear to be Scythic, Hasthika being comparable to Hasthuna of the Kharosthi inscriptions[15], but the point is, of course, not beyond doubt. Doubtful also is the nationality of persons like Bhapotika[16], whose sealings are known at Kausambi and whose names have an exotic ring.

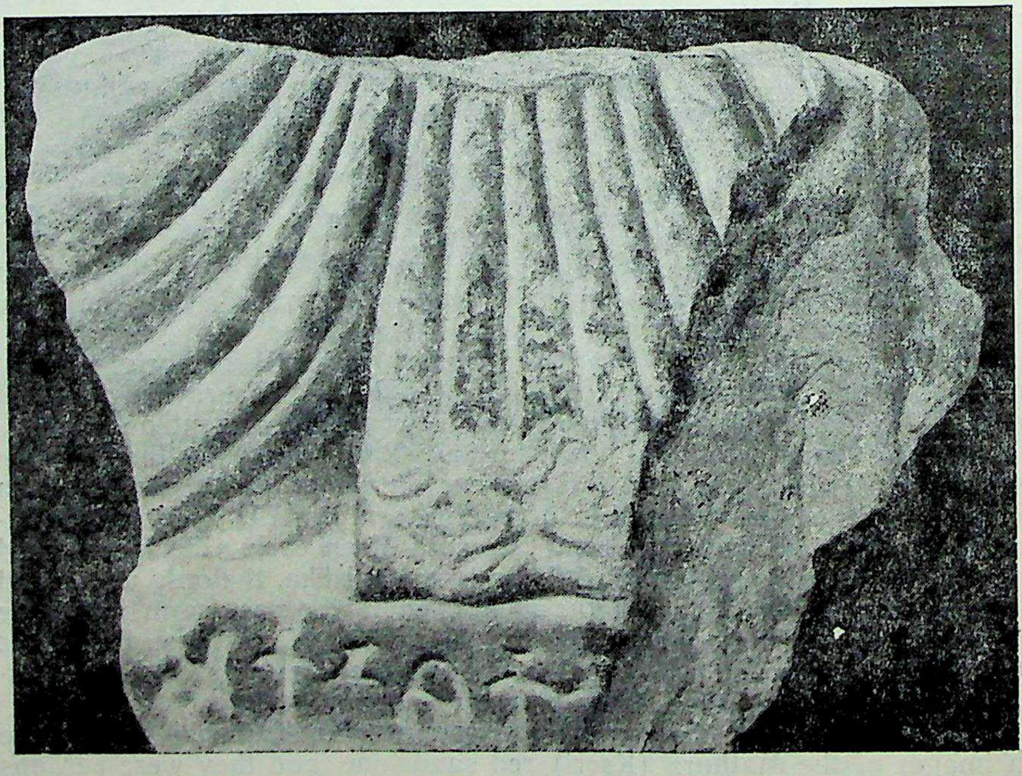
None of these inscriptions and sealings belong to a stratigraphic horizon earlier than S.P. V of KSBI-III, which is the period of the beginning of Kushan antiquities. Their palaeography, suiting the Kushan-Magha date, calls for no special comment.

The presence of Indo-Scythians in the other areas of the Ganga valley is attested by such epigraphs as the one mentioning the Saka donor Pharagula at Ahicchatra[17]. Names like Sivasaka and Saka occur in the Brahmi inscriptions from Bandhogarh, possibly the original seat of the Maghas of Kausambi, edited by Dr. N. P. Chakravarti[18]. Older excavations at Bhita, Sahet-Mahet and other places present on sealings names which may have been borne by Saka-Parthians[19]. On the southern frontier of Madhyadesa, a Saka resident or visitor of Tripuri, Vithuda Saka, has left a seal belonging to the 2nd century A.D.[20] Fleet's postulation of Parthian origin for King Sisupala of an early Ghazipur record is, however, highly problematical[21]. Besides Kanishka, the only undoubted Saka-Kushan of the ruling status mentioned in the east seem to be the Mahakshatrapa Kharapallana and the Kshatrapa Vanaspara, the Great Queen Prabhudama of two Vaisali seals and the Great Queen Murundasvamini, the mother of the Uccakalpa ruler Sarvvanatha.

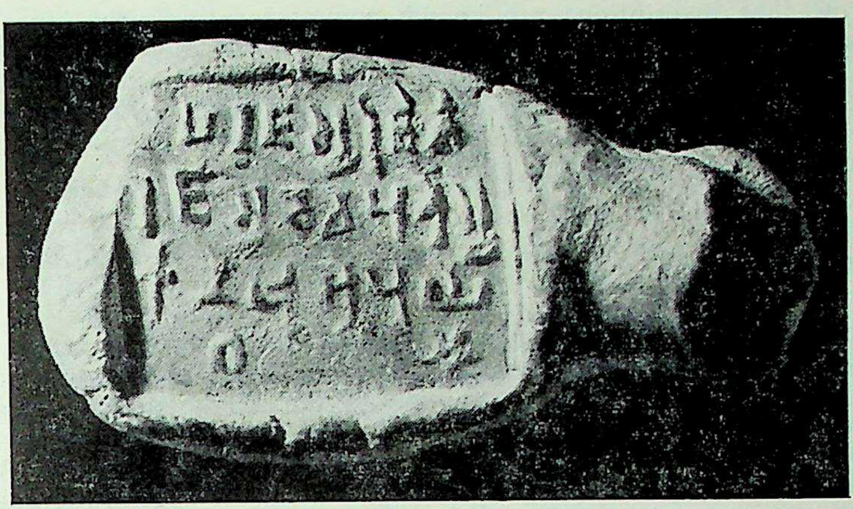
It is true that all the eastern inscriptions with Kanishka's name are on images of the Mathura (Karri) red sandstone, and they were perhaps fashioned in the Mathura studios. It may also be conceded as probable that their donors were not residents of any of the places of dedication, but pilgrims from Mathura. But in arguing from this, with J.Ph. Vogel[22],



Inscription of Naka, son of Hasthika



Inscription of Sakanasaka



Sealing of Kanishka

that the data are only sufficient to "prove that the donors belonged to the territory of Kanishka and not that the territory was under Kanishka",[23] do we not adopt an over-cautious approach to the evidence? Pilgrims to holy centres could no doubt import images for installation from any part—and the more influential of them would naturally be eager to bring in products of the Mathura art if "Eastern India lacked an art of its own"; but that they had the liberty of setting up even private records of donation mentioning their own kings as the ruling monarchs in the territory of others, without any allusion whatever to the independent local chiefs, can only be accepted when such liberty has been positively demonstrated, which has not been done. To ask that injunction be cited "against the people in general banning the use of dates of their own choice on their records"[24] is to put the cart before the horse. It is not merely the question of private persons using "dates of their own choice", it is the question of the actual mention of Kanishka as the current sovereign in connection with events at Sarnath, Sravasti and Kausambi. Though later Kanishka's regnal dating did become an era, it could not have been regarded as a customary *samvat*, to be used freely anywhere without offence to anyone's prestige or independence, so early as the year 2. For argument it may be agreed that if an image is brought from Mathura, inscription and all, it may be allowed to be set up, in order to avoid waste, even if it mentions the sovereign of Mathura and not the local potentate, but one can hardly imagine courtesy being carried to this extent if the record of dedication on the image is incised locally in the eastern centre. It would be almost certain to be sternly disallowed as a deliberate defiance of the local ruler's sovereignty; one would suppose that the scribes and monks of Kausambi would be reluctant to cooperate. That the inscriptions on the Kanishka images were locally engraved cannot be doubted, as they give not only the years and seasons, but the actual days[25] of consecration, which could scarcely be exactly anticipated at distant Mathura in those remote days of difficult and insecure travel conditions. Nor do the days have any particular ritual significance to enable us to entertain the hypothesis of deliberate antecedent selection.

Now that inscriptions are known commemorating occasions widely separated in time, the view that Kanishka was mentioned in them without actually having exercised jurisdiction over the east is more difficult to uphold. Kushan government, or at least Kushan sovereignty, seems to be implied in these records. In relation to Kanishka, if not to his descendants, scepticism appears to be uncalled for.

Coins

Saka-Pahlava coins are conspicuous by their absence in the mass of antiquities unearthed at Kausambi. Surface finds are of course known. A number of them have been supplied to the Allahabad University by Rai Bahadur B.M. Vyas and Sri Jineshwar Das, eminent antiquarians of Allahabad. The kings represented in the coins are Rajuvula (A/217), Hagāmasa[26] (A/62) and possibly Sodasa under the legend-juvulaputasa (A/214). On some issues (e.g. A/215, 216), only "Khata" (a part of Khatapa) can be read. The provenance of some coins (e.g. A/50 Pur.) of the Western Kshatrapas of Malwa and Saurastra is not recorded. It is, however, to be noted that during its many seasons' diggings Allahabad University has not come across even a single coin bearing a recognisable Saka name. The Kushan record is much more positive. Besides the considerable yield of explorations—the Vyas and Das collections alone are sufficient indication—the excavations have brought up a large number of Kushan pieces, all copper, struck in the name of Kanishka, Huvishka and Vasudeva[27]. They are not only isolated finds; some are from a mixed Kushan-Magha hoard. Vasishka is still unrepresented, while Vasudeva is represented by a single piece[28].

No "imitation" Kushan coins, attested at Ahicchatra[29], Mathura, etc.[30], were discovered in the excavations, though their minting at Kausambi is possibly indicated by a piece ascribed by Dr. A.S. Altekar to a local Kushan governor of the city[31]. Other examples of imitation are known[32], some can be seen with Sri Das. The excavations have not reported the use of Kushan coins as amulets[32a]. The only object of the possible category of amulet identified in the excavations was a "Roman" clay bulla[33], paralleled by bullae from Sisupalgarh, Rajghat and other places[34]. It is probably a local copy of Roman bullae.

A unique copper coin with the legend *Kosambi(ye)* in the Kharosthi script was acquired by Rai Bahadur B.M. Vyas. City-coins of Kausambi with Brahmi legend have been published[35], but none with legend in Kharosthi. The piece must be regarded as a highly significant memorial to Saka-Kushan influence at Kausambi.

Issues of the Later Great Kushans do not figure in the present excavations either; and if they were at all found previously, their number is certainly not large[36]. The Kidarites (who, however, may have been Huns)[37] have a somewhat better representation, the occurrence of their coins at Kausambi having been noticed before. A few coins (e.g. A/40, 41) were recently obtained by the University from Sri Jineshwar Das, who possesses some more. Incidentally, Sri Das also supplied a coin of Apollodotus, which should be interesting so far east. We are stating on his authority and on that of Mr. Jagdish Tandon, a young Allahabad collector, that more Indo-Greek coins are known at Kausambi and Ahicchatra. Sri Das has also a Parthian coin from the latter site.

The wide prevalence of Kushan money in the whole of the central Gangetic tract is a matter of authentic record[38]. A noteworthy numismatic fact is the mention of Kushan coin moulds at Bhita by Marshall[39]. In recent excavations Kushan coins are reported from Ahicchatra, Vaisali, Sohagaura, Maon and Atranjikhera. At Kausambi they are entirely confined to S.P. V and VI of KSBI-III. The former is dated on stratigraphical evidence c. 25-100 A.D., the latter c. 100-175 A.D. The archaeological dates are now confirmed by C-14 determination, which gives for Road IV (S. P. IV) 115±100 B.C. Most of the Mitra coins are from this sub-period. The radiocarbon date for Road V (S.P. V) is A.D. 50±120. Many of the Kushan coins and antiquities are from the stratum of this road. The coins are thus within the Kushan chronological horizons, and the evidence of these excavations at least lends no support to the conclusion that "no coins of the Kushans were current within first-second century A.D. in eastern U.P., Bihar and Orissa, which means that the Kushans had no hold over these regions."[40] In fact the Kausambi data, which should be more pertinent for the history of the central Ganga area than the tenuous indications of Sisupalagarh[41] or Viratgarh[42], look like suggesting that Kushan money was current in central and eastern U.P. only during the actual period of Kushan hegemony, after which it was withdrawn or withdrew itself, being substituted by copies or indigenous money. Details of the excavations at the other sites are awaited, but it is known that all of them place the Kushan coins in a remarkably uniform stratigraphic setting, none indicating a date later than A.D. 300 or 350: Ahicchatra (c. 100-300 A.D.)[43], Pataliputra (c. 100-300 A .D.)[44], Kumrahar (c. 100-300 A.D.)[45], Vaisali (c. 100-300 A.D.)[46], Sohagaura (Ayodhya, Pancala and Kushan, Period III)[47], Mason (Period III—c. 100-200 A.D.)[48] and Atranjikhera (c. 200 B.C.-300 A.D.)[49]. When the exact stratigraphy is explained, the Kausambi dating limiting Kushan money to the strata of first-second century A.D. may well be confirmed. Already, Mason seems to be in line.

The much emphasised numismatic argument of averages is scarcely sufficient for excluding the Kushans from Kausambi and the other eastern sites. If more than twenty kings flourished in Mathura, which the Kushans certainly occupied in the earliest years of Kanishka, if not before, between c. 200 B.C. (the usually accepted date of the beginning of the post-Mauryan Mathura coins) and the beginning of Kushan sovereignty, there is no reason why the Kushans should be eliminated at Kausambi for accommodating practically the same number of the so-called "Mitra" kings and their few predecessors[50]. At the other end, the two (or one and a half) centuries between the withdrawal of the Kushans, possibly early in the reign of Vasudeva, and the Gupta conquest in the middle of the 4th century A.D. is also adequate for the kings, about a dozen or so, assigned to this era, according to the Mathura averages. The chronology of Kausambi is thus not seriously disarranged by the insertion of the Kushans in it, as some have feared. The numismatic situation in Pancala and Ayodhya, similarly cited as the basis for keeping the Kushans out, is actually easier, as the number of the post-Maurya pre-Gupta "local" chiefs of these places, revealed by coins and inscriptions, is smaller than at Kausambi[51].

The Kushan intrusion at Kausambi effected a break in the series of the Mitra coins. From this site at least it should not be argued that no such break is discernible in the local coinages of Northern India, which may be due to the coming of the Kushans[52]. No one acquainted with the coins of the later kings of Kausambi, like Neva, the Maghas and others, will assign them to the same series as that of the Mitras. Symbols like the arched hill, tree-in-railing and bull are of course common, but in fabric, weight execution and legend the later issues are so different from the earlier that they clearly form a separate category. A departure of this kind from the established tradition is probably to be explained by an interregnum of extraneous rule. It is also noteworthy that no later coins were found during the excavations in the same strata with "Mitra" issues. The "Mitra" coins cease with S.P. V, which has also produced some Kushan money from the concluding phase. But the coins of Neva are attested only from the last phase of S.P. VI onward, while those of the Maghas are not noticed before S.P. VII. A numismatic gap between the early Mitra and the later dynasties is thus suggested by stratigraphy too.

The familiar conclusion of the Maghas having been the immediate successors of the Kushans at Kausambi[53] appears to be controverted by the testimony of coins and stratification. Dr. K.P. Jayaswal's intuitive characterisation of King Nava (or rather Neva) as the heroic Indian who ousted the Kushans from Eastern U.P. has some support in Kausambi archaeology[54]. Neva was not a Naga, as Jayaswal thought him to be, but he was also almost certainly not a Magha[55].

The Bhita moulds referred to by Marshall[56] are not the only ones of the Kushans known to the Allahabad (Kausambi) region. The mould of a gold type of Vima Kadphises from Jhusi is being published by Sri R.R. Tripathi of the Allahabad Museum, who is also publishing a mould of Western Kshatrapa coins from the same site. The question if these moulds were meant for genuine coins (which, however, is extremely unlikely in the case of the Western Kshatrapas), imitation issues or forgeries is worth investigating[57]. It is also possible that they were brought as curios or mementos from outside. Coin devices on seals are of common occurrence[58], but in such cases the accompanying legends are lacking.

Arrowheads

Plausible in itself[59], Marshall's attribution of certain types of arrowheads to the Indo-Greeks, Saka-Kushans and Huns at Taxila[60] receives some confirmation from Kausambi. The position in the city on the Jamuna appears to be more compelling, as the exotic types are here limited to the strata of suggested foreign invasion or occupation. At Taxila the types, once introduced, seem to have continued in the subsequent periods[61], being made and remade, but the same cannot be said of Kausambi. Here the types are confined to periods of Indo-Greek, Saka-Kushan or Hun invasion. The intervening periods of purely Indian rule, those of the Mitras, Maghas and Guptas, are devoid of them. It seems that the native communities did not favour the alien tradition in this respect.

The Saka-Kushans used the highly specialised, and definitely intrusive, three-bladed arrowheads[62] listed as type (J) with eight varieties[63]. A single piece belongs to S.P. III 14 (c. 255-185 B.C.)[64]. It is probably a stray specimen used in the siege of Kausambi by some Saka soldier of the invading Greek army about the beginning of the 2nd century B.C. Central Asian Sakas had been the neighbours of the Greek principality of Bactria, and they often figured as mercenaries in foreign armies[65]. The rest of the eleven pieces are all from S.P. IV 18 and 19 (c. 25-165 A.D.), with two exceptions, probably accidental, from S.P. IV 17 (c. 45 B.C.-25 A.D.)[66].

To S. P. IV 19 belong some arrowheads with barbed blades (K 1)[67].

They would also appear to have been due to the Saka-Kushans. The other sub-types of barbed-bladed arrowheads, K 2 and K 3 (three-bladed) and K 4, are "confined to the extensive devastations after S.P. IV 24"[68]. These devastations are thought to be due to the Huns.

Though Kausambi has not shown the barbed four-bladed arrowheads, ascribed to the Huns at Taxila, it is not unreasonable to surmise from the stratigraphy that K 2, K 3 and K 4 are from the fighting equipment of the Hunnish hordes that dealt a grievous blow to the city early in the 6th century A.D. As noted, the antiquity of the barb goes back to S.P. III 19. Conceivably the Saka-Kushans might have been the authors of the three-bladed barbed type too, as also seems to be indicated by No. 88 on Pl. 165 in *Taxila*, vol. III.

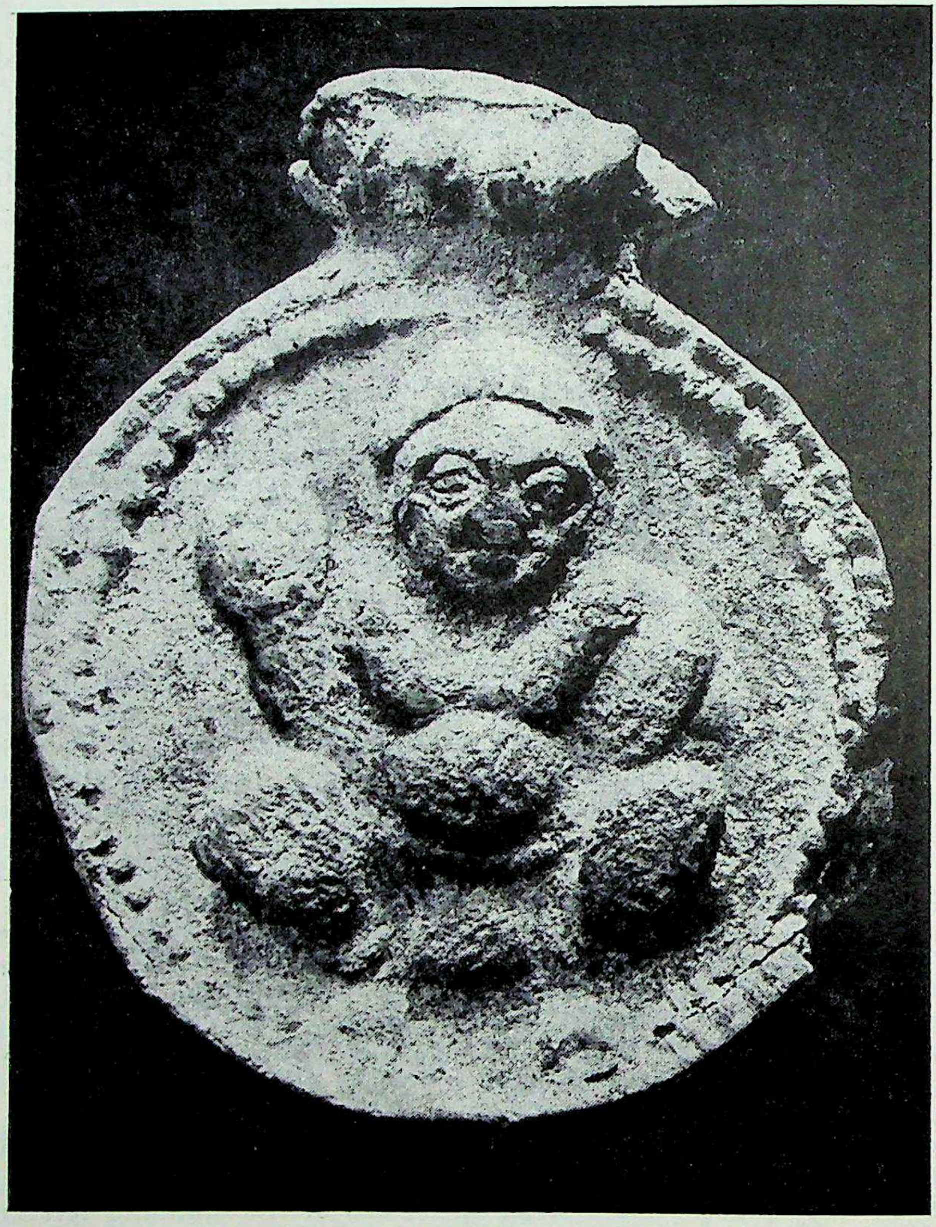
Three-bladed arrowheads with barb occur in the first centuries of the Christian era and much earlier at archaeological sites in Central Asia[69]. Although most published examples seem to be socketed, some are of the tanged variety, and it is possible that the type provided the model for the barbed-bladed missiles used by the Saka-Kushans, and later by the Huns, in the Ganga plain.

Terracotta Figurines and Objects

More than anything else, the problem of the Saka-Kushans at Kausambi owes its fascination for the historian and the archaeologist to the very large number of "Saka-Parthian" and "Kushan" terracotta figurines and objects yielded by the excavations. It is as if the advent of new peoples has initiated an altogether new, and strangely attractive, chapter in the art history of the town. Evidence of a different aesthetic and plastic idiom is almost overwhelming. The new impulse has also had a vigorous impact on the ceramic traditions of Madhyadesa.

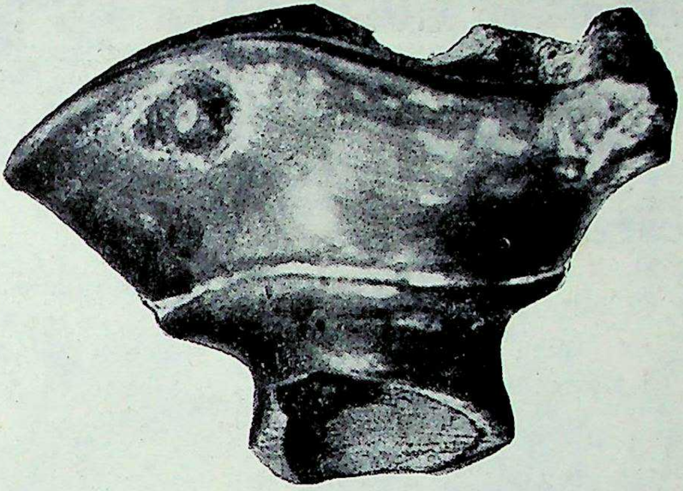
"Figurines recovered from sub-periods V and VI constitute a homogeneous group, sharply defined and differentiated from the figurines of the earlier sub-periods (Pls. XXIII-XXIX A). The theme and the technique of manufacture are entirely different. Almost all the figurines of this group (Pls. XXX A-XXXIII A and B) are hand-made and crude in appearance. Usually different parts of the body were made separately and added together before firing. The clay was much coarser and not as levigated as in the case of early hand-made figurines (Pls. XXIII A and B). Firing was uneven and the core invariably remains insufficiently burnt. They provide the earliest specimens of free-standing terracotta figurines in the round. The technique of representation is entirely different from that of mould-made figurines (Pls. XXIII B to XXIX A).

"The change in the theme is still more pronounced. Even a cursory glance at these figurines leaves no room for doubt that they represent a fundamental departure in tradition. The reclining figurines (Pl. XXXI, 2, 3 and 5), drummers (Pl. XXX B, 1), women with double-knobbed head-dress (Pl. XXXI, 4), men with peaked caps (Pl. XXXII A, 1 and 2), mother-goddesses with heavy breasts (Pl. XXX A) and devotees placed in the shrine of the mother-goddesses (Pls. XX, XIV B and XXX A and B) are objects completely foreign to Indian tradition. A study of the dress, ornaments and decoration of these figurines also demonstrates clearly the change in the cultural tradition. The male and female dress, the dhoti and the uttariya, so very familiar from Sanchi, Bharhut, Amaravati and contemporary terracotta materials from different parts of Northern India, is completely absent. On the other hand, these figurines



Clay bulla

offer for the first time evidence of the use of full-sleeved stitched garments for the male and female, viz., trousers, chitons, himations, etc. (Pls. XXX A, 1; XXX B, 2 and 5; XXXIII and XXXVI A). The fine and heavily-bedecked head-dress of the figurines (Pls. XXIII C and XXIX A) is replaced by uncouth and barbaric peaked caps. The rendering of the details of the body in these figurines has none of the elegance, tenderness and sophistication of the truly Indian figurines. If they are less stylized, they are, on the other hand, more virile and bear a much greater sense of movement and life. The rhythm and the realistic touch in the drummer (Pl. XXX B, 1) is altogether missing in the truly Indian terracottas. The male heads (Pl. XXXII A) are much more masculine, rugged, uncouth and forceful than the other male heads (Pl. XXVII A). These figurines have very close parallels in objects recovered

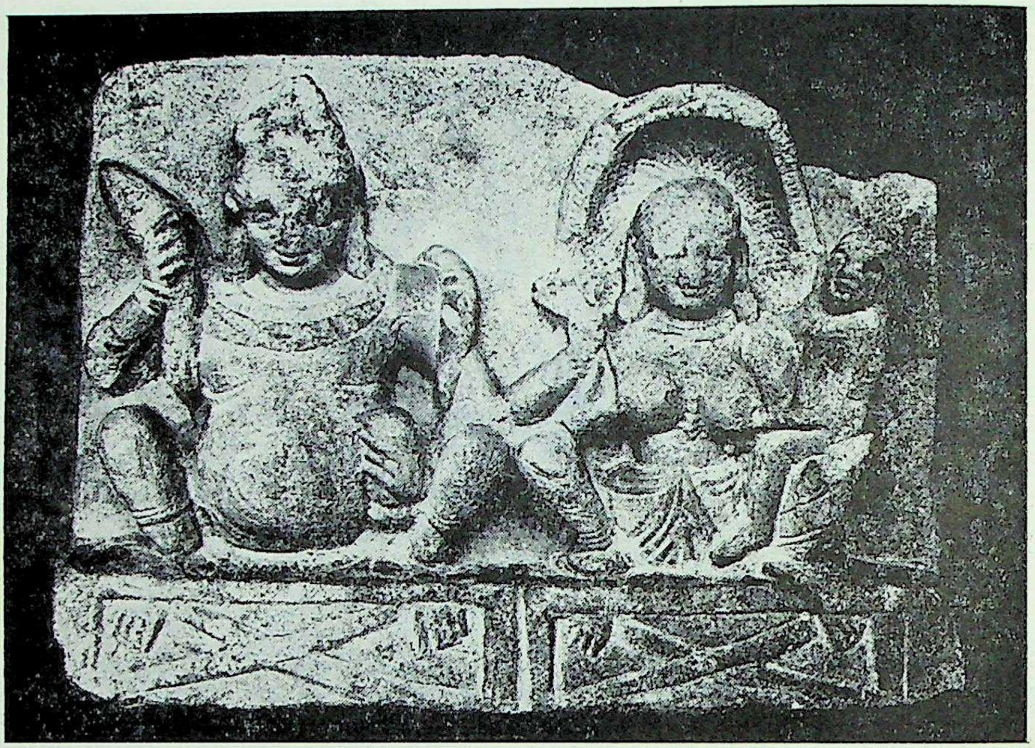


Enohoya

from Saka-Parthian sites outside India. The seated mother-goddess (Pl. XXX A), the votive tank, the drummer with a peaked cap, the dancer with bell-shaped base finished off at hip-line, the musician (Pl. XXX B) and the reclining woman (Pl. XXXI, 3 and 5) are well-known Parthian types and have close parallels from various Saka-Parthian sites. The fashion of hair-dressing described as the two-knobbed head-dress by Van Ingen has been noted ever since Parthian figurines were known[70]. The tall pointed cap (Pl. XXXII A, 1-2 and Pl. XXXIX B) is known to have been an attribute of oriental priests in Saka-Parthian regions outside India in different periods[71].

"The complete absence of these types from the earlier levels, coupled with their outlandish shapes, sharp differences in dress, ornament and decoration, and close parallels from distant Saka-Parthian sites like Seleucia, Dura, Uru-Warka, etc., leave no room for doubt that they represent the Saka-Parthian cultural stream. Stratigraphically they all belong to the 1st and 2nd century A.D., a period when the Saka-Parthians, through conquest and trade, had made deep penetrations into North-Western and Northern India. Figurines 1 and 2 on Pl. XXX A and figurine 1 on Pl. XXX B are representations of or are connected with the great mother-goddess. It is clear from all these three specimens that they were meant to be shown seated in shrines of mother-goddesses or votive tanks. The ground of the shrine on Pl. XXX A, 1 can be clearly seen underneath the feet of the seated deity. A surface-find, recently acquired, actually shows an identical type seated against the wall in a shrine of the mother-goddess. In Pl. XXX A, 2 the bottom of the figurine clearly indicates that it was detached from a shrine. The back of the drummer with peaked cap (Pl. XXX B, 1) again clearly shows that it was set against the wall of a shrine. These are, therefore, either actual representations of the mother-goddess or are connected with her cult.

"Three specimens of reclining female figurines are illustrated (Pl XXXI, 2, 3 and 5). Of these, 2 and 5 are draped and 3 is nude. For the meaning of these we have to depend upon the evidence of Seleucia and other sites, where they have been identified as the oriental mother-goddess[72].



Kubera Panchika

"Plate XXXI, 4, a female head with a two-knobbed head-dress, was disjoined from its body (Pl. XXXIII B, 1). Similarly, the female head with a two-knobbed head-dress and a seated female with a child in the lap (Pl. XXXIII B, 2) represent the mother-goddess.

"The musicians and the dancers (Pl. XXX B) seem to have had at Kausambi as elsewhere a religious or musical meaning and they were attached to the shrines of the mother goddess. As pointed out above, the evidence in case of the drummer with a peaked cap is decisive.

"The religious character of the votive tank is recognised by all students of the subject. The popularity of this type is shown by its comparative frequent occurrence. In certain cases a bird is shown perched on the wall (Pl. XXXV B, 2). In some other cases lamps are set on the top of the walls or at the base of the shrine (Pl. XXXIV B). That the seated figures are devotees of the mother-goddess is made clear from a recent surface-acquisition, which shows three drummers seated inside against the wall of the tank or shrine (Pl. XXXV A). The type as reconstructed from all these examples closely conforms to similar types at Taxila and Ahicchatra.

"In the present stage of our knowledge the real meaning and significance of the male heads (Pl. XXXII A) cannot but remain obscure. Some of them, particularly the ones with a peaked cap and beard or with long pointed furrowed cap, may be representations of priests.

"In view of the material referred to above, the occurrence of the Saka-Parthian types at Kausambi poses a very important question. Stratigraphically they belong to the 1st or 2nd century A.D. It is difficult to believe that such crude and fragile material could have been imported from a distant place. In all probability, therefore, they are local products to meet the religious requirements of a group of people at Kausambi and elsewhere. The occurrence of many Saka names in the inscriptions, excavated subsequently in the Ghositarama area of Kausambi, lends further support to the view that there was some colony of Saka-Parthians at Kausambi in the 1st-2nd century A.D. It is difficult to explain the occurrence of Saka-Parthian terracotta types during this period at Mathura, Ahicchatra, Sankissa, Kausambi, Nandangarh and Basarh except in terms of active Saka-Parthian contacts during this period."

This long extract reproduces the text of the *Memoirs of the Archaeological Survey of India,* No. 74[73], the numbers of plates indicated in the body of the text being those of the *Memoirs.*

From sub-periods VI and VII, and very rarely from sub-period VIII, comes another class of terracotta figurines (Pls. XXVII A, 4 and 5; XXXVII A and XXXVIII A of the *Memoirs*) prepared both by hand as well as by mould, for which there is some reason to be identified as typically Kushan. The moulds of these sub-periods are, however, very different from those of the earlier sub-periods II-IV, lacking as they do the elegance, refinement and exuberance of details in the background, of the previous series. "They are rough, crude and shallow and the figurines produced therefrom are practically devoid of ornaments and decorations and look like impressions in clay." The technique of the hand-made figurines has no special features. The figurines of this group are simple, complex compositions being few. Their particular association with the Kushans is suggested by the ethnic type they seem to represent; the long face, prominent nose, protruding lips, prominent cheekbones and sunken cheeks characterising them do not fail to recall the similar figures depicted on Kushan coins.

Gordon, after demonstrating the Saka-Parthian origin of several figurines of the so-called Hellenistic style in the Gandhara area[74], drew attention to the occurrence of these types at Mathura, Basarh, Nandangarh, Sankissa and Hastinapur. Even apart from the striking Kausambi finds, the evidence for the mid-Ganges regions is more imposing than would appear from Gordon's note. In the early centuries A.D. the new experiment seems to have been carried out in greater or lesser degree practically all over the tract.

Broken votive tanks representing the shrine of the mother-goddess were unearthed at Rajghat, Banaras[75]. The Mason (Ghazipur) excavations report "terracotta figurines revealing foreign influence in facial features and dresses" dating from the 1st-2nd centuries of the Christian era[76]. A short preliminary search in the recently discovered site of Nahush-Ka-Tila in the Azamgarh District has yielded a terracotta human figurine showing clear Saka-Parthian affiliation in the facial features and head-dresses[77]. From the Kushan stratum at Sohagaura (Gorakhpur District) comes "one terracotta human figurine with foreign features"[78]. Human figures with "typical Kushan head-dress" are noticed at Buxar (Shahabad District) in Period II, "along with the ceramics of the early centuries of the Christian era"[79]. Dr. A.S. Altekar's efforts at Kumrahar were rewarded with "four terracotta figurines with peaked head-dresses worn by Indo-Scythians" and two votive tanks[80]. He dated them c. 100-300 A.D. Vaisali reports "terracotta human figures with typical Kushan turban along with deep bowls and sprinklers from the lower levels of Period II"[81]. Chirand (Saran District, Bihar) has produced "terracotta figures with marked foreign features of the Kushan tradition"[82] datable between c. 100 B.C. and c. 250 A.D. Votive tanks with human figures inside were found at Bhita, where they were described as "dishes probably representing shrines"[83]. They were accompanied by human figures with marked foreign facial features[84], belonging to Kushan levels. "Saka-Parthian" terracottas similar to those from Kausambi are recorded at Kasia[85] and Sarnath[85a]. On the border of our area, Ahicchatra seems to be prolific in Saka-Parthian and Kushan clay antiquities, including dwarfs, musicians and votive tanks with identical figures[86].

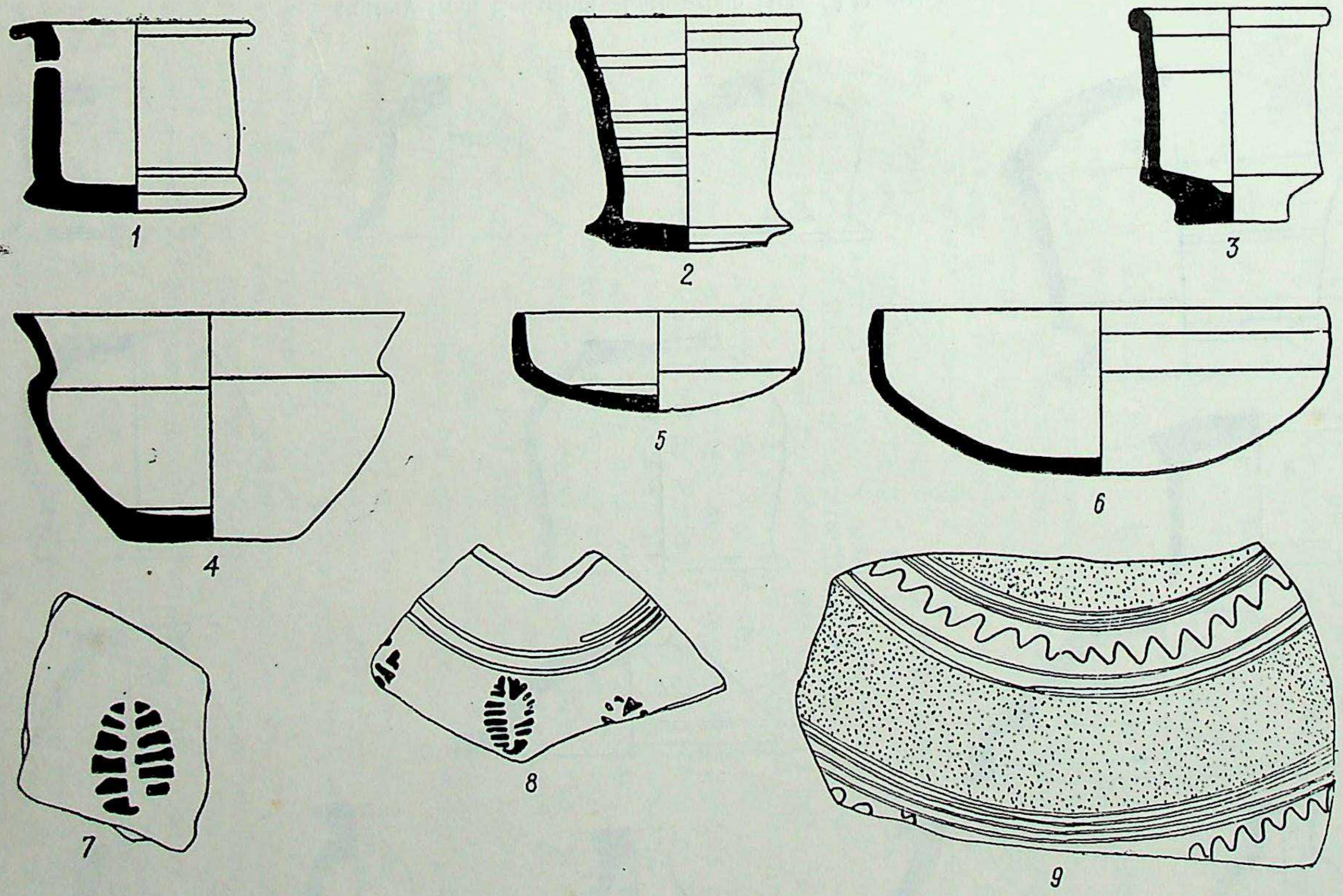
Pottery

Analogous to the terracotta story, new developments took place in the ceramic industry in the various Gangetic centres. The great achievement of Sir John Marshall in isolating the foreign traits in the voluminous finds of Taxila is a romance of Indian archaeology. Having identified many early Greek and Hellenistic wares, he was critical enough to note that "several of them do not make their appearance at Taxila until after the advent of the Parthians, who, as we have already seen, had a great partiality for anything smacking of Hellenism and were responsible for introducing into the north-west much of the Yavana culture which has usualy been attributed to the Bactrian Greeks"[87]. Of other vessels of a Parthian, rather than Greek or Graeco-Roman origin, he mentioned the glazed amphorae, numerous bell-shaped and carinated vessels of medium or small capacity, goblets with deep flared mouth, constricted neck and horizontal ribbing, and small handled censers[88].

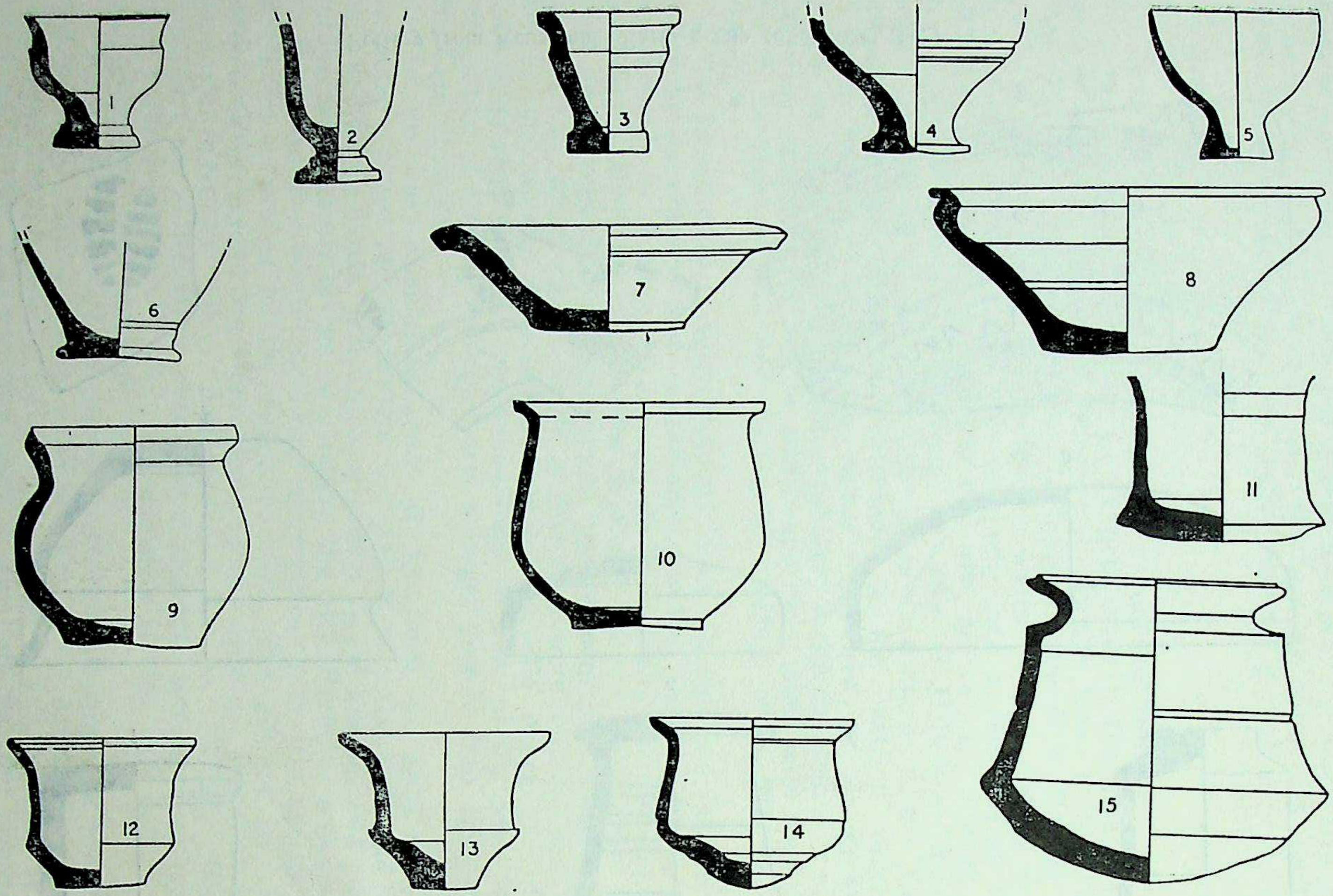
The Taxila story is now continued in the Punjab and the Gangetic valley by excavations and explorations. All the Parthian types, which are probably to be described as Saka-Parthian-Kushan, do not appear in the Ganga valley; for example, the amphorae are not noticed. But at the same time Madhyadesa has yielded new types, demonstrably Saka-Parthian and Kushan, which do not figure at Taxila or were not noticed there. Another noteworthy development is a considerable expansion of our knowledge regarding the non-Indian links of some of the types by the recognition of striking analogies over a larger area in Iran, Afghanistan and Central Asia[88a].

To the Saka-Kushan influence at Kausambi we apparently owe carinated waisted vessels, beakers and goblets with flat rims and footed base and flared mouth, incense burners with looped handles and possibly surahis with heavily decorated handles. The Saka-Parthian workmanship of these vessels, whose incidence commences with sub-period V of KSBI-III, is proved by the Taxila parallels. The goblets are noticed farther afield beyond the Hindu Kush, where they are distributed over Khorezm (Fergana valley), Sogdiana and Bactria[89]. A few dishes of dull red ware at Kausambi bear comparison with similar types reported from Tulkhar cemetery[90], while certain vases treated with red wash on both sides establish a link with Yazdepe[91].

Kausambi pottery of this group ranges in date from the 1st century A.D. to the 3rd century A. D., while on the Central Asian sites its dates vary from the 2nd century B.C. to the 2nd century A.D. There is little doubt as to the Saka-Kushans being responsible for the introduction of these new types which are listed under group II A at Kausambi. Besides this new stream of ceramic influence from outside, there can be perceived another flowing over the Ganga valley from an earlier epoch, which provided the impulse for the manufacture of potteries ascribed to the "foreign" group I. Among the important types associated with this early



Pottery from Kausambi—Early group (c. 500-200 B.C.)


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15

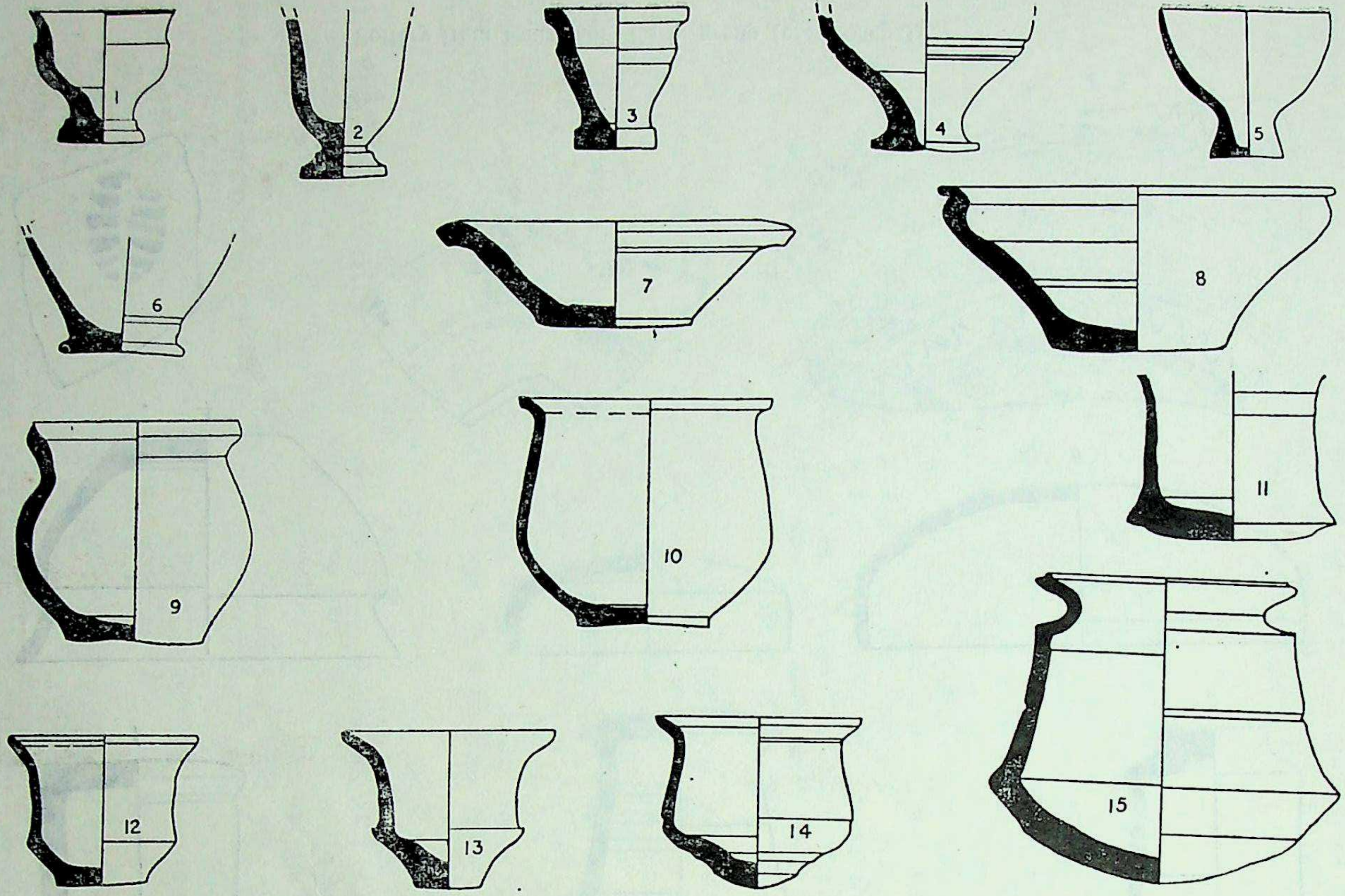
Pottery from Kausambi—Late group II B (A.D. 100-300) group are cylindrical conical bowls, bowls with everted rim, concave neck, carinated shoulder, convex body and flat base, and a few stamped floral designs[92]. Of these, the cylindrical conical bowl is the most important type, having a wide distribution over Khorezm[93], Sogdiana[94], Margiana[95], Northern Bactria[96], Southern Bactria[97] and Seistan[98]. In these regions, the types belong to the Achaemenian period between the 6th and 4th centuries B.C. In Kausambi they are datable 5th-2nd centuries B.C.

It would appear that in the Kushan period the fusion of the early group I with the later group II A resulted in the production of another class of pottery (II B) represented by cylindrical conical goblets and vases.

Besides these distinctive pottery types, the Saka-Kushan period at Kausambi shows examples of the archaeologically valuable designs scratched externally after firing on vessels of red and black wares, which have now begun attracting the attention of Indian and foreign specialists. Occurring on potsherds and spouted vessels of the period from the 1st to the 3rd century A.D., the designs have their prototypes in the Fergana valley and Khorezm[99]. Among them mention may be made of latticed designs, opposed triangles alternately filled in horizontal lines, wedge-pattern, opposed triangles so arranged as to form a rhombus, triangles and wavy lines, loops and spirals, parallel wavy lines in single or double row, branch of tree, the schematic floral designs, etc.[100]

Saka-Kushan potteries of the above description (groups II A and II B) are available from western sites such as Rupar[101], Hastinapur[102] and Ahicchatra[103]. Ahicchatra has yielded almost all the vessel types of Kausambi. In the east, carinated waisted vessels and beakers (slightly modified) occur at Vaisali[104] in Period II ranging from c. 150 B.C. to c. 100 A.D. The types are repeated at Kumrahar in periods II and III (c. 150 B.C.-A.D. 300)[105]. They have analogies on older classic sites like Bhita[106]. Similar ware may be presumed at Rajghat, but cannot be asserted in the absence of authentic information. The "scratch decoration" is reported from Hastinapur[107], Jhusi (Allahabad)[108], Draupadighat (Allahabad)[109], Kotia and allied sites on the river Belan (Allahabad District)[110], Sonpur (Bihar)[111] and Chirand (Bihar)[112]. Nahush-Ka-Tila in Azamgarh may prove an important site for the study of these patterns[113].

India's contacts with the west are further evidenced by the ceramic group III comprising surahis and enohoyas datable from the 2nd century B.C. to the 1st century A.D. This group with a pre-eminently Graeco-Roman lineage occurs over an extensive region up to the central Ganga valley in the east and Iran, Afghanistan and the Soviet Central Asian republics towards the north-west. A typical specimen at Kausambi is a highly decorated stamped surahi (Pl. XXVI) of thin, fine fabric with horizontal bands of embossed designs alternating with bands of lustrous red polish. The two uppermost bands are decorated with leaf patterns. The fourth and fifth bands from top have linear designs, while the third and sixth bands are polished but devoid of ornamentation. The base, body and neck were made in four separate pieces and the stamping and embossing were confined to two pieces of body, the seam of which was externally coated with bright red polish. Like a Taxila vase described by Sir John Marshall, the surahi may be a local imitation of Hellenistic embossed and stamped ware. Marshall describes the embossed and stamped ware of this variety as second cousin to the well-known Megarian Arretine and Companion Wares[114]. Attention may also be drawn to a jug


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15

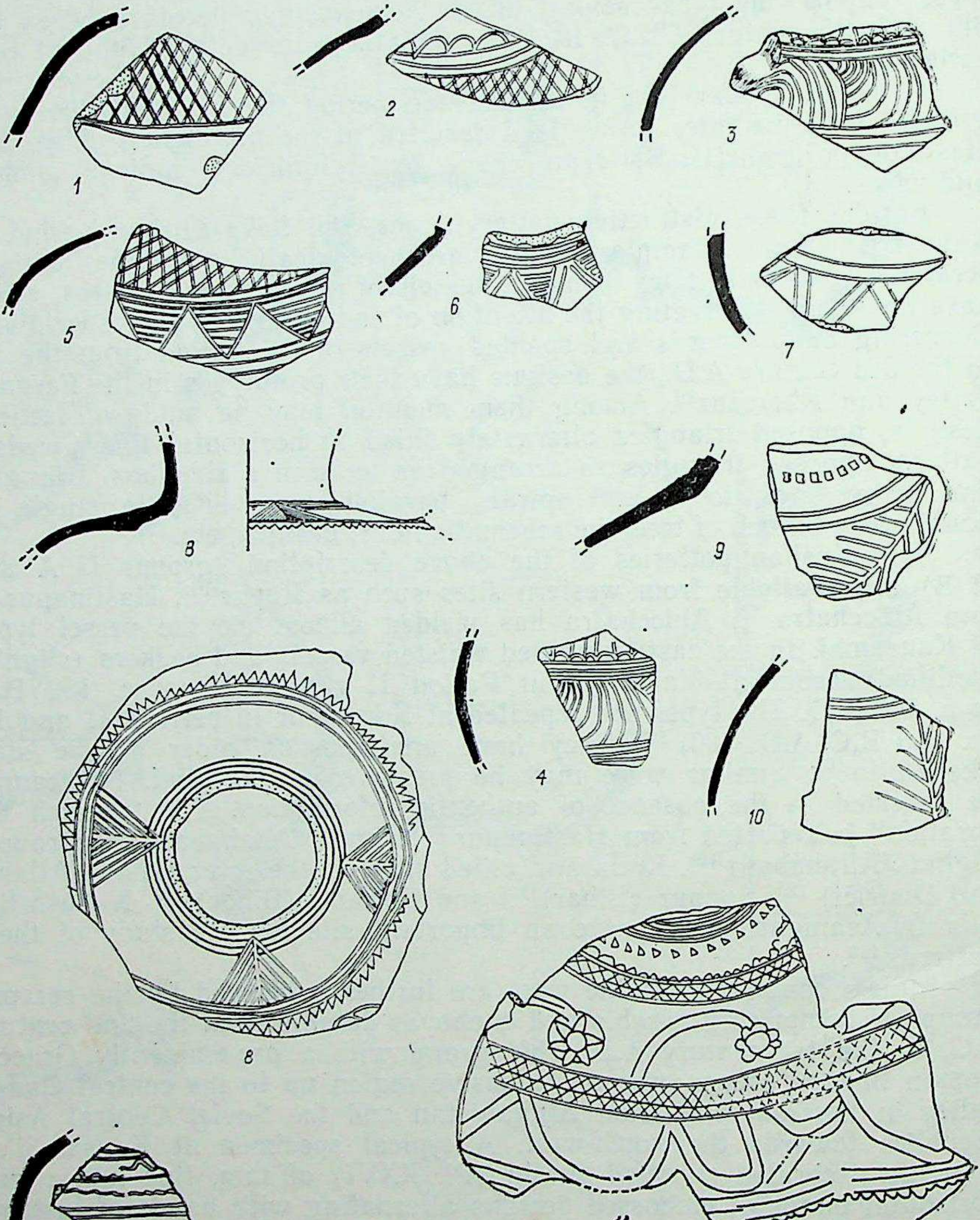
Pottery from Kausambi—Late group II B (A.D. 100-300) group are cylindrical conical bowls, bowls with everted rim, concave neck, carinated shoulder, convex body and flat base, and a few stamped floral designs[92]. Of these, the cylindrical conical bowl is the most important type, having a wide distribution over Khorezm[93], Sogdiana[94], Margiana[95], Northern Bactria[96], Southern Bactria[97] and Seistan[98]. In these regions, the types belong to the Achaemenian period between the 6th and 4th centuries B.C. In Kausambi they are datable 5th-2nd centuries B.C.

It would appear that in the Kushan period the fusion of the early group I with the later group II A resulted in the production of another class of pottery (II B) represented by cylindrical conical goblets and vases.

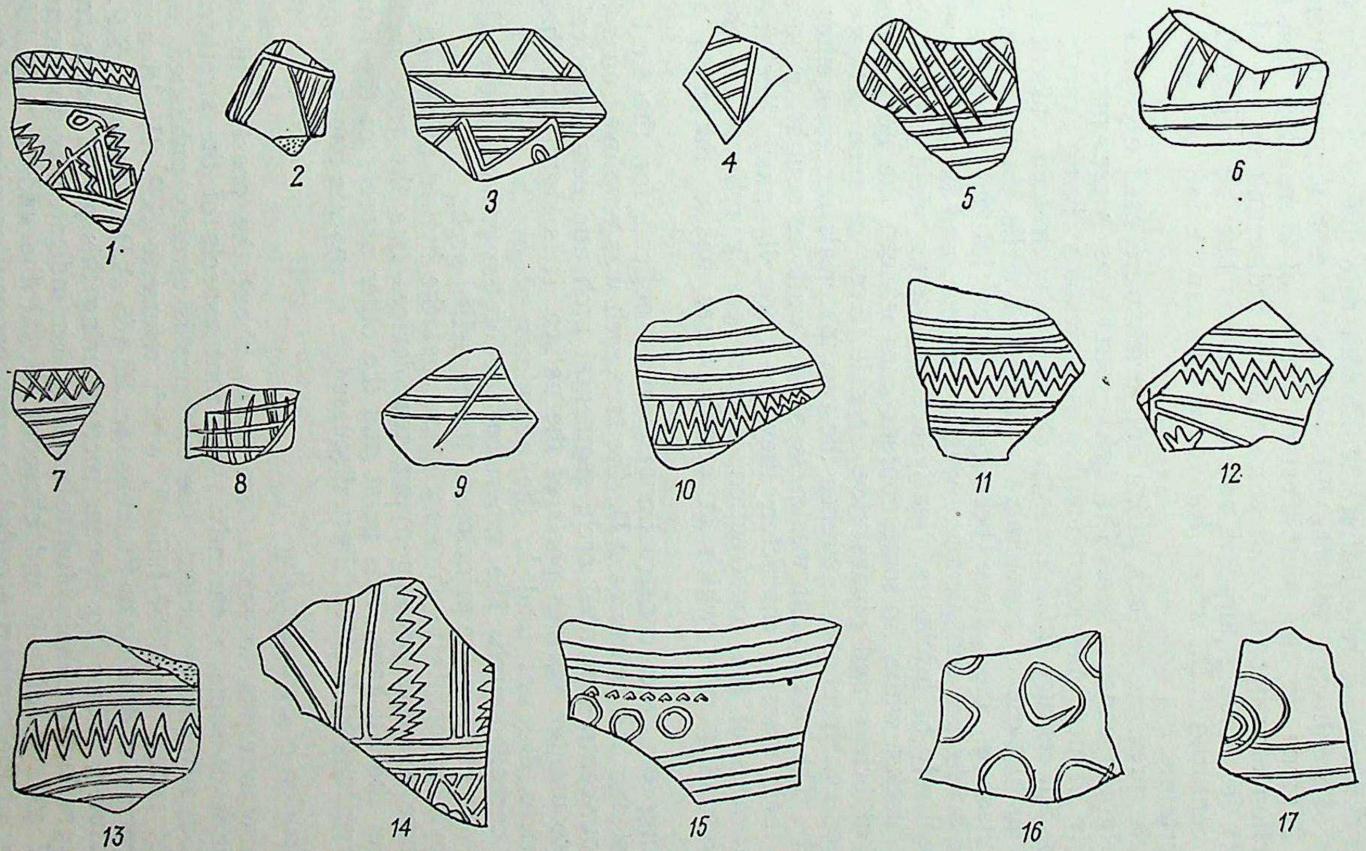
Besides these distinctive pottery types, the Saka-Kushan period at Kausambi shows examples of the archaeologically valuable designs scratched externally after firing on vessels of red and black wares, which have now begun attracting the attention of Indian and foreign specialists. Occurring on potsherds and spouted vessels of the period from the 1st to the 3rd century A.D., the designs have their prototypes in the Fergana valley and Khorezm[99]. Among them mention may be made of latticed designs, opposed triangles alternately filled in horizontal lines, wedge-pattern, opposed triangles so arranged as to form a rhombus, triangles and wavy lines, loops and spirals, parallel wavy lines in single or double row, branch of tree, the schematic floral designs, etc.[100]

Saka-Kushan potteries of the above description (groups II A and II B) are available from western sites such as Rupar[101], Hastinapur[102] and Ahicchatra[103]. Ahicchatra has yielded almost all the vessel types of Kausambi. In the east, carinated waisted vessels and beakers (slightly modified) occur at Vaisali[104] in Period II ranging from c. 150 B.C. to c. 100 A.D. The types are repeated at Kumrahar in periods II and III (c. 150 B.C.-A.D. 300)[105]. They have analogies on older classic sites like Bhita[106]. Similar ware may be presumed at Rajghat, but cannot be asserted in the absence of authentic information. The "scratch decoration" is reported from Hastinapur[107], Jhusi (Allahabad)[108], Draupadighat (Allahabad)[109], Kotia and allied sites on the river Belan (Allahabad District)[110], Sonpur (Bihar)[111] and Chirand (Bihar)[112]. Nahush-Ka-Tila in Azamgarh may prove an important site for the study of these patterns[113].

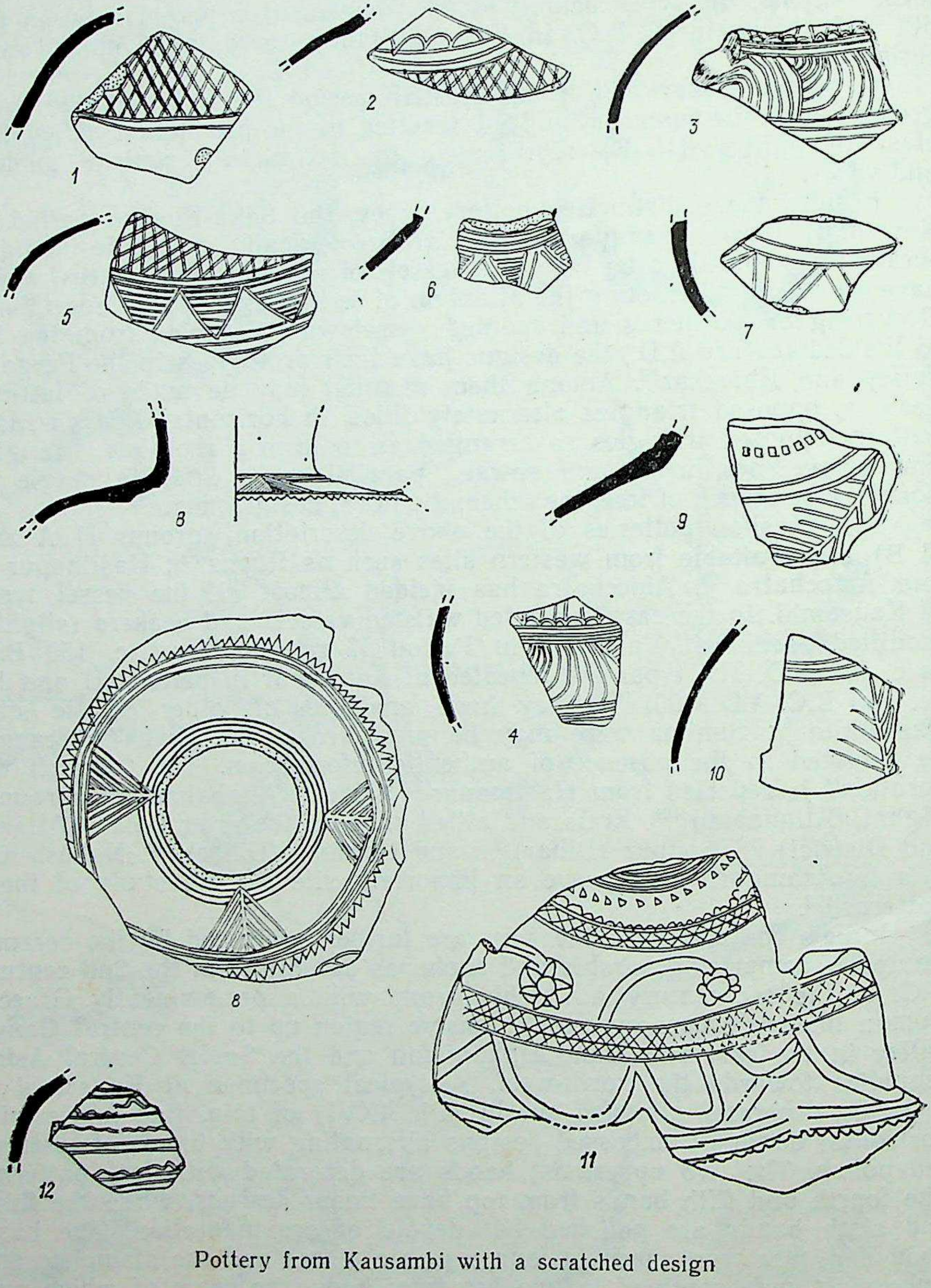
India's contacts with the west are further evidenced by the ceramic group III comprising surahis and enohoyas datable from the 2nd century B.C. to the 1st century A.D. This group with a pre-eminently Graeco-Roman lineage occurs over an extensive region up to the central Ganga valley in the east and Iran, Afghanistan and the Soviet Central Asian republics towards the north-west. A typical specimen at Kausambi is a highly decorated stamped surahi (Pl. XXVI) of thin, fine fabric with horizontal bands of embossed designs alternating with bands of lustrous red polish. The two uppermost bands are decorated with leaf patterns. The fourth and fifth bands from top have linear designs, while the third and sixth bands are polished but devoid of ornamentation. The base, body and neck were made in four separate pieces and the stamping and embossing were confined to two pieces of body, the seam of which was externally coated with bright red polish. Like a Taxila vase described by Sir John Marshall, the surahi may be a local imitation of Hellenistic embossed and stamped ware. Marshall describes the embossed and stamped ware of this variety as second cousin to the well-known Megarian Arretine and Companion Wares[114]. Attention may also be drawn to a jug


1
2
3
5
6
7
8
9
4
10
8
11
12

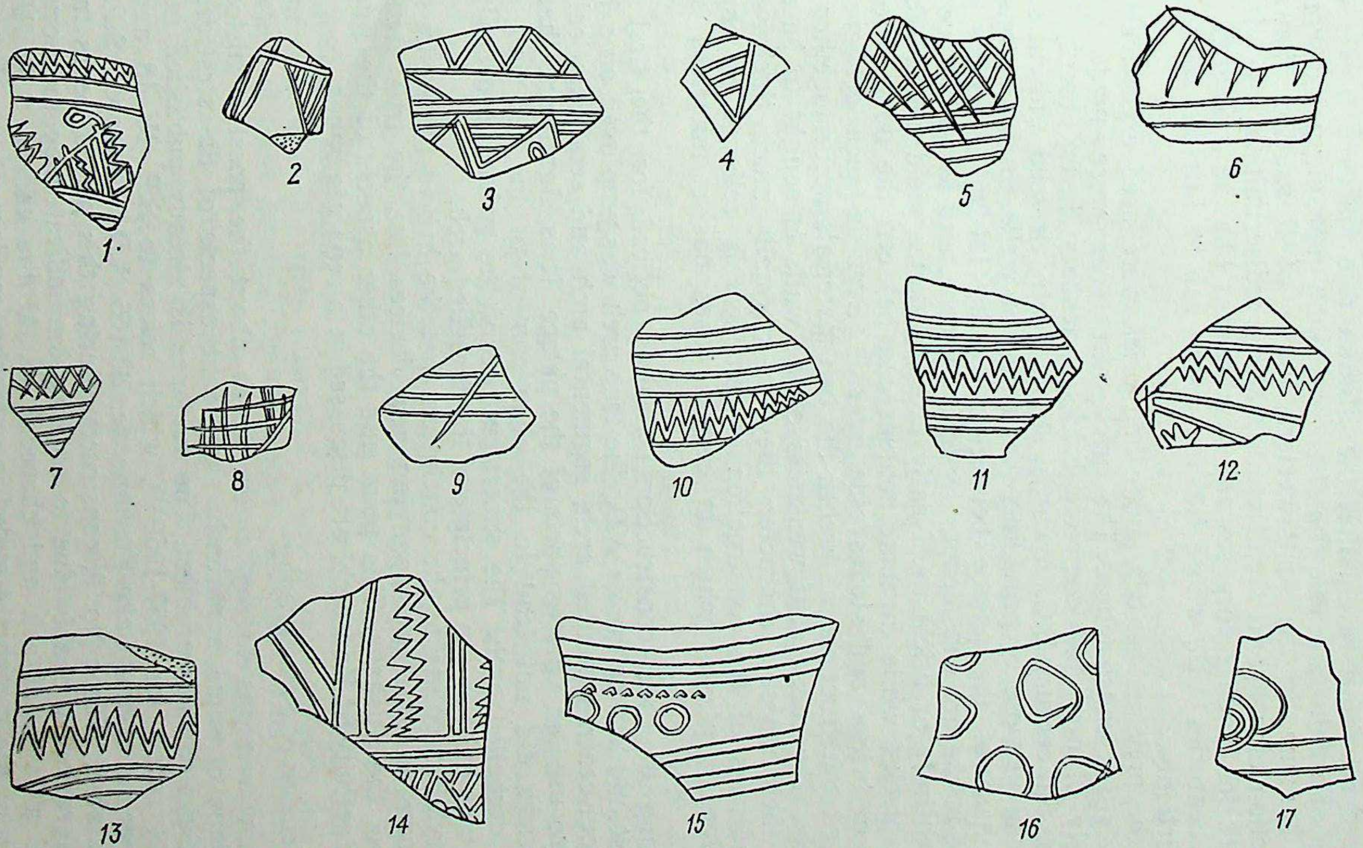
Pottery from Kausambi with a scratched design


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17

Pottery from Kausambi with a scratched design


1
2
3
5
6
7
8
9
4
10
8
11
12

Pottery from Kausambi with a scratched design


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17

Pottery from Kausambi with a scratched design

(Pl. XXVII) with single handle and pinched mouth imitating the head of a bird, the eyes delineated with considerable care. The type has a close parallel at Taxila (Pl. 123, Nos. 79-80 and Pl. 129, No. 80).

Architecture

The excavations reveal that the Kushan rule marks a break in the tradition of architecture too. The discovery of the imposing palace complex on the Jamuna, in the south-western corner of Kausambi, shows the introduction of a hybrid architecture making indiscriminate use of stone and brick for buiding purposes and new devices like the true arch in the 1st-2nd centuries A.D., whose Kushan origin can be inferred with reasonable certainty.

In the previous periods, stone and brick were used exclusively and separately for construction. The brick structures were made almost invariably of new and complete bricks, brickbats being rarely used. From the 5th century B.C. onwards, stones neatly dressed and cut served the special purpose of providing the facing of walls. In the reconstructional phase of the palace belonging to the 1st-2nd centuries A.D., complete bricks are conspicuous by their absence, and the walls are built almost entirely of brickbats. Neatly dressed stones yield ground to big unhewn blocks, while in some courses can be seen the novel idiom of the use of bricks and stones side by side. Even in such delicate and specialised constructions as arches the two materials occur together very frequently. The consequent weakness of the walls is sought to be rectified by their massive character; they are normally much thicker now. The crudeness of the construction is considerably relieved by copious application of plaster which in certain cases has a thickness of 25 to 30 cm.

Among the new constructional devices noticed for the first time in the 1st and 2nd centuries A.D., the true arch was employed on a large scale. Four-centred pointed arch, segmental arch and semi-elliptical flat arch were used in various parts of the palace. It is significant that the new devices did not lead to the abandonment of the old and more familiar corbelled arch. The superstructure of the palace, especially its sikhara, was built on the principle of the corbelled arch.

Everything points to the conclusion that the hybrid brick-cum-stone architecture and the accompanying new devices like the true arch are the gift of the Kushans. This point and the other aspects of the Kushan building activity at Kausambi are discussed in a separate paper.

Indication of Stratigraphy

It now remains to say a few words about the possible historical implications of some apparently significant aspects of the stratigraphy for the Saka-Kushan problem. The evidence is already published in the Kausambi report for 1957-1959[115], which refers to S.P. IV 18 and 19 as the period of the Saka-Kushans (c. 25-165 A.D.). Apropos S.P. IV 18 it is stated, "Floor No. 9, constructed during this period, bears traces of conflagration, probably due to an invasion indicated by the accumulation of a layer of ash and charcoal"[116]. At the end of S.P. IV 19, "the story of the rampart 4 ended in extensive conflagration and destruction indicating an invasion during which all the buildings were razed to the ground"[117]. In itself, the evidence may not be decisive, but it permits a hypothesis regarding the circumstances of the turmoil thus revealed in the life of the city. On chronological indication, the conflagration of S.P. IV 18 might well be due to the onslaught of the Saka-

Kushans on Kausambi, which succumbed to it. The more extensive damage at the end of S.P. IV 19 could be the result of Indian nationalist forces asserting themselves against the Kushan stronghold, or, more plausibly, of the policy of destruction adopted by the retreating Kushans; S.P. IV 17 witnessed considerable repair and addition work in the ramparts[118]. Was this the outcome of the anxiety of the "Mitra" kings of Kausambi to strengthen the defences of the town against the threatened invasion from the west?

Conclusion

There were perhaps Saka-Parthians at Kausambi before the Kushans, but that these initial contacts had a political connotation is yet to be proved. Independent Saka-Pahlava rulers of the central Ganga zone are not definitely known from the epigraphy. The two kshatrapas named in the records[119] appear to be Kushans rather than Sakas; they were anyway associated with Kanishka. Maharaja Asvaghosa of two Sarnath inscriptions[120], regarded as a Kushan kshatrapa by some, was probably a Hindu chief of the pre-Kushan epoch[121]. If the Murundas mentioned by Ptolemy were pre-Kushan[122], they may have been Sakas, but the Murundas are as much an enigma as the chronology of the Kushans, and, at present, the most appealing hypothesis still seems to be that the name Murunda was borne by petty foreign rulers who survived the collapse of the main Kushan power in the east. The pioneering Saka-Pahlavas were perhaps traders, pilgrims and stray settlers.

While evidence of the Saka-Pahlavas goes back to the pre-Kushan days, the bulk of it is concentrated in the era of the Kushans who soon appeared at Kausambi. That the Kushans came not merely as traders and visitors but as conquerors has, we think, now to be allowed as a near-certain deduction from the cumulative data. Seven inscriptions and one sealing mentioning Kanishka, numerous Kushan coins and three coin moulds in a region which was certainly not the main centre of the Kushan Empire but an outlying province and *nothing positive to disprove the suzerainty of the Kushans*—this indeed is testimony not inferior to what has been considered decisive in many other cases.

Apart from the inscriptions and coins, the indication of art, architecture and pottery has to be considered. So far as archaeological studies are concerned, the Kushan age has been till now merely a part of the comprehensive bracket of "post-N.B.P." This was perhaps inevitable in some degree. Major sites excavated in the Gangetic valley are few, and of most of these detailed reports are yet to appear. The excavations have been vertical with a view to offering a complete time-table for the sites involved, rather than revealing particular historical and cultural strata on a large scale. The Kushan evidence has therefore not attracted as much attention as it deserves.

An attempt has been made here to isolate the Kushan elements at the different archaeological sites and correlate the data in order to evaluate the role of the Saka-Kushans in the Ganga plain. The results are revealing. Saka-Kushan impact is writ large on archaeology. Even with the limited evidence we can discern a remarkable era in the Madhyadesa, when new forms in art, architecture and ceramics, with their genealogy going back to the areas from which the Saka-Kushans came, appear in profusion, affecting the entire region. The Kausambi materials have focused attention on the problem. It is no longer the question of a few Saka-Kushan influences here and there;

it is almost the transplanting of a whole complex from the north-west into the east. There is, we cannot help thinking, Kushan authority at the back of the phenomenon. The totality of evidence projects the picture of a Kushan Empire in which the Saka-Pahlavas are almost equal partners. At Kausambi, the palace is the bastion of that empire. The combined data are so compulsive that any indication to the contrary needs to be explained away[123]. On the slender basis of a few talismans copied from Huvishka's coins Dr. Altekar had to ask if the popularity of Kushan coins with Bihar ladies could be explained by trade alone. The question is now much more pertinent. Could there be so much Kushan evidence without Kushan rule?

Widespread as it was in the 1st-2nd centuries A.D. in its purely "foreign" aspect, the Saka-Kushan element proved to be more or less a passing phase in the Ganga valley. Kausambi shows its abrupt decrease beyond the Kushan chronological horizon and disappearance within a short time. The votive tanks, drummers, reclining women, Kushan terracotta devotees, etc., continue beyond the Magha stratum (S.P. VII) as stray specimens, as remnants of the past thrown accidentally into the later period. The idiom of hand-manufacture and terracotta in the round continues and so do some of the themes locally developed during the Kushan epoch, but the foreign types go out of vogue. Here and there a few surviving traits of the Saka-Kushan milieu might be noticed. This is inevitable in so vast a region, and some of these traits seem to be assigned to later periods by unscientific digging. But it is clear that with the withdrawal of the Kushans, the Saka-Kushan era is over in the domain of art and ceramics too.

One wonders if an artistic expansion not dependent on political power would acquire such impressive dimensions on the one hand and would lose its force so rapidly on the other.

The languishing foreign element was perhaps patronised in some measure at the courts of the "Murunda" chieftains in Madhyadesa after the disintegration of the main Kushan power. The Murundas are likely to have been responsible for the imitations of the Kushan coins, and with them would appear to have been connected the Great Queen Prabhudama[124] and the Murunda mother of Sarvvanatha[125]. One of them, perhaps ruling somewhere in the upper Gangetic valley, sent a present of four horses belonging to the Yueh-chih country to Funan in the 3rd century[126].

---

[1] John M. Rosenfield, *The Dynastic Arts of the Kushans*, p. 52.

[2] *E.I.*, XXIV, pp. 210-212, *Calcutta Review*, July 1934, p. 83.

[3] J.S. Negi, *Some Indological Studies*, vol. I, p. 61.

[4] *E.I.*, I, p. 392, No. XXII.

[5] G. Bühler, *Indische Palaeographie*, pl. IX. For corrections, see *JRAS*, 1905, p. 112; *E.I.*, X, p. 117 ff.; *JRAS*, 1911, p. 1084; *ibid*, 1912, p. 154. Lüders' *List* (*E.I.*, X), p. 168. "Date read: Sam 90 9 gri 2 di 10 6". The present symbol bears some similarity to the (rather uncommon) Kushan figure 10 (Bühler, *Indische Palaeographie*, pl. X), but the resemblance in this case is remote. So is the resemblance to the Mathura figure for 50 reproduced by Prof. Mirashi, *E.I.*, XXVI, p. 294.

[6] At two places (9 in line 3 and 4 in line 1) the letter *sa* may appear to be of the advanced looped type. In line 2 (letter 17), however, it has the early hooked form. It might be argued that the developed form indicates a date later than that of Kanishka. But the same form is also found in the Mathura pedestal inscription of the year 14, usually ascribed to Kanishka I (*E.I.*, XIX, pp. 96 ff.), though some think of a later Kanishka (J.E. von Lohuizen de Leeuw, *The "Scythian" Period*, pp. 306 ff.; *E.I.*, XXVI, p. 296). The looped shape is used in the Kanishka sealing noted above. Adris Banerji (*JNSI*, XIII, p. 108) considers it not improbable that the Bala image was dedicated in the time of Kanishka II. His ground is stylistic, which is partly also that of *The*

"*Scythian*" *Period*. He is probably referring to the *Sravasti* image on which the date is effaced. The Sarnath image bearing the year 3 obviously cannot be of the time of Kanishka II.

[7] From personal inspection of the inscription we support the probability of the date being in the year 2. Doubt has, however, been expressed (H. C. Raychaudhuri, *PHAI*, p. 473, n. 6).

[8] *MASI*, 74, p. 79. "There is little difference in the manner in which *U* and *ra* are joined. Consequently letter 5 in line 3 can be read both as *pu* and *pra*." See fig. 7.

[9] See fig. 6.

[10] The thirteenth letter is clearly *ya* in the original.

[11] *CII*, II, pp. 25, 144.

[12] *Annual Bibliography of Indian Archaeology* (Kern Institute), XVI, pl. V, A.

[13] J.S. Negi, *op. cit.*, pp. 64 ff.

[14] See fig. 4.

[15] *CII*, II, p. 167.

[16] *MASI*, 74, p. 80.

[17] *Bulletin of Ancient Indian History and Archaeology* (University of Saugar), I, p. 8.

[18] *E.I.*, XXXI, p. 177. Chakravarti thinks that "Saka" in these names stands for Sanskrit Sakra. The clear Saka name on the sealing in No. 20 below has Saka. Seals with the Sanskrit form Saka are known (*JNSI, XXII*, p. 124).

[19] E.g., Bhutaka, Bhubhula, Cucaka, etc., *ASI, AR*, 1911-1912, pp. 57 ff. Some seals show symbols found on the coins of Vima Kadphises (*ibid.*, p. 53).

[20] *JNSI*, XVI, p. 74.

[21] *CII*, III, p. 250.

[22] *E.I.*, VIII, p. 173. The argument of Vogel is further developed by P.L. Gupta (*IHQ*, XXIX, pp. 205 ff.). The two extreme sides of the controversy regarding the eastward expansion of the Kushan Empire are exhaustively delineated in Gupta's paper and in that of Adris Banerji (*IHQ*, XXVII, pp. 294 ff.). See also *Indian Numismatic Chronicle*, III, pt I, pp. 11-21, *JNSI*, XII, pp. 122 ff.; *JBRS*, XLVII, pp. 394 ff.

[23] *IHQ*, XXIX, p. 210.

[24] *Ibid.*, p. 211.

[25] Sarnath: year 3, third month of Hemanta, on the 20th day; Kausambi (Allahabad Museum): year 2, second month of Hemanta, on the 8th day. In the second of the inscriptions mentioned above the day was evidently given, but it is no longer available. It is difficult to say if the day was specified in the first inscription, but it probably was.

[26] The reading on this coin seems to be Hagamesa, which is rare.

[27] *MASI*, 74, p. 19.

[28] *Ibid.*, p. 82.

[29] *Ancient India*, No. 1, p. 39.

[30] *IHQ*, XXIX, p. 220.

[31] *JNSI*, VIII, p. 10.

[32] *JNSI*, XX, p. 146. Dr. Altekar notes that "imitations of Kushan coins in the Gangetic plain were quite common in the third century, and the present coin belongs to that class".

[32a] Huvishka's coins seem to have been popular as models for amulets or talismans. Cunningham, *Mahabodhi*, pl. XXIII, 17; *JNSI*, XX, pp. 1 ff.; *Indian Archaeology*, 1955-1956, p. 23, pl. XXXV B. Ahicchatra has provided examples of Kushan coins used as amulets. Besides one referred to by Dr. Altekar, Sri Jineshwar Das has two Kushan copper coins, probably of Huvishka, which were gilded and used as amulets.

[33] *Ancient India*, No. 5, p. 102.

[34] *Ibid.*, p. 101 ff.

[35] The Kausambi Museum of the Allahabad University possesses one such coin (A/52). Another coin (A/43 P) has the legend *Kosabikanam* (already noted).

[36] In the summary report of the earlier excavations near the Asoka pillar at Kausambi, C.C. Dasgupta does not refer to any coins of the Early or Later Kushans. See also *JNSI*, XII, pp. 74 ff.

[37] *JNSI*, XVIII, p. 38.

[38] *IHQ*, XXIX, pp. 294 ff.; *IHQ*, XVII, pp. 29 ff.; *JNSI*, XIII, 107 ff.; B. Bhattacharya, *The Age of the Kushanas*, pp. 232 ff.; *JBRS*, XLVII, p. 394.

[39] *ASI, AR*, 1911-1912, p. 65.

[40] *IHQ*, XXIX, p. 218.

[41] *Ancient India*, No. 5, p. 97.

[42] *JNSI*, II, p. 124.

[43] *Ancient India*, No. 1, p. 39.

[44] *Indian Archaeology*, 1955-1956, p. 237.

[45] *Report on Kumrahar Excavations*, 1951-1955, p. 20.

[46] *Indian Archaeology*, 1958-1959, p. 12.

[47] *Ibid.*, 1961-1962, p. 56.

[48] *Ibid.*, 1964, p. 77 (manuscript copy).

[49] *Ibid.*, 1960-1965, p. 35.

[50] The number of early Kausambi rulers of the pre-Kushan period cannot be exactly determined. Till 1953, about 20 seem to have been known (*IHQ*, XXIX, p. 210). Prof. K.D. Bajpeyi says that his list of "Mitra" kings of Kausambi now includes 25 names (*JNSI*, XXVI, p. 5). But as the coins of all these rulers have not been published, it is difficult to say how many of them actually ruled at Kausambi. Further, these "local kings" have the appearance of being oligarchs, some of whom may have ruled over small adjoining districts at the same time. The possibility, already envisaged, of their subordination to the Kushans has also to be kept in mind.

[51] A total number of 24 kings of Pancala is indicated by Prof. Bajpevi in *JNSI*, XXIV, pp. 12 ff. Of these, at least three belonged to the post-Kushan period. Assuming that all the others flourished earlier, there should be no difficulty in ascribing them to the pre-Kushan era. The Ayodhya series is smaller.

[52] *IHQ*, XXIX, pp. 211 ff.

[53] *The Vakataka-Gupta Age*, p. 43; Motichandra, *Kasi-ka-Itihasa*, p. 74; *A Comprehensive History of India*, p. 267.

[54] J.S. Negi, *Some Indological Studies*, vol. I, pp. 85 ff. Dr. Altekar accepted the position that Neva was a predecessor, not a successor, of the Maghas (*MASI*, 74, p. 84).

[55] J.S. Negi, *op. cit.*, p. 85.

[56] *ASI, AR*, 1911-1912, p. 65.

[57] Dr. Altekar is sceptical about the genuineness of the numerous Kushan gold coins made from moulds (*JNSI*, XV, p. 69).

[58] *JNSI*, III, p. 99; *IHQ*, XXIX, pp. 222 ff.

[59] Despite the scepticism of Donatella Mazzeo, *East and West*, vol. 13, No. 1, p. 55.

[60] *Taxila*, II, pp. 547 ff.

[61] *JBRS*, XLVII, p. 138.

[62] *Taxila*, II, p. 547.

[63] G.R. Sharma, *The Excavations at Kausambi (1957-59)*, p. 46.

[64] *Ibid.*, pp. 45 ff.

[65] *Cambridge History of India*, vol. I (Second Indian Reprint), p. 305.

[66] R.G. Sharma, *op. cit.*

[67] *Ibid.*

[68] *Ibid.*

[69] V.A. Shiskin, *Varakhsha*, p. 44; A.M. Mandelshtam, *Kochevniki na puti v Indiyu*, p. 203, figs. 1-10, 12-14; K.F. Smirnov, *Savromaty. Rannaya istoriya i kultura sarmatov*, p. 307, I A; p. 312, 5 B; p. 314, I A; p. 315, fig. 22.

[70] W. Van Ingen, *Figurines from Seleucia on the Tigris*, p. 36; also V.S. Agrawal, *Ancient India*, No. 4, p. 125.

[71] Van Ingen, *op. cit.*, p. 23.

[72] Rostovtzeff, *Yale Class Stud.* 5 (1935), 180, quoted from Van Ingen, *op. cit.*, p. 21.

[73] See pp. 50-52.

[74] "Early Indian Terracottas", *Journ. Ind. Soc. Oriental Art*, XI (1943), pp. 160 ff.

[75] *Indian Archaeology*, 1957-1958, p. 50; Moti Chandra, *Kasi-ka-Itihasa*, pp. 80 ff.

[76] *Bulletin of Museums and Archaeology in U.P.*, No. 1, p. 31; *Indian Archaeology*, 1964-1965 (manuscript copy), p. 77.

[77] The objects are at present with Sri Sidhnath Prasad, a research scholar in the Department of Ancient History, Culture and Archaeology, Allahabad University.

[78] *Indian Archaeology*, 1961-1962, p. 56.

[79] *Ibid.*, 1965-1966 (manuscript copy), p. 21.

[80] *Report on Kumrahar Excavations*, p. 113; pl. XXXVI B, Nos. 1-3, XXXVIII, No. 2 (votive tank), XLV B, No. 2 (part of votive tank).

[81] *Indian Archaeology*, 1960-1961, p. 6.

[82] *Ibid.*, 1962-1963, p. 6 (pl. XIV A).

[83] *ASI, AR*, 1911-1912, p. 76, pl. XXV, figs. 47-48. Pl. XXXII (figs. 11, 12) represent sculptures with typical Saka-Kushan "helmet".

[84] *Ibid.*, pl. XXIII.

[85] *Ibid.*, pl. LXIV and LXVI.

[85a] *ASI, AR*, 1907-1908, p. 55.

[86] *Ancient India*, No. 4, pls. XXXVII, XXXVIII and XXXIX.

[87] *Taxila*, II, p. 401.

[88] *Ibid.*

[88a] We are deeply grateful to Professor Y.A. Zadneprovsky for information about the materials of the Central Asian sites.

[89] *Drevnaya India*, Moscow, 1964; Marshall, *Taxila*, vol. III, pl. 154; A. Mandelshtam, *Kochevniki na puti v Indiyu* (pl. 24, fig. 4, etc.; table 17, fig. 9).

[90] A. Mandelshtam, *op. cit.*, pl. 37.

[91] Masson, *MIA* 73, Table 37, figs. II, VI.

[92] G.R. Sharma, *India's Contact with Western and Central Asia, with Special Reference to the Evidence of Kausambi c. 600 B.C. to 500 A.D.*, paper read at the International Conference on the Art and Archaeology of Iran, April, 1968.

[93] M.G. Vorobyova, *Keramika Khorezma antichnogo perioda*, table 1.

[94] V.M. Masson, *Drevnezemledelcheskiye kultury Margiany.*

[95] D. Schlumberger, "Le Prospection Archaeologique de la Bactres", *Syria,* XXVI, 1949, pp. 181-188.

[96] R. Ghirshman, *Fouillosdenad-i-alidamsle Seistan...*, vol. VIII.

[97] M. Diakonov, *Arkheologicheskiye raboty v nizhnem techenii reki Kafirnigan (Kobadian).*

[98] Sccarato, "Excavations at Dahani-Ghulaman (Seistan), Iran", *East and West,* vol. XVI, 1966.

[99] Y. Zadneprovsky, "Drevnezemledelcheskaya kultura Fergany", *MIA,* 118, 1962.

[100] Fig. 13.

[101] *Ancient India,* No. 9, fig. 6.

[102] *Ibid.*, Nos. 10 and 11, p. 64, fig. 20, Nos. XXIII-XXVIII.

[103] *Ibid.*, fig. 3, 47.

[104] *Vaiśālī Excavations,* 1950, p. 40, fig. 18, Nos. 64 b, 67, 67 a, 76, 77 and 77 a; *Ibid,* fig. 18, Nos. 64 and 64 a.

[105] *The Kumrahar Excavations,* 1951-1955, fig. 35, Nos. 4-5, fig. 36, No. 3.

[106] *ASI, AR,* 1911-1912, pl. XXX, 59, 60, 90, 96, 100.

[107] *Ancient India,* Nos. 10 and 11, fig. 23, Nos. 5, 7 and 9.

[108] *Journal of Indian Museum,* vols. XIV-XV, 1958-1960.

[109] Materials in the Allahabad University Kausambi Museum.

[110] Materials in the Allahabad University Kausambi Museum.

[111] Materials personally seen in the Patna University Museum.

[112] Materials personally seen in the Patna University Museum.

[113] Materials in the Allahabad University Kausambi Museum.

[114] *Taxila,* II, p. 434, No. 1.

[115] G.R. Sharma, *The Excavations at Kausambi,* 1957-1959, p. 36.

[116] *Ibid.*

[117] *Ibid.*

[118] *Ibid.*

[119] *E.I.*, VIII, p. 176.

[120] *Ibid.*, pp. 171 ff.; Lüders' *List,* Nos. 925, 926. One of the inscriptions is dated in the 40th year.

[121] Motichandra, *Kasi-ka-Itihasa,* p. 11. A sealing of the Rajah Asvaghosa has been found at Rajghat, Banaras (*ibid.*). A coin of Asvaghosa was noticed by Cunningham; *CASR,* X, p. 4.

[122] For the Murunda evidence, see J.M. Rosenfield, *op. cit.*, pp. 53 ff.; B. Bhattacharya, *The Age of the Kushans,* pp. 124 ff.; *JNSI,* VIII, pp. 37 ff.

[123] For example, if the number of the "Mitra" kings is seen to be large, at least some of them may be presumed to have been feudatories of the Kushans or to have ruled simultaneously in a joint aristocracy.

[124] S. Chattopadhyaya, *The Sakas in India,* p. 67.

[125] *CII,* III, p. 136.

[126] R.C. Majumdar, *Hindu Colonies in the Far East* (second ed.), p. 179

М. Е. МАССОН (СССР, ТАШКЕНТ)

К ВОПРОСУ О СЕВЕРНЫХ ГРАНИЦАХ ГОСУДАРСТВА «ВЕЛИКИХ КУШАН»

Как старейший советский археолог Средней Азии, я не могу не отметить с чувством огромного удовлетворения самый факт созыва в столице Таджикской Советской Социалистической Республики столь представительной конференции по кушанской проблеме. Я был первым исследователем-полевиком, которому еще тридцать пять лет тому назад на правобережье древнего Окса — при археологических раскопках на урочище Айртам, а позднее на приамударьинском городище Старого Термеза — довелось обнаружить и опознать памятники материальной культуры поры вхождения этих районов в состав владений государства кушан. Это определение далеко не сразу получило всеобщее признание.

Переходя к теме доклада, следует прежде всего отметить, что в вопросе о северных границах государства «Великих Кушан» за последние четверть века очень заметной становится тенденция к постепенному расширению пределов его среднеазиатских владений, начиная с подчинения ему сперва Хорезма, затем всего Согда, Ферганы и Шаша. Нагляднее всего это отражено на исторических картах, приложенных к книге Б. Я. Ставиского «Между Памиром и Каспием (Средняя Азия в древности)» (М., 1966). На двух из них (№ 6 и № 7) западная граница охватывает возвышенность Карабиль, все Юго-Восточные Каракумы, оставляя Парфянской державе полосу правобережья Мургаба до Старого Мерва (Антиохии Маргианской). От этого пункта граница поворачивает на запад и, протянувшись примерно до меридиана Душака, продолжается к юго-западному заливу Аральского моря, охватывая половину Центральных Каракумов, большую часть Заунгузских Каракумов, лучшие земли Ташаузской области и всю дельту Амударьи. Северная граница показана начинающейся у восточного берега Аральского моря, где она совпадает на первом отрезке с современным государственным рубежом Каракалпакской АССР, затем проходит на восток примерно через Арыс, Чимкент, Кельтемашат и далее тянется по хребтам Таласского Алатау, Сусамыр-тау, Молдот-тау к городу Нарыну. Восточная граница начинается недалеко отсюда, не доходя несколько до озера Иссык-Куль, поворачивает на юго-запад, обходит с запада Кашгар и Яркенд, а южнее захватывает Кашмир. Таким образом, общая площадь земель, входящих теперь в состав Туркменской ССР, Узбекской ССР (включая Каракалпакскую АССР), Таджикской ССР, Киргизской ССР и отчасти Казахской ССР, отведенная на указанных картах лишь части северных провинций Кушанского государства, превышает 700 000 *кв. км.* Кангюю же на карте № 7 (на карте № 6 он вообще не обозначен) выделены только Кзылординская степная область и район около города Туркестана, т. е. территория примерно в 200 000 *кв. км.*

Не касаясь высказываний некоторых специалистов, будто кушаны владели еще частью северной полосы по Копет-дагу и его предгорьям с включением на западе района Ашхабада, полагаем, что появление приведенных высказываний объясняется рядом обстоятельств.

Во-первых, в письменных источниках отсутствуют данные о северных границах государства кушан, что открывает широкий простор для разных гипотез.

Во-вторых, для обозначения керамики, близкой по технике изготовления и формам бытовой глиняной утвари, встреченной нами на Айртаме и в Термезе вместе с кушанскими монетами, некоторые ученые использовали неудачный термин «кушанская керамика». Его употребление невольно наталкивало на мысль, что там, где таковая присутствует в археологических слоях, некогда владычествовали кушанские государи.

В-третьих, некоторые исследователи считали, что встречавшиеся в Средней Азии севернее южных районов Таджикистана и Узбекистана единичные монетные кружки кушанского чекана определяют пределы внутреннего обращения на территории выпускавшего их государства, хотя находки таких монет известны далеко за пределами Средней Азии — в Прикамье, Киеве, Скандинавии, Уэльсе, Африке и т. д.

Стремление отыскать какие-нибудь новые данные о государстве кушан привело к попытке использовать с этой целью «Шах-наме» Фирдоуси, не учитывая, что этот автор при употреблении терминов «кушаны», «кушанская земля» допускал анахронизмы. Они встречаются при описании легендарных событий глубокой древности, относимых Фирдоуси ко временам эпического Афрасиаба, когда никаких кушан в Средней Азии не было. В то же время в эпизодах VI в., связанных с борьбой хакана тюрок с Гатфером, под обозначением «кушаны» явно надо понимать эфталитов. К тому же периоду, а не к эпохе Великих Кушан, относятся упоминания «границ кушанской земли», хотя они без оговорки используются некоторыми авторами — к тому же с неверным истолкованием — в качестве фактов из истории Кушанского государства.

Требуют солидного обоснования домыслы о вхождении в его состав Ферганы, долины Зеравшана и области Шахрисабза, так как доводы покоятся на фонетическом сближении названий городов ферганского Касана (كاسان), кашкадарьинского Кисса (كسّ) или Кеша (كش) и расположенного в долине Зеравшана Кашани или Кушани (كشانى) с наименованием «кушан» (كشان). В частности, последний упоминается как город владения Хэ, которое перед арабским завоеванием входило в состав Канского государственного образования, а его глава считался потомком кангюйских государей, хотя одновременно он, как и его родственники, бывшие правителями других областей Мавераннахра, надуманно начинали свое генеалогическое древо от «дома юэчжей» (чжаову). Существовал ли Кашани в античную эпоху, неизвестно. Не раз высказывавшееся с середины прошлого столетия предположение о том, что он являлся якобы столицей кушан, равно как и промелькнувшее в печати утверждение, будто в кушано-эфталитское время это был один из крупнейших городов в Согде, никакими реальными данными подтверждены быть не могут, тем более что даже местонахождение его городища неизвестно.

Очень слабым аргументом в пользу того, что кушанам принадлежал современный город Бухара, является рассказ, приведенный Наршахи, о кеш-кушанах — группе жителей иноземного происхождения, занимавшихся торговлей и не принадлежавших к потомственным дехканам, но пользовавшихся большим почетом, которые в начале VIII в. демонстративно выселились за город в отстроенные ими замки. Это произошло после того, как Кутейба вскоре после занятия Бухары в 708 г. отдал приказ о выделении арабам половины домов и участков внутри этого города. Весьма вероятно, что это были выходцы из Кабулистана, Северной Индии или из какой-либо другой области. Однако считать, что они являлись потомками кушан и своим пребыванием в Бухаре в VIII в. доказывают былое подчинение города Великим Кушанам только на основании бытовавшего в народе их прозвища, нет достаточных оснований. Подлинная огласовка термина неизвестна. Наиболее употребительная его транскрипция — «каш кашан». Даже если признать, что его произносили как «каш кушан», то и в таком случае, учитывая, что в V—VII вв. наименование «кушан» часто переносилось на эфталитов, пришлось бы упомянутую Наршахи бухарскую группу людей признать эфталитскими выходцами из южных районов. Если бы они принадлежали к среднеазиатским эфталитам, их не именовали бы иноземцами.

Для разрешения вопроса о северных пределах Кушанского государства важны данные порайонного распространения находок монет кушанского чекана в Средней Азии.

Фергану включают в состав владений Великих Кушан исходя из допущения, что при продвижении юечжей к берегам Амударьи часть их, вероятно, осела в ее долине и что это, во втором предположении, могло побудить кушанских государей к включению области в пределы своей империи. Из всех многочисленных эмиссий кушанских монет для Ферганы известна находка только одной крупной медной посеребренной «тетрадрахмы» раннего чекана типа «варварского Гелиокла». Она была обнаружена нашей экспедицией археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала в 1939 г. на древнем городище близ Учкургана.

Домысел о мнимом завоевании кушанами Ташкентского района — Шаша, или Чачстана, равно как и Согда, базируется на неверном истолковании части текста надписи Шапура I на Каабе Зороастра, где обе эти области отнюдь не приведены как составные части Кушанского государства («кушаншахр»). Они лишь упомянуты в числе других стран, расположенных к западу и к востоку от Ирана, как находящиеся на отдаленных пределах владений этого сасанидского государя, с хвастливым преувеличением действительности. Не безукоризненным свидетельством о присоединении долины Чирчика к государству кушан является ссылка на относящийся к эпохе кушан текст Сутраламкари, где говорится, что уроженец Пушкаравати направился для убранства тамошнего буддийского монастыря. Последний мог быть основан и служить одновременно факторией для караванов индийских купцов на чужой территории, удаленной от границ Кушанской империи. Во всяком случае, в Ташкентской области пока известны находки только двух халков кушан. Один из них («безымянного царя царей») был встречен в районе Ташкентской астрономической обсерватории. Второй (в виде примитивного подражания монетам Васудевы I) был найден на буграх селения Ногай-курган вблизи Ташкента.

На территории средневековой области Осрушана в первом ауле Ата-курганской волости Джизакского уезда в 1896 г. найдены были четыре золотые (по тогдашней терминологии «индо-скифские») монеты без дальнейшего уточнения сделанного в Императорской археологической комиссии определения.

В отношении коренных земель Согда, кроме ссылки на указанный текст Каабы Зороастра, сторонники включения их в состав Кушанской державы никаких иных исторических сведений не приводят. Между тем по всей долине Зеравшана из находок монет кушанского чекана зарегистрирован лишь один случай обнаружения халка «безымянного царя царей», при постройке в 1902 г. в новой части Самарканда моста на Решетниковской улице, и два — при работах на городище Пенджикента, где встречены такой же халк и медная монета Васудевы II. Показательно, что за время многолетних раскопок В. А. Шишкина, проводившихся с 1938 г. на городище Варахша в Бухарском районе, среди очень большого количества монет там не было обнаружено ни одной кушанской.

В долине Кашкадарьи, по устному сообщению В. Л. Вяткина, в 1908 г. где-то был обнаружен клад серебряных монет «безымянного царя царей». Характерно, что при длительных исследованиях Кашкадарьинской области С. К. Кабановым, производившихся им с 1938 по 1967 г., и в ходе полевых работ возглавлявшейся нами Кешской археолого-топографической экспедиции (1963—1968) там нигде не было встречено монет кушанского чекана.

Исключительно слабую насыщенность ими мы отмечаем и для территории древней Маргианы, которая, по мнению некоторых ученых, входила в состав владений Великих Кушан, поскольку в истории Младшего дома Хань сказано, что Кадфиз I «начал воевать с Парфией» (Аньси). Показательно, что на всей площади Мервского оазиса Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией за 22 года полевой деятельности при огромном количестве встреченных парфянских монет найдено в разных пунктах всего несколько кушанских монет: один халк Васудевы II на городище Гёбеклы; один халк Васудевы I с городища Мунондепе; другой — его же из раскопа № 13 на городище Гяур-кала в Старом Мерве; грубое подражание его же монетам из раскопа буддийской ступы там же; и, наконец, из того же раскопа халк «безымянного царя». Эти факты заставляют думать, что если даже кушаны действительно когда-либо и привели к покорности Маргиану, то только на самое короткое время.

Несколько иное фактическое положение наблюдается в отношении Хорезма, на завоевание которого кушанами в письменных источниках нет даже никаких намеков, хотя представление о таковом вошло в научные публикации уже свыше двух десятков лет тому назад. Археологической аргументацией для такого мнения служит мнимая «буддийская тематика» некоторых хорезмийских терракотовых статуэток; якобы «гандхарский стиль» монументальной скульптуры Топрак-кала и, наконец, находка небольшого фрагмента миниатюрной глиняной шестиступенчатой подставочки, принимаемой за осколок модели буддийской ступы. Даже если бы все это было так, то нельзя упускать из виду, что распространение буддизма в Средней Азии, включая Хорезм, могло происходить и за пределами границ государства Великих Кушан.

Вместе с тем в пределах правобережного Хорезма археолого-этнографическая экспедиция, возглавляемая С. П. Толстовым, за 30 лет обнаружила около 70 медных кушанских монет, преимущественно на городище Аяз-кала, а также в немногих других пунктах. В основном это халки Васудевы. Имеется несколько экземпляров монет Кадфиза II, Канишки, Хувишки. Нам известен более ранний случай находки в Хорезме халка «безымянного царя царей». Специфической особенностью нумизматических находок Хорезмской экспедиции является надчекан на подавляющем большинстве экземпляров тамги правителей Сиявушидов в виде S-образного знака, повернутого то в одну, то в другую сторону и накладывавшегося как на аверсе, так и на реверсе. Самый факт появления указанной тамги, выбитой где попало, равносилен граничащему с глумлением неуважению к фигурам кушанских царей и священным изображениям, официально признаваемым ими. Он едва ли может свидетельствовать в пользу гипотезы о признании правителями скромного по размерам правобережного Хорезма верховной власти могущественных государей великой империи. Логичнее допустить, что в низовьях Амударьи, всегда испытывавших острую нехватку металлов, был момент, когда Сиявушиды пошли на использование в местном обращении монет соседнего государства, имевшихся в огромном количестве на его рынках, в связи с чем и были наложены упомянутые надчеканы. Малое количество таких монет, обнаруженных экспедицией на протяжении стольких лет, и ограниченность в территориальном отношении мест их находок только правобережным Хорезмом, вероятно, являются показателями, с одной стороны, кратковременности пользования ими, а с другой — узколокального характера этого мероприятия. В других областях Средней Азии совершенно нет кушанских монет с какими-либо надчеканами.

Изобилие находок кушанских монет почти всех категорий мы наблюдаем в Сурхандарьинской области Узбекской ССР с прилегающими к ней с востока районами Таджикской ССР по верхнему течению Сурхандарьи, по Кафирнигану и Вахшу, а также в восточной части Чарджоуской области Туркменской ССР. В пределах указанной территории встречаются различные подражания греко-бактрийским монетам, в том числе посеребренные медные «тетрадрахмы» и «драхмы» раннекушанской эмиссии «варварского Гелиокла», а также позднее выпускавшиеся серебряные тетрадрахмы и оболы кушана «Герая». Кстати, к северу от Амударьи нами до сих пор не зарегистрировано находок хотя бы одного экземпляра ранних халков Кадфиза I четырех типов, которые выпускались в бытность его правителем-ябгу владения Гуйшуан. Только изредка попадаются медные монетные кружки двух типов с упоминанием кроме его имени еще и греческого базилевса Гермея. Зато когда он не только объединил под своей властью остальные четыре владения кушан, но и подчинил ряд других областей, включая Кашмир, и, приняв пышный титул «царя царей, великого спасителя», позволил себе при своей громкой славе стать в легендах монет «безымянным», его новый чекан широко распространился и в перечисленных районах трех советских среднеазиатских республик. Этому в значительной мере способствовало и долголетнее правление Кадфиза I — он дожил до 80-летнего возраста. Его крупные и мелкие халки с изображением на реверсах царя верхом на коне вправо весьма многочисленны здесь (встречаются даже целыми кладами). Отдельные экземпляры их в раскопках датируют культурные слои, лежащие ниже тех, что сопровождаются медными монетами его сына и наследника, Кадфиза II. Монетные кружки последнего столь же обычны среди местных находок, как монетные кружки Канишки, Хувишки, Васудевы I и Васудевы II. Зарегистрировано также несколько случаев обнаружения золотых монет Канишки и Васудевы I, причем целый клад ауреусов последнего в количестве 37 экземпляров был однажды открыт в развалинах Старого Термеза.

Обращает на себя внимание, что ареал массового распространения кушанских монет в советской Средней Азии совпадает с северными пределами Тохаристана в широком понимании средневековыми арабскими авторами этого термина, дошедшего от античного времени наряду с такими, как Сакастан, Дахистан и др. Полагаем, что в этом следует видеть совместное свидетельство нумизматических объектов и данных исторической топонимики о подлинных северных границах государства Великих Кушан, а следовательно, и об истинных размерах действительно принадлежавших ему в Средней Азии земель.

Название народа тохаров, участвовавшего в разгроме Греко-бактрийского царства, у которых позднее, по Помпею Трогу, царями сделались асиане и которые длительное время обитали на берегах Амударьи, оказалось надолго и прочно запечатленным в упомянутом термине, который еще в раннем средневековье имел несколько значений. В узком географическом смысле тысячу лет назад он прилагался к области между Балхом и Бадахшаном, именовавшейся также Нижним Тохаристаном. Под ним, как и под горными областями, лежавшими выше по течению Амударьи и именовавшимися Верхним Тохаристаном, по-видимому, подразумевался район, где началось возвышение правителей кушан. В более широком значении (уже политического характера) Тохаристаном в пору, предшествующую арабскому завоеванию, называли все тяготевшие к Балху области на обоих берегах Амударьи. Согласно Ибн Хордадбеху (IX в.), по левобережью в него входили и земли ниже Балха до бассейна Мургаба. Правобережный Тохаристан доходил на севере до гор, т. е. до Припамирья, Гиссарского хребта, Байсунтау, причем Дербендский проход, или «Железные ворота», считался перед арабским завоеванием границей Тохаристана. К нему же принадлежали, по свидетельству нескольких китайских хроник, земли области Нашебо, остаткам главного города которой, именовавшегося Нахшебом, как установлено нами в 1966 г., соответствует городище Кала-и Захок-и Морон у станции железной дороги Карши. В полном соответствии с этим находится показание армянского историка VII в. Себеоса, что сасанидский полководец Бахрам Чубин в 588—589 гг. «твердою рукою держал Бахл (Балх) и всю сторону кушанскую по другую сторону великой реки Вехрот (Амударьи) до места Казбион». Казбион — это город, который был известен средневековым арабским авторам под названием Кесба и руинам которого, по данным наших исследований 1964 и 1965 гг., безусловно соответствует городище Каспи, расположенное в 35 *км* к западу от Карши. Употребленный Себеосом термин «кушанская» был распространен к тому времени на эфталитов. Слова «всю сторону кушанскую» к северу от Амударьи до Казбиона допустимо понимать в том смысле, что именно в нижней части долины Кашкадарьи был предел былых тохаристанских владений. Севернее и восточнее, включая область Кеша (т. е. Китаба), располагались уже согдийско-кангюйские области, почему в «Бейши (IV—VII вв.) и указывается, что Тухоло (Тохаристан), коренные земли которого располагались к югу от Амударьи, простирался до владений Сиваньгиня (Кан).

От оазиса низовьев Кашкадарьи к западу в пределы кушанских владений входили земли около расположенной примерно в 200 *км* от Нахшеба главной переправы через Амударью на дороге из Маргианы в Бухарский район. На находящемся поблизости городище Старого Чарджоу, которое соответствует древнему городу Амулю, существовавшему, как установлено исследованиями Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, уже в античную пору, в отличие от Старого Мерва не встречено ни одного экземпляра парфянских монет. Наоборот, в закладывавшихся экспедицией на разных участках Старого Чарджоу археолого-стратиграфических шурфах позднеантичные культурные слои содержали исключительно кушанские халки. Наш проезд вниз по Амударье вдоль ее левого берега показал, что здесь граница кушанских владений проходила непосредственно за лежащим примерно в 150 *км* от Амуля крупным Кабаклинским тугаем. Он и в средневековье и до недавнего времени обычно служил как бы естественным рубежом между Хорезмом и расположенными к юго-востоку владениями на среднем течении этой реки. О роли Кабаклинского тугая как пограничного района в пору существования Кушанского государства свидетельствуют находящиеся в его северном конце руины южной античной крепости в группе Кош-кала. При возведении этой прямоугольной в плане крепости наиболее угрожаемым считался обращенный к Хорезму северный фас, почему он имел кроме угловых башен в два раза больше (по сравнению с тремя остальными) промежуточных фланкирующих башен. Вся сумма археологических наблюдений наглядно показывает, что это была именно кушанская крепость, созданная в первых веках нашей эры, чтобы служить форпостом против Хорезма.

Вообще к югу от намеченной северной границы Тохаристана на комплексах бытового инвентаря и на памятниках искусства античного времени лежит отпечаток непосредственного влияния культуры государства Великих Кушан, в совокупности отличающихся от таковых же на территории севернее указанного рубежа. Денежное хозяйство областей коренного Согда, судя по их чеканам, современных кушанскому, отражает стремление не допускать у себя обращения монет Кушанского государства, постепенно перешедшего к системе, базирующейся на золоте. В связи с этим они продолжали придерживаться системы, основанной на серебре. В моменты острой нехватки этого металла кангюйско-согдийские владения выпускали слегка посеребренные медные монетные кружки.

Преувеличенное представление о северных границах государства Великих Кушан является результатом повышенного интереса к проблеме кушан, поддерживаемого постоянными открытиями новых изумительных памятников их искусства, и недоучетом значимости исторической роли в тот же период Мавераннахра, Ферганы, Хорезма и Кангюя в целом, который покорил ряд среднеазиатских областей еще до нашей эры, а в эпоху династии Цзинь (265—419), усилившись, перенес на юг в долину Кашкадарьи свою главную ставку. Последнее событие запечатлено на ряде археологических памятников Каршинского и Шахрисабзского районов в слоях с комплексами инвентаря позднего типа каунчинской культуры.

Затронутая в нашем докладе тема, вероятно, вызовет дискуссию между сторонниками разных взглядов. Нам представляется, что вопрос о северных границах Кушанского государства разрешится легче и скорее, чем столь важный вопрос о хронологии. К нему необходимо привлечь специалистов по археомагнетизму Земли, которых археологи должны снабдить соответствующими образцами жженых кирпичей и пробами обожженных стенок плавильных, керамических и кирпичеобжигательных печей кушанского времени. Для контроля получаемые данные анализов придется сопоставить с таковыми же, более уточненно датированными памятниками Нисы, Мерва и других соседних районов.

В вопросе же о длительности кризиса, наступившего после падения Кушанского государства и отмечаемого по многим крупным объектам античного времени на землях оседлой культуры Мавераннахра и Южного Туркменистана, главную роль должны сыграть тщательные наблюдения во время раскопок за фактами естественного порядка для определения уровней погребенных почв, с учетом почвообразовательных процессов и следов растительного покрова. При археолого-биологических наблюдениях в условиях Средней Азии лучшими индикаторами являются донца норок некоторых видов жуков, колоний земляных пчел и раковины некоторых сухолюбивых моллюсков, преимущественно Helicella candagarica.

Будущее — за разработанными и давно применяемыми в процессе раскопок Кафедрой археологии Средней Азии приемами археолого-биологических наблюдений. Они в первую очередь важны при археологических исследованиях в Средней Азии, Афганистане и Иране.

Summary

1. The reason for the present controversy among scholars as to the northern borders of the state of the Great Kushans is the dearth of relevant written sources which would provide direct, clear-cut data on the issue, with scientific literature dominated by more or less exaggerated conjectures as to the size of the Kushan domains in Central Asia.

2. Fergana is included into the Kushan state mainly on the assumption that part of the Yüeh-chih, while moving from the Northern Tien Shan area through this territory, were likely to have settled there, which might have been instrumental in the subsequent incorporation of the Fergana valley into the domain of the Great Kushans.

3. The alleged conquest of Sogd and Chachstan by the Kushans is inferred chiefly from the erroneous interpretation of part of the inscription of Shapur I on the Kaaba of Zoroaster, which, far from pointing to these regions as organic to the Kushan state (Kushansahr), only mentions them among some other regions west and east of Iran as just remote corners of the domain of this Sassanian ruler.

4. True, there is a certain phonetic similarity between the name "Kushan", on the one hand, and the names of the Fergana town of Kasan, Kashkadarya Kiss or Kesh and the early-medieval town in the Zeravshan valley (apparently, somewhere around Katta-Kurgan) called Kushani, as well as the name of a group of foreign merchants that lived in Bukhara in the early 8th century — "Kash-kashan", on the other. The latter name has survived in several graphic forms. Yet this similarity cannot be treated as indisputable and is but a questionable hypothesis, which is still to be backed up with weighty proof.

5. The arguments in favour of the Kushan reign in Khorezm from the middle of the 1st century A.D. until the late 2nd century are: first, the allegedly Gandharan style of the monumental sculpture of Toprak-Kala; second, the alleged presence of Buddhist motifs in some Khorezmian terracotta figurines; third, some small archaeological finds from Khorezm purportedly associated with the Buddhist cult; and, finally, some 70 specimens of Kushan coins related to Kadphises II, Kanishka, Huvishka and mainly to Vasudeva, all of which were found on the territory of right-bank Khorezm. Yet, even if the disputable objects are accepted as related to Buddhism, an important point to be remembered is that Buddhism itself might well have transcended the official boundaries of the state of the Great Kushans. Moreover, the vast majority of the copper Kushan coins found in Khorezm have a countermark in the form of the tamga of the local Khorezmian rulers. This was done with the purpose of allowing to the Khorezmian market coins of foreign mintage from the neighbouring state.

6. If the term "Tukharistan", which had been widely used as far back as the early Middle Ages, is viewed in the historical-geographical, ethnographical and political context, and if a number of archaeological and topographical observations are taken into consideration, one can venture a supposition that the northern boundaries of the state of the Great Kushans along the right bank of the Amu Darya reached as far as the Pamir region, the Hissar ridge and the Baisun mountains, with the Derbend pass in the latter ("The Iron Gate") regarded as the border of Tukharistan. The Kushans owned only the lower reaches of the Kashka Darya River valley. From there the border turned southwest and then passed along the Amu Darya, including Amul (old Chardzhou) and the lands of what is now the vast Kabaklin *tugai*, which bordered on Khorezm.

7. South of the outlined border all the archaeological finds of household utensils and monuments of art bear traces of the direct cultural impact of the state of the Great Kushans. Besides, this area is noted for an extreme abundance of Kushan coins of all categories, whereas to the north of the above border such coins, as shown by many years of observations, are found very rarely and are represented by chance specimens. The latter circumstance is accounted for by the fact that the Sogdian regions which came under K'ang-kiu, a less centralised state of a special type, enjoyed an almost independent status and even after having been subjugated by K'ang-kiu persevered in coining money of their own local mintages. In this they stuck to the system, based on silver, which they had inherited from the Greeks, whereas the financial structure of the Great Kushan Empire situated farther south had long before switched over to gold.

Н. Г. ГОРБУНОВА (СССР, ЛЕНИНГРАД)

ФЕРГАНА В КУШАНСКОЕ ВРЕМЯ

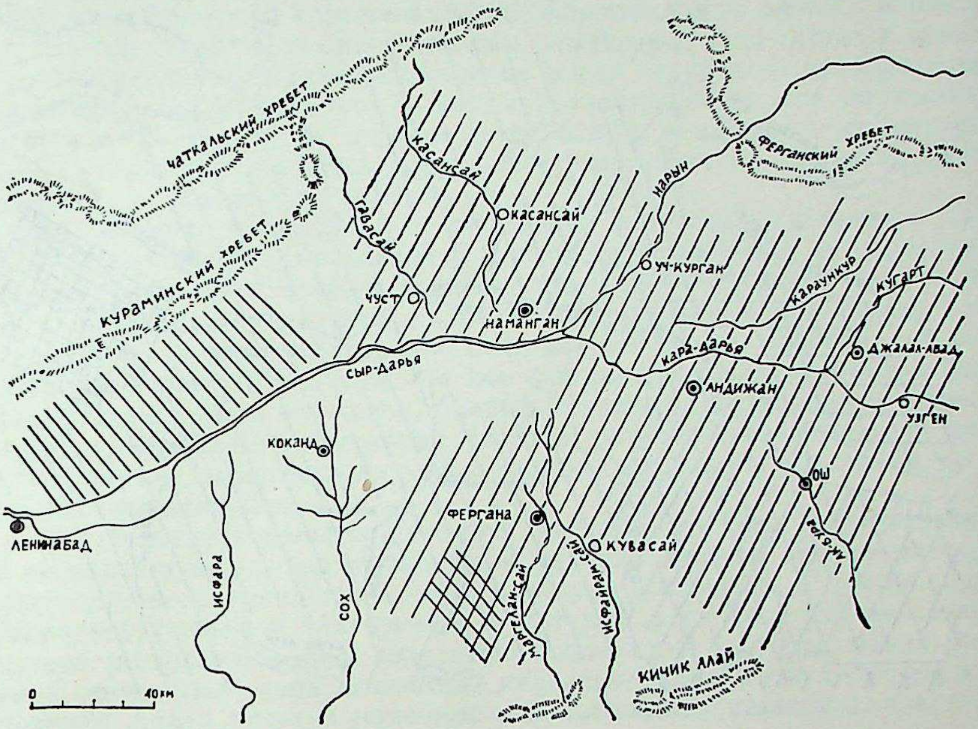
Вопрос о том, что собой представляла Фергана в кушанскую эпоху, и об ее отношении к Кушанскому государству должен быть рассмотрен в свете как письменных, так и археологических источников.

Фергану принято отождествлять с владением Давань, фигурирующим в китайских династийных хрониках докушанского и кушанского времени. Высказывались аргументы и против такого отождествления. Я не ставлю своей задачей в настоящем докладе разбирать эти точки зрения, но если исключить тождество Давань — Фергана, то окажется, что нет письменных источников кушанского времени, в которых Фергана вообще упоминалась бы, и тогда все аргументы о ее вхождении в Кушанское государство, основанные на сведениях письменных источников, просто отпадают. Однако я не думаю, что это тождество должно быть полностью исключено. Скорее всего Давань соответствует если не всей Ферганской долине, то какой-то ее части, и поэтому привлекать данные китайских хроник все же можно.

В «Хоу Ханьшу» Давань не фигурирует в списке владений — впрочем, как и некоторые другие владения. Она упоминается только как владение, зависимое в какой-то степени от Яркяна. Судить по этим данным об ее отношении к Кушанскому государству нельзя, тем более что у нас нет определенных критериев для установления различных степеней зависимости областей внутри и вне его.

Давань фигурирует также и в «Вейлио» и «Цзиньшу» как отдельное владение. Только в «Бейши», в части, относящейся к V в. н. э., появляется Полона, отождествление которой с Ферганой как будто не вызывает сомнений. Но именно здесь отмечается, что это и есть древняя Давань (Паллейбланк полагает, что это неточно). В части же, относящейся к VII в., мы находим уже Бохань. Именно в этом разделе говорится, что владетель ее прозывается Чжаову. В то же время Бохань отождествляется здесь не с Даванью, а с древним владением Кюй-сэу, находившимся в Восточном Туркестане, хотя Бохань — принятая транскрипция Ферганы (под этим названием она фигурирует и в «Таншу»). Во всех случаях Фергана описывается как самостоятельное владение.

Из всех этих сведений два момента обычно использовались для обоснования вхождения Ферганы в Кушанское государство: название столицы Давани — Гуйшуань и наименование владетеля — Чжаову. Но на мой взгляд, этого слишком мало, тем более что в вопросе о термине Чжаову нет еще достаточной ясности. Кроме того, оба эти момента могут быть объяснены иначе. Имеется упоминание о том, что юечжи в своем движении на запад так или иначе задели Давань, и не исключено, что какая-то их часть осталась в ней, привлеченная богатыми плодородными землями и пастбищами. Возможно, что среди оставшихся юечжей были принадлежавшие к роду Гуйшуан (Паллейбланк говорит о том, что, возможно, юечжи на некоторое время взяли власть над Даванью). Это могло привести к появлению в Фергане города Гуйшуань, который впервые фигурирует в «Ханьшу», т. е. до образования

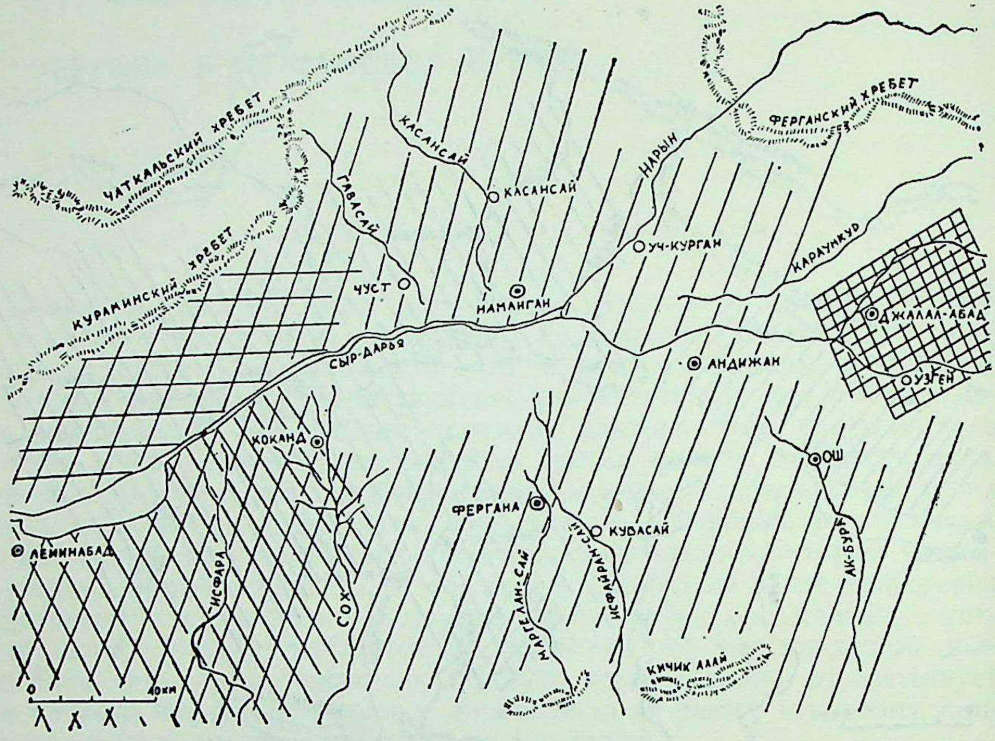

Чаткальский хребет
Кураминский хребет
Касансай
Гавасай
Касансай
Нарын
Ферганский хребет
Уч-Курган
Чуст
Наманган
Караункур
Кугарт
Кара-Дарья
Джалал-Абад
Сыр-Дарья
Андижан
Узген
Коканд
Ош
Фергана
Кувасай
Ак-Бура
Ленинабад
Исфара
Сох
Маргелан-сай
Исфайрам-сай
Кичик Алай
0
40км

Ареал культур в Фергане в I тысячелетии до н. э.

Кушанского государства. Может быть, так же можно объяснить и термин Чжаову — как сохранение только легендарного свидетельства о движении юечжей через Давань и отождествление Бохань с Кюй-сэу как «прародиной» населения Бохань. Словом, все эти сведения могут быть скорее объяснены оседанием какой-то части юечжей в Фергане и традиционным их описанием. В вопросе же о взаимоотношении Ферганы с Кушанским государством сведения письменных источников пока использованы быть не могут.

Археологические памятники Ферганы, относящиеся суммарно к последним векам до нашей эры и первым векам нашей эры, исследованы почти во всех районах долины. Сравнение материалов, полученных при раскопках, позволило наметить локальные группы: восточную, центральную, северо- и юго-западную.

Восточный район — это крайний восток долины, верховья Карадарьи, Узгенский оазис. Он отделен от остальной части долины адырными поднятиями. Исследованы городища и небольшие сельские укрепленные поселения, сплошь застроенные нерегулярно спланированными помещениями. Могильники главным образом небольшие, содержат не более 50 насыпей. Раскопано немного курганов; в них обнаружены погребения в подбоях и катакомбах с незначительным инвентарем, главным образом керамикой. Материал, полученный при раскопках как поселений, так и могильников,— главным образом керамика. Основная ее часть — лепная, различных сложных форм, крашенная красной краской и расписная. Очень незначительно представлена станковая керамика, покрытая красным, большей частью блестящим ангобом, иногда с процарапанным геометрическим орнаментом. Если керамика с красным ангобом известна на всей территории долины, то лепная расписная — это локальная особенность восточного района.


ЧАТКАЛЬСКИЙ ХРЕБЕТ
КУРАМИНСКИЙ ХРЕБЕТ
ГАВАСАЙ
КАСАНСАЙ
КАСАНСАЙ
НАРЫН
ФЕРГАНСКИЙ ХРЕБЕТ
УЧ-КУРГАН
КАРАУНКУР
ЧУСТ
НАМАНГАН
ДЖАЛАЛ-АБАД
СЫР-ДАРЬЯ
АНДИЖАН
УЗГЕН
КОКАНД
ОШ
ФЕРГАНА
КУВАСАЙ
ЛЕНИНАБАД
ИСФАРА
СОХ
МАРГЕЛАН-САЙ
ИСФАЙРАМ-САЙ
АК-БУРА
КИЧИК АЛАЙ
0
40км

Ареал культур в Фергане в первой половине I тысячелетия н. э.

Центральный район — вся основная часть долины, за исключением запада. Здесь также исследовались как поселения, так и могильники. Среди поселений — городища с цитаделью-замком, замок, крепость, сельское поселение с винодельней, своеобразные культовые постройки. Одна из таких построек по планировке и характеру строительства напоминает буддийскую ступу. Вторая сильно выветрена и разрушена, но, возможно, тоже имела крестообразную форму. Никаких культовых предметов не найдено.

В большинстве исследованных могильников открыты погребения в подбоях и катакомбах с ориентацией погребенных на север, юг и восток. В обособленных могильниках открыты погребения в неглубоких грунтовых ямах с ориентацией погребенных головой на запад. Различия между могильниками с разной формой захоронения — и в богатстве и в наборе инвентаря. В первых наряду с большим количеством украшений встречается много оружия; во вторых — только керамика и некоторые бытовые предметы. Для всех памятников центрального района характерна керамика, сделанная на круге, покрытая красным блестящим или тусклым ангобом. Часть ее украшена процарапанным геометрическим орнаментом. Формы разнообразны, но характерны для всего центрального района и сходны со станковой и отчасти лепной керамикой восточного района. Весьма возможно, что в пределах центрального района в дальнейшем могут быть выделены микрорайоны, например междуречье Карадарьи и Нарына.

В юго-западном районе по сравнению с центральным и восточным меньше поселений; они рассредоточены и чаще всего небольшие, сельские (исследованы всего три). Зато здесь значительно больше могильников, и они, как правило, крупные, насчитывающие свыше 200—300 насыпей (иногда до 1000). Погребения совершены в подбоях и катакомбах, реже в грунтовых могилах, отличающихся по устройству и ориентации погребенных от грунтовых могил в центральном районе. В одном могильнике открыты каменные склепы — муг-хона. Для богатых инвентарем могильников характерно наличие вещей китайского производства. Керамика этого района близка керамике центрального как по технике изготовления, так и по формам, хотя есть и некоторые особенности форм, а качество выделки намного уступает качеству керамики центрального и восточного районов.

В северо-западном районе поселений немного; исследованы два. Большое количество могильников содержат погребения в каменных ящиках — муг-хона. Только в одном могильнике открыты катакомбы. Керамика также станковая, красноангобированная. Среди форм есть идентичные формам центрального и юго-западного районов, но они менее тщательно выполнены. Не все формы центрального района распространены здесь; есть свои, специфические, не встреченные в центральном районе. Качество также уступает качеству керамики центрального района. Инвентарь муг-хона близок инвентарю катакомбно-подбойных могильников.

Отмеченные локальные различия не стабильны в истории Ферганы. В предшествующие эпохи бронзы и раннего железа ареал культуры был иной: несомненна общность в культуре восточного и центрального районов (чустская и эйлатанская культуры) и обособленность северо-запада (кайраккумская и эйлатанская культуры). На юго-западе Ферганы неизвестны (если исключить палеолит) памятники докушанского времени. Ареал культур изменился, и локальные варианты в кушанское время отличаются от локальных вариантов более ранней эпохи.

В наиболее благоприятном с точки зрения природных условий восточном районе длительное время продолжает развиваться древняя ферганская культура расписной керамики, в то время как на остальной территории долины эта традиция росписи керамики прекращается на эйлатанском этапе в эпоху раннего железа и сменяется культурой с характерной красноангобированной керамикой. Последняя распространяется и в западных районах, где вообще не было традиции культуры расписной керамики. В связи с этим я считаю возможным допустить проникновение новой технологии изготовления посуды с запада, может быть от юго-западных соседей Ферганы. Интересные наблюдения дает также рассмотрение погребального обряда. Для культуры эпохи раннего железа мы знаем погребения в грунтовых могилах головой на запад. Продолжение этой традиции я вижу в могильниках с грунтовыми погребениями кушанского времени, в то время как катакомбно-подбойные погребения являются новыми для Ферганы и имеют некоторые параллели за ее западными и восточными пределами. Характерно, что красноангобированная керамика появляется в Фергане, видимо, одновременно с катакомбно-подбойными погребениями, так как в последних не встречается керамика предшествующего этапа. Все это приводит к мысли о наличии некоего западного компонента в сложении культуры Ферганы кушанского времени. В то же время необходимо отметить, что качество керамики гораздо лучше в центральном районе, нежели в западных, что связано, видимо, с традиционным искусством гончарного ремесла земледельцев Ферганы, отсутствовавшим в западных районах.

По-видимому, около рубежа или в самом начале нашей эры на территорию Ферганы с запада проникают какие-то племена, скорее всего кочевые, которые, заняв не освоенные еще земли юго-западного района, продвигаются далее в глубь долины, в более густо заселенные районы. Одновременно идет процесс освоения новых земель исконными жителями Ферганы, осваивающими в этот период предгорные районы. Смешение этих потоков приводит к созданию культуры Ферганы кушанского времени, в которой нашли свое отражение как высокая земледельческая культура ферганцев, так и погребальные обычаи кочевников. В то же время наиболее освоенный и дальний восточный район долины сохраняет традиции древней земледельческой культуры; он мало — и не сразу — подвергается новым влияниям.

Конечно, все эти вопросы потребуют дальнейшей разработки, так как у нас еще нет для Ферганы точных хронологических критериев, но думаю, что в целом процесс развивался именно так.

Другая сторона вопроса — соотношение культуры Ферганы с культурой кушанской Бактрии. Здесь гораздо более отчетливо видны различия, нежели сходство. Это прежде всего касается форм керамики; затем бросается в глаза отсутствие терракот, памятников скульптуры и живописи, кушанских монет. Находимые монеты в основном ханьские. В то же время очевидно большое количество китайских вещей. При этом все-таки нельзя забывать о непонятных, но напоминающих буддийские постройках и о находке бронзовой статуэтки индийского типа, так же как и о сходстве в технологии изготовления керамики. Таким образом, при явном различии культуры Ферганы и собственно кушанских районов намечаются некоторые связи, особенно для западных районов долины.

Все сказанное, на мой взгляд, может находиться в какой-то связи с некоторыми данными письменных источников о движении юечжей через Фергану или около Ферганы и некоторыми неточностями в локализации различных областей, соотносимых с Ферганой. Может быть, Давань, Полона, Бохань, а впоследствии и Нин-юань соответствовали различным районам Ферганы? Я далека от мысли буквального соединения археологических данных со сведениями письменных источников. Это было бы неосмотрительно и слишком грубо. Но я думаю, что иметь в виду такие сопоставления можно.

Таким образом, сейчас у нас нет никаких прямых свидетельств, ни письменных, ни археологических, для суждения о взаимоотношении Ферганы и Кушанского государства. Намечающиеся моменты общности в культуре Ферганы и кушанских областей следует относить, видимо, за счет существования связей и некоторой общности в сложении культуры, вызванной также и передвижением племен.

Summary

1. The question of the northern border of the Kushan Empire has as yet not been settled. Some researchers believe that in the north the Kushan Empire was demarcated by the Hissar range, others maintain that at some stage or other Sogd, Chach, Khorezm and Fergana were part of it.

2. Some data on Fergana in Kushan times is contained in the Chinese chronicles. Fergana (Chinese: Ta-yüan, Polona, Pohan) is described as an autonomous region independent of the Kushan state (Chinese: Ta-Yüeh-chih). The fact that the capital of Ta-yüan was called Kui-shuan, encountered in *Chien-Han shu,* i.e. before the emergence of the Kushan state, and the later medieval tradition ascribing a Yüeh-chih origin to the Fergana ruler, cannot be considered sufficiently convincing testimony to the links between Fergana and the Kushan Empire.

3. Studies were made of settlements and burial sites on Fergana territory. The lay-out of large town-sites, small settlements, fortresses, castles and unusual cult structures (Tepe 5 in south-east Fergana) resemble Buddhist stupas. Pottery, implements and arrowheads were found. There are three types of burial sites: (1) with burials in shaft-type and catacomb tombs with the skeletons facing N, S and E, containing a lot of

implements, including weapons; (2) with burials in ordinary pits, the skeletons facing mainly W, with few implements and without weapons; (3) burials in stone tombs (mugkhona) resembling as regards the implements found, the shaft-catacomb tombs.

4. According to the ceramics and the burial rites, we can distinguish four districts with local features in Fergana in Kushan times: the east (Uzgen Oasis), the central part of the valley, the south-western district and the north-western district.

5. There is greater similarity between the central and the western district than between the central and the eastern ones. In the preceding period, however, the reverse was observed, namely, a greater resemblance was found between the central and eastern districts and a definite distinction from the western. This gives reason to assume the influence of Fergana's western neighbours on the formation of Fergana culture in Kushan times (for example, the wide spread of red pottery techniques, burials in catacomb and shaft-type tombs, etc.). It appears that the migration of the tribes had a definite effect on Fergana, primarily on its western districts, which were more accessible for penetration into the valley and less developed in former periods.

6. Archaeological material thus testifies to the existence in Fergana during the first half of the 1st millennium of our era (a more accurate chronological classification is as yet impossible) of a culture which shaped apparently in the last centuries B.C. or the first centuries A.D. not without the influence from neighbouring Western Central Asian agrarian regions. At the same time Fergana culture is distinct from the Kushan culture proper as known to us from monuments (the absence of Kushan coins, terracotta figurines, other forms of pottery, etc.).

7. Thus, neither written nor archaeological materials enable us to draw the conclusion that Fergana was part of the Kushan Empire. The links of Fergana's culture with her western neighbours speak of contacts, of a common basis of cultural development — due, among other things, to the migration of tribes.

B. PURI (MUSOORIE, INDIA)

THE LATER KUSHANS

The history of the Later Kushans is not obscure, though detailed information about them is certainly wanting. Inscriptions mention a few names, and the coins of at least two or three Later Kushan rulers have also been found. The Chinese evidence in this connection is blank. Some scholars no doubt presume that the Ta-Yüeh-chih king, allied to the Wei, who sent an embassy to the Chinese emperor in 230, as mentioned in the *San-Kouo-tche,* was Vasudeva II. It is on the basis of these chips of information that an attempt could be made to lay the mosaic of Later Kushan history. It is evident from the inscriptions of Kanishka and his successors that these imperial Kushans ruled from the year 1-98. There is no reference to the successor of Vasudeva, but it is clear that the dynasty did not have an abrupt end. Several records have been found in Mathura which appear to be connected with the successors of Vasudeva, the Later Kushans. At least two inscriptions from Sanchi might as well be of a Later Kushan ruler. The history of this third Kushan family may be recorded on the basis of the available inscriptions, numismatic evidence, chronological considerations, palaeographic study of the inscriptions and their language, and, lastly, archaeological evidence.

Shahi Vamataksha. An inscription[1] between the feet of a colossal seated figure of a king, discovered from Tokri Tila near the village of Math, now in the Mathura Museum, mentions the name of the king seated in European fashion on a throne supported by two lions on either side. He is called *Maharaja Rajatiraja Devaputra Kushanaputra Shahi Vamataksha.* The last word is disputed. According to Janert[2], *(Vema) ta(kshu)masya,* of which the last two syllables at any rate are certain, appears to be a genitive, whereas all the titles show the nominative endings. Even if this is conceded, there is another difficulty, as no Kushan king bears the slightest resemblance to the supposed name of this inscription. Although the name of the ruler cannot be read out with absolute certainty, the contents of the inscription and the titles used by this ruler are very important from the point of view of the Later Kushan history, as well as for religion under the Kushans. Jayaswal suggested[3] that this Kushanaputra was Vema, splitting the words *Vema* or *Vama takshamasya,* the son of the first ruler, who is called Kushan. It is, however, clear from the Manikiala inscription[4] that Gushan or Kushan was the name of the family and not of an individual ruler. Further, neither *devaputra,* nor Kushan, nor Shahi has turned up as titles of Vima Kadphises. Moreover, no inscription of Vima Kadphises has been found in Mathura. This inscription records the erection of the temple (*devakula*), a garden (*arama*) and a well (*udapana*) by a Bakanapati with the name not properly deciphered. The term *Bakanapati* is noticed in two other records[5] of the time of Huvishka, including one from Mat itself. The *devakula* mentioned in this record appears to be different from the one of the time of Huvishka, which was actually repaired. It can, however, be suggested that this record might be earlier than the one of the time of Huvishka, and both might refer to the same *devakula*—"god's house". The Huvishka record has no reference to the garden and the well; and the name of the father of the Bakanapati, although mentioned in the record of Huvishka's time, is missing in the other one. The two lords of Bakana appear to be different. The only point of common interest was their homeland and the zeal which brought them to Mathura. The Kushanaputra in whose reign the new *devakula* was set up appears to be a descendant of the earlier Kushan family of Kanishka, who ruled in Mathura immediately after Vasudeva. He might be regarded as the first ruler of the new dynasty. His reign appears to have been a short one, as coins of this ruler have not been found.

Kanishka II. The next ruler was probably Kanishka II, whose name figures in an inscription on a pedestal recovered from an enclosed part of the Dalpat-ki-Khirki Mohalla in Mathura, and published by Daya Ram Sahni in *Epigraphia Indica*[6]. The date of this record, read as 14 by Sahni, has been a subject of contention among scholars[7]. This is the first Kushan record in which the month is quoted by the Hindu solar name instead of the seasonal one, as we find in other records. Second, Buddha is mentioned for the first time as a *Deva (Buddhasya svamatsya devasya)*. Third, the palaeography of the record brings it closer to the eastern-variety Gupta script. The find spot of the inscription is equally important. It was found in an elevated part of the site mentioned above and not at Kankali Tila, where the inscriptions of Kanishka and his successors were found. The inscription records the setting up of the image of the Buddha by Sanghila on the 10th day of the month of Pausha in the year 14 of Maharaja Devaputra Kanishka. The palaeography of the record and its date have been under the close scrutiny of epigraphists. F.W. Thomas suggested that the two forms in the year and in the day of the inscription, both read as 10, show divergence; nor do other considerations mentioned by Daya Ram Sahni seem to preclude a reading of the number year as 104. According to Thomas, a Kanishka ruling in the year 104, or even 204, is not surprising. A relatively late "Kanishka" has always been admitted. Thomas went a step further by suggesting that even a Kanishka of the year 204, if not later than about the 3rd century A.D., would not be impossible; at any rate, the *Devaputra Shahanushahis,* though as early as c. 240 A.D. they lost Bactria to the Sassanians, survived in Gandhara and perhaps in the Punjab and Mathura long enough to be in touch with Samudragupta.

Prof. Mirashi, on the other hand, read the first symbol as 50 and dated the record in the year 54[8]. He identified this Kanishka with that of the Ara inscription, and explained the overlapping of the reigns of Huvishka and Kanishka II by suggesting that there was a civil war in the Kushan Empire after the death of Vasishka. At first Kanishka II was victorious and he ruled as emperor till the year 41. Sometime between 41 and 40 he suffered reverses at the hands of Huvishka, who reduced him to a subordinate position. Soon thereafter both of them were defeated by someone else and reduced to the subordinate rank of maharaja. Prof. Mirashi seems to lay much stress on the absence of the titles and speculates on these implausible pieces of evidence. Kanishka I is called *Maharaja Rajati raja Devaputra* in the Suivihar inscription[9] dated in the year 11, while in the Zeda inscription[10] of the same year he is simply accorded the epithet *Muroda*—translated as "the Lord", without the imperial titles. Does it in any way imply the loss of imperial status in the same year? These records were not official *prasastis,* and the donors were not expected to be well-versed in the conveyance procedure necessitating reference to the full titles of the ruler. The part relating to Mirashi's contention that there was a civil war after Vasishka's death and the subsequent events that followed, leading to the subordination of Kanishka II of the Ara inscription, and the final reduction of both the Kushan rulers to a subordinate rank will be considered later on with proper perspective.

We had occasion to examine the estampage of the record and also the pedestal on which it is recorded in the Patna Museum. We feel that apparently there is not much difference in the symbol for 10, used both for the year and the month. The two knobs in the case of the latter are, however, more pronounced than in the former. F.W. Thomas in his paper on "Kanishka Year 14" rightly pointed out that either of the two characteristics, palaeographical or linguistic, would by itself suffice to demonstrate that the inscription does not date from the year 14 of the Kanishka era. He also referred to the conclusion drawn by N.G. Majumdar in a note that, palaeographically, it is impossible to refer this inscription to Kanishka I, that is to say, to the Early Kushan period, as its alphabets show predominantly Gupta forms. The deduction, according to Thomas, in this form may seem irrefutable. The existence of this later Kanishka, whom we might propose as Kanishka II, seems a reality, and his date—the year 14 which we might explain to be in an era of omitted hundreds—be really 114. This could be related to Kanishka's era. It is difficult to suggest the length of his rule. It is quite likely that he might have ruled till the year 20, or 120, followed by Vaskushana-Vasishka.

Vaskushana-Vasishka. There are probably three records of this Kushan ruler, two from Sanchi and one from Mathura. It is generally suggested that the two were different: the former was just a local ruler of Sanchi, while the latter, whose two records dated in the years 24 and 28 were recovered from Mathura and Sanchi respectively, was the son of Kanishka I. Unfortunately, no coins of Vasishka have been found so far, but there are coins of Vasu in the Later Kushan group. The absence of the coins of Vasishka, the existence of a Kushan Maharaja Vaskushana at Sanchi in the year 22, when Kanishka was alive[11], and that of his son Kanishka of the Ara inscription, with the high-sounding titles *Maharaja Rajatiraja Devaputra Kaisara Kanishka* in the time of Huvishka[12], weigh heavily against Vasishka's place as a Kushan ruler in the line of Kanishka. It would be more appropriate to place him in the Later Kushan group, as the successor of Kanishka II of the Mathura inscription of the year 14 noticed above.

The first record of this ruler is dated in the year 22, and it is recorded on the pedestal of the standing image of the Buddha from Sanchi[13]. His titles are mutilated except *Rajan* (*Rajn o Vaskushanasya*). Even in the absence of other titles, the independent status of this ruler need not be questioned[14]. The Kshatrapas and the Mahakshatrapas under Kanishka never bore this title[15]. Scholars have more or less ignored the existence of this ruler, who figured quite prominently in the Later Kushan history. Marshall remarked[16] that possibly he was a foreigner who came to power in and around Mathura after the fall of Vasudeva Kushana. The identification of this ruler with Vasishka seems to rest on surer ground, as another inscription of the time of Vasishka is found on the pedestal of a seated Bodhisattva figure in dhyana mudra from the same place[17]. This record is dated in the year 28 of the time of Maharaja Rajatiraja Devaputra Shahi Vasishka. Another inscription[18] of this ruler, inscribed on a sacrificial post (*yupa*) recovered from Isapur in Mathura is dated in the year 24. This record is in pure Sanskrit, unlike the mixed dialect in which the Kushan records are generally found, and it mentions the setting up of the yupa.

Now, in connection with the identification of Vaskushana with Vasishka, several points may be taken into consideration. The palaeography of the two records from Sanchi, their language and contents are equally important[19]. The language of both is identical—the first one records the setting up of an image of Bhagavat Sakyamuni (*Bhagavato Sakyam(un)eh pratishtapita*), the other one refers to the installation of an image of Bhagavat Bodhisattva (*Bodhisattva Bhagavatsya pratishtapita*). Both statues were found in excavations not very distant from each other. The palaeography of the two does not show any appreciable difference. It can be presumed, if both are identical, that possibly Vasishka was deputising for his father Kanishka I in the year 22, but the record definitely mentions *Rajan*, besides other titles which are mutilated[20]. So Vaskushana appears to be an independent ruler. It might as well be argued that if Vasishka, identified here with a Vaskushana, belonged to the Later Kushan family, then how do we account for the gap between the year 23, possibly the last one of Kanishka's reign, and the year 28, the beginning of Huvishka's reign? The answer to this query might be provided by an inscription noticed by Growse[21]. It is dated in the year 28 *hemanta*. The record runs as ...*shkasya rajasamvatsare 28 hemanta*. As the full name of the ruler is not given, he could be either Kanishka or Huvishka. According to Growse, the king was most probably Kanishka, for the end of the tail of *na* is just visible, and his other inscriptions were found on the same spot. Kanishka I, therefore, seems to have ruled till the year 28, and to have been followed by Huvishka. The absence of the coins of Vasishka is inexplicable. Those of Vasu in the Later Kushan group could be associated with him. It is rather strange that an imperial Kushan ruler, with big titles like *Maharaja Rajatiraja Devaputra Shahi,* with a reign covering at least four years, if not more, should remain in obscurity. The coins of Vasu of the Later Kushan family have Brahmi letters. A study of the three inscriptions would suggest that Vasu-Vasishka belonged to the Later Kushan family, and not to the imperial line. This is evident from the coins of Vasu and the absence of coins bearing the name of Vasishka. Furthermore, the information provided by the Ara inscription dated in the year 41 is important since it refers to Vajeshka=Vasishka as the father of King Kanishka of that record.

Kanishka III. In trying to settle the floating islands of Kushan chronology, King Kanishka of the Ara inscription[22], dated in the year 41, poses a difficult problem. While he himself would appear to be an intruder during the unbreakable reign of Huvishka between the years 28 and 62, his father Vajeshka, mentioned in this record, would impinge on the authority of Kanishka or Huvishka, if the two are associated with the imperial line. We have little reason to consider this Kanishka an adventurer in view of the high-sounding titles, including that of *Kaisara*, assumed by him. The inscription records that during the reign of the Maharaja Rajatiraja Devaputra Kaisara Kanishka, the son of Vajeshka, in the forty-first year, on the twenty-fifth day of the month of Jayaishta, a well was dug by Dashavhara of the Peshawarian scions (*Poshapuriaputrana*). The name of the ruler's father, Vajeshka, is rightly identified with Vasishka, but the place of this Kanishka in the Kushan chronology is disputable. Some scholars identified[23] him with Kanishka I and presumed that he ruled for over forty years and his sons Vasishka and Huvishka were only deputising for him with the titles of Maharaja, while the sovereignty was vested in Kanishka himself. This situation was the result of Kanishka's absence from India. The other alternative proposals suggested by Lüders and Konow, as noticed earlier, envisaged a division of the Kushan Empire (after the death of Kanishka) between Vasishka and Huvishka, and the latter succeeding Vasishka's son Kanishka of the Ara inscription over the entire Kushan Empire, comprising the eastern and western wings. Mirashi, however, assumed that there was a civil war in the Kushan Empire after the death of Vasishka, with success alternating between this Kanishka and Huvishka, and finally both of them being reduced to a subordinate status by someone else. Unfortunately, all the alternatives suggested above pose difficulties and are unacceptable. The identity of the two Kanishkas might not be impossible, but it is improbable for Kanishka to have ruled for such a long time, entrusting his vast empire to the care of his two sons, whose names figure in all the donatory and dedicatory records as full-fledged sovereigns. In this solitary record the Peshawarian scions think of the old emperor. On the other hand, if there was a division of the empire, with Huvishka getting the eastern half and Vasishka the western one, where his son Kanishka II's record is found, then how do we explain Vasishka's hold over Mathura and Sanchi, as is evident from his records in those places? In the famous Mathura inscription of the year 28, a lord from Badakshan (Bakanapati) acknowledged the suzerainty of Huvishka. Mirashi's contention that there was a civil war after Vasishka's death with alternative success is not warranted by any evidence and is highly speculative. Marshall suggested[24] that after Vasishka's death Huvishka, who was probably his brother or uncle, acted for some time as regent on behalf of his son, Kanishka II, and when the latter came of age in the year 39 or 40, was associated with him as co-emperor for a short while, but on his premature death succeeded him as sole emperor. This is negated by the Surkh Kotal inscription of Kanishka dated in the year 31. There is no possibility of his ruling as a minor under the regency of Huvishka. In view of the chronological considerations and the late Kharoshthi characters of this record, it would be proper to place Kanishka of the Ara inscription in the Later Kushan family, as the son of Vajeshka=Vasishka. Both these rulers also issued coins[25].

This Kanishka of the Ara inscription appears to be identical with the one mentioned in the inscription from Afghanistan[26], dated in the year 31, recovered from the ruins of the Kushan sanctuary of Surkh Kotal. The writing in this record is Tukharian, derived directly from the cursive Greek in usage in Iran in the Bactrian epoch. The very first line mentions the place—an edifice of Kanishka the victorious, very much like the *devakula,* as proposed by Maricq. The record is dated in the year 31 of Nishan, a Babylonian month. No connected and complete translation of the record is given, but it seems certain that this Kanishka is identical with the one mentioned in the Ara inscription. It is very likely that Vasishka or Vajeshka ruled till the year 30, and was followed by Kanishka III, who ruled till the year 45 or so. Details of the later Kushan history, however, lie in obscurity, but some numismatic and archaeological data might be considered here.

Numismatic Evidence. The coins of only two Later Kushan rulers—Kaneshka and Vasu—have been found so far. Altekar tried to settle the history of the Punjab, Sind and Afghanistan on the basis of the coins of the kings ruling in these provinces and their contemporaries in Iran and Bactria. According to his scheme[27], Vasudeva was followed by

Kanishka III, who ruled for 30 years, and was succeeded by Vasudeva II (c. 210-230 A.D.), in whose reign the position of the Kushans became very critical, with their days numbered. These hypothetical assertions and arbitrary fixation of dates need no comment. It is difficult to suggest whether Kaneshka of the Later Kushan family, whose coins have been found, could be identified with Kanishka II of the Mathura inscription of the year 14, or Kanishka III of the Surkh Kotal and Ara records of the years 31 and 41 respectively. Vasu can, of course, be identified with Vaskushana or Vasishka. The coins of Kanishka were found in the Punjab, Seistan and Afghanistan, and these have the monogram of Vasudeva. The same monogram also appears on the coins of the Later Kushan ruler Vasu. Brahmi letters are found on the coins of both along with the corrupt Greek legend[28]. The reverse of Vasu's two coins, noticed by Whitehead (a stater and a quarter stater), have the goddess Ardoxsho seated on the throne to front, holding fillet and cornucopias. The four staters and a quarter coins of Kanishka listed in his catalogus have only OHPO (Oesho) on the reverse, although in the second type of his coins Ardoxsho replaces OHPO. Are we to presume, then, that the coins of Vasu are nearer to those of Vasudeva than Kanishka, thus assigning him an earlier date? In that case we may have to presume that these coins were really those of Kanishka III. It is further presumed by Altekar that the appearance of *vi, si,* and *bha* or *bhri* on the coins of Kanishka signified the initial letters of governors ruling over different parts of his extensive dominion. Additional letters like *pa, na, ga, chu, khu, tha, vai,* etc., also occur on these coins. The appearance of such letters on the coins of the two Later Kushan rulers is a mystery which it may prove impossible to solve. For the time being it can be suggested that the coins of Vasu and Kanishka were probably associated with Vasishka, and Kanishka of the Surkh Kotal and Ara inscriptions.

Archaeological Evidence. Little information regarding the Later Kushans is available from the excavations at Taxila. According to Marshall[29], the decline of the Kushan Empire set in during the lifetime of Vasudeva I. Unfortunately, of the successors of Vasudeva I in the 3rd and early 4th centuries A.D. we know no more than can be gleaned from their coins, which is singularly little. Debased copies of Vasudeva's copper issues continued to be struck, as those of Hermaeus had been, long after his death, and large numbers of them have been found at Taxila. Besides these, there are certain gold pieces with legends in corrupt Greek and Brahmi, which give us the names of three rulers, who are probably to be assigned to the 3rd or early 4th century A.D., viz. Kaneshka (Kanishka III?), Vasu (Vasudeva II?) and another Vasudeva. None of these gold pieces have been found at Taxila, but the Sirsukh site, where coins of the Kushans are likely to be most abundant, has scarcely been touched by the spade. The archaeological evidence on the position of the Later Kushans, from several sites, is best summarised by Ghirshman[30]. These include Begram, Surkh Kotal, Qala-i-Mir, Kei-Kobad, Airtam, Termez and Tali-Barzu near Samarkand. All the six sites indicate an undeniable unity in archaeological and numismatic contexts. Some of these, representing the city or the temple constructed under the Great Kushans, were submitted to destruction and certainly disappeared under a cover of ashes. After a brief interruption, life was resumed in a new city, rebuilt over the preceding one (except at Airtam, where the site was abandoned); that happened under the 3rd dynasty of the Kushans or the Later Kushans.

Prof. Ghirshman has made a comparative study of the data from these sites. The late Kushan phase at Kobadian V yielded the same type of pottery as at Begram IV and at Tali-Barzu. Three coins from the most recent stratum include a stater of Vasudeva III, according to Ghirshman (Vasudeva II, according to Bachofer; actually, we have no information about a third Vasudeva), a copper piece similar to one from Begram III belonging to the 3rd Kushan dynasty, and, lastly, perhaps one of Vima Kadphises. The break-up between the IV and V occupational level at Kobadian has been attributed to the success of Shapur I with his campaign and victory over Vasudeva I, as suggested by Diakonov[31]. The date of Kobadian V is proposed to be the second half of the 3rd and the first half of the 4th century A.D. It is therefore suggested that despite the temporary break-up of the Kushan power in the north-west consequent to the victory of Shapur I, the Later Kushans managed to assert themselves. The archaeological evidence from different sites coordinated by Ghirshman in his paper *Le problème de la chronologie des Kouchans* suggests that fire and destruction were followed by new activity under the Later Kushans.

It is difficult to suggest the date of the final extinction of this dynasty, although the epigraphic records could only point to Kanishka III as the last ruler. Very probably in Northern India the Yaudheyas, the Kunindas, the Malavas, the Nagas and the Maghas struck at the root of the Kushan power[32]. The process of disintegration of the Kushan Empire was probably gradual and not sudden. Even though the Kushans ceased to be a political force in Northern India, Samudragupta had some contemporary Daivaputra Shahi Shahanushahi—evidently some Kushan king ruling over Kabul and a part of the Punjab, and possibly over other territories further to the west[33]. It appears from the reference and the use of the titles by this ruler that he was an independent or a semi-independent ruler.

Thus ends the last phase of Kushan political history. The Kushan princes, however, continued to figure on and off. In the latter part of the 4th or early in the 5th century A.D., the Kushans came to acquire a new designation—the Kidara Kushans[34]. They established their rule over Gandhara and Kashmir, where a large number of their coins in pale and much debased gold have been found[35]. The names of the chiefs issuing these coins are all Indian—Kirtivirya, Sarvayasa, Bhasvan, Sitaditya and Kusala. It is impossible to determine their chronological set-up or the period of their rule. Their coins are crude copies of the "sacrificing king and the enthroned Ardoxsho" type of the Later Kushans, as are those of the Gadahara or Gada Khara tribe, which is supposed to have mastered part of the dominions of the Kidara Kushans when the power of the latter was on the wane. Both appear to have succumbed to the onslaught of the Huns in the 5th century A.D.

---

[1] *ASI. An. Rep.*, 1911—1912, pp. 120 ff. Vogel's reading of the inscription in line 3—*Bakanapatina-Huma deva kula karita,* and that of Jayaswal (*JBORS*, VI, pp. 12 ff.) — *Barkanapati Huma-Kshan(o)deva-kula karita,* contrast slightly with that of Janert — *Bakanapatina Hu (mashpal-na devakula (m) karita;* (Heinrich Lüders, *Mathura Inscriptions,* pp. 135 ff.). Janert is not certain about the reading of the personal name *Humashpala* (*ibid.*, p. 137). There is no reference to any date in this line, but S.K. Dikshit (*ABORI*, XXXVII, pp. 47 ff.) reads this line as *Bakanapatina 200-7-1 ... 1 divase karita,* and suggests that the inscription is dated in the year 271 (of the Vikrama era). The date, as suggested by Dikshit, a substitute for the letter *ma,* is not clear, and the reading proposed by Vogel does not call for any amendment. It is equally improbable to identify this Kushanaputra with Vima Kadphises, identifying him with Vema or Vima Takshama, taking Kushan to be the name of the first ruler Kujula Kadphises. The title *Shahi* was first borne by Kanishka, and Kushan or Gushan was the name of the family

and not of the ruler [see Manikiala Inscription, *CII*, II (I), p. 149]. J.N. Banerji, however, agreed with Jayaswal (*JNSI*, vol. IX, p. 80).

[2] *Op. cit.*, p. 137.

[3] *JBORS*, VI, pp. 12 ff.

[4] *CII*, II (1), p. 149.

[5] *EI*, XXI, pp. 55 ff.; *JRAS*, 1924, p. 402.

[6] *EI*, XIX, pp. 96 ff.

[7] See F.W. Thomas' paper on "Kanishka Year 14", *India Antiqua*, 1947, pp. 296 ff. I had occasion to read a paper on this inscription in the Indian History Congress session at Aligarh (1943), published in its *Proceedings* (vol. VI, pp. 77-82). I read the date as 84, but an examination of the original in the Patna Museum convinced me of the correct reading given by Daya Ram Sahni. Palaeographic peculiarities no doubt indicate that the inscription appears to be removed from the earlier Kushan records of Kanishka's group. Janert has noticed the peculiarities of this record in several respects. *Ma* appears in the form which it has assumed in the Gupta period, but the greatest surprise is caused by the letters *la* and *ha*, which show the typical forms of the eastern Gupta script. The central bar slants down to the base line but the left part of the base line is not yet rounded off and attached as a loop to the central bar. The *anusuara* is throughout represented by a short horizontal stroke instead of the usual dot. The long medial *a* is in some cases not distinctly defined. Further, the inscription is couched in terms which are never found in the Mathura inscriptions, but recur in the Buddhist inscriptions in the eastern part of the country, as for instance the strangest designation of Buddha as *bhagavan pitamah* (cf. Thomas, *op. cit.*, pp. 296-297). N.G. Majumdar in his comment on this record remarks that, palaeographically, it is impossible to refer this inscription to Kanishka I, that is to say, to the Early Kushan period, as its alphabets show predominantly Gupta form (*EI*, XXIV, p. 148, n. 4).

[8] *EI*, XXVI, pp. 293 ff. This reading is accepted by B.D. Chhabra (*ABORI*, XXXIII, 1952, pp. 270 ff.) S.K. Dikshit thinks that this reading is eminently suited for building up the structure of the chronology of the Later Kushans (*ABORI*, XXXVII, p. 98). Earlier, he attributed this record to the 4th and not the 3rd century of the Vikrama Samvat, and considered its real date to be 314 VS (*ibid.*, p. 97).

[9] *CII*, II (i), p. 141.

[10] *Ibid.*, p. 145.

[11] An inscription on the base of a Bodhisattva statue found in a mound at the village of Sonkh, Mathura Tahsil, about 14 miles to the south-west of the city (now in the Mathura Museum) is dated in the year 23 of *Maharaja* Kanishka in the first month of summer (Janert, *op. cit.*, 136, p. 172).

[12] Ref. the Chargaon Naga Image Inscription of the year 40 of the time of King Huvishka (Vogel, *Catalogue of the Mathura Museum*, No. C. 13; Janert, op. cit., 137, p. 173); male figure, Indo-Scythian Dress Inscription of the year 42 (Vogel, *op. cit.*, No. I. 25), and Mathura Image Inscription of the year 44 of the time of Maharaja Devaputra Huvishka (*EI*, I, p. 387), No. 9; Lüders' *List*, No. 42), and also the Bombay University Library Buddhist image inscription of the time of Maharaja Devaputra Huvishka of the year 45 (*JBBRAS*, vol. XX, pp. 269 ff.; Lüders' *List*, No. 43). These inscriptions suggest an uninterrupted reign of Huvishka between the years 40-45.

[13] Marshall and Foucher, *Sanchi*, vol. I, p. 386, No. 829. According to Thomas, the *ma* in this record is similar to the one in Kanishka's inscription of the year 14, with *sa* normal and looped, and *ha* absent (*op. cit.*, p. 297). But Prof. Lohuizen de Leeuw thinks that the *na* also has a definitely late form. According to her, all these points show that the fragment has to be dated close to the image of the year 14, i.e. in the beginning of the post-Kushan period, and so we probably have to understand the date as 122 (*The Scythian Period*, p. 314). There are certain other peculiarities, as for example, in *ka* the serif is replaced by a horizontal stroke joining the vertical; the prongs of *ta* are of unusual size, the right being longer than the left; the medial *a* is represented by a vertical stroke instead of the usual small curve. The record suggests a transitional stage from the Kushan to the Gupta period.

[14] It is suggested by J.N. Banerji that since this prince did not bear any of the Kushan titles, e.g. *Devaputra*, and as he is simply styled *Rajan*, he was a local prince of Kushan extraction. The year 22 falls within the reign of Kanishka I and if the name Vaskushana be another form of Vasishka, who succeeded Kanishka, then it is likely that Kanishka was associated with Vasishka in the last part of his rule in the south-western part of his empire (*Comprehensive History of India*, vol. II, pp. 242-243.).

[15] The inscriptions of Kanishka refer to several *kshatrapas* and *mahakshatrapas*, as for instance, Kshatrapa Vanaspara and Mahakshatrapa Kharapallana (Sarnath inscription, *EI*, VIII, pp. 196 ff.); Kshatrapa Upasika Namida (Anyor—Vogel, *Catalogue*, No. A 66), Kshatrapa Vesapasi and Lala (Manikiala, *CII*, II (C), p. 149), Kshatrapa Liaka (Zeda, *ibid.*, p. 145) and the Kapisa Kshatrapa, son of Kshatrapa Granavhryaka (Manikiala bronze—*ibid.*, p. 150).

[16] *Op. cit.*, pp. 247, 388.

[17] *Sanchi Museum Catalogue,* p. 30, No. A 82; *EI,* II, p. 39; IX, pp. 244-245; *ASI. An. Rep.,* 1910-1911, p. 42; Lüders' *List,* No. 161.

[18] Vogel, *Catalogue,* Mathura Museum, No. Q 13; *ASI. An. Rep.,* 1910-1911, p. 189; Lüders' *List,* No. 1399.

[19] The language of these records is more Sanskritised and different from the Gatha dialect of the Earlier Kushan records. The palaeography also suggests certain advanced features. In the Sanchi record, the serif of *ka* is replaced by a stroke and the cross bar by a curve line. In *ja* also the third horizontal line curves downwards and the vertical shows a slight bulge towards the left. Peculiarities are also noticeable in the case of the medial *ra,* which has a horizontal stroke joined to the top of the vertical; the right prong of *ta* is bigger than the left and moves leftwards assuming the shape of a horizontal stroke joined with its end, as in the Allahabad pillar inscription of Samudragupta (see my paper on the "Kushanaputras", *IC,* vol. VIII, pp. 191 ff.). It is suggested by Prof. Lohuizen de Leeuw that the style's critical congruity with the image of the year 14 points to the post-Kushan period. She has also referred to palaeographic peculiarities. All these points, according to her, show that the fragment has to be dated close to the image of the year 14, i.e. in the beginning of the post-Kushan period, and so we probably have to understand the date 22 as 122 (*The Scythian Period,* pp. 313-314).

[20] As the date and the year of the record follows the name of the ruler, preceded by the title *Rajan,* either some more titles or some other family details are missing.

[21] *Mathura,* pt II, p. 173; *IA,* VI, p. 217, No. 1; XXXIII, pp. 38 ff., No. 8; Lüders' *List,* No. 33; *JRAS,* 1905, p. 305; Vogel, *Catalogue,* No. 449.

[22] *CII,* II (i), pp. 162 ff. The inscription was also edited by R.D. Banerji (*IA,* XXXVII, 1908, pp. 58 ff.; Lüders' *SBAW,* 1912, p. 824; *IA,* XLII, 1913, pp. 132 ff.; *JRAS,* 1909, p. 652; Sten Konow's *SBAW,* 1916, pp. 805 ff.; *EI,* XIV, pp. 130 ff. An interpretation was given by Fleet (*JRAS,* 1913, pp. 97 ff.; p. 967). According to Sten Konow, the characters of this record are Kharoshthi of the Later Kushan period, as for example, *kha* almost identical with the one of Shakardarra, the *jha* of Vajeshka, the shape of *da* and *ba,* the prolongation of the left leg of the square *ya,* the separation of the *i* stroke from the *la* in *li,* the circular shape of *r* in *rtha,* and the two forms of *shka* in Vajeshka and Kanishka (*op. cit.,* p. 162).

[23] Banerji, *op. cit.*; Vincent Smith suggested that his reign was protracted (*JRAS,* 1903, pp. 1 ff.); according to Cunningham, Kanishka I ruled for a period of 40 years.

[24] Marshall, *Taxila,* vol. I, p. 71.

[25] Whitehead, *Catalogue of Coins in the Punjab Museum,* vol. I, pp. 211 ff., Nos. 231-237; Marshall, *Taxila,* p. 73.

[26] A. Maricq, "La grande inscription de Kanishka l'été tokharian", *JA,* 246, pp. 345 ff.

[27] *New History of the Indian People,* p. 12.

[28] *Ibid,* p. 15. According to Vincent Smith, the Indian letters placed by the side of the spear are frequently monosyllabic, like the Chinese names *bha, ga, vi* and so forth. These seem to belong to chiefs of various Central Asian tribes who invaded and acknowledged the supremacy of the Kushans or Shahi Kings of Kabul (*EHI,* p. 291).

[29] *Op. cit.*

[30] This study is based on Ghirshman's paper *Le problème de la chronologie des Kouchans,* in which he has also collated the archaeological evidence from the excavations carried on by French and Russian archaeologists in Afghanistan and Central Asia. The references to the papers and reports are quoted from his paper (see pp. 708 ff.).

[31] Quoted from Ghirshman's paper, p. 708 and note 90.

[32] The reference to the Nagas and the Yaudheyas as successors of the Kushans is based on Indian evidence. The Early Nagas ruling over Padmavati and Mathura, previously in the possession of the Kushans, performed ten horse sacrifices. According to the Puranas, seven kings had already ruled in Mathura and nine at Padmavati when the Gupta came to power (Pargiter, *Dynasties of the Kali Age,* p. 49; Ray Chaudhuri, *Political History of Ancient India,* pp. 480 ff.). They must have aggrandised themselves at the expense of the Indian Kushans. The Yaudheyas occupied the territory lying on the banks of the Sutlej as far as the borders of the Bahawalpur State (Johiyawar). A variety of Yaudheya copper coins show clear affinity with Kushan coins, and these were probably struck by the Yaudheyas some time after they had shaken off Kushan sway. According to Altekar, the legends *Yaudheyaya ganasya* and *Yaudheyanam jayamantra dharanam* on their coins and on the clay seals discovered at Sunet, near Ludhiana, point to a great victory over the Kushans (*Proceedings, All-India Oriental Conference,* XII, Benares, 1943).

[33] The expansion of the Sassanian Empire in the east did not completely obliterate the Kushans, who acknowledged their supremacy. The Paikuli inscription probably refers to several rulers as subordinate allies, if not feudatories of the Kushans. These included the kings of the Surashtras, Avantis, Sakas and Abhiras (*JRAS,* 1933, p. 219). The Sassanian Emperor Hormazd II married the daughter of a Kushan king. On some of his coins he is called *Kushan Malka* (lord of the Kushans) and *Kushan Malkan Malka* (lord of the Kushan rulers).

[34] For a study of the coins of Kidara and the Little Kushans, see M.F.C. Martin's paper on the subject published in the *Journal of the Royal Asiatic Society of Bengal* (Numismatic Number), Letters, vol. III, 1937, No. 2, pp. 23 ff. The story of the Kidara Kushan and his dynasty can be obtained, according to Martin, in its broadest outlines from the statements of the Chinese annalists. These, however, provide no chronological data and are most obscure in their geographical statements. According to *Wei-shu* or *Annals of the Wei Dynasty* (A.D. 386-556), Ki-to-lo, a brave and warlike prince of the Ta-Yüeh-chih, raised an army, crossed to the south of the Great Mountains and invaded Northern India, where the kingdoms to the north of Kan-tho-lo submitted to him. Earlier, the Ta-Yüeh-chih, when threatened on the north by the Jouan-Jouan and exposed on several eccasions to their raids, migrated to the west and established themselves in the town of Po-lo, 2100 li from Fo-ti-cha. Po-lo is identified by Martin with Balkan on the north of the old bed of the Oxus, where it flowed into the Caspian Sea, and Fo-ti-cha is identified by Marquart with Bamian. The Jouan-Jouan are identified with a tribe in Central Asia, akin to the White Huns.

[35] *JTAS,* 1913, p. 1064; Smith, *Catalogue of Coins in the Calcutta Museum,* I, pp. 64, 89; Banerji, *JASB,* 1908, p. 91; See also *Comprehensive History of India,* pp. 252-253.

S. CHATTOPADHYAYA (SANTINIKETAN, INDIA)

THE MAHABHARATA AND SOME KUSHAN PROBLEMS

Introduction

Encounters between civilisations are not a new thing. The Indian epic *Mahabharata* is not only a source book of Indian history but, judiciously used, it can also help in reconstructing the histories of other peoples with whom ancient Indians had come in contact or of whom they had knowledge. In this paper—depending on the *Mahabharata* corroborated by foreign sources—we shall try to reconstruct certain facts about the Kushans, a Central Asian tribe whose impact on Indian history is well known but the exact nature of the give-and-take awaits further investigation.

Our conclusions may be stated at the outset:

1. In their original home the Yüeh-chih tribe was possibly known by the name of Kusha-Yüeh-chih, as shown by Otto Maenchen-Helfen, because of which evidently the epic has coined the term *Kusadvipa* to describe the habitat. I shall show that this Kusadvipa cannot be identified with Kush of the Achaemenian records.

2. When the tribe moved south and settled on the northern side of the Himalayan ranges, for a while the Kushans lost their dominant position. This phase of tribal movement is attributed by the *Mahabharata,* rightly, to the Tusaras or the Tukharians, and not to the Kusas or the Kushans.

3. When the relevant portions in the *Mahabharata* referring to the Tusaras were composed, their position in Indian society was rather low compared to that of the Yavanas and Sakas.

4. It was in the Kushan age that a new sub-sect of the Vaisnavas was formed, which looked to Central Asia for inspiration.

While describing the evils of the Iron Age of Kali, the *Mahabharata* mentions that "in that dark period men will be devoid of righteousness, they will follow evil customs and the earth will pass under the rule of the Andhra, Saka, Pulinda, Yavana, Kamboja, Bahlika, Sura and Abhira, who will rule in unrighteous manner and be devoid of truth".

> ...Viparīte tadā loke pūrvarūpaṃ kṣayasya tat
> Vahavo mlecchārājānaḥ pṛthivyāṃ manujādhipa
> Mṛṣānuśāsinaḥ pāpā mṛṣāvādaparāyaṇāḥ
> Andhrāḥ Šakāḥ Pulindāśca Yavanāśca narādhipāḥ
> Kāmbojā Bāhlikāḥ Šūrāstathā' bhīrā narottama (III.188.34 ff.)

The names show that the writer of the futuristic account knew about foreign dynasties, the Sakas and the Yavanas (Scythians and Greeks), as also about the indigenous Andhras and the Abhiras, who ruled in the 3rd century A.D. About the Yavanas, or Greeks, the epic refers more explicitly to King Dattamitra, or Demetrius, and the establishment of his empire in the Sindhu-Sauvira region. It also makes the interesting statement that in the Age of Kali the Sakas and the Yavanas "will be kings on this earth". It is quite curious that the account does not mention the Kushans, who were during that period as (if not more) important as the other two foreign dynasties and whose rule fell within the purview of the age of the epic writer. This becomes even more surprising when we detect the influence of the *Mahabharata* on the work of Asvaghosa, who lived at the court of Kanishka, the Kushan king.

In the corresponding passages of the Puranas, it is the Yavanas alone that are mentioned explicitly. This is followed by the general observation that "kings of continual upstart races, falling as soon as they arise, will exist in succession through Fate" (Pargiter, *Dynasties of the Kali Age*, p. 74).

A comparison of the epic and the Puranic accounts would show that, from the Puranic point of view, the most important of the barbarian races to rule in the dark age were the Yavanas; according to the epic, they were the Sakas and the Yavanas. The Puranas, however, speak elsewhere of the Sakas, Yavanas, Tusaras and Murundas, all barbarian foreigners, as ruling after the Andhras. In the epic, the Tusaras and the Murundas find no mention as royal races. Scholars are now practically unanimous that the Murundas were a branch of the Sakas. S. Levi has shown that a branch of the Murundas ruled in Eastern India after the fall of the Kushans. The term Tusara or Tukhara refers to the Yüeh-chih in the Indian accounts. Hence, by the term the Puranas refer to the Kushan kings. On the other hand, Kumaralata in his *Kalpana-manditika* describes Kanishka I as belonging to the Kusa, and not Tusara, race. The fine distinction made between the Tusara and Kusa has important historical bearing as we shall see later on.

Original Home

In Chapter XI of the Bhismaparvan of the epic, we find that the blind king Dhrtarastra, after hearing an account of the Jambudvipa, asked Sanjaya to describe the four dvipas, Saka, Kusa, Kraunca and Salmali. The term dvipa originally signified a plot of land surrounded by water on two sides, i.e. a doab ("dvirāpatvāt smrto dvīpah", *Brahmāṇḍa* P., 53.140). Thus we have in the epic reference to Sakaladvipa lying between the rivers Ravi and the Chenub (II.26.5-6). While the name of the first dvipa, viz. the Sakadvipa, refers to the home of the Sakas, the second dvipa, Kusa, "reminds us of a famous race which, according to Kumaralata and Baron A. von Stael Holstein, gave India the powerful emperors of Kanishka's line" (*Studies in Indian Antiquities,* p. 69). Recent researches tend to show that "since the 4th century B.C. at the latest the Chinese knew barbarians in the north-west under the name Kusha-Yüeh-chih. The Kusha were the dominant group. The tribal name was Togar (or the like)" (Otto Maenchen-Helfen, *JAOS,* 1945, p. 80). So Kusadvipa appears to be really the homeland of the Yüeh-chih tribe.

The *Mahabharata* states that in Sakadvipa, there is Mount Kumuda, a hill-fortress and the River Caksurvardhanika. In the *Geography* of Ptolemy (ch. 13) mention is made of Mount Komedai, a Stone Tower and the River Jaxartes in the land of the Sakai, which, however, extends to the south up to Byltai or Baltistan in Little Tibet. From the epic account it does not appear that the southern extremity of the Saka land, lying between two streams (dvipa), was so extensive. Strabo observes that "the Sacae and the Sogdiani are separated from one another by the Jaxartes River, the Sogdiani and the Bactrians by the Oxus River" (XI.8.2). Sakadvipa thus appears to denote the land between the Jaxartes and the Ili River, where the Chinese writers also locate the Sai.

Let us now discuss briefly the location of Kusadvipa. Since the epic places it to the north (Uttarena, VI, 12 ff.), its identification with Kush or Kushiya, the people mentioned in old Persian records, cannot be accepted. From the Hamadan inscription of Darius, Kush seems to denote a region in the south-western part of the Achaemenian Empire; it may be Ethiopia or Egypt. In the Puranas, of course, there is much confusion regarding the position of Kusadvipa, but here we are concerned with the epic account only. According to the Chinese sources, the Yüeh-chih-Kushans living in Outer Mongolia, being attacked by the Hiung-nu, fled to the north-west and drove out the Sakas from their homeland in the Ili River basin. From the directions given, the homeland of the Yüeh-chih-Kushans would appear to have been to the south-east of the Saka land. But the only clue that the epic account furnishes to the position of Kusadvipa is that Mount Kumuda also ran through it ("trtīyah Kumudo girih", VI.12.10). In the *Geography* of Ptolemy, Mount Komedai is placed both in Sogdiana and the Sakai, which is described as bounded on the west by the Sogdiani, on the north and east by Skythi. It is difficult to determine how far Ptolemy's account of Central Asia is within the mark, but if it is to be believed, then both Sakadvipa and Kusadvipa are to be located within the area extending from the Oxus to the Ili River, though such an inference goes against the observations of Strabo noted above and also the direction furnished by the Chinese accounts. In other words, the *Mahabharata* does not know the exact original home of the Yüeh-chih-Kushans, but only their adopted home after they had settled in a part of the Saka country. The *Visnu Purana* (II.4.39) refers to the Damin Brahmanas of Kusadvipa which may be identified with Damni and other tribes (*JASB,* 1902, p. 151) inhabiting Serike. This would indicate that the Yüeh-chih-Kushan horde in their original home consisted of different tribes, a view now supported by some of the Sinologists also. The position of Serike as given in Ptolemy's work is far from correct, and it has been variously located anywhere from Eastern Turkistan to Pegu. The different indications in the table "place us however in the middle of the Alpine region, whence radiate in different directions the Himalaya, the Hindu Kush and the Bolar chains". It is placed to the north of Ottorocoros or Uttara-Kuru, located by the epic to the north of the Meru or Pamir. But simultaneously Ptolemy states that in the south "it was bounded by the rest of India beyond the Ganges". The geographer has thus mixed up accounts of the earlier and later home of the Serike tribes, a combination evidently of the Chinese and Indian traditions noted above.

Movement to the South

When in 128 B.C. Chang-Kien came to his historic mission, he found that the Yüeh-chih-Kushans had extended their power over Ta-hia, or Bactria. This shows that from Kusadvipa lying to the north or north-west of the River Jaxartes the Yüeh-chih-Kushans moved to the south. It is generally believed that in Bactria they became divided into five *hsi-hou* (tribes) and ultimately the family of the Kouei-chouang (Kushan) became supreme. The divisions were already an accomplished fact before the Yüeh-chih-Kushans began their southern march. In fact, "Kusha must have settled in the northern Tarim long before the Kushan Empire was founded" (*ibid.*, p. 77).

Whatever may be the value of the *Mahabharata* account, it never speaks of five families or tribes, but only of the Tusara people living just on the other side of the Himalaya. In the *Vanaparvan* (III.177.12) they are mentioned along with the Cinas and the Daradas. To the Arabic writers, a large part of Bactria was known as Tukharistan. Tukhara or Tusara country thus extended from the slopes of the Himalayas to Bactria, which is a close approximation of the Chinese Du-ho-lo or Tu-hu-lo.

It will be asked, why in describing the homeland of the tribe the *Mahabharata* uses the term Kusa, but elsewhere the word Tusara. The simple explanation is, here we have two traditions belonging to different ages. The Kusa were the dominant group till they entered Bactria and hence the settlement to the north of Bactria naturally came to be named as Kusadvipa. On the other hand, in Bactria five tribes or families ruled separately till, at the beginning of the Christian era, they were all united by Kuzula Kadphises. It can be well realised that the Tusara tradition presents a picture of pre-Kadphises affairs so far as Bactria is concerned.

The Tusaras and the Indian Society

The Indian arhaeological evidences of the Kushan age show that while the Kharoshthi inscriptions use the legend Kusana, Khusana, etc., the Greek legends on the coins of these rulers are Korsano, Kusana, etc. In the Panjtar inscription, we have the form *maharayasa Gusanasa* and in the Taxila Silver Scroll inscription, *devaputrasa Khusanasa.* Konow points out that the words Kushan, etc., are Iranian in form with the genitive plural suffix of *āna*, denoting an ethnic name. In India this form is again represented in the genitive as in *Khusanasa.* So the base is "Kusa", coming evidently from the name of the dominant group in the original home. When the Yüeh-chih came to India, they were, however, already a mixed race and the *Mahabharata*, with singular accuracy, uses the more general term Tusara. This shows further that there were evidently in India more tribes of the Yüeh-chih stock than the ruling one.

In the *Santiparvan*, the Tusaras, along with the Yavanas, Sakas and Pahlavas, are described as barbarous tribes (ch. 65). In another place (XIII. 33), the Sakas and Yavanas are described as kshatriyas, but degraded to the shudra status. A study of the two accounts would suggest that when the *Mahabharata* was composed, the Yavanas and the Sakas were gradually being Indianised, but not the Pahlavas and the Tusaras. On the other hand, the *Manusamhita,* which, according to Bühler, was composed about A.D. 200, includes the Pahlavas within the category of the degraded kshatriyas, but is completely silent about the Tusaras.

The Kushans and Vaisnavism

Kushan epigraphs mostly show a Buddhist milieu. In Mahayana literature, Kanishka has been described as a champion of the Buddhist cause. On the other hand, their coins "show a remarkable eclecticism, for on their reverse are represented Greek and Scythian divinities, deities of the Avesta and the Vedas, and Buddha" (Rapson, *Indian Coins,* § 73), while in literature many of them are credited with different faiths. It has therefore been held that these diverse coins were current in different parts of the empire, varying according to the faith prevalent in the area concerned. Excepting the coins of Huvishka, in which the figure of Visnu with the legend *Oosno* in cursive Greek is depicted, we find no reference to the Vaisnava pantheon. J.N. Banerjee is sceptical about the reading *Oosno* and thinks that the figure is really that of Siva. In this context, we may study the Narayaniya Section of the *Santiparvan* in the *Mahabharata,* generally assigned by the Indologists to the 2nd century A.D. It informs us that the code of the Pancaratra sub-sect of the Vaisnavas was composed by seven rsis or sages sitting on the Mount Meru. It also contains an account of Narada's voyage to Svetadvipa, where the sage finally found Narayana-Hari surrounded by his devotees or bhaktas. The account has been much discussed and Svetadvipa variously identified with Parthia, Asia Minor, Egypt, etc. A critical study of the epic shows that Svetadvipa was directly to the north of the Meru or the Pamir. We may note that in the epic description of Kusadvipa in the *Bhismaparvan* it is stated to be the land where Lord Narayana-Visnu resides. Also according to the *Mahabharata*, Samkara or Siva was worshipped in the Sakadvipa. Thus we may conclude that at the basis of the compilation of the code of the Pancaratra sub-sect and also in the description of Narada's voyage to Svetadvipa, we can detect an indirect influence of Kusadvipa. This Indian attitude would not have been possible had the Kushans not done something important for Vaisnavism in India.

This suggests that, in studying Kushan history, we have also to use, of course cautiously, the great epic of India and to start an investigation of the early Pancaratra codes. Till, however, more corroborative materials are available, we may provisionally maintain that under the Kushans Central Asia became an image of utopia, like the New World after the discovery of Columbus. Levi points out that Manjusri, Amitabha and Ksitigarbha of Mahayana Buddhism originated in Central Asia, and they later on found their way into India. The conception of Sakini and Dakini in the Indian Mother-Goddess worship may be of Central Asiatic origin, as pointed out by P.C. Bagchi. The ghouls are mentioned in the Gangdhar Stone inscription of 423-424 A.D. showing that such influences, though referred to for the first time in a Tibetan record among the early literary sources, had already captured the imagination of the Indian people when the great epic was reaching its final stage. But as yet we have not studied Vaisnavism from this point of view. Here is a subject of enormous scope and importance. But still the question remains: why, then, the Tusaras are described as barbarians in the epic? The problem can only be solved by further research.

Г. ГУМБАХ (МАЙНЦ, ФРГ)

ПТОЛЕМЕЙ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В КУШАНСКУЮ ЭПОХУ

1. Греческий географ Птолемей создал свою «Географию» в середине второго столетия нашей эры. Таким образом, время ее создания, по-видимому, совпадает с эпохой Великих Кушан, а именно с правлением Канишки Великого. Описание Восточного Ирана, Средней Азии и Северо-Восточной Индии, как оно дается Птолемеем в шестой и седьмой книгах его «Географии», соответствует, следовательно, представлению проживающего в Александрии ученого-современника о географических и этнографических условиях Кушанского царства. Данные, которые сообщает Птолемей, весьма обширны. Тем более следует удивляться, что исследователи истории кушан до сих пор не принимали их во внимание. То, что будет сказано в настоящем докладе,— попытка восполнить этот пробел.

Мой ученик Итало Ронка составил недавно новое издание второй половины шестой книги вместе с ее немецким переводом и картами, реконструированными заново согласно указаниям Птолемея. В это издание входят главы с 9 по 21-ю, соответствующие 7, 8 и 9-й азиатским картам-таблицам Птолемея. Они охватывают следующие области, относящиеся в большинстве своем к истории Кушанского царства:

Гирканию (9), Маргиану (10), Бактрию (11), Согдиану (12), Область Саков (13), Скифию по эту сторону Имая (14) — карта-таблица 7;

Скифию по ту сторону Имая (15), Серику (16) — карта-таблица 8;

Арею (17), область паропамисадов (18), Дрангиану (19), Арахосию (20), Гедросию (21) — карта-таблица 9.

2. Точность географических и этнографических данных Птолемея о Восточном Иране и Средней Азии весьма неодинакова. Определения географических пунктов заимствованы с более ранних карт, в частности с карты Марина Тирского, о котором упоминает Птолемей. Как и эти ранние карты, карта Птолемея была главным образом или, может быть, даже полностью результатом компиляции сведений о маршрутах с запада на восток.

О компилятивном характере труда Птолемея мы можем судить по его ошибкам. Так, некоторые названия, которые фактически идентичны, у Птолемея не рассматриваются как таковые вследствие того, что они были взяты из разных источников, где они имели различное написание. Это привело к ошибкам в определении местоположений, а также к повторным наименованиям и повторной локализации, например в следующем случае: тохары обозначены, с одной стороны, на более ранних местах их поселения в Согдиане южнее Яксарта под названием Τόχαροι (6, 12, 4), а с другой стороны, под названием Τάχοροι на более поздних местах их поселения в Бактрии южнее Окса (6, 11, 6). Тут мы имеем дело не только с повторением наименования, обусловленным различным чтением; очевидно, тут соединены на одной карте данные, относящиеся к двум различным историческим эпохам.

Иногда необходимо также считаться с весьма значительными неточностями в определении географических местоположений у Птолемея. Например, Александрия Арея ’Αλεξάνδρεια ’Αρείων и город Арея ’Αρεία Πόλις — один и тот же город, современный Герат.

3. Недостаток сообщений об области, лежащей между Каспийским и Аральским морями, был, очевидно, причиной тому, что в эпоху Птолемея эти два моря рассматривались как одно «Гирканское море». Для карты дорог этой области, на которой отмечались только сухопутные маршруты, ведущие с запада на восток, этот факт не имел существенного значения.

Бросается в глаза только то, что у Птолемея устье Окса фигурирует в юго-восточном углу Гирканского моря — в том месте, где сходятся Гиркания и Скифия по эту сторону Имая, т. е. современные Гурган и Туркмения. Причиной этому, как неоднократно указывалось, было предание очень отдаленных времен, когда один рукав Окса действительно впадал в западно-юго-западном направлении в Каспийское море. Гораздо вероятнее, однако, что изображение этой местности на карте Птолемея является попросту результатом географической гипотезы автора. Ведь Птолемей, так же как и Марин, должен был составлять общее начертание своих карт из множества отдельных фрагментарных сведений; в данном случае кажется правдоподобным, что из-за недостаточного знакомства с течением Окса он спутал Окс с текущим на западо-юго-запад Атреком, разделяющим сегодня Гурган и Туркмению.

Принять Атрек за нижнее течение Окса мог, конечно, только человек, незнакомый со сравнительными размерами обеих рек и изучавший гидрографические условия этой местности лишь теоретически. Созданное таким образом картографическое изображение приводит и к другим осложнениям: у Птолемея несомненно имелись еще и другие, и на этот раз правильные, сведения, согласно которым граница Маргианы проходила на севере по левому берегу Окса, до его устья. Эти сведения были им приняты во внимание наравне с другими при составлении карты, что привело к любопытному компромиссному решению, извращающему представление обо всей данной местности: на карте Птолемея Маргиана соприкасается своим северо-западным углом с устьем птолемеевского Окса, которое, таким образом, становится местом соприкосновения трех стран — Гиркании, Маргианы и Скифии по эту сторону Имая, что противоречит всякой реальной возможности.

4. Гидрография Маргианы у Птолемея, в свою очередь, значительно отклоняется от действительности. Известно, что Арей = Герируд (Теджен), так же как и Марг = Мургаб, теряется в песках Туркменской пустыни. Однако это обстоятельство для Птолемея вовсе не было очевидным. Поэтому понятно, что он, сообразуясь с общим географическим положением местности, удлинил русла обеих рек к северу, затем слил их и в конечном итоге изобразил их впадающими в Окс. Таким образом, гипотетическое заключение превратилось здесь в ошибочное. Раскрытие этой ошибки показывает нам, какую важную роль при уточнении карт у Птолемея играли географические гипотезы.

Особое затруднение возникает в отношении реки Даргамана (Δαργαμάνης/Δαργομάνης). У Птолемея эта река течет с юга, из Бактрии, и впадает в Окс. В ее верховье обозначена Мараканда = Самарканд; эта область, конечно, должна лежать много севернее Окса, в Согдиане. Кроме того, в реальной действительности вообще не существует реки, протекающей там, где обозначен птолемеевский Даргаман. Остается заключить, что мы имеем дело просто с ошибкой — с «отраженным» начертанием: Зеравшан, текущий к Оксу по ту сторону (т. е. с северо-востока) из Согдианы, помещен у Птолемея по эту сторону (т. е. юго-западнее) Окса. На самом деле, по-видимому, в Согде существовала река, называемая Даргам (dlg'm, dargam), о чем мы знаем из списка рек в среднеперсидском «Бундахишне». (Б. Ставиский обратил мое внимание на современный Даргом, крупный канал вблизи Самарканда, выходящий из Зеравшана.)

Предположение о птолемеевском Даргамане как «отраженном» начертании Зеравшана на юг от Окса объясняет, почему так скудны сведения Птолемея о Согде. На самом деле часть данных о Согде перенесена Птолемеем в Бактрию, причем интересно, что местоположение Мараканды не было исправлено даже по данным историков Александра Македонского. Остается найти причину этого «отражения». Оно объясняется сведениями книги «Худуд ал-Алам», согласно которым река Кундуз в Тохаристане носила название Даргам. Несмотря на то что у Птолемея она называется Даргоидос (Δαργοιδος), следует предполагать, что в древности она также носила название Даргаман.

5. Вышеприведенные замечания дают немало поводов к критике картографических изображений Птолемея. Парадоксальным является, однако, тот факт, что данные Птолемея становятся надежнее по мере нашего продвижения по его картам на восток. Особенно обращает на себя внимание то, что области у верховьев Яксарта и Окса на картах Птолемея начертаны в общем с гораздо большей точностью, чем кажется на первый взгляд, когда их сравниваешь с современными картами.

Согласно современным сведениям, Нарын, берущий свое начало к югу от Иссык-Куля и текущий с северо-востока по направлению к Фергане, является главным притоком, питающим Яксарт. Поэтому начертание у Птолемея трех притоков, питающих Яксарт и текущих с юга на север, вызывает удивление. Однако следует принять во внимание, что Иссык-Куль не играл никакой роли в торговле между Римом и Китаем; следовательно, было вполне нормальным, что на него не обращали особого внимания. Птолемей считает верховьем Яксарта не Нарын, а Карадарью с ее южными притоками. Самый восточный из них, поворачивающий у Киресхата (Джалалабад?) на юг, и есть, по мнению Птолемея, верховье Яксарта. С точки зрения Птолемея, это понятно. Птолемею (и его информаторам) этот приток представлялся наиболее важной из всех рек в этом районе. Именно вдоль него пролегал караванный путь из Ферганы в Кашгар, отмеченный у Птолемея как «подъем из Согдианы», находящийся вблизи истоков этой реки, т. е. около современного Сары-Таша.

По той же причине с такой бросающейся в глаза точностью воспроизведены извилины Окса в сегодняшнем Бадахшане. Не воспроизведен лишь крутой поворот с юга на север около Ишкашима (если продвигаться вверх по современному Пянджу до Вахана). Отсутствие этого поворота, а также скудость данных о верховьях Окса в Вахане объясняются чисто картографически. Долина Вахана, очевидно, совпадала у Марина Тирского с продольной осью Кавказийского хребта (изображенного более чем схематично) и, следовательно, отсутствовала на его карте. Птолемей же перенял с карты Марина координаты того пункта, в котором Окс вытекает из Кавказийских гор у города Фратруа (Φρατρουα=Ишкашим?), и представил их ученому миру как координаты истока Окса (6, 11, 1).

На самом деле, если мы теперь продолжим в нашем воображении верхнее течение Окса через Кавказийский хребет, в котором он у Птолемея теряется, то мы попадаем в область, называемую Вандабанда (Οὐανδαβανδα). Вандабанда лежит, согласно Птолемею, между Кавказийским хребтом и горной цепью Имая, которая соединяется с Кавказийским хребтом на востоке, т. е. между Гиндукушем и Каракорумом. Можно, следовательно, с большой степенью достоверности предположить, что под Вандабандой подразумевается местность вокруг Барогильского перевала, через который проходит дорога из Вахана на юг, в Гильгит.

6. Страбон (15, 2, 10) сообщает, что Александр Македонский после перехода через Паропамиз (Гиндукуш), к которому он, естественно, подошел со стороны города Кабура (Καβούρα=Кабул), пошел «в Адрапсу (’’Αδραψα), город в Бактрии». Несколько пространнее выражается Арриан (Анаб. 4, 29, 1): «Он достиг города Драпсака (Δραψάκα), остановился там на отдых и повел затем свое войско на Аорн и на Бактру, два крупных города бактров». Географические сведения, содержащиеся в этой цитате, дополняются сообщением Страбона (11, 11, 2) о границах владений греко-бактрийских царей: «Что касается городов, то им принадлежали Бактра, которая также носит название Зариаспа (Ζαριασπα), Дарапса (Δάραψα) и другие, среди них и Евкратидия (Εὐκρατιδία), названная по имени полководца Евкратида».

Итак, в истории Александра Македонского выделяются среди бактрийских городов Драпсака (Адрапса), Аорн и Бактра, тогда как в истории греко-бактрийских властителей особо упоминаются Дарапса (Драпсака/Адрапса), Евкратидия и Бактра. Кажется весьма правдоподобным, что Евкратидия тождественна Аорну. Мы находим подтверждение такого предположения у Птолемея. В окрестностях Евкратидии он отмечает народность варны (Οὐαρνοι). Это название связано с названием ’’Αορνος совершенно так же, как название Δάραψα с названием ’Αδραψα, т. е. в ’’Αορνος и ’’Αδραψα мы имеем дело с протетическими гласными, которые этимологически не имеют значения. Таким образом, ясно, что Аорнос/Евкратидия, т. е. область народности варны, идентичен «прямоугольному Варэна» (Varəna) «Авесты» (Видевдат 1, 17), городу или району, который принял врагов веры (Яшт 10, 97). Дальнейшая идентификация не представляет затруднений, если правильна локализация Птолемеем города Евкратидия (=Аорн) на нижнем течении реки Даргоида/Кундуза: Варэна/Аорн/Евкратидия — предшественник средневекового Варвализа и, следовательно, современного Кундуза.

Отсюда следует дальнейшее заключение, что Дарапса/Адрапса/Драпсака греческих историков должна лежать в области Пул-и Хумри и Баглана. Ничего подобного мы, однако, не находим у Птолемея. Зато Птолемей говорит о царской резиденции Бактре (Βάκτρα βασίλειον) на среднем течении Даргоида/Кундуза. В этом Птолемей значительно расходится со Страбоном, который не только в уже упомянутом месте (11, 11, 2), но также и в 11, 8, 9 сообщает, что Бактра носит также название Зариаспа и, следовательно, тождественна ей. Здесь перед нами встает вопрос: не стал ли Птолемей жертвой простой географической ошибки, локализуя царскую резиденцию Бактру не у Окса вместе с Зариаспой, а далеко от него, на среднем течении Кундуза? Или в такой локализации есть особый смысл? Я думаю, что последнее наиболее вероятно. Скорее всего в представлении Птолемея или его источника существовало два населенных пункта по имени Бактра. Во-первых, метрополия Бактра/Зариаспа, идентичная Балху, и, во-вторых, царская резиденция Бактра (Дарапса), идентичная Баглану и Сурх-Коталю — заложенному вблизи нее святилищу династии кушан.

Впрочем, Маркварт проводит этимологическую связь между Дарапсой/Адрапсой/Драпсакой и авестийским drafša («флаг, знамя»). Он предполагает, что эти имена должны встречаться в местах, где было установлено царское знамя. Вполне возможно, что он прав. Как метрополии и Балх, и Сурх-Коталь в какой-то мере связаны с понятием знамени. В «Авесте» (Видевдат 1, 17) Bāχδī (Балх) снабжен эпитетом ərəδwō: drafša «с высоко поднятым знаменем», а в надписи Канишки из Сурх-Котаrange говорится о том, что «они водрузили флаг на крепостных стенах».

Э. А. ГРАНТОВСКИЙ (СССР, МОСКВА)

О ВОСТОЧНОИРАНСКИХ ПЛЕМЕНАХ КУШАНСКОГО АРЕАЛА

Народы и племена кушанского ареала принадлежали в основном к двум языковым группам: иранской (на западе и северо-западе) и индоарийской (на востоке и юго-востоке). Большинство иранских племен, обитавших на этих территориях, говорило, по-видимому, на восточноиранских языках. По данным надписей и монет предкушанского и кушанского времени выделяются по крайней мере два иранских языка. Один из них имеет, в частности, сходство с хотаносакским, другой представлен недавно открытым «бактрийским». И по иным данным (лингвистическим, а также историческим) можно говорить о восточноиранской принадлежности ряда племен, живших в кушанское время на территории Афганистана и Пограничной полосы.

В отношении языка сурх-котальской надписи и написанных на нем же менее значительных эпиграфических документов существуют два мнения. Согласно одному из них, этот язык был принесен племенами, вторгшимися в Бактрию во II в. до н. э.; согласно другому, это древний язык Бактрии, на котором в ней говорили задолго до II в. до н. э. Основанием для второго мнения (А. Марик, В. Хеннинг, В. А. Лившиц и др.) служат прежде всего положение «бактрийского» в системе засвидетельствованных иранских языков и особенно его близость к мунджийидга, а также пашто. Но данный аргумент имел бы доказательную силу лишь в том случае, если бы было установлено, что предшественники двух названных языков бытовали недалеко от Бактрии ранее II в. до н. э., иначе можно выдвинуть и другой тезис: что их близость к «бактрийскому» определяется соседством на иных территориях, откуда они были принесены вместе с ним — например, в результате передвижений II в. до н. э. В литературе же как раз распространено мнение о появлении предка пашто на территории Афганистана во II в. до н. э. и вместе с тем указывалось на ранние связи предшественников мунджи-йидга и пашто.

Распространение восточноиранских языков на обширной территории от Северного Причерноморья до Восточного Туркестана и «индоиранской пограничной полосы» обычно связывают прежде всего с миграциями III—II вв. до н. э., в том числе с движением племен, разрушивших Греко-Бактрию; несколько ранее на востоке под давлением гуннов началось продвижение юечжей и саков-сэ, на западе сарматы перешли Дон и заняли Северное Причерноморье и т. д. Вопрос о восточноиранском диалектном единстве при этом большей частью не учитывается, и говорят лишь о переселениях отдельных племенных групп, например о появлении в долине Инда и соседних районах саков, продвижении на запад до европейских степей части племен с этнонимом «ас» и т. д.

Вместе с тем уже давно высказывались мнения о проникновении иранских племен в районы у долины Инда задолго до II в. до н. э. Так, Ж. Пжелюский и за ним некоторые другие авторы писали о том, что уже ко времени Александра Македонского в Пенджабе имелись группы иранского по происхождению и иранизированного населения. Правда, приводившиеся при этом аргументы по большей части бездоказательны, а датировка привлекаемых источников или их отрывков весьма неясна; следует также заметить, что в упомянутых работах имелось в виду проникновение иранцев лишь из районов, соседних с областями по Инду, вопрос же о принадлежности этих иммигрантов к той или иной группе внутри иранской общности не затрагивался [1].

Гораздо более определенны давно привлекавшиеся свидетельства древнеперсидских и ранних античных источников о распространении племен с этнонимом «сака» на северо-западных границах Индии, в Гиндукуше и Припамирье (И. Маркварт и др., ср. ниже). Но другие ученые решительно отрицали наличие сакских племен на северо-западе Индии, а также толкование некоторых этнонимов и топонимов этой территории как свидетельствующих о саках, массагетах и т. д.; отдельные же, более ранние данные о саках или близких им племенах относят в этих случаях за счет знакомства индийцев с областями Средней Азии. В настоящее время работами советских археологов установлено, что население, по хозяйству и культуре близкое к сакскому населению соседних районов Средней Азии, обитало на Памире уже в VII—VI вв. до н. э., в связи с чем, учитывая и данные письменных источников VI—V вв. до н. э., племена Памира и соседних горных районов относят к сакским [2].

Но археологические материалы не могут сказать что-либо об особенностях языка оставившего их населения. Происхождение же и характер самого термина «сака» остается неуясненным. Не ставится и вопрос о том, были ли саки «восточноиранскими» по языку племенами уже к VII—VI вв. до н. э., т. е. сформировались ли к этому времени характерные особенности, объединяющие восточноиранские языки. Весьма распространено также мнение, что родина сакских племен находилась на востоке Средней Азии и что позднее они расселялись оттуда в различных направлениях — на юг, на запад, к Прикаспию, и т. д. (С. Конов и др.) [3]. По общепризнанному ранее и широко распространенному и теперь мнению, Средняя Азия и соседние с ней области были общей родиной иранских племен, в том числе западноиранских, продвинувшихся в Западный Иран в начале I тысячелетия до н. э. Формирование же и расселение восточноиранской языковой группы обычно относят к значительно более позднему времени.

Вопрос о времени и месте контактов, приведших к возникновению и распространению общих для восточноиранских языков особенностей, был поставлен Г. Бейли. Отмечая особые сходства между осетинским, хорезмийским, согдийским, хотаносакским и пашто, он выдвинул положение о том, что их соприкосновение имело место в Средней Азии и на ее границах, рядом с Согдом и Хорезмом, и продолжалось до племенных передвижений III—II вв. до н. э., в том числе до переселения в это время на запад основных предков осетин (племен с этнонимом «ас», по Г. Вернадскому) и движения на юг предков афганцев, входивших в число племен, которые вторглись во II в. до н. э. в Бактрию (по Г. Моргенстьерне, ср. ниже). И по мнению ряда других ученых, юго-восточные иранские языки — афганский, мунджанский, памирские — распространились в районах, где известны позже, в результате передвижений сакских и близких им племен во II в. до н. э. [4].

Указанная теория непосредственно увязана с данными о событиях, приведших к падению Греко-бактрийского и созданию затем Кушанского государств, и исходит из построений В. Тарна относительно пасианов, одного из племен, пришедших, по Страбону, из-за Яксарта и разрушивших Греко-Бактрию. Согласно В. Тарну, пасианы, идентичные парсиям Птолемея, продвинулись затем в районы Газни и Кабула, где основали свое царство с городами Парсиа и Парсиана, а их цари Спалахора, Спалагадама и Спалиришн чеканили там свою монету.

Как было показано П. Тедеско и Г. Моргенстьерне, афг. -ṣ̌t- восходит к др.-иран. -rs-, а этнические термины «пашто», «пуштун» — к древнеиранским образованиям от pars-, parsu-; территория, где Тарн помещает парсиев, вполне соответствует, по Моргенстьерне, области раннего расселения афганцев, а -l- в упомянутых царских именах восходит к др.-иран. -d-, каковой переход характерен для афганского. Поэтому Моргенстьерне и Бейли полагают, что предки афганцев — парсии, идентичные пасианам, входили в число народов, вторгшихся во II в. до н. э. с севера в Бактрию.

Но эти выводы, особенно в части, заимствованной у Тарна, не могут быть приняты. На несостоятельность положений Тарна и некоторых следующих за ним авторов о пасианах и парсиях не раз указывалось в литературе. Что же касается охарактеризованной выше теории о происхождении афганцев, то она подробно рассматривалась мной в другой работе. Не останавливаясь на деталях, укажем здесь лишь на основные возражения против данной теории.

Вполне возможно, что у Страбона следует читать не «асии и пасианы», а «асии или асианы»; если же допускать, что «пасианы» все же существовали, то и тогда идентификацию с парсиями следует признать наименее удачной из предлагавшихся отождествлений, в том числе с апасиаками, пасиками и пр. (а эти возможности исключают одновременное тождество и с парсиями); само сопоставление имен «пасианы» и «парсии» сомнительно также лингвистически, как и привлекаемые к нему параллели. Переход -d- в -l- засвидетельствован для ряда восточноиранских языков и не может указывать обязательно на афганцев; кроме того, упомянутые выше правители не могут быть связаны с парсиями даже при локализации последних по Тарну. Но парсии к тому же не занимали области Кабула и Газни; по данным Птолемея, они достаточно точно локализуются далеко к северо-западу от Кабула и к западу и северо-западу от района Кипиши, примерно в области будущего царства Бамьян[5].

Итак, не имеется никаких аргументов в пользу мнения о том, что предки паштунов появились на территории Афганистана во II в. до н. э., а перед этим участвовали в племенных передвижениях на территориях к северу от Греко-бактрийского царства. Равным образом бездоказательны или неверны теории, связывающие с этими передвижениями носителей праосетинского языка и его появление в Юго-Восточной Европе. Формирование основных черт осетинского языка связано с сарматской средой и проходило на территории, по-видимому находившейся не восточнее волжско-уральских степей. Проникновение сарматских племен на запад, в том числе в Северное Причерноморье, началось ранее передвижений II в. до н. э. в восточной части евразийских степей. Диалекты этих сарматских племен обнаруживают самое близкое родство с осетинским (либо являются непосредственными предшественниками его диалектов), что следует из анализа сохранившихся племенных, а также личных имен сарматов и большого числа иранских имен из греческих надписей Северного Причерноморья (если же считать, что в значительной части эти имена восходят уже к скифскому периоду, это указывало бы на бытование в Северном Причерноморье диалектов, подобных праосетинскому, еще до III—II вв. до н. э.).

Мнения о происхождении предков осетин из Средней Азии или даже из Восточного Туркестана основываются на совпадении этнонима аси(и), известного как одно из старых самоназваний осетин и ранее аланов, с именем асиев-асианов, участвовавших во вторжении в Греко-Бактрию; их имя, кроме того, нередко отождествляют с усунями китайских источников или с Arsi документов из Восточного Туркестана. Можно было бы, конечно, допустить происхождение термина ас(и) с востока в поздний период (во II в. до н. э. или позже). Но тогда следовало бы иметь в виду лишь проникновение этнонима с принесшей его группой населения, а не самого осетинского языка и говоривших на нем племен. Однако и этот этноним достаточно рано засвидетельствован среди сарматов, а также достаточно надежно определяется в некоторых личных именах из Северного Причерноморья, причем в оформлении, явно указывающем на сармато-осетинскую диалектную среду[6].

При желании связать асиев-асианов с предками осетин или родственными им племенами следовало бы скорее предполагать не миграцию праосетин с востока, а продвижение асиев к Бактрии с северо-запада (на основании археологического материала сейчас высказывается предположение о том, что в завоевании Греко-бактрийского царства принимали участие племена, пришедшие из Приаралья или соседних районов). С не меньшим основанием можно полагать, что асии-асианы пришли из Восточного Туркестана, но в этом случае следует признать неприемлемыми их отождествления как с «арси», так и с усунями[7].

Кратко остановимся на имени еще одного народа, участвовавшего в завоевании Бактрии,— сакараулов-сарауков-сакарауков. Предлагалось несколько этимологий этого имени. Одна из них, пожалуй наиболее распространенная в литературе, служит основанием для ответственного вывода о тождестве этого народа с «сэ» (кит. sai из sək для иран. Saka) китайских источников. Вторая часть имени сравнивается при этом с хот.-сак. rre «царь», rrvīya «царский» и т. п., а все имя — с кит. sai-wan[8]. Но в этом термине этноним, по-видимому, отражен лишь в sai, т. е. Sak(a). Сведения же об этом объединении, разбитом юечжами и ушедшем (по-видимому, ранее, чем пала Греко-Бактрия) на юг через горные проходы к районам в долине Инда, очевидно, не дают возможности для указанного отождествления. Нельзя признать убедительной и приведенную этимологию. Во всяком случае, она не может служить аргументом для столь существенного заключения, тем более что имеются основания для иных объяснений имени. Сравнение форм Sakarauloi Страбона и Saraucae Трога—Юстина и непосредственно Sacaraucae Оросия и Sagaraukoi Птолемея указывает, что следует исходить из греческого оригинала Sakaraukoi. Это принимается и при объяснении данного имени как * Saka-ravaka «быстрые саки» (О. Семереньи и др.). Но есть и иная возможность, при которой имя будет иметь целый ряд параллелей в личных именах и этнонимах иранского степного мира: *Saka-rauka «светлые саки», ср. личное имя * Asparauka, отраженное в различных формах в надписях из Северного Причерноморья, в Иберии и т. д., Reukanaloi Птолемея для Reukalanoi «светлые аланы»; с другими словами в качестве определения: Roxolanoi (с roxs из rauxšna) «светлые аланы», Alanorsoi «белые аланы», совр. осет. ors-tual-tæ «белые туальцы» и т. д.[9] Что касается первоначальной области обитания сакарауков и их соотношения с юечжами, то здесь так же мало определенного, как и в случае с асиями-асианами.

Тем не менее при общей оценке предшествовавших падению Греко-Бактрии племенных передвижений следует говорить скорее не о расселении в это время восточноиранских племен в различных направлениях из Средней Азии, а о продвижении их различных групп к ее границам и в ее пределы. Затем часть племен прорвалась к югу. Но в степной полосе Евразии эта эпоха отмечена уже сокращением ареала иранских племен. Это во всяком случае имело место на территории Восточного Туркестана, где до начала экспансии гуннов восточноиранские племена занимали обширные территории наряду с другими индоевропейскими, говорившими на «тохарских» языках племенами (часть которых, возможно, также была втянута в движение на запад).

Здесь следует упомянуть еще об одной теории, подразумевающей существование в III—II вв. до н. э. тесных связей или единства племен на обширной территории от Приаралья до Восточного Туркестана и основанной на уравнении массагеты — Большие юечжи. Это старое отождествление было воспринято и развито в ряде работ, в которых предполагается, что юечжи китайских источников составляли часть массагетской конфедерации и продвинулись на восток в конце IV или в III в. до н. э., а затем под натиском гуннов вернулись назад[10].

Сопоставление массагеты — Большие юечжи основано на цепи допущений, в которой при выпадении отдельного звена рушится вся система. Имя «массагеты» делится на иран. masa- «большой» и этноним «геты» (известен во фракийском мире), а древнее произношение китайского «юечжи» восстанавливается в форме, близкой к «геты». Но это восстановление крайне сомнительно и сейчас обычно отвергается. Имя массагетов этимологизируют по-разному, но в конце его определенно представлен показатель множественного числа -ta, известный в ряде восточноиранских языков (включая хорезмийский), а также по названиям многих племен Евразии, современных массагетам. Для последних это непосредственно подтверждается формой единственного числа Massages, засвидетельствованной как имя одного из военачальников Ксеркса (Геродот VII, 71). Это имя следует добавить к числу ахеменидских личных имен, образованных от этнонимов, как Камбис, Согдиан и др.[11]. В имени массагетов нет, следовательно, компонента «геты». Наконец, название «Большие юечжи» возникло, очевидно, не ранее II в. до н. э. в связи с конкретными историческими событиями этого времени, в результате которых появились и «Малые юечжи».

Данные об юечжах, усунях, сэ (саках) свидетельствуют о том, что эти племена продвинулись далеко на восток (юечжи до провинции Ганьсу) задолго до III в. до н. э. (скорее всего, не позже VII—VI вв. до н. э.). Под давлением гуннов значительные группы юечжей пошли на запад, причем китайские источники достаточно четко отмечают этапы этого движения, которое привело юечжей в Бактрию.

Обратимся теперь к иным данным, на основании которых можно более определенно судить о времени и месте формирования восточноиранской диалектной группы. Заметим прежде всего, что традиционное положение, по которому Средняя Азия являлась общей родиной иранских (а ранее также индоиранских) народов, должно быть, очевидно, пересмотрено. Оно не имеет под собой реальных оснований. В то же время лингвистические материалы, указывающие на длительные и поздние связи арийского и затем отдельно иранского с индоевропейскими языками Европы, угро-финские заимствования из арийских языков в индоиранский и общеиранский периоды, распространение в областях к северу от Черного моря, включая Среднее и Верхнее Поднепровье, иранских топонимов (по крайней мере в основном общеиранского облика), свидетельства в пользу западного, кавказского пути части индоиранских племенных групп и иные данные указывают на сложение и бытование арийских и затем (после отделения и миграции предков индоариев и переднеазиатских ариев) иранских языков в Юго-Восточной Европе[12].

Возникновение некоторых специфических черт восточноиранских диалектов следует, вероятно, относить еще ко времени до распада иранского единства (не позже последней четверти II тысячелетия до н. э.). Но и затем, в период развития восточноиранского единства, его ареал не представляется возможным локализовать далеко на востоке, в Средней Азии и тем более в ее восточных районах. Последние вместе с примыкающими областями Восточного Туркестана составляли лишь восточную часть обширной территории распространения восточноиранских племен и на рубеже исторического периода (ср. ниже).

Как ранее арийские и затем иранские (в общеиранский период), так и восточноиранские диалекты находились в тесном (а возможно, и более активном) соприкосновении с лесной зоной и угро-финскими языками. Характерно также, что языки, засвидетельствованные на крайнем юго-востоке восточноиранского мира,— пашто, мунджанский, памирские,— обладают своими специфическими связями с угро-финскими языками. Еще в начале XX в., указывая на ряд таких совпадений, Б. Мункачи, а позже Г. Якобсон называли их «поразительными». В настоящее время число таких данных увеличилось[13]. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что форма ряда таких слов может указывать на диалектные особенности, близкие тем, которые характерны для современных восточноиранских языков Афганистана и Памира, и в то же время не являющиеся общими восточноиранскими. Можно также отметить, что в некоторых из таких слов наличествует нехарактерное для общеиранского l (то же явление наблюдается иногда, например, и в обско-угорских соответствиях с осетинским), а в некоторых из упомянутых юго-восточных иранских языков, по-видимому, чаще, чем обычно в иранском, сохраняется индоевропейское l.

Не менее существенно и то, что эти засвидетельствованные на юго-востоке языки — пашто, припамирские, а также хотаносакский — обладают и собственными лексическими изоглоссами с индоевропейскими языками Европы, минуя иные иранские или разделяя эти особенности с некоторыми другими восточноиранскими языками. Такие материалы были недавно собраны и пополнены В. И. Абаевым, выявившим также многочисленные и исключительно важные факты такого рода для осетинского[14].

Уже упомянутые лингвистические данные не позволяют искать область сложения восточноиранских языков далеко на востоке и помещать ее (в основном или целиком) за пределами Европы. Предположительно ее можно локализовать на территориях к западу от Зауралья и Северного Приаралья, между лесной зоной Урала и Поволжья на севере и Каспием и Предкавказьем на юге.

В лексическом материале, который может быть определен как общий восточноиранский, а также в том, который принадлежит к особым восточноиранско-европейским и восточноиранско-угрофинским схождениям, широко отражена скотоводческая терминология, но достаточно хорошо представлены и слова, свидетельствующие об оседлом быте и земледельческом хозяйстве. Укажем здесь лишь на единичные примеры: из схождений с европейскими языками — хот.-сак. pā'sa (из parsa) «свинья» (домашнее животное, характерное для оседлого земледельческо-скотоводческого, а не кочевого хозяйства; название свиньи в других иранских языках иное, но также индоевропейского происхождения), афг. zaṇai (из zṛṇa-ka) «зерно»; из схождений памирских языков с финскими — морд. čuǯ, šuž, марийск. šož «ячмень», сарыкольск. čušǯ, шугн. čušaǯ «ячмень, жито»; для общего восточноиранского фонда —

kanϑā «поселение», «город» (ср. ниже). Подобные факты свидетельствуют не только о сохранении древних оседло-земледельческих традиций, но и об их развитии в восточноиранский период. Это может указывать на соотношение данного периода скорее со срубно-андроновской эпохой (следует иметь в виду ее более поздние фазы), чем со временем распространения собственно кочевого хозяйства в предскифский и скифский период.

Приведенное соображение носит слишком общий характер, чтобы быть доказательным, но о существовании восточноиранского единства и формировании особенностей восточноиранских языков уже в доскифскую эпоху вполне определенно свидетельствуют другие факты. Особое значение здесь приобретают ранние данные античных авторов о европейской Скифии — как в связи с тем, что это самая западная часть степного ираноязычного мира, так особенно и потому, что лишь для нее имеются более подробные конкретные сведения, включая существенные лингвистические материалы.

Правда, и эти данные достаточно скудны (и к тому же ряд характерных для восточноиранских языков особенностей может быть скрыт в греческих передачах). Но все же для скифского языка Северного Причерноморья вполне надежно устанавливаются, например, такие черты, как показатель множественного числа -ta (ср. в сармато-аланском и осетинском, хорезмийском, согдийском и ягнобском, язгулемском), развитие -d- в -l- (ср. в пашто, «бактрийском», мунджи и йидга, частично в ишкашимском и некоторых других памирских, по крайней мере в периферийных диалектах согдийского и др., а также в отдельных иранских заимствованиях в финских языках), ряд фонетических особенностей, свойственных сармато-алано-осетинскому (li- из ri- и др.), такие типичные образцы восточноиранской лексики, как sāna «враг» (ср. в осетинском, согдийском, хотаносакском и др.) и kapa «рыба» (ср. в пашто, мунджи и йидга, памирских, хотаносакском, согдийском, осетинском; одно из слов, принципиально отличающих восточноиранские языки от западноиранских, сохраняющих общеарийское слово: др.-иран. masya, инд. matsya «рыба»).

Следует подчеркнуть, что эти особенности скифского языка свидетельствуются источниками не позднее V в. до н. э. Наиболее богатый материал дает, конечно, Геродот, но многие сведения античной традиции о Скифии восходят к авторам, писавшим до Геродота, начиная с VII в. до н. э. Дошедшие от их сочинений фрагменты (Аристея, Алкмана, Гекатея и др.), хотя и на единичных примерах, фиксируют те же особенности: окончание -ta, звук l и т. д. Kapa «рыба» входит в имя р. Пантикапа (от иран. «Рыбий путь») к северу от Черного моря и Пантикапея на берегу Керченского пролива. Первая известна по Геродоту (и позже); Пантикапей же существовал уже как греческая колония в первой половине VI в. до н. э., а само это название было известно грекам, по-видимому, уже в VII в., если не ранее.

Помимо слов kapa и sāna другие упомянутые выше (и некоторые иные) особенности скифского отражены, в частности, в первой из приводимых Геродотом легенд о происхождении скифов (IV, 5—7). Она записана со слов самих скифов, о чем сообщает Геродот и что следует из анализа текста легенды[15]. Это подтверждает большую точность представленного здесь эпического материала. Вместе с тем он, как подчеркнуто В. И. Абаевым[16], безусловно, намного древнее времени Геродота. Заметим также, что имя Колаксая, главного персонажа этой легенды, упоминается во фрагменте Алкмана (VII—VI в. до н. э.). Происходящим из скифского эпоса и очень древним должно быть и имя скифского царя Σάνευνος (от упоминавшегося выше sāna: *Sānavana «побеждающий врагов», этимология проф. Я. Харматты[17]). Он известен по фрагменту Гелланика (V в. до н. э), согласно которому при этом царе скифы впервые стали изготовлять железное оружие. Данное сообщение, возможно, следует связать (учитывая также наличие образца восточноиранской лексики в имени этого культурного героя) с существованием в восточноиранских языках целого ряда не являющихся общеиранскими слов и форм названий металлов и изделий из них; целая группа таких слов известна и в угро-финских языках.

Что касается легенды у Геродота, то из ее содержания и из других данных (ср. IV, 76, 127 и др.) определенно следует, что она принадлежала царским скифам (а некоторые имена исторических царей скифов у Геродота указывают на те же диалектные черты, которые отражены в именах легенды). Таким образом, указанные диалектные особенности принадлежали языку тех скифских племен, которые около второй половины VIII в. до н. э. продвинулись на запад из волжско-уральских степей (ср. Геродот IV, 11, 13, а также 22 — о восточной ветви царских скифов, отделившейся от последних). Конкретная племенная принадлежность некоторых других устанавливаемых по данным VII—V вв. до н. э. диалектных особенностей менее определенна — как, например, ассимиляция rs — ss, о которой свидетельствует сравнение двух форм имени одного народа: тирсагеты и тиссагеты (обитали к северо-востоку от Скифии; указанное произношение может быть отнесено и за счет племен, живших между их территорией и Причерноморьем). Но такие данные, как и извлекаемые из более богатого материала надписей последующих веков, указывают на возникновение диалектных особенностей, существовавших много позже и известных, например, по осетинскому (так, ассимиляция указанного типа отражена в различиях между иронским и дигорским диалектами осетинского). Сходное явление отмечалось выше в связи со схождениями между восточноиранскими и угро-финскими языками.

Можно поэтому полагать, что уже в середине I тысячелетия до н. э. восточноиранские языки обладали большой диалектной дробностью, причем соответствующие диалектные черты во многом соответствовали современным. Что же касается периода восточноиранского единства, то он должен быть отнесен ко времени до VIII в. до н. э. Исторически засвидетельствованное античной традицией (а косвенно также ассирийскими текстами) продвижение скифов в VIII в. до н. э. принесло с собой на запад из Поволжья один из сформировавшихся восточноиранских диалектов. Но не исключено, что они проникали на запад или бытовали там и ранее (так, имя Пантикапея не обязательно должно связываться со скифами; оно могло принадлежать «киммерийцам»).

Среди населения степей Юго-Восточной Европы уже в VIII—VII вв. до н. э. был распространен и этноним «сака». Как известно, Геродот (VII, 64) сообщает, что персы называют всех скифов саками. То, что в древнеперсидской административной и этнографической номенклатуре саками именовались различные скифские племена, в том числе Европы, непосредственно подтверждается данными ахеменидских надписей, где Saka paradraya (страна «заморских саков») определенно означает европейских скифов (северо-востока Балкан или Северного Причерноморья). Обычно считают, что персы перенесли на других скифов название, которое первоначально стало известно как имя одного или нескольких племен Средней Азии. Но имеющиеся данные противоречат этому мнению. Остановимся на некоторых из таких фактов.

В 1933 г. была опубликована надпись Ашшурбанапала на мраморной плите из храма Иштар в Ниневии. В этой надписи (стрк. 146) Тугдамме, известный по другим текстам как вождь киммерийцев, называется царем «(страны) Сака» или «саков» (KUR Sakāi). Издатель текста Р. Томпсон читал следующие знаки как одно слово, считая его дополнением к Saka, и пытался отождествить его с каким-либо из названий скифских племен. Но, как показал позже Х. Тадмор, следует читать «Сака и Гутиум». По его мнению, надпись может указывать на то, что киммериец Тугдамме в то время властвовал и над скифами (связанными по ассирийским текстам с Манной, которая может выступать под именем Гутиума)[18]. Конкретная историческая трактовка данного текста может быть, однако, различной. Не исключено, в частности, что «сака» служит здесь эквивалентом для обозначения не скифов, а киммерийцев. Но в любом случае указанный текст свидетельствует, что у племен, проникших в VIII — начале VII в. до н. э. в Переднюю Азию из Юго-Восточной Европы, уже существовал этноним «сака» (чтение KUR Sakāi не вызывает сомнений).

Это часто не учитывающееся свидетельство ассирийского источника представляет исключительный интерес во многих отношениях. Так, оно снимает единственный конкретный аргумент в пользу весьма распространенного мнения о том, что кроме киммерийского и затем скифского было еще третье вторжение кочевников в Переднюю Азию — сакское (во второй половине VII или VI в.),— на этот раз якобы из Средней Азии (что совпадает с мнением о тесной связи этнонима «саки» именно со Средней Азией). Несостоятельность этой теории в свете имеющихся исторических данных была, в частности, убедительно показана И. М. Дьяконовым. Но при этом он считает, что Страбон называет скифов саками (соответствующими у него скифам Геродота и ассирийских текстов) просто по ошибке, объясняющейся тем, что персы и мидяне называли всех кочевников саками и что название области в Армении Сакасена (арм. «Шакашен»), по Страбону получившей свое имя от саков, восходит к официальному мидийскому наименованию этой территории[19].

Но эти объяснения не вполне убедительны; кроме того, в античных и других источниках имеются и некоторые иные данные о раннем бытовании имени «сака» в Передней Азии, и их также нелегко или невозможно объяснить лишь влиянием персидско-мидийской терминологии (что же касается упомянутого мнения о третьем, сакском, вторжении, то оно существует в литературе и теперь). Привлечение свидетельства текста Ашшурбанапала, очевидно, решает проблему: употребление в нем термина «сака» определенно не может быть обусловлено влиянием персидской или мидийской традиции, а восходит к бытованию этого этнонима среди самих племен, которые им обозначены в надписи.

Как ни скудны сведения о степных областях к северу от Кавказа и Средней Азии, имеющийся для них ономастический материал также указывает на бытование этнонимов и личных имен, образованных от термина «сака», и на его распространение в европейской Скифии и на территории евразийских степей, занятой сарматами[20]. Можно также заметить, что этот термин связан не только с племенами определенного хозяйственно-культурного облика, но и с носителями диалектов восточноиранского круга. Об этом можно с уверенностью говорить и по отношению к европейской Скифии: слово «сака» как этноним должно было бытовать здесь уже до начала VII в. до н. э., как и восточноиранские диалекты.

На территории Юго-Восточной Европы, включая степи Причерноморья, племена восточноиранской языковой группы обитали, таким образом, со времени не позже VIII—VII вв. до н. э. (а возможно, и ранее; не исключена принадлежность к той же группе иранских племен и киммерийцев). Области к востоку от Дона до Южного Зауралья были заняты савромато-сарматскими племенами. Диалекты сарматов определенно были восточноиранскими, как, очевидно, уже и савроматов, на что может указывать и их имя. О связях предшественников сармато-аланских диалектов с территорией у границ лесной зоны по обе стороны Урала свидетельствуют и многочисленные схождения осетинского с иранскими заимствованиями в пермских и обско-угорских языках. Судя по археологическим данным, савроматская племенная общность, просуществовавшая несколько веков, сложилась не позже начала VII в. до н. э.

К юго-востоку от савроматов обитали племена массагетской группы. Восточноиранская принадлежность их языков для более позднего времени не вызывает сомнений (один из них, очевидно, был предком хорезмийского языка Южного Приаралья). Восточноиранским, собственно, является и само имя «массагеты» (к тому же, вероятно, содержащее компонент saka). По сохраненной в античной литературе традиции массагетское объединение уже существовало в период продвижения скифов на запад, т. е. не позже конца VIII в. до н. э.

Земледельческие области Средней Азии были заселены известными в них с исторического периода народностями уже к VII—VI вв. до н. э. На большей части Средней Азии (за исключением юго-запада) позже определенно были распространены восточноиранские языки. Нет никаких оснований полагать, что, например, в Согдиане в VII—VI вв. говорили на языке иной группы, чем известный позже согдийский, или что характеризующие последний восточноиранские особенности распространились на территории Согда позднее VII—VI вв. до н. э. К тому же само название этой страны, известное по Авесте, Suγδa, и в древнеперсидской передаче с VI в. до н. э. (Suguda), очевидно, уже отражает восточноиранское развитие. По убедительной этимологии оно соответствует др.-иран. suxta- (от глагола «жечь») в значении «очищенный огнем» — «чистый», как осет. sugdæg «чистый», «святой», а старое название города Судак в Крыму, Σουγδαια, может рассматриваться как прямая параллель к имени Согда[21]. В засвидетельствованном текстами в I тысячелетии н. э. согдийском группа -xt- также отражена как -γḍ. С IV в. до н. э. известно имя столицы Согда — Самарканда (Мараканды историков Александра). Город безусловно назывался так и до этого, а по археологическим материалам с городища Афрасиаб он существовал в VI в. до н. э. (но вряд ли намного ранее). В его имени определенно содержится kanϑā > kand, характерное восточноиранское слово.

Население Памира, судя по письменным источникам второй половины VI в., принадлежало к племенам, именовавшим себя саками. По археологическим данным, население соответствующего этнического облика обитало на Памире не позже, чем в VII в. до н. э.

Таким образом, представляется возможным утверждать, что период восточноиранского единства должен быть в основном отнесен ко времени до VIII в. до н. э. Уже в VIII—VII вв. различные группы восточноиранских племен на обширных территориях, включая земледельческие страны и горные районы, заняли те или иные области с формирующейся здесь с этого времени культурой характерного для каждой области облика и с общим для ее населения именем; в этих областях говорили на диалектах, которые обладали характерными восточноиранскими чертами и вместе с тем уже являлись во многом предшественниками исторически засвидетельствованных восточноиранских языков, вплоть до современных.

Вернемся теперь к вопросу о том, когда племена, говорившие на диалектах восточноиранской принадлежности, появились на территории Афганистана и в примыкающих к долине Инда областях. Мы видели, что мнение об их проникновении в эти районы лишь во II в. до н. э. является бездоказательным, а данные о времени формирования восточноиранских языков никак не могут противоречить предположению о гораздо более ранних датах.

Древнеперсидские тексты и античные источники свидетельствуют о распространении в ахеменидское время группы сакских племен рядом с Индией, к востоку от Бактрии. Так, материалы ранних надписей Дария I (Beh. и Pers. «e») и относящиеся к тому же времени (первому десятилетию правления Дария) данные фрагмента Гекатея о Каспапюре (по периплу Скилака) и списка ахеменидских податных округов у Геродота показывают, что сакские племена уже тогда обитали на границах Индии и в ее северо-западных пределах, от Бактрии и Памира до Гандхары (с которой граничила и ахеменидская провинция Сака), и уже в VI в. до н. э. достигали низовьев Кабула, а возможно, проникали к югу от него. По данным несколько более позднего времени (последующие надписи Дария I и затем других Ахеменидов, сведения Геродота, относящиеся ко времени Ксеркса I) устанавливается, что саки, соседившие с Индией, по крайней мере в основном соответствуют сакам-амюргиям (хаумаварга надписей). Их область находилась рядом с Бактрией (к востоку от нее) и с провинциями по Инду (Гандхара и Хинду; Хинду, как и ранее инд. Синдху,— не современный Синд, а территория гораздо выше по Инду, включавшая часть Западного Пенджаба). На севере это объединение саков, по-видимому, распространялась на территорию Памира, но вряд ли далее к северу[22].

На основании археологических материалов с Памира можно предполагать, что расселение данной этнической группы на упомянутых территориях относится уже к VII в. до н. э. Во всяком случае, в VI в. до н. э. иранские племена этих районов именовали себя саками, как показывают упомянутые древнеперсидские и античные источники. Ряд упоминаний о сакских или иных восточноиранских племенах содержится в произведениях древнеиндийской литературы, но большей частью очень трудно определить, о каких территориях реально может идти речь и особенно к какому времени относятся такие данные, содержащиеся, например, в тех или иных отрывках «Махабхараты». Следует поэтому прежде всего обратиться к источникам, не являющимся многослойными и более или менее определенно датируемым. К ним принадлежит грамматика Панини «Аштадхьяи», основной текст которой определенно принадлежит самому автору и содержит синхронные упоминания многих географических названий, племен, стран, отдельных сведений о них. Время жизни Панини может быть датировано в пределах V—IV вв. до н. э. и определенно принадлежит к домаурийской эпохе. Панини хорошо знал области к западу и северо-западу от долины Инда. В «Аштадхьяи» встречаются названия целого ряда гор, стран, народов, относящиеся к территории от районов к северу от Гиндукуша до Северного Белуджистана, включая Бактрию и области, определенно локализуемые на территории Паропамисад и Арахосии (Капиша и др.).

Индийский ученый В. С. Агравала в своем фундаментальном труде о Панини[23] указал на некоторые его сведения, которые могут свидетельствовать о восточноиранских племенах. Но Агравала считает, что у Панини и авторов некоторых других индийских сочинений при этом в основном имеются в виду племена, обитавшие в Средней Азии. В отношении Панини этот вывод ничем, по существу, не аргументируется, но связывается с отождествлениями отдельных упоминаемых Панини имен с названиями областей Средней Азии. Но все же нет никакой уверенности в том, что труд Панини отражает какое-либо знакомство со среднеазиатскими племенами или областями (если не считать расположенной недалеко от Индии Бактрии). А одно из свидетельств Панини, рассмотренное в этой связи Агравалой, должно, напротив, указывать на расселение восточноиранских племен у границ Индии или на ее территории. Панини несколько раз говорит о топонимах с носящим неиндийский характер окончанием -kanthā (Chihaṇakanthā и др.) и сообщает, что оно используется в именах мест в Варну и Ущинара. Последняя находилась в центре Пенджаба. Как пишет Агравала, обычное употребление там этого слова уже ко времени Панини ставит трудную проблему и, возможно, свидетельствует о вторжении, оставившем свои следы в топонимике задолго до контактов сакских племен с Индией во II—I вв. до н. э.

Ущинара являлась (и по данным Панини) частью страны Вахика, а еще одну ее часть (из трех) составляла область Мадров. В связи с этим следует, возможно, напомнить, что для последней Ж. Пжелюский в свое время приводил материалы, как будто действительно свидетельствующие об иранском влиянии на этот народ. Он, в частности, сделал вывод об употреблении в этой области слов kāra в значении «войско» и posta «кожа», являющихся не индийскими, а иранскими. Кроме того, Пжелюский, как и некоторые другие авторы, связывал имя столицы мадров Śākala с иранским Saka. Трудно сказать, реально ли последнее отождествление; что же касается упомянутых слов, то оба хорошо представлены и в восточноиранских языках, в том числе в пашто и припамирских.

В отличие от этих слов, входящих в общеиранский фонд, надежно определяемое по данным Панини -kanthā явно восточноиранского происхождения. Оно представлено (обычно в значении «город», «поселение») почти во всех основных языках этой группы: хотаносакском, согдийском, ягнобском, староосетинском (в переводе Библии — в значении «здание») и др. В западноиранских же языках оно неизвестно, за исключением редкого персидского слова kand «селение», являющегося поздним заимствованием из восточноиранской среды (по В. Хеннингу, из согдийского). Из восточноиранского заимствовано и уйгурское kant «город». На территории древнего распространения восточноиранских языков, в Средней Азии, Восточном Туркестане и г. д., известны многие имена городов с этим окончанием: Яркенд, Джаркент, Ташкент, Пянджикент и т. д. Подобное явление может быть отмечено и для аланской территории. В XIII в. Рубрук писал (гл. 49) о разрушенном монголами древнем городе аланов и «сарацинов» в низовьях Волги, на ее среднем протоке — Summerkent (возможно, это имя следует связать с названием столицы Согда — Самарканда).

Другая область, где, по Панини, были распространены топонимы на -kanthā,— это Варну (совр. Банну), которая лежала в низовьях Курама, в непосредственном соседстве с коренной территорией афганцев, с которой они с XI—XIII вв. расселялись по другим районам Афганистана. Можно также отметить, что и в афганском сохранено древнее kanϑā: kandai «квартал» и диалектное вазир. ganda «клан» из *Ha-kanϑā «обитающий в одном поселении».

На основании ряда данных, подробно рассматривавшихся мной ранее[24], можно предполагать, что именно предкам афганцев соответствует упоминаемое Панини (V.3,117) племенное объединение Parśu- (имя племени и страны), Parśava (племя в совокупности своих членов; Pārśava — его представитель). Как показал Моргенстьерне, само название афганцев — «паштуны» и важный этнический термин «пашто» восходят к др.-иран. *Parsava от *Parsu. Последняя форма сохранена в афг. Pašṭ, обозначавшем (по данным XIX в.) пространство от окраинных горных районов восточнее Газни до восточных склонов Сулеймановых гор, т. е. древнюю родину афганцев. Лишь на этой территории застают афганцев первые свидетельства о них в арабо-персидской литературе (с X в.), а в VII в. их страна отмечена в том же районе в описании путешествия Сюань-цзяна, а столетием ранее она упоминается у Варахамихиры. У Птолемея приводятся данные с парсиетах (Παρσυῆται от иран. Parsava), указывающие на ту же самую территорию; Птолемей упоминает также одноименные горы как раз там, где находятся горные районы территории, покрывавшейся афганским топонимом Pašṭ (из Parsu). Уже Маркварт уверенно связывал парсиетов с предками паштунов (хотя он еще неточно устанавливал древнюю форму самоназвания афганцев). Данные о парсиетах и их области еще раз подчеркивают неприемлемость сопоставления с предками афганцев парсиев, также упоминаемых Птолемеем, но совершенно в другом районе. Быть может, допустимо предположение о родстве этих двух народов, но на него может указывать лишь этноним, имевший, однако, очень широкое распространение, в том числе у персидских племен Западного Ирана, где он фиксируется с IX в. до н. э.

Таким образом, вплоть до рубежа новой эры непосредственно прослеживается существование в одной и той же области, в горных районах к юго-востоку от Кабула и Газни и до восточных склонов Сулеймановых гор, народа, имя которого и его страны восходит к др.-иран. Parsu, Parsava. В индийской передаче этому соответствовало бы Parśu, Parśava (как Śaka для иран. Saka и др.). Такая страна и племенное объединение упоминаются у Панини и Патанджали, а также у более поздних комментаторов Панини. Упоминание у Патанджали свидетельствует о реальном существовании этого племени в его время, т. е. во II (или III) в. до н. э. Parśu-Parśava Панини — определенно одно из иранских племен пограничной с Индией полосы. Область раннего расселения афганцев и их предков находилась в пределах территории, хорошо известной Панини; она также примыкает, в том числе на северо-западе и западе, к районам, где находились упоминаемые Панини и надежно локализуемые страны и племена. Наконец, социальная характеристика Паршу-Паршава (по Панини и Патанджали — немонархическое военное объединение) вполне соответствует данным об образе жизни и общественном укладе афганцев в то время, когда о них впервые появляются более подробные сведения источников.

У Панини упоминаются также племенное объединение и страна, название которых, очевидно, должно быть непосредственно связано с самоназванием мунджанцев (munǰi) и именем их страны (Munǰā̊n),— Mauñjayana (Панини V, 3, 116, как обозначение объединения и его представителя, ср. IV, 1, 73) от Muñja (IV, 1, 99). Уже Агравала считал, что это Мунджан; им указаны также другие упоминаемые Панини племенные и иные географические названия, локализуемые в соседних районах Гиндукуша.

Здесь однако, следует остановиться на предложенной Моргенстьерне и принятой за ним некоторыми другими авторами этимологии имени Мунджана, возводящей его к Haumavargā. Еще Маркварт в нескольких работах настаивал на том, что мунджанцы и их диалект входят в число потомков саков-амюргиев и их языка. Но он в основном исходил из географического положения Мунджана на территории, где в древности были распространены саки-хаумаварга, и не отождествлял самые имена.

По Моргенстьерне, названия Мунджана в йидга (Брег-ейо) и в соседнем кафирском языке кати (Мрунг-гуль) также восходят к имени амюргиев. При этом предлагается длинная цепь фонетических переходов, но закономерность части их не доказана, некоторые же пункты в цепи вообще не объяснены, что в особенности относится к постулируемому развитию названия Мунджана. К тому же в качестве завершающей это развитие принимается форма *Mung- в предполагаемом (в связи с китайской передачей) *Mungān, а форма, употребляемая самими мунджанцами, рассматривается как восходящая к Munǰān, та же, в свою очередь,— к арабизированной форме от Mungān. Но последним допущениям противоречат форма имени Мунджана в соседнем иранском диалекте сангличи (Mande′žan) и название Мунджана у арабских авторов (упоминается с Якуби) M-n-d-ǰ-a-n, близкое или совпадающее с формой сангличи. Они должны восходить к какому-то диалекту, в котором ǰ в имени Мунджана стало произноситься как dəǰ, dəž или подобным образом, и определенно показывают, что ǰ в имени Мунджана существовало до арабского завоевания и не зависит от норм арабского языка (китайская же передача неоднозначна и может толковаться различным образом)[25].

Указанная особенность произношения, отраженная в сангличи и арабском, может быть сопоставлена с встречающимся в Гатах dəǰ на месте обычного ǰ (представленного в других словах и в Гатах), например Dəǰamāspa при J̌amāspa в Младшей Авесте. Поэтому указанные формы в сангличи и у арабских авторов должны отражать реальное произношение в каком-то диалекте или в его отдельных словах при обычном произношении первоначального ǰ в других диалектах того же региона, из которых происходит и персидско-таджикская форма. Нет оснований полагать, что сам мунджанский воспринял последнюю[26].

Можно, таким образом, с полным основанием принять отождествление упомянутого у Панини племенного объединения Мунджа-Маунджайана с предками мунджанцев. Это, однако, не исключает возможности считать их одним из подразделений саков-хаумаварга. Напротив, раз мунджанцы уже до IV в. до н. э. находились в горных районах к северу от долины Инда, они, по-видимому, были связаны с этими саками, которые в VI—V вв. до н. э. занимали более обширные территории, включавшие, однако, и эти районы.

Итак, можно определенно говорить о том, что значительная группа восточноиранских племен находилась в областях на востоке Афганистана и примыкающих районах на северо-западе Индии уже в VI в. до н. э.; проникли же они туда не менее чем на столетие раньше. К их числу принадлежали носители предшественников пашто и мунджи-йидга, к V—IV вв. до н. э. уже находившиеся, очевидно, в тех же районах, где они засвидетельствованы позже.

Учитывая отмечаемую исследователями особую, среди других иранских языков, близость «бактрийского» к мунджи-йидга, а также пашто, следует полагать, что язык сурх-котальской надписи действительно может или, в свете указанных данных, должен быть языком древнего населения Бактрии, обитавшего на ее территории задолго до II в. до н. э.

В заключение отметим, что приведенные выводы непосредственно подтверждаются формой имени, под которой сама Бактрия была известна Панини и авторам ряда других индийских источников,— Бахлика. Сведения об этой стране в древнеиндийских источниках вместе с материалами некоторых других источников представляют большой интерес для истории иранских народов этого региона. Соответствующие данные будут рассмотрены в другой работе. Здесь же укажем лишь на некоторые выводы, которые могут быть сделаны на основании имени Бахлика и имеют непосредственное отношение к вопросу о времени распространения восточноиранских племен.

Имя Bāhlīka «Бактрия» было известно в Индии не позже V—IV вв. до н. э. Эта форма с l не может быть результатом случайного искажения или индийского восприятия, так как позднее известно собственно иранское Baxl > Balx. Форма «Бахлика», таким образом, свидетельствует о наличии l в иранских диалектах Бактрии или районов между ней и Индией к V—IV вв. до н. э. Далее, эта форма должна быть сопоставлена с авест. Baxδiš «Бактрия». Их соотношение между собой (а также с формой, отраженной в др.-пер. Baxtriš) может быть объяснено различным образом, но в любом случае должно исходить либо из развития δ > l, либо из диалектной вариации δ/l в части иранских языков Бактрии или соседних районов также уже в V—IV вв. до н. э. Сравнение с инд. Bāhlīka указывает также на достаточную древность авестийской формы Baxδiš, вероятно столь же старой, как и авест. Suγδa (см. о ней выше).

Различия в формах названия Бактрии в соседних странах можно, например, сравнить с наименованиями Согда в китайском, тибетском, санскрите и среднеперсидском: Sūlīk (кит. Su-li, тибет. Šulik) при одновременном существовании ср.-перс. и сир. Sōδ/Sūδ, а в новоперсидском позже — Suγd, ближе всего отражающего древнюю форму[27]. Эти факты засвидетельствованы в относительно поздний период, но сопоставление авестийского и индийского названий Бактрии указывает на большую древность подобного явления (отметим также одинаковое суффиксальное оформление в Sūlīk и в Bāhlīka).

Существованием иранских диалектов, отражающих переход δ>l или характеризующихся вариантным произношением δ/l на востоке Афганистана и в пограничных с Индией районах (где из иранского было воспринято и имя Бахлика), очевидно, объясняются форма восходящего к зап.-иран. dipi «текст», «надпись», др.-инд. lipi-, а также варианты этого слова в эдиктах Ашоки — dipi и lipi. Указанное заимствование датируется достаточно определенно — ахеменидской эпохой, вероятно, ее второй половиной.

Наличие l, восходящего к δ, принадлежит к числу наиболее характерных черт «бактрийского», а также пашто и мунджи-йидга и является одной из основных объединяющих их особенностей. Как мы видели, и этот отличительный признак засвидетельствован для диалектов на востоке Афганистана и на границах с Индией гораздо раньше II в. до н. э. (не позже V—IV вв. до н. э.) — и именно названием самой Бактрии, известным в Индии в то же время, когда там знали и о племенных объединениях Пограничной полосы, которые могут быть отождествлены с предками пуштунов и мунджанцев.

---

[1] J. Przyluski, Les Udumbara,— JA, t. 208 (1926), стр. 1—59; его же, Les Salva,— JA, t. 214 (1929), стр. 311—354; L. de La Vallée-Poussin, L'Inde aux

temps des Mauryas et des barbares..., Paris, 1930, стр. 11—14; W. Tarn, The Greeks in Bactria and India, Cambridge, 1951, стр. 125, 169.

[2] Ср. Б. А. Литвинский, Археологические открытия в Таджикистане за годы советской власти..., — ВДИ, 1967, № 4, стр. 127 и сл.

[3] S. Konow, Kharoshthi Inscriptions, Oxford, 1929, стр. XVI и сл. [Об особой и первоначальной связи термина «сака» с областями юго-востока Средней Азии и соседних районов см. также: И. В. Пьянков, Саки (содержание понятия), — «Изв. Отд. общ. наук АН Тадж. ССР», 1968, № 3, стр. 12—19].

[4] H. W. Bailey, Asica,—TPS, 1946, стр. 1 и сл.; И. М. Оранский, Введение в иранскую филологию, М., 1960, стр. 346.

[5] См.: Э. А. Грантовский, Из истории восточноиранских племен на границах Индии, — «Краткие сообщения Института народов Азии», № 61, 1963 (далее — КСИНА), стр. 11—22, и указанную в этой статье литературу.

[6] Ср.: В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М., 1949, стр. 157; его же. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. 1, М., 1958, стр. 81—82.

[7] Против отождествления с «арси» см. там же, стр. 82; Э. Грантовский,— КСИНА, № 61, стр. 12, 13. Отождествление асианы-усуни неприемлемо как по реально-историческим основаниям, так и по лингвистическим; Asianoi не может быть правильно сопоставлено с кит. у-сунь (или с произношением, к которому может восходить «у-сунь»); к тому же возможно, что у-сунь — это не передача этнонима, а китайское осмысление или перевод названия.

[8] См. у С. Конова (Konow, Kharoshthi Inscriptions, стр. XX и сл.) и затем с теми или иными модификациями у ряда других авторов.

[9] О приведенных параллелях к предлагаемому Saka-rauka ср.: В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, стр. 156—158, 177—178.

[10] Помимо более ранних работ см.: С. П. Толстов, По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 186 и сл., 204, 213 и сл.; как вероятная, эта теория излагается и в «Истории таджикского народа», т. I, М., 1963, стр. 345, 542, прим. 19.

[11] О таких ахеменидских именах см.: J. Charpentier, Der Name Cambyses,— ZII, II, 1923, стр. 140—152; В. И. Абаев, К этимологии древнеперсидских имен...,— «Этимология 1965», М., 1967, стр. 286—295 (подробнее см.: его же, Из иранской ономастики, — «История Иранского государства и культуры», М., 1971, стр. 266—268, с большим числом примеров подобных имен из других языков).

[12] См.: В. И. Абаев, Скифо-европейские изоглоссы, М., 1965, стр. 121—125 (значительная часть материалов, послуживших основой для этих выводов, была опубликована В. И. Абаевым ранее: AION, Sez. ling., IV, 1962, стр. 27—43); Э. А. Грантовский, Иранские имена из Приурмийского района в IX—VIII вв. до н. э., — сб. «Древний мир», М., 1962, стр. 250—264; его же, Ираноязычные племена Передней Азии в IX—VIII вв. до н. э., М., 1964 (автореф. канд. дисс.), стр. 23 и сл. (подробнее см.: его же, Ранняя история иранских племен Передней Азии, М., 1970, стр. 334—378).

[13] B. Munkacsi, Keleti Szemle, IV, 1903, стр. 380—381; H. Jacobsohn, Arier und Ugrofinnen, Göttingen, 1922, стр. 218; там же (и в других работах Б. Мункачи) см. соответствующие материалы. Интересные данные такого рода содержатся в ст.: В. И. Лыткин, О некоторых иранских заимствованиях в пермских языках,—ИАН, Отд. литературы и языка, 1951, № 4, стр. 385—392, и в работах ряда других исследователей.

[14] В. И. Абаев, Скифо-европейские изоглоссы, passim; для языков юго-востока см. стр. 12—14, 21 и сл., 31 и сл.

[15] См.: E. Grantovsky, Indoiranische Kastengliederung bei den Skythen, M., 1960, стр. 4, 21; там же, стр. 7—12, 23—26 см. об определяемых по тексту легенды особенностях скифского: окончание мн. ч. -ta, переход -δ- в -l-, ri- в li- [предложенное здесь объяснение имени Lipoxais из Ripaxšaya принято В. И. Абаевым (Скифо-европейские изоглоссы, стр. 12)].

[16] В. И. Абаев, Скифо-европейские изоглоссы, стр. 39.

[17] «Acta Antiqua Hung.», t. I, 1951, стр. 96—98.

[18] R. C. Thompson, The British Museum Excavation of Nineveh. 1931—1932,— «Annals of Archaeology and Anthropology», vol. XX, Liverpool, 1933; Х. Тадмор, Три последних десятилетия Ассирии,— «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», т. I, М., 1962, стр. 240—241.

[19] И. М. Дьяконов, История Мидии, М.—Л., 1956, стр. 250—251.

[20] См., например: В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, стр. 179—180; правда, в некоторых из приводимых здесь имен слово saka не определяется с полной уверенностью; кроме того, в других именах не обязательно принимать для saka значение «олень».

[21] Там же, стр. 183, 211.

[22] См. КСИНА, № 61, стр. 23—26, и указанную там литературу; подробную библиографию по данному вопросу см. также: Б. А. Литвинский, Археологические открытия, стр. 128 и сл. Не представляется, однако, обоснованным мнение о распро-

странении амюргиев к северу от Памира до областей по Яксарту. Впрочем, придерживающиеся этого мнения авторы обычно считают, что саки-хаумаварга обитали и далеко к югу, до границ Индии.

[23] V. S. Agrawala, India as known to Panini, Lucknow, 1953.

[24] См.: Э. А. Грантовский, Племенное объединение Parçu-Parçava у Панини,— сб. «История и культура Древней Индии», М., 1963, стр. 68—96; КСИНА, № 61, стр. 17—23; см. там же ссылки на упоминавшиеся выше сведения Панини и на источники и литературу к приводимым ниже данным по истории афганцев.

[25] Подробнее см. в работах, указанных в прим. 24.

[26] Как любезно сообщил мне после доклада А. Л. Грюнберг, сама мунджанская форма имени, представленная в литературе, записана не совсем точно; в мунджанском слово произносится не с обычным ǰ. Это дает возможность сблизить мунджанскую форму с отмеченными в сангличи и арабском [в кн.: А. Л. Грюнберг, Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык, Л., 1972, стр. 329, 403; указанная фонема в имени Мунджана характеризуется как «двухфокусная звонкая аффриката с апикальным первым фокусом» и транскрибируется как dž (в отличие от обычного ǰ); она фиксирована помимо Mənḍžon «Мунджан» и mənḍži(y) «мунджанец» еще лишь в одном слове. В заимствованиях из персидско-таджикского встречается лишь ǰ (ср. многие примеры там же, стр. 307 и сл., и др.)].

[27] Ср.: R. Gauthiot, Essai de grammaire Sogdien, I, Paris, 1914—1923, стр. I—VI; H. Bailey,—BSOS, VI (1932), стр. 948 и сл.

Summary

The paper deals with problems of the origin of the East Iranian tribes of the Kushan area, including the time and place of the formation of the East Iranian dialect group. The author rejects the current theory that the affinity of the East Iranian languages stems from contacts between the ancestors of the relevant tribes, which lasted until the 3rd of 2nd centuries B.C. in Central Asia and along its borders, and that the speakers of proto-Afghan appeared on the territory of Afghanistan in the 2nd century B.C. In the opinion of the author, the disintegration of the East Iranian entity is datable to a much earlier period terminating before the 7th century B.C., and the territory where it arose lay north-east of Central Asia, stretching to the forest belt of the Volga and the Urals and encompassing part of the European steppe belt. East Iranian tribes and dialects were to be found in the Northern Black Sea area in the 8th-7th centuries B.C. or even earlier. The ethnic name "Saka" already existed at the time in south-eastern Europe; it was not linked specifically with Central Asia. In the 8th-6th centuries B.C. the main groups of the East Iranian tribes were already settled over a vast territory, including both farming and highland areas; they occupied the regions where they were to be found in the historical period.

The spread of the East Iranian tribes (including Saka tribes) in the eastern regions of Afghanistan and those adjacent to the Indus valley occurred not later than the 7th-6th centuries B.C. Among these tribes were the ancestors of the Mundjanians and the Afghans, who are evidently mentioned among the tribal confederations of the Frontier listed by Panini. The Indian sources indicate, with reference to the period before the 2nd century B.C., that there were certain characteristically East Iranian dialectal features in the language of the tribes contiguous to the Indus valley. The language of the Surkh Kotal inscription, which shows striking affinity with Mundji as well as Pashto, was actually the language of Bactria long before the 2nd century B.C.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

В дискуссии на утреннем заседании 1.X.1968 приняли участие: Б. Мукерджи (Калькутта, Индия), Б. Я. Ставиский (СССР, Москва), Д. Сиркар (Калькутта, Индия), Г. Шарма (Аллахабад, Индия), Б. Пури (Масури, Индия), Б. Огел (Турция), С. Чаттопадхьяя (Шантиникетан, Индия), Р. Шарма (Патна, Индия), А. Дани (Пешавар, Пакистан), Б. Тхапар (Дели, Индия).

А. Дани остановился на некоторых положениях, содержащихся в докладах, заслушанных на заседании. Он не согласен с А. Девом, рассматривающим в качестве родины кушан Индию, откуда они распространились на запад и север, покоряя расположенные там страны. Упадок Кушанской державы явился результатом нажима со стороны Сасанидов, после чего происходит подъем яудхейев и других племенных государств. А. Дани считает, что палеографические материалы, привлеченные Б. Пури, не дают твердых оснований для сделанных им выводов по истории кушан. В связи с докладами С. Чаттопадхьяя и Г. Гумбаха А. Дани высказал мнение о том, что сведения по географии Центральной Азии из санскритской литературы и «Махабхараты» не имеют существенного значения, а данные Птолемея заимствованы из вторых рук; он полагает, что для изучения этих проблем большой интерес представляют свидетельства арабских географов. Что касается вопроса о границах Кушанской державы, то необходимо учитывать, что они сильно изменялись; А. Дани подчеркивает, что лишь области Пакистана и Афганистана оставались под властью кушан с самого раннего периода до конца существования державы.

Б. Мукерджи отметил по поводу доклада Д. Сиркара, что ряд фактов (некоторые данные китайских источников; изображение богини на льве на оборотной стороне монет Чандрагупты I, как и на монетах Канишки III, что может указывать на обращение монет этого типа в районе, присоединенном Чандрагуптой I, владения которого, вероятно, не простирались к западу от Матхуры) дает возможность предполагать, что власть кушан распространялась на часть Восточной Индии. Но ни одно из этих свидетельств не является окончательным. В связи с докладом Г. Шармы Б. Мукерджи высказал мнение, что радиокарбонные даты, полученные по материалам из Корами/Косами, подтверждают теорию о 78 г. н. э. как начале правления Канишки I. Возражая против предположения Б. Пури о том, что в датах ряда надписей опущена цифра 100, Б. Мукерджи считает, что эта проблема логичнее всего объясняется при допущении системы дуальной монархии, когда лишь старший правитель имел право чеканить монету. Такое объяснение, во всяком случае, совместимо с известными фактами индийской истории, теория же Б. Пури слишком гипотетична: термин Bakanapati из матхурской надписи, трактуемый Б. Пури как «владыка Бакана», имеет иное значение (devakulika), как давно было показано Г. Бейли. Относительно доклада А. Дева Б. Мукерджи заметил, что титул Mahakshatrapa был известен в Индии до кушан.

Б. Я. Ставиский подчеркнул, что даты археологических комплексов

Средней Азии, приводимые в книге Р. Гиршмана, теперь пересмотрены советскими археологами; эти комплексы относятся к более позднему времени. В связи с вопросом о политических границах Кушанского государства в Средней Азии Б. Я. Ставиский высказал мнение, что в настоящее время данных для дискуссии о северных рубежах Кушанской державы нет и сейчас следует говорить лишь о культурных связях, культурной ориентации и т. п.

Д. Сиркар указал, что сомнения, возникающие при чтении даты матхурской надписи Канишки, вызваны лишь использованием несовершенного воспроизведения надписи в «Epigraphia Indica», vol. XIX. Знакомство с оттиском надписи позволяет с полной уверенностью утверждать, что надпись датирована 14 г.

Г. Шарма считает, что распад Кушанской империи и ее замещение в Северной Индии местными династиями составляют две стороны одного и того же процесса. Весьма интересны данные (к которым привлек внимание А. Дев) о том, что монеты Васудевы и яудхейев встречаются в одних и тех же кладах. Это можно сопоставить с результатами раскопок в Каушамби. Последний кушанский царь в Каушамби — Васудева, а к 161 г. н. э. уже относится надпись Бхадрамагха (датированная 83 г.; 83+78=161 г. н. э.). Долина Ганга входила в состав Кушанской империи в течение краткого периода (около 78—150 гг. н. э.). 78 г. н. э. как начало правления Канишки подкрепляется археологическими свидетельствами и датами по C_{14} из Каушамби. Кушанский слой в Каушамби археологически датируется 25—100 гг. н. э., по C_{14} — 50 г. н. э. ±100 лет. Указанная археологическая датировка, в свою очередь, подтверждается большим числом дат по C_{14} для слоев, стратиграфически прослеживаемых от второй половины I тысячелетия до н. э. до VI в. н. э.

Б. Пури считает, что историю поздних кушан следует рассматривать объективно, допуская, что эти кушанские правители существовали независимо от имперской кушанской династии (к которой принадлежали, в частности, Канишка и Хувишка, правившие в 1—62 гг.) и в более поздний период.

Б. Огел отметил значение доклада проф. Г. Гумбаха. Данные Птолемея о Средней Азии рассматривались ранее И. Марквартом, сообщения китайских источников о Согдиане анализировал Ширатори. Сведения Птолемея следует рассматривать с учетом данных этих работ.

Возражая проф. А. Дани, С. Чаттопадхьяя повторил, что «Махабхарату» не следует отбрасывать как источник, бесперспективный при изучении древнеиндийской географии. В ней содержится много ценных свидетельств, их следует изучать на фоне данных других источников. При таком подходе из «Махабхараты» можно извлечь существенные данные.

Б. Тхапар считает, что данные по географии и истории Кушанской державы рассматривались в обсуждаемых докладах во многом с субъективной точки зрения. Р. Шарма правильно ставил вопрос о критериях для определения границ Кушанской империи и ее влияния. Распространение монет не обязательно должно означать, что данная область входила в состав империи. Следовало бы по возможности с наибольшей степенью точности определить все составные элементы кушанской цивилизации, включая керамику, скульптуру, архитектуру и пр., и сопоставить их с местными элементами тех же культурных комплексов, а также сравнить их с соответствующими элементами синхронных культур из соседних районов. Это, быть может, создаст условия для решения вопросов о границах Кушанской империи или зоне ее влияния.

SUMMARISED RECORD OF DISCUSSION

October 1, 1968, morning session. The speakers were: B. Mukherjee (Calcutta, India), B.Y. Stavisky (Moscow, U.S.S.R), D. Sircar (Calcutta, India), G. Sharma (Allahabad, India), B. Puri (Musoorie, India), B. Ogel (Turkey), S. Chattopadhyaya (Santiniketan, India), R. Sharma (Patna, India), A. Dani (Peshawar, Pakistan), B. Thapar (Delhi, India).

A. Dani discussed a number of points that had been made in various papers. He questioned A. Dev's contention that the home of the Kushans was India and that from there they had pushed west and north, conquering new lands on the way. The decline of the Kushan Empire was the result of the Sassanian onslaught, and was followed by the ascendancy of the Yaudheyas and other tribal states. A. Dani then went on to say that the palaeographic material cited by B. Puri could not be considered a valid enough basis for the conclusions he drew about the history of the Kushan state. Turning to the papers by S. Chattopadhyaya and H. Humbach, Dani expressed the opinion that the information on Central Asian geography found in the Sanskrit literary sources and the *Mahabhārata* had little real value, and that Ptolemy's facts were second-hand. He thought that the Arab geographers offered more reliable information for the elucidation of these problems. As for the boundaries of the Kushan state, said Dani, it must be remembered how much they changed from time to time. He believed that only parts of Pakistan and Afghanistan had continued under Kushan rule from the beginning and to the end of the existence of that empire.

Commenting on D. Sircar's paper, B. Mukherjee said there were various facts which might justify the assumption that the Kushan state had embraced a part of Eastern India (statements in the Chinese sources; the picture of a goddess riding a lion on the reverse of coins of Chandragupta I and similarly on coins of Kanishka III, which might be interpreted as proof that the above type of coins had been in circulation throughout the territory united by Chandragupta I, which probably did not extend west of Mathura); but, said Mukherjee, none of these evidences was conclusive. Referring to G. Sharma's paper, Mukherjee observed that the C-14 tests derived from the Korami-Kosami material confirmed the theory that A.D. 78 was Kanishka I's first regnal year. He rejected B. Puri's suggestion that the number 100 had been omitted from the dates of some of the inscriptions and said it was more logical to assume a system of dual rule under which only the senior monarch was empowered to issue coins. Such an explanation at least concurred with certain well-established facts of Indian history. B. Puri's theory was too conjectural, said the speaker. The term *Bakanapati* in the Mathura inscription, interpreted by Puri as "ruler of Bakan", meant something entirely different (*devakulika*), as Bailey had proved a long time ago. As for the title *Mahakshatrapa* mentioned by A. Dev, that title had been used in India before the Kushans.

B.Y. Stavisky stated that the dates of the Central Asia archaeological complexes given in R. Ghirshman's book had been revised by Soviet archaeologists, who had found that those complexes belonged later in time. As for the determination of the political borders of the Kushan state in Central Asia, Stavisky felt that the facts necessary to sustain a debate on its northern frontiers were not available as yet, and that all scholars could discuss so far were its cultural contacts, cultural orientation, and so on.

D. Sircar declared that the doubts which had arisen about the correct reading of the date on Kanishka's Mathura inscription were merely the result of the use of a poor reproduction in the *Epigraphia Indica* (vol. XIX) and that acquaintance with the accurate impression of the inscription fully corroborated the claim that it was dated in the year 14.

G. Sharma expressed the opinion that the break-up of the Kushan Empire and its replacement in Northern India by local dynasties were two aspects of one and the same process. It was interesting, as A. Dev had noted, that Vasudeva and Yaudheya coins occurred in the same hoards. This fact could be compared with the results of the Kausambi diggings. The last Kushan king to reign at Kausambi was Vasudeva; the Bhadramagha inscription pertained to the year A.D. 161 (it was dated in the year 83; 83 plus 78 was 161). The valley of the Ganges had come under Kushan rule for a short period of time from about 78 to 150 A.D. 78 was proved to be Kanishka's first regnal year by both the archaeological evidence and the C-14 dates for Kausambi. The Kushan horizon at Kausambi was dated archaeologically as A.D. 25-100 and according to C-14 as A.D. 50±100. The above archaeological dating was further corroborated by many C-14 dates for the layers which had been stratigraphically investigated, from the latter half of the 1st millennium B.C. to the 6th century A.D.

B. Puri urged the need to take an objective view of the history of the Later Kushan rulers, admitting that these rulers had existed independently of the royal Kushan dynasty to which Kanishka and Huvishka (who ruled from A.D. 1 to 62) belonged and that they had gone on ruling subsequently.

B. Ogel stressed the importance of H. Humbach's paper. Ptolemy's accounts of Central Asia had been analysed earlier by Marquart, and the reports of the Chinese sources on Sogdiana by Shiratori. Ptolemy's information should be evaluated in the light of those studies.

Taking issue with A. Dani, S. Chattopadhyaya reiterated his opinion that the *Mahabharata* should not be regarded as a source which had nothing to tell us about ancient Indian geography. On the contrary, it contains many valuable accounts, which, when checked against other sources, could augment our knowledge.

B. Thapar said he felt that the material on the geography and history of the Kushan Empire had been viewed largely from subjective positions in the papers being discussed. G. Sharma had correctly raised the question of what criteria should be used in defining the borders of the Kushan Empire and the extent of its influence. The diffusion of coins did not necessarily prove that the districts where they were found belonged to the empire. What should be done was to define, as accurately as possible, all the components of the Kushan civilisation (including pottery, sculpture, architecture, etc.) and compare them with corresponding local elements of similar culture complexes, and also with corresponding elements in the contemporaneous cultures of adjacent regions. That would no doubt expedite the solution of the question of the borders of the Kushan Empire and the extent of its influence.

Вечернее заседание 1.X.1968

ИСТОРИЯ КУШАНСКОГО ГОСУДАРСТВА. КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ

Afternoon Session, 1.X.1968

HISTORY OF THE KUSHAN STATE. CULTURE AND SOCIO-POLITICAL SYSTEM

D. SCHLUMBERGER *(STRASSBURG, FRANCE)*

SUR LA NATURE DES TEMPLES DE SURKH KOTAL

Du vaste domaine de l'archéologie et de l'histoire des Kouchans, qui fait l'objet de la présente Conférence Internationale, je ne connais bien qu'un seul secteur, étroit, mais précis: Surkh Kotal.—C'est donc de Surkh Kotal que je me propose de vous parler.

Je rappelle qu'on désigne de ce nom un grand site archéologique du Nord de l'Afghanistan, situé dans la vallée du Kunduz-âb, à une douzaine de Kms de Baghlan, et à une quinzaine de Kms de Pul-i Khumri, deux villes provinciales afghanes actuellement en plein essor. Ce site, complètement inconnu jusqu'en 1951, et qui n'avait même pas de nom, a été découvert par hasard cette année-là, et a fait l'objet de seize campagnes de fouilles, effectuées de 1952 à 1964 par la Délégation Archéologique française en Afghanistan; il a livré de grands monuments architecturaux, des fragments de sculptures, des inscriptions.

Les résultats de ces fouilles ont été publiés, de façon provisoire, au fur et à mesure des dégagements. La première anonce des découvertes a toujours été faite dans les Comptes-rendus de l'Académie des Inscriptions. Quatre articles, destinés à servir de rapports préliminaires pour les découvertes archéologiques, et couvrant l'ensemble de nos campagnes, ont été donnés par moi, dans le Journal Asiatique de 1952, 1954, 1955 et 1964. Trois articles, destinés à servir de rapports préliminaires pour les découvertes épigraphiques, et réunissant tous les textes ou fragments de textes exhumés du sol, ont été donnés dans le *Journal Asiatique,* respectivement par R. Curiel en 1954, A. Maricq en 1958, E. Benveniste en 1961.— D'autres articles ont été publiés ailleurs, en français et en anglais, par divers auteurs (dont moi-même). Mais, je me permets de le souligner, ils ne contiennent rien de neuf (sauf certaines photos), et n'avaient d'autre objet que d'assurer une diffusion plus large des résultats déjà publiés dans les Comptes-rendus et dans le *Journal Asiatique.* C'est dans les communications et articles publiés par ces deux périodiques qu'il faut chercher toute la documentation actuellement disponible sur les fouilles de Surkh Kotal, en attendant la publication finale, qui est en préparation, mais qui ne pourra paraître avant plusieurs années.

J'ai pensé qu'il pouvait être utile de tenter de vous présenter l'état de nos connaissances sur l'un des problèmes le plus importants qu'ait posés notre fouille, celui de la nature des temples qui ont été découverts.—Toutes les données de fait relatives à ce problème se trouvent dans les communications et articles qui viennent d'être mentionnés. Et je dois même ajouter que, bien que certains de ces textes soient vieux maintenant de plus de quinze ans, je n'estime malheureusement pas avoir réussi à faire à ce problème aucun progrès notable.— Je n'apporte donc aujourd'hui rien de proprement nouveau.

Cependant je crois utile de faire de temps à autre, des bilans. Les données que l'on expose au fur et à mesure des découvertes restent dispersées, fragmentées, dans les rapports préliminaires, et l'on risque ainsi de n'être pas toujours bien compris. Je le vois bien en lisant la vaste littérature scientifique que Surkh Kotal a suscité depuis quelques années. Une conférence internationale de spécialistes, comme celle à laquelle nous prenons part aujourd'hui, est pour le fouilleur une excellente occasion d'essayer de rectifier les malentendus auxquels ses écrits peuvent avoir donné lieu, ainsi que de préciser ou modifier ses propres points de vue, de corriger, grâce à la discussion avec des collègues éminents, ses propres erreurs.—C'est surtout cette dernière considération qui m'a déterminé à accepter l'aimable invitation qui m'était faite de venir à Dushanbé, invitation que je tiens pour un grand honneur, et que je remercie vivement les organisateurs de la Conférence, et particulièrement le professeur B. Gafurov, de m'avoir fait adresser.

Les problèmes dont je voudrais brièvement vous entretenir se posent à propos du temple A, et à propos du temple B.

Je commence par le temple A.

1. *La nature du temple A*

Je vous présente ici un plan du temple A, débarrassé de toutes additions ultérieures, c'est-à-dire tel qu'il était à l'origine, lorsqu'il fut construit sur les ordres de Kanishka. C'est, comme vous le voyez, un plan très simple. Le bâtiment est rectangulaire, plus large que long. Il comporte une pièce centrale carrée, dont la toiture était supportée par 4 colonnes et qu'un couloir entoure sur trois côtés. La porte de la pièce centrale, et les portes du couloir s'ouvrent toutes les trois à l'Est. Le bâtiment était entouré d'un péristyle de colonnes, à la façon d'un temple grec. Le temple et son péristyle étaient construits sur un soubassement, ou podium.—Le centre de la cella et occupé par une plate-forme carrée, de près de 5 m. de côté, accessible de l'arrière par un escalier de trois marches.

Depuis que j'ai publié ce temple les comparaisons ont fleuri. On a tenté notamment des rapprochements avec divers monuments funéraires, rapprochements qui, selon moi, sont à écarter. Le plan de l'édifice central et du péribole qui l'entoure, les trouvailles qui y ont été faites, suffisent à montrer que nous sommes en présence d'un temple.—Das ce temple, et dans ce péribole, nous n'avons aucune trace de sépultures, aucun indice de quoi que ce soit de funéraire.

Mais, ce temple, à quelle divinité est-il dédié, et quelle est sa nature? Nous l'ignorons. Nous savons seulement, par des inscriptions, que le monument était un «baggo-lango» ce que l'on s'accorde à traduire par sanctuaire, et qu'il était nommé le «sanctuaire de Kamishka», évidemment, parce que c'était Kamishka qui l'avait fondé.—Les inscriptions ne nomment apparemment aucune divinité. Le mot Oanindo, que l'on avait pu prendre pour le nom de la déesse Niké (attesté par les monnaies des

Kouchans), n'est selon tous les commentaires, à traduire que comme un adjectif, qualifiant le nom du roi, et signifiant «le Victorieux».

Cependant nous n'avons pas seulement, pour nous éclairer, des inscriptions, nous avons aussi le temple lui-même.—Le trait le plus frappant en est la belle et vaste plate-forme de pierre, qui occupe le centre de la cella. J'ai dit, dès mon premier rapport préliminaire en 1952, que cette plate-forme s'expliquait au mieux par l'hypothèse que nous nous trouvions dans un temple du Feu.—Je me hâte de préciser que je n'entends pas suggérer par là que le temple fût un temple mazdéen, mais simplement que le culte ne s'adressait pas, comme c'est habituellement le cas dans l'antiquité, orientale ou grecque, à un objet (par exemple à un bètyle) ou à une statue, mais, à une flamme, perpétuellement entretenue sur un autel.—On m'a objecté que la plate-forme pouvait avoir porté des statues.—Je reconnais volontiers que je n'ai pas le moyen de réfuter de façon décisive cette objection, mais je puis dire du moins pourquoi je la trouve faible.

Dans les temples de l'Orient non-iranien, comme dans les temples grecs, l'objet ou la statue de culte ne ce trouve pas au centre, mais au fond de la cella. Dans les temples iraniens au contraire l'autel qui porte le Feu Perpétuel occupe souvent le centre. Nous savons cela par un passage très clair de Strabon sur les temples du Feu de la Cappadoce. Nous le voyons à Surkh Kotal même, dans le temple B, sur lequel je vais revenir. Nous le voyons au Kuh-i Khwâja où Herzfeld a trouvé, au milieu du temple, la plate-forme qui supportait l'autel (plate-forme qu'il mentionne expressément, mais qu'il n'a malheureusement pas décrite), et, renversé auprès d'elle, l'autel lui-même. Nous le savons enfin par la classe, très nombreuse, des temples du Feu sassanides, ou «tchahar—tâqs», qui sont des pavillions à coupole, destinés chacun à abriter un autel, placé en leur centre.

On m'a fait remarquer que les objets ou statues de culte sont normalement placés sur des socles, comme les autels du Feu. Je ne le conteste pas. Mais je réponds que le socle d'un objet ou d'une statue de culte est généralement fait à sa dimension; et que lorsque, comme il arrive, un temple contient plusieurs statues de culte (par exemple une triade), chaque statue est placée sur un socle, circulaire ou carré, généralement mouluré, mais en tout cas séparé. Ce que nous avons à Surkh Kotal ne ressemble pas du tout à un socle fait pour une, ou même plusieurs, statues. Cette vaste plate-forme, de 4 m. 80 de côté, est évidemment destinée à accueillir des desservants, puisqu'un escalier permet d'y monter; sa surface est suffisante pour permettre à deux de ces desservants de se tenir aux côtés de l'autel pour nourrir le Feu. On pense aussitôt en voyant notre plate-forme au tableau que montre le revers d'innombrables monnaies sassanides: l'autel du Feu encadré par deux desservants.

Ajoutons enfin que, bien que nous sachions très peu de choses de la façon dont se déroulait le ou les cultes du Feu, les plans des temples dont nous disposons indiquent très clairement que ces cultes comportaient un rite de circumambulation: c'est par un tel rite que l'on expliquera le couloir qui entoure le temple achéménide de Suse (jadis fouillé par Dieulafoy, malheureusement détruit aujourd'hui); le temple à coupole de Kuh-i Khwâja; et de très nombreux temples du Feu sassanides. Or un tel couloir existe à Surkh Kotal.

Tant que de nouveaux documents ne viendront pas prouver le contraire, je continuerai donc de tenir pour extrêmement probable que le temple de Surkh Kotal a été construit pour abriter un Feu Perpétuel.

Quelle était la divinité qui s'incarnait dans la Flamme? Nous ne pouvons le savoir. Peut-être l'un des grands dieux du panthéon iranien, peut-être le «génie» du roi lui-même, ou de la dynastie.

State Museum Library 7209

2. *La nature du temple B*

Le temple B est un petit monument tardivement accolé à l'enceinte du péribole du temple A. Ses dimensions, très modestes, contrastent avec celles du grand temple et de son péribole.

Lorsque le temple B fut édifié le grand temple devait être déjà hors d'usage. En effet l'enceinte du grand temple comportait vingt deux tours, qui toutes s'ouvraient vers l'intérieur du péribole. Or l'une d'elles, la tour VIII, à laquelle le temple B s'adosse, a été rattachée à celui-ci: pour lui donner sa destination nouvelle d'annexe du temple B, on a bloqué sa porte primitive, et l'on a percé dans sa paroi Sud, au travers de la maçonnerie de l'époque de Kamishka, une nouvelle porte, qui la relie au vestibule du temple B.—Dans la maçonnerie barrant la porte primitive, maçonnerie que nous avons démolie pour étude, nous avons trouvé plusieurs blocs de pierre provenant des murs de soutènement du temple A. Il est donc clair que ces murs étaient dès lors exploités en carrière, ce qui indique apparemment que le temple A était abandonné.

Le temple B est un temple du Feu. Il ne s'agit pas cette fois d'une hypothèse vraisemblable, mais d'une certitude: nous avons trouvé l'autel du Feu conservé au centre de la cella. Dans le fonds de la cupule centrale de cet autel nous avons pu recueillir les cendres, blanchâtres, du Feu Perpétuel. Ces cendres très fines et particulières, sont toutes différentes des décombres de l'incendie qui a détruit l'édifice, lesquels sont de couleur noirâtre, et contiennent de gros morceaux de bois à demi-carbonisé. Des cendres fines et blanchâtres semblables à celles que nous avons recueillies dans le foyer de l'autel de Feu ont été trouvées en outre étalées sur le sol, en couches minces, séparées par de fines couches de terre, dans l'arrière-cour, et dans les couloirs du temple B, et aussi amoncelées sur deux petits socles de la tour VIII, et sur un socle dans le vestibule.—Nous avons fait analyser ces cendres: elles proviennent de la combustion de deux plantes très communes dans la plaine de Surkh Kotal: des sarments de vigne d'une part, une espèce de bamboue d'autre part. Les décombres d'incendie au contraire sont le produit de la combustion des bois de charpente de la toiture du temple B. Ces bois sont d'épais madriers, provenant d'un arbre de l'espèce *juniperus,* très répandu dans la montagne qui domine Surkh Kotal. Notons que les charpentes du temple A étaient faites du même bois. Dans les fouilles les couches d'incendie noirâtres, qui recouvraient l'édifice, se distinguaient aisément des accumulations de cendres blanchâtres, étalées en minces niveaux sous le dernier sol d'occupation des diverses parties du temple (cella, couloirs, arrière-cour), ainsi que des accumulations bien localisées sur les petits piédestaux découverts dans la tour VIII et dans le «vestibule».

Le temple B a subi au moins deux réfections. Un fait particulièrement intéressant observé partout est que les murs tardifs reposaient sur les plus anciennes des couches de cendres blanches. Dans l'arrière-cour la hauteur d'accumulation des couches de cendres blanches, alternées avec des couches de terre fine, atteignait, par endroits, 2 m. 00.

Il n'y a donc pas le moindre doute, non seulement que le temple B est bien un temple du Feu, mais encore que la durée de fonctionnement de ce temple a dû être assez longue. Par scrupule religieux les cendres du Feu Sacré ne devaient sans doute pas pouvoir être jetées hors du sanctuaire. C'est pourquoi elles étainent périodiquement étalées, et recouvertes d'une mince couche de terre, à l'intérieur de l'enceinte du temple.—Ces observations s'accordent bien avec celles que le professeur Tolstov avait faites à Djambas-Kala, et à Toprak-Kala au Khwarezm.

On se demandera à quoi servait le couloir, qui, sur trois côtés, isolait la cella du temple B, et menait à l'arrière-cour. Bien que ce couloir ne permette pas, à la différence de celui du temple A, ou de celui des tchahar-tâqs sassanides, de faire le tour de l'édifice, nous ne doutons pas qu'il ne fût destiné, comme celui du temple A, à la procession des fidèles.—Le rite ambulatoire devait conduire ceux-ci jusqu'à l'arrière-cour, d'où ils revenaient par le même chemin. Sur la face arrière de la cella s'ouvrait dans le couloir, un «regard», sorte d'étroite meurtrière à peu près à la hauteur où devait briller la flamme de l'autel. Au cours de leur défilé, les dévôts devaient ainsi apercevoir le feu sacré. Lorsqu'une réfection de l'édifice rendit nécessaire la construction, dans le couloir, d'un contrefort, à l'endroit même où était ce «regard», on prit grand soin de ne pas le bloquer, mais au contraire de le prolonger, à travers l'épaisseur de la nouvelle maçonnerie, ce qui montre assez l'importance que l'on attachait a cette ouverture donnant sur le Feu Sacré.

Cependant le fait que le temple B soit sûrement un temple du Feu ne résout que partiellement le problème de sa nature.—Sommes-nous cette fois en présence d'un temple mazdéen? Nous le croirions volontiers. Une monnaie sassanide, de la fin du IIIe siècle, a été trouvée dans les décombres. On est donc tenté d'admettre que le temple B a été aménagé après la conquête sassanide de la Bactriane, et qu'au culte du Feu dynastique des Kouchans a succédé sous les Sassanides un culte du Feu mazdéen.—Mais ce n'est là qu'une hypothèse, que nous sommes pour l'instant incapables de prouver.

Je voudrais, pour conclure, ajouter une remarque. Un texte célèbre d'Hérodote nous dit que les Perses, à l'époque achéménide, n'adoraient pas leurs dieux sous forme humaine. A l'époque sassanide nous savons que le culte zoroastrien a pour objet le Feu perpétuel, et c'est aujord'hui encore le cas chez les Parsis; il n'est jamais question d'une statue de culte.

Ceci n'exclut assurément pas que les Iraniens aient conçu et représenté leurs dieux sous forme humaine. A l'époque achéménide Ahura-Mazda est représenté, sur les bas-reliefs de Bisutun, de Persepolis, de Naqch-i Rustam, comme un buste, émergeant d'un disque ailé. A l'époque sassanide des dieux tels qu'Ohrmazd, Anahita, Mithra apparaissent, en relation avec les rois, dans les bas-reliefs rupestres.

Mais on cherche en vain dans les religions iraniennes, l'image de culte. Ceci revient à dire que, lorsqu'il s'agit de représenter une divinité, de la décrire objectivement, de la faire apparaître dans une composition narrative, on n'hésite pas à la montrer sous forme humaine; mais que lorsqu'il s'agit de rendre présente, dans son temple, l'être divin vivant, la puissance redoutable et mystérieuse qui constitue l'objet du culte, ce n'est pas dans une statue, mais dans la Flamme Sacrée, qu'on l'incarne.

Il me semble que ce que nous savons jusqu'ici de la religion des Kouchans s'accorde avec ces observations sur les cultes iraniens avant et après eux. Les monnaies des Kouchans représentent, comme on sait, d'innombrables divinités. A Surkh Kotal les grandes niches architecturales qui entouraient le péribole du temple de Kanishka étaient peuplées de grandes figures d'argile peinte, qui figuraient vraisemblablement les mêmes dieux. Dans les portiques du péribole s'élevaient au Sud trois statues de piere, au Nord un haut-relief de pierre, et la simulitude étroite de ces figures avec les figures royales de Mathura dans l'Inde rend presque certain qu'il s'agit de personnages royaux. Bref nous avons, dans la cour du temple de Surkh Kotal, de nombreuses images, soit de dieux soit de rois. Mais l'on n'a aucune raison de croire que ces images aient servi d'images de culte. Le lieu du culte c'est le temple. Comme dans toutes les religions antiques, le temple, dans les religions iraniennes, est l'écrin qui abrite l'objet de culte.

Or ni chez les Achéménides, ni chez les Parthes ou les Kouchans, ni chez les Sassanides, nous n'avons d'indice que les temples aient contenu des images de culte. J'ai dit ci-dessus pour quelles raisons archéologiques la plate-forme du grand temple de Surkh Kotal ne me paraissait nullement à interpréter comme un piédestal pour des statues, mais bien plutôt comme la scène sur laquelle se déroulait l'acte central du culte: l'alimentation du Feu. J'ajoute, pour terminer, que, dans le contexte général des religions iraniennes, l'idée qu'une telle plate-forme ait pu porter des statues apparaît comme une hypothèse sans aucun parallèle, comme une hypothèse gratuite.

Б. Я. СТАВИСКИЙ (СССР, МОСКВА)
B Stavisky

КАРА-ТЕПЕ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КУШАНСКОЙ БАКТРИИ

KARA-TEPE AND THE HISTORY & CULTURE OF KUSHANA BACTRIA

Большой песчаниковый холм Кара-тепе расположен в северо-западной части огромного городища Старый Термез, неподалеку от берега Амударьи. Как установлено работами наших предшественников, городская жизнь здесь возникла не позднее III—II вв. до н. э. Погиб же этот город в 1220 г. под ударами отрядов Чингисхана. Кушанские слои были обнаружены в Старом Термезе на цитадели, где, вероятно, располагался центр кушанского Термеза. Вне его, в западной части городища, в пригороде, обнесенном крепостной стеной, находится трехглавый холм Кара-тепе с высеченными в нем пещерными помещениями кушанского времени.

Работами 20-х и 30-х годов и раскопками нашей экспедиции в 1961—1968 гг. обнаружено восемь групп пещерных помещений, размещавшихся по внешней дуге южной подковообразной вершины Кара-тепе. Всего же здесь находилось, очевидно, 20—25 таких пещер.

По своему устройству известные пока группы пещер можно разбить на два типа. К первому относятся коридорообразные пещеры с поворотом или камерой на конце. Назначение их еще неясно, тем более что ни одна из них не раскопана полностью.

Сооружения второго типа изучены лучше, так как два из них, П-I и П-II, в значительной своей части уже раскопаны нами. Это безусловно буддийские храмы, по планировке своей, однако, повторяющие древние и средневековые культовые сооружения с замкнутым святилищем-целлой и окружавшими ее обходными коридорами. В обоих случаях к пещерным храмам примыкали большие дворы с наземными постройками из крупного квадратного кирпича-сырца. В комплексе А, включавшем пещерный храм П-I, раскопан и небольшой наземный храм, также с замкнутой целлой, окруженной, правда, не четырьмя, а лишь тремя коридорами, и с кельей монаха-служителя. Вход в целлу был оформлен вымосткой из плит белого мергелистого известняка. По периметру дворов тянулись колоннады-айваны, на которых сохранились каменные (из мергеля) профилированные базы колонн и следы от таких баз. Стволы колонн были деревянными, как и в раннесредневековой Средней Азии, и до нас не дошли. На стенах айванов сохранилось несколько слоев глиняной штукатурки, окрашенной в матовый красный цвет.

Центральная часть двора располагалась ниже айванов и соединялась с ними ступенчатыми лестницами. На западе дворы примыкали к пещерным помещениям — храму и келье монаха-служителя. В келью вели арочная дверь и ступенчатая лестница, в храм — также арочная дверь, помещенная в широкой арочной нише и снабженная несколькими мелкими ступеньками.

Сводчатые обходные коридоры пещерных храмов были украшены орнаментальной росписью, тянувшейся полосой, ограниченной рядами треугольников. Полосу составляли узоры в виде сетки, четырехлепестковых розеток, звездчатых фигур. В пещерном храме П-II этим росписям предшествовала роспись растительного характера с изображением, в частности, плодов граната. Все росписи выполнялись по белой ганчевой штукатурке, что сближает их с росписями Средней Азии V—VIII вв.

До нас дошли кубики красной краски, которой исполнялись эти стенные росписи.

В комплексе А найдены также фрагменты монументальной ганчевой скульптуры, в том числе рука статуи (примерно в полтора раза больше руки человека в натуральную величину). Техника изготовления этих статуй, с использованием тканей, аналогична технике статуй из святилища в Дальверзин-тепе, раскопанного Г. А. Пугаченковой.

Среди вещественных находок отмечу каменные и керамические крышки, украшенные изображением цветка лотоса. Это скорее всего крышки культовых коробочек и реликвариев, аналогичные находимым в Индии, Пакистане и Афганистане; ближайшие известные мне аналогии — находки Р. Гиршмана в Беграме.

С буддийским культом связаны, очевидно, и куски каменных (из мергеля, со следами позолоты и раскраски) зонтиков-чатр и ганчевые их макеты, от которых до нас дошли части чатры и оснований.

Керамика Қара-тепе весьма специфична. Так, здесь почти совершенно отсутствует посуда для приготовления пищи; наиболее многочисленны плошки-светильники. В каждой из раскопанных монашеских келий найдены однотипные кувшины.

Над керамикой Қара-тепе специально работает сотрудник экспедиции Н. С. Сычева, так что я ограничусь несколькими замечаниями. Эта керамика обычно покрыта красной обмазкой — ангобом и часто украшена полосками лощения; нередко встречается мелкий штампованный орнамент. Отдельные сосуды имели ручки в виде фигурок животных, в частности обезьян, перекликающиеся с керамикой Восточного Туркестана. Встречаются также сосуды с изображениями головок, явно восходящих к античной посуде. Среди терракот отмечу фигурку сидящего Будды или бодисатвы, изученную В. А. Мешкерис, и фигурку горбатого быка зебу; обе эти терракоты уводят нас в искусство кушанской Индии.

Среди многочисленных обломков каменной (из мергеля) скульптуры, некогда раскрашенной и позолоченной,— немало полос с розетками, сходных с бордюрами гандхарских рельефов, аканфовых листьев, аркад, фигурок животных и людей, также перекликающихся с искусством Гандхары, но имеющих и свои специфические особенности.

Наиболее интересен (среди найденных до сих пор) раскрашенный рельеф с изображением капители декоративного пилястра. Капитель состоит из двух поясов; в верхнем помещены тигр, терзающий двух лежащих быков зебу, в нижнем — фигурка с цветком в руках на фоне листьев аканфа. Рельеф сходен с капителями из Сурх-Қоталя, открытыми Д. Шлюмберже, и с капителью из Шам-кала (в Баглане), изданной Б. Дагенсом. Вся эта группа капителей отлична от гандхарских и может быть охарактеризована как бактрийская. Интересно отметить, что стиль всех этих капителей, найденных как в буддийских постройках (Қара-тепе и «платформа статуй» Сурх-Қоталя), так и в небуддийском «храме Қанишки» (в том же Сурх-Қотале), оказался идентичным; таким образом, он не связан с религиозной принадлежностью памятника.

Қапитель из Қара-тепе найдена в поздней стенке, закрывавшей доступ в келью пещерного храма П-II. Принадлежала же она, вероятно, облицовке какой-то постройки. Вполне возможно, что это была платформа, напоминающая сурх-котальские. Во всяком случае, помимо блока с капителью мы нашли еще несколько гладких блоков, куски пилястра и его базы, сходные с сурх-котальскими.

Находка блока с капителью привлекает внимание не только рельефом. Дело в том, что этот блок, как и гладкие блоки, был облеплен связующим раствором ганча с галькой и мелкими камешками, т. е. своеобразной разновидностью «римского бетона». Этот строительный материал, как известно, получил особенно широкое распространение лишь в сочетании с треугольными кирпичами. Блоки из Кара-тепе имеют именно треугольную форму. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что перед нами еще одно свидетельство знакомства мастеров кушанской Бактрии с культурными достижениями античного Средиземноморья. В этой связи напомню, что мне уже приходилось в своей статье «Средняя Азия, Индия, Рим» (сб. «Древняя Индия» М., 1964) отмечать формы, подражающие римским изделиям: энохоевидные и амфоровидные сосуды и красноангобированные тарелочки.

Отдельную и, пожалуй, наиболее интересную группу находок на Кара-тепе составляют надписи. О них на конференции уже говорили В. А. Лившиц, Я. Харматта и В. Г. Луконин, так что я ограничусь лишь краткой их характеристикой.

Надписи, найденные нашей экспедицией на Кара-тепе, можно четко разделить на две группы. В первую входят надписи на керамике, выполненные индийскими алфавитами кхарошти и брахми, а также местным так называемым «кушанским письмом» (язык последних В. Хеннинг, В. А. Лившиц и ряд других ученых определяют как бактрийский, в то время как А. Марик предпочитал называть его истинно тохарским). Надписи на керамике относятся к периоду расцвета буддийских храмов Каре-тепе. Интересно отметить, что на тех из них, которые найдены в связи с комплексом Б и пещерным храмом П-II, встречено имя Буддаширы, а на черепках, найденных в связи с комплексом А, имя другого лица — Сангхамитры. Вполне вероятно, как это считают Т. В. Грек, В. А. Лившиц и Я. Харматта, что надписи на керамике — дарственные, а Буддашира и Сангхамитра, таким образом, меценаты, покровительствовавшие каждый одному из храмов Каре-тепе. Возможно, однако, что эти надписи, наносившиеся черной тушью на тулово сосудов, отмечали принадлежность этих сосудов; если это так, то Буддашира и Сангхамитра — монахи-служители, хозяева тех келий, которые найдены нами возле пещерного храма П-II (в комплексе Б) и возле пещерного храма П-I, или наземного храма (в комплексе А).

Надписи второй группы — процарапанные на стенах пещерных помещений комплекса Б разноязычные надписи-граффити: «кушанским письмом» (бактрийские), алфавитами кхарошти и брахми (индийские) и среднеперсидские. Эти надписи, равно как и рисунки-граффити, относятся ко времени запустения буддийского храма П-II и оставлены случайными посетителями его развалин; среди последних, наряду с наиболее многочисленными изображениями кисти левой руки с растопыренными пальцами, выделяются погрудное изображение мужчины хионито-эфталитского круга и сцена нападения хищника (тигра?) на копытное животное (козла).

* * *

Материалы раскопок Кара-тепе проливают новый свет на многие вопросы истории и культуры кушанской Бактрии. Отсылая тех, кто интересуется этими материалами и их данными по истории и культуре Бактрии кушанской поры, к публикациям нашей экспедиции (сб. «Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе», М., 1964, и выходящий в ближайшее время сборник «Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе»), ограничусь лишь кратким рассмотрением этих вопросов.

Прежде всего, это вопрос о распространении буддизма в Бактрии, на землях, лежащих к северу от Гиндукуша. Открытие крупного буддийского культового центра на холме Кара-тепе, где он не мог возникнуть и существовать без поддержки властей кушанского Термеза — одного из важнейших в тот период городов Бактрии,— подтвердило сведения буддийских преданий о распространении здесь буддизма именно при кушанах, благодаря покровительству кушанских царей, и прежде всего царя Канишки. При этом специфическая планировка храмов Кара-тепе с замкнутой целлой, окруженной обходными коридорами, позволяет предполагать, что этот планировочный прием, получивший позднее широкое применение, но чуждый докушанской Индии, был введен в буддийскую культовую архитектуру адептами буддизма в Бактрии и близлежащих (и культурно связанных с нею) районах. Сведения письменных источников о вкладе бактрийцев и других среднеазиатских народов в развитие и распространение буддизма, таким образом, получили на Кара-тепе новые вещественные подтверждения. Учитывая, что некоторые надписи на керамических сосудах Кара-тепе были двуязычными (брахми и «кушанским письмом»), можно предполагать существование здесь и переводов на бактрийский язык буддийских текстов.

Далее, анализ найденных на Кара-тепе архитектурных сооружений, архитектурного декора, монет и эпиграфических памятников позволяет говорить об единстве культуры обеих (северной правобережной и южной левобережной) частей кушанской Бактрии и о ряде особенностей бактрийской художественной школы кушанского времени, отличающих ее от гандхарской школы. Особенно показательны в этом отношении уже упоминавшиеся храмы и капители пилястров из Кара-тепе и Баглана: эти капители составляют единую группу, заметно отличающуюся от гандхарских.

В то же время материалы из Кара-тепе позволяют более конкретно изучить историю и характер культурных взаимосвязей кушанской Бактрии (и Средней Азии вообще) с древней Индией (см. мою статью «Средняя Азия и древняя Индия. Историко-культурные взаимовлияния и связи»,—«Доклады Географического общества СССР», вып. 5, Л., 1968). По материалам Кара-тепе, в частности, хорошо видно, что вместе с буддизмом и его атрибутами бактрийцы усваивали индийские языки, письменность и, очевидно, литературу. В то же время материалы Кара-тепе свидетельствуют, что это было творческое, а не слепое заимствование, в ходе которого бактрийцы вносили в культуру и искусство «буддийского мира» элементы своих собственных культурных и художественных традиций.

Находка на Кара-тепе следов своеобразной модификации буддийских храмов после их запустения (или разгрома) — сооружение на месте былой буддийской статуи в нише двора комплекса Б сырцового алтаря огня — в сочетании со среднеперсидскими надписями-граффити (изучены и издаются В. Г. Лукониным в сб. «Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе») позволяет предполагать вторжение в глубь кушанской Бактрии, в частности в Термез, сасанидских войск. Захват Термеза Сасанидами, судя по одной из среднеперсидских надписей Кара-тепе, произошел около 60—70-х годов III или IV в. н. э. (в датировке этой надписи мнения исследователей разошлись; В. Хеннинг был склонен датировать ее 264/265 г., В. Г. Луконин — 369/370 г.).

Дальнейшие раскопки Кара-тепе и совместное изучение каратепинских надписей советскими (Т. В. Грек, В. А. Лившиц, В. Г. Луконин) и иностранными (Я. Харматта и др.) лингвистами — а я предлагаю принять участие в изучении этих надписей любому из наших зарубежных коллег — безусловно обогатят нашу науку новыми данными по истории и культуре кушанской Бактрии и Кушанского царства в целом.

Addenda

Упоминавшийся в докладе сборник «Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе» вышел в свет в 1969 г. Увидел свет и третий сборник материалов экспедиции — «Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе», где, в частности, публикуется статья проф. Г. Гумбаха (ФРГ), посвященная надписям Кара-тепе (ее английский вариант — «Kara Tepe—Tochi—Surkh Kotal» см. в «Münchener Studien zur Sprachwissenschaft», Heft 28, 1970). Работы 1969—1972 гг. на Кара-тепе привели к открытию многих новых материалов, в том числе буддийской стенной росписи. В частности, подтвержден также вывод о захвате Термеза Сасанидами.

Summary

1. Kara Tepe was a major Buddhist cult centre of Termez in Kushan times. It attracted the attention of Soviet archaeologists at the end of the 1920's. In 1934-1936, it was studied by G. Parfyonov, B. Piotrovsky and A. Strelkov. In 1937, E. Pchelina began preliminary excavations. They were renewed in 1961, and are now conducted yearly by a joint expedition from the Hermitage Museum, the Oriental Art Museum and the Institute of Oriental Studies of the U.S.S.R. Academy of Sciences.

2. Prolonged research on the southern crescent-shaped summit of Kara Tepe established that some 20-25 groups of buildings were situated there, and excavation work has involved eight of these groups. Complexes A and B, which include cave courts adjacent to them and surface structures, were studied most thoroughly. The excavations threw light on the arrangement and lay-out of the cave sanctuaries, the passages surrounding them and the cells of the monks, and also on the specific features of the temple courts with the iwans and a small surface temple.

3. The excavations at Kara Tepe revealed remnants of wall paintings, fragments of large gypsum sculptures and stone (marl-limestone) reliefs, stone elements of architectural décor, stone and ceramic articles, pottery, terracottas, bronze coins of the Kushan kings, donation inscriptions (in Indian and Bactrian) on pottery and visitors' inscriptions (graffiti) in the Bactrian, Indian and Middle Persian languages on the walls of one of the cave temples (complex B).

4. The materials of the excavations in Kara Tepe threw new light on many questions connected with the history and culture of Kushan Bactria. They substantiated the information contained in Buddhist legends about the spread of Buddhism to the north of the Hindu Kush under the Kushans, and made it possible to evaluate the contribution of the Bactrian adepts of Buddhism to the development of that religious teaching and to its further spread to Western Turkistan and Central Asia.

5. The excavations in Kara Tepe disclosed monuments of writing, culture and art, an analysis of which enables us to speak of the unity of both (the northern—right-bank, and southern—left-bank) parts of Bactria under the Kushans and of a number of specific features in the Bactrian artistic school of the Kushan period, which distinguish it from the Gandharan school.

6. The materials found at Kara Tepe enable us to make a more concrete study of the history and nature of the cultural links of Kushan Bactria (and Central Asia in general) with ancient India, provide new information for a study of the nature of the cultural links between Kushan Bactria (and the entire Kushan Empire) and the Roman Mediterranean world.

7. An analysis of the material on the destruction of Buddhist sanctuaries revealed by the Kara Tepe excavations, especially in complex B, and the Middle Persian (Sassanian) inscriptions on the walls of the cave temple of this complex seem to indicate that Sassanian troops penetrated deeply into Kushan Bactria at the end of the seventies of the 3rd (or 4th) centuries A.D.

8. Further excavations at Kara Tepe and the study of the Kara Tepe inscriptions by Soviet (T. Grek, V. Livshitz, V. Lukonin et al.) and foreign (J. Harmatta et al.) researchers will help to enrich our science with new data on the history and culture of Kushan Bactria and the Kushan Empire as a whole.

A. GHOSH (DELHI, INDIA)

THE KUSHAN LEVELS AT SOME EXCAVATED SITES IN NORTH INDIA

It is well known that during Kushan times an immense number of Buddhist establishments sprang up in the Indo-Pakistan subcontinent, not to speak of Afghanistan and other regions comprised in the vast Kushan Empire. In the heart of the Gangetic valley the notable centres were Mathura, Ahicchatra, Sravasti, Kausambi, Sarnath, Kusinagara, etc., where either new monastic complexes came into being or existing ones were renovated and enlarged. They have already been adequately reported upon and will not be dealt with in this paper. The aim here is to examine the data from some selected city-sites in present-day India which have been excavated within the last twenty five to thirty years omitting religious architecture, etc. and concentrating on secular relics.

In order to decide which sites may be selected for the purpose, it is necessary to discuss in brief the probable extent of the Kushan Empire in India. Mathura was doubtless an important centre of the empire, and it is reasonable to hold that the whole stretch of land from Taxila to Mathura formed an important part of the empire, without a wedge thrust in between by any independent principality. The Yaudheyas, an important tribe in the East Punjab till the 1st century B.C., as shown by their coins, evidently had to shift themselves before the Kushan aggression to Rajasthan, where we probably find them by A.D. 150, at the time of the campaigns of Rudradaman, and again in c. 350, when Samudragupta was expanding his empire. The same temporary eclipse or annihilation was suffered by other Punjab tribes, such as the Audumbaras, Arjunayanas and Kunindas[1].

East of Mathura, the find of a sealing of Kanishka at Kausambi makes the inclusion of the central Gangetic basin within his empire highly probable. Down the river, Pataliputra may be given the benefit of doubt, as according to a confused Chinese tradition Kanishka defeated the ruler of the kingdom of which Pataliputra was the capital and obtained from him the poet-philosopher Asvaghosa as ransom. The extent of that kingdom at the time is not known.

I shall confine myself in this paper to some city-sites in the region thus defined. It is widely known that coins of the Kushans have been found beyond this region—in Bengal and Orissa—but to me (and others have said it before) such finds do not prove the spread of Kushan rule over such tracts: coins of the powerful Kushan dynasty must have had a wide circulation to augment the local currency or to fill the vacuum created by the absence of any such currency. Nor are the sculptures produced in the workshops of Mathura, dated in Kushan years and transported to different places any sure indication that these places were under Kushan domination. For this reason Sanchi in Central India, with its two Buddhist images dated in the times of Vaskushana and Vasishka, should be left out of account. Other such places, viz. Kausambi, Sarnath, Sravasti and Ahicchatra, are already covered by the above definition of the Kushan Empire.

Also excluded should be the regions held by the Western Kshatrapas, who, even if owing formal allegiance to the Kushans, led a viable existence and followed their own career of conquest and vicissitudes.

Even thus delimited, the Kushan Empire comprised many cities in the Punjab and the Gangetic basin. A few of them have been excavated; of these, this paper will deal with Hastinapura in District Meerut and Ahicchatra in District Bareilly, both in the upper Gangetic basin; Kausambi in District Allahabad, and Rajghat, the site of ancient Varanasi, both in the central Gangetic basin; and Kumrahar, one of the sites of ancient Pataliputra, in the lower Gangetic basin. Rupar in District Ambala, on the Sutlej, will be referred to only casually in the absence of a detailed published report on the excavation there.

Let it be said at once that none of these cities was exclusively Kushan in character. All of them had started much earlier and continued to be in occupation till later than Kushan times. But each had levels contemporary with the Kushans, which for brevity's sake may be called the Kushan levels, without the implication that everything found therein owed its origin or was associated directly with the Kushans.

A supreme difficulty in the study of the Kushan levels of some of these cities arises from the fact that the levels have not been isolated in the excavations there but have been included in wider periods, with the result that the distinctive elements of the Kushan age may be hard to identify. Thus, at Rupar, the Kushan level has been included in Period IV of the site, which has been dated from 200 B.C. to A.D. 600; so also at Hastinapura, Period IV of which, inclusive of the Kushan level, has been dated from the early 2nd century B.C. to the end of the 3rd century A.D. At the other sites, however, the Kushan levels have been treated more or less as a distinct entity. At Ahicchatra, Stratum IV, mainly Kushan, has been placed from A.D. 100 to 300-500; at Kausambi, the corresponding level is Sub-period V and partly Sub-period VI of the Period respectively, dated from A.D. 25 to 100 and 100 to 175; at Rajghat, it is Period III, 2nd to 4th centuries, but the latter part of the preceding Period II, circa 2nd century B.C. to 1st century A.D., may have to be taken into consideration[2]. At Kumrahar, it is again Period III, A.D. 100 to 300. Everywhere the respective period is marked by the occurrence of Kushan coins.

Of these sites, the structural evidence from Ahicchatra seems to be very distinctive. In the main excavated area of the site, Stratum IV was characterised by fine brickwork usually resting on a bed of rammed concrete and marked the most prosperous period of building activity in the city. At Kausambi again, Sub-period V was marked by a great building activity in the city area, not to speak of the area of the Ghositarama monastery. At Kumrahar, well within the milieu of secular buildings, were two monasteries. A general feature of the structures of the Kushan levels was the use of large-sized bricks, the dimensions being: at Ahicchatra, 18×12×2 inches; at Kausambi, 18 to 17.5×12×2.5 in.; at Rajghat, 19×11×2 in.; and at Kumrahar, 18×12×2.5 in. Thus, there was a close uniformity in brick dimensions over a widely dispersed area. The comprehensive Period IV of Hastinapura had as many as seven structural sub-periods, but it is not clear which of them was contemporary with the Kushans; if it was the third one, which had the largest number of walls to its credit, it would conform to the evidence from Ahicchatra and Kausambi that the Kushan level was prosperous at least so far as buildings were concerned. The same uncertainty exists at Rupar as well.

The duration of the Kushan occupation of these cities is ill-defined.

At Kausambi, we are told, Sub-period VII, A.D. 175-250, was conspicuous by the absence of Kushan coins and the exclusive occurrence of the coins of the Maghas, who succeeded the Kushans in this region. In the area of the defences of the same site, SP. IV.19, c. A.D. 95 to 165, is stated to have ended in extensive conflagration and destruction, in which all the buildings were razed to the ground. SP. IV.20, 165 to 235, perhaps coinciding with the advent of the Maghas, seemed to represent a very important epoch in the life of the city, when the height of the rampart was raised, the ground levelled and guard-rooms rebuilt. All the dates given by the excavator seem to be based on A.D. 78 as the starting-point of Kanishka's reign.

Elsewhere the terminal date of the Kushan rule is not as clear even stratigraphically. The succeeding period at Ahicchatra is marked by the appearance of the coins of Acuyta, one of the Aryavarta princes defeated by Samudragupta in c. 350, and at Kumrahar by the occurrence of Gupta coins and sealings. It is not unlikely, however, that at both the places there were some local chiefs between the withdrawal of the Kushan power and the advent of the Guptas and their contemporaries.

To turn to the ceramics of the Kushan levels: according to the excavator of Kausambi, the post-Mauryan period saw in Northern India a regional diversity in pottery, but with Sub-periods V and VI of Kausambi a unity is noticed again. He has no hesitation in ascribing this unity to the Saka-Parthians and Kushans, and traces the inspiration of some new pottery types that were introduced during the sub-periods to Taxila. At Ahicchatra, Stratum IV (Kushan) was "marked by strongly individual features" in pottery and showed "more innovations in types and decoration than any single one of the preceding and succeeding levels". There was now a predilection for a stable base in pots by making them flat-based or ring-based, which was certainly a feature of Taxila II (Sirkap) pottery. Some of the new types that were introduced were: the carinated and waisted vase, the knobbed lid, the lid with an inkpot-like central cup, the conical bowl, the sprinkler, and the bottle-necked jar in various shapes. The pottery was generally unpainted, though painted sherds were sparingly found at Hastinapura—evidently under the inspiration of contemporary sites in Northern Rajasthan, where painted pottery occurs profusely in the early Christian age.

A feature of the pottery of the age was the use of stamps with symbols on the surface of pots. The symbols were, however, invariably Indian in character and cannot therefore be traced to foreign origin.

An unrecorded fact about the ceramics of the period is the limited occurrence of glazed pottery, as evidenced at Maholi, near Mathura, and at Ahicchatra, according to my personal observation. Glazing of pots was unknown in India in historical times before and after the Kushans, till the practice was resumed in medieval times under Muslim influence.

A type of terracotta objects that became common in the Saka-Parthian-Kushan period was what is commonly called "votive tanks" in Indian archaeology, but what was in reality portable shrines, perhaps dedicated to the mother-goddess. It has been pointed out that Parthian inspiration lay behind the practice of using such shrines[3].

But more than in any class of objects, foreign influence is pronounced in the terracotta figurines of the period. The change from the earlier indigenous terracottas to the less stylised, less sophisticated but more forceful ones was violent and wide spread but only temporary, for after the end of foreign occupation, there was a reversion to native traditions.

The similarity of the terracottas of the age with those from the Parthian sites of West Asia is as striking as it is telling, and it is very likely that the Parthian tradition was brought to the heart of India by the Kushans. An abundance of terracotta human figurines with non-Indian features, head-dresses and costumes shows how the local people reacted to the appearance of foreigners, who must have visited the Gangetic cities in large or small numbers, as officials or merchants or casual visitors. The iconography of some of the figurines shows how, while the Kushan rulers patronised the "official" Indian religions, the common people, for whom mainly terracottas have always been manufactured in India, adopted foreign popular cults.

Having reached the end of the review of the Kushan levels of some Gangetic cities, I must say that we should be circumspect about the extent of the "foreignisation" of these and other cities. As has been said above, none of them was established by the Kushans, but had a much earlier and later history. The Kushans might have occupied them as invaders, but foreign invasions were not a new incident in the annals of India. The Indians got used to the foreigners and were influenced by their beliefs, customs and secular practices, but it is equally true that the foreigners got absorbed by the local population. Such synthesis characterised Indian history till medieval times.

We should now excavate a real Kushan city in the subcontinent, to know the town planning of the Kushans and its antecedents, their beliefs and practices, their mode of living, etc. Mathura may have had such a settlement, but it is now virtually closed for excavation owing to bad operations done in the past and to the sealing off of most parts of it by modern habitations. We must therefore look outside the western borders of present-day India. Charsade in the north-west, in spite of great hopes, has produced nothing significant in the last excavation. Sirkap, the second city of Taxila, is now known to have been inhabited by the Kushans during its last phases; but in the main it was a Saka-Parthian city over an earlier Indo-Greek nucleus. On the other hand, the only city reasonably believed to have been established by the Kushans in the subcontinent is the enormous third city of Taxila, Sirsukh, where, apart from an insignificant part of its defences, no excavation has been carried out, and the tale it has to tell remains unknown. Let us hope that as a part of the present campaign of knowing more about Kushan art, archaeology and history, large-scale excavations will be undertaken there—if possible and necessary, under international auspices.

---

[1] In the late 2nd century A.D. the Yaudheyas issued a poor currency—classes 3 and 4 of Allan—and established themselves again in the 3rd and 4th centuries; John Allan, *Catalogue of Coins of Ancient India* (British Museum, London, 1936), p. CLIII. The Arjunayanas, Audumbaras and Kunindas issued coins towards the end of the 1st century B.C., and the first and last reappear in the 3rd and early 4th centuries A.D.; *ibid.*, pp. LXXXIII, LXXXIV and CI.

[2] The periodisations of Kausambi and Rajghat were later on revised in view of the discovery of earlier levels; but to avoid confusion, I have followed here what has been given in the published reports.

[3] D.H. Gordon, "The Mother Goddess of Gandhara", *Antiquity*, March 1937, pp. 74-76.

References

Ahicchatra: A. Ghosh and K. C. Panigrahi, "The Pottery of Ahicchatrā", *Ancient India*, No. 1 (1946), pp. 37-59; V.S. Agrawala, "Terracotta Figurines of Ahicchatrā", *ibid.*, No. 4 (1947-1948), pp. 104-179.

Chārsada: Mortimer Wheeler, *Chārsada, a Metropolis of the North-West Frontier* (Oxford, 1962).

Hastinapura: B.B. Lal, "Excavation at Hastināpura and Other Explorations in the Upper Gargā and Sutlej Basins", *Ancient India,* Nos. 10 and 11 (1954 and 1955), pp. 4-151.

Kausambi: G.R. Sharma, "Kausambi 1949-50", *Memoirs of the Archaeological Survey of India,* No. 74; *Excavations at Kausambi (1957-59)*... (Allahabad, 1960).

Kumrahar: A.S. Altekar and Vijayakanta Mishra, *Report on Kumrāhār Excavations, 1951-55* (Patna, 1959).

Rajghat: *Indian Archaeology 1957-58—A Review* (New Delhi, 1958), pp. 50-51; *1960-61* (New Delhi, 1961), pp. 35-39; *1961-62* (New Delhi, 1964), pp. 57-59; *1962-63* (New Delhi, 1965), p. 41.

Rupar: *Indian Archaeology 1953-54—A Review* (New Delhi, 1954), pp. 6-7; *1954-55* (New Delhi, 1955), p. 9; Y.D. Sharma, "Past Patterns of Living As Unfolded by Excavations at Rupar", *Lalit Kalā,* Nos. 1-2 (April 1955-March 1956), pp. 121-129.

Taxila: A. Ghosh, "Taxila (Sirkap), 1944-45", *Ancient India,* No. 4 (1947-48), pp. 41-84; John Marshall, *Taxila,* I-II (Cambridge, 1951); here the revised chronology is confusing and untenable.

G. FRUMKIN (GENEVA, SWITZERLAND)

ON SOVIET ARCHAEOLOGICAL FINDS RELATING TO THE KUSHAN PERIOD

The present note on the archaeological work done by Soviet scholars in the Central Asian Republics relates to the 1st to 5th centuries A.D., i.e. roughly the Kushan period. While it mainly reflects the Soviet views of the finds, no individual scholars are quoted and no endeavour is made to analyse critically their interpretations [1].

With the exception of some territories belonging to the ancient Parthian Empire, which was founded at the end of the 3rd century B.C. and gradually extended from the Caspian Sea to Northern Iran and Mesopotamia, all the others were part of the Kushan realm. The latter grew rapidly from a small-size settlement in Bactria to a huge Central Asian empire, eventually extending from the Aral Sea to the Indian Ocean and across Afghanistan to Central India. The Soviet Central Asian Republics thus represent only a small fraction of the ancient Kushan and Parthian empires.

There is a fair amount of agreement that, after the attack on Graeco-Bactria by Central Asian nomads and its final collapse in 128 B.C., the territory was occupied for one or two centuries by various tribes. The latter eventually formed a vast empire under the rule of Kushan chiefs.

It reached its greatest expansion under the Emperor Kanishka and its centre moved from Bactria to the south, beyond the Hindu Kush (Afghanistan and Pakistan). Political and commercial relations were established with Rome, India and China. The empire is believed to have disintegrated in the second half of the 3rd century A.D. and to have eventually succumbed to the Sassanians and the Ephthalites towards the end of the 4th century A.D.

There is no unanimity among Soviet scholars as to whether Khorezm or Parthian Margiana (Merv region) were parts of the Kushan Empire. The writer wonders, however, whether there is always much point in such controversies. Be it as it may, the composite Kushan Empire comprised regions inhabited by people of different origins, creeds and artistic traditions, and thus was a kind of centralised "commonwealth" with some of its component parts connected more or less loosely with each other, and whose relations with the central government were often no more than a tributary allegiance rather than a complete submission. Whereas the *de jure* situation may thus be doubtful or even unknown, the territories belonged *de facto* to a largely Hellenised oikumene of related cultures based on old-established substructures.

Inadequate terminology sometimes increases the uncertainty. Thus, Margiana was administered under the Sassanians by "Kushanshahs", long after the Kushan rule ceased to exist. Similarly, the name "Kushan" was maintained in some chronicles, especially Armenian, to indicate inhabitants of Kushan territories of a bygone empire.

The difference of opinion as to the Kushan chronology is more serious. Although the reign of various Kushan emperors, as well as the events connected with them, is recorded by means of exact dates, the opinions as to the calendar on which these dates are based differ. Most

Soviet scholars tend to accept the widely quoted year A.D. 78 as the beginning of the Kanishka or Saka era. Important discoveries of funeral inscriptions made in recent years at Tok-Kala (extreme north of the Amu Darya delta) appear to confirm this view, but some authors nevertheless reject it and do not believe in the identity of the "Kanishka" calendar with that of the Saka era. According to them, the Kushan calendar was introduced in the early part of the 1st century, possibly the years A.D. 20-30. As long as this problem is not solved, the chronology of a number of rulers cannot be known exactly; nor can the closely related chronology of civilisations be worked out definitely.

Although Buddhism appears to have been favoured by Kanishka and spread under the aegis of the Kushan rulers from India through Central Asia to China, there is no consensus among scholars as to whether it actually was a state religion. Judging from recent archaeological finds, it may be safely assumed anyhow that Buddhism expanded widely under Kanishka. The flow of Buddhism appears to have been, on the whole, more important than was first believed, but Buddhist representations on coins were less frequent than it might have been expected. The syncretism which prevailed throughout the empire—Buddhism, Hellenism, Zoroastrianism, Hinduism, as well as pantheons of local deities—is actually reflected in the coins minted during the Kushan rule.

The finds on the Oxus appear as the natural extension of the Afghan Buddhism across the river. Termez is usually associated with the high-relief sculpture of Airtam. In the same region, there is the monastery of the Kushan era at Kara Tepe. The Buddhist remains at Dalverzin-Tepe and the rather unexpected Buddhist site in the more remote Giaur-Kala (Merv) are stated to be of the same period. Those situated in North Kirghizia (Dzhul, Saryg, Ak-Beshim and Suyab), as well as the Buddhist image of Kuva (Uzbek Fergana) and the recently discovered huge Buddha image in Adzhina Tepa (Vakhsh valley, South Tajikistan), belong to a later period, roughly 7-9th centuries A.D.

Some among the more important sites of the Kushan period excavated in Soviet Central Asia, whether Buddhist or not, are given in the following table:

Kirghizia

Kara-Bulak and Batken (South Kirghizia), tombs of the 2nd-4th centuries A.D., possibly earlier: Indian and Chinese objects.

Saimaly-Tash (Fergana range): over 100,000 rock engravings of various periods; their chronology is still uncertain.

Chatkal valley (NW): kurgans of the late Kushan period.

Tajikistan

Takhty-Kuvat (Takht-i-Kobad, Kafirnigan valley): probably the cradle of the famous "Treasure of the Oxus".

Kei-Kobad-Shah (Kafirnigan): fortified Bactrian town.

Kobadian region, Bishkent valley (Kafirnigan): Tulkhar cemetery, tombs of the Kushan, pre-Kushan and late Kushan period: analogies with Indian funeral rites.

Parkhar (Vakhsh valley): architectural fragments of Hellenistic type, reminiscent of Surkh Kotal and Ai Khanum. Yavan (Vakhsh): overwhelming masses of pottery, 3rd-4th centuries A.D.

Khorezm

Koy-Krylgan-Kala: a fortified, largely pre-Kushan site.

Toprak-Kala: fortified residence, palatial halls with wall paintings, sculpture, etc.; "Indo-Greek" and "Indo-Buddhist" style.

Uzbekistan (excluding Khorezm)

Termez, Airtam, 1st century A.D. (?): Buddhist (?) sculpture, Gandharan features.

Kara Tepe (near Termez), 2nd century A.D.: Buddhist monastery hewn out of rock (analogy with India). Plaster reliefs, coins, wall paintings, huge statues reminiscent of Gandhara. Pottery with inscriptions in Brahmi and "Kushan" script.

Zar-Tepe (NW of Termez): Kushan pottery, figurines.

Dalverzin-Tepe (near Khalchayan): recently discovered Buddhist building with remarkable sculptures of the Kushan period.

Tali-Barzu (South of Samarkand), 2nd or 3rd century A.D. (?): numerous figurines of the early Kushan period, reflecting different forms of worship.

Khalchayan (Upper Surkhan Darya), pre-Kushan and Kushan finds, mostly 1st-4th centuries A.D.: ossuaries, coins, figurines, pottery, wall paintings and remarkable sculptures which may turn out to have been the foundations of the sculpture of Gandhara and Hadda.

The Parthian sites of South Turkmenistan which display largely Hellenised art must not, however, be ignored. In addition to Hellenistic marble sculptures, the famous ivory rhytons found at Nisa are, as regards the carving, typically Greek, interwoven with Iranian and regional elements. Other renowned sites of a later period (mostly 7th-8th centuries A.D.) which had to be omitted from the table are Afrasiab, Balalyk-Tepe, Tok-Kala necropolis, Varakhsha, Adzhina Tepa and Pjanjikent. (The last three display manifold Indian elements.) The evidence available shows strikingly that the artistic production of those territories made brilliant headway for several centuries after the Kushan rule had come to an end.

Special attention may be drawn to the masses of clay figurines found throughout Central Asia since the most remote ages. They were found in Termez, Afrasiab, Bukhara, Zar-Tepe, Balalyk-Tepe, Varakhsha, Tali-Barzu, Khalchayan, Khorezm, in sites of Kirghizia, South Turkmenistan and so many other places as to make further enumeration impracticable. From an artistic point of view the figurines cannot compare with other achievements in this field, but they are unequalled as perennial modest tokens of the history, the mythology, the popular art and the changing beliefs of the common people. Thus they represent a cross-section of the variegated pattern of civilisations possibly more faithfully than the productions of a more official character.

The discoveries of the Kushan period were initially due mostly to Western archaeologists in non-Soviet territories, such as Afghanistan, Pakistan and India. In recent years, Soviet scholars became increasingly interested in them and in their interpretation, especially in connection with their own excavations. As viewed by them, "Kushan" art, which combines Indian tradition with Hellenistic culture and Central Asian substratum, tended to outgrow and to absorb the more regional art of Graeco-Bactria and of Gandhara. It is but natural that they pay much attention to ancient Bactria and are increasingly tempted to consider Gandharan art as being neither Greek nor Roman, but simply Bactrian or Kushan. The discoveries made at Surkh Kotal (Afghanistan), at Toprak-Kala and at Khalchayan, referred to above, appear to confirm their opinion in this matter.

The thesis of the continuity and the development of an original Bactrian or Kushan art involves a new and suggestive postulate. According to some Soviet scholars, Bactrian art would thus represent neither a provincial branch of the so-called classical art nor an afterglow of the Graeco-Roman civilisation on the periphery of an ancient oikumene, but the organic genesis of a specific civilisation which developed for almost 1000 years on Bactrian soil in the very heart of the Asian continent, at the junction of the ancient cultures, the Hellenistic East and Scythian Asia.

---

[1] Fuller and more analytical material, together with elaborate bibliographies, will be found in: (a) the author's "Archaeology in Soviet Central Asia", vol. III, Bd I of the *Handbuch der Orientalistik* (E.J. Brill, Leiden, 1968); (b) the series of articles published in various issues of the *Central Asian Review* of the years 1962-1966; and (c) in his "Expansion of Buddhism As Witnessed by Recent Archaeological Finds in Soviet Central Asia" (*Bibliotheca Orientalis,* 3/4, 1968).

R. SHARMA (PATNA, INDIA)

KUSHAN ELEMENTS IN THE GUPTA POLITY

The two large kingdoms that preceded the foundation of the Gupta Empire were those of the Satavahanas and Kushans, whose political systems could not be ignored by their successors. The Guptas did not directly rule in the former dominions of the indigenous Satavahanas in the Deccan, but in those of the Kushans in Northern India. The time gap between the end of the Kushan Kingdom in about A.D. 230 and the foundation of the Gupta Empire in about A.D. 275 was less than fifty years, which was possibly filled in by the Yaudheyas in North-Western India and the Murundas in the area around Pataliputra in North-Eastern India. Naturally, the Guptas inherited many elements of Kushan culture, which had evolved as an amalgam of indigenous and foreign ingredients. The Kushan influence can be seen not only in Gupta art and coinage but also in political organisation.

The evidence for tracing Kushan survivals in the Gupta polity is mostly derived from coins and inscriptions. Several titles, offices and institutions known from Kushan sources have their Gupta counterparts. But sources do not give a complete picture of the system of administration. Not all officers and administrative practices are mentioned in Asokan, Kushan and Gupta epigraphs, and the lacuna cannot be easily filled in by literary sources, because of the difficulty of dating them. So the continuity or otherwise of institutions has to be discussed under this limitation.

As compared with the Satavahanas, the Kushans seem to have been a patriarchal community. Although Kushan records mention several religious gifts made by ladies, there is no evidence of any matriarchal element in their inheritance. On the other hand, the Kushans practised patriarchal inheritance, which was further strengthened in Gupta times. The Guptas did not set up *devakulas* for worshipping dead kings, although they described themselves as devoted to father. Nor did they adopt the practice of the joint rule of two male members, which seems to have been the Kushan custom [1].

A conspicuous feature of the Kushan polity was the divinity of kingship emphasised by the adoption of the royal title *devaputra* (son of the god), by the deification of royal statues in the *devakulas* and by the representation of kings in divine surroundings on coins. Statues of Kushan kings have been found not only in Mathura but in the Swat valley and Surkh Kotal [2]. In the case of the grandfather of Huvishka, it is said that the kingdom was conferred on him by Sarva and Candavira[3], a practice found in some other post-Maurya kingdoms. All this did not make much impression on Gupta kings, who permitted themselves to be compared to different gods like the Satavahanas, but did not claim divine descent in spite of the fact that the Kushan kings continued to hold the title *devaputra* in the Gupta period [4]. However, Samudragupta [5], Candragupta II [6] and Kumaragupta [7] were called *deva* (god), possibly in the same manner as teachers, parents and brahmans were called gods in early times.

The tolerant religious policy of the Kushans indicated by the association of Indian, Greek, Roman and Iranian deities with their coins and by their donations to both Buddhist and brahmanical sects was certainly continued by the Guptas, whose empire was inhabited by followers of different races, creeds and sects. Mostly Saivites, the Kushans patronised Buddhism and other Indian religious sects. Perhaps it was necessary to respect the religious sentiments of numerous petty princes whom the Kushans had subjugated and organised into a feudatory system. Their titles *maharaja, rajatiraja, sahanusahi, shaonano shao* and *basileus basileon,* some of them borrowed from the Bactrians and Parthians[8], emphasise the supremacy of the Kushan kings over lesser princes, rulers and vassals, whose existence is also indicated independently. Asoka also may have established some feudatory organisation, although his titles do not betray it. But the Kushan titles make this explicit, and the practice was continued by the Gupta kings. The Guptas did not call themselves *rajatiraja* and *sahanusahi,* but they assumed the titles *maharaja,* and also some new titles, such as *maharajadhiraja, parmesvara* (the supreme lord) and *paramabhattaraka.* Such attributes, old or new, were undoubtedly in line with the Kushan practice and were elaborated in post-Gupta times.

However, the characteristic Gupta system of transferring fiscal and administrative functions to religious beneficiaries, especially in the principalities of the feudatories in Central India, is derived from the Satavahana practice. In the Kushan system, a faint trace can be found at Mathura in the bestowal of certain deposits in the reign of Huvishka according to the *aksayanivi* (perpetual tenure) system[9], which came to be applied to land grants in Gupta times. The gift of *harmay*[10], temple or cottage, and the construction of tanks and monasteries (*viharas*) might imply donation of land for religious purposes, but this is not specified in any Kushan records. Some forms of royal income known as *pranaya* (extra imposition), *kara* (royal share of the produce) and *visti* (forced labour), mentioned in the Junagadh inscription of Rudradaman, continued in Gupta times, but we are not quite sure whether they first originated in the Saka dominions.

The Kushan use of cavalry was their most significant contribution to the military system of India. While the Mauryas seemed to have owed their success to the use of elephants, whose overwhelming importance in the military machine has been stressed by Kautilya[11], the Kushans seemed to have owed their success to the use of cavalry. The Scythians were excellent horsemen, and so close was their association with horses that in Central Asia sometimes as many as 14 horses were buried, along with all their trappings, with their warrior owners[12]. The Kushans were skilled horsemen, using reins, saddles and above all stirrups. Saddled horses are represented on their coins, and Indian sculptures around the beginning of the Christian era show that stirrups were introduced into the country by the Scythians. Horse-riding had been introduced into China earlier, and to facilitate it a Han law of 122 B.C. required horsemen to wear trousers. The Kushan coins and sculptures clearly show that boots, tunics and trousers formed the essential equipment of the Kushan horsemen, who were good archers. Their love of horses is indicated by the coins of Miaus[13–14], Soter Megas, Kanishka I[15], Huvishka[16] and Vasudeva[17]. According to the Chinese account, the king of the Yüeh-chih raised an army of 70,000 horsemen under the order of Viceroy Hsieh to fight against the Chinese general Pan-ch'ao[18]. The Saka and Parthian coins[19] demonstrate that their chiefs were heavily armoured and mostly fought with spear from horseback; this may have been also true of the Kushan captains. Although the Kushan kings cannot be called equestrian, even on the basis of their coins the importance of horse-riders in their military system cannot be underestimated.

From the Kushan period onwards cavalry assumed a dominant role in the Indian polity. Although some Gupta rulers are represented as excellent, unrivalled chariot warriors, horsemen figure frequently on their coins. The outfit of the Gupta horse-riders, as deducible from their coins, consisted of tunics fastened by belts, of helmets, of trousers and of buttoned-up boots, and all these evidently formed part of the Kushan legacy. Possibly, the Gupta soldiers learnt the use of long swords fitted with scabbards from the Kushans. The Guptas also used armoured, caparisoned horses fitted with stirrups, which were borrowed from their Central Asian predecessors. Their seals and inscriptions speak of *asvapati* [20–21], *mahasvapati* [22] and *bhatasvapati,* which stand for captains of horsemen and testify to the growing importance of cavalry. To my knowledge, the early Gupta records do not mention any officer connected with the management of elephants, although the term *pilupati* occurs in a 6th-century inscription from Bengal, and although the use of elephants is attested by Kushan coins.

The Kushans being foreign rulers, coercive elements seem to have occupied a more important place in their government. Leaving aside the *kshatrapas* (provincial satraps) and *mahakshatrapas,* the *dandanayakas* and *mahadandanayakas* figure as prominent officials even in donative and votive records. Although military, magisterial and judicial functions are attributed to them by different authorities and lexicons [23], at the initial stage the first aspect seems to have been far more important. The common device of the rod of punishment in the form of mace or standard on Kushan coins attests to the high position of the *danda* and its bearers in their polity. This is also reflected in many verses common to the *Manu Smrti* and the *Rajadharma* section of the *Santi Parva,* which were evidently compiled in the early centuries of the Christian era. The element of the *danda* continued to dominate the political scene in the reign of Samudragupta, whose standard-bearer type coins were most popular [24]. The *danda* [25] and the officials who wielded them continued to enjoy importance under his successors. In the areas conquered by the Guptas, the office of the *mahadandanayaka* functioned in their eastern, southern and northern provinces [26], and formed a regular feature of their polity.

Another military official, *baladhika,* appears in a Kushan record [27], but the use of the terms *baladhikrta* and *mahabaladhikrta* [28] in Gupta inscriptions shows that the old office acquired more importance.

Of the civil functionaries, the *amatya,* mentioned in Saka and Kushan records, may be regarded as Maurya. Although mentioned by Kautilya, this post does not occur in Asokan inscriptions, where *mahamatras* appear as the counterpart of the *amatyas. Amatyas* were an important element in the Satavahana polity, but satraps seem to enjoy the corresponding position in the Kushan system. The cadre of the *amatyas,* however, continued under the Guptas with the change that the *kumaramatyas* emerged as the most important civil functionaries. Moreover, the office of *saciva,* mentioned in the Junagadh inscription of Rudradaman, also continued to exist in Gupta times.

Another functionary, the magistrate or *vyavaharika,* to which the first epigraphic reference is found in Asokan edicts [29], appears in the sense of elder or manager in a Mathura inscription [30], possibly of Kushan times. In both these references, the *vyavaharin* appears in an urban setting, for while the Asokan inscription speaks of the post of the *nagara-vyavaharika* held by *mahamatra,* the Mathura inscription refers to more than eight merchants acting as the commissioners of the sangha[31], apparently for managing its property. Another Mathura inscription of the time of Kanishka I speaks of *vyavaharin* Matsyagupta[32], who was evidently a merchant and whose surname suggests that at least some Guptas had their apprenticeship in administration under the Kushans. The *vyavaharins* also appear in Gupta records but not in an urban context. The Begram copper-plate inscription of A.D. 448 uses the term *samvyavaharipramukhan*[33] in the sense of village elders connected with the general management of the village.

The village headman seems to have acquired more authority in Kushan times, as can be inferred from the epithet *gramasvami,* owner of the village, applied to a kshatrapa[34]. This is in keeping with the use of the term *gramasyadhipati* in the law-book of Manu, who prescribes payment of this officer by grant of a piece of land[35]. The term *gramadhipati* is used in the *Santi Parva*[36], and it seems that the village headman added to his power in Gupta times. A passage from the *Kamasutra* of Vatsyayana suggests that at least in Western India, where this work was composed, the village headman, called *gramadhipati ayuktaka,* compelled peasant women to fill up his granary, to carry various articles, to clean and decorate his residence, to work in his fields and to spin various types of yarn for his clothes[37].

The guilds seem to have played an important role in town administration in Kushan times, and this position did not undergo much change in the Gupta period. The profitable silk trade in which the Kushans participated and the use of gold coins must have stimulated the growth of towns and merchants. North Indian epigraphs first refer to guilds of artisans and merchants in Kushan times. Four seals of the Kushan period from Bhita, near Allahabad, speak of the *nigama*[38], and an inscription mentions two Mathura guilds (*srenis*), including that of wheat dealers[39]. These two guilds received endowments in cash for feeding the brahmans, and if they could administer donations, they could surely look after their own affairs as well as those of the towns to which they belonged. Although more of such guilds existed in Western India, their influence in Northern India was not inconsiderable. They certainly mark the beginnings of the activities of the *nigama*, which became the leading institution in Vaisali and possibly in other towns in the Gupta age.

Separate guilds of artisans (*kulika*) and of merchants (*sresthi*) existed in Vaisali, but as many as 274 seals belong to the combined guild of the merchants, itinerant traders (*sarthavahas*) and artisans[40]. Obviously, this body carried on not only economic activities, but also looked after the administration of the town. In addition to Vaisali, guilds of artisans and traders continued to function at Bhita, and were found at Indor in Bulandshahr and Mandasor in Malwa. In Indor, the guild of oilmen administered the donation made by a brahman[41]. That of silk weavers in Lata (Nausari-Broach region) were engaged in silk-weaving, possibly from Kushan times, when this craft may have first appeared on account of contact with the Chinese; but they no longer found it paying, possibly on account of decline in silk trade. However, on the analogy of Vaisali it appears that various groups of artisans and traders participated in urban administration, which fact is also supported by the Damodarpur copper-plate inscription with regard to the headquarters of the Kotivarsa *visaya* (district) in Pundravardhanabhukti[42] in North

Bengal. Naturally, the law-books of the Gupta period not only enjoin the king to observe the laws of the guilds but also to enforce them.

It would be wrong to think that the Gupta polity was entirely based on the Kushan polity. Like the state control of all activities under the Mauryas, the satrapal system practised by the Kushans was an interlude in the history of India. The Kushan practice of having a dual rulership or governorship did not find suitable soil in India, but the Saka-Parthian system of having the joint rule of two brothers was adopted with modification by the Maitrakas of Valabhi, among whom succession passed from elder brother to younger brother. Many officers of the Kushan period, such as *rastriya* (head of 100 villages), *ganjavara* (treasurer), *danapati* (manager of donations), *bakanpati* (officer in charge of temples), *vaisvasika* (confidential agent), etc., are not mentioned in Gupta records although officers called *paramavisvasin* and *mahaparamavisvasin* are mentioned in later inscriptions.

But the idea of the divinity of kingship made some impression on Gupta rulers, who were compared to different gods and even addressed as god. Similarly, the office of the *mahadandanayaka* came to function in the eastern, southern and northern parts of the Gupta Empire, and the practice of making land grants according to the *aksayanivi* system became a regular feature in the Gupta period. The Kushan system of having a strong cavalry was adopted by the Guptas, whose horsemen were equipped in the Central Asian fashion. An obvious influence can be seen in the Gupta feudatory system. The Kushans had introduced a hierarchical feudatory system for administering their empire, and this pattern was followed by Samudragupta and his successors. Decentralisation was further encouraged by the full-fledged recognition given to the guilds of artisans and merchants in the Gupta age. Thus, there is no doubt that several Kushan elements continued in the Gupta system of administration.

---

[1] B.N. Mukherjee, *The Kushana Genealogy*, Calcutta, 1967, p. 79.

[2] It is suggested that the statue of Huvishka was worshipped in his lifetime (*Mathura Inscriptions* by H. Lüders, ed. K.L. Janert, Göttingen, 1961, p. 145).

[3] *Mathura Inscriptions*, pp. 138-139.

[4] *Allahabad Stone Pillar Inscription of Samudragupta*, 1. 23.

[5] *Ibid.*, 1. 28.

[6] A.S. Altekar, *Corpus of Indian Coins*, vol. IV. *The Coinage of the Gupta Empire*, Banaras, 1957, pl. XX.

[7] *Ibid.*, pl. XXIII.

[8] R.S. Sharma, *Aspects of Political Ideas and Institutions in Ancient India*, Delhi, 1968, pp. 216-218.

[9] D.C. Sircar, *Select Inscriptions*, I, Calcutta, 1965, II, No. 49.

[10] *Ibid.*, No. 40.

[11] *Arthasastra*, II. 2.

[12] Rahul Sankrtyayana, *History of Central Asia*, Calcutta, 1964, p. 14.

[13-14] Bhaskar Chattopadhyay, *The Age of the Kushāṇas—A Numismatic Study*, Calcutta, 1967, p. 50.

[15] *Ibid.*, pp. 50-51.

[16] *Ibid.*, pp. 60-61, 63-66.

[17] *Ibid.*, p. 76.

[18] *Ibid.*, p. 94.

[19] *Indian Antiquary*, vol. 32, 1903, p. 422.

[20-21] John M. Rosenfield, *The Dynastic Arts of the Kushans*, University of California Press, 1967, pp. 124-129; *Archaeological Survey, Reports, 1911-1912*, pp. 52-53.

[22] *Ibid.*

[23] For details, see R.S. Sharma, *op. cit.*, p. 222.

[24] Altekar, *op. cit.*, p. 40.

[25] *Ibid.*, p. 141.

[26] U.N. Ghoshal, *Indian Historiography and Other Essays,* p. 234.
[27] *Mathura Inscriptions,* pp. 161-163.
[28] *Selected Inscriptions,* III, No. 17, l. 8.
[29] First Separate Rock Edict, Dhauli version, l. 1.
[30] *Mathura Inscriptions,* etc., p. 101.
[31] *Ibid.*
[32] *Selected Inscriptions,* II, No. 45 A, l. 1.
[33] *Ibid.,* No. 41, l. 2.
[34] *EI,* XXIV, p. 10.
[35] VII. 115-116.
[36] 88. 3-9.
[37] V. 5. 5; cf. *Indian Feudalism,* pp. 51, 52.
[38] *ASR,* 1911-1912, p. 56.
[39] *Selected Inscriptions,* II, No. 49, ll. 12-13.
[40] *ASIR,* 1903-1904, p. 110.
[41] *Selected Inscriptions,* III, No. 27.
[42] *Ibid.,* No. 36, ll. 1-4.

B. YADAVA (ALLAHABAD, INDIA)

SOME ASPECTS OF THE CHANGING ORDER IN INDIA DURING THE SAKA-KUSHAN AGE

The muddled accounts[1] of the Kali Age in the Puranas, generally ascribed to a period[2] about the 1st-2nd centuries A.D., reveal the undermining of the *Caturvarnya* (the system of four *varnas* or castes) on which the traditional Indian social order was based. It was believed to be partly due to the activities of the heretical religions—Buddhism, Jainism, popular Vaisnavism and Saivism, but mainly to the incursions of the foreign elements—the Yavanas (Bactrian Greeks), Sakas, Parthians and Kushans. In the context of the dismal picture of the Kali Age, the Puranic accounts allude to the general decline of *Dharma,* the depression of the orthodox priestly class and the indigenous ruling aristocracy, the decline and thinning away, at least temporarily, of the class of *vaisyas,* who were agriculturists, merchants and traders, and the rise of the servile sudras[3].

The *Angavijja,* a work on prognostication, composed in the Kushan period[4], throws revealing light on some aspects of this phenomenon. In the section dealing with the way of knowing the varna or caste of an individual, the text gives an appearance of the veritable break-up of the *Caturvarnya* for the time being. In the beginning we get the traditional list of the four varnas[5]—bambhana (brahmana), khattika (ksatrya), vessa (vaisya) and sudda (sudra). Then, there is the enumeration of persons who exchanged the duties and occupations of their own varna for those of another, and, in so doing, they either retained, or could not dissociate themselves from, their original varna and were in this way regarded as belonging to two varnas at the same time. Thus we get bambha-khatta, khatta-bambha, bambha-vessa, vessa-bambha, bambha-sudda, sudda-bambha, khatta-vessa, vessa-khatta, khatta-sudda, sadda-khatta, vessa-sadda, sadda-vessa, sadda-bambha and pambha-sadda[6].

It goes without saying that the features of caste as reflected in the *Manu Smrti* (c. 200 B.C.-200 A.D.)[7] represent mainly the normative social theory, whereas the *Angavijja* brings into relief the actual facts of social life. The Jatakas also inform us that some people belonging to higher varnas followed occupations other than those prescribed for them[8], but their account appears to hold good for the earlier period. Under exceptional circumstances, as we find in the case of the Nandas, even some members of the last varna, which represented the nadir of social life, could make their way into the fold of the ruling aristocracy. But what is noteworthy in the account of the *Angavijja* is that the people of the lower varnas began to follow on a large scale the various occupations meant for the higher ones and to claim a higher status. Thus the social convulsions and political disturbances due to the incursions of the foreigners, together with the economic developments[9] of the age and the activities of the heretical religions, resulted in a kind of social upheaval, characterised not only by the downward but also by the upward trend of social mobility. Over a considerable part of Northern and Western India, the foreigners became settled mainly as a ruling aristocracy, who were more attracted by the heretical religious systems like Buddhism, Saivism and Vaisnavism. Even Manu[10], who upheld the orthodox ideals of social order, had in a way to concede the status of ksatriya to the Sakas and also to some other foreigners and outlandish peoples, though he regarded them as degraded for the main reason that they at that time did not champion the cause of the traditional system. However, in the 2nd and 3rd centuries A.D., the indigenous rulers of the Satavahana and Iksvaku dynasties accepted in marriage princesses belonging to the Kshatrapa ruling house of Western India[11]. The Allahabad Pillar Inscription[12] of Samudragupta also suggests that Saka-Kushan rulers contracted matrimonial relations with the indigenous ruling houses. The art of the Kushan period, especially the terracotta art, found at various sites of Northern India, such as Mathura[13], Ahicchatra[14], Bhita[15], Kausambi[16], Pataliputra[17], Rangmahal[18], also points to the influx of the Saka-Kushans and the magnitude of their role in Indian social life. The names of Saka donors found in some inscriptions of Kausambi are significant in this context[19]. These foreigners were, however, absorbed in the caste system in course of time. Afterwards, the various mixed varna groups noted above, which were tending to emerge during this period, were also adjusted to the framework of the *Caturvarnya.* However, two of them, brahma-ksatra (bambha-khatta) and brahma-vaisya (bambha-vessa), continued even afterwards. The theory of brahma-ksatra had gained a wide currency by the early medieval period of Indian history, when, with the development of the feudal tendencies, the brahmans began to leave their priestly functions and join on a large scale the ranks of the ruling aristocracy. This compound term has been applied to some rulers belonging to the Guhilot, Paramara and Sena dynasties in the inscriptions[20]. It occurs in some inscriptions of South India[21] and also of South-East Asia[22]. The evidence of later times reveals that the epithet brahma-ksatra or brahma-ksatriya was borne not only by those who were first brahmans and then became ksatriyas, but also by some descendants of the *anuloma* (regular) and *pratiloma* (irregular) unions between members of the first two varnas[23]. In certain regions brahma-ksatra also became more or less like a sub-caste group[24]. The term brahma-vaisya has, however, been noticed only in one inscription of later times[25] and, as such, this group appears to have been quite insignificant.

At one place in the *Angavijja*[26], the four major castes are classified into two categories—ajja (arya) and milikkhu (mleccha). In this context, the first three varnas or castes are included in the category of arya and the latter appears to have comprised the indigenous sudras and aboriginal tribes, as well as the foreigners and outlandish people. The arya varna was usually contrasted with dasa varna during the Rigvedic period[27] and with the sudra varna during the later Vedic period[28]. In the sutras which belong to the post-Vedic period, the first three varnas (*dvija* classes) are set in contrast to the sudras[29]. The term mleccha in Indian literature was ordinarily used for the indigenous tribes as well as foreigners, who were outside the pale of the orthodox social system and culture[30]. The indigenous sudras forming part of the orthodox social organisation had never been counted among the mlecchas[31]. This attitude, as the *Manu Smrti* suggests, was partly generated by the deflection and refractoriness[32] of the sudras. In Manu we clearly notice a sort of nervousness about such activities of these people.

As a matter of fact, we perceive many currents and cross-currents in the social life of the age. Another division of society in the *Angavijja* is into ajja (meaning here nobles, who were free persons belonging to the propertied class), and pessa[33] (slaves, servants, hired labourers and others, most of whom, as this classification itself indicates, may have been under varying degrees of servitude and dependence). The ajja (arya) class is said to have included not only the three higher varnas but also some belonging to the sudra varna[34]. This reveals a trend towards the cleavage of the varna-divided and caste-ridden society into classes. In this context it may be noted that the *Visnu Purana* and *Yuga Purana* would have us believe that during the period of social disorder, political disturbances and changes brought about by the foreign invaders, the idea of birth as the basis of social rank would tend to recede into the background, and wealth or property would emerge as the foremost factor in the determination of social status[35].

The *Arthasastra,* an earlier text, had in a way recognised the dichotomy of the varna-divided Indian society into arya and dasa. The arya class of freemen included not only the first three varnas but also the sudras, who were deemed free[36]. Nevertheless, the dasas (slaves) were largely recruited from the sudra varna. It may be noted here that the Buddhist Assalayana Sutta had ascribed the division into ayya (master) and dasa (slave) to the social system of the neighbouring peoples—the Yonas (Yavanas) and the Kambojas, among whom there was no impassable barrier between the two classes[37]. But the evidence of the *Arthasastra* noted above, reveals the tendency of the emergence of this phenomenon in the Indian context also. However, it has generally been recognised[38] that slavery could never acquire here such a wide extent, developed form and significant role as in Greece and Rome. Nevertheless, during the period extending from c. 600 B.C. up to about the beginning of the Christian era there is evidence of its wider prevalence as well as the greater subjection of the sudras as compared with what we find in later times[39]. It is noteworthy that the division of Indian society into ajja and pessa, which we get in the *Angavijja,* appears to represent the emergent phase of the next stage along with the continuance of the older tendency, for the pessa class included slaves as well as servants, hired labourers and dependent peasants.

On the basis of some provisions of the Manu Smrti, Hopkins[40] has inferred a sort of antagonism between the first two varnas, on the one hand, and the last two, on the other. But the evidence of the *Angavijja* reveals that the picture was not so simple. In fact, the Indian caste system had an element of camouflage and it acted as an offset against the cleavage of society into clear-cut classes. However, the *Milindapanha*[41] clearly reveals that the dichotomy of the varna-divided society was broadly and chiefly manifested in the phenomenon of the "ordinary vessas" (vaisyas) and sudras, with agriculture, trade and commerce, and cattle-rearing as their avocations, constituting the plebeian lower strata, and the remaining, i.e. the first two varnas, representing the dominant class, which appears to have included the prosperous vaisyas also, especially the big traders and merchants. To what extent the distance between the first two varnas (major castes) tended to get lessened may easily be inferred from the institution of brahma-ksatra noted above. The trend of roughly approximating the vaisyas to the position of the sudras had been in operation since earlier times[42], but it is noticeable to a marked degree during the period under consideration. Obvious as it is, in a society with a predominantly agrarian economy, a large section of the vaisyas, whose enjoined duty was to carry on agriculture, trade and cattle-rearing, had been agriculturists. Their lowering down to the status of sudras, which is clear from the bracketing together[43] of these two castes in the *Milindpanha,* shows the trend of the degradation of peasantry, leading ultimately to their subjection, a phenomenon well-known to have been associated with feudalism. Besides, the sudras, who in the earlier period were under stricter subjection with service to the higher varnas as their sole duty, are mentioned in this text as pursuing the occupations of the vaisyas, and, as such, a sizable number of them appears to have been transformed into dependent peasants. Though we come across the emergence of a class of dependent peasantry constituted by the lower strata of the vaisyas as well as a section of the sudras, yet it is not to be forgotten that those urban vaisyas who were traders and merchants flourished during this age with the development of trade and commerce, especially during the Kushan period. We find many examples of rich businessmen giving religious donations. However, there is some evidence to think that the traders were usually held in low esteem by the upper classes[44].

In fact, what we find here is not precisely feudalism, but only a tendency working for the emergence of feudalism which, even after acquiring a developed form in later times, was somewhat different[45] from its Western counterpart. It may be noted here that in the light of D.A. Suleikin's periodisation of Indian history, V.I. Kalyanov[46] placed the birth of feudalism in India during the 1st to 3rd centuries A.D. He, as well as I.P. Baikov[47], has seen the traces of feudalism in the *Arthasastra* of Kautilya. The exploitation of the two lower varnas by the higher ones, which has been emphasised in this context as constituting the feudality by Baikov, may be found even in earlier ages, which is quite clear from the evidence of the brahman works[48]. In fact, we can hardly find in this text, which appears to belong to an earlier period, any marked traces of the essential feudal relationship in the socio-economic sphere—the subjection and degradation of peasantry who were in personal dependence on the landlord and more or less tied to the land[49]. However, the view of Kalyanov regarding the period of the emergence of feudalism appears to be right in the light of many pieces of contemporary evidence.

Along with the institution of caste, the self-sufficient village has been found to have played a major role in the socio-economic, political and cultural setting of ancient India. A passage in the *Milindapanha* throws light on the changing set-up of village organisation and agrarian relationship during the early centuries of the Christian era:

"Suppose, O King, that in some village the lord of the village were to order the crier, saying, 'Go, crier, bring all the villagers quickly before me'... Now when the lord, O King, is summoning all the heads of houses, he issues his order to all the villagers, but it is not they who assemble in obedience to the order, it is the heads of houses. And the lord is satisfied therewith, knowing that such is the number of villagers. There are many others who do not come—women and men, slave girls and slaves, hired workmen, servants, peasantry, sick people, oxen, buffaloes, sheep, and goats, and dogs—but all those do not count"[50].

The term *gamasamika*[51], meaning the lord of a village, is significant in this context. *Syami* occurs as a royal title assumed by the kings of Saka-Kushan extraction, which was also adopted by the Satavahanas[52]. It has also been surmised that this title is of foreign origin[53]. It has been taken to be the Sanskrit equivalent of the title of *Murunda,* which appears to have originally been an Indo-Scythian term meaning lord or master[54]. In the inscriptions recording the pious donations of his relatives and ministers the Western Kshatrapa Nahapana has been given the title of *Raian, Mahakshatrapa, Svamin* and *Khaharata* or *Ksaharata*[55]. Some Brahmi inscriptions from Mathura and its vicinity also have *Svamin* as the title of rulers[56]. In some South Indian inscriptions the terms *Sami* and *Samivaram* or *Syami-bhoga* stand for the king's and the landlord's shares repectively[57]. The authority and prestige which the term Svamin connoted may easily be inferred from the fact that it began to be suffixed to the names of gods also[58].

In a Kharoshthi inscription[59] of the year 303 belonging to the Peshawar region, a kshatrapa has been mentioned as *gramasvami,* whose name Avakhajhada indicates that he was a foreigner. The expression *maharayasa gamasamisa* which we get in the record may indicate that the title of Maharaja was also loosely applied to him. However, N.G. Majumdar, the editor of the inscription, has translated it as "the Maharaja's village lord". This clearly reveals that the kshatrapas were lords of villages. But we do not know whether the villages were assigned to them as fiefs by the kings. The *gamasamika*[60] mentioned in the *Milindapanha* was, as the term itself indicates, not a kshatrapa but a petty village lord holding one or more villages, and the context in which he is mentioned further shows that the phenomenon of such village lords had become common. Thus we find a marked growth of a rural aristocracy. This class may have been formed by the appearance of new landlords as well as the transformation of some powerful village headmen into village lords in times of political disorder due to foreign invasions. The well-known *Kalakacarya-Kathanaka*[61] in spite of its fantastic elements also throws light on how the foreign conquering hordes settled as ruling aristocracy in the regions occupied by them. Under the Kushan rule the names of the kshatrapas, mahakshatrapas and mahadandanayakas also appear to be foreign[62].

It is significant to note that the earlier term *gramika* meaning village headman, also occurs in the inscriptions of the period. Thus we find the mention of gramika in a Mathura Jain inscription (*Lüders' List,* No. 69a) of the time of Vasudeva, and a Jain votive image inscription (*Lüders' List,* No. 48), which reveals the hereditary character of this office. The Dura inscription (Agra District, U.P.; *EI,* XXXV, pp. 190 ff.) of the time of Kanishka (year 16) also mentions a lady belonging to a family of hereditary village headmen—(*ga*) *mikanam,* who dedicated a house. The hereditary village headmen[63] may also have emerged as petty village chiefs. In the *Manu Smrti,* the *gramika* who was to be assigned some land for his services has been given the title *gramasya adhipati* (*Manu* VII, 115 ff.) meaning the lord of a village. This tendency in its developed form may be found in the *Kama Sutra* (V. 5.5, 6) of Vatsyayana, a slightly later text, which reveals how village headmen assumed such powers as to compel village women to work in their fields.

The growth of the class of village lords and village headmen behaving like chiefs must have led to the decline of the status of peasantry. The evidence of the *Milindapanha* noticed above shows how in the villages under *gamasamikas* the peasantry had no say in the vital affairs of the village, and they were regarded so inferior as to be classed with slaves, servants and hired labourers. An inscription[63a] of the 6th century A.D. reveals the further growth of this tendency. This undoubtedly indicates peasant subjection, which is regarded as an essential element of feudalism. In the *Manu Smrti,* the *ardhikas* (share-croppers) who received half the crop for their labour appear as a sizable class. They also find mention in some inscriptions[63b] belonging to the 3rd and 4th centuries A.D.

We notice some economic changes during the period, which paved the way for the rise of the feudal tendency. The agricultural implements discovered in the excavations conducted at sites like Taxila, Kausambi and Hastinapur throw some light on the changing economy. The true spade used for shovelling purposes is found to have made its appearance at Taxila as well as in the Roman world about the 1st century A.D.[64] The hoe and the chisel-headed spud tended to become broader in blade about this period[65]. The weeding forks (?) and two distinct types of sickles, one with a curved blade and the other with a curved handle and a straight blade, date at Taxila from the 1st century A.D., though they may have been in use from earlier times[66]. A fragmentary sickle, discovered at Kausambi, with a prominently broad and curved blade has been assigned to Sub-period IV. 19 (c. 95-165 A.D.)[67]. From the point of view of the broadness of blade this appears to show an improvement on the fragmentary sickle discovered at the same site from SP. IV (50 B.C.-A.D. 25)[68]. In the excavations conducted at the Ghositarama monastery[69] of Kausambi, an almost complete sickle of a smaller variety, having a neat curve, has been discovered in the Kushan level (1st-2nd centuries A.D.). Another fragmentary sickle of a more or less similar variety has been found at the same site in the succeeding Magha level, which has also yielded an adze. The varieties of the sickle are significant in this context. The fragment of a sickle discovered from a late level of Period IV (3rd century A.D.) at Hastinapur[70] also shows a prominently broad blade. The carpenter's adze appears about this period at Taxila with the blade relatively broader below and thicker above[71].

As a matter of fact, iron was found abundantly in India[72]. The high quality of Indian iron and steel was famous in the ancient and medieval world. We learn from *Periplus* that in the 1st century A.D. they were exported to the Western world[73]. The use of iron here was also common from much earlier times. But during the early centuries of the Christian era there is some evidence of its extensive use and of the manufacture of some better types of agricultural implements. Some improvement in tools and implements along with the greater use of iron may be inferred from the *Angavijja* (pp. 233, 258), in which we get one of the earliest references to the classification of the metal—Loha, Kalaloha, Vattaloha, Kamsaloha, Tikkhaloha and Mundaloha[74]. Some varieties of soil and many kinds of grains are also mentioned in this text[75]. We get references to iron-mongers (*lohavanija*[76] and *lohavaniyiya*)[77] in the inscriptions of the Kushan age recovered from Western India and Mathura.

With better types of tools and implements it became easier to improve agriculture, clear the forests and bring more areas under cultivation. The *Milindapanha* (IV.I.41) conceived of "the jungles turned into open country". It further speaks of the individual making land fit for cultivation by clearing the forest and becoming thus the owner thereof (Trenckner's edition, p. 219). Unlike the Mauryan period, we do not find state efforts at the extension of the area of cultivation during this period. Manu (X.44) also laid down that the field belonged to him who cleared away the timber.

The comparatively expanding and improving economy with scope for individual enterprise must have paved the way for the emergence of the circumstances under which not only the force but also the utility of the old rigorous type of subjection of the sudras, whose duty was to serve others, may have been weakened. Instead, they may have been given land for subsistence as dependent peasants, which is clearly reflected in the increase of the class of sudra sharecroppers (*ardhika*)[78]. In Manu, who mainly tried to defend the old order, we find unmistakable traces of its weakening[79], and the tendency becomes more marked in *Yajnavalkya Smrti*[80] (c. 100-300 A.D.). Another significant aspect of the expanding economy during the Kushan period was the development of trade and commerce and the greater prevalence of money economy. But it has been rightly suggested[81] that money economy was mainly confined to cities and their suburbs, and it was more or less the natural economy which prevailed in the villages.

The connection between particular socio-economic formations and political systems, on the one hand, and the religious cults, sects and myths that seem to accompany them, on the other, is sometimes found to be obscure. But the cult of Kubera and his associates was so wide spread and close to the life of the masses that one feels tempted to pursue on the mythology which grew up around him, with a view to ascertaining whether and how far it reflects changes in the social background. The strong attraction of the Kushans for Kubera-Pancika, a deity having a wide range of functions, has been noticed in the imagery of Kushan art. In the giant statue from Takal, near Peshawar, we find the representation of Kubera-Pancika sitting regally upon a throne, which has been regarded as an excellent specimen of Gandharan art[82]. The deity holds a spear in his left hand. Among the donors there is an Indo-Scythian holding flowers, depicted on the pedestal. Other representations of the figure of the deity having Indo-Scythian donors, have also been noticed[83]. In the group found at Palikhera, near Mathura, the Kushans are shown as the devotees of Kubera-Pancika[84]. Their association with the cult of Kubera-Vaisravana may also be inferred from the fact that the *Mahamayuri,* a collection of the geographical and astrological lore belonging to the 3rd century of the Christian era, calls Vaisravana the guardian of the Tukharas[85]. It is further revealed from the accounts of Hsüan Tsang, who has reported a figure of the king of spirits at Kapisa, of Vaisravana in front of the monastery of Balkh, and a special temple of the same deity at Khotan[86]. The *Mahamayuri* reveals that the worship of Yaksas[86a], the associates of Kubera, was common over a large part of the Kushan Empire, in which Buddhism represented one of the higher forms of religion[87]. In fact, it was prevalent among the masses from Iran and Afghanistan up to Simhala[88] and almost all over India. It was a very old and popular cult and was later on incorporated to some extent in Buddhism, Jainism and Hinduism.

According to one mythological tradition, Pancika was the general of the army of Yaksas and Kubera-Vaisravana was their king. But in Mahayana Buddhism, Pancika was the name of Kubera himself and Hariti was his wife[89]. The worship of the pair Hariti and Kubera-Pancika was common in the Buddhist sanctuaries not only in India but also in Gandhara and Central Asia[90]. A specimen of the representation of the pair in a classical guise is available from Kausambi[91] also (pl. XXVIII). The popularity of Kubera may perhaps be further evidenced from the fact that the figure of this deity seems to appear on a local imitation of a Roman bulla at Kausambi (pl. XX B). This figure may be compared with that of Kubera published in *Indian Mythology* by Veronica Ions (p. 84). It may be noted that the worship of the Yaksas, Hariti and Kubera-Pancika or Kubera Vaisravana was regarded as a lower form of religion, as it was meant only for secular welfare. The deities belonging to this group have not been noticed on the Kushan coins. However, a type of the pair Hariti and Kubera-Pancika can be closely correlated with PHARRO and ARDOXSHO occurring on the coins of the Kushan kings[92].

In the *Rigveda* and other Vedic texts, the Yaksas are sometimes viewed as strange or wonderful beings[93]. However, in the *Atharvaveda*, Kubera and his son are regarded as belonging to a different religious fold[94]. In fact, the cult of Kubera appears to have been pre-Aryan and aboriginal in its origin. On the whole, he was conceived in the Vedic period as the chief of the evil beings who were supposed to live in the abode of shadow and darkness[95]. In the *Satapatha Brahmana*, Kubera-Vaisravana is called the king of the Raksasas[96]. He became a popular folk deity during the post-Vedic period. The *Arthasastra* of Kautilya[97] refers to the temples and abodes of about nine deities including Vaisravana in the centre of the capital city. In connection with some compounds of divine names the *Mahabhasya* refers to Siva-Vaisravana[98]. Vaisravana is mentioned prominently in the *Angavijja* also.

The developed myth of Kubera-Vaisravana represents a fusion of many diverse elements. In the popular mythology, however, he is connected with fertility, mainly associated with the earth, the mountains and the treasures of the precious stones and metals underground[99]. The usual epithet of Kubera which we find in the *Ramayana* and the *Mahabharata* is *naravahana*[100]. In the *Dighanikaya* (III, 200), the Uttarakurus, whose sovereign Kubera was conceived, are mentioned as using men, women and young boys as *vahana*. This epithet of the deity occurs in the *Paramatthajotika* commentary to the *Sutta-nipata* (p. 370). *Naravahana* literally means that the vehichle of the deity consisted of human beings[101]. In the Bharhut art we find the representations of many Yaksas. One figure is labelled "Kuprio Yakho"—the Yaksa Kupriya (Kubera). Here the deity is represented on a pillar (now in the Indian Museum, Calcutta) with folded hands on a dwarf supporting him on his hands and feet. The humble, devoutly smiling man who is the bearer of the deity has abnormally long ears[102]. Zimmer had noticed another representation of a Yaksa queen supported by a male Yaksa kneeling and holding her up with his two arms[103].

It is significant to notice in this context that the depiction of a god bearing a mace and a thunderbolt in his right and left hand respectively, and supported by two men, has been discovered in a rock carving dating from the 14th century B.C. at the Hittite sanctuary of Yazilikaya near Bogazköy in modern Turkey[104]. It has been pointed out that the conception of the *vahana* of deities was borrowed from Mesopotamia.

In the *Milindapanha*, the psychology of a Yaksa appearing before Vaisravana after committing a crime against the latter has been viewed in the context of a number of imageries connoting control, domination and subjection[105]. It appears that the concept of the *naravahana* aspect of Kubera reflects a phase of human domination and subjection which may have had its basis originally in racial and tribal subjugation, and then in class domination corresponding to the stage of slavery. The former probability emerges on the basis of the consideration of the abode of Yaksas in the northern mountainous regions which were inhabited by several aboriginal tribes. The association of Kubera with wealth and property may have something to do with the socio-economic background of slavery[106], or at least a social situation roughly corresponding to it, connected with the emergence of private property, surplus product and exploitation. This also implies the idea of the dependence of people on Kubera for obtaining material benefits. In this context, we may notice the marked ugliness and deformity[107], such as the big belly, associated with his person in mythology and also in art. It is also stated that he was a thief[108] in his former life who was born as god of wealth owing to certain religious merits earned by him. But this kind of attitude may have been partly due to the non-Aryan origin of the deity. One should also bear in mind that we find some other attributes of the deity which may not fit in with this aspect.

The foregoing discussion may indicate that the worship of Kubera-Vaisravana and his associates was originally and mainly prevalent among the common masses. In some images he is represented as a typical merchant holding a purse, which reveals that he was accepted by the merchant community as well. He was also conceived as the epitome of royalty and paramountcy.

In the Indian context we do not find that extent and rigour of slavery which was prevalent in ancient Greece and Rome. Slavery here was never a major factor in the system of production and some Marxist specialists have gone to the extent of postulating that the stage of slavery was bypassed here[109]. However, it cannot be gainsaid that, as compared with the state of affairs in later times, the *Dharmasutras* and the *Manu Smrti* envisage greater and more intense subjection of the sudras, though the latter also foreshadows at the same time some change of attitude in this respect[110]. The change becomes somewhat manifest in the *Yajnavaklya Smrti* (II. 182), which introduces a revolutionary principle that nobody can be reduced to slavery without his consent. The myth of Kubera-Vaisravana also undergoes a modification insofar as the deity in Kushan art is invariably represented as seated on a throne or some raised platform and the *naravahana* aspect of the earlier age, which we find in the Bharhut art, tends to disappear. This may be said to be partly due to variation in art tradition, but the point at issue is that in the Indian art tradition as a whole this attribute of the deity began to be dropped. This concept lingered on in some texts of the later period like the *Brhatsamhita*[111] and the *Matsya Purana*[112]. But the latter conceives of *mesa* (ram) as the *vahana* of Kubera alternatively with *narayukta-vimana*. The *Rupamandana*[113], a medieval text on iconography, has conceived of elephant as the *vahana* of the deity. In the *Visnudharmottara*[114], we find an attempt at ascribing quite a different meaning to the term *naravahana* by interpreting "nara" as *rajya* (state); Kubera is in this way conceived as the presiding deity of *rajya* (state).

The change in the art tradition during the Kushan period and also onwards may be taken to reflect the loosening of the bonds of the earlier type of stricter subjection, not identical with, but only corresponding to, slavery to some extent, under the stress of the changing socio-economic conditions and the foreign invasoins[114a]. We have already seen how we get the evidence of the milder type of servitude, i.e. peasant subjection during this period, which constitutes the essential element of feudalism. It is during the Kushan period that we notice the phenomenal spread of the new ideology of Mahayana Buddhism laying the highest stress on compassion, universal friendliness, liberality and humanitarianism, which also points to significant changes in the social being and social consciousness.

The mechanism of the Saka-Kushan government is largely unknown. However, the decentralised, feudatory[115] character of the Kushan political structure is in accordance with the consensus of opinion among scholars, which may be inferred from the usual titles [116] of kings—*maharaja* (the great king) and *rajatiraja* (the supreme king of kings). The titles *mahadandanayaka* and *dandanayaka* have also been taken to denote feudatory chiefs [117], for which, however, there is no positive evidence. There are some who even now see the growth of a strong centralised state in the Kushan concept of kingship [118]. In spite of the adoption of the title *kaiser* [119] by Kaniska, the Kushans do not appear to have been influenced by the Roman system of provincial government. The titles of *mahakshatrapa* and *kshatrapa* were given to governors. But the epithet *maharaja* [119a] applied to a *kshatrapa* indicates that he was part not so much of a centralised bureaucratic machinery as of a feudatory structure. The Mathura Brahmi Inscription of the year 28 reveals that one Kanasarukamanaputra Kharasaterapati Vakanapati owed allegiance to Devaputra Sahi Huvishka (Sten Konow, *EI*, XXI, pp. 58 ff.). The former thus appears to have been the vassal of the latter. In fact, the governmental structure of the Kushans can be said to be neither purely bureaucratic nor altogether feudal, but something like a mixture of both elements. The evidence of inscriptions and coins on this point is too scanty to lead us to any definite conclusion. However, we learn a little more about the nature of the political structure of the age from some attributes given to Kubera, who, as we have already seen, was one of the most popular deities at that time. Kubera, who appears to have been called only *Maharaja* (the great king) in the *Astadhyayi* [120] of Panini (middle of the 5th century B.C.), came to be known during this period as *rajaraja* [121] (the king of kings), a title given to the deity in the *Buddhacarita* [122] of Asvaghosa, who is generally associated with Kanishka, in the *Ramayana* and the *Mahabharata,* and also in the *Meghaduta* [123] of Kalidasa. He is generally viewed as the overlord of the Yaksas. In the *Saddharma-Pundarika,* a text of Mahayana Buddhism, Kubera-Vaisravana [124], the ruler of a cardinal point, is conceived as having thirty-three thousand gods in his train. A verse in the *Raghuvamsa* of Kalidasa [125] reveals how only Kubera among all the deities was conceived as especially associated with the Samanta system or the institution of vassalage. It may be noted that the word Samanta, which occurs in the *Arthasastra* of Kautilya [126] in the sense of a neighbouring ruler, may be found to have been used for the first time in the sense of vassal in the *Buddhacarita* of Asvaghosa, and later on the term in this sense became so common as to emerge as the key word of Indian feudalism. A verse in this work sets the kings accompanied by their Samantas alongside the bhudevas (brahmans) accompanied by their bandhavas (kinsmen) [127]. Here we may see the rudiments of a sort of kinship loyalty, characterising the relationship of the vassals of their overlord, a feature which is found in the developed [127a] Indian feudal set-up as well.

The deification of the Kushan kings is a well-known fact. They are called "Son of God" (*devaputra* in the Mathura inscriptions, *begopouro* at Surkh Kotal), and "God King" (*begoshao* at Surkh Kotal) [128]. Even before the rise of the Kushans the idea of royal divinity was wide spread in China, Iran and Western Asia, and among the Romans. The practice of setting up *devakula* [129], in which royal statues were kept, signified the cult [130] of the dead king, and it was mainly introduced by the Kushans in India, though it may have been prevalent in some regions here even before [131]. The idea of the divinity of the king acquired for the first time a finished form in the Indian tradition in the *Manu Smrti* (c. 200 B.C.-200 A.D.), which was largely due to the foreign impact. However, it is obvious that the apotheosis of the Kushan kings had no serious religious purpose behind it. It was mainly an instrument of legitimation and a device to prop up imperial unity and ensure the allegiance of the subjects and feudatories. The deification of royalty was matched by an attempt at the excessive royalisation of the popular divinity Kubera-Vaisravana, who has been represented in literature and also in some images as the epitome of royalty, signifying the sublimation of paramountcy and royal majesty. In this context, the concept of Kubera as the presiding deity of *rajya* (state) in a later text which we have noticed before, may also appear to be significant.

---

[1] *Vayu* (chapt. 58), *Brahmanda* (II. 31), *Matsya* (chapt. 114), *Visnu* (VII. 1), etc.; Hazra, *Puranic Records on Hindu Rites and Customs* (Dacca, 1940), pt II, chapt. I.

[2] Hazra, *op. cit.*, pp. 174 ff., chapt. I and II.

[3] Hazra, *loc. cit.;* see also S.N. Roy, *Pauranika Dharma Evam Samaja* (Pancanada Publications, Allahabad, 1968).

[4] V.S. Agrawala, Int. to *Angavijja* (Prakrit Text Series, Varanasi, vol. I, 1957), p. 94. The work was, however, retouched during the Gupta period (V.S. Agrawala, *loc. cit.*). See also Louis Renou, *Journal Asiatique*, vol. CCXLVI (1958), p. 100.

[5] *Angavijja*, p. 102.

[6] *Ibid.*, pp. 102 ff.

[7] P.V. Kane, *History of Dharmasastra*, vol. II, pt I, Chronological Table, p. XI.

[8] *Sutta Nipata*, p. 122; Fick, *The Social Organisation of North East India in Buddha's Time* (Calcutta, 1920), pp. 221 ff.; B.C. Law, *India As Depicted in Early Texts of Buddhism and Jainism*, pp. 150 ff.

[9] *Infra.*

[10] *Manusmrti*, X. 43-44.

[11] *Lüders' List*, No. 994; *EI*, XX, p. 4.

[12] Fleet, *Corpus Inscriptionum Indicarum*, vol. III, Inscr. No. 1.

[13] Cf. N.R. Ray, in: *Age of Imperial Unity*, p. 533.

[14] *Ibid.*

[15] *Archaeological Survey of India, Annual Report, 1911-1912*, p. 75, pl. XXIII.

[16] G.R. Sharma, *Memoirs of the Archaeological Survey of India*, No. 74, chapt. VI.

[17] N.R. Ray, *loc. cit.*

[18] D. Sharma (ed.), *Rajasthan Through the Ages*, vol. I (Rajasthan State Archives, Bikaner, 1966), pp. 56 ff.

[19] See the paper "The Saka-Kushans in the Central Ganga Valley" in this volume. The Iranian Maga priests also began to emerge as a factor in the social and religious life of India (V.C. Srivastava, *Sun Worship in Ancient India*, Thesis approved by the University of Allahabad for the D.Phil. degree, 1968, chapt. X).

[20] Devapara Prasasti, *EI*, vol. I, p. 30; *EI*, vol. XII, pp. 10 ff.; cf. B.P. Majumdar, *Socio-Economic History of Northern India*, p. 83.

[21] D.C. Sircar, *Indian Epigraphic Glossary*, p. 61.

[22] R.C. Majumdar, *Champa (Inscriptions)*, pp. 10, 45.

[23] D.C. Sircar, *loc. cit.*

[24] *EI*, vol. I, pp. 118 ff.; N.K. Dutta, *Origin and Growth of Caste in India*, vol. II (Calcutta, 1965), p. 77.

[25] D.C. Sircar, *op. cit.*

[26] *Angavijja*, p. 149, ll. 9 ff.

[27] Ghurye, *Caste and Class in India*, p. 46.

[28] *Ibid.*, p. 55.

[29] *Ibid.*

[30] P.V. Kane, *History of Dharmasastra*, vol. II, pt I, p. 383.

[31] As against this the Yavanas and Sakas also were regarded as sudras in the *Mahabhasya* (2nd century B.C.). But in the *Arthasastra* the sudras were distinguished from the mlecchas (R.P. Kangle, *Kautiliya Arthasastra*, pt III, p. 144). A separate translation of the *Asvalayana Sutra* has "in the country of the Yüeh-chih" instead of "Yona-Kumbojesu" in the Pali (*Majjhima, loc. cit.*); John Brough, *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, University of London, vol. XXVIII, 1965, p. 586. This piece of evidence may indicate that the Yüeh-chih also had a slave-owning system which was viewed as different from the fourfold division of Indian society.

[32] Cf. R.S. Sharma, *Sudras in Ancient India* (Varanasi, 1958), p. 215.

[33] *Tattha maṇusse ... ajjo pesso ti pubbamādhārayitavvam bhavati...* (*Angavijja*, p 218, l. 23).

[34] *Ajjagate ... baṁbhaṇo Khattio Vesso Suddo tti....* (*ibid.*, p. 218, ll. 25 ff.). For the various connotations of the term *pessa*, see also *Paia-Sadda Mahannavo* (Prakrit Text Society, Varanasi, 1963), p. 615.

[35] *Tatascartha evabhijanahetuh....* (*Visnu*, IV. 24. 21 ff.). Also *Yuga Purana*, 95-112.

[36] *Arthasastra*, III. 13.

[37] *Ayyo hutva daso hoti, daso hutva Ayyo hoti, Majjhima Nikaya*, II, p. 149; B.C. Law, *op. cit.*, pp. 141 ff.

[38] Cf. D.D. Kosambi, *The Culture and Civilisation of Ancient India* (Routledge and Kegan Paul, London, 1965), p. 24.

[39] R.S. Sharma, *op. cit.*, pp. 139, 174, 214.

[40] E.W. Hopkins, *The Mutual Relations of the Four Castes according to the Manavadharamasastram* (Leipzig, 1881), p. 78.

[41] *Milindapanha*, IV. 3. 26; Rhys Davids (tr.), *The Questions of King Milinda*, p. 247.

[42] R.S. Sharma, *ibid.*, p. 140; A.L. Basham, *Studies in Indian History and Culture*, pp. 162 ff.

[43] *Milindapanha*, IV. 3. 26.

[44] Cf. A.L. Basham, *loc. cit.*

[45] R.S. Sharma, *Indian Feudalism* (University of Calcutta, 1965). See also B.N.S. Yadava, in: *Land System and Feudalism in Ancient India*, ed. D.C. Sircar (Calcutta, 1966), pp. 63 ff.

[46] "Dating the Arthasastra", in: *Papers presented by the Soviet Delegation, XXIII International Congress of Orientalists, Indian Studies* (Moscow, 1954), pp. 52, 45; see Kangle, *Kautiliya Arthasastra*, pt III, p. 186, note.

[47] "Arthasastra—pamyatnik bolshoi istoricheskoi tsennosti", article appended to the Russian translation of the *Arthasastra* (pp. 540-544); see Kangle, *Kautiliya Arthasastra*, pt III, p. 188, note.

[48] Cf. D.D. Kosambi, *Annals of the Bhandarkar Oriental Research Institute*, 31 (1950), p. 263.

[49] Marc Bloch, *Feudal Society*, p. 446. For discussion of the various definitions of feudalism see J.W. Hill, *Comparative Studies in Society and History*, Oct. 1962, pp. 31 ff.

[50] *The Questions of King Milinda*, tr. Rhys Davids, pp. 208 ff.

[51] *Milindapanha*, p. 147.

[52] D. C. Sircar, *Indian Epigraphic Glossary*, p. 330.

[53] *Ibid.*

[54] Cf. John M. Rosenfield, *The Dynastic Arts of the Kushans* (University of California Press, Berkeley and Los Angeles, 1967), pp. 51, 131.

[55] *Ibid.*, p. 131.

[56] *EI*, XXIV, Inscr. No. 27.

[57] D.C. Sircar, *loc. cit.*

[58] E.g. *EI*, XXXV, pp. 35 ff.

[59] *EI*, XXIV, p. 10.

[60] *Supra.*

[61] *Kalakacarya-Kathanaka*, ed. by Jacobi, *ZDMG*, 1880, pp. 247 ff.; summary by Sten Konow, *CII*, vol. II, pt 1, pp. XXXVI-XXXVIII.

[62] B.N. Puri, *India under the Kushanas*, p. 84.

[63] It may be noted that the Jatakas which look back to an earlier period do not testify to the hereditary office of the village headman. See A.N. Bose, *Social and Rural Economy of Northern India (600 B.C.-200 A.D.)*, p. 63; Dr. Altekar had already surmised the hereditary character of this office during the period under our consideration; see *A History of Village Communities in Western India*, p. XVI.

[63a] *Varsasu svavisayat bij-artham-agataka-karsakah svamina na grahyah* (*EI*, XXX, p. 173).

This portion of the charter (A.D. 592) of a king of Gujrat-Kathiawar region calling upon the *svamins*, or landlords, not to seize, obviously for their own work, the peasants coming out of their areas for purchasing or sowing seeds during the rainy season, may show the extent of authority assumed and exercised by them over peasantry.

[63b] L. Gopal, *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, VI, iii, 1963, p. 306.

[64] Marshall, *Taxila*, vol. II, pp. 559 ff.; vol. III, pl. 169.

[65] *Ibid.*

[66] *Ibid.*, pp. 560 ff.; vol. III, pl. 169.

[67] G.R. Sharma, *Excavations at Kausambi, 1957-1959* (Allahabad, 1960), pp. 22, 56; pls. 43, 39.

[68] G.R. Sharma, *Memoirs of the Archaeological Survey of India*, No. 74, p. 103, pl. LXV, No. 4.

[69] The antiquities are lodged in the Kausambi Museum of Allahabad University.

[70] B.K. Thapar, in: *Ancient India*, Nos. 10-11; fig. 32, No. 33.

[71] Marshall, *ibid.*, vol. II. p. 552; vol. III, pl. 166.

[72] Marshall, *ibid.*, vol. II, p. 534.

[73] Cf. Marshall, *loc. cit.*

[74] In the *Rasaratnasamuccaya* (Sls. 134-137), a later work (13th century A.D.), the terms *manda* and *tiksna* are used for cast iron and steel respectively, and *kalalauha* is mentioned as a variety of the latter. For iron and steel in a later period, see P.C. Ray, *A History of Hindu Chemistry*, vol. I, p. 156; B.P. Majumdar, *Indian Culture*, vol. XVI, No. 1.

[75] *Angavijja*, pp. 66, 164, 165, 178, 220.

[76] *EI*, vol. X; *Lüders' List*, No. 29.

[77] *Ibid.*, No. 1055.

[78] *Manu Smrti*, IV. 253. The term *vrdhasitika* occurs in the *Arthasastra* (II. 23) of Kautilya. It has rightly been pointed out that in the *Manu Smrti* the sharecropper receives the land not from the state as in the *Arthasastra*, but from the individual. Manu (IV. 253) and *Yajnavalkya* (I. 166) lay down rules of social intercourse between the members of the higher castes and the sudra *ardhikas*, which testifies to the growth of this class.

[79] See R.S. Sharma, *Sudras in Ancient India*, chapt. VI.

[80] *Ibid.*, chapt. VII.

[81] R.S. Sharma, *Light on Early Indian Society and Economy* (Manaktalas, Bombay), 1966, p. 78.

[82] Rosenfield, *The Dynastic Arts of the Kushans*, p. 245, fig. 62.

[83] Rosenfield, *loc. cit.*

[84] *Ibid.*, fig. 47.

[85] Levi, "Le Catalogue des yaksa dans la Mahamayuri", in: *Journal Asiatique*, 1915, pp. 19-138, verses 78, 85-96; V.S. Agrawala, *Bharatiya Lokadharma* (Varanasi, 1964), p. 127; Rosenfield, *op. cit.*, p. 246.

[86] Beal, *Life of Hsuan Tsang*, pp. 45, 59; Rosenfield, *op. cit.*, p. 249.

[86a] See also A.K. Coomaraswamy, *Yaksas*, pts I and II.

[87] V.S. Agrawala, *op. cit.*, p. 128; *Journal of the U.P. Historical Society*, vol. XV, pt II, pp. 27, 29.

[88] V.S. Agrawala, *loc. cit.*; *Journal of the U.P. Historical Society*, *loc. cit.*

[89] V.S. Agrawala, *ibid.*, p. 129.

[90] *Ibid.*

[91] G.R. Sharma, *MASI*, No. 74, p. 76, pl. XLIX A.

[92] Rosenfield, *op. cit.*, pp. 246 ff.

[93] V.S. Agrawala, *op. cit.*, p. 120.

[94] *Ibid.*, p. 122.

[95] Cf. Veronica Ions, *Indian Mythology* (London, 1967), p. 84.

[96] *Satapatha Brahmana*, tr. Eggeling, vol. V, p. 367.

[97] *Arthasastra*, II, 4. 17.

[98] Com. on *Varttika* No. 2—on Panini's Sutra VI, 3.26.

[99] Zimmer, *Myths and Symbols in Indian Art and Civilization*, p. 70.

[100] Hopkins, *Epic Mythology* (Strassburg, 1915), pp. 142, 145.

[101] Zimmer, *The Art of Indian Asia*, vol. I, p. 44. Hopkins (*Epic Mythology*, p. 142) thinks that *nara* may stand for spirits (*naras; cf. kinnaras*) or for men.

[102] CII, vol. II, pt II, p. 73, pl. XXIX.

[103] *The Art of Indian Asia*, vol. I, p. 44; pl. 33 left (vol. II). See also *A Comprehensive History of India*, ed. K.A.N. Sastri, *Orient Longmans*, pl. XVI.

[104] Zimmer, *op. cit.*, pp. 42 ff.

[105] "...Like a frog pursued by a serpent, or a deer by a panther, like a snake in the hands of a snake-charmer ... like the moon when it is seized by Rahu, like a snake caught in a basket, or a bird in a cage, or a fish in a net....", etc. (*The Questions of King Milinda*, p. 38).

[106] For the various forms and shades of slavery, see the section on slavery in the *Encyclopaedia of Religion and Ethics*; also: *An Outline of Social Development*, pt I, *Pre-Capitalist Society* (Progress Publishers, Moscow).

[107] E.G. Hopkins, *Epic Mythology*, pp. 142, 143.

[108] Veronica Ions, *Indian Mythology*, p. 84.

[109] D.D. Kosambi, *op. cit.*, p. 24; Maurice Godelier on the Asiatic Mode of Production in Marx and Engels, *Enquiry*, New Series, vol. II, No. 3, 1965, pp. 76 ff.

[110] See above.

[111] B.C. Bhattacharya, *Indian Images*, pt I, p. 29, note.

[112] *Ibid.*

[113] Gopinath Rao, *Elements of Hindu Iconography*, vol. II, pt II, p. 537.

[114] *Visnudharmottara Purana*, III. 53. II.

[114a] For the general effect of foreign invasions on slavery, see the section on slavery in the *Encyclopaedia of Religion and Ethics*.

[115] R.S. Sharma, *Aspects of Political Ideas and Institutions in Ancient India*, 1959, chapt. XII.

[116] These titles were, however, derived from pre-Kushan traditions. Sten Konow, *CII,* vol. II, pt I, p. XXVIII. For *maharaja rajatiraja* as the Parthian title which was imitated by Maues, see also Lohuizen de Leeuw, *The Scythian Period,* p. 340.

[117] Cf. B.N. Puri, *India under the Kushans* (Bombay, 1965), p. 84; after a thorough analysis, U.N. Ghoshal has opined that the term *mahadandanayaka* means commander-in-chief (*Indian Historiography and Other Essays,* p. 179).

[118] Rosenfield, *op. cit.,* p. 205.

[119] D.C. Sircar, *Selected Inscriptions,* p. 149.

[119a] *Supra.*

[120] V.S. Agrawala, *Pracina Bharatiya Lokadharma,* pp. 122 ff.

[121] *Rajaraja* was also the title of the Parthian Sapedanes (Marshall, *Taxila,* vol. II, p. 776).

[122] *Buddhacarita,* XXVII. 14.

[123] *Meghaduta,* I. 3.

[124] *Saddharma-Pundarika* (*SBE*), p. 4.

[125] *Raghuvamsa,* V. 28.

[126] E.g. Kangle, *Kautilya Arthasastra,* pt III.

[127] "Rajanah saha samantaih bhudevah saha bandhavaih. Prajjasca ketubhi ramyanchubhranstupanapupujan" (*Buddhacarita,* XXVIII. 58).

[127a] Cf. D. Sharma (ed.), *Rajasthan Through the Ages,* p. 339; for the tendency of imposing a quasi-domestic loyalty on the vassals by the overlords in Medieval Europe, see Marc Bloch, *Feudal Society,* pp. 232, 233, 236.

[128] Cf. Rosenfield, *The Dynastic Arts of the Kushans,* p. 202.

[129] For the Mathura inscription of Huvishka alluding to the repair of the *devakula* of his grandfather, see *Journal of the Royal Asiatic Society,* 1924, p. 402.

[130] Cf. R.S. Sharma, *Aspects of Political Ideas and Institutions in Ancient India,* pp. 178 ff.

[131] *Mahaparinibbana Sutta, SBE,* vol. XI, pp. 93 ff.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

В дискуссии на вечернем заседании 1.X.1968 приняли участие: Б. Тхапар (Дели, Индия), Б. Я. Ставиский (СССР, Москва), Б. Мукерджи (Калькутта, Индия), Г. М. Бонгард-Левин (СССР, Москва), Д. Сиркар (Калькутта, Индия).

Б. Тхапар в связи с положениями доклада Б. Я. Ставиского об определении кушанских элементов в Кара-тепе и о римском влиянии на керамику кушанской Бактрии отметил, что оба эти момента представляют существенный интерес, и просил докладчика более подробно остановиться на этих вопросах.

Б. Я. Ставиский, отвечая Б. Тхапару, пояснил, что в Кара-тепе найдены кушанские монеты и керамика, характерная для Бактрии кушанского времени, которую в советской литературе принято называть кушанской, что же касается римского влияния на керамику Кара-тепе, то имелись в виду красноангобированные тарелочки, аналогичные римской посуде II—III вв., и отдельные виды кувшинов (на что уже указывалось в сборнике «Кара-тепе I»).

Г. М. Бонгард-Левин отметил, что вопрос о социально-экономических отношениях в Кушанском государстве весьма сложен и должен решаться не суммарно, а по крупным областям на материале различных территориальных единиц. Касаясь проблем кушанской культуры, он указал, что необходимо учитывать сосуществование различных традиций, связанных с разными этнокультурными зонами.

Б. Мукерджи в связи с докладом Р. Шармы напомнил о свидетельствах китайских источников относительно торговли лошадьми, которую вели купцы из страны юечжей.

Д. Сиркар, подчеркнув достижения кушанской цивилизации, заметил, что не следует забывать о многих элементах, заимствованных кушанами у скифов, парфян, греков, индийцев и т. д. Характерные черты культуры, усвоенные кушанами, прослеживаются на различных территориях, в том числе во многих областях Индии, как в кушанский период, так и позже. Некоторые административные термины, введение которых приписывают кушанам, на самом деле были заимствованы кушанами у их предшественников. Многие другие элементы кушанской цивилизации были также восприняты ею от народов Индии.

SUMMARISED RECORD OF DISCUSSION

October 1, 1968, afternoon session. The speakers were: B. Thapar (Delhi, India), B.Y. Stavisky (Moscow, U.S.S.R.), B. Mukherjee (Calcutta, India), G.M. Bongard-Levin (Moscow, U.S.S.R.) and D. Sircar (Calcutta, India).

B. Thapar took the floor to ask B.Y. Stavisky to enlarge on two important points raised in his paper: the determination of Kushan elements in the Kara Tepe finds and Roman influences on the pottery of Kushan Bactria.

B.Y. Stavisky explained that the excavations at Kara Tepe had yielded Kushan coins and pottery characteristic of Bactria in the Kushan period, which we were accustomed to designate as Kushan. As for the Roman influences discerned in the Kara Tepe pottery, the reference was to red slip-covered plates which resembled 2nd and 3rd century Roman dishes, and to several types of jugs. (These objects were mentioned in the volume *Kara Tepe I*).

G.M. Bongard-Levin said that the social and economic relations of the Kushan state were so complicated, they could not be understood in the aggregate, but had to be examined separately, proceeding from the ✓ material pertaining to every large region. In dealing with Kushan cultural problems, it was important to keep in mind the coexistence of diversified traditions associated with diverse ethno-cultural zones.

Speaking of R. Sharma's paper, B. Mukherjee recalled a statement in the Chinese sources to the effect that merchants from the land of the Yüeh-chih had engaged in horse trading.

D. Sircar acknowledged the achievements of the Kushans and their civilisation, but reminded his hearers that many elements of that civilisation had been borrowed from Scythia, Parthia, Greece, India, etc. Features considered characteristic of Kushan culture had parallels elsewhere, especially in many parts of India, both in the Kushan period and later. Some of the administrative terms the Kushans were supposed to have introduced were actually borrowed by them from their predecessors. Other elements of the Kushan cvilisation were also taken over by them from the peoples of India.

Утреннее заседание 2.X.1968

ИСТОРИЯ КУШАНСКОГО ГОСУДАРСТВА. ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Morning session, 2.X.1968.

HISTORY OF THE KUSHAN STATE. CULTURAL RELATIONS

Р. ГИРШМАН (ПАРИЖ, ФРАНЦИЯ)

КУШАНЫ И ИРАН

Около четверти столетия тому назад я заканчивал редактирование результатов моих розысков на руинах Беграма-Каписы — летней столицы Кушанской империи у подножия Гиндукуша, к северу от Кабула. В этом труде мною было представлено все то, что я считал новым, допуская, что раскопки позволили заняться заново хронологией кушан, Канишки в частности, и в то же время дать некоторую картину их урбанизма, архитектуры и материальной жизни.

Пятнадцать лет спустя я закончил по просьбе ЮНЕСКО статью «Проблемы хронологии кушан», опубликованную в 3-м томе «Cahiers d'Histoire Mondiale» (1957, стр. 689—722). Я остался верен датам, предложенным в моем «Беграме», несмотря на критику, которую вызвала моя гипотеза.

Прошло четверть века. Многие ученые согласились со мною; многие остались при датах, предложенных раньше меня; другие предложили новые даты. Мнение Вольтера, которое отражено в моей статье 1957 г. (великий французский писатель не без иронии говорил о «шестидесяти или семидесяти различных исчислениях истории Индии»), остается актуальным.

Эта хронологическая проблема стала доминирующей в громадном большинстве работ, посвященных кушанам. Как будто бы два или три десятилетия, которые отделяют три даты, предложенные для эры Канишки (115—128—144), могут в действительности играть исключительную роль в изучении блестящей культуры кушан, сгоревшей, как феникс, после трехсот лет своего существования! Перед нами встают другие вопросы, другие стороны кушанской проблемы — не менее, а для меня, может быть, более значительные. Одну из них я хочу разобрать, чтобы выделить некоторые ее черты. Я назвал ее «Кушаны и Иран».

Если, по мнению Страбона, мир в его эпоху был разделен между двумя державами, Римом и Парфией, то сегодня можно с уверенностью утверждать, что к этим двум государствам следует прибавить третье, которое Страбон не мог знать по той простой причине, что Кушанская империя не существовала к моменту смерти этого римского географа и историка (25 г. н. э.), хотя основы ее были уже заложены.

Оставляя в стороне Дальний Восток, культурный мир первых веков нашей эры находился в руках трех исторических империй: Римской на западе, Кушанской на востоке и Иранской, занимавшей земли между этими двумя империями. Сведения об этих трех державах очень неравномерны.

Материальная культура и искусство. Хотя и здесь будущее принадлежит научным изысканиям на территории Кушанского царства, с искусством кушан мы уже довольно хорошо знакомы, особенно с памятниками, которые они оставили в провинции Гандхара. Помимо памятников, найденных в Матхуре, искусство кушан дополняется находками в Афганистане и результатами обширных работ советских археологов.

Некоторые специалисты по истории искусства, склонившись над памятниками Рима и кушан, пришли к заключению, что смежная держава, т. е. Парфия, наложила какой-то отпечаток на искусство своих двух соседей.

Найти следы парфянских влияний на кушанское искусство не представляет особой сложности. В эпоху, когда Куджула Кадфиз закладывал основы будущей Кушанской империи, что, по моему мнению, должно было происходить в середине I в. н. э., государство парфян насчитывало уже около трехсот лет и незадолго до этого прошло через самый блестящий период своей истории. Я не буду перед этой аудиторией говорить о том, что́ должна была представлять парфянская цивилизация в этот момент, будучи наследницей двух богатейших культур древнего мира, иранской и греческой, хотя безусловно парфяне в момент их прихода в Иран в III в. до н. э. должны были слабо отличаться от кушан — своих ближайших родственников, которые, как и они сами, вчера еще были кочевниками.

Что могло служить основой теории о влиянии парфянского искусства на римское искусство императорского периода и особенно на кушанское? Где находились иранские центры с памятниками, которые могли бы дать основу этому предположению и выявить среду, в которой на западе и на востоке могли бы произойти встречи двух культур с персидской? До последнего времени мы не знали на западе других мест, сохранивших памятники, носившие следы иранских традиций, помимо Пальмиры, бывшей в сфере римского влияния, Дура-Европос — сферы римско-парфянской и Хатры — чисто парфянской. Но, к сожалению, почти ничего из богатейшей скульптуры Парфии не происходило из самого Ирана, и это отсутствие памятников было до такой степени поразительным на фоне долголетних археологических изысканий в Иране, что один из лучших знатоков иранского и кушанского искусств, наш коллега Д. Шлюмберже, высказал гипотезу, что Иран парфянской эпохи не знал или не практиковал «большое искусство» (le grand art), т. е. каменную скульптуру.

Сожалею, но должен его разубедить: раскопки, начатые пять лет тому назад на священных террасах Бадр-Нешанде и Маджид-и-Сулеймана в Бахтиарских горах Юго-Западного Ирана показали, что парфянская скульптура в камне не только существовала в Иране, но была чрезвычайно многочисленной и разнообразной. К нашему удивлению, она происходила из ныне очень отдаленных, небольших центров, и если она сохранилась и дошла до нас, то главным образом именно благодаря отдаленности тех мест, где мы вели работу и где найденные монеты указали, что священные террасы были окончательно заброшены в начале сасанидской эпохи. Вы знаете, что рука человека разрушает памятники прошлого больше, чем время с его помощниками — землетрясениями, ветром и водой. Парфянская скульптура, найденная в этих двух местах, напомнила мне результаты раскопок в Матхуре, где тоже находили головы без туловищ и туловища без голов. Наука уже неоднократно обвиняла Сасанидов в том, что они делали все возможное, чтобы уничтожить все, что напоминало о парфянах,— будь то исторический источник или какой-нибудь памятник. По-видимому, разрушение тех памятников, которые были найдены мною, и тех, что нашел О. Стейн недалеко от нас, в Шами, было результатом сасанидского шовинизма.

Вернемся к кушанам и постараемся выявить, что́ в действительности было ими воспринято в Иране и каковы были условия, благоприятствовавшие этому культурному воздействию Парфии на своих восточных соседей.

Территориальные захваты кушан, выражаясь современным языком — их империализм, осуществлялись с неизменным успехом в течение двух веков нашей эры в направлении всех четырех сторон света.

Но почти с самого начала «внешний Иран» (l'Iran extérieur, по формуле моего покойного друга Р. Груссе) с Бактрией, Согдом, Хорезмом и восточными уделами до Таксилы вошел в состав Кушанской империи. Можно смело сказать, что кушаны стали прямыми наследниками индо-парфян Гондофара.

Политические успехи кушан объясняются в первую очередь чрезвычайно благоприятными условиями местной конъюнктуры: слабостью индо-греков, слабостью индо-парфян, маленьких князей, не стоивших своего предка Гондофара, наконец, слабостью Индии, этого «лоскутного субконтинента».

Что принесли с собой кушаны — эта проблема принадлежит почти полностью будущим изыскателям.

Религиозный вопрос. Мы ничего не знаем о религии кушан до того времени, когда они образовали свое царство. Но мы знаем, что они стали и продолжали быть буддистами, поскольку они властвовали над Индией; это не помешало им сделаться адептами зороастрийской религии, поскольку они проявляли интерес к своим владениям с иранским населением. Некоторые ученые 50 лет тому назад сравнивали Канишку с Хлодвигом или, скажем, со Св. Владимиром буддийской религии. Сегодня другие ученые спрашивают себя, в какой степени это обращение в буддийскую религию было актом внутренней политики молодой империи. Не так ли парфянские цари после победы над Селевкидами и занятием всего Ирана со значительным процентом греческого населения объявили себя эллинофилами?

Что касается зороастризма кушан, то напомним, что из 33 божеств, которые изображены на монетах кушанских царей, главную массу составляют иранские боги (при наличии римских, александрийских, эллинистических, иранских и индийских божеств).

В своих индийских владениях кушаны строили ступы и буддийские монастыри; в пределах Ирана воздвигались высокие искусственные террасы, увенчанные храмами огня. Однако гигантская резиденция, воздвигнутая Канишкой в Сурх-Котале, никоим образом не является новой кушанской идеей. Она пришла к кушанам из Ирана, где нам известны высокие, искусственно возведенные террасы, на которых возвышались храмы или святилища огня и которые действовали при парфянах, сохраняя традиции, известные благодаря Геродоту еще при Ахеменидах.

Мы упомянули о монетах кушанских царей; укажем, кстати, что сюжет, повторяющийся без изменения на всех чеканках многих поколений изображает царя, совершающего жертвоприношение перед низким алтарем огня. Этот сюжет нам известен как один из самых широко распространенных в иконографии парфян, откуда, думается, он заимствован кушанами. Мы видим его и на царском барельефе около низких ступеней грандиозной лестницы террасы Бадр-Нешанде, и на фигурках, найденных в Сузах, и на наскальном монументе Бисутуна, и на вазе из Ашура, и на фресках Дура-Европос.

Оставаясь в пределах религиозной иконографии кушан, подчеркнем, что их монеты впервые представляют Ахура Мазду (Ахура Вахуо), или Мазду Триумфатора, в антропоморфном виде. Были ли кушаны создателями этого человеческого облика главного иранского бога? В таком обличье мы видим его только на барельефах Сасанидов.

Как интерпретировать это стремление к равновесию между Индией и Ираном — нечто вроде дуализма, что иллюстрируется даже двумя столицами (Пешаваром в Индии и Каписой на Иранском полоскогорье)? Верна ли гипотеза, которая допускает, что докушанская Индия не простила этим завоевателям, что они сделались сторонниками буддийской «ереси»? Канишка, который старался представить себя в образе Ашоки,—не казался ли он подозрительным некоторым своим индийским подданным? Как бы то ни было, кушанам нельзя отказать в том, что они сыграли чрезвычайно активную роль в распространении буддийской религии далеко на восток, вплоть до Китайской империи, включая Бактрию. Я хотел бы подчеркнуть этот дуализм, обратив ваше внимание на монументальные статуи царей, найденные в Мате, которые ясно выявляют два главных течения в кушанском искусстве: с одной стороны, оно сохраняет тенденцию индийской скульптуры к колоссальным изваяниям (якши и бодисатвы), а с другой — обнаруживает следы культурного влияния Ирана, ясно сказывающегося в положении сидящего на троне царя, в его строго фронтальной позе, не говоря уже о самом троне, покоящемся на двух львах, парфянское происхождение которого не подлежит сомнению.

Кушанский портрет обычно навеян иранским искусством. Об этом прежде всего говорит принцип фронтальности, который с таким постоянством проходит в течение пяти столетий через парфянское искусство. Не будем возвращаться к упомянутой позе царя перед алтарем на монетах кушан, допуская, что это была имитация парфянского чекана: вспомним об изображении бородавки на лицах парфянских владетелей, начиная с Готарза I (91—81/80 гг. до н. э.), которая воспроизводилась и на лицах кушанских царей. Думается, что вопреки индийским традициям изображение вооруженных царей и вельмож ведет нас к Ирану; с Ираном же связаны костюмы, остроконечные головные уборы и богатые драгоценности кушан. Следует выявить и другую черту кушанской иконографии: нам практически не известно в их искусстве изображение кушан всадниками или участниками батальных сцен. Я думаю, что общую характеристику кушанского династического искусства как статического и иератического, образовавшегося под влиянием парфянского (высказанную в одном из последних трудов, посвященных кушанскому искусству), следует принять как безусловно вероятную, равно как и заимствованное у парфян обожествление кушанских царей, ставленников богов.

Права была Г. А. Пугаченкова, когда она указала в заключительной главе «Халчаяна» на огромную роль парфянского искусства в Халчаяне; говоря о кушанском искусстве вообще, она отметила его зависимость от парфянского, которая явственно предстает в архитектурных формах и деталях в группе скульптурных образов из оформления дворца. Г. А. Пугаченкова также безусловно права, когда она допускает, что Бактрия и Парфия оказали влияние на формирование так называемой гандхарской скульптурной школы Индии.

Не желая вступать в дискуссию, должен, однако, сознаться, что мне трудно согласиться с мнением моей уважаемой коллеги о том, что хронологически это «излучение» парфянских культуры и искусства прекращается с момента создания великого Кушанского царства, так как политическое соперничество должно было оборвать это воздействие, что начиная с I в. н. э. «эта связь уже не существует».

Как согласовать этот тезис с тем, что мы знаем? Ведь кушаны наследовали династии Гондофара только во второй половине I в. н. э., и эта хронология сама по себе должна склонить нас к мысли, что парфянское наследие не было отвергнуто династией, вчера еще бывшей во главе кочевников. Приведем еще и другое свидетельство: Канишка построил монументальное святилище огня в Сурх-Котале, создав и храм по иранскому плану и священную террасу по парфянскому образцу. Этот монумент был воздвигнут во II в. н. э.; найденная там надпись содержит имя созидателя, подтверждая божественную сущность царской власти, унаследованную от Парфии.

Уже эти два свидетельства заставляют отнестись с осторожностью к гипотезе Г. А. Пугаченковой.

Каковы были политические отношения между двумя державами Востока этой эпохи — Парфией и Кушанским царством? Способны ли мы ответить на этот вопрос?

Литературные сведения о взаимоотношениях этих двух стран фактически отсутствуют. Китайские хроники, о которых было упомянуто, сохранили, если не ошибаюсь, только один эпизод, могущий дать некоторое представление о каком-то моменте в истории отношений двух соседних стран. Там говорится об одном парфянском царе, по наивности и глупости своей напавшем на Канишку. В этой войне победа осталась на стороне кушанского царя, войско которого сразило 900 000 парфян. Я не настаиваю на точности этих сведений, которые могут показаться слегка преувеличенными. Если этот эпизод и может дать представление об отношениях между этими государствами, то не обязательно полагать, что они были постоянно натянутыми. Иначе как объяснить жест наследника Артабана V, последнего парфянского царя, свергнутого с трона Ардаширом I, бежавшего ко двору кушанского царя Васудевы и просившего у него помощи для восстановления парфянского престола, на что Васудева дал свое согласие?

Конечно, Ктесифон не мог оставаться индифферентным к кушанской экспансии, но в периоды, когда у Парфии осложнялись отношения с Римом, она избегала столкновения с восточным соседом. Положение «средней империи», которое занимала Персия в эту эпоху, было очень сложным и требовало тонкой международной политики, нити которой могли вести далеко.

Так было и с Китаем. Уже маститый ученый В. В. Бартольд указал, что первым в истории царем, поддерживавшим отношения одновременно с Римом и с Китайской империей, был Митридат II, принявший китайских посланников с исключительным великолепием, послав им навстречу к своей границе эскорт в 20 000 человек. И если в правление Пакора II, в 87 г. н. э., Парфия посылает большое посольство в Китай, то можно предположить, что помимо чисто коммерческих интересов парфянский трон мог быть заинтересован в некотором давлении китайской активной дипломатии на западных соседей Китая — кушан — в момент их слишком явной экспансивной политики в сторону Парфии.

Между 122 и 166 гг. длился сорокалетний мир Парфии с Римом; можно с некоторой уверенностью допустить, что мир этот на западе был политической необходимостью для Ирана, восточные границы которого были, вероятно, легко уязвимы. Не надо забывать, что эти четыре десятилетия соответствуют наивысшему могуществу кушан при Канишке, если дата его вступления на престол — 115 г., как думает Розенфилд, или 128 г., согласно Конову, или 144 г., предложенный мною.

И если сегодня дипломатия занимается экономическими вопросами, то во времена, которые нас интересуют, две тысячи лет назад, политика должна была делать немалые уступки международной торговле грандиозного треугольника, который образовали Рим, Парфия и кушаны (верхушку его занимала Италия, будучи богатейшим клиентом двух других).

Так же как Голландия в XVII в. и Англия в XVIII в., Кушанская империя с середины I в. н. э. является необходимым звеном торговой цепи, соединявшей Дальний Восток с Западом и занимавшейся почти исключительно транзитом индийских и китайских товаров, импортируя (иногда только для высшего класса своего населения) предметы роскоши из восточных владений Римской империи, как это показали находки в Беграме. Эта деятельность посредника составляла главный источник богатства кушан: Рим платил золотом, которым победы наполняли его казну.

Но чтобы торговать, нужно обеспечить свободу дорог и морей. Эта проблема должна была стать одной из главных забот кушанской дипломатии. Что же касается купцов, то независимо от войны или мира, разбойников или пиратов, караваны и торговые корабли должны были двигаться, не останавливая международный обмен. Потери были большие, но прибыль их покрывала.

Правда, попытки обойти Парфию с севера и с юга не являлись единичными, и уже Страбон дал описание дороги «двух морей» (XI, 7, 3), которая шла через Гирканию, Каспийское море, по рекам Закавказья, доставляя товары к берегам Черноморья.

Рим ищет союза с Гирканией, чтобы охранять эту дорогу от сарматских набегов; Гиркания, отделившись от Парфии и став к тому времени независимой, на востоке становится соседом кушан.

Не меньший интерес проявляет Рим к южной дороге, и, если Траяну удалось «окунуть свое оружие» (как говорили в таких случаях ассирийские цари) в воды Персидского залива, победа его над парфянами и взятие Ктесифона, так плачевно для него закончившееся, имели целью не столько возвращение Риму как наследнику владений Александра Македонского, сколько установление надежной морской дороги в Индию, главную часть Кушанской империи. Что же касается прямых контактов Рима с его главным поставщиком и, может быть, полезным союзником, об этом можно судить по поездке в Рим в 138 г. послов Бактрии и Индии, направленных, без сомнения, кушанским владетелем.

Все это не могло и не должно было прервать сношений между кушанами и Парфией. Несмотря на необходимость в отдельные моменты искать разрешения затруднений в реализации международного торгового обмена, коммерческие контакты, в которых обе стороны были заинтересованы в почти одинаковой степени, не прерывались.

Думаю, что находка двух пальмирских стел в Мервском оазисе может послужить подтверждением вышесказанному.

Кушанские монеты были найдены в кладе хараценских монет, хранящихся в Британском музее; они должны были прибыть морем на юг Месопотамии. Много кушанских монет было найдено также в Бадр-Нешанде, в Маджид-и-Сулеймане, в Бахтиарских горах, на хорошо известном караванном пути в Исфахан. Это не должно нас удивлять: вся эта область составляла Элимаидское царство и славилась своими богатствами. Напомним, что Антиох III Великий и Эпифан IV, а после них Митридат I прошли по этим местам с определенной целью — ограбить там богатейшие храмы.

Многое связывало кушан и парфян помимо торговли. Религия, царские установления, сильное тяготение, которое кушаны испытывали к иранской культуре,— все это создавало условия, в целом благоприятные для положительных контактов между двумя родственными державами, независимо от роли, которую мог играть Рим, постоянно искавший ослабления своего главного врага, Ирана. Если римские матроны, над прозрачными одеждами которых издевались сатирики, требовали китайского шелка, то политика императоров по отношению к Парфии оставалась той же, какой она была при Крассе; эту вековую вражду унаследовали Сасаниды. С момента прихода к власти этой новой династии отношения между двумя державами Востока приняли иной характер. Этот исторический период уже остается за пределами данного доклада.

ALI SAMI (SHIRAZ, IRAN)

KUSHAN IN THE DAYS OF THE SASSANIAN EMPIRE ACCORDING TO THE PAHLAVI INSCRIPTION OF NAKSH-I-RUSTAM

The Pahlavi inscription of Shapur I, the second monarch of the Sassanians, preserved on the wall of the stone tower known as the Temple of Zoroaster is one of the most important inscriptions of that period, both from the point of view of quantity and quality. The discovery of this document has thrown light on the dark parts of the history of that time. The inscription commemorates Shapur's victory over Valerian, the Roman Emperor, his struggles with the Romans, and his other victories in the east and west of his empire; the names of all the countries, provinces and countries which were under the domination of Iran of that day are mentioned. It is clearly stated in the texts of Parthians and Sassanians, in Pahlavi texts and also in their Greek version that Kushan was part of the Iranian Empire in those days. Prior to its annexation to Iran, Kushan was a major kingdom in Central Asia.

In order to reveal the importance of this victory, the victory over Valerian and other victories which led to the domination of Kushan, a brief account of the history of Kushan prior to the foundation of the Sassanian dynasty seems indispensable.

One of the preoccupations of the Parthian monarchs of Iran as early as the middle of the 1st century B.C. was the foundation of a powerful kingdom, called Kushan, by one of the branches of the Yüeh-chih tribes, who dwelt in the neighbouring eastern part of Iran in the days of Indo-Scythians and who had probably come to this region between the years A.D. 25 to 81; having subdued their neighbouring tribes, they formed the Kushan Kingdom. Their first king, Kujula Kadphises, soon established his authority over Pakurs (Firooz), the province of Kandahar-Arachosia (in North-West India) and Kabul. His successor was called Vima Kadphises.

Arachosia, which is pronounced Harakhushti in the *Avesta,* according to Prof. Barthold, covered the upper delta of the Helmand, of which Kandahar was the most important city. This area was on several occasions joined to the Indian empires.

Isidori Characeni, in his account of provinces under the Parthians, called Harakhushti "White India".

Towards the end of the 1st century or from the beginning of the 2nd century A.D., the newly established kingdom of Kushan took the advantage of the weakness of her neighbours, China and Parthia, in their struggles against their enemies, extended her territories, and became a powerful kingdom in Central Asia.

In the reign of Kanishka the Great (A.D. 144-173) and during the time of his successor Huvishka, Kushan attained her highest power and reached the zenith of her space growth. This power and growth were attained only through weakness of her neighbours.

At this time the vast empire of Kushan extended from Mathura, in India, to Trans-Oxus and Central Asia. During the reign of Kanishka, Kashghar, Sogd and Fergana were also parts of the Kushan Empire.

In the writings of Buddhism, Kanishka is mentioned as Protector and Spreader of Faith.

By the beginning of the 3rd century A.D., the power of the Kushan rulers reached its highest point, in consequence of which the three important trade routes extending from east to west, often called the Silk Routes, were added to their zone of influence.

These routes were: (1) between the Caspian and the Black Seas; (2) between Merv, Hecatompilos, the city of one hundred gates, and Hagmatana (this land route was the most important of all); (3) the sea route between the Indian Ocean, the Red Sea and the Mediterranean or between the Persian Gulf, the Tigris and Syria. The Kushans extracted tolls from the caravans and thus, as a hard-headed and powerful rival, they competed with the Parthian Empire.

The most important silk route started from the Chinese border, passed through Sinkiang (Chinese Turkistan) and reached Mesopotamia through the plateau of Iran. The east and west caravans met at a place called "Stone Tower", which was probably located near the present city of Tash Khurgan off the bank of the Yarkand River.

On reaching Bactria (Balkh) and Merv, because of the influence of Kushan this route would make a detour which passed through Arachosia (in North-West India) and Arya (Herat); then it reached Hecatompilos, Rhages, Hagmatana, Seleucia and Ktesiphon, the capital of the Parthian monarchs.

Ktesiphon was a road junction from which the road would divert either to Nesibis, through Assur, or through Dura-Europus. Again the latter road would divert into two directions, one of which ran along the right bank of the Euphrates towards the city of Nissi-Forum. The other was a short-cut across the desert, which reached Syria, passing through Palmira.

In addition to silk, which later on gave its name to this important highway, other commodities were carried to and from China, Iran and Rome.

The Parthians imported iron, iron ore, dried apricots and dried peaches in addition to raw silk from China, and exported Arab camels to Balkh, beautiful and famous horses of Iran, Babylon ostriches, then known as Parthian birds, and pomegranates, then known as Parthian fruits, to China. One would easily realise the importance and usefulness of this road when one thinks of the importance of the rich and prosperous cities through which the road passed. ✓

The Parthian Kingdom had to cope with the powerful Roman Empire in the west and with Kushan in the east. The threat was milder from Kushan, as they would turn most readily towards the fertile valley of India rather than invade dry and less fruitful lands of eastern Parthia. It seems as though the borders between the two kingdoms coincided with those which separate present Iran from Afghanistan.

The Parthian monarchs made very possible effort to reoccupy the province they had lost earlier to Kushan in the days of Valash III in his struggle against Kanishka. An inscription from the time of Valash IV (A.D. 191-207) in the Syriac language refers to an important army which was sent to the east. In the battle against this army Valash was first defeated and lost many of his men, but in a succeeding attack he was able to drive the Kushans away. It is thought that the Parthians, because of their continuous struggle against the Romans and because of settling the internal affairs of their empire, did not want to pay too much heed to the Kushans.

The civilisation of Kushan was a mixture of civilisations in which the main factors were those which enriched the Parthian civilisation. The influence of the culture of Iran and of other countries, such as India, Greece, Rome, China and even Egypt, is clearly and vividly present in the relics belonging to them. The friezes discovered from the Kushan period show profiles very similar to those of the Greeks, ivory handiwork of the Indian type and glassware of the Egyptian style. The figures of the Greek and Roman gods and goddesses, such as Heracles, Hephaestus and Serapis, those of the Iranian deities like Mithra, Ardoxsho, Atar and Bahram, and those of Osho, Mahasena and Buddha are seen on their coins, very similar in weight (eight grammes) and shape to the Greek and Roman coins (denarii). Their letters of alphabet were Greek.

The Relationship of Kushan and Sassanian Monarchs

Ardeshir, the founder of the Sassanian house, and his immediate successor Shapur I found themselves compelled to curb the might of Kushan and finally to invade their empire in order to put an end to the danger which threatened the free trade routes between the east and west. Christensen, taking into consideration Herzfeld's account referring to this incident, confirms Tabari's statement. He says that the then king of Kushan ruled over the valleys of Kabul and the Punjab. Together with the ruler of Turan, the present area of Chezdar in the south of Quetta, and with that of Mokran, the coastal areas of the Oman Sea and the Indian Ocean, he sent delegates to Ardeshir to recognise him emperor. Thus the Sassanian Empire extended in the east, to Afghanistan, Baluchistan, the desert of Merv and Khiva. The Oxus was the north-eastern and the Euphrates was the western border. The Sassanian prince who was appointed the ruler of Khorasan was the ruler of Kushan as well. He was called Kushanshah, a title applied to the ruler of the two territories, Khorasan and Kushan.

Shapur I (A.D. 241-271) tried to suppress the might of Kushan, and in a grim battle his powerful army gained victory over the king of Kushan by capturing Peshawar, the winter capital of Kushan, and by occupying the valley of the Indus. His army also captured Bactria, crossed the Hindu Kush Mountains, and drove to Samarkand and Tashkent by crossing the Oxus. In consequence of these victories Kushan, which was once a powerful state under Kanishka and which reached her largest size under that ruler, was overthrown. and a new house came to power that ruled over a much smaller territory and fully recognised the Sassanian monarchs.

Shapur inscribed the full account of this victory, in connection with his victories over the Romans in the west, on the wall of Naksh-i-Rustam. Here he gave the list of all the countries, including Kushan, under his rule. The second paragraph of this inscription reads:

"My Empire consists of the following, Meyshan, Assur, Adiaben, Arabia, Athrophathekan, Armenia, Circhan, Sikan, Ardan, Balaskan, Alan, Straits and all the Mountains of Pareshkhawar, Media, Varkan, Margu (Merv), Khrev (Herat), and the whole of Opakhshatr, Kerman, Sistan, Turistan, Meguran, Partan, Hindustan (India), Kushan as far as Peshkaboor (Peshawar), Kash (Kashghar), Sogd, and the Highlands of Chachstan down to that part of the sea called Dakhikhoshtar, which we renamed Hurmoz Ardeshir Shapur. All these states and provinces accepted our authority and had to pay tribute to us."

In this inscription Shapur, after mentioning the causes of his war against the Romans, describes his struggles against them and the captivity of Valerian, the Roman Emperor. He then writes, "We declared war against various other countries and gained victories over them, we made tours in those countries and did so many heroic acts, of which no word is mentioned in this inscription, but with this object in mind that those who would follow us should remember our fame, heroic deeds and authority, those words were ordered to be inscribed here."

Prof. Henning who in 1950 studied this inscription, says, "The inscription of Shapur, which begins with a list of all the provinces belonging to the Sassanids, clearly shows that Shapur's empire was much more extensive than has been thought of. His empire covered much more areas in the east and the north-east. In the east, in particular, it extended to Indus which included Baluchistan, Sind, Kabul and most of the old empire of Kushan as far as Peshawar. The heads of all these states were received in audience by Shapur and paid their homage to him." It is easily perceived from this inscription that Ardeshir, the founder of the Sassanian dynasty, started the fight with the Kushans and defeated them; and that his son, Shapur I, gained an overall victory over them. And according to his inscription, thenceforth Kushan became an important province of the Sassanian Empire. Shapur appointed his brother, Firooz, king of that province, granting him the title of Kushan-Shah.

Sir Percy Sykes in *The History of Persia,* Chapter 35 (on Ardeshir), writes, quoting Vincent Smith: "We learn from Tabari that, after conquering the countries bordering on Khorasan, Merv, Balkh and Khiva, Ardeshir received messengers from the kings of Kushan, Turan and Mokran. It was not generally realised that the Sassanian monarch had embarked on an invasion of India, but Vincent Smith shows that this was actually the case. He finally states that Ardeshir marched against India and reached the neighbourhood of Serhind, but that Junah, the reigning monarch, gave pearls, gold, jewels and elephants as tribute and so induced Ardeshir to return to Persia. In confirmation of this statement, a brass coin has recently been found, on which the obverse is of the Later Kushan type, while the reverse exhibits a fire altar similar to that on the coin of Ardeshir. It is thus evident that the founder of the Sassanian dynasty did more than merely occupy the various provinces of Persia, for following in the footsteps of his mighty Achaemenian predecessor, he levied tribute on the Punjab."

From that time, Kushan was weakened and limited. The coins of that period confirm the division of Kushan into Bactrian and Indian sections. The rise of the Guptas in India accelerated the downfall of Kushan in the 4th century A.D. in India. During the reign of Shapur's successors, because of their struggle with the Roman emperors in the west, Kushan was left in peace. Hormizd II (A.D. 303-309) went a step forward and married a Kushan princess, thus relieving himself of the eastern front; he fought Diocletian, the Roman Emperor, in the west. Upon the death of Hormizd and during the childhood of Shapur II, called the Great, the king of Kushan retrieved part of his domain which had been conquered by the Sassanians.

On Shapur II's accession to the throne the Kushans were severely punished for their advancement; their country was again invaded and became a province of the Sassanian Empire, and as it was the practice of Shapur I, a wise and sagacious prince was appointed ruler of that province, entitled as before, Kushan-Shah.

Afterwards, during the struggle of Shapur II with the Romans, the eastern border of Iran was threatened by the Kushans and Hephthalites, and some border incidents took place. Shapur had no alternative but to spend part of his time and strength to repel their attacks, in consequence of which he made the Kushans undertake to support and help him in his struggles against the Romans. The Kushans and Hephthalites, on the other hand, obtained some privileges. In the bas-relief of Shapur in the valley of Kazeroon ("the Valley of Polo to the south-west of Shiraz"), there are, among other figures of people and booty which were to be reviewed by the king, a few figures of the people of the neighbouring eastern states, delicately cut and portrayed. It was from this time that the culture and arts of the Sassanians penetrated Central Asia, reaching the cities of Chinese Turkistan and even China.

In the 5th century A.D., a new and powerful enemy—the Hephthalites of Central Asia—emerged from the north-east border. They were a great menace to both Kushan and Iran, and finally succeeded Kushan. The coins discovered reveal that Kidara founded an independent state in the south of Kushan towards the end of the 4th or the beginning of the 5th century A.D. The Hephthalites of Central Asia, who had come from the north, had distorted the Greek alphabet, mixed it with that of the Parthians and used it in writing since the time of Kanishka. Their ways, manners and administration were true and exact imitation of those of the Kushans. Prof. Barthold, the eminent Russian scholar, in his book *Historical Geography of Iran* describes the Kushans in this way:

"From the Yüeh-chih and Tokhars emerged the Kushans. They had lived for a hundred years in Bactria and conquered a great part of India. Their rulers used to abide by laws and regulations, and were called protectors of the Faith of the Buddha. Later on they were driven out of India and came under the Sassanian rule and influence." He continues by saying that the Sassanian influence could be seen in their coins and titles. Quoting Specht and Gutschmid, Barthold believes that the Hephthalites are a branch of the Yüeh-chih or Tokhars. Kidara is another name for this people and most probably he was the founder of a dynasty which conquered the Hindu Kush and established a kingdom which was overthrown by the Sassanians in the 6th century. According to the Muslim geographers, the Hephthalites lived to the north of Balkh and the Amu Darya; they relate a legend saying that Saam had two sons called Khorassanid and Heptal.

In the days of Khosrow Parviz (A.D. 595-627), Vistahm, the great general who was of the family of Espahbazan and a member of the royal family, revolted against the Sassanian emperor and made himself king of Khorasan, minted coins and ruled that province for ten years running. Among his other actions during that period, he put down the rebellion of two Kushan rulers by the names of Shavach and Paryoch, and made them accept his authority. This incident clearly shows that during the time of Khosrow Parviz, and because of his entanglement with the neighbours in the west and Asia Minor, the Kushan rulers did not obey the Sassanian emperor, calling themselves an independent state.

Christensen, quoting Marquart, writes, "After his conquest in Asia Minor and parts of Egypt, Khosrow Parviz dashed westward and repelled the attacks of the Kushans with the help of one of his generals, Sombat-Bagratunian, an Armenian. The Kushan ruler was found killed on the battlefield, in consequence of which the whole of Kushan and part of India became a province of the empire. The discovery of Khosrow's coins in this region, to some extent, proves this last statement."

R. N. FRYE (CAMBRIDGE, MASS., U.S.A.)

SASSANIAN INSCRIPTIONS AND KUSHAN HISTORY

It must be admitted that the great Bactrian inscription of Surkh Kotal and the smaller inscriptions in this language have not revealed great historical events or provided a breakthrough on such vexed problems as the absolute dating of Kanishka. On the other hand, they have shown that the Bactrian language in a modified Greek alphabet, first in block and later in cursive script, was first used by Kanishka and it continued in use well into the Islamic period, perhaps even as late as the rise of Mahmud of Ghazna. If the Bactrian inscriptions themselves do not provide any pegs for chronology, can we find anything in other Iranian languages to aid in the reconstruction of Kushan history? Let us turn to the Sassanian inscriptions. Only the royal inscriptions offer any hope, for even some of these, such as the new inscription of the time of Shapur II from Meshkin Shahr in Azerbaijan and the two Middle Persian inscriptions from his reign at Persepolis, are concerned with local matters[1].

The inscription of Shapur I at the Kaaba of Zoroaster mentions the Kushan land as part of the territory owned by Shapur[2]. One of the countries in his empire was "the land of the Kushans up to Pashkibur and to Kashgar" (Greek line 4: ἕως ἔμπροσθεν πασκιβουρων καὶ ἕως Κας; Parthian line 2: kwšnxštr xnprxš 'L pškbwr w xn 'L k'š). At the court of Shapur there is no Kushan king, so we may assume that Tabari was correct in reporting that the kings of the Kushans, of Turan and of Makran sent emissaries to Ardeshir to offer their submission to the Sassanians[3]. The Kushan realm, as far as (but not including) Pashkibur and up to the realm of Kashghar, had submitted to Shapur[4]. This implies that the rest of the Kushan state, or other Kushan states, had not submitted to the Persians. This further implies that the dynasty of the Great Kushans (Kanishka through Vasudeva) was over before Shapur I.

In the time of Shapur I the east seems to be ruled as follows: Narseh, son of Shapur, is "king of Hind, Seistan, and Turan up to the shore of the sea" (Shapur KZ Inscription MP—line 24: nrsxy MLK' xndy skstn W twrstn ᶜD YM' dnby, and in the next line he is called sk'n MLK' "Saka king"). The Kushanshahr is not represented at Shapur's court and it is not ruled by a Sassanian prince. Therefore, one may assume it was in a vassal status and not under direct Sassanian rule. These are the two large areas of the east under Sassanian rule; the first is a large kingdom extending from the central deserts of Iran to the Indus River, if not beyond, and south to the Indian Ocean. What was the northern boundary? A good guess would be the Kushanshahr, or the mountain area of modern Afghanistan, with the Helmand River basin under Narseh's rule.

Less than a century later, under Shapur II, we find Shapur, the son of Hormizd II, ruling the same area as Narseh under Shapur I.

In the Persepolis I inscription he is called sk'n MLK' xndy skstn Wtwrstn ᶜD YM' dnby. May we not assume that the Kushanshahr too was under Sassanian rule, perhaps under the rule of the princes who issued the Kushano-Sassanian coins? The break-up of Sassanian rule in the east comes with Hunnic invasions from Central Asia, first the Chionites and then the Hephthalites. Can we gain more information about the period between Shapur I and Shapur II from inscriptions?

Let us turn to the inscription of Paikuli, written at the order of the King of Kings Narseh some time after 293. In Parthian block H-11, according to Herzfeld's numbering, but to be revised to H-6, we find XQ'YMWNt W kwšn MLK'. The preceding and following blocks are missing as well as the Middle Persian counterpart, so we have no context for this passage. On the other hand, we can assume that this is the beginning of a list of kings because of the XQ'YMWNt before the kwšn MLK', which is completely legible, and after a space of one or possibly two blocks we find in the Parthian text W xwrzmn MLK' W "the king of the Khwarazmians", and later the kings of Turan and Makran. The overall context seems to refer to those who came or sent representatives to the coronation of Narseh. From this inscription, full of lacunae, we may conclude several points. First, the Kushans were certainly no more firmly under Sassanian rule than in the time of Shapur I, rather the opposite if any change is implied. Second, no Sassanian prince is ruling the Kushans (or any part of them) or else he would be named here[5]. Finally, and this is important for the chronology of the Kushans and the Kushano-Sassanian coins, we may say that between roughly A.D. 260 and 295 the western part of the Kushan domains was in a vassal relationship to the Sassanian Empire but not ruled by Sassanian princes. This, I believe, is an important piece of evidence for the history of the Kushans.

---

[1] According to V. Lukonin of the Hermitage Museum, the name Kabul in Persepolis I is to be read Kavar, a town in Fars province. This welcome correction removes any proof that Shapur II ruled over Kabul.

[2] Greek line 2: κα[ὶκα]τ[εχω]ἔθνη; Parthian: W Ḥ [Ḥ SNW] m hṣ̌ [tr], after Maricq.

[3] T. Noeldeke, *Geschichte der Perser und Arabe aus Tabari* (Leyden 1879), 17.

[4] Pashkibur has been identified with modern Peshawar, with an area in the Hindu Kush Mountains, and elsewhere. Its identification does not affect our argument below.

[5] In another passage of the inscription, later in context, we have in Middle Persian (block H-1 of Herzfeld): sp ZY kwšd'n which might be restored as [z'm']sp. What is kwšd'n? In my opinion, this does not mean the Kushans, but is a proper name Kushan, Kershat, or the like.

W. SUNDERMANN (BERLIN, GERMAN DEMOCRATIC REPUBLIC)

MANI IN INDIA

First of all I have to apologise for diverting your attention from the main problems of this Conference to a small marginal point: Mani's travels in India. The only reason that might justify my remarks is that they may be of interest to you, too.

A great deal has been written about Mani in India. Knowledge of his travels in India is preserved in the works of Arabian and Persian historians. Mani, it is said, incurred the disfavour of Shapur I at the end of that king's reign and had to leave Persia for India. Other countries in which Mani is said to have travelled are Kashmir, Tibet, China, Turkistan and Khorasan. After Shapur's death he returned to Persia, but was taken prisoner there and put to death at once by Varahran I[1]. Ibnu n-nadim (died 995), author of the well-known *Fihristu l-'ulum,* a most important source of our knowledge of Manichaeism, is the only writer to give more accurate detail. According to him, Mani travelled from country to country for 40 years before he met Shapur and procured the right of unmolested preaching within the realm of Persia. Ibnu n-nadim continues, "Mani had (already) invited India, China and the people of Khorasan to accept his doctrine, and he had left behind one disciple in each of these regions"[2]. Mani was in India, therefore—according to Ibnu n-nadim—during the 40 years preceding his encounter with Shapur. Nothing is known of a second journey to India.

Leaving aside information on the duration and extent of Mani's early missionary travels, doubtless exaggerated, these statements of Ibnu n-nadim's prove essentially correct, for they are corroborated by the evidence of the *Kephalaia*, an original compendium of the Manichaean doctrine. Mani says of himself in the first chapter of his book (according to H.J. Polotsky's translation): "At the end of King Ardeshir's years I went forth to preach. I went (by ship) to the land of the Indians and preached to them the hope of life, and I made there a good choice"[3]. This means that Mani went to India before the beginning of the reign of Shapur I. That he travelled by ship is confirmed in the 76th chapter of the *Kephalaia,* which deals again with that same journey, the only one to India, reliably attested[4].

Mani's journey to India is also briefly mentioned in a small Parthian fragment of the Turfan Collection of the Deutsche Akademie der Wissenschaften, which was hitherto unknown.

It belongs to a text-group with the original signature T II D 18 (now M 4570 sqq.), which was found as a parcel of papers stuck tightly together. The restoration of these texts was finished only during the 1950's by my teacher, Prof. Junker, who originally intended to publish these texts himself, but has now done me the great honour of entrusting them to me. Amongst other things this text-group deals with a vita of Mani of homiletic character. One of these pieces, which I mark M 4575, according to the order of signatures given in the Catalogue of the

Iranian manuscripts in Manichaean script by M. Boyce, contains the following sentence:

"When our father arrived from India (hyndwg'n) and came to the town of Rēv-Artašēr (ryw'rdxšyhr), he despatched Patticius (ptyg) the presbyter (ms'dr) together with brother John (hnyy) to India, to Dēb (dyb)"[5].

This communication of Mani's stay in India, although very brief, is nevertheless of some importance. In the first place, it confirms and defines more precisely the information, given already by the *Kephalaia,* that Mani returned from India to Iran by water. His first stay on Iranian soil was at Rev-Artasher, an important emporium near the mouth of the Tab River in the westernmost part of the Iranian province of Pars[6]. The greatest transmarine port nearby was Mahruban at the mouth of the Siren River. In Islamic times the ships bound for India used to anchor there, and it may well be supposed that Mani went on land there and proceeded to Rev-Artasher. The distance was a day's journey[7].

It may also be presumed that Mani made his way to and from India by the same route as Patticius later on, the port of Deb being consequently the place at which he arrived in India and from which he departed as well. Deb, called Daibul and Daivul by the Arabian geographers, Depuhl in the Armenian geography of Eranshahr, ascribed to Moses of Khorene, was the most important seaport on the delta of the Indus River until the 13th century[8]. The word probably represents Skr. devālaya, "place of the gods, temple"[9]. It is also given in its shortened form Deb or Dib in New Persian dictionaries[10].

As for the parts of India Mani visited, different theories were proposed. His own statement, namely that he had "moved the whole country of India"[11], is a rhetorical exaggeration, of course. But it was repeatedly presumed that Mani's travels extended up to Gandhara[12], and even to Kashmir and Khotan[13], and the possibility was discussed whether Mani could have worked there under the protection of Shapur's brother Peroz, the thence presumed "Great King of Kushan"[14]. This question, if answered affirmatively, might help to explain why Mani was later on recommended to Shapur by Peroz[15].

An important addition to discussion of this matter was made by W.B. Henning, when he observed that the Iranian Turfan literature testifies to Mani's missionary activity in Turan, a small kingdom at the limits of Sassanian control in the north-eastern part of Baluchistan, and especially to the conversion of the royalty of that place, the Turan-shah[16]. Henning inferred from this that Mani probably did not go beyond Turan and Sind in India[17]. However, it must be taken into account that the Manichaean Turfan texts seem to deal with the conversion of the Turan-shah exclusively because this was Mani's greatest missionary success on Indian soil. For the rest, his message seems to have been rejected, as can be seen in the 76th chapter of the *Kephalaia*[18]. Thus it is quite possible that Mani may have worked in Makuran too[19], but there is no real evidence of this either in Iranian Turfan literature or anywhere else.

As can further be seen from the Text of M 4575, treated above, Mani had his missionary work continued by two of his disciples in India. One of them, Patticius (ptyg), who was obviously the responsible leader of that enterprise, is well known. Two of Mani's letters are addressed to him[20], he was with his master on his last journey[21], and he had previously worked as a missionary in the Roman Empire[22]. Later on he played a certain role in handing down to posterity some traditions from earliest Manichaean times[23]. About his companion John (hnyy) I can give no real facts. Perhaps he was that Yahya who is mentioned by Ibnu n-nadim as the addressee of two of Mani's epistles[24]. Yuhanna, mentioned in the title of Mani's 55th Epistle, may also be John[25]. Finally, there is still another person who may be identical with the aforementioned, a certain Yanu, about whom we read in the 54th Epistle, if the pronunciation given here is correct[26].

I stated above that Patticius had worked as a missionary in the Roman Empire. As we can read in the Persian mission history M 2, he worked there under Bishop Addai and returned to Mani after a year[27]. M 2 does not say anything about the reason for his return, but M 4574, I suppose, informs us about this: Patticius left his missionary district west of Iran since he was to continue preaching the Manichaean religion in India. This means that:

(1) Mani had sent missionaries to the Roman Empire and preached his doctrine in India himself before he made his first public appearance as a prophet in Iran. When Ardeshir I died he hastened back to Iran, leaving his Indian mission to some of his disciples (which fact, by the way, is corroborated by Ibnu n-nadim's *Fihrist*)[28]. Thus it seems very likely that Mani hoped to find the best conditions for the promulgation of his doctrine in Iran under the rule of Shapur I[29].

(2) If Patticius stayed only one year in the Roman Empire, Mani's travels in India cannot have lasted longer than one year either. Supposing that Ardeshir I died after a reign of 14 years and 10 months (reckoned from the date of his coronation), at the outset of 242[30], Mani returned to Iran in that very year, and his activities in India should be confined to the period of 241 to 242. In this time Mani at least progressed from Deb to Turan. If we can presuppose the travelling conditions of the later Arabian guide-books, different routes could be used. One passed from Deb westward along the coast of the Indian Ocean to Armabil, then inland to Kiz and from there northward via Pancpur, the capital of Makuran, to Kuzdar, the capital of Turan. This journey could be made, according to J. Marquart's calculations, in 19 days[31]. Another route was from Deb to al-Mansura, the successional foundation of Brahmanabad, the ancient capital of Sind, 6 days' journey; from there in 8 to 10 days across the western part of the Indus valley northward up to Qandabil; and then south-westward through the Mulah pass to Kuzdar in another 5 days' journey. The whole route took between 19 and 21 days[32].

A third 18 days' journey from Deb to Pancpur, between the two other routes and crossing the Kirthar mountain chain at an unknown place, was presumed by J. Marquart[33].

Which of these routes was Mani's I am at a loss to say definitely. However, as it seems rather likely that he was still preaching in the Indus valley, he might have followed the second one, and he certainly did not cover it in 19 to 21 days, but interrupted his journey repeatedly. It is therefore hardly possible that Mani reached the area of the Kushans. This conclusion also supports Henning's suggestions as to the extent of Mani's travels in India.

It was supposed that in India Mani followed in the footsteps of an earlier Christian mission[34]. But this does not hold true on the basis of the Iranian Turfan literature. Two Parthian fragments hitherto unpublished, M 5911 and M 8286, describe the conversion of the Turan-shah as a confession to Mani as another Buddha. In this case at least Mani's mission was directed towards a Buddhist ruler and it had clearly been adapted to the religious terminology and conceptions of Buddhism. (W.B. Henning has already pointed out this fact.) [35] From the beginning Mani preached his gospel among those religious communities the doctrines of which he promised to render perfect.

The above-mentioned text of M 8286 describes the conversion of the Turan-shah as an immediate one at the time of his very first meeting with Mani. Another fragment, M 48 verso [36], deals with the most important matters of a missionary preaching, and it continues, "When the Turan-shah and his nobles [37] heard these words, they became glad. They accepted the faith and became well-disposed [*šyrg'mg*] towards the apostle and the religion". Here obviously an event is dealt with that preceded Mani's meeting the Turan-shah: the preparatory preaching of a disciple of Mani's, sent on before to announce his master.

To sum the results of my statements:

(1) Mani possibly arrived in India and left it again at the seaport of Deb.

(2) Mani's travels in India lasted one year at most, from 241 to 242.

(3) Mani was accompanied in India by one or more disciples. After his return to Iran his missionary work in India was continued by Patticius and a certain elect John.

(4) Before making his first public appearance as a prophet in Iran, Mani had his doctrine preached in the Roman Empire and had preached it himself in India.

(5) Mani's travels in India seem to have been confined to the Indus valley, Turan and possibly Makuran. It is hardly possible that Mani's missionary journey in India extended up to Kushan territory. So far as we know, his disciple Mar Ammo (or perhaps Patticius?) was the first one to enter these regions.

---

[1] Cf. S.H. Taqizadah, *Māni wa din-e u,* Teheran, 1335, p. 104, 20-23; Ya'qūbī, pp. 206, 8-11, and 212; al-Bīrūnī, p. 510, 11, 511, 3; Muḥammad 'Aufī, p. 525, 11-13; Mīr-Ḫwānd, p. 527, 11-13; Ḫwāndamīr, p. 535, 9-10; I'tiżādu s-salṭana.

[2] *Māni wa din-e u,* p. 151, 9-10. Cf. G. Flügel, *Mani, seine Lehre und seine Schriften,* Leipzig, 1862, p. 85.

[3] *Kephalaia I,* ed. H.J. Polotsky und A. Böhlig, Stuttgart, 1940, p. 15.

[4] *Kephalaia I,* p. 184.

[5] The whole text of this fragment will be given in transcription and German translation, together with a commentary on some words, in a forthcoming article.

[6] G. Le Strange, *The Lands of the Eastern Caliphate,* Cambridge, 1905, pp. 268-274; J. Marquart, "Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i", *AGAW,* Phil.-hist. Kl., Berlin, 1901, p. 147.

[7] V. Minorsky, *Ḥudūd al-'Ālam,* London, 1937, p. 378.

[8] W. Tomaschek, "Topographische Erläuterung der Küstenfahrt Nearchs vom Indus bis zum Euphrat", *SWAW,* Phil.-hist. Kl., 1890, pp. 8-11; J. Marquart, "Erānšahr", pp. 9, 16, 45; G. Le Strange, *Eastern Caliphate,* p. 331.

[9] A. Cunningham, *The Ancient Geography of India,* London, 1871, p. 297.

[10] For instance, *Borhān-e qāṭe' II,* ed. M. Mo'in, Teheran, 1331 h, p. 908.

[11] *Kephalaia I,* p. 184.

[12] H.H. Schaeder, Review of C. Schmidt and H.J. Polotsky, "Ein Manifund in Ägypten", *Gnomon,* 1933, p. 351; G. Widengren, *Mani und der Manichäismus,* Stuttgart, 1961, p. 35.

[13] A.v. Le Coq, *Die buddhistische Spätantike in Mittelasien*; vol. II, *Die manichäischen Miniaturen,* Berlin, 1913, p. 12.

[14] E. Herzfeld, *Paikuli I,* Berlin, 1924, pp. 44-45.

[15] S.H. Taqizadeh, *Māni wa din-e u,* p. 151, 4-5.

[16] W.B. Henning, "Neue Materialien zur Geschichte des Manichäismus", *ZDMG,* 1936, pp. 6-7.

[17] W.B. Henning, *op. cit.*, p. 7.

[18] *Kephalaia* I, pp. 184-185.

[19] Cf. O. Klíma, *Manis Zeit und Leben*, Prague, 1962, pp. 326-328, 338-339.

[20] Ibnu n-nadīm, *Fihristu l-'ulūm I*, ed. G. Flügel, Leipzig, 1871, p. 336, 21 and 27; vol. II, Leipzig, 1872, p. 174. Cf. H.H. Schaeder, *Iranica, AGWG*, 1934, pp. 69-70.

[21] W.B. Henning, "Mani's Last Journey", *BSOAS*, 1942, p. 944.

[22] W.B. Henning, "Mitteliranische Manichaica aus Chinesisch-Turkestan II", *SPAW*, Berlin, 1933, p. 10.

[23] See W.B. Henning. "Mani's Last Journey".

[24] *Fihrist* I, pp. 336, 24 and 337, 3.

[25] *Fihrist* I, p. 337, 5.

[26] *Fihrist* I, p. 338, 4-5. The name was thus read by G. Flügel, *Mani*, p. 104, K. Kessler, *Mani. Forschungen über den Manichäismus* I, Berlin, 1889, pp. 234-235, and O. Klíma, *Mani*, p. 423.

[27] *Mitteliranische Manichaica II*, p. 10.

[28] *Fihrist* I, p. 328, 31; cf. G. Flügel, *Mani*, p. 85.

[29] This supposition is contrary to that upheld by A. Maricq in: "Les débuts de la prédication de Mani et l'avènement de Šāhpuhr Ier", *Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves 1951*, pp. 250, 254-55, 268.

[30] S.H. Taqizadeh (and W.B. Henning), "The Dates of Mani's Life", *AM*, 1957, p. 109.

[31] J. Marquart, *Ērānšahr*, pp. 273-274, 196.

[32] J. Marquart, *Ērānšahr*, pp. 187-188, 191-192. Cf. W. Tomaschek, "Zur historischen Topographie von Persien I. Die Strassenzüge der Tabula Peutingerana", *SWAW*, Phil-hist. Kl., 1883, pp. 196-199.

[33] J. Marquart, *Ērānšahr*, pp. 192-193.

[34] H.H. Schaeder, *Review of "Manifund"*, pp. 350-351. On Christendom in India cf. R. Garbe, *Indien und das Christentum*, Tübingen, 1914.

[35] W.B. Henning, "Neue Materialien", p. 7.

[36] M 48 was published by F.W.K. Müller in "Handschriftenreste in Estrangelo-Schrift aus Turfan", *Chinesisch-Turkistan II. Anhang zu den APAW*, Berlin, 1904, p. 87.

[37] I follow a restoration of the text suggested by W.B. Henning in "Neue Materialien", p. 7, note 2.

Д. И. ТИХОНОВ (СССР, ЛЕНИНГРАД)

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ С КУШАНАМИ

Культурное развитие Таримского бассейна в древний период происходило под влиянием таких факторов, как торговый путь, связывавший Запад с Востоком, и внешние завоевания. По Великому шелковому пути на Восток шли караваны с жемчугом, страусовыми перьями и другими предметами роскоши; они отправлялись обратно груженные шелковыми тканями. На всем пути выросли города, в которые купцы привносили элементы своей культуры, обычаи, религиозные верования, письменность. Здесь перекрещивались буддизм, христианство, ислам, причем воспринималась не только религия, но и весь комплекс культуры. Так, например, буддизм принес архитектуру, скульптуру, живопись, философские идеи, письменность, литературную традицию, многие обычаи.

Области с оседлой земледельческой культурой, с развитыми городами привлекали внимание кочевников, завоевательные волны которых прокатывались через Таримский бассейн на запад. Кочевники не приносили новую культуру в качестве господствующей. Местная традиция была устойчивой и сохранялась после завоеваний.

В результате археологического исследования древних культурных центров Таримского бассейна накоплен материал, показывающий непрерывность развития цивилизации в этой части Центральной Азии со времен далекой древности, хотя без труда можно проследить упадок одних городов и расцвет других. В одних случаях изменение торговых путей оказалось причиной запустения, в других сказались неблагоприятно политические события. Но подобные случаи носили местный характер и не влияли на развитие культуры Таримского бассейна в целом.

В кушанский период, как и ранее, Центральная Азия имела важное значение в политическом отношении. Понимая важность торгового пути, проходившего по городам Таримского бассейна, кушаны проявляли большую активность. Канишка предпринял военный поход и подчинил Хотан, Яркенд, Кашгар. Естественно, что политическое подчинение создало благоприятные условия для экономических и культурных связей. Эти связи были так разнообразны, что в кратком выступлении невозможно дать исчерпывающую характеристику всех линий; поэтому более целесообразно коснуться области малоосвещенной. Следует отметить, однако, что ученые, занимавшиеся исследованием древних памятников культуры Таримского бассейна, пришли к выводу о сходстве архитектуры, скульптуры, живописи с Гандхарой в области стиля, сюжетов и т. д. Следовательно, в любой области культуры мы находим подтверждение прочных связей между Таримским бассейном и кушанами.

А. Стейном было найдено большое число различных текстов в местах раскопок. В данном случае наибольший интерес представляют тексты карошти. Их особенно много было обнаружено на городище Ния. Возможно, здесь находилось управление администрации и поэтому оказался своего рода архив деревянных и глиняных табличек карошти, представляющих служебную переписку (предписания, запросы, разъяснения), соглашения и сделки (продажа и аренда земли, наем на временную работу, усыновление, продажа в рабство), документы о сборе налогов, частную переписку и т. д. Форма документов устойчивая, что свидетельствует о длительной традиции текстов подобного характера. Официальные тексты начинаются общепринятой формулой «Его Величество Махараджа».

Барроу и Рапсон, издававшие документы и переводившие их на английский язык, считали, что эти тексты были написаны в период I—IV вв. н. э. Хотя тексты в свое время служили административным целям, сейчас мы рассматриваем их как письменные памятники прошлого, в которых нашла выражение одна из линий культурных связей городов Таримского бассейна с кушанами. Тексты карошти могут служить источником при изучении занятий населения, общественного строя, идеологических воззрений людей, быта и т. д.

Частная собственность на средства производства определяла характер производственных отношений. Производство отдельных индивидуумов находилось в определенной связи с производством многих других индивидуумов. Эти связи регулировались законом и обычным правом. Следовательно, любая сделка отражала принятые нормы, понятия. В частном выступало общее. Тексты карошти служат контуром для воспроизведения сложной картины семейного и общественного быта, производства, административного управления.

Общество находилось на высокой ступени развития. Орошаемое земледелие являлось одной из важных отраслей хозяйственной деятельности. Сеяли просо, пшеницу, рис, ячмень, люцерну и другие культуры. В садах росли абрикосы, гранаты, яблоки, груши, виноград, персики, тутовые деревья. Из домашних животных разводили коров, овец, лошадей, верблюдов. Были развиты ремесла.

Имущественное неравенство породило социальные и правовые различия. Рабство считалось естественным явлением; человека продавали, как любую вещь или животное. Раба можно было бить, заложить, променять, подарить. Бесправие человека не противоречило идеологическим воззрениям господствующего класса; наоборот, такие понятия составляли основу взглядов на общественное устройство, на обязанности государственных органов, призванных сохранять право господина пользоваться трудом раба и распоряжаться им по собственному усмотрению.

Государство кушан представляло собой деспотию. Глава государства назывался девапутра — сын бога. Провинциями управляли наместники. Эта система управления отражена в многочисленных документах карошти. Естественно, что местное управление строилось по принципу, действовавшему на основной территории Кушанской империи. Имели силу законы империи, но учитывались и местные обычаи и нормы отношений, установившиеся у народов, поэтому в предписаниях есть указания о необходимости учитывать традиции предков. Аппарат управления нужен был для упорядочения сферы производства, для регулирования отношений между людьми, для защиты от внешних нападений. Вмешательство в сферу производства было направлено на увеличение материальных благ, шедших на удовлетворение возрастающих потребностей господствующего класса и аппарата управления. Государство давало крестьянину землю и взимало с него ренту-налог. Формы материального производства, государственного устройства отвечали идеологическим воззрениям общества.

В период правления кушан в Центральную Азию проникал буддизм секты махаяна. При Канишке новые течения выявлялись более отчетливо, чем ранее. Будда стал обожествляться; считалось, что каждый может стать бодисатвой и достигнуть просветленности, если станет проявлять добродетель. В городах Таримского бассейна, как и в Гандхаре, создавались изваяния Будды, в искусстве изображались сюжеты джатак и других историй жизни Будды. Здесь хорошо прослеживается влияние искусства эпохи господства кушан на искусство Центральной Азии. В рассматриваемых текстах нет изложения основных догм буддизма, но говорится о жертвоприношении животных богу Бхатро. Чаще всего приносили в жертву корову, но допускалось жертвоприношение овцы. Видимо, корова не считалась таким священным животным, каким она стала во время ведических обрядов.

В текстах отражены некоторые стороны семейных отношений. Семья представляла единство мужа и жены; она являлась хозяйственной единицей, в которой глава семьи выступал ответственным перед государством за право пользования земельным наделом, находившимся в наследственном владении. Наследование шло по мужской линии (брат, старший сын), но если после смерти главы семьи не было наследника-мужчины, то наследовала женщина (мать, жена, дочь). Брак оформлялся, как и любая сделка. За жену выплачивался выкуп, считавшийся платой за воспитание и кормление молоком матери. Жена считалась собственностью мужа, он мог ее продать.

Адаптация имела широкое распространение. Изучение условий адаптации не дает оснований рассматривать эту форму отношений как превращение в рабство. Адаптированный имел право на долю наследства, его нельзя было продать, променять и т. д.

В текстах названы имена людей, занимавших определенное положение в обществе: господин, раб, крестьянин, чиновник. Каждый из них имел свои взгляды, понятия об отношении с другими, а совокупность этих взглядов составляла мораль общества, его идеологию, правовые нормы.

Наличие текстов карошти говорит о том, что часть населения городов Таримского бассейна знала санскрит и пракриты (мелкие чиновники, купцы). Духовенство обязано было изучать санскрит, чтобы читать религиозные тексты. Из официального языка слова и термины переходили в разговорный.

Буддийские тексты религиозного содержания находились преимущественно в монастырях. Их язык не был связан с разговорным. Они представляют интерес для изучения истории литературной традиции, а тексты карошти могут быть использованы при изучении истории языка; особенно важны в этом отношении письма.

Хорошо организованная система управления с упорядоченным делопроизводством отражает культурные связи городов Таримского бассейна с Кушанским государством.

Summary

The Tarim basin was the ancient home of sedentary agriculture in Central Asia. The towns that sprang up along the Great Silk Route attracted the nomads to them for many centuries. These rich areas came under the political and cultural influence of the Kushan state. The ancent chronicles left us reports to the effect that Kanishka had conquered the towns of Khotan, Yarkand and Kashgar. These conquests stimulated the expansion of the cultural contacts that had started earlier.

The archaeological study of the old cultural centres of the Tarim basin has yielded a wealth of material which has shed further light on many of the problems

of the history of ancient civilisation. Excavations in the south-eastern part of the Tarim basin have resulted in particularly valuable finds. The towns of Loulan, Niya and Khotan have proved real treasure-holds of material and spiritual culture. The archaeological finds have not been systematised or analysed as yet; consequently, the number of unsolved problems is so overwhelming that it might be well to start the study of the culture of the Kushan period over again from the very beginning.

During the excavations at the town-site of Niya, a great many clay tablets in the Kharoshthi script, dated 1st to 3rd centuries A.D., were brought to light. The texts vary in content from commercial agreements and government decrees to letters and the like. They are important for the study of many aspects of the life of the people of that period, and especially of one of the lines of cultural contacts between the Tarim basin and the Kushan Empire.

Ш. БИРА (МОНГОЛИЯ, УЛАН-БАТОР)

КУШАНЫ В МОНГОЛЬСКОЙ ТРАДИЦИИ

Есть все основания думать, что кушаны в период расцвета своей обширной империи, простиравшейся вплоть до Восточного Туркестана, оказали заметное влияние на кочевые племена Азии, в том числе и Монголии. Они сыграли важную роль в распространении среднеазиатской и древнеиндийской культуры среди народов Азиатского континента. Как известно, история отношений Монголии со странами Центральной Азии уходит своими корнями в глубокую древность. Письменность пришла в Монголию именно из Центральной Азии. Можно сказать, что согдийцы являются учителями монголов. Однако я должен отметить, что вопросы о взаимоотношениях монголов с народностями Центральной Азии в древние времена изучены в нашей исторической науке совершенно недостаточно. Примером может послужить хотя бы та тема, с которой я решился выступить на столь представительном форуме выдающихся ученых-кушановедов. Искренне стремясь содействовать изучению истории древних отношений между Монголией и Центральной Азией, я бы хотел сделать свое скромное сообщение, которое, я надеюсь, не будет выходить за рамки основной тематики конференции.

Если современное состояние наших знаний не позволяет нам приводить какие-либо вещественные доказательства, на основании которых можно было бы судить о влиянии кушанской цивилизации на кочевые племена Азии, то мы вполне можем говорить о древнемонгольских исторических традициях, связанных с Кушанской империей, считавшейся наряду с Магадхой и империей Ашоки образцом буддийских монархий на Востоке.

Хотя Кушанская империя распалась в конце IV в. н. э., ее слава и имя ее царя Канишки надолго сохранились в памяти монголов. В «Белой истории», хронике второй половины XIII в., говорится о кушанах как о «Кушанской Монголии» (Kusan u mongvol).

Из всех древнеиндийских царей после Ашоки Канишка был наиболее известным среди монголов. Он славился в Монголии как Yeke Cakcavardi qayan (Cakravarti-raja) или же nomun qayan 9 (Dharma-raja), которому стремились подражать монгольские хаганы. В монгольских источниках говорится о Канишке не только как о великом покровителе учения о дхарме и инициаторе буддийского собора, на котором восторжествовала махаяна, но и как об одном из основателей известной буддийской концепции государственной политики восточных монархий — концепции «двух принципов».

В упомянутой «Белой истории» имеются сведения о том, что два принципа (qoyar yosun) царской власти, возникшие впервые в Магадхе и получившие дальнейшее развитие в Кушанском государстве, Хотане, Тибете и других так называемых «шестнадцати великих странах Замбудебы», были унаследованы Монгольской империей при Хубилай-хагане.

Как известно, Хубилай объявил буддизм государственной религией своей империи. У него был личный наставник в лице тибетского ламы

Пагвы Лодойжалцана (Blo-gros mtshan), носившего высшее духовное звание гушри (от санскритского guru sri). Таким образом, можно сказать, что через столетия после распада Кушанской империи древнеиндийская традиция создания монархии на основе двух принципов была возрождена при монгольском хагане Хубилае. Хубилай-хаган и Пагва-лама олицетворяли светское и духовное начало царской власти, их сотрудничество отражало теснейший союз между буддийской церковью и государством. Эта традиция сохранялась среди монголов вплоть до недавнего времени. При каждой попытке возродить монгольскую государственность монгольские хаганы неизменно обращались к двум принципам управления государством. Так было не только при Алтан-хагане Тумедском в конце XVI в., но и при монархии Богдо-хагана. Как известно, последняя монгольская монархия была официально объявлена «государством Богдо-хагана, державшего воедино [бразды] правления государством и религией», а сам Богдо-хаган назывался «многими возведенный». что является монгольской калькой санскритского Mahasammata. Таким образом, монгольские феодалы в совершенно иных исторических условиях пытались использовать прежнюю традицию, которая им казалась самым лучшим, что они могли предложить при устройстве национального государства.

Может возникнуть вопрос: каким образом монголам удалось унаследовать от древних буддийских монархий основные принципы правления государством через много столетий после того, как сами эти монархии потерпели крушение?

Здесь имеются не только прямые указания в монгольских источниках (например, в «Белой истории»), но и ценные документы, из которых монголы могли позаимствовать принципы государственного управления в империях Ашоки и Канишки. Мы имеем в виду прежде всего многочисленные письма (санскр. Lekha, тиб. sprin-yig, монг. jakiy-a bicig), написанные древнеиндийскими мудрецами (Нагаржуной, Чандрагомином и др.) на имя своих царей. Эти письма были впоследствии собраны и опубликованы в тибетском и монгольском Данжурах. Из всех писем мы остановимся только на одном, ибо оно имеет прямое отношение к нашей теме. Это письмо Матрчеты на имя великого царя Канишки, которого автор называет «рожденным в роду Кушан». Письмо называется «Maharajakanishkalekha» (тиб. rgyal po chen po kaniska la sprin yig; монг. Yeke qayan kanika-dur ilegegsen jakiy-a bicig)[1]. Письмо интересно в двух аспектах. Прежде всего оно, на наш взгляд, является ценным документом, на основании которого можно в известной мере судить о том, как разрабатывались духовный и светский принципы правления государством при Канишке. Матрчета, разъясняя суть духовного принципа, настоятельно советует царю безотлагательно встать на истинный путь учения Будды. Он же рекомендует Канишке «охранять всех, кто на земле, святым учением о дхарме, учредить добродетельные законы» вместо прежних греховных, а также «не позволять никогда нисхождению учения о дхарме»[2].

Так, Матрчета желал, чтобы его царь следовал примеру истинного царя Чакраварти, покорившего «окруженную океаном землю не с помощью насилия и оружия, а посредством одной дхармы»[3].

Раскрывая содержание второго принципа, Матрчета в основном говорит о правилах поведения, которых должен придерживаться «царь учения».

Следует полагать, что подобных документов было немало у Канишки и они имели весьма существенное значение для устройства им Кушанского государства.

С другой стороны, данное письмо представляет для нас особенно большой интерес, так как именно из него монголы узнали об основных принципах государственного управления, которые были разработаны буддийскими мудрецами в период царствования Канишки.

Это письмо Матрчеты на имя Канишки наряду с другими подобными письмами (Нагаржуны, Чандрагомина и др.) послужило образцом для написания личным наставником монгольского хагана Пагва-ламой многочисленных писем и советов, адресованных Хубилаю-хагану, его сыновьям и родственникам [4].

Здесь нет возможности подробно говорить обо всех этих письмах. Однако необходимо отметить, что в этих письмах Пагва-лама разработал для монгольского хагана основные принципы управления государством, следуя примеру Нагаржуны, Чандрагомина и Матрчеты. При сравнении писем и советов Пагва-ламы с теми, которые были написаны названными авторами, нетрудно заметить в них много аналогичного как по форме, так и по содержанию. Пагва-лама во всех своих эпистолярных произведениях проводит одну основную мысль о том, что царская власть должна покоиться на умелом сочетании светской власти с ее духовным началом, т. е. религией. Эту свою мысль он сформулировал с наибольшей ясностью во вступительной части своего письма, которое носит название «Драгоценные четки-советы принцу Зэвэг-Тимуру». Письмо написано в 1266 г. В нем говорится:

Вы — владыка богатств и славы,
К чему же вам дар вещественный?
Подобно тому, как освещает кумуду свет лунной зимой,
Так и я желаю преподнести вам дар — Доктрину свою.
Кто, владея богатством этим,
Не приобщен к Доктрине настоящей,
То это, подобно яствам, с ядом смешанным,
Принесет лишь несчастье и горе.
Если же кто, владея Доктриной,
Лишен славы мирской,
То это, подобно драгоценности в шелухе,
Не принесет пользы другим.
Кто обладает двумя этими качествами,
Тот будет полезен тебе и другому.
Подобно драгоценности очищенной,
Послужит украшением тебе и другому.
Вот почему внемлите
Моим словам, показывающим плоды
Владения двумя принципами! [5]

Анализ главных идей «Белой истории» в свете вышеупомянутых трудов Пагва-ламы дает нам основания думать, что важнейшие идеи, высказанные наставником монгольского хагана относительно ханской власти на основе учения древнеиндийских мудрецов, оказали существенное влияние на содержание данной хроники.

«Белая история» фактически представляет собой номоканон монгольских хаганов, где вкратце изложены два принципа, легших в основу государственного управления при Хубилай-хагане. Там же говорится: «Корнем святой религии является лама, Владыка учения, а главой державы — хан, Обладатель земной власти. Законы истинного учения, подобно священному шелковому шнуру, неослабимы, законы могущественного хана, подобно золотому ярму, несокрушимы». Кратким изложением того, как безошибочно следует осуществлять оба закона, является «Белая история» [6].

Из вышесказанного видно, что монголы бережно сохраняли память о кушанах и их царе Канишке. Более того, буддийские принципы государственного управления, разработанные Матрчетой в период царствования Канишки, легли в основу устройства Монгольской империи при Хубилай-хагане. И наконец, позволю себе высказать еще одно предположение в дополнение к многочисленным гипотезам, выдвинутым на нашей конференции: буддизм, получивший большое распространение во времена господства кушан, по-видимому, сделал немало для установления тесного союза с представителями господствующего класса кушан. Подобная картина наблюдалась в более позднее время в Монголии и Тибете. В связи с этим я бы хотел подчеркнуть важность древнеиндийских, тибетских и монгольских буддийских источников для изучения истории буддизма в Кушанском царстве.

---

[1] Тибетский Данжур, т. 1 (173), $53^{\text{а}}$ — $53^{\text{б}}$; Монгольский Данжур, т. 132, лл. $421^{\text{б}}$ — $427^{\text{а}}$.

[2] Так говорится о Чакраварти в Sutta Nipata, p. 102; cf.: W. Kirfel, *Die Kosmographie der Inder nach den Quellen dargestellt,* Bonn-Leipzig, 1920, S. 181.

[3] Тибетский Данжур, т. 1 (173), л. $55^{\text{а}}$с; Монгольский Данжур, т. 182, л. $424^{\text{б}}$.

[4] Все эти эпистолярные произведения Пагва-ламы находятся в собрании сочинений Сакьякских иерархов, т. Ьа.

[5] Пагва-лама, Советы Зэвэг-Тимуру, "Собрание сочинений Сакьякских иерархов", т. Ьа, лл. $12^{\text{а}}$ ($156^{\text{а}}$ — $12^{\text{б}}$), $158^{\text{б}}$.

[6] «Белая история», Улан-Баторский список В.

С. ВАКЛИНОВ (БОЛГАРИЯ, СОФИЯ)

РАННЕБОЛГАРСКАЯ КУЛЬТУРА И СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Мне выпала честь представлять археологию одной маленькой страны юго-востока Европы, которая самым тесным образом связана с историческими судьбами Средней Азии на рубеже нашей эры.

Дунайская Болгария — сейчас страна славянская. Но ее корни 1300-летней давности выходят далеко за пределы этого района. Они впитали соки не только среднеевропейской, но и местной римско-византийской культуры, а также передне-, средне- и центральноазиатской культуры. В процессе сложения раннесредневековой болгарской народности и культуры VII—X вв. выдающуюся роль играли праболгары — народ, вышедший из восточных глубин евразийских степей.

Именно там, в Средней Азии, сложились те традиции, которые после распада Гуннской державы в середине V в., в эпоху формирования праболгарской культуры в северночерноморских степях, связывали раннеболгарскую культуру с культурами Востока. В среднеазиатских просторах, между Алтаем и Волгой, на Южном Урале прошла большая часть исторического периода праболгар, который мы называем догосударственным и о котором мы пока еще ничего достоверного не знаем.

Праболгары или протоболгары, как мы их называем для отличия от поздних, средневековых болгар,— тюрки по происхождению. Об этом говорит множество сведений и фактов, касающихся их культуры и языка. Сейчас большинство ученых считает их западными тюрками, основываясь главным образом на их языке. Так ли это, покажут будущие исследования. Лично я считаю их восточными тюрками.

Очевидно, что ранняя, или «азиатская», история праболгар тесным образом связана с хуннами-гуннами. После драматичного центральноазиатского периода истории хуннов во время их перехода в Среднюю Азию под ударами сяньби их сопровождали некоторые из тюркских союзников, среди которых могли быть и праболгары. Однако гораздо более важным для истории собственно праболгар оказалось их пребывание в заволжских степях и на юге Урала. Во II—III вв. н. э., т. е. в эпоху Кушанской державы, на юге Средней Азии сложились основы праболгарской народности и ее культуры в тесном этническом общении с уграми, в традициях хуннской истории и с культурными заимствованиями у среднеазиатских и ближневосточных цивилизаций.

В эпоху Великого переселения народов в Европу праболгары, сохраняя тюркские черты своей культуры, но являясь уже совсем новой народностью, оказались в последней волне народов, которые под гуннской эгидой хлынули в Среднюю Европу. Три века они кочевали по степям Юго-Восточной Европы между Черным и Каспийским морями и Северным Кавказом и время от времени вмешивались в европейские события. Их соседями, у которых они многое заимствовали, были аланы — иными словами, иранцы. Там их общество постепенно стало классовым, а хозяйство все более оседлым. Именно в этот переходный момент их только что сложившееся государство, центром которого оказались кубанские степи, пало под ударами новой тюркской волны во главе с хазарами. Бо́льшая часть праболгар вышла из своих степей и двинулась в разных направлениях. Во второй половине VII в. на историческую арену вышли два болгарских государства Восточной Европы — Волжская и Дунайская Болгария.

В низовье Дуная, между Карпатами и Балканами, началась новая, уже государственная история праболгар, теснейшим образом связанная с историей и культурой славян. Но в основу государства Дунайской Болгарии легли центральноазиатские, тюркские традиции государственного устройства. В формировании культуры дунайского государства болгар главенствующую роль играли традиции правящего слоя родоплеменной аристократии праболгар, превратившейся в государственную верхушку вокруг Шубиги-хана. Большую роль в этом процессе сыграли не только славянские традиции, но и местное позднеантичное культурное наследие, продолжавшее развиваться в ранневизантийских условиях.

Сопоставляя самые общие черты становления и развития культуры праболгар и пракушан, нельзя не заметить общие закономерности. Праболгары, как и пракушаны, известные по китайским документам на рубеже нашей эры как да-юечжи, вышли из Джунгарии и смежных районов. Под ударами хуннов и усуней да-юечжи ступили на земли Западного Туркестана, Согда и Бактрии, т. е. в районы таких же древних культурных традиций, каким стала Юго-Восточная Европа для праболгар семь веков спустя. На этих землях, войдя в сложные взаимоотношения с местными племенами и народами, как и праболгары на Балканах, да-юечжи превратились в качественно новый этнос, чье искусство, религия, письменность явились как бы продолжением местной греко-бактрийской культуры. Этот параллелизм, конечно, не исчерпывает и не в состоянии объяснить все одинаковые или сходные проблемы в этнокультурной истории двух народов, но благодаря ему оказывается много общего в проблематике исследований.

В период язычества в Болгарии на Дунае, от образования государства в 680 г. по 865 г. (почти 200 лет), в раннеболгарской культуре появились формы архитектуры и искусства, которые не имеют ни славянских, ни болгарских корней. Их прототипы встречаются в Передней и Средней Азии. Из области архитектуры можно привести в качестве примера квадратный храм, существовавший как в первой столице государства, укрепленном лагере — ставке хана Плиске, так и во второй — Преславе. Прямоугольный вариант этого храма встречается как в Плиске, так и в Мадаре, государственном религиозном центре недалеко от столицы. Толкование этой архитектуры как архитектуры языческих храмов подтверждается тем, что воинствующее христианство уничтожило два из них (в Плиске — квадратный, в Мадаре — прямоугольный), а два других превратило в церкви (в Плиске — прямоугольный, в Преславе — квадратный). В Болгарии появились жилищные и дворцовые постройки, планы которых восходят к очень древним прототипам тех же районов юга Средней Азии, Ирана и Месопотамии. Это прежде всего симметричный план здания так называемого Малого дворца в Плиске, который встречается в нескольких вариантах в самой столице, а также в Мадаре и Преславе. Он состоит из одного среднего зала, по бокам которого располагаются три помещения на каждой стороне. В 1968 г. во время раскопок Преслав дал нам еще один очень интересный, не известный до сих пор у нас план квадратного здания, состоящего из поперечных залов, пересекающихся под куполом, и четырех комнат в углах. Этот план часто встречается в Средней Азии.

В раннеболгарской монументальной скульптуре на скалах Мадары появилось рельефное изображение всадника-победителя, чей прототип находим в иранском искусстве.

В области металлопластики и торевтики упомяну только о большом разнообразии поясных наборов, прямые параллели которых дают среднеазиатские и алтайские образцы. Особенно замечателен орнаментальный и изобразительный декор раннеболгарского набора золотых сосудов (клад из Надь-Сент-Миклоша), в котором находим изображение передне- и среднеазиатской богини Анахиты.

Отмечая все это как указание на восточные связи раннеболгарского искусства, нельзя не подчеркнуть глубокое влияние Византии, продолжательницы античных традиций, на болгарское искусство и культуру. Сразу после образования государства в Болгарии появилась греческая письменность, которая позже стала основой славяноболгарской письменности — кириллицы.

По поводу ближневосточных и среднеазиатских форм раннесредневековой болгарской культуры высказано уже много мнений. Откуда пришли в искусство Болгарии эти формы архитектуры и искусства? Как объяснить их появление в эпоху становления болгарского государства и культуры? Несомненно, один из путей их появления — через Кавказ, другой — из-за Каспийского моря. Сама Византия являлась посредницей между восточной и раннеболгарской культурой. Но вопрос еще далек от разрешения. Трудности не только в недостаточной изученности древнеболгарских государственных центров, в отсутствии достаточного количества памятников и документов на нашей территории, но и в разобщенности исследований ранних фаз праболгарской истории и культуры.

В последнее время создана межинститутская комиссия Академии наук Болгарии по проблемам истории языка и культуры праболгар. Цель ее членов и сотрудников — разрабатывать проблемы, касающиеся праболгарского этногенеза и культуры в самом широком хронологическом и территориальном охвате. Само собой разумеется, что успешная работа наших ученых в этом направлении невозможна без тесного сотрудничества с советскими специалистами. В каких конкретных формах выразится это сотрудничество, зависит прежде всего от официальной договоренности между БАН, АН СССР и академиями некоторых союзных республик. Выражая свою глубокую благодарность за приглашение и данную мне возможность выступить перед вами, я хочу обратиться ко всем специалистам по истории и культуре Средней Азии и Юго-Восточной Европы, присутствующим здесь, с просьбой помочь нам включиться в исследования, конечным результатом которых будет освещение происхождения и исторической судьбы праболгар — одного из народов Центральной Азии, чье имя связано уже 1300 лет с европейской историей.

И. ЭРДЕЛИ (ВЕНГРИЯ, БУДАПЕШТ)

АВАРЫ И СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Целый ряд народов эпохи великого переселения нашел убежище на крайнем участке бесконечной евразийской степи, на территории Карпато-Дунайского бассейна. Большинство этих народов, как известно, имеет кочевое, азиатское происхождение. Появившиеся на венгерской равнине в 568 г. авары являются, несомненно, выходцами из Азии. Их передвижение связано с разгромом империи эфталитов в 557 г.[1], но точнее определить их этническое происхождение до сих пор не удавалось, хотя начиная с середины XVIII в. было высказано немало гипотез. Самая распространенная из них, высказанная еще М. Дегинье[2], отождествляет авар с жужанами. Целый ряд ученых в течение почти двухсот лет безоговорочно соглашался с таким отождествлением просто потому, что дата разгрома империи жужаней тюрками (552—555 гг.) примерно совпала с появлением авар в Европе. Несколько лет назад венгерский филолог Карой Цегледи[3] разработал новую теорию происхождения авар. Ссылаясь на работу Э. Нордена[4], он установил прежде всего, что рассказ Феофилакта Симокатты о том, что авары не настоящие грозные племена, пришедшие из Азии, а только псевдоавары, является просто версией античного происхождения; переводчик тюркского посольства — по всей вероятности согдиец — называл авар уархонами; значит, ключ к вопросу об их происхождении надо искать в дальнейшем среди памятников восточных эфталитов. Таким образом, разными теориями все-таки не опровергается азиатское происхождение авар.

Труднее обстоит дело с интерпретацией археологических памятников аварского времени на территории Карпато-Дунайского бассейна и с розыском их археологических памятников на Востоке. Тщательный анализ археологических источников за последние четыре десятилетия привел к значительным результатам. Удалось расчленить «аварский» археологический материал на две хронологические группы: раннюю, с 568 по 670 г., и позднюю — до гибели аварского государства в начале IX в. Между этими группами обычно отмечается небольшой переходный период, датируемый концом VII в. Начиная с него, резко меняется облик могильников, появляются новые вещественные комплексы, исчезают монетные находки. По всей вероятности, появилась совсем новая этническая волна (а возможно, и несколько волн), начиная с конца VII в.[5].

За последние годы венгерские и чехословацкие археологи приложили много усилий для разработки именно второй группы — точнее, второй фазы аварской эпохи[6]. В связи с этим тщательно изучался керамический материал могильников VIII в. По сравнению с более ранними эти могильники содержат в себе много погребений, нередко до 1000. Погребения, как и в ранней фазе, бескурганные, расположены рядами. Именно на этих могильниках появляются новые, до сих пор не известные типы керамики: чаще всего встречаются низкие горшки с кольцевидным ушком, имеются также высокие горшки, миски и стаканы. Все они тонкостенные, хорошего обжига, сделаны из тщательно отмученной глины. Цвет — желтый или оранжево-желтый. Узора на них не бывает, за исключением нескольких горизонтальных линий на плечиках кувшинов, напоминающих металлические сосуды. На кувшинах встречается узор, нанесенный красновато-коричневым или черным ангобом. На территории Карпато-Дунайского бассейна число местонахождений подобных сосудов (которые мы условно называем желтыми), считая и неопубликованные, уже превышает сто. На могильниках они встречаются не часто. Имеется случай (могильник Желовце в Словакии), когда только в одном из более 800 погребений лежал желтый кувшин [7]. В других больших, полностью раскопанных могильниках встречается желтая керамика в количестве от восьми экземпляров (например, могильник близ г. Дёор, Венгрия) [8] до десяти (близ г. Нове Замки, Словакия) [9]. В погребениях они встречаются обычно в одном экземпляре, иногда вместе с местными, более грубыми, горшками.

На данный тип керамики первым обратил серьезное внимание венгерский археолог Тибор Хорват [10] в середине 30-х годов. В недавнее время эта группа керамики тщательно изучалась словацким археологом Дариной Бялековой [11]. В то же время венгерский археолог, сотрудница Национального музея Эва Гарам [12] еще шире исследовала данную группу, включая весь неопубликованный материал. Ее работа еще не вышла в свет. Оба автора пришли примерно к одинаковым выводам: в конечном счете эти типы керамики происходят из Средней Азии.

Уже в Карпато-Дунайском бассейне желтая керамика, как правило, встречается в комплексах литых бронзовых поясных наборов с растительно-грифонным орнаментом. Этот тип поясных наборов характерен для второй фазы аварской древности, в основном для VIII в. Эти литые поясные наборы, полных аналогий которым мы пока в Средней Азии не находим, появляются у нас в готовом виде, так же как и желтая керамика; проследить их развитие и какие-либо местные корни посредством анализа массового материала нам еще не удалось. Это означает, по нашему мнению, что данные элементы материальной культуры несомненно появились в связи с переселением новых этнических групп. Д. Бялекова [13] связывает их появление с политическими событиями в Средней Азии: с разрушением западнотюркского каганата, затем с бурной эпохой Кутейбы и, наконец, даже с появлением карлуков в долине рек Талас и Чу в 766 г. По ее мнению, именно эти важные события дали толчок появлению новых элементов на Дунае. Таким образом, Бялекова не считается с существованием мощного и воинственного Хазарского каганата, который, по нашему мнению, преградил бы путь переселению этнических групп в конце VII — начале VIII в. В своей статье она старается привести целый ряд аналогий желтой керамики из Средней Азии VI—VIII вв., из Пянджикента и других местонахождений Согда. Но, по нашему мнению, все эти аналогии абсолютно не убедительны. Сходства форм довольно слабые.

С тем, что желтая керамика не имеет корней развития на территории Карпато-Дунайского бассейна, все исследователи согласны. По нашему мнению, их происхождение нужно искать гораздо ближе к нашим областям, чем Средняя Азия. Какие мы имеем для этого доказательства? Прежде всего нужно отметить, что 70-е годы VII в. ознаменованы расселением болгар на территории Восточной Европы. Именно в связи с переселением разных болгарских племен связано появление новых этнических групп в наших областях [14].

Относительно керамики нужно подчеркнуть следующие факты: некоторые типы желтой керамики встречаются и в серой глине (например, из с. Чакберень в Венгрии)[15]: обжиг и материал их характерен для данного периода, по всей вероятности, для местных мастерских. В то же время на территории Венгрии и Словакии появились серые глиняные фляги-баклажки, которые также имеют аналогии в Южной России VII—VIII вв. (Новочеркасск, Маяцкое городище и др.), а не в Средней Азии. Нам кажется, что Д. Бялекова уделила мало внимания узору кувшинов, нанесенному ангобом и представляющему собой растительный орнамент или птицу, вписанные в круги. Аналогии их мы можем найти, например, в росписи на ойнохойе VII—VIII вв. из 307-го склепа могильника близ с. Скалистое в Крыму[16]. Кувшины с росписью из Южной Венгрии (Сегед, Секкуташ и т. д.)[17], из Югославии (Врбас)[18] тесно связаны с иранскими (постсасанидскими) металлическими образцами и имеют ряд аналогий в Болгарии. Суммируя наблюдения в области желтой керамики позднеаварского времени, мы склонны считать, что эта керамика имеет восточноевропейские корни с иранским влиянием и не связана с керамическим производством Средней Азии VI—VIII вв. По отношению к этническому происхождению так называемых позднеаварских могильников Средняя Азия уже не является непосредственным источником, каким она была в ранneаварском периоде.

---

[1] J. Harmatta, "Bizanc és a türkök kapcsolatának kezdetei", *Antik Tanulmányok*, 1962, 41.

[2] M. Deguignes, *Histoire générale des huns, des turcs, des mongols et des autres tartares occidentaux*, Paris, 1756, 1.2.334.

[3] K. Czeglédy, *IV—IX. századi népmozgalmak a steppén*, Budapest, 1954, 8-12.

[4] E. Norden, *Die germanische Urgeschichte in Tacitus Germania*, Leipzig-Berlin, 1920, 422-423; цит. по работе К. Цегледи.

[5] I. Bóna, "Az ürbőpusztai avar temető", *Archaeologiai Értesitő*, 1957, 2, 155-174.

[6] Z. Čilinska, "Včasnostredoveké pohrebisko v Želovciach", *Archeologické Rozhledy*, XIX, 1967, 5.671. рис. 225.

[7] Z. Čilinska, "Zur Frage des zweiten awarischen Kaganats", *Slovenská Archeológia*, XV, 2, 1967, 447-454.

[8] N. Fettich — J. Nemeskéri, *Győr története a népvándorlás korában*, Győr, 1943.

[9] Z. Čilinská, *Slawisch-awarisches Gräberfeld von Nové Zámky*, Nitra, 1967.

[10] T. Horváth, "Az üllői és kiskőrösi avar temető", *Archaeologia Hungarica*, XIX, 1935.

[11] D. Bialeková, "Žitá keramika z pohrebisk obdobia avarskej Riše", *Slovenská Archeológia*, XV, 1967, 5-76.

[12] См. доклад Э. Гарам на IV Конференции по археологии венгерской равнины (о происхождении желтой керамики аварской эпохи), Сегед, апрель 1968 г.

[13] D. Bialeková, цит. соч., 50.

[14] G. Nagy, "Zichy Jenő gróf harmadik ázsai útja", *Archaeológiai Értesitő*, 1906, 405.

[15] Неопубликованные материалы раскопок Д. Ласло. Находки хранятся в музее г. Секешфехервара в Венгрии.

[16] Е. В. Веймарн, А. П. Смирнов, Сосуд с росписью из могильника у с. Скалистое,— КСИИМК, 100, 106.

[17] Материалы раскопок Секкуташского могильника К. Надем еще не опубликованы; хранятся в музее г. Ходмезёвашархей.

[18] D. Bialeková, цит. соч., 19.

B. OGEL (ANKARA, TURKEY)

THE HISTORY OF KUSHANS AND ITS CHINESE SOURCES

The history of the Yüeh-chih and Kushans is the most problematic subject of Central Asia: there are so many hypotheses that we cannot find a clear historical schedule in any book or in any article. I want here to give an almost real table, especially according to the Chinese sources, on the history of the Kushans and their ancestors.

The Yüeh-chih, ancestors of Kushans, had been defeated by Hsiun-Nu and migrated to the West. It is a lucky break for history that the Chinese Emperor Han Wa-ti wanted an alliance with the Yüeh-chih and sent them the famous traveller Chang Ch'ien. The travel report of Chang Ch'ien is the best source of Kushan history and the history of Central Asia. The main principle of Chinese historiographers is chronology. They clarified always the events within time and in a geographical context. For that reason, the Kushan history cannot be written without Chinese sources. The Kushan Kingdom had been established after a great migration of peoples.

The reason of these troubles was the coming of the Yüeh-chih to Sogdiana. I do not want here to speak about the old history of the Yüeh-chih, but their migration from Issyk-Kul to Sogdiana is a very important event. Formerly the Saiwangs, perhaps Sakas, were staying near Issyk-Kul. The Yüeh-chih attacked them, and they fled to Sogdiana. The fall of the Greek states in Sogdiana and Bactria was not effected by the Yüeh-chih as in the old theories of Marquart, but by these Saiwangs. The Saiwangs defeated King Eucratides and his son Heliocles, perhaps with the help of Mithradates, King of Parthia. The reports of Strabo and Trogus belong to these wars. The date of Sogdiana's invasion by the Saiwangs is unknown in the sources. In 125 B.C., Chang Ch'ien came to Issyk-Kul, but he could not find the Yüeh-chih. The Yüeh-chih went to Sogdiana before 125 B.C. According to the Western sources, the first troubles in Sogdiana began in 128 B.C., e.g. at the time of Phraates II. Gutschmid, an excellent historian, saw this reality without knowing the Chinese records. When the Yüeh-chih came to Sogdiana, the Sakas again fled to the south along two routes. The western branch came to Sakastan in the period of Arthabanes, King of Parthia, probably in 127-124 B.C. The other branches went to Ch'i-pin (Kashmir), according to Chinese sources.

The Chinese historians reported that the real Yüeh-chih (Kushan) Kingdom had been established 100 years after their coming to Bactria. This date may be 25 B.C.

The first king of Kushans, called by the Chinese Chiuchiuch'i may be the same person as King Kuzula (or Kujula) Kadphises. Kujula's coins were similar to the coins of Augustus in Rome. This similarity also supports the Chinese chronology. His son Yen-kao-ch'en invaded India. This could also be Vima Kadphises, son of Kujula. His title "Yavuga" was of Central Asian origin.

The famous Chinese general Pan Ch'ao asked the Kushans to help against the Hsiun-Nu. The Kushans did not accept it, and so the Chinese army defeated the Kushans.

И. Н. ХЛОПИН (СССР, ЛЕНИНГРАД)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К КУШАНСКОЙ ОНОМАСТИКЕ

Лингвисты внесли много интересного и важного в изучение кушанской ономастики, в частности в этимологию имен кушанских царей. Я не лингвист, а историк; поэтому в своем выступлении я не касаюсь лингвистического аспекта этой проблемы. Я хочу показать, ка́к можно наметить путь для объяснения происхождения и языковой принадлежности имени Канишки и имен его наследников, исходя из всем хорошо известных исторических фактов.

Как известно, примерно во второй половине II в. до н. э. Большие юечжи были вытеснены гуннами из Центральной Азии, передвинулись на запад и обосновались на территории Бактрии. Последняя уже не представляла собой прежнее сильное Греко-бактрийское царство, а находилась в состоянии феодальной раздробленности. На его развалинах образовалось множество мелких владений со своими правителями, которые сохраняли в той или иной степени остатки греко-бактрийской культуры, сложившейся еще в эпоху эллинизма. Первоначально юечжи были для бактрийских народностей совершенно чужеродными — вероятно, по всем показателям; но те и другие продолжали жить в соседстве и находиться в определенных контактах. Ассимиляция местным населением пришельцев (отмеченная, кстати, и для других областей Средней Азии, где наблюдались контакты между земледельцами и кочевниками), надо полагать, началась с социальных низов. А к тому времени, когда кушанский ябгу Кудзула Кадфиз подчиняет себе остальных юечжей, какое-то короткое время признает призрачный сюзеренитет индо-греческого царька Гермея, затем принимает титул «царя царей» и становится основателем огромной Кушанской империи,— к тому времени, вероятно, только кушанская знать остается по-прежнему верна старым родовым традициям юечжей.

Став политическим наследником греко-бактрийских и индо-парфянских правителей, Кудзула Кадфиз наследует и смешанную форму греко-бактрийских государств, что, в частности, иллюстрируется двуязычными легендами выпущенных им монет, написанными по-гречески и на карошти. Он принимает существовавшие до него институты управления государством — с чиновниками и языком — такими, какими они были до него; все его усилия были направлены на создание империи, на внешнюю политику.

Преемник Кудзулы Кадфиза, Вима Кадфиз, продолжал в основном завоевательную внешнюю политику отца. Его деятельность, по-видимому, была направлена на удержание в составе империи северо-индийских областей, чем и объясняется его политическая склонность к индуизму, фиксируемая нумизматическими материалами. Но он уже начинает уделять внимание внутренним проблемам государства, проводит важное экономическое мероприятие: вводит новую денежную систему, единую для всего государства.

Таким образом, вчерашние скотоводы оказались политическими наследниками двух царств — Греко-бактрийского и Индо-парфянского. Столкнувшись с этими государственными образованиями, юечжийские ябгу не разрушили их, а приспособились к ним и превратились в кушанских царей. Так происходила первичная ассимиляция чужеродных правителей. Первичная — потому что новые правители оказались ассимилированными не народным ираноязычным субстратом, а внешним оформлением бывших греко-иранских государств, с которыми они столкнулись в первую очередь. Взаимные отношения князей любого этноса возникают только с князьями, т. е. с социально равными элементами; точно так же простые люди одного народа вступают в контакт прежде всего с простыми людьми другого народа. Поскольку на поверхности находятся всегда язык и культура правящих классов, то при завоевании новых и чуждых народов и территорий юечжийские ябгу начали воспринимать культуру низвергнутых ими правителей, т. е. греко-бактрийскую.

Резюмируя деятельность двух первых кушанских царей, хочется отметить, что они больше заботились о создании могущественного государства, чем о контактах с основным ирано-язычным этническим пластом завоеванных территорий. Они продолжали пользоваться греческим языком, их имена по-прежнему звучали чуждо для народа. Но, возможно, период их правления следует считать все же переходным, поскольку на его протяжении могли происходить поиски форм более тесных контактов между новой правящей верхушкой и местным населением, исконным и традиционным ираноязычным населением современных южных областей Средней Азии, Восточного Ирана, Афганистана и Северной Индии.

Новый и качественно отличный период в истории кушан наступает с вступлением на престол самого известного из кушанских царей — Канишки. К этому времени могущественное и обширное государство было уже создано, внутри него были проведены основные финансовые реформы, унифицировавшие и упорядочившие денежное обращение. На долю Канишки выпало удержать ранее покоренные народы в рамках одного государства, и он настолько успешно справился с этой задачей, что стал одной из популярнейших личностей в буддийской литературе. Для осуществления этой нелегкой задачи им были использованы разные методы. Одним из них было проявление удивительной веротерпимости, удивительной для того времени свободы совести при покровительственной политике государства по отношению к буддизму; наряду с ним официально продолжали существовать в государстве и греческие и зороастрийские культы, что нашло свое отражение опять-таки на монетах. Другим методом было признание бактрийского языка государственным языком; по-видимому, выбор этого языка объясняется его наибольшей распространенностью и понятностью для ирано-индийского этнического субстрата. Отказ от традиций греко-индийских правителей, выразившийся в отказе от греческого языка как государственного, следует, вероятнее всего, объяснять тем, что греко-бактрийская культура в целом никогда не соответствовала духовной культуре основного этнического пласта восточных эллинистических государств, народы которых при определенных обстоятельствах сравнительно легко от нее отказались.

Главным же событием проводимой Канишкой политики, которое является логическим завершением названных выше мероприятий, является изменение смыслового содержания царских имен. Для полного слияния правящей чужеродной верхушки с покоренным ею этносом, для полной ассимиляции правителей на этот раз уже народом имена царей стали в своей основе иранскими — точнее, соответствующими государственному языку, т. е. бактрийскими. Они стали выражать какие-то определенные качества, приличествующие царям, и, главное, стали понятными и близкими большинству подданных. Этот акт полностью оправдан исторически, логичен и не является единственным в истории. Наиболее близким аналогичным примером является русская императрица Екатерина II: прежде чем стать императрицей, немецкая принцесса Софья Ангальт-Цербстская не только в совершенстве выучила русский язык, но и изменила свое имя, приняв православие; после этого она была принята всеми слоями русского общества.

Мне хочется обратить внимание еще на одну деталь в интерпретации кушанских царских имен. Я хочу возразить против одной трактовки, появившейся в специальной литературе, а именно против того, чтобы в этих именах усматривать уменьшительные формы, пусть даже со стершимся значением. Дело в том, что любой царь — а уж правитель огромного государства и подавно — не мог в силу своей сущности иметь официального уменьшительного имени; история не знает подобных примеров. Что же касается Владимира Красное Солнышко, то это прозвище никогда не было официальным. Более того, оно встречается только в былинах и стихах А. К. Толстого, а в документах эпохи Владимира и на монетах его нет.

Таким образом, в своем кратком выступлении я хотел показать, что исторический подход к изучению кушанской ономастики вполне правомерен. Исторические факты, отобранные под определенным углом зрения, позволяют прийти к заключению, что имена Канишки и его последователей должны рассматриваться как бактрийские, соответствующие государственному языку империи Великих Кушан.

К. АЛИЕВ (СССР, БАКУ)

К ВОПРОСУ О НОМАДАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ДРЕВНЕГО АЗЕРБАЙДЖАНА (АТРОПАТЕНЫ И КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ)

В конце 1 тысячелетия до н. э. усиливаются кочевые племена гуннов, занимавших обширную территорию, расположенную к северу и западу от нынешней китайской провинции Ганьсу до степей Казахстана; от древнего Ордоса до земель Кангюй и Усунь на юге владения гуннов простирались до пустыни Гоби и северных отрогов Тянь-Шаня[1].

При шаньюях Модэ (209—174 гг. до н. э.), Лаошан-Гиюе (174—161 гг. до н. э.) и Гюньчене (161—126 гг. до н. э.) гунны чрезвычайно усилились.

Отныне государство шаньюев начало играть значительную роль в политической жизни не только Китая, но и стран, расположенных к западу от основной территории расселения гуннов. Так, между 176 и 174 гг. до н. э. гунны совершили поход в Лэулань, Усунь, Хусе и 26 соседних владений. Жители этих стран включились в племенной союз гуннов[2]. Упомянутые названия позволяют утверждать, что речь идет о завоевании большой территории, охватывающей Среднюю Азию и Восточный Туркестан от берегов Каспийского моря до северо-западных пределов Китая[3].

В связи с передвижением гуннов в последние века до нашей эры происходят определенные изменения в расселении племен на территории Центральной и Средней Азии. Так, согласно китайским летописцам, на территории к востоку от оз. Балшах между Дуньхуаном и Циляньшанем обитали кочевые племена юечжи[4] и усунь[5]. Гунны напали на племена юечжей, которые при отступлении на запад, в свою очередь, ударили по древним племенам сэ. В результате столкновений между этими племенными группами основная часть юечжей ушла на запад, а племена сэ были вытеснены главным образом на юго-запад и юг за Висячий переход[6].

Сообщения китайских летописцев позволяют предполагать, что кочевники, обитавшие на огромной территории к северу и востоку от Каспийского моря, в основной своей массе делились на две большие группы[7].

Одна основная часть кочевников населяла территорию к северу и северо-востоку от Каспийского моря. В нее входили в основном Яньцай, Кангюй и Усунь.

Другая часть кочевников обитала в горных районах к востоку от Амударьи, оттесненная сюда гуннами и их союзниками. Согласно имеющимся сведениям, эта часть кочевого населения говорила на одном из индоевропейских языков.

Около 130 г. до н. э., еще при жизни шаньюя Гюньченя, на территорию Бактрийского государства устремился поток кочевников. Страбон сообщает, что среди кочевников получили известность «те, которые отняли у греков Бактриану, именно асии, пасианы, тохары и сакаравaки, которые переселились из области на другом берегу Иаксарта»[8].

У Помпея Трога названы сарауки и асианы[9]. Говоря об асианах, древний автор называет их «царями тохаров»[10].

Одна часть этих племен, двигавшаяся на запад и юг, освоила территорию Средней Азии, части Ирана, Афганистана и Индии. Другая часть этих племен двинулась далее на запад, огибая Каспийское море (с севера и юга).

Есть ли другие, независимые от письменных источников свидетельства, подтверждающие указания о пришлом населении Восточного Кавказа?

В Мингечауре (на территории древней Кавказской Албании) обнаружены погребения в катакомбах.

Известно, что катакомбы и деформация черепа распространены не только в Северном Прикаспии, но и на обширной территории к западу и востоку от Каспия, причем в Северном Прикаспии катакомбы появляются в IV—III вв. до н. э., т. е. на 400 лет раньше, чем в Албании.

Приведенные археологические данные вместе с письменными источниками позволяют утверждать, что носители культуры катакомбных погребений были тесно связаны с населением обширной территории, примыкавшей к Северному и Восточному Прикаспию.

Кто были эти номады, какой язык был у них в употреблении?

Обратимся к географическим названиям. Среди географических названий выделяется категория топонимов, подавляющее большинство которых мы привыкли видеть только в Азербайджане. К ним относятся слова-названия «ширван», «тюркан», «салиан» и т. д. Изучение показывает, что эти названия распространены и на территории, расположенной к северу или востоку от Каспия. Наряду с упомянутыми названиями в Азербайджане встречаются названия типа дюгерли, баят, ялама, деллер, шаган, кубачи, хошой, джандыр, ковлер, джагир, ших, кесеменли, казах, джалаир, халадж, ленгер, кум, дуванлы. Эти названия в большинстве случаев не поддаются этимологизации, даже если некоторые из них связываются с известными огузскими племенами баят и дюгер. А остальные топонимы? Опять лабиринт загадочных названий! Опыт показывает, что значительное количество топонимов Азербайджана перекликается с названиями Средней Азии. И действительно, теперь топонимисту незачем ломать голову над этнической принадлежностью названий Ялама, Ковлер, Джагир, Казах, Дуванлы и т. д.: так называются родовые подразделения салоров, эрсари, сакаров, ата и других племен, обитавших или обитающих и поныне в Туркмении, Узбекистане, Казахстане и Башкирии. То же самое относится к некоторым гидронимам типа Ганых (азербайджанское наименование р. Алазани) и Агричай. В настоящее время одно из подразделений племени эрсари называется ханык, а одно из ответвлений салоров носит название эгри. Таким образом, перечисленные названия рек восходят к этнонимам.

То же самое относится и к названиям, отмеченным на территории Азербайджана в раннее средневековье. Древнеармянские историки кроме других топонимов и гидронимов отмечали Чога, Тертер и Халхал, опять-таки находящие тождество в названиях этнических групп эрсари, эски, салоров и иомутов на территории Туркмении.

В связи с территорией Азербайджана Птолемей (II в. н. э.) упоминает гидроним Герра, а также топоним Кангара. Первое название живет в настоящее время как этноним одного из племенных подразделений у туркменов-наразымлы, а второе известно и в современном Азербайджане.

Вторгавшиеся с севера саки, или сакараны (Страбон, I в. до н. э.), также одноименны с туркменами-сакарами.

Более того, древнегреческие и римские писатели отмечают города Албании Кабалу, Нигу и Самехию. Как это ни удивительно, современная топонимика также сохранила названия в форме Гебеле, Нуха и Шамахы. Мы снова находим эти названия за пределами Азербайджана: на территории Туркмении племя хатаб имеет подразделение капал, племя эрсари — нука, а арабачи — шамак. Кроме того, один из казахских родов Младшего Жуза носил название шомекей. Снова удивительное и не случайное совпадение.

Однако это не все. Общеизвестно, что писатели древнего Рима именовали Восточный Кавказ Албанией. Согласно этим же авторам, здесь обитали албаны, каспии и другие группы населения. Кроме того, на этой территории наряду с албанами и другими племенами обитали и гаргары.

На территории Азербайджана топонимика сохранила несколько населенных пунктов, носящих название алпан. Сохранился и гидроним Каркар. Имеются также поселения, носящие наименование хархар.

Это и есть доказательство тому, что этнонимы, отмеченные в свое время еще писателями Рима, не пустой звук, выдуманный историками и географами древности, а реально существующие названия. Эти названия восходят к названиям, действительно существовавшим на территории древнего Азербайджана уже во времена Страбона, который к тому же пользовался материалами Феофана Митиленского, вместе с легионерами Помпея побывавшего в Атропатене и Албании.

Таким образом, албаны и гаргары действительно назывались албанами и гаргарами, т. е. этнонимы являлись по существу и самоназванием и иноназванием.

Давайте продолжим наши сопоставления, стараясь найти новые аналогии и тождества между этнонимами «албан» и «гаргар» древнего Азербайджана и современной Средней Азии. Оказывается, одно из племенных подразделений туркмен-арсари также носит название «каргар». То же самое относится и к названию «алпан». Так назывались туркменское племенное ответвление сакаров, а также племена казахов в Семиречье и т. д.

Если сказанное отражает реальное положение вещей, то еще задолго до массового гуннского нашествия в V в., связываемого с первым большим потоком тюркоязычных племен на запад, на территории древней Средней Азии и Азербайджана обитало население, этнонимы и топонимы которого переплетаются с современными названиями племен Средней Азии.

Это обстоятельство позволяет высказать предположение, что падение Бактрийского государства сопровождалось проникновением на территорию Средней Азии, Ирана и Азербайджана кочевников, определенная часть которых была тюркоязычной.

---

[1] «История Казахской ССР», стр. 46.

[2] «Шицзи», 10; «Цянь Ханьшу», гл. 94а; см.: Н. Я. Бичурин, I, стр. 55.

[3] M. Alexander Castren, Ethnologische Vorlesungen über die altaische Türken, Petersburg, 1856, S. 58.

[4] «Цянь Ханьшу», гл. 95; Н. Я. Бичурин, II, стр. 188.

[5] «Цянь Ханьшу», гл. 95; Н. Я. Бичурин, II, стр. 191.

[6] «Цянь Ханьшу», гл. 95; Н. Я. Бичурин, II, стр. 190; о Висячем переходе см.: Н. Я. Бичурин, II, стр. 181.

[7] «Цянь Ханьшу», гл. 95; Н. Я. Бичурин. II, стр. 179.

[8] Strabo, XI, 8, 2.

[9] См. Just., XI, 1.

[10] См. Just., XI, 1.

Summary

At the end of the 1st millennium B.C., the Hunnic state played an important part in the regions stretching from the Caspian shores to China. This made for changes in the territorial distribution of the tribes. According to chronicles, the Se tribes shifted to the south-west and south, and the mass of the Yüeh-chih moved westward. The westward migration of the nomads is also attested by European sources. The territory of the Graeco-Bactrian state was flooded with nomadic tribes, of which Strabo mentions the Asiani, Pasiani, Tochari and Sacaurakoi, while Pompeius Trogus names the Saraucae and Asiani who were "kings of the Tochari". Some of the westward- and southward-bound tribes seized the territory of Central Asia, parts of Iran, Afghanistan and India; others moved westward, skirting the Caspian Sea — most probably on the north and south. According to written sources, the Sakas and their land Sakastan were to be found west of the Caspian in the Caucasus.

Archaeological data are likewise of interest. The bearers of the culture of catacomb burials, discovered in Azerbaijan, are associated with the immigrant population. These burials and the crania with a deliberate deformation are scattered over a vast territory west and east of the Caspian. With regard to the ethnic interpretation, we know quite a few toponyms, ethnonyms and hydronyms of ancient Caucasian Albania (Azerbaijan), which display affinity with present-day ethnonyms of Central Asia. The latter names, too, suggest analogies in the ethnic processes.

If we are to believe the above evidence, then the fall of the Graeco-Bactrian state in Central Asia and the Sakas' appearance in the Caucasus are connected with the migrations of the cattle-breeding population, of which a certain part spoke Turkic languages.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

В дискуссии на утреннем заседании 2.X.1968 приняли участие: Г. Гумбах (Майнц, ФРГ), Г. А. Пугаченкова (СССР, Ташкент), Б. А. Литвинский (СССР, Душанбе), Т. В. Грек (СССР, Ленинград), Я. Харматта (Будапешт, Венгрия), Б. Мукерджи (Калькутта, Индия), А. М. Беленицкий (СССР, Ленинград), И. Эрдели (Будапешт, Венгрия), Д. Сиркар (Калькутта, Индия), В. А. Лившиц (СССР, Ленинград).

В своем выступлении Г. Гумбах остановился на вопросе о локализации упоминаемого в надписи Шапура I города Paškibura и интерпретации этого названия. Вслед за Мариком он считает сомнительным отождествление Paskibura-Peshawar-Purusapura. По предположению Гумбаха, Paskibura состоит из Pas-, означающего, как и парфянское pahrag, «пограничный сторожевой пункт», и имени города Καβουρα. Из сравнения данных Птолемея и Страбона следует, что город Кабура/Ортоспана находился в районе современного г. Кабула. В этом случае Pas-kibura означает «пограничный сторожевой пункт области Кабура» (т. е. Кабула). Можно предполагать, что Paskibura являлась укрепленным пунктом севернее района Кабула, в Гиндукуше. Следовательно, Шапур не дошел до самого Кабула и тем более до Пешавара.

Г. А. Пугаченкова отмечает, что в докладе Р. Гиршмана неточно отражено ее мнение относительно иранских влияний на кушанскую культуру. На самом деле речь шла об ослаблении парфянских творческих влияний в искусстве Великих Кушан на территории кушанской Бактрии (а не всей Кушанской державы); не имеется данных о воздействии искусства периода Старших Аршакидов на Бактрию. Стилистическую же общность западноиранской скульптуры (Хатры, Бадри-Нехандe) и буддийской скульптуры (Гандхары и др.) можно рассматривать лишь как единство стилевых направлений в искусстве Ближнего Востока, Парфии и областей Пенджаба, обусловленное единством процесса видоизменения художественных идей, выражающих сходную идеологию великих античных монархий.

Б. А. Литвинский указал, что в кушанских памятниках Бактрии и в частности Сурх-Коталя отражены различные влияния и связи; проф. Гиршман говорил о результатах парфянского влияния в Сурх-Котале; не следует также забывать о платформе буддийских статуй, открытой около Сурх-Коталя. Большой вклад в кушанское искусство внесли и саки. Они проникли и в Индию, но искусство Гандхары и Матхуры нельзя рассматривать как простой дериват сакского; хотя сохраняются консервативные ирано-сакские черты, в целом искусство Гандхары, Матхуры и других областей следует оценивать как местное.

Т. В. Грек в связи с положениями доклада Р. Гиршмана остановилась на некоторых данных индийских надписей из Кара-тепе. В нескольких из них упоминается некий Буддашира, именуемый также «Дхармакатхика» или «Махадхармакатхика», т. е. проповедник или знаток дхармы. Возможно, Буддашира занимался миссионерской деятельностью. Тогда возникновение буддийского монастыря в Кара-тепе можно связывать не только с покровительством кушан буддизму, но и с прозелитизмом махаянского буддизма.

Я. Харматта выдвинул возражение против мнения о связи названия Пашкибура с именем Кабула.

Б. Мукерджи заметил по поводу доклада Р. Гиршмана, что один из типов изображения царя, вероятно, скопирован с изображений на монетах парфянского царя Готарза (ср. Journal of the Numismatic Society of India, 1960, vol. XXII). В связи с одним из положений доклада Али Сами Б. Мукерджи высказал предположение о том, что слово Harakuiti может относиться к Saraswati; Арахосия обозначается как «Белая Индия» в Stathmoi Parthikoi Исидора Харакского.

В. А. Лившиц поддержал высказанные Р. Фраем положения по вопросам кушанской хронологии. Материалы для определения верхней даты Кушанской державы дают надписи Шапура I, судя по которым он владел Пешаваром, и монеты. В связи с вопросом о северных границах Кушанского государства В. А. Лившиц высказал мнение о том, что нумизматические данные свидетельствуют о вхождении Хорезма в состав кушанских владений; поэтому и Согдиана должна была находиться в пределах Кушанской империи.

Д. Сиркар заметил, что авторы, датирующие начало правления Канишки 78 г. н. э., основываются на отождествлении эры Сака и эры Канишки; придерживающиеся же иных дат, от 110 до 155 г. н. э., не имеют такой основы. Данные накширустемской надписи Шапура I Д. Сиркар не считает решающими, так как в ней могут быть отражены лишь претензии Шапура I, а не реальный факт обладания территориями Кушанской державы; действительное отношение между Сасанидами и кушанскими царями не может быть окончательно определено при современном уровне наших знаний. Д. Сиркар сомневается также в отождествлении Пашкибура — Пурушапура — Пешавар.

SUMMARISED RECORD OF DISCUSSION

October 2, 1968, morning session. The speakers were: H. Humbach (Mainz, F.R.G.), G.A. Pugachenkova (Tashkent, U.S.S.R.), B.A. Litvinsky (Dushanbe, U.S.S.R.), T.V. Grek (Leningrad, U.S.S.R.), J. Harmatta (Budapest, Hungary), B. Mukherjee (Calcutta, India), A.N. Belenitsky (Leningrad, U.S.S.R), I. Erdeli (Budapest, Hungary), D. Sircar (Calcutta, India) and V.A. Livshitz (Leningrad, U.S.S.R.).

H. Humbach discussed the location of the town of Paskibura mentioned in Shapur I's inscription, and the interpretation of that name. He agreed with A Maricq that the identification Paskibura-Peshawar-Purusapara was open to question and suggested that "Paskibura" was really compounded of the word *Pas-* (which, like the Parthian *pahrag*, meant "border sentry post") plus the name of the town Καβουρα. Comparing the evidence of Ptolemy and Strabo, he concluded that the town of Kabura-Ortospana was situated in the vicinity of present-day Kabul. Thus Pas-kibura meant "border sentry post in Kabur (i.e. Kabul) district". Paskibura must have been a fortified border post to the north of Kabul, in the Hindu Kush. From that it would follow that Shapur did not reach Kabul proper, let alone Peshawar.

G.A. Pugachenkova observed that her views concerning the Iranian impact on Kushan culture had not been correctly presented in R. Ghirshman's paper. The point she had made was that the Parthian influence

on the art of the Great Kushans had waned only in Kushan Bactria, and not in the whole of the Kushan state; there was no record of the artistic impact of the period of the early Arsacides on Bactria. The similar styles of the West Iranian sculpture of Hatra and Badr-i-Nehande and the Buddhist sculpture in Gandhara, etc., could only be attributed to the similarity of the stylistic trends of the art of the Middle East, Parthia and the Punjab, which was the result of an identical process of variation of the artistic ideas pertinent to the common ideology of those great monarchies of antiquity.

B.A. Litvinsky noted that diverse influences and ties were reflected in the Kushan monuments of Bactria, including Surkh Kotal. Prof. Ghirshman had called attention to the evidences of the Parthian influence at Surkh Kotal; then there was the platform of Buddhist statuary which had been discovered at Surkh Kotal. The Sakas had contributed not a little to Kushan art. They had penetrated as far as India, but Gandharan and Mathuran art could not be regarded simply as a Saka derivative. Although the Iranian-Saka features remained, Gandharan and Mathuran art were on the whole local developments.

T.V. Grek went into some of the points in Prof. Ghirshman's paper concerning Indian inscriptions. Several of these mentioned the name Buddashira (also called Dharmakathika or Mahadharmakathika), that is, teacher or scholar of the Great Dharma. Buddashira may have been a missionary, in which case the appearance of the Buddhist monastery at Kara Tepe might be connected not only with the Kushans' patronage of Buddhism, but also with the proselytising activities of Mahayana Buddhism.

J. Harmatta objected to the conclusion that the name Paskibura was related to Kabul.

B. Mukherjee made the comment on Prof. Ghirshman's paper that one of the types of royal portraits mentioned was probably a copy of the portraits on the coins of the Parthian King Gotarzes II (cf. *Journal of Numismatic Society of India,* 1960, vol. XXII). With respect to Ali Sami's paper, Mukherjee suggested a possible connection between the word *Harakuiti* and *Saraswati*; Arachosia is called "White India" in *Stathmoi Parthikoi* by Isidore of Charax.

V.A. Livshitz agreed with R. Fry's position on the problems of Kushan chronology. The inscriptions of Shapur I indicating that he had captured Peshawar, as well as the coins, provided a basis for setting the upper date of the Kushan era. As for the northern borders of the Kushan state, the numismatic evidence showed that Khorezm was part of the Kushan domains; therefore, Sogdiana must also have been situated within their confines.

D. Sircar observed that the authors who accepted A.D. 78 as Kanishka's date could point to the coincidence of the Saka and Kanishka eras as a basis for their belief, whereas those who insisted on other dates, from A.D. 110 to 155, had no such basis to go on. Sircar said he did not consider the evidence of Shapur I's Naksh-i-Rustam inscription conclusive; it merely told us about Shapur's ambitions, but did not contain any real facts proving that he had occupied Kushan territory. The true relationship between the Sassanian and Kushan kings could not be definitely established at the present state of our knowledge. Sircar also expressed doubts as to the identification of Paskibura with Purusapura and Peshawar.

Вечернее заседание 2.X.1968

ВОПРОСЫ ИДЕОЛОГИИ И РЕЛИГИИ

Afternoon Session, 2.X.1968

IDEOLOGY AND RELIGION

B. PURI (MUSOORIE, INDIA)

IDEOLOGY AND RELIGION IN THE KUSHAN EPOCH

The vast Kushan Empire, which included parts of Central Asia, Afghanistan, Kashmir, Sindh and Northern India and extended as far as Bihar in the east and Malwa in the south-west, comprised peoples belonging to different nationalities and professing divergent faiths. In trying to establish a peaceful synthesis among different cultures and peoples of various origins, the role of the Kushan rulers from Kujula Kadphises to Vasudeva calls for an analysis and assessment. This is possible from a study of the coins of these Kushan rulers, monuments associated with them, their interest in the living faiths and beliefs, and, above all, the attitude of the people in general. Literary efforts towards the growth of religious literature could also be taken into consideration in projecting a general picture of the religions and ideology in the Kushan epoch. In the task of welding together heterogenous elements and enabling them to live in peace and order, the Kushan rulers concentrated on values attached to Indian religious belief and spirit, namely eclecticism, toleration, broad-mindedness, catholicity and virtue, which have been the hallmarks of this spirit since the Vedic times. Without fixed intellectual beliefs marking off one religion from another, the Kushan monarchs were the first to shape eclecticism into concrete reality by depicting divinities belonging to different pantheons—Hindu, Buddhist, Zoroastrian and Greek—on their coins, and assuming regal titles like *Maharaja Rajatiraja* of the Hindus, *Shahi Shahanushahi* of the Iranians, *Devaputra,* the son of God, possibly from the Chinese, although it was known to the Hindus, and *Kaisara* or *Caesar* of the Romans. The first Kushan ruler Kujula Kadphises called himself *Sachadharmathitasya* or *Satyadharmasthitasya*—"steadfast in true law", thus provoking the question, what law or religion? We find the figure of the Buddha depicted on his coins, suggesting that he was interested in Buddhism. Vima Kadphises takes the title *Sarvalokesvara Mahesvara*—"the lord of all regions and devotee of Mahesa" or Siva, who is faithfully depicted reclining on his Nandi, on the coins of this ruler. Kanishka portrayed Indian, Iranian and Greek deities on his coins. This spirit of eclecticism is followed by his successor Huvishka, but Vasudeva included only OHPO=Vamesa or Siva and Nana=Amba on his coins. As his name suggests, he might have been a devotee of Vishnu, but Siva and his consort Amba alone figure on his coins. The Later Kushan rulers also followed Vasudeva in this respect. Thus, we notice the trend from Buddhism to Eclecticism, finally culminating in Brahmanism in the attitude of these Kushan monarchs, but there is absolutely no evidence of religious intolerance in Vasudeva or in the Later Kushans. The epigraphic records of this period provide material for the study of religious conditions in India, particularly Brahmanism, Buddhism, Jainism and Naga worship. There are several references to *devakulas,* or god-houses, associated with Kushan rulers, which had also portraits or statues of living monarchs, suggesting divine element in rulers. The literature of this period also adduces evidence on materialism. All these aspects of religious life in the Kushan epoch, particularly in Northern India, need proper consideration.

Brahmanism. Inscriptions and coins indubitably suggest the popularity of Brahmanism and its influence on the Kushan monarchs. It also drew into its fold many foreigners, who created endowments and gave gifts in cash and kind to the brahmans. The performance of sacrifices is evident from a number of yupas or sacrificial posts bearing inscriptions of the time of the Kushan ruler Vasishka, and others who could be placed in the 3rd century A.D. This should belie the suggestion made by some scholars[1] in the past that Brahmanism received a setback with the rise of the Sramana religions and it could not be revived or renovated before the advent of the Guptas to power. While the Saka kshatrapas and nahapana could boast of their patronage of Brahmanism, giving donations in cash and kind to the brahmans, instances are not rare of foreigners coming to Mathura and creating endowments for the exclusive use of the brahmans. The Mathura inscription[2] of the year 28 of the time of Huvishka records a permanent deposit of a sum of 1100 puranas in two guilds with the stipulation that out of the interest accruing from month to month a hundred brahmans were to be fed and some provision was to be left out at the door for the hungry and the thirsty. The donor was a foreigner and the *punyasala,* or alms-house, was an ancient one (*prachini*). Another inscription[3] of the time of Huvishka refers to the entrusting of a *devakula* to the *Brahmanas* by a *mahadandanayaka* and some lord, probably Bakanapati. These two instances point to dignitaries from Central Asian territory under the Kushans coming to Mathura probably on pilgrimage and creating endowments exclusively for the use of the brahmans, symbolical of their respect for or acceptance of Brahmanism.

The association of the Kushan rulers with Brahmanism is evident from their coins[4] as well as from some inscriptions. Vima Kadphises calls himself Mahesvara—a devotee of Siva, Kanishka has Siva (OHPO) and Amba (Nana) on his coins. Those of Huvishka notice four Brahmanical divinities either representing a single god Karttikeya. It is, however, suggested that only Skanda or Karttikeya was worshipped, but his spheres of activities were connected by different names, as for example, Mahasena, representing him as the commander of the army of gods. A Mathura inscription from Mat[5] conveys some interesting information. It mentions Sarva (the name of Siva) and Candisvara (Scamdavira) as the patrons of the king, in analogy to two gods Mahesvara and Mahasena as the patron of King Vrisadhvaja, occurring in one of the Bhita seals[6]. The term *Satyadharmasthita* also occurs in this record. It is presumed that since the term occurs on the coins of Kujula Kadphises, he was related to Huvishka as the latter's grandfather. It is also noticed in a Kharoshthi document from Niya site[7]. It may, therefore, be proposed that Huvishka was a Saivite, as is evident from the Saiva divinities on his coins, and that was his true religion. The statue could not have represented the grandfather of Huvishka, nor could it likely be the second image of Kanishka. As the donation was made for the increase of the life and strength of Huvishka, the statue probably represented him, and in the context of the benedictory phrase it was set up in the lifetime of the ruler.

Literature and art provide information about the divinities propitiated in that epoch and religious orders associated with the same. The *Milindapanha*[8] distinguishes Sivakas from the Brahmanas and Samanas. According to the *Mahavastu*[9] and the *Lalitavistara*[10], Vishnu and Narayana occupied the highest position in the Brahmanical set-up, both signifying the same god. The Vedic god Vishnu, the cosmic and the philosophic Narayana with his paradise *svetadvipa,* or the white island, as described in the *Narayaniya,* and the last one Vasudeva, more militant and historical in character, were all rolled into one. Other Brahmanical deities noticed in literature are Varuna, Kubera, Chandra, Surya, Dhanada and Ganga. The importance of Kubera, as the lord of the riches, is evident from sculptures as well. He is shown enjoying the Asava drink. Those Brahmanical divinities whose statues have been found in Mathura include besides Chandra and Surya, Brahma, Indra with Kirti-mukuta, Agni with Ayuddha-Purusha, Balarama, wearing *varnamala,* with Chakra in abhaya-mudra, Svamikarttika, and Ganesa. Mathura was the centre where statues of Siva and Parvati in the Ardhanarisvara form, in the human couple form, as *Mukhalinga* and *Ekalinga,* have also been found. Those of Vishnu standing in abhaya-mudra with his sankha and chakra, with eight arms, in the Narasimha and Varaha incarnations, and as Hari-Hara (half-Siva and half-Vishnu) figure prominently in Mathura art.[11]

Buddhism. Buddhism in the Kushan epoch was flourishing. Inscriptions record dedications to different schools of Buddhism—both conservative and liberal, while the convening of the fourth Buddhist Council in the time of Kanishka and under his patronage was an important landmark in the history of Buddhism. The doctrines and relics of old Pali literature take a new turn towards a liberal and progressive outlook in Buddhism, with its literature popularly known as Sanskrit Buddhist literature. This aimed at popularising the new trend in Buddhism with particular reference to the life of the Buddha and legends and characters associated with him. The divine status accorded to the Lord, in whom alone the devotee could find a panacea for his sufferings, and the enrichment of the Buddhist pantheon with a galaxy of countless myriads of Bodhisattvas, endowed with perfections (*Paramitas*) and destined for enlightenment, were some of the new trends in Buddhism. This new approach of devotion to the Lord whose vehicle was big enough to accommodate everybody in steering him clear through the seemingly shoreless ocean of suffering, was more in line with the feeling of Bhakti or devotion.

There are inscriptional evidences[12] regarding the two important schools of Buddhism: that of the Sthaviravadins with its offshoots—the Sarvastivadins and the Dharmaguptikas, Mahasanghikas. Their viharas, or religious establishments, were both in Mathura as well as in North-West India. One record mentions the importation of a dialectician to meet the challenge of the rival school in Mathura, which had both the Sarvastivadins and the Mahasanghikas. The famous Shah-ji-ki-dheri casket inscription notices its gift dedicated for Kanishka's vihara and Mahasena's sangharama. The Kharoshthi records mention Sarvastivadin establishments in Afghanistan, the West Punjab and Sind. The association of Kanishka's name with a monastic establishment of the conservative, or the Hinayana, school is interesting. It shows his solicitude for Buddhism represented by both schools. Besides these two, the Sarvastivadins and the Mahasanghikas, an inscription of the Dharmaguptikas was also found in Mathura. The Buddhist writers in this period seemed to have one foot in Hinayanism and another in Mahayanism, the only difference being the variation in the degree of progressive ideas projected in their works. The *Saddharma-Pundarika* and the *Lalitavistara* have traces of a greater degree of Mahayanism, while the *Mahavastu* marks the period of transition from the conception of Buddha as a simple mortal being of the Hinayana to that of the quasi-eternal god of Mahayanism. Asvaghosha, who was so closely associated with Kanishka, was to a great extent influenced by the Yogachara school, which laid so much emphasis on the attainment of ultimate truth through the practice of Yoga (*asthaya-Yogain parigamya tatvam.*) [13] The influence of this school is noticeable in his works. The Mahayana *Sraddhotpada Sutra* is said to be associated with the celebrated Buddhist poet.

The main event of Buddhistic importance in Kanishka's reign was the Fourth Buddhist Council, noticed by Hsüan Tsang and Taranatha, and earlier by Paramartha (A.D. 499-509) in his *Life of Vasubandhu*. According to the earliest source, about five hundred years after Buddha's death, an Indian arhat called Katyayaniputra, a monk of the Sarvastivadin school, went to Kashmir. Along with 500 other arhats and 500 Bodhisattvas, he collected the *Abhidhamma* of the Sarvastivadins and arranged it in eight books called Ka-lan-ta (Skt. *grantha*) or *Kan-tu* (Pali *grantha*). This compilation was also called *Jnanaprasthana*. The role, of the Sarvastivadins and the Council in Kashmir are also noticed by the Chinese pilgrim. He tells us that the king in consultation with Parsva issued invitations to all the learned doctors of his realm, out of whom only 499 arhats were selected. This Third (not Fourth) Council, according to Taranath [14], put an end to the dissentions which had been distracting the Buddhist church for nearly a century, and it recognised all the eighteen sects as holding the true doctrine. It put the *Vinaya* in writing as well as such parts of the *Sutrapitaka* and *Abhidhamma* as were still unwritten, and corrected the written texts. All kinds of Mahayanist writings appeared at this time. Eliot presumes [15] that this Council was not a specially Mahayanist meeting, but rather a conference of peace and compromise. The tradition connecting the Sarvastivadins with the Council is not likely to be wrong, as Kanishka is associated with this school—with a vihara named after him in the Shah-ji-ki-dheri inscription dated in the year 1 of his reign.

While there are several records connected with the Sarvastivadins and the Mahasanghikas, there is none specifically noticing Mahayanism with its liberal and progressive outlook. The Mahayanist literature, especially the *Saddharma-Pundarika*, does provide some information and the Gandharan art presents concrete illustrations of new developments. The Buddha is regarded as the *Summumbonum,* actually nothing less than a god above all gods, the Lord of all the worlds and the chief among the leaders of the world. According to the *Saddharma-Pundarika* [16], the Lord himself helps the people in the attainment of Buddha-hood through his own vehicle (Buddhayanam) — the best vehicle (*Sreshta-visishta-yanam*). The designations—Sravakas, Buddhas and Bodhisattvas—are diversions of only one vehicle, the Buddha Vehicle. There is only one nirvana, not two or three (*ekam na dvai na trini*), which all disciples can attain and become Buddha. The arhats of the Hinayanists are compared in this work to middle-sized plants whose growth is stopped after some time. The glorification of the Buddha, the great physician (*mahavaidya*), is followed by references to Bodhisattva Avalokitesvara, the greater redeemer invoked at difficult times, and Manjusri.

The school of Yogacharas associated with Asanga seems to have taken root in this period. The Yogacharas, like the Madhyamikas, no doubt supported Mahayanism, but as idealists they aimed at the real existence of all except Vijnana or consciousness, and were called Vijnanavadins[17]. Asvaghosa refers to the practice of Yoga and arriving at the ultimate truth (*parigamyatatvam*). This stage immunes a person from age and death. Youth is the best period to carry out Yoga, and Nanda is advised by the Lord to devote his mind to the highest good so long as the favourable moment endures, and death does not come to him[18]. The *Lalitavistara*[19] refers to its performance with due reverence, with the eyes directed towards the tip of the nose. Some details are also available regarding the organisation of the Buddhist monasteries. Kanishka's name was associated with a vihara of the Sarvastivadins near Peshawar, while a vihara was named after Huvishka in Mathura. There were at least two types of disciples—a lay hearer *sravaka,* and a great one called *mahasravaka*. The *Mahavastu* refers to a chief female disciple (*agrasravika*). Besides these, there were *bhikshu, bhikshuni, upasaka* and *upasika*. There is also reference to the observance of rules, with stress on dignity of labour. The *Avadana Sataka*[20] relates the story of the Buddha delivering the sermon while cleaning the monastery with a broom. The same spirit of modesty is evident in the case of the Greek *navakarmika,* the chief of the architects in Kanishka's vihara, who called himself a *dasa*—not a slave definitely.

Buddhism as a religion was not confined to the disciplined monks. It had a wider outlet for the diffusion of its egalitarian outlook. It was a progressive and living force channelising its activities in the realm of art as well, and drawing to its fold people of different nationalities. In its impact with Brahmanism, both had a common plank—that of Bhakti or devotion to the Lord. In fact parallel references could be cited from the *Bhagavadgita* and the *Saddharma-Pundarika* marking the same feeling of devotion towards the Tathagata as one finds in the *Gita*. This was a great achievement of the Kushan epoch—the blending of the two great religious schools, with greater stress on common values, rather than harping on their differences.

Jainism. The other Sramana religion, Jainism, which confined its activities only to the land of its origin, had Mathura as one of its strongholds. Images of Jain Tirthamkaras, and *ayagapatas* or "tables of homage" on which dedications are recorded, and traces of Jain stupas in Mathura reveal its importance as a great centre of Jain religion. Among the dated records[21], half a dozen are associated with the last Tirthamkara Mahavira, two refer to the setting up of fourfold (*sarvatobhadra*) and one each mention the setting up of statues of Santinath, Sambhanatha, Rishabhanatha and Nandyavarta. Many *ganas, sakhas* and *kulas,* named after Jain teachers, actively participated in setting up statues of the Tirthamkaras; the donors were mostly pious female devotees and persons associated with guilds or unions of persons with identical professional interest, sometimes including those coming from the lower social groups. There are references to families and professions of ironmongers (*lohakaras*), carpenters (*vardhakins*), perfumers (*gandhikas*) and even courtesans (*ganikas*). Family and status did not impose any brake on the pious activity of the donor. Two inscriptions provide some interesting information. The one dated in the year 299 of some Maharaja Rajatiraja, records the setting up of an image of the arhat Mahavira in the temple of the arhats (*Arahatayatana*) and of the shrine (*devakula*) by donors Ujhatika, Okhrika and Okha—which are rather uncommon names for ladies. Lüders presumed[22] them to be foreigners who had accepted Jainism. Some names, like Akaka and Ogha from the Kankali Tila inscriptions, also appear to be foreign ones. The other inscription records the setting up of a shrine (*devakula*) of the arhat Vardhamana, a hall of images (*avagasabha*), reservoir (*prapa*) and stone slabs (*silapata*) in the arhat temple of the Niganthas (Nigranthas) by the lay disciple (Savika) courtesan Nada, and Vasu, who was the daughter of the courtesan Lonasobhika, together with some of her relatives, for the worship of the arhats.

The Jains raised stupas, like the Buddhists, over the ashes of a chief or religious leader, surrounded, as usual, by railings. A view of such a stupa is noticed on the table of homage set up by Sivavasa. The archaeological evidence from Kankali Tila testifies to the existence of such a stupa there. In the organisation of Jain religious orders, the heads of schools, known as *ganins*, played the most important part as *vrihatvachakas* or preachers. It seems that they were selected by their predecessors on the basis of their intellectual attainments. Birth in a low family was not taken into account. The role of women as nuns (*sishyini*) or lay devotees (*sradhachari*) was no less important. They created endowments and pursuaded others to do so. There is no reference to a female preacher.

The role of the Kushan rulers in the prosperity of Jainism might not have been an active one, but it cannot be inferred that people of all religions including the Jains had complete freedom of expression, movement and propaganda. Mathura, which was probably the second capital of the Kushans, produced the largest number of Jain inscriptions, revealing the existence of at least four out of the nine schools mentioned in the *Kalpasutra*. The Mathura artists catered to the religious needs of all and were patronised by the Brahmans, the Buddhists and the Jains alike. The existence of a few minor religious orders, which might not have been independent of the major religious sects, is revealed by the Naga statues in human form with a canopy of snake hood. The materialists—the Lokayatikas and Charvakas—are mentioned in literature alone.

The Naga worshippers were different from Naga families of the later period, like those of Padmavati and Mathura. The records connected with Naga worship point to dedications of Naga statues, tanks (*tadaga*) and gardens (*arama*) for propitiation purposes. In the *Mahavastu*[23], the king of the Nagas is closely associated with Varuna, the Lord of the Water. The snakes were supposed to be the guardians of buried treasures. These were propitiated for securing boons and treasures. Their help could as well be invoked for destroying the enemies of the propitiator. The antiquity of serpent worship, extending over a wide region, could be traced to much earlier times. According to Maxmuller[24], there can be no doubt that the belief in the serpents had its origin in the Vedas. The idea of pacifying them is thoroughly Aryan. Eliot Smith[25] thought that it originated in Egypt about 800 B.C., and was spread thence to India. It was prevalent during the period of the *Atharvaveda*, which contains numerous charms against serpents and a rite of propitiation is prescribed on the full moon day of the month of Margasirsha. The invocations of serpents for boons relating to wealth, progeny and for destroying enemies was quite popular in the Kushan epoch, irrespective of the personal faith of the propitiators. Nagas or serpents came to be associated with Brahmanism, Buddhism and Jainism, although with an inferior position.

Epigraphic reference is silent regarding other minor religious orders, but the literature of this period does notice Ajivikas, Lokayatikas, Charavakas, Parivrajakas, Sivakas and Jambukas. The Ajivikas, who are mentioned in an inscription of Asoka in the 3rd century B.C., retained their existence till the 14th century A.D. and are noticed in the *Saddharma-Pundarika*[26] and the *Lalitavistara*[27]. The philosophy of the Lokayatikas is prescribed as a subject of study in the *Milindapanha*[28]. Lokayata is considered a branch of study aligned with cosmogony, stars and other astronomical data, but the two systems of the Lokayatikas and the Charavakas are identified by Buddhaghosa[29]. The two denied the existence of the other world, looking upon death as an end in itself. The Sivakas, Lakulisas and Pasupatas were fairly well known. The famous Mathura inscription[30] of the Gupta year 61 refers to the Lakulisa cult, with Uditacharya, the Mahesvara teacher, being tenth in descent from Kusika, pupil of Lakuli. This would safely place some of the teachers of this school in the Kushan period. The Sivakas are mentioned in the *Milindapanha,* and Linga worship had certainly come up in the Kushan period, as is evident from the Gigla (Mathura) Sivalinga inscription which on palaeographic grounds belongs to the 2nd century A.D.

Religion and ideology in the Kushan epoch tended towards some sort of synthesis. The Kushan rulers, especially Kanishka, gave eclecticism a concrete shape by portraying divinities from different pantheons on coins, symbolising manifestation of the same ultimate spirit. This had created an atmosphere of toleration and understanding with free and unfettered scope for diffusion and development of different religions. Brahmanical hierarchy was recognised even by those who came from outside. Buddhism was equally flourishing with a trend towards progressive ideas. The Kushan rulers patronised both Brahmanism and Buddhism. Even Jainism did not fail to attract foreigners. Minor religious orders and popular cults, including serpent worshippers, were very much in existence in India under the Kushans. On the whole, the religious condition was one of understanding and broad-mindedness. It was in tune with the Indian spiritual and religious values of the past.

---

[1] R.G. Bhandarkar, *JBBRAS,* XX, p. 356; R.D. Banerji, *The Age of the Imperial Guptas,* p. 112. It was, however, proposed by D.R. Bhandarkar that Brahmanism was revived with the accession of Pushyamitra Sunga to power, and this revival continued till the time of Gantamiputra Sri Satakarni, who performed Rajasuya Yajna once and Asvamedha twice. From the time of the Sungas to that of the Satakarmis, Brahmanism was a living force *(F.W. Thomas Felicitation Volume of Eastern and Indian Studies,* pp. 29-30). For the reference to the yupas, see the Mathura record of the time of Va- sishka (Vogel, Catalogue No. Q 13; the Badva (Kotah) yupas (*EI,* XXIII, pp. 245 ff.); the Allahabad yupa (*EI,* XIX), the Nandasa and the Nagari yupas (*ASI, An. Rep.,* 1906-1907, pp. 59 ff.; *ibid.,* 1904-1905, p. 120).

[2] *EI,* XXI, pp. 55 ff.

[3] *JRAS,* 1924, p. 397.

[4] Whitehead, *Catalogue of Coins in the Punjab Museum,* vol. I.

[5] Janert, *Heinrich Lüders, Mathura Inscriptions,* No. 99, pp. 138 ff.

[6] *ASI. An. Rep.*, 1911-1912, pp. 50 ff., No. 25.

[7] *Kharoshthi Inscriptions discovered by Sir Aurel Stein*, pt I, 1920 (Niya Site), No. 579.

[8] P. 137.

[9] Vol. I, p. 245.

[10] Vol. VII, p. 120.

[11] For references, see my book, *India under the Kushanas*, pp. 139-140. The information is based on Vogel's Catalogue of the Mathura Museum and that of U.S. Agrawala.

[12] The Sarvastivadin records include those from Kalwan (*JRAS*, 1932, pp. 949, ff.), Shah-ji-ki-dheri (*CII*, II (i), pp. 135 ff.), Zeda (*ibid.*, p. 142), Khurram (*ibid.*, p. 155) and another (*ibid.*), in the Kharoshthi region, and from Sravasti and Sarnath (*EI*, VIII, p. 180; *ASI. An. Rep.*, 1906-1907, pp. 96 ff.; *ibid.*, 1904-1905, p. 68) and Mathura (*ASI. An. Rep.*, 1909-1910, p. 66; Vogel, Catalogue, No. A.66). See also the Mathura Lion Capital Inscription (*CII*, II (i), pp. 30 ff.). For the inscriptions of the Mahasanghikas, see the Wardhak Inscription (*CII*, II (i), pp. 165 ff.); and those from Mathura (*JUPHS*, July 1939, No. XIII, p. 23; No. XI, p. 22; No. XII, p. 23; and *EI*, XIX, p. 69, No. 9).

[13] *Saundarananda*, V. 33.

[14] Chapt. XII.

[15] *Hinduism and Buddhism*, vol. II, p. 80; see also: Kern, *Manual of Buddhism*, p. 67.

[16] IV. 60; V. 32; V. 44, V. 39.

[17] Kern, *op. cit.*, p. 120.

[18] *Saundarananda*, V. 32.

[19] VII, p. 91.

[20] No. XXXVIII.

[21] See Lüders' *List;* Janert, *Heinrich Lüders. Mathura Inscriptions;* also my book, *India under the Kushanas*, pp. 147 ff., for references. The study of the data from these records was first made by Bühler (*Über die Indische Secte der Jaina*, translated by Burgress in 1904), and later on by Mehta in *A History of Jainism in Northern India;* see also Appendix A to my book.

[22] *D.R. Bhandarkar Volume*, p. 288.

[23] Vol. III, p. 308.

[24] *Contribution to the Science of Mythology*, p. 595.

[25] *Encyclopedia of Religion and Ethics*, XI, p. 406.

[26] P. 278.

[27] P. 405.

[28] P. 10.

[29] *Sumangala Vilasini*, I. 247.

[30] *CI*, XXI, pp. 6 ff.

Б. А. ЛИТВИНСКИЙ (СССР, ДУШАНБЕ)

РАСПРОСТРАНЕНИЕ БУДДИЗМА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Историю буддизма в Средней Азии, по-видимому, следует начинать со времен Греко-бактрийского царства, хотя сведения об учении Будды, а может быть, и отдельные приверженцы буддизма могли проникать сюда и много раньше, в ахеменидскую эпоху. В литературе многократно указывалось на изображение ступы на монетах Агафокла, на возможное буддийское происхождение одного из титулов на монетах Менандра, на то, что колесо на его монетах — буддийский символ, и, наконец, на буддийскую традицию о том, что он стал приверженцем учения Будды. В. В. Тарн попытался дать совсем иную трактовку данных греко-бактрийских монет, отрицая отражение в них буддизма, однако его соображения нельзя признать убедительными.

В районе Кандагара, на территории современного Южного Афганистана, буддизм был распространен по крайней мере уже в середине III в. до н. э. Кандагарскую билингву Ашоки по праву называют «красноречивым памятником распространения буддизма в направлении Средней Азии». О дальнейшем продвижении буддизма на север свидетельствует надпись на глиняном объекте из слоя Беграм I (III—II вв. до н. э.), выполненная кхароштхи. В ней Я. Харматта видит буддийское имя. Известно, что в Южной Бактрии вплоть до раннего средневековья существовало среди местных буддистов представление о большой древности буддизма, распространителями которого считались два местных жителя, получивших посвящение от самого Будды. При всей фантастичности рассказа Сюан Цзяна, повествующего об этом, эту традицию нельзя не учитывать.

Принимая во внимание все имеющиеся в нашем распоряжении материалы, можно высказать предположение, что по крайней мере во второй половине и к концу существования Греко-бактрийского царства, самый факт возникновения которого должен был способствовать (в силу объединения в этом государстве североиндийских областей, территории Афганистана и ряда среднеазиатских земель) распространению буддизма в Северном Афганистане, а затем и на юге Средней Азии появились буддийские миссионеры и местные адепты учения Будды.

Чрезвычайно соблазнительно привлечь при рассмотрении древнейших следов буддизма в Средней Азии данные Авесты. В «Видевдате» трижды (XIX, 1, 2, 43) фигурирует слово Būiti (Bŭ̄ti), в котором Г. Бейли считает возможным видеть иностранное, заимствованное слово, а именно индийское Buddha, причем конечное i он объясняет как результат восточноиранской адаптации. Эта трактовка опирается на датировку «Видевдата» II в. до н. э., предложенную Э. Херцфельдом. Последний пытается связать с буддизмом эпитет, даваемый Балху в «Видевдате», ərəδwō drafša («с поднятыми знаменами»), на основании сопоставления с описанием балхского Наубехара арабскими авторами, которые также подчеркивают обилие и величину знамен.

По мнению ряда исследователей, сведения относительно Σαμαναιοι (санскр. śramaṇa) бактрийцев у Александра Полигистора указывают, что в Бактрии уже в I в. до н. э. был широко распространен буддизм. Остается неясным, имелась ли в виду собственно Бактрия или речь шла о всей территории Греко-бактрийского царства. Недавно Г. А. Кошеленко справедливо подчеркнул, что Маргиана наряду с Бактрией являлась одним из центров раннего среднеазиатского буддизма. При этом он считает, что первое знакомство парфян с буддизмом имело место не позже начала нашей эры, а появление буддизма в Маргиане он относит к I в. н. э. Не исключена, однако, возможность, что и эти даты, во всяком случае первую, следует несколько заглубить. Нам в этой связи хочется обратить внимание на факт, ускользавший от внимания исследователей истории буддизма в Средней Азии.

Согласно цейлонской исторической хронике «Махавамса», цейлонский царь Дуттхагамани, правивший, по наиболее убедительным расчетам, в 101—77 гг. до н. э., после закладки «Великой ступы» организовал грандиозное празднество, на которое «прибыли многие бхикшу (буддийские монахи.— *Б. Л.*) из различных зарубежных стран» (XXIX, 29). В частности, на Цейлон прибыли «мудрый Mahadeva из Pallavabhogga с 260 тысячами бхикшу, а из Alasandra, города Yonas, пришел сюда Yonamhādham-marakkhita с тридцатью тысячами бхикшу» (XXIX, 38, 39). Здесь, как и в других разделах перечня собравшихся на празднество, число участников явно фантастическое. Для нас существенно другое: можно ли доверять сообщению о самом факте приезда на Цейлон представителей буддийской сангхи из Pallavabhogga и Alasandra? В науке имелись различные точки зрения на степень достоверности этой хроники. Последний (и наболее авторитетный) ее исследователь, В. Гейгер, полагает, что, составленная около начала VI в. н. э., «Махавамса» базировалась на более старых материалах, прежде всего на не дошедших до нас работах типа исторических хроник. Важно, что в тех случаях, когда возможна проверка сведений, сообщаемых этой хроникой, они, как указывает В. Гейгер, оказываются достоверными.

Разбирая приведенный выше текст, известный исследователь истории и филологии Индии и прилегающих стран С. Леви счел возможным интерпретировать его в том смысле, что Pallavas — это Pahlavas, т. е. парфяне. Alasandra, по его мнению,— это «Александрия на Кавказе» или «Александрия в Египте». В. Гейгер в примечании к переводу этого текста указывает, что Pallava — имя персов (санскр. Pallava или Pahlava), а Bhoggam — может быть, «ленное владение, поместье». И далее: «Александрия в стране греков — вероятно, город, основанный македонским царем в Парапамисадах вблизи Кабула». Откуда же прибыл «мудрый Махадева»?. Историческая ситуация не оставляет сомнений на этот счет. Очень мало вероятно, что он и его спутники прибыли из внутренних парфянских владений. Речь скорее всего может идти о юго-восточных территориях, входивших в состав парфянского государства. Как известно, эти территории, в частности Сакастан, являлись полунезависимыми уделами. Термин Pallavabhogga, о значении которого сказано выше, как нельзя больше соответствует одной из этих областей. К этому следует добавить, что парфяне, по-видимому, участвовали в торговле, ведущейся в странах, расположенных вдоль Индийского океана, и, следовательно, могли попадать на Цейлон.

Второе из вышеупомянутых посольств действительно, скорее всего, прибыло именно из Александрии на Кавказе, т. е. из района современного Кабула. Это вполне соответствует и другим данным об очень раннем распространении здесь буддизма, с одной стороны, и представлению о том, что здесь продолжало существовать небольшое греко-бактрийское владение — с другой.

Итак, «цейлонский эпизод» парфянского буддизма указывает на то, что буддизм в юго-восточных территориях Парфянского государства был распространен по крайней мере уже с I в. до н. э. Возможно, что вскоре после этого он проник и в Маргиану. Все это позволяет утверждать, что ко II в. н. э., ко времени Ань Ши-гао, буддизм в Парфии имел длительную традицию. Говоря о дальнейших судьбах буддизма в Восточной Парфии, следует отметить, что роль Кушанского царства в распространении буддизма в Парфии и Центральной Азии была неодинаковой. Лишь в Центральной Азии политические цели Кушанского государства сыграли решающую роль в широком потоке буддийской пропаганды; в Парфии же причины и ход этой пропаганды были совсем другими.

Наиболее древним на территории Таджикистана памятником буддизма является надпись, открытая экспедицией А. Н. Бернштама в 1956 г. на Западном Памире, в местности Даршай. Я. Харматта, опубликовавший эту надпись, считает ее древнейшей надписью на кхарошти во «Внутренней Азии» и расшифровывает ее как «Нараяна, побеждай!». На основании палеографического анализа издатель датирует надпись концом II — началом I в. до н. э.; при этом палеографические данные, которые могли бы свидетельствовать о более поздней дате (кушанское время), в расчет не принимаются. Хронологическое определение этой надписи, свидетельствующей о появлении культа Нараяны в Средней Азии (в хотано-сакских документах из Восточного Туркестана встречаются «Нараяна Будда», в согдийско-буддийских — «Нараяна деви»), нельзя считать, как нам представляется, окончательным. Тем не менее ее можно рассматривать как одно из ранних свидетельств проникновения буддизма в Среднюю Азию, накануне или в ранний период образования Кушанского государства. Распространение буддизма в Средней Азии безусловно усиливается с образованием Кушанского государства, которое в эпоху своего расцвета значительно превзошло по территории Греко-бактрийское царство. Правители Кушанского царства не только благожелательно относились к буддизму, некоторые из них, например знаменитый Канишка, были буддистами. Он возвел множество буддийских сооружений, созвал в Пурушапуре буддийский религиозный собор. На монетах Канишки встречается наряду с другими божествами изображение Будды и надпись BOΔΔO (правда, количество таких монет невелико).

Письменные источники повествуют о большой роли выходцев из Тохаристана в разработке и пропаганде буддийского учения в кушанское время. Знаменитым буддийским богословом был Гхошака, уроженец Тохаристана,— один из ведущих участников собора в Пурушапуре и автор составленного там комментария на буддийские канонические тексты «Абидхарма Вибхаша». После завершения работы собора Гхошака вернулся в Тохаристан. Этот богослов был, таким образом, последователем школы Вайбхашика, которая в свою очередь разбилась на школы, одна из которых называлась западная Вайбхашика; она была связана со «страной Балхика» (Балхом), возможно, ее традиции восходят именно к Гхошаке. О важности этой школы для Тохаристана свидетельствует и тот факт, что первый переводчик ее трактатов на тохарский язык был тохаристанец — богослов Дхармамитра, уроженец Tarmita (Термеза).

Итак, в Средней Азии, во всяком случае на юге ее, была распространена школа Вайбхашика — ветвь школы Сарвастивада. Следует отметить, что она относилась к «Малой колеснице». Однако именно учение вайбхашиков характеризовалось рядом существенных моментов, сближающих его с кругом Махаяны. Этому, в частности, способствовала важность, которую «Виная» школы Сарвастивада играла также в круге Махаяны. Считается, что в Хотане Вайбхашика в какой-то степени подготовила почву для распространения Махаяны.

Вместе с тем имеются предположения о распространении и других школ. Анализируя надписи на черепках из Кара-тепе, Я. Харматта отметил, что надписи на кхароштхи отражают учение школы Махасангхика, и высказал предположение, что именно эта школа была пионером распространения буддизма в Средней Азии. Другая же часть каратепинских надписей (на брахми) свидетельствует о распространении учения буддийской школы Сарвастивада, которое проникло в Среднюю Азию позже, при Канишке. Исчезла ли здесь полностью школа Махасангхика? В Северной Индии, как сообщает И Цзин, в VII в. иногда встречались еще приверженцы школы Махасангхика, хотя господствовала школа Сарвастивада. Было ли положение в Средней Азии аналогичным, неизвестно. Обратимся к другим областям Средней Азии, помимо Тохаристана. В «Sūtrālankāra» содержатся сведения, что в область будущего Ташкента (по-видимому, в кушанское время) направился для убранства вихары (буддийского монастыря) уроженец Пушкаравати. В первые века нашей эры буддизм укрепляет свои позиции и в Маргиане. Через Среднюю Азию буддизм проникает и в Восточный Туркестан, а затем в Китай. Нам представляется убедительным предположение Е. Цюрхера, что постепенная инфильтрация буддизма в Китай шла прежде всего из Средней Азии вдоль обычных путей с Запада, причем этот процесс имел место с середины I в. до н. э. до середины I в. н. э.

Среднеазиатские богословы и миссионеры сыграли важную роль в распространении буддизма в Восточном Туркестане и Китае. В рассказах о начальном этапе распространения буддизма в этих странах правда причудливо переплетается с легендами. В «Вэй-люе», источнике III в., имеется отрывок, который синологи трактуют различно: 1) в Китай прибыло во 2 г. до н. э. посольство от правителя Великих юечжей, которое ознакомило китайцев с буддизмом; 2) китайское посольство во 2 г. до н. э. прибыло к юечжам, и юечжийский наследный принц ознакомил их с буддизмом. Некоторые современные ученые полагают, что этот отрывок не следует учитывать вовсе. Нам представляется, что, принимая во внимание весь исторический контекст, этот отрывок (историческая подлинность которого, действительно, не бесспорна), несомненно, может свидетельствовать о том, какая роль в сино-буддийской традиции отводилась выходцам из страны юечжей в деле пропаганды буддизма в Китае. Следовательно (для нас это наиболее существенно), страна юечжей представлялась в III в. н. э., когда составлялся «Вэйлюе» (или комментарий к нему в начале V в.), одним из важнейших центров буддизма. Разумеется, страна юечжей, т. е. Кушанское царство, в эпоху максимальной экспансии включала не только значительную часть Средней Азии, но Афганистан и Северную Индию. Вместе с тем необходимо учитывать, что составители китайских исторических хроник прекрасно знали, что в эпоху перед началом нашей эры ядро юечжийских владений располагалось именно в Средней Азии. Поэтому мы считаем возможным высказать предположение, что в китайских источниках имеются в виду Средняя Азия или выходцы из нее. Р. Фрай даже высказывает предположение, что первоначально буддийские сочинения переводились на согдийский язык с «кушанского» (т. е. бактрийского) языка, но его доводы не представляются убедительными.

Что вызвало поток среднеазиатских миссионеров на восток, в оазисы Восточного Туркестана? Почему именно во II—III вв. они настойчиво проповедуют там буддизм? Кажется, здесь за религиозным рвением кроются вполне земные побудительные причины, а именно те политические цели, которые ставило себе в некоторых областях Восточного Туркестана Кушанское государство.

Среди наиболее ранних проповедников буддизма в Китае, в Лояне, была большая группа выходцев из Средней Азии. Это двое парфян — Ань Ши-гао и Ань Сюань; трое юечжийцев — Чжи Лоуцзя-чань (Chih Lao-chiha-ch'ien — Lokaksema?), Чжи Яо и Чжи Лян; двое согдийцев — Кан Мэн-сян и Кан Цзюй (последний, собственно, скорее кангюец). Наиболее знаменитым был парфянин Ань Ши-гао. Согласно очень ранней традиции он был парфянским наследным принцем, но отказался от престола в пользу дяди и посвятил себя религиозной жизни. Вполне вероятно, что он происходил из Маргианы. О его дальнейшем жизненном пути известно лишь, что он отправился на восток и в 148 г. поселился в Лояне, где работал над переводами вплоть до 170 г. Он переводил хинаянистские сочинения. Ань Ши-гао, прибывший в Восточный Туркестан проповедовать буддизм, был не только религиозным деятелем, но и крупным ученым, в частности, в области астрономии. Согласно китайской традиции он был знатоком магии и астрологии той страны, из которой он происходил, т. е. Парфии. Следовательно, с самого начала наряду с распространением буддизма из Средней Азии в Китай происходил процесс передачи культурных и научных ценностей, выработанных среднеазиатскими народами. Второй парфянин, Ань Сюань, был купцом и прибыл в Лоян в 181 г.; он стал переводчиком. В соавторстве с другим учеником Ань Ши-гао он перевел одно сочинение, которое принадлежит махаяне. Приверженцем махаяны был представитель следующего поколения — юечжиец Локакшема, также известный своими переводами. Он приехал в Лоян спустя двадцать лет после Ань Ши-гао. Считается, что при нем махаяна была введена в Китай или, вернее, укрепила там свои позиции.

В начале III в. среди переводчиков мы вновь встречаем согдийцев. В III в. в распространении буддизма играют значительную роль лица, предки которых переселились из Средней Азии в соседние страны. Таков юечжиец Чжи Цянь, иначе Чжи Юэ, внук выходца из страны юечжей, поселившегося в Лояне, и согдиец Кан Сэн-гуй, предки которого переселились в Индию, а отец переехал в Лоян. Собственно, уже к этому типу переводчиков, родившихся и воспитанных за пределами своей страны, принадлежал и знаменитый переводчик юечжиец Дхармаракша (работал с 266 до 309 г. н. э.), уроженец Дуньхуана, где его предки поселились несколько поколений назад. Среди его учеников упоминаются юечжиец и, кажется, согдиец. В 281—306 гг. работал над переводами и парфянин Ань Фа-цинь. Родился на чужбине и не был связан со своей родиной знаменитый переводчик IV в. согдиец Кан Сэн-юань. Но в самом конце IV в. в Китае появляется выходец из Тухоло, известный под именем Джарманандин. Он прибыл в Китай в 384 г., пробыл там до 391 г., перевел за это время пять трудов, а затем вновь уехал на запад. Существенно, что он перевел очень важные разделы хинаянистских священных книг.

По одному из подсчетов, примерно до конца существования династии Западная Цзинь среди переводчиков буддийских сочинений на китайский язык было шесть или семь китайцев, шесть переводчиков индийского происхождения и шестнадцать, принадлежавших к разным средне- и центральноазиатским народностям (шесть юечжийцев, четыре парфянина, три согдийца, два кучинца и один хотанец). Разумеется, это очень примерные цифры, но их можно рассматривать как отражающие общую тенденцию. Таким образом, среди миссионеров буддийского учения и переводчиков буддийских сочинений имеются выходцы из ряда среднеазиатских областей, что само по себе недвусмысленно свидетельствует о степени распространенности буддизма на родине переводчиков — в Средней Азии. В этой связи небезынтересен и следующий факт. При раскопках в Таксиле в 1914 г. был найден серебряный сосуд, в котором содержалась маленькая золотая шкатулка с фрагментами костей и серебряный свиток с надписью кхароштиˌ Помещение, где была сделана находка, могло быть сооружено в середине I — середине II в. н. э. Надпись выполнена в 136 г. неизвестной эры, в ней содержится пожелание здоровья «великому царю, царю царей, сыну небес, кушану». Надпись касается помещения реликтов Будды в «часовню» бодисатвы в Таксиле, владельцем которой является некий бактриец (bāhlikena), резидент города Ṇoacha (или Ṇoachaa), который точно не локализуется (где-то в округе Таксилы или Бактр). Содержание надписи показывает, что этот бактриец был представителем кушанской администрации. Таким образом, бактрийцы выступали в роли ревнителей буддийской религии и на ее родине — в Индии.

К чрезвычайно интересным результатам приводит лингвистический анализ манихейско-парфянских и манихейско-согдийских, а также тюркских буддийских текстов. Как известно, основным языком «священного писания» восточноманихейской церкви являлся среднеперсидский. Наряду с этим были и парфянско-манихейские тексты. Согдийцы переписывали их, сопровождая версией на согдийском языке. Большинство манихейских текстов на среднеазиатских языках, открытых в Восточном Туркестане, переписывалось в среде согдийских манихейских общин. Это относится и к парфянско-манихейским текстам. Парфянский язык довольно рано (видимо, уже к V в. н. э.) был вытеснен и сохранялся в восточноманихейской церкви как язык мертвый. Поэтому для подавляющей части дошедших до нас парфянско-манихейских текстов характерны бедность лексики, однообразие синтаксических конструкций и стилистических средств. Однако один из парфянско-манихейских магических текстов, найденный в Восточном Туркестане, представляет в этом отношении исключение. Он, как считает В. Б. Хеннинг, издатель и интерпретатор этого текста, был составлен там, где парфянский был живым языком манихейских общин, т. е. в самой Парфии или в областях, непосредственно с ней граничащих, в которых влияние парфянского языка было очень сильным и манихейство быстро распространялось проповедниками. В этой связи В. Б. Хеннинг рассматривает вопросы распространения манихейства в Средней Азии.

Основатель среднеазиатского манихейства Мар Аммо сделал парфянский язык официальным языком восточного манихейства. Известно также, что он успешно проповедовал в Нишапуре и Мерве, а затем проследовал за Мерв, во владения кушан, и достиг области вблизи Балха, а может быть, даже самого Балха. Позже, в связи с распространением манихейства в Среднеазиатском междуречье, парфянский язык в манихейской церкви был заменен согдийским; по предположению В. Б. Хеннинга, это могло произойти во второй половине VI в. н. э.; но, по его словам, «в самой Парфии, как в Мерве и Балхе, парфянский (речь идет, как указывалось выше, лишь о языке манихейской церкви.— *Б. Л.*) продолжал употребляться. Об истории манихейской церкви в Мерве и Балхе мы знаем мало, но без сомнения там несколько столетий существовали сильные манихейские общины».

Эти данные о манихействе весьма важны для понимания обстановки, в которой происходило распространение буддизма в Средней Азии. Однако есть и другая сторона дела. В. Б. Хеннинг показал, что уже древнейшие парфянские манихейские тексты — поэмы, которые можно приписать самому Мар Аммо, содержат некоторые индийские буддийские термины. В парфянских текстах, написанных в IV в., число таких терминов постепенно увеличивается. Магический текст, проанализированный В. Б. Хеннингом, указывает на очень тесный контакт манихеев с буддистами в областях на границе Ирана и Индии. Этот текст был составлен скорее всего в VI в. в Балхе или вблизи него. Известно, что в парфянско-манихейских текстах встречаются такие чисто буддийские заимствованные термины, как Š'qmn bwt (Будда Сакьямуни), šmn — (шрамана), nybr'n (нирвана), byxš (бикшу), mytrg (Майтрея) и др. В свою очередь, в манихейско-согдийских текстах также имеются заимствованные буддийские термины и представления, связанные с буддийской традицией. О том, что именно согдийцы сыграли важную роль в проповеди буддийского учения как в Средней, так и в Центральной Азии, свидетельствует хотя бы тот факт, что именно из согдийского языка слово «бодисатва» (индийское Bodhisattva, согдийское pwtystβ) проникло в среднеперсидский, уйгурский и китайский, а через среднеперсидское посредство (bwt'sp) стало источником арабского (Budāsaf и Joasaph западной формы легенды о Варлааме и Иоасафе). Роль согдийцев видна и из анализа тюркских буддийских текстов, найденных в Восточном Туркестане. Исследовавшая их А. Габэн отмечает: «Многие основные термины в буддизме тюрок — зороастрийского происхождения, тюрки должны были позаимствовать их на западе (т. е. в Средней Азии.— *Б. Л.*) при посредничестве согдийцев». А. Габэн отрицает, что этот процесс мог произойти на востоке, и полагает, что он — результат контакта западных тюрок с согдийцами в Средней Азии, хотя, разумеется, нельзя исключить и роль согдийской диаспоры. Выше уже приводились факты, свидетельствующие, что на восточный манихеизм наложил сильный отпечаток среднеазиатский буддийский «субстрат». Дополнительным доказательством распространения буддизма в Средней Азии служит то, что и в западном манихействе также имелись определенные, хотя и рудиментарные, отражения концепций буддизма и Будды; они могли возникнуть, хотя бы отчасти, при парфянском посредничестве. Таким образом, лингвистические данные свидетельствуют о глубоко укоренившейся традиции буддийский религии и древности «буддийского фона» у таких среднеазиатских народов, как согдийцы и парфяне. Лингвисты считают также бесспорным, что эти факты могут связываться не только со среднеазиатскими общностями, но и с территорией Средней Азии, хотя проанализированные ими тексты найдены на территории Восточного Туркестана. Все это представляется достаточно убедительным, ибо, как уже отметил И. П. Асмуссен, совпадает с историческими фактами и является достаточно логичным. Так, путь манихейства в Восточный Туркестан пролегал через Среднюю Азию. Средняя Азия оставалась «цитаделью» манихейства и позже.

Сообщения письменных источников и лингвистические данные подтверждаются изученными теперь археологическими памятниками, особенно из правобережной Бактрии. Необычайно богат ими район Термеза. В литературе имеются подробные сводки буддийских памятников. Это избавляет нас от необходимости перечисления всех объектов и отдельных находок, а тем более их описания. Укажем лишь на некоторые памятники. В Айртаме, недалеко от Термеза, раскопан буддийский монастырский комплекс I—II вв. н. э., который включал группу жилых келий, подсобно-хозяйственных помещений, род антового вестибюля и квадратную кумирню за ним, в которой располагались реликварий и вотивная статуя Будды. Входное помещение имело гладкие стены, завершенные лентой скульптурного горельефного фриза — знаменитого айртамского фриза.

В самом Термезе проводятся систематические раскопочные работы на пещерном буддийском монастыре I—III вв. н. э. Кара-Тепе. Это единственный в Средней Азии пещерный комплекс явно буддийского характера. Помимо памятников искусства (значительной частью буддийских по характеру) и очень интересной архитектуры раскопки на Кара-тепе — и это очень важно — привели к открытию многочисленных памятников письменности, в том числе на кхароштти и брахми. В них, как и в найденных там же бактрийских надписях, содержатся явные указания на буддийский характер памятника. В районе Термеза и Сурхандарьинской области обнаружены различные культовые предметы и изображения, связанные с иконографией буддизма. Распространение буддизма в Согде отмечено таким памятником, как культовое сооружение в долине Санзара. Судя по устным сообщениям, в этом сооружении были крупные бронзовые статуи Будды, вокруг которых стояли бронзовые же фигуры сидящих львов. Сохранившаяся фигурка льва и китайское зеркало восьмиарочного типа позволяют считать вполне вероятной датировку этого сооружения временем I—III вв. н. э. (как предлагал Л. И. Альбаум).

Судя по археологическим памятникам, буддизм достиг и Хорезма. В первые века нашей эры, как отмечал С. П. Толстов, индо-буддийское влияние (в Хорезме) отражено в появлении миниатюрных изображений индийских санктуариев — ступ, в чуждых хорезмийской традиции изображениях обезьян; сидячие обнаженные мужские статуэтки также относятся к кругу буддийских образов. Но в целом воздействие буддизма на хорезмийскую культуру было, по-видимому, незначительным.

Буддийские памятники открыты и на юго-западе Средней Азии, в Маргиане. В пределах Гяур-кала была обнаружена ступа с квадратным основанием (13,3×13 *м*) и цилиндрическим барабаном. Подъем на платформу ступы осуществлялся с севера, по декоративной лестнице. Рядом с барабаном, по сторонам лестницы, на платформе стояли две колонны. Около ступы найдена отколовшаяся в древности голова гигантской скульптуры Будды (высота головы 0,75 *м*). К югу от ступы располагались постройки, по-видимому сангхарама. По мнению руководителей раскопочных работ, начало существования памятника датируется второй половиной I в. н. э.— II в. н. э. К сожалению, археологические материалы, на которых основана эта датировка, в существующих публикациях не приводятся, голова же Будды (судя по фотографиям) может принадлежать к значительно более позднему времени. Чрезвычайно интересна находка у лестницы ступы расписной вазы (А. Г. Кошеленко датирует ее IV—V вв. н. э.), внутри которой сохранились остатки рукописи. Согласно раскопочным данным, в V или VI в. голова Будды и ваза с рукописями были замурованы. М. Е. Массон связывает это или с разрушением ступы при землетрясении в середине V в., или с происшедшим в это время погромом ступы.

Таковы основные этапы распространения буддизма в древней Средней Азии.

A. MOTAMEDI (KABUL, AFGHANISTAN)

TRIRATNA FIGURE OF THE KABUL MUSEUM

(An Iconographic Study)

Introduction

The subject of the present paper—the Triratna figure of the Kabul Museum—was excavated from Hadda during the 1926-1927 campaign by Barthoux, the French archaeologist (inventory number 62.3.32). Unfortunately, however, there is no archaeological information left with the Museum on this figure, which could have been included in the present discussion.

Therefore, the discussion cannot deal with any archaeological points and is only going to cover the iconographic significance from the point of view of art history. It might be possible to see some connection of this Triratna piece with the Hindu concept of the earth goddess and with the iconography of Mahayana Buddhism, which prevailed in the Far East on this matter, since this piece indicates various important Buddhist elements, intermingled in a curious manner.

The purpose of the paper is to shed light on this small but well preserved figure in regard to the development of the elements of iconography indicated in it.

This very unusual piece, a female bust holding three stylised lotuses, has various interesting elements, such as the Three Jewels of Buddhism—the Buddha, Law and Order; lotus flowers—symbol of the Buddha's birth; the wheel—symbol of the First Sermon; and the earth goddess, a witness of the Buddha at the time he was attacked by King Mara's army before he attained the Enlightenment. The trident, or *trisula,* often represented with Triratna, also shows close relationship between Buddhism and Hinduism.

The iconography of the earth goddess was supposed to have developed during the Kushan period and was transmitted with various other iconographic elements to the Far East via Central Asia, as we still can find interesting examples in Japan preserved from the 10th century A.D.

Description

There are two elements in this figure: one is the female figure, the other is the three stylised lotuses or wheels which are supported by the former.

1. The female bust is gracefully modelled. The details are almost perfectly preserved. The head is formed in an egg-shape and the expression of the face has the very typical contemplating air of a Hadda head: two big eyes, well-shaped eyebrows and nose. The mouth is characteristically very full and naturally closed. The hair style is not as elaborate as that of other female heads excavated from Hadda, but closely related to the coiffure of the Buddha, having a knot on the top

of the head. The only difference is that the figure of the Kabul Museum has a typical hair-band around the head, which shows a square part in front, suggesting that the band was tied there or might have had a decoration. Such examples are very common among the finds from Hadda. The hair is abstractly represented by showing some streaks combed towards the topknot. Two hanging earrings, quite large and long, are beautifully rendered, with a very delicate touch of a chain, which supports the decoration. Besides, the figure is decorated with a simple necklace and two bracelets on each wrist. The figure is clad in thin garments, which cover the entire torso to its neck and to the wrists. A kind of shawl or part of a free garment is shown in part near the left shoulder, giving an elegant effect. The figure is rendered frontally, without movement. Both arms are raised from the elbows attached to the sides of the torso, left and right, in order to support the three wheel or lotus representations.

2. There are three stylised lotus motifs supported by the female figure: one on the top of the head, the other two (one each) on both her palms. These lotuses are represented as if seen from the top, seven small petals around the core and a circle around it; nine larger petals frame the circle of the lotuses on each side, while there are only eight in the lotus motif on the top. Red paint is still visible in the space in between the petals as well as on the garments of the figure. The two lotuses are supported by the hands, but that on the top is detached from either of the two lower lotuses far from the head of the female figure and is supported by clay, which fills in the space; this lends a very light and rhythmical air to the figure. The triangular symmetry, too, shows the stability and hieratic authority connected closely with the iconography of the piece—a subject which will be dealt with later. The workmanship is very minute and delicately finished, with freshness, fluidity, vivacity and elegance.

State Museum Library
7209

Examination

As mentioned above, in this figure there are several significant interrelated elements, such as the lotus, the wheel, the Thee Jewels of Buddhism, the First Sermon at Sarnath (the upper part of the piece), and the earth goddess, Mara's attack, the Earth-Touching Mudra and the Buddha's Enlightenment (the female bust).

1. *Three stylised lotus flowers or wheels*. Observing carefully these three stylised lotuses, one recalls without any difficulty the representation of the wheel in the scene of the First Sermon of the Buddha. Representing the emblem of the Buddhist doctrine, dharma or law, the wheel is employed very frequently in the scene of the First Sermon. Sometimes the wheel is literally turned by the Buddha, whereas in other cases it is just represented on a pedestal in order to indicate the scene. The wheel is derived from an ancient solar system and intended to suggest the domination of all by the Buddha's doctrine as the sun dominates all space and time. The mudra of the First Sermon itself is called dharmacakra. According to this, the wheel seems to relate to the doctrine of Buddha or dharma. The representation of the wheel is related to the stylistic form of the lotus flowers. All three have seven centres, while the outer petals differ in number, nine on each side and eight at the top. Although thirteen is the number, it just indicates in the present case that it was made by a free hand, fresh with imagination, rather than by a mould, which was often used at that time in order to mass-produce figures.

In the Hindu concept, the lotus represents the universe since it was believed that the flower unfolds in all its glory from the formless endlessness of the causal waters. In the Upanishad (51.227) it is said, "From the Ocean of Creation rises the universe which appears in minds. The regents of the eight directions are its eight opened petals". The immaculate lotus rising from the depth of the water, remote from the shore, is associated with the notion of purity and with the cohesive tendency from which spring the law of conduct and knowledge.

At this point a connection of wheel and lotus is found in that the wheel is the emblem of the Buddha's doctrine, which is to turn the law of the universe, and the lotus itself is believed to represent the universe. Also it should not be forgotten that the lotus was regarded as the sun symbol by the Egyptians. While the wheel symbolises the First Sermon, the lotus is said to be the symbol of the Enlightenment, which dispels the darkness of ignorance in all living beings.

Triratna, the so-called Three Jewels of Buddhism, can be seen in numerous examples with the theme "Adoration of the Three Jewels of the Buddha" from the Kushan period. The Three Jewels are represented either by the wheel or the lotus, and sometimes with the trident symbol, supposed to be used as a weapon in India originally. When worship of Trimurti, or trinity of Brahma, Vishnu and Siva, took the place of the Vedic god, the trident became the symbol of Siva, representing the three functions of Creator, Preserver and Destroyer. In the microcosm the trident represents the three subtle arteries of the body. This is the reason why the trident symbol is quite often depicted supporting the lotus or the wheel. The form of the trident with three tips turned upward might have been stylised in the W-form of the gesture of the female bust.

Several representations of the trident were found in Swat, Butkara. One example shows two trident symbols on the wheel at the tip of the *torana*'s arch, the other depicts a wheel decorated with a full-blown lotus flower and supporting a trident resting on a square base bearing the Buddha's footprints. The trident's prongs support the wheels, symbolising the Three Jewels. There are six worshippers around the symbols. There is also a representation of a large rayed *cakra* supporting a trident decorated with a flat foliate moulding, while the other Triratna is supported by a pillar, adored by worshippers. The pillar is often a Persepolitan column.

These examples make it clear that the Triratna is used here to symbolise the First Sermon of the Buddha at Sarnath.

The iconography of the Three Jewels itself exactly corresponds to that of the representation of three lotuses (of the piece under discussion), although while the Triratna symbols in the above examples are depicted all in one horizontal line, the present example has a triangular representation, one each at left and right and one at the top. One relief from Swat shows a reverse triangle form in presenting the Triratna. The Three Jewels are, in this example, represented with interlaced wheels, rising on a Corinthian pilaster and supported by two amorini holding ribbons. If this raised Triratna symbol is reversed, it almost fits the form of the three wheels of the present piece. The trident and wheel motifs alone frequently symbolise the First Sermon, as we can see from examples excavated at Peshawar (Ingholt, pl. 70). The wheel, the spokes of which are stylised into petals of a lotus flower, is supported by the centre of the Triratna symbol. In another example (Ingholt, pl. 77) excavated from Taxila, a huge wheel rests on the three prongs of the

Triratna, which is supported by another wheel underneath. An example from Taxila (Ingholt, pl. 175) shows the combination of the scene of the Buddha literally turning the wheel, while the wheel itself is set upon the three points of the trident, being supported again by a small wheel, which rests on a low Indo-Corinthian column. Instead of one wheel resting on a trident, the next example (pl. 79) shows three wheels, each of which rests on one tip of the trident; it is depicted worshipped by five disciples.

The trident itself is supported by a fourth wheel stylised into a rosette. A relief in Calcutta has four similarly arranged wheels (Foucher, *AGBG,* I, p. 129, fig. 217; p. 431, fig. 218). No examples of tridents are known from the excavated materials in Afghanistan, except the ones which were discovered at Shamshi Ghar in Kandahar Province. In the so-called Fifth Chamber, four rudimentary painted examples of tridents were found on the low limestone wall by an American archaeologist, Dr. Louis Dupree, in the 1950-1951 excavation. It is suggested to date the painting around A.D. 300.

According to our reasoning, the upper part of the piece, the three stylised lotus flowers represented as three wheels, illustrate the significance of the Doctrine of the Buddha, inevitably related to the Enlightenment and the First Sermon of the Buddha. The piece thus represents the fundamental principle of Buddhism itself.

2. *The female torso* supporting the Triratna does not have any peculiarity as compared to the representations of female figures from Hadda and other Gandharan sites. The natural proportion, serene expression, costume and treatment of the garment are very commonly seen among the finds except for the gesture of supporting the Triratna. The arms are raised from the elbows on both sides, while two of the three wheels rest very naturally on the palms of the hands. This is a very unique gesture. An interesting example was found in the Peshawar collection (Ingholt, pl. 400). This female figure appears on the pedestal of a big female sculpture called the Royal Donor. A small female bust emerges, its face turned upward, and seems to support the sculpture. Another example, found in Lahore (Ingholt, pl. 346), is a female figure carved on a pedestal, although the gesture is just holding her hands in front, near the waist. She is looking up, towards the crossed legs of the Buddha that are barely preserved; the upper part is damaged and lost. It is explained that the female figure is the earth goddess, who appeared on the occasion of Mara's attempt to prevent Siddharta from attaining Enlightenment. The earth goddess appears (amid acanthi) on the base that once no doubt supported a Buddha figure in meditation.

Needless to say, the temptation of Mara started when he realised the threat from the meditation of Siddharta, since his power in the world would be seriously impaired if Siddharta attained Enlightenment and obtained Supreme Knowledge to be able to lead other people to salvation. In order to persuade Siddharta to give up the quest, Mara employed all possible means: he first tempted him with promises of power and pleasure, commanding his own daughters to seduce him, but this was not successful. Neither the offer of power nor feminine charms could move him. Then Mara gathered all the forces available to attack Siddharta and tried to remove him from the seat, but Siddharta called the earth goddess to bear witness to his right to remain. In answer, the earth goddess first trembled in six ways, and cleaving the earth which she shook, appeared halfway out of the ground. It is evidently this last action that is represented here (Burges, *JIAI,* VIII, 1900, p. 38, pl. 18; Foucher, *AGBG*, I, pp. 398-399; II, fig. 341, p. 73; III, p. 841).

At this point it seems that the present female bust might be the representation of the earth goddess, which is related to the story of Mara's temptation.

In the relief called "The Temptation of Mara" from Takht-i-Bahi, now in Peshawar (Ingholt, pl. 62), there is an interesting scene depicting the earth goddess appearing on the side of the seat, while Mara stands between his two daughters. Rising from the seat is the goddess of the tree. All turn toward Siddharta. In this relief, the earth goddess emerges amid acanthi leaves and looks towards the Buddha. It will be recalled that the mudra for the scene of the temptation of Mara is "earth-touching" (bhumisparsa mudra), the gesture to call the earth goddess to witness his right to take his seat beneath the Tree of Wisdom. This is exactly what was represented in the above example, since the Buddha stands beside the seat, and the goddess of the tree invites him to be seated and the earth goddess witnesses the happening. The account of this legend in the old Sanskrit document *Mahavastu* clearly depicts the scene as follows: "Then one Bodhisattva, unfearing, unterrified, removed from his robe his golden arms with netted hands and copper-hued nails, and as though with his right hand lightly touching a balance, with his right hand stroked his head three times, with his right hand stroked his couch, and with his right hand smote the earth. Then the great earth roared and sounded forth a deep and terrible sound. Mara's army so mighty, so well arrayed, alarmed, irritated, agitated, distracted and horrified, dispersed and melted away. Mara the evil one reflected and wrote with a reed on the ground, 'the ascetic Gotama escaped from my realm' ".

The earth in Hindu concept is the support, the nourisher of all physical life. The earth is also represented as a goddess that feeds everything with her milk. She is the mother of life, the substance of all beings. Prthu, the first king and inventor of agriculture, forced the reluctant earth to yield her treasures and feed man, hence she is called Prthivi, "the domain of Prthu". In the *Bhagarita Purana*, a list is given of the deities who are to be worshipped for particular aims, and it is mentioned that "He who desires strength worships the Earth". Siddharta did not need strength, but he needed a powerful witness to be present at the scene of Mara's attack. If this female figure represented with the Triratna could be attributed to the earth goddess, the connection of the two elements is logical in the sense that the doctrine of the Buddha is supported by the witness of the event of Enlightenment. Thus, this stately-looking figure indicates a profound philosophy behind the solid and balanced outlook.

Development of Iconography

Tracing the iconography of the earth goddess along the route by which Mahayana Buddhism was introduced to the Far East, an interesting example is found from the ruins of the Rawak vihara of Khotan (see Stein, *Ancient Khotan,* vol. I, chapt. XIV, p. 495, pl. XXVII). In the relief sculpture on the inner south-east wall of the Rawak stupa court, a female bust can be seen between the legs of the figure clad in armour. Stein mentions the figure as remarkable for graceful outline and good modelling. The upward tilt of the head seems to indicate that it must have been supporting a figure or at least illustrate the relationship of the figure with the figure above. The style of the representation resembles closely the Gandharan style. Stein suggests that the female bust curiously recalls the female figure from Gandhara in the scene of Gautama's final departure from his palace, rising from the ground between the feet of his horse Kanthaka (Grunwedel—Burges, *Buddhist Art,* pp. 100 ff.).

If this example were the only one to be compared with the present piece, it would be difficult to define it as the earth goddess. However, there are some series of Buddhist figures, all carved in wood, preserved in Japan from the 10th to the 12th centuries A.D., which give some clue to this curious representation of the female bust. These are the representations of Vaisravana—the Guardian of the North Quarter of the Buddhist heaven, always depicted standing upright on the palms of the earth goddess, accompanied by two goblins. One of these examples, which is regarded to be the oldest and also to have been brought back from China, is now preserved in a temple in Kyoto, called Toji or Kyo-o-gokokuji. It is said that the figure was installed in the Rashomon Gate to protect the ancient capital of Japan. The costume must have been taken from T'ang China (A.D. 618-907).

The characteristic feature of the guardian figure, Vaisravana, besides being supported by the earth goddess, is that it is represented in a very frontal and stiff manner, which is not too common among the examples of Kushan art. Also, the armour is clearly Iranian, reaching the knees, as in the painting from Kutcha (cf. Le Coq, *Buried Treasure of Chinese Turkistan*). The crown is decorated with a phoenix motif.

The representation of the guardian god, such as Vijrapani or Panchika, originally Hindu deities (Ingholt, pl. 333, 337), can be often found; however, the combination of the guardian figure and the earth goddess cannot be found among the examples of Kushan art.

Also, this type of representation with Iranian armour and the earth goddess is very exotic in Japan, and its origin must be sought somewhere between China and the domain of the Kushans, namely in Central Asia or Chinese Turkistan. This guardian deity, Vaisravana, is regarded as the guardian of the north. It should be noted that in the Hindu concept the earth is also a regent of the north-east direction. There must have been a strong reason for the guardian to have the assistance of the regent of the direction in which he had his own domain. Vaisravana was thought to be living in the northern paradise and to be ready to give help to those who drastically needed it. It is said that when Kyzil, an ancient country in Chinese Turkistan, was theatened by invading neighbouring countries, the people prayed to this guardian deity, Vaisravana, to render help; the army of Vaisravana appeared and chased away the armies of the enemy. Hence, the worship of Vaisravana became very popular and gradually prevailed in China and in Japan, with the original style of representation kept intact. Hsüan Tsang also found that in the middle of the 7th century the worship of Vaisravana was very popular in Khotan, although the example from Khotan does not reflect exactly the style of that from Kyzil. Stein points out that the Rawak example of the earth goddess found in Khotan is more naturally depicted. He also refers to the style of Vaisravana as closely related to that of the earth goddess.

A provincial belief in a deity Vaisravana and the Hindu concept of the earth goddess was blended in Chinese Turkistan and was then made into the model of the very popular guardian representation in the Far East up to the 10th century, the style having remained intact.

Conclusion

It could be said that the present Triratna figure impregnated in itself the fundamental thought of Buddhism—the Doctrine (Buddha, Law and Order), two important events—Enlightenment and the First Sermon. The support of the earth goddess—an anthropomorphic representation of trident shape—emphasises the significance and profundity of the teaching. The iconography of the earth goddess later was developed, in combination with a guardian deity Vaisravana, in Khotan and in Kyzil, into a model which became the standard representation of this popular guardian deity for the defence of a nation in Chinese Turkistan, China and Japan.

H. MODE (HALLE, GERMAN DEMOCRATIC REPUBLIC)

TAKKASILA AND THE ROLE OF HIGHER EDUCATION IN THE KUSHAN PERIOD

It is not easy to establish the system of higher education for a given period of Indian history, like the Kushan period, basing oneself on the sources. General writings on education in monographs or in the context of general history books keep silent in regard to chronology and prefer a more "timeless" summary of educational methods. Thus from the Dharmasastra and Grhyasutra literature an imaginary unity is distilled, which is meant to represent the earliest periods, but fails to add exact dates according to the course of Indian history. An example of this type of study may be found in the article by Dr. Karl Glaser, "Der indische Student" (*ZDMG*, 66, 1912, pp. 1-37). V.N. Sharma, an Indian scholar, who in 1936 published a book on education in India in the German language, attempts to give a chronological development of the Indian educational system within three major groupings: (1) Vedic and epic age (up to 500 B.C.); (2) Buddhist age (500 B.C.-A.D. 700); (3) Renaissance and *Aufklärung*, as he calls this period of post-classical and modern education (700-1800). But even here the chronology and systematic arrangement seems to be problematic, if one examines the headings within period 2 (Buddhist), to find Taxila mentioned along with Nalanda. Nalanda may be called a university even by modern standards, at least fully equipped as a Buddhist centre of higher religious and secular education, but the case of Taxila is entirely different. Our knowledge about Taxila university is mainly derived from the Jatakas and it remains an open question to which age these Jataka tales refer. By their own content they do not even once discuss education in the Buddhist sense, but refer to the training of young brahmans or kshatriyas on purely Hindu educational lines. They contain certain peculiar and much stereotyped generalities, for instance, "the student coming from far away places to the world-known teacher" (which has the same meaning, because the fame of the teacher is world-wide just because he attracts students from far away!). The student has to pay a round sum of thousand pieces (kahapanas), but there are exceptions for such students who take their lessons without pay, but have to do manual work for the teacher during the day and study during the night. Subjects are numerous, but there is none among them pointing to particular Buddhist training. Of course, the historical background referring to previous births of the Buddha justifies this omission. But this being so, it is wrong to quote the Jatakas for describing the system of education during the Buddhist period.

Takkasila, or at least Sirsukh, the third city of this site according to the excavations of John Marshall, must have flourished during the Kushan period, and even more numerous are the Buddhist monasteries surrounding the town. It has to be noted that Sirsukh has not been fully excavated and that more information in regard to buildings connected with education may be expected from further local research.

To avoid the difficulties just pointed out, it has become the practice to write independently on the Buddhist education and understand under this heading merely the monastic training, the education of monks. Thus, B.N. Puri in his book *India under the Kushanas* devotes a chapter to education and names as his sources the Buddhist literature of the period, i.e. the *Mahavastu,* the *Lalitavistara,* the *Saddharma-Pundarika,* the *Milindapanha,* the *Divyavadana* and the *Avadanasataka.* Takkasila is not mentioned there, though the archaeological data show that it must have flourished during this period, and the entire programme of education even according to these Buddhist texts has the same features as Brahman education of earlier and contemporary non-Buddhist texts. Puri therefore includes a short paragraph on particular Buddhist education, but here again merely the monastic training of the monks is documented.

Of such monastic education, Buddhist literature supplies many details. Sukumar Dutt in his book *Buddhist Monks and Monasteries of India* (1962) considers the fact that the monasteries from being seats of monastic life and culture grew into centres of general learning and more liberal scholarship as a later feature and even as a symptom of the decline of Buddhism. He, too, does not mention or consider Taxila and its famous reputation in regard to education. According to him, the new type of monastery called Mahavihara only commenced during the Gupta period, Nalanda being its particular type and highest achievement.

Going by all such statements, the monasteries being occupied fully with inner-Buddhist training for the purpose of monastic education, at least in the period of flourishing Buddhism up to the Gupta times, the question is unavoidable: Where and how did the Buddhist laymen receive their education, as distinguished from the Brahman education, during all these periods— for a duration of almost nine centuries? Could it be that there was no Buddhist lay education at all?

There are documents that warrant a different view. Thus, for instance, the *Sigalasutta* of the *Digha-nikaya* points out that it is the duty of Buddhist monks to give education and guidance to laymen. Rahula in his *History of Buddhism in Ceylon* devotes a large chapter to education, but even though he frequently mentions laymen education he says in regard to exact quotations from Buddhist texts, "We cannot expect direct references to the education of ordinary people in the ancient chronicles, as it was not the custom to record such things" (p. 288). Yet there is for Ceylon, a Buddhist country at that time and ever since then, at least one good piece of evidence for the advanced system of general education: the incomparable corpus of laymen inscriptions discovered on the walls of Sigiriya fortress by Paranavitana, proving a well-balanced and broadly laid-out type of literacy and power of creative writing in that country. The time of these inscriptions is somewhat later than the Kushan period in the North, but it roughly corresponds to the age of the Nalanda university in India. Yet it seems impossible to imagine that such a spread of higher education for laymen could have been achieved within a short period of time, and therefore it can be assumed that the basic work of higher education and general literacy had been done much earlier in the history of Ceylon.

If we approach the question of higher education not from direct evidence, but by inductive and logical methods, as Asimov has suggested in his paper read before this Conference, we have to acknowledge the great achievements of Buddhist culture within the centuries of Maurya, Kushan and Satavahana rule. There can hardly be any doubt that members of the Sangha have been responsible for the increase in scholarly work, even before the Gupta period. References to Taxila as a famous centre of learning should thus not only be taken as retrospective, but even more as a contemporary evaluation in the sense that the great monasteries in and around this city (and other cities) have largely contributed to the education of laymen. In a similar way, S. Dutt has interpreted the testimony of Fa Hsien and other Chinese pilgrims of a later period in regard to Buddhist education during the Kushan rule. These authorities speak of the past traditions of monasteries and record the names of renowned scholars who composed great works while in residence there. This, of course, refers to monk scholars and not so much to the higher education of laymen, but it throws light on the intellectual atmosphere within the monasteries. The dialectical skill and ability in argumentation originating in Buddhist monasteries can be proved by the great attention that was paid to public debates not only by adherents of different sects of that religion, but also by representatives of rival religious communities or even by non-religious opponents. The monks and (by implication) the laymen had to be trained on non-religious subjects as well, cultural topics, various systems of philosophy, etc.—and even in regard to topics of pragmatical importance, agriculture and architecture, the construction and upkeep of the monastic establishments and the like.

Archaeological materials again speak their own language and they should be interpreted independently on their own evidence. The spread of monasteries all over the large territory of Kushan rule speaks by itself of the importance of the Sangha, and though the monks may by their own intention be classified as a non-political body, the very existence of a large and well-organised community which professed spiritual and intellectual training to be one of its main tasks, must of necessity have been a strong force within the empires of the period under consideration, i.e. during the Kushan time, even if other religious communities were existing along with them. This fact, too, was stressed by Asimov in his paper, and it should be remembered that there was hardly any other organisation as capable as the Buddhist Sangha to collect, convey and develop higher knowledge, which, as we have repeatedly noted, was not limited to Buddhism in a religious sense of the term. Thus, what we have seen at Adzhina Tepa and what may be witnessed from recent excavations in the southern parts of the Soviet Union, as also from the excavations in the neighbouring territories of Afghanistan, Pakistan and Northern India, has a deep implication on the advance of learning in these regions, especially during the Kushan period and afterwards. Great monastic establishments of this type supply by their very existence the missing link, enabling us to recognise the instrumentality of the Buddhist Sangha to spread and stabilise higher education within the same boundaries that had been conquered and politically controlled by the Kushan rulers.

Even as far as details in architectural types of such monasteries lead us, we meet with parallels which may permit further conclusions in the light of our investigations. Such parallels may be found far outside the Kushan borders, e.g. in a palace from Assur of the 1st-2nd centuries of the Christian era or in the famous architectural complex of Kuh-i-Khwaja of a somewhat later period, but nearer to the Kushan territory. Here the link is given by the square-shaped courtyard and cross-like projections of the iwan type, examples of which are not known from pre-Parthian western buildings and which may have well spread in the period under discussion. Its later popularity in the western and eastern territories, even in connection with the Islamic madrasahs, a religious school type that seems to have originally devoloped in Persia, may be taken as a pointer that the particular combination of a religious institution with educational purposes was taken over even by an alien religion. But this short remark may be taken only as a hint for more detailed observations to be drawn from the recent finds of Buddhist monasteries like Adzhina Tepa. What has been our main task was to stress the role of the Buddhist Sangha in regard to the spread of higher knowledge and education during the Kushan period.

Л. С. ВАСИЛЬЕВ (СССР, МОСКВА)

КУШАНЫ И ПРОНИКНОВЕНИЕ БУДДИЗМА В КИТАЙ

Блестящая, хотя и недолговременная цивилизация Кушанского царства возникла и расцвела в тесном взаимодействии с соседними народами и культурами, к числу которых относится и китайская. Данные китайских источников сохранили наиболее полные и подробные сведения о ранних этапах истории кушан. И хотя эти сведения, как и вся версия китайских источников о происхождении кушан в результате миграции юечжей на запад под давлением сюнну, не являются единственными [1], они тем не менее считаются наиболее достоверными и в настоящее время фактически общепризнанны.

Возникшее вскоре после переселения юечжей на запад Кушанское царство уже на рубеже нашей эры превратилось в крупное государство, игравшее заметную роль в соотношении сил в Средней и Центральной Азии. Однако распространение влияния этого царства на соседние территории шло с бо́льшим успехом в сторону запада, чем востока. На востоке, т. е. со стороны Восточного Туркестана, этому препятствовало распространившееся на запад в I в. н. э. влияние империи Хань, чему в немалой степени способствовали походы и дипломатическая активность знаменитого ханьского полководца Бань Чао [2]. Судя по данным китайских источников, в конце I в. н. э. произошло даже военное столкновение кушан с руководимыми Бань Чао армиями городов-государств Восточного Туркестана («Западного края», по терминологии китайских источников), закончившееся неудачей для кушан [3].

По-видимому, эта неудача сыграла существенную роль в приостановлении расширения границ Кушанского царства на восток, в сторону городов-государств «Западного края». Однако такого рода политические причины не помешали распространению культурного влияния кушан. Разумеется, для этого кушаны должны были обладать достаточно мощным и интенсивным орудием духовного воздействия. Ведь шедший с запада поток культурной радиации мог рассчитывать на успех лишь в том случае, если он сумеет не только активно влиять на культурные традиции восточных соседей, но и противостоять мощному встречному влиянию со стороны китайской цивилизации и даже преодолевать его. Такое орудие духовного воздействия огромной силы было у кушан. Собственно говоря, это орудие как раз и составляло основную сущность кушанской цивилизации, культурные потенции которой возникли в результате сложного процесса синтеза эллинистических традиций, индобуддийских идей и местных культур среднеазиатских народов. Практически результаты этого синтеза проявились в виде реформированного и обогащенного рядом новых идей и заново созданных иконографических канонов буддизма, который в годы правления крупнейшего и наиболее известного из кушанских правителей — Канишки — фактически стал официально поддерживавшейся идеологией кушан.

С именем Канишки буддийская традиция связывает проведение знаменитого IV Собора буддистов, основным и важнейшим итогом которого была победа буддизма, реформированного и более приспособленного для того, чтобы стать «религией для всех» — буддизма махаяны («Великой колесницы») над существовавшим прежде буддизмом хинаяны («Малой колесницы»). Ни точная дата, ни обстоятельства проведения этого собора (как и годы жизни и правления самого Канишки) науке не известны. Предполагают, что это должно было произойти в промежутке между концом I и III вв. н. э.[4]. Как будет показано ниже, сведения китайских источников о первых шагах буддизма в Китае позволяют предположить, что махаяна одержала победу не позже, чем в середине II в. н. э. Как бы то ни было, успешное проникновение буддийских идей в Кушанское царство привело к тому, что кушанская цивилизация постепенно превратилась в ведущий центр буддизма. Здесь вырабатывались и утверждались новые принципы и формы этого учения; здесь же, на базе эллинистических влияний, была создана и иконография буддизма с характерными для нее приемами и канонами. Эта иконография получила столь большое развитие и оказалась художественно настолько совершенной, что положила начало новой эпохе в развитии искусства народов Азии. Это искусство, возникшее в Кушанском царстве, получило наименование греко-буддийского (по его истокам) или гандхарского (по месту нахождения наиболее замечательных его памятников) [5]. Традиции греко-буддийского искусства, нашедшие свое выражение прежде всего в разработке и канонизации форм и методов иконографического изображения будд, бодисатв и всех буддийских святых, священных животных и т. п., были затем заимствованы — вместе с реформированными буддийскими идеями — соседними странами и народами, в первую очередь и главным образом теми, кто находился к востоку от кушан. Среди них наиболее видное место занимал Китай.

О проникновении буддизма в Китай — точнее, о первых буддистах в Китае, известно мало достоверного. Данные более поздних апокрифов, полные явно легендарных описаний, не внушают доверия; самые же ранние сведения достоверных источников дают лишь косвенные данные, позволяющие предположить, что уже в 65 г. н. э. в центральнокитайском городе Пэнчэне существовали культ Будды и буддийская община, находившаяся под покровительством местного правителя, сводного брата китайского императора Мин-ди — принца Лю Ина [6]. Больше никаких достоверных сведений о буддизме в Китае в I в. н. э. нет, если не считать упоминания слова śramaṇa в одном из частных китайских сочинений рубежа I—II вв. н. э. [7]. По-видимому, I в. н. э. или скорее вторая половина этого века — это как раз то время, когда самые первые сведения о буддизме начали проникать в Китай [8]. Каким путем они проникали, неизвестно. Полагают, что уже в то время это был путь через Восточный Туркестан [9] — знаменитый Великий шелковый путь, который связывал Китай со странами Запада. Однако, если это и было так, в то время, т. е. в I в. н. э., такое проникновение буддийских идей в Китай было еще явлением исключительным и спорадическим. Достаточно напомнить о том, что, как это явствует из главы 77 династийной истории «Хоу Ханьшу», посвященной описанию деятельности Бань Чао в Западном крае, в городах-государствах Восточного Туркестана в то время буддизм еще не занял сколько-нибудь заметных позиций: о нем просто нет ни единого упоминания.

Фактически только с середины II в. н. э.— если быть совершенно точным, со 148 г., даты прибытия в столицу ханьского Китая Лоян знаменитого парфянского буддийского монаха Ань Ши-гао [10],— началась эпоха быстрого и активного проникновения буддизма в Китай.

С этого времени Лоян становится уже бесспорным главным и важнейшим центром буддизма, а дорога через Восточный Туркестан в Лоян — столбовой дорогой буддизма, первым и основным путем, по которому иностранные монахи-буддисты направлялись в Китай, везя с собой священные сутры и иконографические изображения буддийских божеств и святых.

По-видимому, с начала II в. н. э. параллельно шел и интенсивный процесс «буддизации» городов-государств Восточного Туркестана. Возможно, что такие крупные центры этого района, как Хотан и Куча, занимавшие стратегически важные пункты на Великом шелковом пути и потому обязательно посещавшиеся всеми паломниками, познакомились с буддизмом раньше [11]. Однако именно со II в. н. э. они стали особенно часто посещаться буддистами, а их роль посредника в деле распространения буддизма далее на восток стала быстро расти. Города-государства Восточного Туркестана начали застраиваться монастырями и превращаться в важные центры буддизма. Если вначале это был еще, возможно, буддизм хинаяны, то с конца II в. н. э. чаша весов, по-видимому, стала склоняться в сторону нового учения махаяны. Во всяком случае восточнотуркестанский центр Дуньхуан, расположенный близ собственно китайских земель, развивался как буддийский центр по преимуществу махаяны; об этом, в частности, свидетельствуют изображения бодисатв, встречающиеся в пещерных храмах Дуньхуана.

Через территорию «буддизированного» в результате влияния и проникновения кушанской культуры и кушанского буддизма Восточного Туркестана мощный поток культурного влияния со второй половины II в. н. э. стал ощущаться, как упоминалось, и в Китае. Как явствует из содержания переведенных Ань Ши-гао сутр, этот первый известный монах, прибывший через Кушанское царство и, видимо, тоже испытавший на себе в известной степени культурное влияние кушан (достаточно вспомнить, что парфянские княжества познакомились с буддизмом именно при посредничестве кушан) [12], еще не был знаком с махаяной [13]. Зато буддизм махаяны становится основным и преобладающим течением уже в деятельности следующего поколения индийских и кушанских монахов, прибывших в Китай всего на 20—30 лет позже [14]. Правда, с появлением махаяны традиция хинаяны не прервалась вовсе. Р. Ши приводит даже специальную таблицу, из которой видно, что развитие обоих направлений шло параллельно даже в деятельности известных миссионеров-буддистов III в. н. э. [15]. Однако при всем том позиции махаяны в Китае уже с III в. н. э. были безусловно предпочтительней, не говоря уже о том, что в дальнейшем все последующее развитие китайского буддизма шло в основном на базе махаяны.

Во всяком случае некоторый свет на события в Кушанском царстве (годы правления Канишки и IV Собор буддистов) может пролить тот факт, что уже со второй половины II в. н. э.— примерно с 60—80 гг. этого века — большинство прибывших в Китай миссионеров-буддистов были сторонниками махаяны. Строго говоря, все «второе поколение» реально действовавших в Китае иностранных миссионеров-буддистов было, за редкими исключениями, представителями буддизма махаяны, что не мешало им сотрудничать с Ань Ши-гао или считать себя продолжателями его дела. При этом более близкое ознакомление с биографиями этих миссионеров показывает, что все они по существу были выходцами из Кушанского царства или прилегавших к нему территорий, в то время явно находившихся под его культурным влиянием.

Свод биографических данных о первых буддийских монахах в Китае, являющийся ценнейшим источником по истории китайского (видимо, не только китайского) буддизма, был составлен одним из китайских буддистов в середине VI в. В него были включены описания жизни и деятельности нескольких сотен монахов, живших в Китае с I по VI в. Существуют переводы отдельных глав этого труда; последним по времени является перевод Р. Ши, включающий три первых главы свода, где содержатся биографии первых буддийских монахов[16].

Из этого свода явствует, что среди наиболее заметных миссионеров-буддистов и монахов, действовавших в Китае во II—III вв. н. э., были выходцы из Кушанского царства (юечжи по китайским источникам), Согдианы, Индии, Парфии и Восточного Туркестана, причем некоторые из них сыграли важную роль в становлении китайского буддизма. Так, первым и наиболее известным представителем второго поколения буддистов, познакомивших Китай с переводами текстов махаяны, был Локаксема, уроженец Кушанского царства, прибывший в Лоян на рубеже 60—70-х годов II в. Его ближайшим сотрудником был индиец Чжу Шо-фо[17]. Параллельно с ним в Лояне работал над переводами текстов хинаяны и махаяны парфянский купец Ань Сюань, прибывший в 181 г. в качестве торговца и оставшийся в Китае[18]. В конце II — начале III в. здесь же действовали в качестве переводчиков буддийских текстов согдийцы Кан Цзюй и Кан Мэн-сян, кушанцы Чжи Яо, Чжи Лян и Чжи Цзянь[19].

Со второй четверти III в. в связи с политическими событиями в Китае и возникновением троецарствия лоянский центр перестал быть главным и единственным. Параллельно с ним действовали и некоторые другие. При этом в южных центрах более заметным было влияние хинаяны; среди проповедников этого учения видную роль тоже играли выходцы из Кушанского царства, например известный Кан Сэн-хуэй[20]. На севере, в Лояне, в середине III в. н. э. действовали индиец Дхармакала, согдиец Кан Сэн-кай, парфянцы Тань Ди и Ань Фа-сянь; деятельность Дхармакалы, впервые познакомившего Китай с некоторыми важными положениями Винаи и принципами монастырской жизни, ординации и т. п., имела особенно важное значение[21].

Со второй половины III в. все большее значение приобретает влияние буддийских центров Восточного Туркестана. В Хотан, ставший в середине III в. уже видным центром буддизма махаяны (в противовес склоняющемуся к упадку центру хинаяны в Куче), совершил паломничество китайский монах Чжу Ши-син, описавший поездку в своем дневнике. Правда, сторонники хинаяны в Хотане попытались было воспрепятствовать ему вывезти в Китай тексты махаяны; тем не менее много текстов было передано в Китай хотанскими учениками Чжу Ши-сина[22]. Вслед за тем среди китайских буддистов стало появляться все больше выходцев из Хотана и других центров Восточного Туркестана, виднейшим из которых следует считать Дхармараксу.

Дхармаракса был сыном выходцев из кушан, осевших в Дуньхуане. Прибыв в столицу династии Западной Цзинь Чанань в 70—80-х годах III в., он привез с собой множество текстов, перевод которых является его главной заслугой, выдвинувшей его в первые ряды авторитетов китайского буддизма (его даже называли «бодисатвой из Дуньхуана»)[23]. В числе его переводов — знаменитая «Лотосовая сутра» махаяны. Влияние кушанской культуры продолжало сказываться и тогда, когда эпоха кушан уже приближалась к концу. Достаточно напомнить, что один из последних — и, пожалуй, наиболее крупный и известный — иностранный миссионер буддизма в Китае, индиец Кумараджива, прибыл в Китай в конце IV в. лишь после того, как обстоятельно ознакомился с буддийскими центрами Северной Индии и Восточного Туркестана, чьи традиции, как упоминалось, складывались под непосредственным влиянием кушанской культуры [24].

Параллельно с распространением буддизма в Китае шел процесс сложения нового вида изобразительного искусства — скульптуры. Нельзя сказать, чтобы до буддизма Китай совсем не был знаком со скульптурой. Примитивные изваяния из камня, равно как и более древние скульптурные портретные изображения, горельефы в бронзе и мелкая пластика в глине были известны и в древнем Китае. Однако в целом этот вид искусства играл — особенно после упадка искусства бронзы — более чем второстепенную роль. Его возрождению, причем на принципиально новой основе скульптурной иконографии, способствовал именно буддизм — точнее, то самое сложившееся и канонизированное в Кушанском царстве греко-буддийское искусство, произведения которого (главным образом канонические изображения будд и бодисатв, святых и священных животных) вместе с сутрами привозились в Китай и служили там, вначале лишь в пределах буддийских храмов, образцами для подражания. Довольно быстро, начиная с III—IV вв., буддийская скульптурная иконография стала одним из наиболее заметных и популярных в народе видов изобразительного искусства. В знаменитых пещерных храмах, которые в середине I тысячелетия н. э. были созданы гением китайского народа в Лунмыне, Юньгане, Дуньхуане, можно воочию увидеть, как на протяжении ряда поколений китайские мастера-умельцы, основываясь на некогда выработанных канонах, как на образцах, перерабатывали греко-буддийские традиции, приспосабливая их к условиям Китая. В ходе этой творческой переработки на базе созданных кушанской культурой принципов буддийской скульптурной иконографии постепенно сформировалось теперь уже подлинно китайское искусство скульптурного изображения будд, бодисатв и святых. Число буддийских скульптур со временем все возрастало. Показательно, что, несмотря на спорадические гонения на буддизм в средневековом Китае и даже на разрушения многих монастырей, это искусство выжило и является одним из важных элементов культурного наследия китайцев.

Таким образом, бросая ретроспективный взгляд на исторические события далекого прошлого, наука сегодняшнего дня вправе сделать вывод, что кушанская цивилизация, которой не суждено было просуществовать долго, сумела тем не менее оставить заметный след в истории человеческой культуры. След этот проявляется во многих аспектах. Под непосредственным влиянием кушан развивались отдельные стороны культуры ряда народов Центральной и Средней Азии, Индии, Китая. Разумеется, влияние кушанской культуры на Китай, как и на другие соседние страны и народы, было вызвано не тем, что эта культура была каким-то необычайно высоким взлетом гения, который распространял во все стороны благодатные лучи культурной радиации. Дело в том, что возникновение кушанской цивилизации было результатом благоприятного стечения обстоятельств, благотворного взаимовлияния ряда развитых и оригинальных культур со свойственными им традициями и достижениями. Это уникальное в своем роде сочетание элементов эллинизма, древних земледельческих культур среднеазиатских народов и индо-буддийских влияний стало причиной плодотворного культурного синтеза кушанской цивилизации. Отдельные стороны этого синтеза, отдельные его результаты — прежде всего в виде реформированного буддизма (махаяны) и новых форм искусства (скульптурная иконография),— были тем новым элементом, который сумел выйти за пределы Кушанского царства и оказать важное и существенное влияние на развитие духовной культуры ряда соседних с кушанами стран и народов, в том числе Китая.

Этот факт важно иметь в виду не только в связи с историей кушанской культуры. Он имеет самое непосредственное отношение к истории Китая, цивилизация которого складывалась и развивалась отнюдь не в безвоздушном пространстве, не в культурном вакууме. Постоянные и многосторонние культурные взаимосвязи и взаимовлияния были основой развития китайской цивилизации в той же мере, как и всех остальных цивилизаций, что, разумеется, ни в коей мере не умаляет оригинального характера, национальной специфики и вообще всех особенностей самобытной китайской культуры.

---

[1] См.: B. N. Puri, India under the Kushanas, Bombay, 1965, pp. 1—11.

[2] Подробнее о деятельности Бань Чао см.: Л. С. Васильев, Бань Чао в Западном крае,— ВДИ, № 1, 1955.

[3] «Хоу Ханьшу», цз. 77 (изд. Бона в 24 томах), т. III, стр. 698, Пекин, 1958 (на кит. яз.).

[4] B. N. Puri, op. cit., pp. 35—50, 143—144.

[5] См.: Б. Я. Ставиский, Между Памиром и Каспием, М., 1966, стр. 205 и сл.

[6] E. Zürcher, The Buddhist Conquest of China, Leiden, 1959, vol. 1, pp. 26—27; K. Ch'en, Buddhism in China, Princeton, 1964, pp. 33—34.

[7] F. Zürcher, op. cit., 1, p. 29; II, p. 329.

[8] Как известно, версия о том, что буддизм был чуть ли не официальным образом «приглашен» в Китай после воспетого во многих буддийских апокрифах знаменитого «сна императора Мин-ди», будто бы увидевшего во сне золоченого идола, т. е. Будду, ныне опровергнута специалистами. См.: H. Maspero, Le Songe et L'Ambassade de l'Empereur Ming, BEFEO, № 10, 1910, pp. 25—30; K. Ch'en, op. cit., pp. 29—31.

[9] K. Ch'en, op. cit., pp. 18—20.

[10] Ibid., p. 43; Zürcher, op. cit., 1, pp. 32—34.

[11] Точных данных на этот счет нет. Следует, однако, заметить, что, судя по данным раскопок 1892 г., завершившихся обнаружением в Хотане древних буддийских текстов, наиболее ранние из хотанских буддийских текстов датируются лишь II в. н. э. (E. Zürcher, op. cit., 1, p. 62).

[12] K. Ch'en, op. cit., p. 18.

[13] E. Zürcher, op. cit., 1, p. 33.

[14] Ibid., pp. 34—35.

[15] R. Shih, Biographies des moines eminents (Kao Seng Tchouan) de Houei-Kiao, Louvain, 1968.

[16] R. Shih, op. cit.

[17] Ibid., pp. 13—15.

[18] Ibid., p. 16; Zürcher, op. cit., 1, p. 34.

[19] R. Shih, op. cit., pp. 17, 21; Zürcher, op. cit., 1, pp. 36, 48—51.

[20] R. Shih, op. cit., pp. 20—30; Zürcher, op. cit. 1, pp. 51—55.

[21] R. Shih, op. cit., pp. 17—19; Zürcher, op. cit., 1, pp. 55—56.

[22] E. Zürcher, op. cit., 1, pp. 61—63.

[23] R. Shih, op. cit., pp. 33—37; Zürcher, op. cit., 1, pp. 65—70.

[24] R. Shih, op. cit., pp. 60—82.

Summary

1. China and the Kushans. First attempts to establish contacts. Ch'ang Chien's envoys (mid-2nd century B.C.). Consolidation of the Kushans and the formation of the Kushan Empire. Kanishka and the golden age of the Kushan Empire. "Western region" (Eastern Turkistan) as an intermediary in the interrelations between the Kushans and China. Pan Chao's campaign (1st century A.D.).

2. Kanishka and Buddhism. The 4th Buddhist Council and the emergence of Mahayana. Formation of Graeco-Buddhist canons in iconography and the role of the Kushans in their development (on the basis of Hellenistic traditions, the culture of the Central Asian peoples and Indo-Buddhist ideas). The spread of Mahayana Buddhism and

Graeco-Buddhist canons in art and iconography beyond the borders of the Kushan Empire.

3. The role of the city-states of Eastern Turkistan as intermediaries in the spread to China of Buddhism and Buddhist culture, developed in the Kushan Empire. Monasteries and monks in the "Western region" (after Pan Chao's campaign).

4. The first Buddhist preachers in China — people from India, Central Asia (including the Kushan Empire) and Eastern Turkistan. The centre of Chinese Buddhism in Tun-huang. The Buddhist centre in Loyang. The spread of Mahayana Buddhism in China. The authorities and patriarchs of early Chinese Buddhism and their links with the Buddhist centres in Central and Western Asia. Kumarajiva.

5. Graeco-Buddhist canons in art and their influence on China. Buddhist iconography in China. The role of Buddhism in the development of art in China. The emergence of sculptural iconography in China under the impact of Buddhist traditions.

6. The Kushan Empire — a large and most important cultural centre. The links of Kushan culture with Chinese culture and the influence exerted by Central Asian and Indo-Buddhist cultural traditions on the development of Chinese culture. The role of international cultural relations in the advance of civilisation.

П. НУРМЕКУНД (СССР, ТАРТУ)

О ТРАНСЛИТЕРАЦИИ САНСКРИТСКИХ СЛОВ В РАННИХ БУДДИЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Рассматриваемая проблема возникла передо мной в ходе моей работы над исторической грамматикой дунганского языка. При изучении произведений западноевропейских синологов о произношении в китайском языке древних и древнейших периодов мне неоднократно бросалась в глаза нерешительность и колебания относительно фиксирования санскритских звуков и их древнекитайских соответствий. Так как эта проблема до сих пор недостаточно изучена, то необходимо работать над ней дальше и основательно изучить древнеиндийские пракриты, которыми пользовались в пределах Кушанской империи.

Первые беглые соприкосновения китайцев с Индией и буддизмом состоялись уже на рубеже I и II столетий до н. э. Постоянный контакт создался лишь в эпоху Кушанской империи, которая существовала в течение пяти первых столетий нашей эры.

В эпоху кушанского властителя Канишки имели место особенно интенсивная трансформация буддизма (хинаяна была заменена махаяной) и его активное распространение далеко за пределами Индии. Возникла обширная литература на санскритском языке, которая впоследствии стала базой для махаянского канона.

Интенсивное распространение буддизма в Китае начинается на рубеже нашей эры и продолжается беспрерывно в течение всей кушанской эпохи. В истории Китая ей соответствуют периоды Поздней Хань (до 221 г.) и Шести династий (с 222 по 589 г.). Китайский язык переживал тогда вторую половину архаической стадии своего развития (по Карльгрену и Форесту) [1].

Распространение буддизма в Китае внесло новые элементы в историю китайского языка. Перевод буддийского канона с санскрита на китайский язык выдвинул необходимость транслитерации непереводимых терминов. В связи с этим впервые в истории китайского языка и письменности возникла идея фонетического письма.

Обычно приводят следующие доводы: 1) весьма редко удается датировать первичное использование определенного китайского иероглифа для обозначения определенного санскритского звука; 2) по большей части остается загадкой, какая разновидность китайского языка является основной для данной транслитерации; 3) в течение длительного периода не наблюдалось смены иероглифов в данных транслитерациях, хотя продолжающееся развитие китайского языка предоставляло такую возможность; 4) различные звуки китайского языка (например, g-, gh-, k-) в китайских транслитерациях обозначаются одинаково через арх. кит. *g- и т. п. [2].

Несмотря на все это, важность ранних буддийских транслитераций как одной из возможностей выяснения китайского произношения в течение пяти первых столетий нашей эры является бесспорной. Однако для успешного решения всех связанных с этим проблем не хватает синологической подготовки. Необходимо и основательное знакомство с разновидностями санскрита и с пракритами. Правда, благодаря замечательным работам выдающихся древнеиндийских ученых фонетический характер санскритских звуков с классической точностью известен уже начиная с нескольких столетий до нашей эры; но из этого никак не следует, что произношение каждого буддийского миссионера вплоть до подробностей следовало классическому примеру. Известно, что буддизм в Индии весьма благосклонно относился к народным языкам; на наш взгляд, при дальнейшей исследовательской работе этот факт придется серьезно учитывать [3].

---

[1] R.A.D. Forrest, The Chinese Language (2nd ed., revised and expanded), London, 1965, стр. 143, 157, 163; B. Karlgren, Compendium of Phonetics in Ancient and Archaic Chinese,— "Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities", № 26, Stockholm, 1954, стр. 153.

[2] R.A.D. Forrest, The Chinese Language, стр. 54, 159.

[3] В отношении происхождения и артикуляции китайского слова для «пагоды» см.: Joseph Edkins, Chinese Buddhism. A Volume of Sketches, Historical, Descriptive and Critical, London, 1880 (прим. на стр. 120, 121); R.A.D. Forrest, The Chinese Language, стр. 158.

Summary

The present paper was provoked by the irresolution shown by the Western Sinologists in fixing the phonetic value of the sounds of Sanskrit and of their renderings in Archaic and Ancient Chinese. The paper deals with the first appearance and the following spread of Buddhism in China during the Kushan period. Translation of Buddhist literature into Chinese evoked the necessity of transliteration of untranslatable terms. So, for the first time in Chinese idiomatic writing, the idea of phonetic spelling arose.

Usually the following is stated: first, that we but rarely can say when a particular Chinese character was first used to denote a particular sound of Sanskrit; second, that in most cases it remains enigmatic what particular variant of Chinese was used as standard for the given transliteration; third, that in the course of a long time no change of characters used in given transliterations can be observed, though the continuous development of Chinese should warrant the opposite; fourth, that different sounds of Sanskrit (such as *g-*, *gh-*, *k-*) are in Chinese transliteration equally noted by Archaic Chinese **g-*, and so on.

Nevertheless, the importance of the early Buddhist transliterations in Chinese as one of the means of elucidation of the pronunciation within the first five centuries A.D. proves to be incontestable. Yet a solid knowledge of the variants of Sanskrit and of the Prakrits is required for a successful solution of the problem, besides a good Sinological schooling. The Buddhist translators did not always observe the classic way of pronunciation of Sanskrit, since Buddhism in India had a rather benevolent attitude towards popular speech. Consequently, that fact should be taken into consideration.

Л. МЯЛЛЬ (СССР, ТАРТУ)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МАХАЯНЫ

Возможно, что современная буддология не знает другой столь волнующей проблемы, как возникновение махаяны. Несмотря на длительное преобладание интереса буддологов конца XIX — начала XX в. к исследованиям по так называмому южному буддизму, намечается немало достижений в изучении махаяны. Они связаны с именами многих выдающихся ученых—Щербатского, де Йонга, Конзе, Судзуки и др. Благодаря им уже имеется некоторое число высококачественных переводов и исследований по махаянеским текстам. К сожалению, таких работ пока еще слишком мало. Существует огромное число произведений на санскрите, на китайском и тибетском языках, которые остались незнакомыми исследователям. Это и обусловливает главный недостаток на современном уровне буддологии: у каждого исследователя своя модель махаяны, опирающаяся не на полный анализ текстов, а на частичные и предвзятые знания, которые, в свою очередь, находятся под влиянием некоторых поздних индийских и тибетских шастр. В то же время представляется невозможным разрешить вышеупомянутую проблему без учета сутр махаяны. Подлинно научных исследований содержательного плана сутр махаяны почти не существует (как пример можно назвать великолепную работу Судзуки [1]).

В данном сообщении приводятся некоторые мысли и соображения, которые возникли при работе над «Аштасахасрикой Праджнапарамитой». По всей вероятности, этот текст возник раньше, чем другие праджнапарамитские сутры. Точное время и место возникновения «Аштасахасрики» — предмет спора между учеными. Исходя из существования китайского перевода уже во II в., полагают, что этот текст оформился в I в. до н. э.[2]. Я думаю, что он мог возникнуть и в I в. н. э., даже в начале II в. н. э. Что касается места возникновения праджнапарамитской литературы, то по этому поводу высказывают разные предположения. Э. Конзе, например, исходя из хорошо известного места в самом тексте «Аштасахасрики», полагает, что это мог быть юг Индии [3], но он не отрицает также доказательств Э. Ламота в пользу северо-запада Индии. Мне кажется, что аргументы проф. Ламота [4] более убедительны.

По-моему, следует различать по меньшей мере два уровня в оформлении «Аштасахасрики», а это значит, что и исследование текста должно учитывать эти уровни. Те идеи, которые условно можно назвать праджнапарамитскими, могли возникнуть и, по всей вероятности, возникли гораздо раньше оформления текста, как такового. Если исследователь обращает больше внимания на первый уровень (этап оформления идей или уровень философского содержания «Аштасахасрики»), то он оказывается с самого начала в трудном положении. Ведь нелегко определить, какие именно идеи относятся к Праджнапарамите и какое место эти идеи занимают в общем плане развития буддийской мысли. Является ли Праджнапарамита предшественником философии Нагарджуны?

Профессор Мурти пишет: «The Madhyamika system is the systematized form of the Śūnyatā doctrine of the *Prajñāpāramitā* treatises; its metaphysics, spiritual path and religious ideal are all present there, though in a loose, prolific garb.»[5]

Но, как показывают исследования проф. Робинзона, расхождения между обеими системами в области терминологии слишком велики[6]. С другой стороны, и это не менее важно, имеются неоспоримые соответствия между терминологией палийских текстов и «Аштасахасрики». Конечно, можно утверждать, что сходные идеи могут быть выражены различными терминами. Однако мне кажется, что буддология как наука не должна вступать на такой путь. О каком сходстве идей можно говорить, если значение всех основных буддийских терминов еще в высшей степени неясно? Можно ли вообще конструировать модель развития буддийской мысли, если главный спор идет относительно значения таких терминов, как dharma, śūnya, prajñā и т. п.?

Поэтому мне кажется, что центр тяжести в буддологических работах должен лежать в области терминологических исследований, а также исследований, опирающихся на внутреннюю структуру конкретного текста, причем эти два пункта тесно связаны друг с другом, так как термины рассматриваются в первую очередь как элементы в данной структуре. Оформление законченного текста — это и есть второй этап в возникновении «Аштасахасрики Праджнапарамиты»; анализ такого текста как единого целого кажется мне самым результативным на данном этапе развития буддологии. Рассмотрим некоторые проблемы, вытекающие из такого рода анализа «Аштасахасрики Праджнапарамиты».

Обратим внимание на общий характер этого текста. Э. Конзе пишет: «The teachings of the Prajñāpāramitā have little significance for the present age. To be quite truthful, they are equally irrelevant to any other age. They are meant for people who have withdrawn from society, and who have little, if any, interest in its problems»[7].

Развивая эту точку зрения, можно предположить следующее: так как данный текст (или совокупность текстов) в одинаковой мере чужд каждой эпохе, в том числе и эпохе своего возникновения, то это значит, что этот текст, противопоставляя себя чему-то неизменному в обществе, может выполнять одинаковую функцию при всех исторических ситуациях (даже если он всегда остается непонятным).

Мне кажется, что эта точка зрения, хотя она и имеет некоторые положительные моменты, в общем глубоко ошибочна. Так как первое, что бросается в глаза при чтении «Аштасахасрики Праджнапарамиты», это страстное желание доказать *буддисту* (а не не-буддисту, как в большинстве сутр) что-то, доказать, что именно это, а не что-либо другое соответствует требованиям буддийской лизиологии[8]. «Аштасахасрика» явно не текст, провозглашающий созерцательные истины, а текст, который как бы предвидит все возможные возражения своих оппонентов. Поэтому в нем уделено много внимания развернутым доказательствам, пользующимся всеми достижениями индийской логики, начиная с обычной двузначной и заканчивая сложной парадоксальной логикой, которая имела в древней Индии особую силу доказательства.

Все это свидетельствует о существовании так называемого праджнапарамитизма до оформления «Аштасахасрики»: возможно, что эта школа была основана самим Субхути, учеником Гаутамы. Существование этой школы — факт, так как наш текст в целом доказывает это. Основание школы самим Субхути — гипотеза, причем недоказуемая, так как составить картину развития праджнапарамитской мысли пока еще невозможно. Точно так же следует признать фактом, что «Аштасахасрика» — полемическое произведение, составленное с какой-то целью (и, как показывает дальнейший анализ, эта цель весьма историчеcки конкретна). Моя гипотеза такова: «Аштасахасрика» была написана специально для собора Канишки.

Эта гипотеза основывается на том, что «Аштасахасрика» уделяет главное внимание именно тем вопросам, которые должны были в первую очередь интересовать собор Канишки. Так как в основном эти вопросы связаны с определением терминов, то надо полагать, что анализ терминов «Аштасахасрики» может дать много ценного материала для буддологии.

Рассмотрим здесь один из основных терминов «Аштасахасрики» — pūja («культ») [9]. Нередко в «Аштасахасрике» рядом с этим термином стоят и другие: satkāra, gurukāra, mānana, arcanā, apacāyanā [10]. «Аштасахасрика» различает в общем два уровня в культе, причем первый из них рассматривается как уже существующий, так как все доказательства исходят из него. Это культ мощей, который получил особое развитие в период после Ашоки, но сохранился в Индии, как показывают свидетельства китайских путешественников, и во второй половине I тысячелетия н. э.[11] В «Аштасахасрике» мощи обозначаются следующими терминами: tathāgatasya-arhataḥ samyaksambuddhasya parinirvṛtasya śarīra [12], tathāgatasya parinirvṛtasya śarīra [13], tathāgataśarīra [14]. «Аштасахасрика» не отрицает культа мощей, а противопоставляет этому другой культ, культ Праджнапарамиты. Таким же образом «Аштасахасрика» не отрицает атрибуты культа мощей, а переносит эти же атрибуты в культ Праджнапарамиты. Но какое значение имеет здесь Праджнапарамита? Это книга, написанный текст; сама «Аштасахасрика» и все другие возможные праджнапарамитские тексты. Культ Праджнапарамиты не ограничивается только этими атрибутами культа, а имеет новые и более важные: переписывание, распространение и объяснение текста. Таким образом, в плане совершения культа превосходство культа Праджнапарамиты проявляется в большем числе атрибутов. Эти добавочные атрибуты фактически не являются атрибутами культа.

Превосходство культа Праджнапарамиты доказывается еще аксиологическим и философским путями. В аксиологии эти два уровня соединяет термин puṇya («святая заслуга»), причем провозглашается, что культ Праджнапарамиты (особенно новые атрибуты) порождает в гораздо большем количестве puṇya, чем культ мощей [15]. Но puṇya — не праджнапарамитский термин, и «Аштасахасрика» не определяет его. Для снятия этого термина приводится новый — dṛṣṭadharmika guṇa («воспринимаемое качество»), который по сравнению с абстрактной puṇya имеет совершенно конкретный смысл «долгая жизнь», «отсутствие болезней» и т. д.) и относится только к культу Праджнапарамиты [16].

Но самое интересное — философское доказательство. Чрезвычайно развитый культ мощей привел к сопоставлению в сознании рядового буддиста терминов buddha и tathāgataśarīra. Основная формула буддизма buddha — dharma — saṃgha могла, таким образом, получить вид * tathāgataśarīra — dharma — saṃgha. Так как значение dharma в это время стало уже совсем непонятным и, в частности, приобрело новый смысл («элемент чего-то»), то не удивительно, что мощи приобрели в этой формуле главное значение. Авторы «Аштасахасрики» попытались восстановить первоначальный смысл формулы (где после смерти Будды второй член должен был стать главным). Во-первых, ко всем частям первоначальной формулы прибавляли -śarīra. Таким образом, формула приобрела вид buddhaśarīra—dharmaśarīra—saṃghaśarīra [17]. Dharmaśarīra должна была соответствовать первоначальному значению dharma, т. е. dharmaśarīra; это учение Будды, в данном контексте — Праджнапарамита. Но так как śarīra прежде всего имела, по-видимому, значение «мертвое тело», то и dharmaśarīra можно было понять как «мертвый текст». Поэтому dharmaśarīra превращалась в dharmakāya, а это должно было обозначать «живой текст», который должен подлежать процессу переписывания, распространения и объяснения[18].

Таким образом, такой важный термин позднего буддизма, как dharmakāya, имел первоначально значение «текст», и его возникновение не связано с каким-то спекулятивным умом, а с вполне реальными общественными обстоятельствами, со стремлением предотвратить превращение буддизма в мертвую догму и тривиальный культ (pūja).

---

[1] D.T. Suzuki, Studies in the Lankāvatāra Sūtra, London, 1931.

[2] См. E. Conze, The Prajñāpāramitā Literature, 's-Gravenhage, 1960, стр. 9.

[3] Там же, стр. 9 и сл.

[4] E. Lamotte, Sur la formation du Mahāyāna,— "Asiatica", Leipzig, 1954, стр. 386.

[5] T.R.V. Murti, The Central Philosophy of Buddhism, London, 1955, стр. 83.

[6] R.H. Robinson, Early Mādhyamika in India and China, 1967, стр. 63.

[7] E. Conze, Selected Sayings from the Perfection of Wisdom, London, 1955, стр. 16.

[8] Л. Мялль, Об одном возможном подходе к пониманию śūnyavāda,— "Terminologia Indica", I, Tartu, 1967, стр. 15.

[9] См. особенно III главу «Аштасахасрики» ("Astasāhasrikā Prajñāpāramitā", ed. by P.L. Vaidya, Darbhanga, 1960, стр. 25-47; далее AP).

[10] AP, стр. 29.

[11] См., напр., I-Tsing, A Record of the Buddhist Religion, London, 1896.

[12] AP, стр. 29.

[13] AP, стр. 52.

[14] AP, стр. 36.

[15] AP, стр. 28-29.

[16] AP, стр. 38 и сл.

[17] AP, стр. 29.

[18] AP, стр. 48.

Summary

In this paper the author argues that the problem of the rise of Mahayana can only be solved after a thorough analysis of the terminology of the sutras. This method yields good results. For instance, after studying the Astasahasrika Prajnaparamita in this way, one can say that dharmakaya originally meant a written Prajnaparamita text, the cult of which was held even in higher esteem than that of relics.

А. Н. ЗЕЛИНСКИЙ (СССР, МОСКВА)

КУШАНЫ И МАХАЯНА

В самом начале нашей эры на территории Северо-Западной Индии, в пределах империи Великих Кушан, возникла махаяническая система буддизма, отколовшаяся от хинаяны и положившая начало буддизму как религии мирового значения. Связь кушан с махаяной, о которой говорит буддийская традиция, является в настоящее время общепризнанным фактом [8]. Однако, сколь бы ни был значителен этот факт с точки зрения истории культуры, в нем остается еще много неясного, начиная с самого возникновения махаяны и кончая конкретным вкладом кушан в генезис махаянической доктрины.

Прежде всего возникает вопрос: каким образом кушаны — воинственные потомки центральноазиатских кочевников [86] — смогли принять доктрину милосердия и сострадания и как буддийская община в своей повседневной практике смогла тесно связать свои судьбы со светской властью кушанских царей-завоевателей? С другой стороны, могла ли практика буддизма измениться, не задевая основ его теории, а если последняя и претерпела изменения, то в чем заключалась их суть и какова была роль самих кушан в этих переменах? Вопросы эти не разработаны и слабо освещены источниками, но их важность для развития кушановедения и буддологии такова, что оправдывает попытку их постановки и решения в «первом приближении» [1] на основании уже имеющихся в настоящее время данных, подвергнутых анализу в предлагаемом аспекте, и на возможно более широком историко-культурном фоне.

Главным и решающим изменением в буддийской практике при кушанах, по-видимому, следует считать то, что буддийская община (сангха) впервые широко открыла двери для мирян, вследствие чего она из аскетического монашеского ордена трансформировалась в широкую церковную организацию, вторгающуюся в мирские дела. Если по каноническим представлениям раннего буддизма буддистом мог быть только монах [2], так как отречение от мира было необходимым условием «спасения» (в специфическом буддийском понимании этого слова), то, следуя новому учению, стать буддистом мог любой смертный, даже находящийся в самом круговороте мирской жизни. Об этом красноречиво свидетельствует, например, известная «Вималакирти-сутра» [3] [63], относящаяся к самому началу нашей эры, в которой воплощен образ буддийского мирянина-праведника Вималакирти. Характерно, что именно в эту же эпоху, при кушанах, прежний буддийский идеал архата, занятого спасением собственной личности, вытесняется идеалом бодисатвы с его императивом сострадания (karuṇā) ко всему живому и отказом от личного спасения ради спасения других, нуждающихся в его помощи.

---

[1] Методической проблеме условного масштаба или заданной степени приближения в исторических и востоковедных исследованиях посвящена специальная статья Л. Н. Гумилева [10, 92—94].

[2] См., например: «Сутта-нипата», 1—17 [53].

[3] «В этом образе,— писал о Вималакирти Н. И. Конрад,— утверждается мысль, что истинная праведность состоит не в отрешении от мира, а в принятии мира, не в отрешении от мирских дел, а в самой активной мирской деятельности» [18, 163—164].

«Бодхисаттва в светском звании,— писал по этому поводу В. П. Васильев,— может обладать такими достоинствами, которых не может достигнуть и тысяча отрекшихся от мира» [7, 156—157].

Широкое обращение в буддизм [4] мирян должно было с неизбежностью привести к обращению и воинов, что в рамках прежнего буддизма было бы парадоксом. Вопрос о том, когда воинов стали посвящать в буддизм и когда сами буддисты впервые начали участвовать в войнах, не поддается пока точному определению. Однако есть данные, говорящие о том, что буддийские общины Индии уже в эпоху гуптов (300—500 гг. н. э.) не были в стороне от политической жизни и не относились пассивно к иноземному вторжению [5]. В начале VI в. н. э. буддисты Северо-Западной Индии вели жестокую войну с эфталитами Михиракулы, о чем свидетельствуют развалины созданной кушанами буддийской цивилизации Гандхары. И не случайно именно покровителю буддизма Баладитье принадлежит одна из первых побед над этим «Аттилой Индии», который вошел «бичом божиим» в историю буддизма [6]. Мы сталкиваемся здесь фактически с первыми религиозными войнами в истории раннего средневековья. Как известное, государственным культом эфталитов была разновидность митраизма [54, 120—123] — главного соперника христианства на Западе и ожесточенного врага буддизма на Востоке.

Чтобы понять, где лежат истоки этой новой традиции, разрешающей адептам учения о милосердии с оружием в руках бороться против врагов своей веры, мы должны вернуться к эпохе Канишки, с именем которого связана победа махаяны. Пример этого легендарного правителя, принятого в лоно буддийской церкви [7], показывает, что махаяна довела до логического конца свое вторжение в мир земной. Обращение Канишки в буддизм стало возможным потому, что перед ним не стояла, как некогда перед Ашокой Великим, альтернатива царских регалий или монашеского сана, неразрешимая в рамках прежнего буддизма [13, 253—254]. Получив посвящение из рук кашмирского вероучителя Сударшаны [71, 55], Канишка не перестал быть императором, деспотом и завоевателем, но он стал для буддистов защитником их учения. По-видимому, в тесной связи с этой новой ролью кушанского государя стоит развившийся позднее в махаяне культ «дхармапал», или «защитников веры», как первоначально именовали себя многие индийские раджи, стоявшие на защите буддийского вероучения. Так умозрительные идеи отступали перед реальной силой вещей, и буддизм, не переставая быть учением о милосердии, приобретал черты воинствующей церкви [8].

---

[4] Согласно авторитетному толкованию Атишы, различие между буддистом и не-буддистом определяется с точки зрения «прибежища» (Saraṇagamana) или деятельной веры в «Три Сокровища» (Будду, закон и общину) [2, 640]. Мы полагаем, что совершение над посвящаемым обряда «обета прибежища» носило сакральный характер.

[5] Случалось даже, что буддисты становились прославленными полководцами, что, по недальновидному мнению некоторых исследователей, свидетельствует о «деградации» буддизма в эту эпоху [31—33, 305].

[6] Перипетии этих событий, включая кровавые расправы эфталитов Михиракулы с буддистами, описаны Сюань-Цзанем [57, 167—171]. Эту враждебность к буддизму, вооружившись его же оружием, по-видимому, унаследовал бон, который, по мнению некоторых исследователей, является не чем иным, как восточным митраизмом, выступившим в буддийском обличье [19].

[7] Здесь следует оговориться, что в буддизме отсутствует представление о церкви, аналогичное этому понятию в христианстве. Обилие равнозначимых буддийских исповеданий, школ или направлений способствует такому отличию, как и отсутствие сопоставимой с христианством экклезиологии. Наиболее резко эта особенность буддизма в целом бросается в глаза при сравнении его с католической церковью, построенной по принципу строгого централизма. Идея церкви в буддизме стоит ближе к ее пониманию в восточном христианстве, где церковь в известной степени децентрализована и где не подчеркивается резкая грань между тем, что формально и явно относится к церкви, и тем, что находится за ее пределами.

В связи с вышесказанным перед нами встает вопрос: как в соответствии со своей новой практикой решал махаянический буддизм проблему спасения для рядовых «защитников веры», т. е. для того многочисленного воинства Канишки, в рядах которого уже было, по-видимому, немало буддистов? Ведь если убийство расценивалось как смертный грех и нарушение первой из «десяти заповедей справедливости» (daçaçīla) [9], то каким образом совершивший это преступление мог рассчитывать на спасение? Однако махаянизм нашел выход из этого затруднительного положения своим учением об искуплении или об оправдании верой. Это совершенно новое для буддизма учение особенно ярко запечатлено в амидизме — одном из самых популярных махаянических исповеданий, возникшем на территории Кушанской империи в самом начале нашей эры. Так, одна из известнейших амидистских сутр, «Амитайядхьянисутра» («Сутра о созерцании мира высшего счастья»), относящаяся к кушанскому времени, утверждает, что путем веры в будду Амитабху люди совершенно освобождаются от всего того, что влечет за собой карма, и «искупают грехи, привязывающие их к рождению и смерти на бесчисленное количество кальп» [82, 200]. Об этом же говорит не менее популярная «Сукхавативьюха» («Сутра о Земле блаженства») [69], получившая широкое распространение в самом начале нашей эры [10].

Совершенно естественно, что при произнесении этих сутр верующими подразумевалось раскаяние в совершенных ими грехах и вера в искупляющую силу молитвенного обращения к будде Амитабхе. До известной степени это учение об искуплении можно рассматривать как компромисс между строгой последовательностью ранней буддийской доктрины и неумолимыми требованиями самой жизни, рожденными в разноплеменной этнической среде воинственных основателей Кушанской державы [11].

Для ответа на вопрос, каким изменениям подверглись теоретические принципы буддизма в кушанскую эпоху, надо обратиться к сотериологии [12] махаяны, т. е. к ее учению о спасении, в центре которого стояла совершенно новая концепция нирваны. Если понятие нирваны в хинаяне носило скорее негативный характер и было в значительной степени синонимом угасания жизненных процессов (nirodha), то в махаяне это представление трансформировалось и слилось с понятием Будды как «абсолютной полноты» бытия и космического принципа мироздания (dharmakāya). Действительный мир страстей и страданий, т. е. буддийская сансара, был признан, согласно новой теории, иллюзорным, призрачным и пустым (śūnya) [13]. Реальным в этой концепции оставался лишь сам Будда, но не исторический Будда хинаяны, а Будда обожествленный и стоящий выше всяких возможных определений [14]. Конечная цель спасения заключалась в осознании иллюзорности этого мира и в преодолении ее актом веры или мистического постижения высшей реальности [15]. «Вера — это вход в океан законов Будды, а знание — это корабль, на котором можно плыть по нему» [72, 603],— гласят слова Нагарджуны, современника Канишки и отца махаянической философии [16]. Таким образом, при условии веры и знания сама иллюзия миропроявления исчезала, подобно миражу, снимая тем самым различие между сансарой и нирваной, что укладывалось в следующую формулировку: saṃsara-śūnyatā-nirvāṇa-dharmakāya [77, 164]. Итак, постигший относительность и пустоту феноменального бытия становился причастным бытию абсолюта или Будды в его непознаваемом аспекте «Космического тела». Достижение такого состояния квалифицируется в махаянической литературе как состояние «буддства» (buddha-bhūmi, тиб. sans-rgyas-kyi-sa) — единственную параллель которому можно найти в идее «обожения» (ϑείωσις), разработанной восточнохристианским богословием [27—28]. Выразительную характеристику состояния «буддства» можно, например, найти в Арьяратнакара-сутре», где говорится:

---

[8] Проблема такого «перерождения» буддизма применительно к Тибету IX в. была поставлена Л. Н. Гумилевым на примере культа «дхармапал» [9]. В этой связи чрезвычайно интересно отметить, что оправдание войн можно встретить и в раннесредневековых сингальских буддийских надписях. Причем случается, что община не только благословляет войну в защиту дхармы, но иногда и сами буддийские монахи принимают участие в походах. Ср., например, историю воинственного Джеламы, описанную Ю. Н. Рерихом [73].

[9] Первые пять из этих заповедей считались обязательными и для мирян: 1) не убивать, 2) не красть, 3) не прелюбодействовать, 4) не лгать, 5) не пьянствовать.

[10] Этот же лейтмотив звучит, например, в «Дхармашарира-сутре» (VI—VII вв. н. э.): «Если кто совершил пять греховных деяний, ведущих в ад, силой этой сутры все его кармы исчезнут, и он не направится в ад, и он не вступит в круговорот рождений» [5, 252]. Проблема искупления, разработанная в ранних махаянических сутрах, явно недооценивается некоторыми исследователями кушанского периода истории Индии [71, 180].

[11] По-видимому, именно этому универсальному учению об искуплении во многом обязана махаяна своим широким распространением, когда, преодолев этнические барьеры, она уже в эпоху кушан достигла Китая и Дальнего Востока.

[12] Мы полагаем, что понятие «сотериология», впервые появившееся еще в эллинистических религиях [17, 128], больше отвечает существу рассматриваемой проблемы, нежели термин «лизиология» [23, 15], допускающий весьма широкие толкования. О том, что концепция нирваны в буддизме есть концепция «сотериологического абсолюта», убедительно пишет де Йонг [59].

> Это состояние абсолютного Покоя,
> Где все индивидуальности исчезают...
> Там вы будете скитаться, освобожденные от рождений!

---

[13] Сансара более не противополагалась нирване, как это имело место в хинаяне. «Предел нирваны является и пределом сансары,— говорит Нагарджуна,— они ничем не отличаются друг от друга» (Nāgārjuna, Mūlamadhyamikākarikas, XXV, 20 [77, 77]). Это тождество, являющееся главным условием спасения, может быть выражено согласно тибетской традиции формулой srid-zhi-mnyam-nyid [11]. Совершенно естественно, что это равенство приобретает истинный смысл лишь sub specie aeternitatis, т. е. с позиций того, кто уже находится в нирване. Любопытную параллель между сансарой и нирваной, с одной стороны, и двумя августиновскими «градами» — с другой, приводит А. Шопенгауэр [76, 395]. Ср. аналогичные высказывания Н. И. Конрада [18, 467]

[14] Подобная отрицательная теология роднит основоположников махаяны с близким им по времени кругом александрийских мыслителей в лице Филона, Климента и Оригена [13, 247], а также с более поздними представителями апофатического богословия в патристической литературе, из которых надо прежде всего упомянуть Дионисия Ареопагита [20—21]. В католической теологии сходные идеи можно встретить у Николая Кузанского и особенно у Экхарта [52], о поразительной близости ряда высказываний которого с положениями махаяны писал Д. Т. Сузуки [81]. С психологической точки зрения подобный подход к идее абсолютного является характерной чертой праксиса неоплатоников и суфиев [3].

[15] Последнее мыслилось в махаяне либо как растянутый во времени процесс последовательной интеграции сознания (школа парамитаяны), либо как спонтанный акт мгновенного просветления (школа тантраяны), доступный для немногих.

[16] Подчеркивая сотериологический универсализм этого выдающегося мыслителя Индии и сопоставляя его роль с ролью Аврелия Августина на Западе, Н. И. Конрад писал: «Твердой верой в „конечное спасение'' многострадального человечества, т. е. коренным оптимизмом, были проникнуты воззрения Нагарджуны и Августина» [18, 469].

И вы тогда сами станете Спасителем
И спасете множество живых существ [17] [77, 182].

Характеризуя этот переворот в буддизме, когда для значительной части его адептов основатель доктрины из «Учителя» превратился в «Спасителя», Ф. И. Щербатской писал: «Мы можем с полным основанием утверждать, что история религий вряд ли была свидетелем подобного раскола между старой и новой верой, продолжающих, однако, претендовать на общее происхождение от одного и того же религиозного основателя» [18] [77, 36].

Если эпоха кушан была переломным моментом в судьбах буддизма, то в самой истории махаяны этим «рубиконом» был Собор Канишки [19], созванный им в Кашмире, вероятно, около 100 г. н. э. Несмотря на скудость тех данных, которыми мы располагаем в настоящее время, опираясь на саму логику единого историко-культурного процесса, можно с уверенностью говорить о том, что центральный вопрос этого собора, вызвавшего схизму в биддизме, лежал в сфере буддологии — это был спор о «природе» Будды [20]. Как справедливо писал С. Леви, «встал вопрос о том, человек Будда или существо сверхъестественное» [1, XVI]. Именно этот вопрос должен был отколоть от собора ортодоксальных хинаянистов и разделить буддийскую школу сарвастивада на две части. Одна из них, секта вайбхашиков, стояла на старых атеистических позициях в противоположность саутрантикам [21], которые примкнули к махаянической концепции «Дхармакая» или «Космического тела Будды». Догмат о божественности Будды менял всю сотериологию буддизма и требовал бескомпромиссного решения. О том, что именно эта концепция в итоге одержала победу, можно судить и по тому, что все вошедшие в историю патриархи этого собора — Паршва, Васумитра и Ашвагхоша — принадлежали к новому махаяническому направлению. Невзирая на то, что de jure собор зафиксировал «Махавибшаху» — санскритский канон школы сарвастивада, de facto он вошел в историю как первая победа махаянистов, одержанная ими в союзе с верховной властью империи. По своим историческим последствиям и характеру разбираемых проблем Кашмирский собор Канишки можно сопоставить лишь с Никейским собором Константина Великого (равно как и роль обоих монархов в историческом становлении двух религиозных систем) [22].

Появление на политической арене кушан на рубеже нашей эры совпало по времени с возникновением на территории их империи большого количества религиозно-философской литературы на санскрите, воспринятой махаянистами как откровение и пользовавшейся у них авторитетом священного писания. В основе этой литературы лежало учение Праджнапарамиты[23], имеющее для махаяны основополагающее значение. Появление в начале нашей эры большого количества подобной литературы явилось настоящей революцией в буддизме, заложило основы теории и практики махаяны и впервые представило буддизм как религию. Сутры Праджнапарамиты вызвали к жизни, начиная с Нагарджуны, огромное количество произведений по махаянической экзегетике.

---

[17] «Пусть все достигнут состояния Будды»,— говорит в своей знаменитой поэме Шантидэва [46].

[18] Тем самым Ф. И. Щербатской ясно подчеркнул всю абсурдность трактовки буддизма в духе атеизма, негативизма и нигилизма, с чем можно и по сей день столкнуться в некоторых работах.

[19] Более подробно вопросы, связанные с Собором Канишки, разобраны нами в другой статье [13, 240—244]. Следует подчеркнуть, что историчность этого собора не ставил под сомнение Ю. Н. Рерих [29].

[20] Ср. христологические споры в начале IV в. н. э., вызвавшие арианский раскол.

[21] О том, что Канишка принадлежал к секте саутрантиков, явствует из надписи на его реликварии, найденном у Пешавара [71, 143].

[22] Однако, если Никейский собор Константина Великого, созванный им в 325 г. н. э. на азиатском берегу Босфора, был первым вселенским собором христиан [36], то Кашмирский собор Канишки был последним всеобщим собором буддистов ввиду последовавшего на нем раскола, чреватого для буддизма серьезными последствиями. Но с точки зрения общей догматической платформы в этих соборах есть много общего, так как они поставили в центр сотериологическую проблему и наметили сходные пути для ее решения.

Эта идея мудрости в махаяне, выразившаяся в учении Праджнапарамиты, имеет интересные западные параллели с близкой к ней концепцией Софии, одновременно возникшей и распространившейся в культурном ареале Средиземноморья. Например, уже в «Книге Премудрости Соломона», получившей окончательную редакцию около начала нашей эры, Премудрость (София) выступает в роли космического начала, а также принципа универсального разума и нравственного закона[24]. В дальнейшем, под влиянием александрийского гнозиса, христианства и неоплатонизма в Средиземноморье возникла большая и разнообразная софиологическая литература, которая, начиная с Филона и кончая Проклом, обнаруживает изобилие словесных и смысловых совпадений с текстами Праджнапарамиты[25]. Подобные совпадения вряд ли можно объяснить случайными причинами. Они объясняются, на наш взгляд, теми необычайно широкими культурными связями между Западом и Востоком, апогей которых приходится на кушанскую эпоху первых веков нашей эры. По-видимому, имея в виду именно эти связи, Ф. И. Щербатской высказал предположение, что в учении Праджнапарамиты, «по всей вероятности, следует искать источник многих учений христианских гностиков о Софии, Премудрости Божией»[26] [42, 14]. Однако нам представляется, что не исключены и обратные влияния.

Учение о Софии находится, в свою очередь, в тесной связи с идеей Великой Матери, культ которой широко распространился в эллинистическом мире начиная со II в. до н. э.[27]. Выступая в роли «Матери всех будд»[28], Праджнапарамита сочетает в себе одновременно идею божественной мудрости, девства и материнства[29]. В этой трактовке она действительно приближается к представлению о Софии у некоторых гностических и раннехристианских мыслителей. Однако существенна и разница, заключающаяся в том, что Праджнапарамита, несмотря на свой имманентно-трансцендентный характер, всецело принадлежит (согласно махаянической концепции «Трикая») к абсолюту, тяготея в этом смысле к идее Логоса [39], в то время как София, несмотря на свое посредничество между богом и миром, относится скорее к «товарному», относительному бытию[30] [40, 391—392]. Если в махаяне идея мудрости играла основополагающую роль, выступая в качестве самостоятельной ипостаси, то в христианстве она имела хотя и важное, но все же вспомогательное значение. Причины первого, по-видимому, надо искать в большей умозрительности и отвлеченности теолого-метафизических построений махаяны, связанных с эзотерическим происхождением ее ранних текстов, относимым традицией к откровению Будды, несмотря на пять столетий, отделяющих основателя буддизма от того, что было позднее провозглашено как его учение. В этом кроется одна из самых больших загадок махаяны.

---

[23] По авторитетному определению Дигнаги, «Праджапарамита — это монизм, это такое значение, где объединяются субъект и объект, это также и сам Будда, персонифицированный в своем «Космическом теле» [41, IV]. С нашей точки зрения, наиболее адекватным переводом этого философско-богословского понятия с санскрита на русский язык будет «Премудрость».

[24] «Книга Премудрости Соломона», VII, 17 и сл. В христианстве эта софиологическая идея была подхвачена и развита Оригеном, который называет Премудрость «чистым зеркалом ἐνεργείας, т. е. действия Божия» [25, 71]. Ср. аналогичный зеркальный аспект Праджнапарамиты [55].

[25] На последнее обстоятельство было обращено специальное внимание Э. Конзе [48, 196—198].

[26] Р. Груссэ, например, прямо называет Праджнапарамиту «Софией буддистов» [56, 70]. Точки соприкосновения между гнозисом и буддизмом в связи с учением о Софии отмечали С. Леви [64, 40] и А. Мижо [68, 532]. С буддизмом махаяны был знаком такой выдающийся представитель христианского гнозиса, как Климент Александрийский, у которого читаем: «Есть среди индийцев и такие, что повинуются наставлениям Бутты (Βουττα), которого они, по избытку благочестия, почитают за Бога» (Stromata I, XV, 71, 5—6 [47]; за указание на цитируемый источник приношу благодарность С. С. Аверинцеву). В связи с затронутой нами проблемой взаимовлияний нельзя не упомянуть, что апокрифическое «Евангелие от Фомы» [83] носит на себе следы индийской мысли, что может служить одним из свидетельств подлинности апостольской миссии Фомы в Индию. По-видимому, ко времени этого апостольства восходит и широкоизвестная в христианской средневековой литературе повесть «Варлаам и Иоасаф», в которой Будда трансформировался в христианского святого.

[27] Связь идеи эллинистической Великой Матери с представлением о Софии, с одной стороны, и культом богоматери — с другой, была убедительно показана С. Булгаковым [6, 214, 240, 232]. Психологические аспекты софиологии как проблемы «материнского архетипа» рассмотрены К. Юнгом [60, 75—110].

[28] Интересно отметить, что в некоторых гностических текстах в роли матери Будды выступает Исида [44, 35].

Согласно традиции первым покровителем учения Праджнапарамиты был Қанишка[31], а первым экзегетом — Нагарджуна. Именно на базе этой доктрины были сформулированы в эпоху кушан все основные положения махаянической догматики с ее центральным догматом — теорией о «Трех телах Будды» (Trikāya) [66; 84]. Эта теория, впервые появившаяся в труде «Махаяншраддхотпадашастра» (Mahāyānaśraddhotpādaçastra), приписываемом Ашвагхоше [43], быстро стала главным учением махаянической догматики и сразу резко отделила новую буддийскую доктрину от прочих религиозно-философских систем Индии. Согласно этой концепции, исторический Будда выступает как изначальная сущность бытия, имеющая три ипостаси: 1) «Космическое тело Будды» (dharmakāya) как недифференцированный первопринцип сущего, лишенный свойств и определений; 2) «Блаженное тело Будды» (sambhogakāya) как его духовная сущность в своей преображенной, небесной форме; 3) «Явленное тело Будды» (nirmāṇakāya) как его историческое земное бытие, облеченное в призрачные рамки материи[32]. Таким образом, историческое явление Будды в образе человека нисколько не противоречило существованию того же Будды как вечного и непознаваемого космического принципа мироздания («Будда в Дхармакая»). Так впервые в истории индийской религиозной философии была решена проблема личного и сверхличного в божестве, выраженная через идею антропоморфного и персонифицированного абсолюта[33]. Последнее является характерной чертой двух мировых религий (махаяны и христианства), где центральное место в догматике и культовой практике занимают личности их основателей, а не отвлеченные космические принципы мироздания, как, например, в даосизме, зерванизме, веданте и других системах с отчетливо выраженной антиперсоналистической тенденцией.

---

[29] Поэтому вряд ли можно согласиться с Э. Конзе, полагающим, что «Праджнапарамита не имеет космических функций и не несет на себе бремени развития вселенной» [49, 143]. Когда «Саддхармапундарика-сутра» вкладывает в уста Будды слова: «Я — отец мира, что возник из меня самого» (Saddharmapundarika XV, 21) [61], то эти творческие функции Будды реализуются в том аспекте его «Космического тела», который именуется «Телом абсолютной мудрости» (jñānakāya — prajñāpāramitā) [78, 11, 43], что получает свое дальнейшее развитие в тантрических системах. При этом идея творения (пусть иллюзорного) не вносит элемента умаления в махаянический абсолют (в отличие от большинства гностических систем), представляющий собой двуединство потенции и ее акта. Более подробно вопросы буддийской космогонии и космологии, в широком смысле, затронуты нами в других работах [14—16].

[30] Только София гностиков входит в состав «Плиромы», т. е. абсолютной полноты бытия, в отличие от ее земного отражения в лице «Софии Пруникос» офитов и «Софии Ахамот» системы Валентина [67; 35, 58].

[31] Так, «Манджушримулакальпа» (Mañjuśrimūlakalpa) утверждает, что учение Праджнапарамиты было провозглашено в Северо-Западной Индии именно при Қанишке [59, 12]. Некоторые исследователи даже выдвигают гипотезу о том, что один из самых ранних праджнапарамитских текстов («Аштасахасрика Праджнапарамита») был составлен специально для Собора Қанишки [24]. Однако, несмотря на заманчивость такого предположения, отсутствие достаточно точных датировок как самого собора, так и соответствующих текстов Праджнапарамиты не позволяет с уверенностью говорить об этом.

[32] «Три тела Будды» как три экзистенциальные нормы бытия рассмотрены Г. Гюнтером [58].

Учение о «Трех телах Будды», естественно, наводит на мысль о сходстве этой идеи с концепцией христианской «Троицы», тем более что только в двух религиях мира догмат «троичности» является основой системы. Однако эта аналогия во многом оказывается лишь внешней. Дело в том, что в учении «Трикая» будды многочисленны (как и меняющиеся космические периоды), причем каждый из них обладает «тремя телами», из которых лишь «Будда в Дхармакая» остается постоянным и неизменным членом буддийской «Троицы». Кроме того, махаяническая «триада» может рассматриваться в эзотерическом плане как «тетрада»[34] из-за фактического наличия в ней четвертого члена (Джнанакая-Праджнапарамита), олицетворяющего идею буддийской Премудрости как женского и одновременно творческого аспекта абсолюта, или «Космического тела Будды»[35]. Таким образом, поскольку два члена этой «тетрады» («Будда в Самбхогакая» и «Будда в Нирманакая») не могут претендовать на абсолютное значение, то под внешним покровом троичности мы сталкиваемся в концепции «Трех тел Будды» с исконным представлением индийской мысли о двойственном характере сущего[36].

Как известно, в кушанскую эпоху происходит переворот в буддийском искусстве: кончается «аиконический» период его развития [38] и рождается первый иконографический образ Будды[37]. Связь этой иконографии с догматикой махаяны органична, и, возможно, более полное раскрытие этой связи является главным в проблеме гандхарского искусства. Для нас представляется несомненным, что это искусство и связанная с ним махаяническая форма буддизма не случайно рождаются именно в кушанскую эпоху — на фоне небывалых в истории Старого Света культурных связей Запада и Востока. Ясно также, что общей почвой для реализации этих связей могла быть только та международная и синкретическая культура эллинизма, крайним восточным форпостом которой, начиная с эпохи Александра Великого и до Қанишки, были северо-западные провинции Индии.

---

[33] «В представлении махаянистов, — пишет Д. Т. Сузуки, — Будда воплощает две личности — историческую и метафизическую, или духовную» [79, 17].

[34] Следуя А. Я. Сыркину и В. Н. Топорову, догмат «Трикая» можно рассматривать как разновидность «открытого» варианта троицы, известного, по мнению авторов, в триадологических построениях раннехристианской и гностической традиции [37, 114]. Идея тетрады как женского динамического аспекта сущего восходит к пифагорейцам.

[35] Четыре аспекта «Космического тела Будды» разобраны в соответствии с авторитетными источниками Обермиллером [70, 11—12].

[36] Построенная по принципу эманационной космологии концепция «Трикая» имеет лишь отдаленное сходство с ранним учением о «Троице», выдвинутым Оригеном и не поддержанным христианской церковью из-за наличия в нем элементов субординацианства [36, 88—109; 51]. Кроме того, несмотря на свой универсальный характер, концепция «Трикая» в разных школах махаяны подвергается известной модификации, касающейся нумерологической стороны этой системы и связанной с введением в нее второстепенных членов. В буддийской школе ваджраяны в роли четвертого члена может выступать так наз. «Алмазное тело Будды» (vajrakāya) как интеграл трех ипостасей буддийской «Троицы» и четырех аспектов буддийской Премудрости: «мудрости зеркальной» (adarśajñāna), «мудрости всеединства» (samatājñāna), «мудрости рассудочной» (pratyaveksanajñāna) и «мудрости творческой» (krtyaanusthānajñāna) [55; 74].

[37] Изображение Будды в образе человека, по-видимому, возникло не ранее первой четверти I в. н. э. [22, 133].

Религиозное мышление эллинистического мира, сохранив исконный эллинский антропоморфизм, пришло под влиянием восточных культов к совершенно новой идее — представлению о «боге-человеке», т. е. о том, что трансцендентное божество может, не утрачивая полноты своей нуменальной сущности, воплощаться в человеческом образе. Эта эллинистическая идея «теантропизма», пронизавшая позднее религиозное мышление Рима, вошла в переосмысленном виде и в состав христианства [17, 127 — 130]. Именно эта идея открыла двери раннехристианскому религиозному искусству и, несмотря на жестокие гонения иконоборцев, восторжествовала в Византии. Мы полагаем, что эта же самая идея руководила теми безымянными ваятелями, которые при дворе кушанских царей создали первый пластический образ Будды, открыв тем самым дорогу иконографии махаяны[38]. Иллюстративный язык эллинистического мира полностью отвечал потребностям этой иконографии, чему не отвечало раннее религиозное искусство Индии, лишенное традиции антропоморфного изображения отвлеченных образов [74]. Таким образом, махаяна была не только революцией в сфере онтологии, этики и теории спасения. Появление Будды в образе человека представило, по справедливому замечанию Е. Ламотта, «революцию в истории буддийского искусства» [62, 480]. Возможность подобной «эстетической революции» была целиком обусловлена победой новой махаянической концепции с ее положением об одновременной непознаваемости и изобразимости абсолютного[39], закрепленным в теории «Трех тел Будды».

Связь кушан с махаяной была связью двух взаимозависимых систем. Поддерживая буддизм, Қанишка сам нуждался в поддержке буддистов, которые, выйдя из монастырской общины к широкой общественной деятельности, стали мощной культурной и нравственной силой страны, не считаться с которой кушанские правители не могли, даже если бы и хотели этого. С другой стороны, махаяна как экстерриториальная религия, открывшая широкие двери прозелитизму, была чрезвычайно удобна в качестве культа, способного объединить значительную часть разноплеменного населения империи. Со своей стороны, махаянисты нуждались в сильной руке государства не только для борьбы со своими идейными противниками в лоне самого буддизма, но и для противодействия всем чуждым ему религиозным культам кушанского царства [13, 239]. Образно говоря, именно этот союз «алтаря и трона» дал возможность махаяне прочно стать на ноги, а кушанам — расширить сферу своего политического и культурного влияния не только в собственной стране, но и далеко за ее пределами.

---

[38] «По-видимому, сходный путь развития от эллинистических прототипов в буддийском и христианском искусстве, — как справедливо отмечал Х. Бушталь, — свидетельствует об идейном сходстве ряда положений христианства и махаянического буддизма» [45, 3—4]. В аналогичном смысле высказывался и Б. Роуленд [75, 41—44]. Однако следует сказать, что в идее теантропизма махаяна не была последовательна до конца и ее учение о земном воплощении Будды («Будда в Нирманакая») носит отпечаток гностического докетизма. Тем не менее огромное сублимирующее значение этого образа засвидетельствовано всей историей буддийской иконографии.

[39] Мысли о возможности изображения «невидимого» через «видимое» можно найти, например, в Ланкаватара-сутре (II, 118—119) [80], имеющей отношение и к вопросам иконографии, на что обратил внимание В. Н. Топоров [38, 101]. Ср. идею Дионисия Ареопагита: «через видимое благоговейно возноситься к невидимому» [12, 14].

Союз светской и духовной власти непосредственно связан с важной проблемой «священства» и «царства» в буддизме. Буддийская традиция, донесенная до нас монгольскими источниками («Белая история», XIII в.), говорит о Қанишке не только как о великом покровителе буддизма, но и как об одном из основателей буддийской концепции государственной политики восточных монархий, т. е. концепции «двух принципов» [4, II]. Ш. Бира приходит к заключению, что монголы заимствовали идею о двух принципах государственного управления из многочисленных писем, адресованных буддийскими мыслителями Матрчетой, Нагарджуной, Чандрагомином и другими на имя своих царей. Особенно интересно в этом плане письмо Матрчеты к Қанишке, сохранившееся в тибетском и монгольском Данжуре. Это письмо Матрчеты наряду с письмами других буддийских мудрецов послужило образцом для написания Пагба-ламой посланий, адресованных Хубилаю и его наследникам, где изложены основные идеи управления государством, исходящие из представления об единстве светской и духовной власти [4, 12—13].

Эти сведения, включенные в очерченную нами выше общеисторическую канву, позволяют высказать предположение о том, что удельный вес буддийской церкви в государственной жизни при кушанах, несмотря на отсутствие прямых данных об этом, был достаточно значительным. Ее роль, по-видимому, была немногим меньше той роли, которую играла в то же самое время буддийская сангха на Цейлоне[40]. Но судьбы этих церквей были различны. В то время как на Цейлоне в период раннего средневековья последняя консолидируется и усиливается, в самой Индии она приходит в упадок в результате эфталитского нашествия в начале V в. н. э., нанесшего непоправимый удар буддийской цивилизации Гандхары и Қашмира. Однако традиции буддийской церкви, заложенные при кушанах, надолго пережили их основателей. Они возродились в своеобразной форме в средневековом Тибете, у монголов в эпоху Хубилая и, позднее, у калмыков, хотя в каждом отдельном случае проведение этих принципов в жизнь отличалось своими особенностями, рассмотрение которых выходит за рамки настоящей работы.

Следует сказать, что указанные положения не были специфичны только для буддийской государственной и церковной мысли. Аналогичная проблема «священства» и «царства» стояла еще ранее перед зороастризмом, а затем и перед формировавшимся христианством, которое в своих теоретических установках пришло к сходному решению этого вопроса. Это особенно ярко можно видеть на примере Византии — в ее учении о функциях царя и патриарха в государстве[41], получившем в дальнейшем применение на Руси.

---

[40] Символический параллелизм Будды и императора (Чакраварти) в древних палийских сутрах свидетельствует «о высшей божественной санкции царской власти» в Сингальском государстве.

[41] Византийские представления о власти царя и патриарха [26, 132] легли в основу церковно-государственного устройства Московской Руси, которое Г. В. Вернадский именует «диархией» [85, 309]. Хотя периоды действительного равновесия между светской и духовной властью были лишь исключениями (на Руси это был период патриаршества Филарета и первый период патриаршества Никона), сам принцип единства «священства» и «царства» не только существовал. но и формировал сознание своих современников

Таким образом, и в средневековой Византии и в Московской Руси мы, по-видимому, сталкиваемся с теми же проблемами, которые когда-то стояли перед Канишкой в Индии и Хубилаем в Китае. Эти проблемы, вызванные сходными причинами, породили и сходные следствия, выразившиеся в разработке учения о взаимоотношениях светской и духовной власти в государстве.

Эволюция буддийской мысли, прослеженная на политическом фоне кушанской истории, указывает на то, что перед нами не случайное совпадение гетерогенных факторов, а взаимообусловленный и органический процесс. В этом процессе кушанам принадлежит решающая роль в деле создания оптимальных условий для развития и распространения махаяны, которая в их эпоху завоевывает обширные культурные регионы — от бассейна Инда на юге до Среднеазиатского междуречья на севере и от Памира на западе до Тихого океана на востоке. Буддизм в форме махаяны становится при кушанах мировой религией, сопоставимой лишь с христианством, одновременно распространяющимся в западной части ойкумены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асвагхоша, Жизнь Будды. Перевод К. Бальмонта со вступительной статьей Сильвэна Леви, М., 1913.
2. Барадийн Б.Б., Беседы буддийских монахов,— сб. «Материалы по антропологии и этнографии», т. 5, Л., 1917—1925.
3. Бертельс Е.Э., Суфизм и суфийская литература, М., 1965.
4. Бира Ш., Кушанская традиция в Монголии,— «Бнмау Шинжлэх Ухааны Академийн Мэдээ», Улаанбаатар, 1969.
5. Бонгард-Левин Г. М., Темкин Э. Н., Отрывок сакской версии Дхармаширира-сутры (Dharmaśarīra-sūtra). Историко-филологическое исследование.— «Сборник статей к семидесятилетию Н.И. Конрада», М., 1967.
6. Булгаков С.Н., Свет Невечерний, Сергиев Посад, 1917.
7. Васильев В.П., Буддизм, его история, догматы и литература, ч. 1, СПб., 1857.
8. Гафуров Б.Г., Кушанская эпоха и мировая цивилизация. Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху (Душанбе, 1968), М., 1968.
9. Гумилев Л.Н., Легенда и действительность в древней истории Тибета,— «Вестник истории мировой культуры», 3, М., 1960.
10. Гумилев Л.Н., Место исторической географии в востоковедных исследованиях,— «Народы Азии и Африки», 1, М., 1970.
11. (Дандарон Б.Д., Пубаев Р.Е.), Источник мудрецов. Тибето-монгольский терминологический словарь буддизма. Улан-Удэ, 1968.
12. [Дионисий Ареопагит], Святаго Дионисия Ареопагита о небесной иерархии. Перевод с греческого, М., 1848.
13. Зелинский А.Н., Академик Федор Ипполитович Щербатской и некоторые вопросы культурной истории кушан,— сб. «Страны и народы Востока», 5, М., 1967.
14. Зелинский А.Н., Место мантры OṀ MANI PADME HŪṀ в космологической модели ваджраяны. Симпозиум по проблемам древней и средневековой Индии,— «История буддизма» (14—15 декабря 1971 г.). Предварительные материалы. Отдел Индии, Непала и Цейлона Института востоковедения Академии наук СССР.
15. Зелинский А.Н., Буддийский космос в тибетской традиции,— сб. «Центральная Азия и Тибет», Новосибирск, 1972.
16. Зелинский А.Н., Идея «космоса» в буддийской мысли,— сб. «Страны и народы Востока», вып. XV, М., 1973.
17. Зелинский Ф. Ф., Религия эллинизма, Пг., 1922.
18. Конрад Н.И., Запад и Восток, М., 1966.
19. Кузнецов Б.И., Гумилев Л.Н., Бон (древняя тибетская религия),— «Доклады Географического общества СССР», вып. 15, Л., 1970.

20—21. Лосский В.Н., Отрицательное богословие в учении Дионисия Ареопагита,— «Сборник статей по археологии и византиноведению», Прага, 1929 (Seminarium Kondakovianum, III).

22. Мешкерис В.А., Терракоты из Кара-тепе,— в кн.: «Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе», М., 1969.

23. Мялль Л., Об одном возможном подходе к пониманию Śūnyavāda,— «Terminologia Indica», I, Tartu, 1967.
24. См. доклад Л. Мялля «Некоторые проблемы возникновения махаяны» в этом томе.
25. [Ориген], О началах. Сочинение Оригена, учителя Александрийского (III век) в русском переводе (с примечаниями и введением Н. Петрова), Рига, 1936.
26. Острогорский Г.А., Отношение церкви и государства в Византии,— «Сборник статей по археологии и византиноведению», Прага, 1931 (Seminarium Kondakovianum, IV).
27—28. Попов И.В., Идея обожения в древне-восточной церкви, М., 1909.
29. Рерих Ю.Н., История Средней Азии (рукопись).
30. Розенберг О.О., Проблемы буддийской философии, Пг., 1918.
31—33. Рой М., История индийской философии (перевод с бенгальского). М., 1958.
34. Смирнов Б.Л., Нирвана, кайвалья, мокша в философских текстах «Махабхараты»,— сб. «Материалы по истории и филологии Центральной Азии», 3, Улан-Удэ, 1968.
35. Соловьев В.С., Собр. соч., т. IX, СПб., 1907.
36. Спасский А.Н., История догматических движений в эпоху вселенских соборов. Т. I. Тринитарный вопрос, Сергиев Посад, 1914.
37. Сыркин А.Я., Топоров В.Н., О триаде и тетраде,— Летняя школа по вторичным моделирующим системам, III (Тезисы докладов), Тарту, 1968.
38. Топоров В.Н., К реконструкции некоторых мифологических представлений (на материале буддийского изобразительного искусства),— «Народы Азии и Африки», 3, 1965.
39. Трубецкой С.Н., Учение о Логосе в его истории, М., 1906.
40. Флоренский П.А., Столп и утверждение истины, М., 1914.
41. Щербатской Ф.И., Abhisamayālankāra-Prajñāparāmitāupadeśa-śāstra, Bibliotheca Buddhica XXIII, Leningrad, 1929.
42. Щербатской Ф.И., Записки об ученых трудах проф. М. Валлезера,— в кн.: «Записки об ученых трудах членов-корреспондентов АН СССР по отделению гуманитарных наук, избранных 31 января 1929 г.», Л., 1930.

43 (Acvaghosha), Acvaghosha's Discourse on the Awakening of Faith in the Mahāyāna. Translated for the first time from the Chinese version by Teitaro Suzuki, Chicago, 1900.
44. Arkell A.F., Meroe and India. Aspects of Archaeology in Britain and Beyond, London, 1951.
45. Buchthall H., The Common Classical Sources of Buddhist and Christian Narrative Art,— "Journal of the Royal Asiatic Society", Pt 3-4, London, 1943.
46. (Cantideva), La Marche à la Lumière. Bodhicaryavatara. Poème sanscrit de Cantideva. Traduit avec introduction par Louis Finot, Paris, 1920.
47. (Clemens Alexandrinus). Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte: Clemens Alexandrinus, Stromata, herausg. v. O. Stählin, neu herausg. b. L. Früchtel, Berlin, 1960.
48. Conze E., Word and Wisdom,— "Oriental Art", vol. 1, No. 4, London, 1949.
49. Conze E., Buddhism. Its Essence and Development, New York, 1951.
50. Conze E., The Prajñāpāramitā Literature,— "Indo-Iranian Monographs", vol. VI, London, 1960.
51. Danièlou J., Origène, Paris, 1948.
52. (Eckhart Meister), Meister Eckharts Schriften und Predigten, Bd 1-2, Jena, 1909-1912.
53. (Fausböll V.), The Sutta-Nipāta. A Collection of Discourses. Being one of the Canonical Books of the Buddhists. Translated from the Pali by V. Fausböll,— "The Sacred Books of the East", vol. X, Pt 2, Delhi, 1968.
54. Ghirshman R., Les Chionites-Hephtalites,— "Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan", t. XIII, Caire, 1948.
55. Govinda A., Foundations of Tibetan Mysticism, New York, 1960.
56. Grousset R., Histoire de l'Extrême-Orient, t. I, Paris, 1929.
57. (Hiuen Tsang), Buddhist Records of Western World. Translated from Chinese of Hiuen Tsang (A.D. 629) by Samuel Beal, London, 1960.
58. (Guenther H.V.), The Royal Song of Saraha. A Study in the History of Buddhist Thought. Translated and annotated by Herbert V. Guenther, Washington, 1969.
59. Jong J.W., The Absolute in Buddhist Thought. Essays in Philosophy presented to Dr. T.M.P. Mahadevan, Madras, 1962.
60. Jung C.G., The Archetypes and the Collective Unconscious. The Collected Works of C.G. Jung, vol. 9, London, 1959.
61. (Kern H.), The Saddharma-puṇḍarīka or The Lotus of the True Law. Translated by H. Kern, "The Sacred Books of the East", vol. XXI, Delhi, 1968.

62. Lamotte E., Histoire du Buddhisme Indien. Des origines à l'ère Saka, Louvain, 1958.
63. (Lamotte E.), L'Enseignement de Vimalakirti (Vimalakīrti-nirdeśa). Traduit et annoté par E. Lamotte, Louvain, 1962.
64. Levi S., L'Inde et le Monde, Paris, 1928.
65. Lossky V., Théologie négative et connaissance de Dieu chez Maître Eckhart, Paris, 1960.
66. Masson-Oursel M. P., Les Trois Corps du Buddha,— "Journal Asiatique", t. I, № 3, Paris, 1913.
67. (Matter M.J.), Histoire critique du Gnosticisme, et de son influence sur les sectes religieuses et philosophiques des six premiers siècles de l'ère chretienne par M. Jacques Matter, t. 1-3, Paris, 1843-1844.
68. Migot A., Un grand disciple du Buddha Sāriputra,— "Bulletin de L'Ecole Française d'Extrême-Orient", t. XLVI, f. 2, Paris-Saigon, 1954.
69. (Müller M.), The Larger Sukhāvatī-vyūha and The Smaller Sukhāvatī-vyūha, "The Sacred Books of the East", vol. XLIX, Oxford, 1894 (English translation by F. Max Müller).
70. Obermiller E.E., Analysis of the Abhisamayālaṃkāra, fasc. 1, Calcutta Oriental Series, № 27, London, 1933.
71. Puri B. N., India under the Kushanas, Bombay, 1965.
72. Radhakrishnan S., Indian Philosophy, vol. 1, London, 1958.
73. Roerich G., Trails to Inmost Asia, London, 1933.
74. Rosenfield J.M., The Dynastic Arts of the Kushans, Berkeley — Los Angeles, 1967.
75. Rowland B., Art in East and West. An Introduction through Comparisons, Harvard, 1954.
76. Schopenhauer A., Sämmtliche Werke, Bd 6, Leipzig, 1888.
77. Stcherbatsky F., The Conception of Buddhist Nirvāṇa, Leningrad, 1927.
78. Stcherbatsky F., Buddhist Logic, vol. I, Leningrad, 1932.
79. Suzuki D.T., Japanese Buddhism, Kyoto, 1938.
80. (Suzuki D.T.), The Lankāvatāra-sūtra. A Mahāyāna Text Translated for the First Time from the Orig. Skt. by S.T. Suzuki, London, 1932.
81. Suzuki D.T., Mysticism Christian and Buddhist, London, 1957.
82. (Takakusu J.), Amitāyur-dhyāna-sūtra (The Sūtra of the Meditation on Amitāyus), "The Sacred Books of the East", vol. XLIX, Oxford, 1894 (English translation by J. Takakusu).
83. (Thomas), L'Evangile selon Thomas. Texte copte établi et traduit par A. Guillaumont, H.-Ch. Puech, G. Quispel, W. Till et Yassah 'Abd al Masīḥ, Paris, 1959.
84. Vallée Poussin L. de la, Studies in Buddhist Dogma: The Three Bodies of a Buddha (Trikāya),— "Journal of the Royal Asiatic Society", London, 1906.
85. Vernadsky G., The Tsardom of Moscow, 1547—1682, Pt I, New Haven and London, 1969.
86. Zelinsky A.N., Rychkov Y.G., On the Question of the Ethnic Anthropology of the Kushans,— "Abstracts of Papers by Soviet Scholars. International Conference of the History, Archaeology and Culture of Central Asia in the Kushan Period", Dushanbe, 1968.
87. Zelinsky A.N., Academician Th. Stcherbatsky and Some Problems of the Cultural History of the Kushans,— "Countries and Peoples of the East", Moscow, 1974.

Summary

1. In the beginning of the Christian era the Mahayana system of Buddhism emerged in the north of India within the empire of the Great Kushans, one that differed wholly from the former Hinayana and laid the foundation of Buddhism as a world religion. This process, so important as regards its historical consequences, has been insufficiently studied, and this makes it necessary to define more concretely the phenomena in the theory and practice of Buddhism, characterising the new trend and the role the Kushans themselves played in the creation of the Mahayana doctrine.

2. A historical analysis of available data warrants the conclusion that the fundamental change in Buddhist practice under the Kushans found its expression in the fact that lay people were drawn into the Buddhist community and that, as a result, this formerly narrow monastic order was transformed into a broad church organisation that actively intervened in mundane affairs. Correspondingly, salvation, in the Buddhist sense of the word, was put within the reach of the mass of ordinary believers. In close connection with this is the Bodhisattva cult that emerged in Buddhism under the Kushans. The ideal of the arhat seeking his own salvation was replaced by the ideal of

the Bodhisattva, who sacrificed his salvation for the salvation of others. The conversion of laymen to Buddhism meant a conversion also of warriors, which inevitably led to a revision of the former Buddhist principle of non-resistance. In this connection no perplexity is caused by the conversion to Buddhism of Kanishka, the famous Kushan ruler and conqueror, under whom Mahayana became one of the pillars of the Kushan dynasty (contrary to the case of Asoka).

3. The principal change in the theoretical foundation of Buddhism in the Kushan epoch consisted in the entirely new conception of *nirvana,* which holds the central place in the Buddhist teaching on salvation. If in the early Hinayana Buddhism of the 5th-1st centuries B.C. nirvana meant a suppression of all vital processes (*nirodha*), a complete destruction of the personality in what can conditionally be called "absolute void", in the later, Mahayana Buddhism the concept of nirvana merged with the concept of the Buddha as the "absolute completeness" of being (*dharmakaya*) and the source of "great compassion" (*mahakaruna*) and love for people. Once a "Teacher", the founder of Buddhism became a "Saviour", and was thus endowed with a new, superhuman, god-like aspect. The new theory declared the infinite turnover of the elements of being (*dharma*), including the world of human passions and sufferings (*samsara*), illusory and void (*sunyata*), and it was not considered an antithesis to nirvana, as was the case in the Hinayana teaching. On the contrary, faith in the supernatural power and knowledge of the Buddha destroyed the very illusion of a manifestation of the world, and also the difference between samsara and nirvana, according to the formula: *samsara-sunyata-nirvana-dharmakaya.* Thus, the change in the philosophical view, expressed in the recognition of the illusoriness of the world, went hand in hand with the emergence of a theological conception that was entirely alien to former Buddhism and differed radically from all other religious-philosophical systems in India.

4. Comparing the conclusions on the change in Buddhist practice under the Kushans with the changes in its theory and taking into account the role of the Kushan rulers, who supported the new trend in Buddhism politically (Kanishka's Council, c. 100 A.D.), we should conclude that we have to face not a mere coincidence of heterogeneous factors, but a complex and mutually conditioned process, in which the Kushans played a decisive role in creating optimal conditions for the development and spread of Mahayana, which as early as in the Kushan epoch (1st to 4th centuries A.D.) embraced vast cultural regions in Central, Western and Eastern Asia. From a moral and ascetic teaching, Buddhism in the form of Mahayana became under the Kushans a world religion comparable only with Christianity, which spread simultaneously in the western part of the world.

B. BRENTJES (BERLIN, G.D.R.)

PHEASANT OF HEAVEN AND THE HORN-OWL GARUDA

(The Population of Harappa-H As a Forerunner of the Kushan Movement)

On their passage from the Irano-Afghan mountains down to the Indus valley the Kushans followed ancient highways, which had been used by the wandering hordes of the Indians. But in contrast to the Kushans' movement, the migration of the Indians could not be traced by methods of archaeology up to now. For a long time it was believed that the destruction of the Indus civilisation was a negative archaeological trace of the Indo-Aryans, but Dales and others (G.F. Dales, "The Mythological Massacre at Mohenjo-Daro", in: *Expedition,* vol. 6, 3, Philadelphia, 1964, pp. 36-43) have proved that the ruin of the Indus civilisation was due to natural reasons.

But in Harappa there was discovered a group of archaeological finds which were taken to be of local origin. These are the graves of Harappa-H, which without doubt are to be dated in the post-Harappan time. For their direction to a local tradition Vats (M.S. Vats, "Excavations at Harappa", *Annual Bibliography of Indian Archaeology,* vol. XII, London, 1939, pp. 1-9) has used the birds depicted on some of the urns, which he believed to be peacocks (*Pavo cristatus)* (see Vats, 1939, pl. IIIb). These are short-legged birds with fan-shaped tails, long necks and tufts of feathers at the occiputs.

Vats' interpretation may be caused by the great role of pheasants in the Indian religion, but it cannot be drawn from the figures of the birds. These are in reality pheasants of monal type (*Lophophorus*); their area of dwelling, however, is not the Indus valley but the northern mountains (O. Strassen, *Brehms Tierleben.* Vol. 7, *Vögel,* 2, 4, Leipzig-Vienna, 1911, p. 83). Monal pheasants and their relatives live in the mountain forests from Bhutan to Kashmir and in Eastern Afghanistan, and they do not go down below a height of 3,000 feet in the West-Chinese mountains. The limit of their distribution alone permits the inference that the originators of Harappa-H civilisation had lived in the northern mountains before their settlement in the Indus valley. Only there was it possible for them to incorporate the monal into their religion, because the pictures of pheasants on the urns of Harappa-H are not simple decorations.

Their depiction on urns in a cemetery shows beyond any doubt that they played a certain role in the cult of death and resurrection. This conclusion is supported by the motifs added to the birds in the pictures. The birds are depicted standing between certain "wheels", which should be interpreted as representations of the sun. On one vessel the function of the birds is demonstrated by small figures of men lying in circles beside the birds' bodies, meaning that they were carried by the birds in the direction of the sun, or in a broader sense towards heaven.

So I believe that the monal pheasants were venerated as soul-birds, as the bearers of the souls of deceased and cremated men upwards to the sun, the stars or mountains. It is thus understandable that they were painted on the urns of this population, that must have come from the north. North of the Indus valley the pheasant was venerated indeed, and formed a pair of contrast with the horn-owl. Their value in the religion of Central Asia could be studied easily from their role in the Shang and Chou art of China (see C. Hentze, *Frühchinesische Bronzen und Kultdarstellungen,* Antwerp, 1937; C. Hentze, *Bronzegerät, Kultbauten, Religion im ältesten China der Shang-Zeit,* Antwerp, 1951). Pheasants and horn-owls dominate the reliefs, statuettes and vessels of the Shang and early Chou dynasties; there are bronzes in the shape of horn-owls and pheasants (1937, Hentze, fig. 59). In the early Chou time especially, there were representations of pheasants similar in style to those of the Harappa-H pottery.

The Chinese tradition tells us something about the meaning of the contrasting pair (horn-owl and pheasant). The pheasant was regarded as the bird of light and day (Hentze, 1937, p. 54). It was connected with the female principle. Its picture was to be found on the dresses of princesses, and the first empress of the Han dynasty was called "Chih" (pheasant). On the contrary, the horn-owl was the creature of darkness and night, the bird of the Altaic shamans. "It is the horn-owl whose exterior is imitated by the costume of the shaman in the country around the Altai and Sayan. With the Samoyeds the cap is the main piece of dressing. It is made out of the feathers of horn-owls, and with the shamans of Altai it is a complete skin of a horn-owl" (Hentze, "Eine Schamanentracht in ihrer Bedeutung für die altchinesische Kunst", *Ipek,* Bd 20, Berlin, 1963, p. 65). The horn-owl as the creature of the Siberian shamans determines innumerable pieces of Siberian-Scythian art—e.g. the statuette from the Berelsky kurgan in the Altai or the saddle-appliqué from Mound 1 at Pazyryk (S.I. Rudenko, "The Mythological Eagle, the Gryphon, the Winged Lion, and the Wolf in the Art of Northern Nomads", *Artibus Asiae,* vol. 21, Ascona, 1958, pp. 64 ff.). A version of the mythological horn-owl became the prototype of the gryphon in Greece and it may have also been the prototype of the "eagle of Ganymede". The latter seems to be a misunderstood form of the horn-owl, carrying a man or the head of a man in its claws.

I believe that we have to distinguish in the iconography between a man riding a bird and a bird carrying a man. Bird-riding seems to be represented for the first time in Akkadian time and could be still found on the gold vessel from Hasanlu. The second motif does not appear before the first millennium B.C. The earliest pictures of the type seem to come from early Chou bronzes (Hentze, 1937, figs. 81-84), which had in the Huai time the form of an owl carrying a man (Hentze, 1937, fig. 84). In Greece it took the form of Ganymede's eagle, but in the art of the northern nomads it kept its old form up to early medieval times, as it is shown in the treasure of Nagy-Szent-Miklos (E. Diez, *Iranische Kunst,* Vienna, 1944, figs. 30 and 33). From this viewpoint, it is interesting to study the so-called Ganymede's eagles of Gandhara, which should be rather called garudas. The prototype becomes clear in the case of the garuda of Sanghao Rhode in the Museum of Calcutta (L. Bachhofer, *Frühindische Plastik,* Munich, 1923, p. 150).

Similarities to the Nagy-Szent-Miklos horn-owls are revealed by a Gandharan work in Lahore (H. Ingholt, *Gandharan Art in Pakistan,* New York, 1957, p. 350), which is comparable to a relief in Peshawar (Ingholt, 1957, p. 351).

The garuda of Gandhara has its prototype in the demoniacal horn-owl of Central Asia, not in the eagle of Ganymede, though it seems that elements of the vulture were mixed with the characteristics of the owl.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

В дискуссии на вечернем заседании 2.X.1968 приняли участие: Г. М. Бонгард-Левин (СССР, Москва), Б. Мукерджи (Индия, Калькутта), А. Н. Зелинский (СССР, Москва), Д. Сиркар (Индия, Калькутта), Л. Мялль (СССР, Тарту), Л. Чандра (Индия, Дели).

Г. М. Бонгард-Левин высказал мнение о том, что неправомерно было бы сводить различные буддийские школы, распространенные при кушанах, лишь к махаяне, поскольку имеется целый ряд убедительных данных о большом влиянии хинаянической школы Сарвастивада в эту эпоху. Он остановился также на трудностях, с которыми сталкивается исследователь при определении направлений буддизма, распространенных в Средней Азии в VI—VIII вв. н. э.

Б. Мукерджи в связи с положениями доклада Б. Пури остановился на вопросе об употреблении титула Devaputra по отношению к кушанским царям. Он считает, что этот титул действительно официально использовался кушанскими царями, как показывают по крайней мере некоторые монеты Кадфиза I и печать Канишки I.

А. Н. Зелинский, возражая Г. М. Бонгард-Левину, настаивал на тесной связи между кушанами и школой махаяны. Он, в частности, подчеркнул, что между 68—172 гг. н. э. основные сочинения школы махаяны («Лалитавистара», «Санддхармапундарика» и др.) уже не только существовали, но и были переведены на китайский язык — главным образом выходцами из пределов Кушанской империи; таким образом, развитие махаяны хронологически также совпадает с подъемом Кушанской империи. Можно также отметить, что школу Сарвастивада нельзя рассматривать как направление хинаяны: в эпоху кушан она раскололась на две части, одна из которых, саутрантики, стояла фактически на позициях махаяны; именно к этому направлению принадлежал ряд деятелей Собора Канишки.

Л. Мялль остановился на значении буддийских сутр для изучения идеологии и вопросов хронологии кушан.

Л. Чандра указал на важность расшифровки текстов из Аджина-тепа и Занг-тепе для определения того, какие направления буддизма были распространены в Средней Азии.

SUMMARISED RECORD OF DISCUSSION

October 2, 1968, afternoon session. The speakers were: G.M. Bongard-Levin (Moscow, U.S.S.R.), B. Mukherjee (Calcutta, India), A.N. Zelinsky (Moscow, U.S.S.R.), D. Sircar (Calcutta, India), L. Mäll (Tartu, U.S.S.R.) and L. Chandra (Delhi, India).

G.M. Bongard-Levin said it would be wrong to designate as Mahayana all the Buddhist schools that existed under the Kushans, for there was abundant proof of the great influence exerted by the Hinayana school of Sarvastivad at the time. He called attention to the difficulties

that beset the investigator in trying to define what Buddhist trends had followings in Central Asia between the 6th and 8th centuries A.D.

Commenting on the use of the title *Devaputra* for the Kushan kings and B. Puri's hypotheses on that score, B. Mukherjee said he believed the title was indeed officially used by the Kushan kings; at least that was what some coins of Kadphises I as well as a seal of Kanishka I seemed to corroborate.

A.N. Zelinsky disagreed with G.M. Bongard-Levin and insisted that a close link existed between the Kushans and the Mahayana school. Among other things, he pointed out that from A.D. 68 to 172 the principal writings of the Mahayana school (*Lalitavistara, Sanddharma-Pundarika*, and others) not only existed, but had already been translated into Chinese, largely by men who had arrived from the Kushan Empire; thus, the rise of Mahayana coincided chronologically with the heyday of the Kushan Empire. He also noted that the Sarvastivad school was not a Hinayana trend and that in the Kushan era it had split into two sections, one of which (Sautrantika) stood on Mahayana positions. The leaders of the Kanishka Council belonged to the latter.

L. Mäll stressed the significance of the Buddhist sutras for the study of Kushan ideology and chronology.

L. Chandra spoke of the importance of deciphering the Adzhina Tepa and Zang-Tepe texts in order to decide which Buddhist trends prevailed in Central Asia.

Утреннее заседание 3.X.1968

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ КУШАНСКОЙ ЭПОХИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Afternoon Session, 3.X.1968

NEW ARCHAEOLOGICAL DISCOVERIES OF THE KUSHAN PERIOD IN SOVIET CENTRAL ASIA

Л. И. АЛЬБАУМ (СССР, ТАШКЕНТ)

СТРАТИГРАФИЯ КУШАНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ АНГОРСКОГО РАЙОНА СУРХАНДАРЬИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Наша конференция призвана уточнить или разрешить многие проблемы, связанные с происхождением кушан, их искусства и культуры, а также с их влиянием на народы, входившие в состав Кушанской империи.

Народы Средней Азии имели свою многовековую культуру, предшествующую возникновению Кушанского государства. Эта местная культура была намного выше культуры пришедших сюда кочевых племен.

Образовав обширную империю, эти племена приняли много элементов культуры покоренных народов и способствовали сближению этих культур. Расширенные политические и торговые связи с другими государствами также способствовали взаимопроникновению искусства и культуры.

Мы остановимся вкратце только на культуре, искусстве и религиях народов Южного Узбекистана, входивших в государственное объединение под эгидой кушан, и на их взаимном влиянии.

Интенсивное развитие архитектуры Северной Бактрии начинается в эпоху бронзы. В 70 *км* к северо-западу от Термеза расположено раскопанное нами поселение Кучук-тепе, возведение которого относится к концу II тысячелетия до н. э. Его стены сложены из сырцового кирпича и сохранились на высоту до 7 *м*. В них прослеживаются световые стрельчатые проемы, прототипы будущих бойниц. Это строительное искусство получило дальнейшее развитие в ахеменидское (Кучук-тепе) и греко-бактрийское (Дальверзин-тепе) время. Кушанское государство, мало страдавшее от набегов кочевников и междоусобных войн, переживало экономический и культурный подъем. Строились новые крупные города. Некоторые из них возникли на местах греко-бактрийских поселений, которые были поглощены новыми застройками. Это явление не ново; оно наблюдалось и в древней Греции. Этим приемом на Востоке пользовались Александр и его наследники.

При раскопках цитадели городища Хайрабад-тепа, находившегося в 30 *км* к северу от Термеза, нам удалось выявить очень интересную стратиграфию. В помещении, относящемся к кушанскому времени, внешние стены с бойницами и световыми окнами имели толщину 2,5 *м*, а сохранившаяся высота была более 6 *м*. Одна из внутренних стен являлась внешней стеной помещения, сооруженного в греко-бактрийский период. Она вскрыта на небольшом участке, и в ней была выявлена ложная стрельчатая бойница.

На полу раскапываемого помещения обнаружены монеты «Безымянного царя». Монеты этого же правителя были найдены в квадратном кирпиче (40×40×12 *см*) в западной части городища. Этот же стандарт и у стен цитадели. Следовательно, если монета «Безымянного царя» датируется I в. н. э. (датировка М. Е. Массона), то основное строительство города относится к этому же времени. На полу кроме красноангобированной керамики найдены игральные кости и зернотерки.

Крупные политические события отразились и на дальнейшей стратиграфии города. Накопившийся на полу кушанских помещений метровый культурный слой говорит о запустении. На этом слое обнаружили стенку, перегородившую помещение с севера на юг, сложенную из сырцового кирпича (32×32×10 *см*). На полу нового уровня мы нашли монету Васудевы и две раннесасанидские монеты, принадлежащие чекану Хормизда II (301—309). Эти монеты показали, что запустение кушанских помещений могло произойти где-то во второй половине III или в начале IV в. На территории городища Зар-тепа, расположенного южнее, были найдены монеты не только Хормизда, но и Шапура I. Следовательно, период запустения был связан с начавшейся борьбой Сасанидов с кушанами. В это время часть территории Сурхандарьинской области попала в вассальную зависимость к Сасанидам.

Но этот период продолжается недолго; на исторической арене в IV в. появляются хиониты-эфталиты. Новое движение кочевых племен привело к упадку и разрушению городов.

Только после того, как эта территория вошла в состав эфталитского государства и наступило затишье, население приступило к восстановлению разрушений. Люди не стали селиться в разрушенных помещениях, а закладывали их пахсой (сырой глиной) и строили помещения на образовавшейся мощной и высокой платформе, труднодоступной для противника и легко обороняемой. Изменяли стандарт кирпича (50×30×10 *см*) и размеры помещений.

Нами вскрыто более 30 комнат. Найдено большое количество керамики, часть которой сохранила традиции кушанского времени — сплошное красноватое ангобирование небольших сосудов. Особенно показательна в этом отношении керамика замка Балалык-тепе. В помещениях этого времени найдены низкопробные диргемы среднеазиатского эфталитского чекана второй половины V или начала VI в., чеканенные в подражание монетам Фируза.

Такова краткая характеристика стратиграфии городища Хайрабад-тепа.

Можно указать еще на целый ряд кушанских памятников, характеризующих высокую строительную технику населения Бактрии в период вхождения ее в состав Кушанского государства.

Так, например, замок Тешик-тепа (Анхорский район), городище Караул-тепа дали ту же стратиграфию: в слоях найдены кушанские монеты, терракотовые статуэтки и штампы. Особый интерес представляет открытое нами городище Дальверзин-тепе, отождествленное с древним Чаганианом, где особенно четко прослеживаются слои греко-бактрийского и «кушанского» периодов. Г. А. Пугаченкова обнаружила здесь замечательные фрагменты алебастровой скульптуры.

В культурном отношении кушанский период как бы завершает эпоху среднеазиатского эллинизма.

При кушанах существовали различные культы. Это хорошо прослеживается в изображениях на кушанских монетах. Вместе с тем при кушанах большое распространение получил буддизм, по-видимому ставший при Канишке государственной религией. К этому времени относятся многочисленные буддийские храмы, монастыри, построенные в Индии, Афганистане, Иране и Средней Азии.

Не менее интересным памятником, отражающим религиозные воззрения населения разных районов Кушанской империи, являются погребальные сооружения.

На территории Средней Азии открыто несколько типов захоронений времени кушан, но все они являются грунтовыми могильниками. Стены некоторых могил выложены сырцовым кирпичом, как было выявлено в Туп-хона.

Осенью 1963 г. Сурхандарьинский археологический отряд Института истории и археологии АН УзССР провел раскопки небольшого тепе, расположенного в 18 *км* к северу от Термеза. Приступая к раскопкам этого объекта, мы предполагали, что перед нами остатки небольшого замка.

Холм сильно оплыл и имел в диаметре около 20 *м* при высоте около 5 *м*. В результате вскрытия было установлено, что объект представляет собой остатки погребального сооружения. Оно имеет по внешнему контуру правильный квадрат со стороной 18 *м* и ориентировано по странам света. Помещение возведено на двухметровом цоколе. Нижняя его часть сделана из пахсы, из квадратного сырцового кирпича 32×32×13 *см*.

На этой искусственной платформе было сооружено крестообразное в плане помещение. Центральная его часть по первоначальному плану представляла квадратную комнату 6×6 *м*, в которую с четырех сторон вели четыре коридора шириной 1,4 *м* и длиной около 6 *м*. Стены были сложены из пахсы. В дальнейшем строители эту квадратную комнату уменьшили, заложив углы до уровня коридоров квадратным кирпичом. Центральную часть сооружения они сделали круглой, диаметром 3,8 *м*. Вдоль западной стены проходит суфа. В коридорах были обнаружены человеческие черепа, челюсти и несколько крупных костей. По расположению костей видно, что они сильно потревожены и бо́льшая их часть не сохранилась. На южной части суфы была найдена терракотовая статуэтка Анахиты.

Из других находок восточного коридора интересен небольшой сосуд с узким горлышком и двумя ручками по сторонам, покрытый красным ангобом. В других частях помещения были найдены фрагменты керамических сосудов, также покрытых ангобом; на некоторых фрагментах имеется штампованный орнамент елочкой, характерный для кушанского времени. Эта относительная датировка может быть уточнена на основании сравнения размеров кирпича погребального сооружения с кирпичом из раскопок цитадели Хайрабад-тепа, где ремонтная стена помещения, существовавшего в III в., была сделана из кирпича этого же размера.

Следовательно, раскопанное нами погребальное сооружение могло быть создано где-то в конце II или в III в. Анализ антропологического материала был произведен В. Я. Зезенковой.

Эти исследования говорят о наличии двух антропологических типов: европеоидов брахикранных и мезокранных (часть которых практиковала искусственную деформацию головы), имевших общее захоронение.

Раскопанное нами погребальное сооружение представляет особый интерес для изучения подобных архитектурных сооружений не только времени кушан, но и последующих периодов — например раннесредневековых наусов-склепов, а затем и мусульманских погребальных сооружений-мавзолеев.

Открытый памятник дает новые представления о строительной технике этого вида сооружений. Возможно, этот памятник является семейным склепом жителей города Зар-тепа или Хайрабад-тепа, где тесно сосуществовали представители различных антропологических типов. Вход в склеп, по-видимому, находился с южной стороны.

Дальнейшее вскрытие памятников Анхорского района кушанского времени даст новые материалы не только по материальной культуре и архитектуре, но и для разрешения вопроса о верованиях и культах народов Узбекистана в первые века нашей эры.

Summary

1. The archaeological expedition of the Institute of History and Archaeology of the Uzbek Academy of Sciences has since 1953 engaged in a thorough study of the archaeological monuments in the Surkhan Darya region.

The largest among them, the town site of Dalverzin-Tepe, is about 1 km. long. The town emerged in the 3rd century B.C. and continued to exist up to the 7th century A.D. Another settlement, Karaul-Tepe, which may also have been erected in the Kushan period, was excavated in the same district. The diggings revealed several poorly preserved copper coins typologically related to the period between the 1st and 3rd centuries A.D., and also terracotta statuettes.

2. We concentrated attention on studying the stratigraphy of the Hairabad-Tepe town site (150 × 100 m.), situated 30 km. to the north of Termez, with a citadel in the south-east corner. The diggings at the citadel showed that the main fortifications of the town site were constructed under the Kushans, even though it emerged in the 3rd century B.C. The Kushan premises can be dated according to the coins of Kadphises I, Kanishka and Huvishka. A coin of Nero's times was also found there. A period of decline and neglect set in at the threshold of the 3rd century A.D.

In the 3rd-4th centuries repair work was made. This period is characterised by discoveries of Vasudeva coins and early Sassanian coins of Hormizd II.

The second half of the 4th century was marked by a new decline of the town site. In the 5th century, the premises were filled with lumps of unbaked clay and new premises were built on the strong foundation at the end of the 5th century. Diggings unearthed Ephthalite Central Asian coins, referring to the second half of the 5th or the beginning of the 6th centuries, which were struck in imitation of Peroz's coins.

3. The Zara-Tepe town site (400 × 400 m.), situated 4 km. to the south of Hairabad-Tepe, has a citadel in its south-east corner. Two hundred Kushan coins, terracotta statuettes, fragments of gypsum sculptures, bases of columns and other fragments of architectural décor made of marl limestone were discovered on the surface of the town site.

4. The mausoleum relating to the Kushan period, situated 16 km. to the north of Termez, is of great interest. It is square and built of square raw bricks. The external length of the walls is about 18 m. In the centre there is a round room 4 m. in diameter, from which four passages are radiating (each 140 cm. wide). A great number of displaced human bones and several skulls exhibiting a marked deformation were discovered on the passage floors, and also some pottery typical of the Kushan period.

Б. А. ТУРГУНОВ (СССР, ТАШКЕНТ)

ГОРОДИЩЕ АЙРТАМ

36 лет прошло с того дня, когда случайно на берегу Амударьи, под водой, возле развалин городища Айртам, была поднята плита известного Айртамского фриза с изображением трех персонажей, играющих на музыкальных инструментах. Работы экспедиции, руководимой М. Е. Массоном, привели в 1933 и 1937 гг. к открытию еще семи плит этого фриза и части построек, в оформление которых они входили. К сожалению, вся площадь вскрытий 1933 и 1937 гг. в восточной части холма была позднее перекопана и застроена. Что касается Айртамского фриза, то этот шедевр древней культуры уже опубликован в нескольких капитальных трудах и вошел в энциклопедические словари, став как бы первоисточником по истории античного искусства Средней Азии.

До недавних пор, однако, ряд вопросов, связанных с историей входивших в состав городища археологических пунктов и его архитектурных комплексов, оставался открытым.

Сектор истории искусств Института искусствознания им. Хамзы Министерства культуры УзССР, одной из основных задач которого с 1959 г. является изучение кушанской художественной культуры, включил в план своих экспедиционных исследований детальное изучение Айртама. Трехлетние работы Узбекистанской искусствоведческой экспедиции (1964—1966) дали интереснейший материал по истории этого памятника.

Развалины городища Айртам расположены вблизи древнего города Термеза, занимая с запада на восток 3000 *м*, с юга на север 300 *м* и располагаясь группами вдоль Амударьи.

Среди руин Айртама самым крупным является бугор прямоугольной формы размером 50 × 30 *м*, где были произведены частичные работы в 30-х годах.

Наши раскопки по всей площади бугра показали, что здесь застройка охватывает два разных исторических периода с разным назначением и планировкой зданий.

Фундаменты раннего здания — на материке, которым является песчаниковая порода, а также очень твердый глинистый грунт темно-коричневатого цвета. Чтобы воздвигнуть здание, естественный холм поверху был выровнен; был уложен слой мелкого песка толщиной от 70 *см* до 1,25 *м*. Этот способ применялся, по-видимому, для сейсмостойкости. Над песком — тонкий слой глиняной обмазки, служившей полом, а на ней были воздвигнуты стены из высококачественной пахсы путем послойной укладки битой глины (традиции пахсового строительства дожили до наших дней в строительной практике Средней Азии). Раскопано двенадцать помещений. Дом интересен своим архитектурным решением. В его планировке чувствуется определенный архитектурный ритм и строгое соблюдение осей. Среди раскопанных помещений два (№ 1 и № 6) являются главными и наиболее крупными по размеру. Первое представляет собой прямоугольник 26 × 6,5 м. Здесь, по-видимому, был зал; вход в него мог располагаться в восточной несохранившейся части стены. Помещение № 6 размером 15,5 × 7,5 *м* расположено у обрыва

Амударьи; вероятно, оно было квадратным. С трех сторон оно ограничено коридором шириной 2,5 *м*. Между этими двумя помещениями и по обе стороны от них располагается несколько малых комнат. Толщина всех стен здания равна 1,5 *м*, а сохранившаяся часть достигает в высоту от 70 *см* до 1,75 *м*. Любопытно, что все вскрытые помещения и коридоры не имеют дверных проемов. Если входы в одни из них располагались в обрушенной рекой южной половине, то в другие можно было спускаться лишь сверху по деревянным лестницам.

В здании отсутствует бытовой археологический материал, за исключением очажка и золы на полу помещения № 6. Далее прослеживается этап, когда помещение было заброшено. Его заполняет мелкий песок, нанесенный ветром, дующим из афганской пустыни. В этом песке на высоте 70 *см* от пола в помещении № 6 обнаружены три монеты: одна — чекана «варварского Гелиокла» и две — «Сотера Мегаса». Эти монеты дают основания полагать, что если здание пережило период долговременного заброса и к началу нашей эры было заполнено песком на значительную высоту от первоначального пола, то оно было воздвигнуто намного раньше. Вероятнее всего, оно было возведено в середине II в. до н. э., когда Греко-бактрийское царство уже шло к упадку в связи с продвижением с севера саков; здание функционировало недолго и вскоре было заброшено.

Архитектура здания, помещения которого лишены дверных проемов, и занимаемый им стратегический пункт позволяют считать, что оно играло роль форпоста, располагаясь около водной переправы в узкой части Амударьи, и служило для охраны греко-бактрийских владений. Аналогичные постройки в бактрийской строительной практике пока не известны. Здание было заброшено вследствие крушения Греко-бактрийского царства.

При кушанах в начале нашей эры на землю правобережья Амударьи проникает буддизм, возникший и уже закрепившийся в Индии и постепенно распространявшийся на северо-запад. К числу кушанских буддийских культовых построек открытого типа относятся остатки располагавшихся на Айртаме святилища, ступы и подсобных помещений, воздвигнутых на развалинах вышеупомянутого греко-бактрийского здания. Их планировка не повторяет планировку нижнего греко-бактрийского комплекса. Перед началом нового строительства руины старого здания были выровнены при помощи слоя зеленоватой речной глины толщиной 0,5 *м* и затем смазаны тонким слоем строительной глины. Новые постройки возведены из квадратного кирпича-сырца (33 × 32 × 10 *см*) и частично из жженого кирпича. Их сооружение и обживание датируются двумя монетами чекана Канишки и Хувишки, которые обнаружены в кладках стены.

От верхних сооружений кое-где сохранились лишь некоторые участки на высоту от 0,5 до 1,2 *м*. Большой интерес представляет полуподвальное помещение лучшей сохранности с северо-западной части. Оно квадратное в плане (размеры 2,74 × 2,74 *м*), вырыто в песчанике; уровень пола на два метра ниже уровня полов зданий второго периода. Помещение, по-видимому, было специально построено для совершения каких-либо обрядов, связанных с буддийской религией. Стены воздвигнуты из жженого кирпича 36 × 35 × 5 — 6 *см*. В помещение можно было спуститься по лестнице шириной 80 *см*, состоящей из семи ступеней и сложенной из такого же кирпича. Перекрытием служил сводик, выведенный из специально изготовленных лекальных кирпичей размером 68 × 36 × 5 *см*. Пары таких кирпичей, смыкаясь, образуют арочку пролетом 0,75 *см*. Внутри помещения на северной и южной стенах, друг против друга, имеются ниши, расположенные на 60 *см* выше пола. В завале внутри помещения встречено большое количество жженых кирпичей клинчатой формы от рухнувшего сводчатого перекрытия. Это пока первый случай в кушанской архитектуре Бактрии выведения свода из жженого кирпича, а также применения фигурных кирпичей для образования свода над лестницей и оформления ниш. На всех айртамских кирпичах имеется прочерченный до обжига знак в виде стрелы. В античной архитектуре Средней Азии жженые квадратные кирпичи, использованные в подушках основания столбов и колонн, а также кирпичи клинчатой формы для облицовки арки пока известны лишь в парфянских постройках Старой Нисы.

Среди археологического материала — несколько фрагментов тонких изящных бокалов красного цвета, а также маленькая каменная база сплющенной шаровидной формы, вероятно использовавшаяся под декоративную пристенную колонку. На верхних площадках этого объекта найдено большое количество каменных отщепов и мелких архитектурных и скульптурных фрагментов, некогда входивших в оформление построек второго периода. Эти детали выполнены из белого мраморовидного мергелистого известняка, привозившегося с горы Ходжа Гульсуар, находившейся невдалеке от Айртама, где нами в 1965 г. обследованы остатки древних каменоломен. Среди находок — небольшие фрагменты акантов, волют, деталей человеческих фигур, не имеющих, однако, отношения к Айртамскому фризу, а принадлежавших другим крупным, пластически обработанным деталям облицовок.

В помещении № 8 оказалось несколько кусков упавших профилированных карнизов, располагавшихся, вероятно, над фризом. На одном из них сохранились следы охры, которая могла служить грунтом для наложения позолоты. В помещении № 6 обнаружено десять плит с гладко обработанной поверхностью. Плиты общей длиной 2,95 *м* уложены в один ряд. Здесь же найдены медные предметы (форму их восстановить нельзя из-за полной разрушенности металла), служившие, очевидно, металлическими связями плит. Из Айртама мы имеем пять каменных баз. Три из них — так называемые аттические, а две — сплющенной шарообразной формы на квадратном плинте.

Особую группу каменных деталей составляют обломки акантовых листьев и волют. Беспорядочное местонахождение архитектурных деталей объясняется тем, что после заброса памятника, очевидно связанного с эпохой крушения государства Великих Кушан, буддийские постройки были разрушены, фигуры изуродованы, а архитектурные детали, украшавшие помещение, разбиты.

Большой интерес представляет фрагмент монументального фриза, найденный в помещении № 9 над нивелировочным зеленоватым слоем (размеры блока 62 × 30 × 25 *см*). Он отличается своим оформлением и характером пропорций от Айртамского фриза. На краях его — два акантовых листа с сильно загнутыми концами, между ними выступает волюта, под нею — пологий лист, в нижнем ряду — малые аканты. Если обычно волюта является завершающей частью углов, то на айртамском блоке она расположена на плоскости между двумя акантовыми листьями. Аналогичной композиции пока не встречено в памятниках кушанской архитектуры ни Средней Азии, ни сопредельных стран.

Большинство архитектурных деталей было в основном сконцентрировано в центре холма на площади 14 × 9 *м*, где отмечено скопление комковатой забутовочной глины. Вероятно, они входили в оформление массива несохранившейся буддийской ступы, расположенной в центре буддийского комплекса, датируемого монетами Канишки и Хувишки.

На расстоянии одного километра к востоку от объекта № 1 исследованы развалины другой буддийской ступы, прилегающего к ней здания, а также (на 25 *м* дальше) обжигательной печи.

Развалины буддийской ступы представляют небольшой бугор, возвышающийся над окружающей поверхностью на 1,6 *м*. Расчистка показала, что ступа имела квадратное основание и цилиндрический массив; выложена она из сырцового кирпича в сочетании с пахсой.

К югу от ступы обнаружены остатки печи для обжига керамических изделий. Она имеет длину 7 *м*, ориентирована с востока на запад. Обжигательная камера разрушена полностью, но уцелело топочное устье с сохранившимися сводом и пологим спуском, а также топочная камера прямоугольной формы. По обеим сторонам свода камеры сохранилось пять пар отверстий-каналов для подачи подогретого воздуха в вышерасположенную камеру обжига. Мощная ошлаковка внутренних стен, а также обожженная земля вокруг печи на значительной площади указывают на ее длительное функционирование. Печь, видимо, была предназначена для удовлетворения местных потребностей в хозяйственных керамических изделиях, в то время как изящную посуду могли привозить из соседнего крупного города Термеза, где были кварталы керамистов. Что касается датировки, то, судя по конструкции, размерам кирпича, характеру керамики, найденной также в раскопках на других объектах Айртама, можно считать, что период функционирования печи падает на эпоху кушан.

К востоку от большого буддийского комплекса, малой ступы и гончарной печи были начаты раскопки еще одного холма. Здесь вскрыто полностью или частично шесть помещений и получен хороший стратиграфический разрез. На этом объекте отчетливо вырисовываются хронологические периоды, прослеженные и на объекте № 1. Самый нижний слой на этом холме соответствует времени пахсового здания на объекте № 1 в Айртаме. В период, когда объект № 1 был заброшен, на холме А-2 жизнь продолжается: здесь возводится и функционирует крупный дом. Далее осуществляются перестройки, и дом становится как бы платформой для нового здания. В этом верхнем строении найдена медная монета Канишки и терракотовая статуэтка богини, характерная для эпохи Великих Кушан.

Интереснейший материал о погребальном ритуале южных районов Узбекистана был впервые получен в результате исследований Айртамского могильника. Он находится в двух километрах к северу от буддийского комплекса. Здесь, на незначительно всхолмленном рельефе, на площади 20 × 20 *м*, было расчищено 10 погребений.

В основном здесь распространены два типа захоронений. К первому типу относятся вырытые в твердом грунте или песке ямы прямоугольной формы, а ко второму — могилы с подбоем. В могильнике были похоронены люди разного возраста, пола и общественного положения. Почти все погребения сопровождаются керамическим инвентарем.

Почти обязательны в айртамских могильниках изящные кубки с цилиндро-коническим туловом. Они широко встречаются при раскопках памятников Бактрии с I в. до н. э. до III в. н. э., однако кувшин из погребения № 1 с яйцевидным туловом и трехкорневой ручкой пока не находит себе аналогий. По-видимому, этот тип имел распространение в местной среде. Фрагмент кувшина с аналогичной ручкой найден на одном из объектов Айртама в нижних слоях, датируемых II—I вв. до н. э.

По типу погребений Айртамский могильник близок погребениям могильников II—I вв. до н. э. — Кую-мазарского (Бухарская обл.), Тупхона у Қобадиана, Тулхарского могильника в Гиссарской долине. С последним, датируемым последней третью II в. до н. э.—I в. н. э., Айртамский могильник имеет почти полное сходство в устройстве могил, положении костяка и особенно в характере инвентаря. По сумме полученных данных Айртамский могильник можно датировать I в. до н. э.—I в. н. э.

Что касается медных монет, полученных при раскопках на городище Айртам и собранных на его поверхности, то они дают четкие хронологические границы истории памятника. Среди них имеются монеты из группы так называемых варварских подражаний Гелиоклу (4 шт.), Қадфиза I (1 шт.), Қанишки (7 шт.), Васудевы I (1 шт.) и Васудевы II (1 шт.).

Результаты раскопок последних лет на Айртаме дают разнообразный материал, характеризующий один из небольших населенных пунктов правобережной Бактрии с интереснейшей древней архитектурой, монументальной скульптурой и характерным погребальным ритуалом.

Summary

1. Airtam, situated 18 km. to the east of Termez, was first excavated in 1932; initial studies were conducted in 1933 and 1937 by M. Masson's expeditions. A quarter of a century later, the expedition of the Khamza History of Arts Institute of the Uzbek Academy of Sciences renewed work there. This work was conducted by the author of this paper under the guidance of Prof. Pugachenkova.

2. Three years' work (1964-1966) on the town site and the adjacent territory solved the basic questions of the history of this large settlement's formation.

3. Excavations of the mound, where parts of a stone frieze depicting busts of musicians and garland bearers were found, showed that the building embraces different historical periods, that they served different purposes and that corresponding changes were made in the lay-out of the building. Twelve premises of the early period were excavated. Their walls were made of high-quality *pakhsa* and rest on hard ground. Archaeological material dates the building in the 2nd century B.C. It was a fortified outpost in the Graeco-Bactrian domains, situated near the ancient crossing over the Amu Darya and carrying out defence functions.

At the beginning of the Christian era, a Buddhist cult complex including a sanctuary, stupa and auxiliary premises was raised on the ruins of the fortress. The lay-out of the upper buildings does not repeat the lay-out of the old buildings, and only some parts of the walls, a well-preserved semi-basement of burned bricks (square in the walls and curved in the vault) and niches of the staircase arches were preserved. Many small fragments of architectural and sculptural elements were found, predominantly acanthi, volutes and parts of sculptured human figures, and also large smooth lining slabs, stone bases, and a block ornamented with acanthi and volutes.

4. Excavated was also part of a mound, located 1.5 km. to the east, which contained a building used for dwelling and economic purposes. It functioned in the period when the Airtam outpost was on the eclipse and intensive settling in other parts of the Airtam settlement was underway.

5. The Buddhist stupa and the building adjacent to it were unearthed between the two main objects. Next to them was a very big and ancient rectangular ceramic kiln. The firebox and its opening are preserved. Near it was a similar kiln, where the bricks used for the Airtam buildings were baked.

6. The excavations of the Airtam burial ground some two kilometres from the ancient settlement furnished interesting material on the burial ritual in Uzbekistan's southern districts. Basically two types of burials were wide spread here: first, rectangular graves in hard ground or sand; second, shaft-type graves. All ten graves excavated contain various objects, including fine goblets on short stems, jugs, *mustahars* (travelling flasks), a woman's ring, a double-edged iron dagger, etc.

The burial ground was dated according to the central layer of Airtam as relating to the 2nd-1st centuries B.C., perhaps to the beginning of the 1st century A.D.; typologically, it is closely related to the Tulkhar burial ground in Southern Tajikistan.

7. The results of the excavations of the settlement and burial ground of Airtam provide diverse materials characteristic of a large settlement; they contain interesting relics of ancient architeeture and monumental sculpture, and provide information on the burial rites of right-bank Bactria.

Э. ГУЛЯМОВА (СССР, ДУШАНБЕ)

ИЗУЧЕНИЕ КУШАНСКИХ ПАМЯТНИКОВ РАЙОНА ШАХРИНАУ

Шахринауский район, точнее, его археологические памятники являются постоянным местом находок предметов обихода, архитектурных деталей, монет, относящихся к первым векам нашей эры. Не случаен интерес археологов к этой группе памятников.

В 1946 г. Кафирниганский отряд Согдийско-Таджикской археологической экспедиции под руководством М. М. Дьяконова дал первое частичное описание этого района и произвел съемку северо-восточной части[1]. Значительно пополнил сведения о нем Гиссарский отряд[2] под руководством Е. А. Давидович в 1955—1956 гг., во время работ которого городище было дополнительно обследовано, были выявлены его внешние контуры, а также заложен шурф (а далее и раскоп) на одном из участков[3]. Была открыта часть восточной стены. Теперь общая протяженность стены равняется 2,5 *км*. Местное население называет эту часть городища Катор-тепа, что в переводе означает «цепочка холмов». Это определение полностью передает внешний облик стены с башнями. Если предположить, что башни располагались через определенное расстояние друг от друга, то восточная стена должна была иметь около 70 башен. Южная стена сохранилась значительно хуже. Восточный отрезок ее насчитывал девять башен[4]. Общая протяженность стены — 1,3—1,4 *км*.

Северная стена прослеживается на отрезке одного километра. Западная стена приходится на террасу р. Каратагдарья. Здесь, на ее естественных холмах, расположены городища. Жители древнего города безусловно должны были использовать реку как преграду на подступах к стенам города.

В 1956 г. на одном из холмов под названием Хаит-Гула был заложен небольшой раскоп. Он был доведен до материкового слоя. Отмечено пять этапов жизни городища. Четыре из них относятся к жизни городища первых веков нашей эры. Сопутствующий керамический материал — этого же времени.

Интересной деталью следует считать то, что открытая внешняя западная стена (ширина 1,6 *м*) — та, что обращена к реке,— сложена из сырцовых кирпичей размером 34 — 36 × 34 — 36 × 11 — 12 *см*. Такого же размера сырцовые кирпичи, промеренные в обрезах пяти башен восточной стены. Видимо, для строительства внешней стены использовался один и тот же кирпич, и построена она была в то же время.

Подводя итоги обследования стен, следует отметить, что общая протяженность всех четырех стен должна была быть не менее 7 *км*, а внутренняя площадь — приблизительно 350 *га*. Размеры говорят о том, что городище около Шахринау было одним из крупнейших древних городов Средней Азии рубежа и начала нашей эры.

Интересные данные приводит Е. А. Давидович в своей работе об итогах исследований Гиссарского отряда, сравнивая размеры Шахринауского городища с размерами некоторых других бактрийских городищ:

городище Кей-Кобад-шах, долина Кафирнигана, протяженность четырех стен 1370 *м*;

Ворошиловабадское городище, долина Вахша, общая протяженность стен 750 *м*;

Самарканд в окружности, 11 *км*;

Термез в окружности, 10 *км*.

Таким образом, на месте Шахринауского городища был большой город.

Внутренняя площадь городища занята под посевы хлопка и фруктовые сады. От внутренних построек почти ничего не сохранилось. В полукилометре от начала восточной стены у дороги — три тепе. Два из них заняты кладбищем, а одно наполовину сбито. Здесь несколько лет тому назад располагалась птицеферма, и от тепе сохранилась половинная его высота. Площадь его равна 300 *м*². В центре площадки в 1967 г. был заложен небольшой раскоп. Открыты части помещения и колено коридора. Постройки были возведены из сырцового кирпича 40×40×5—6 *см*. Высота сохранившихся стен 2 *м*.

На полу в коридоре была найдена красноангобированная глиняная посуда, которую можно датировать первыми веками нашей эры.

Небольшой раскоп не позволяет охарактеризовать постройки и их назначение; дальнейшие раскопки могли бы пролить на это свет, тем более что это пока единственная из оставшихся внутренних застроек городища.

Еще больший интерес вызывает это тепе в связи с находками двух каменных капителей в 300 *м* от него, на хлопковом поле. А. Мухтаров датирует капители I—II вв. н. э. Они позволяют нам представить жизнь, ремесло и искусство жителей этого древнего города.

Школьники, колхозники и местные жители часто рассказывают о тех или иных находках. То, что нам удается добыть, говорит о высокой культуре, о высоком уровне ремесленного производства города. Здесь были найдены многочисленные керамические сосуды. Особо нужно сказать о тонкостенном кубке с вертикальным лощением. Из глиняных статуэток особенно примечательна голова мужчины, видимо от оссуария, выполненная с большой тщательностью из желтой глины. И конечно, интересны монетные находки, которые помогают определить рамки срока существования города.

Монетные находки с территории Шахринауского городища датируются II в. до н. э. — II в. н. э., т. е. концом существования Греко-бактрийского царства и началом Кушанского. Таким образом, городище имеет строгие хронологические рамки.

Весной 1968 г. проводились работы на городище Чим-курган, на западном звене южной стены. К настоящему времени от полукилометровой стены остались четыре тепе, вытянутых в цепочку с востока на запад. Общая протяженность их составляет полкилометра.

На одном из тепе было заложено два шурфа, потом превращенных в раскоп (4×6 *м*). Один из шурфов доведен до материкового слоя.

Раскоп выявил два строительных этапа на небольшом отрезке времени, примерно 300 лет. Строительный материал в обоих этапах использовался один и тот же: сырцовый квадратный кирпич 36×36×10 *см*. Керамический материал внутри этих строительных этапов почти не разграничивается. Красноглиняные миски со штампом по зеркалу в виде листочков и ромбов; бокалы с частичным лощением стенок, кувшины с одной ручкой; котлы ручной лепки — вот неполный перечень посуды с городища Чим-курган.

В одной из комнат, раскопанных частично, вдоль стены в ряд стояли шесть хумов. На одном из них надпись из четырех букв.

Группа Чим-курган интересна в том плане, что она является одним из немногих сохранившихся строений городища. Раскопы на двух разных пунктах тепе показали, что строения представляют собой хозяйственные и жилые помещения с двумя строительными горизонтами.

Однако этих небольших раскопок недостаточно для того, чтобы судить о внутренней планировке города. Что из себя представляли эти строения, были ли они в виде отдельных усадеб или это был город с единой планировкой, покажут дальнейшие раскопки.

Итак, в районе Шахринау обнаружены не только отдельные нумизматические и археологические находки, не только первоклассные памятники архитектуры — высокохудожественные капители, но и целые города, значение которых очень велико. Мы предполагаем провести большие раскопочные работы, с тем чтобы на широкой площади вскрыть кушанские слои городов.

---

[1] М. М. Дьяконов, Работы Кафирниганского отряда,— «Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции», т. 1, МИА СССР, № 15, М.— Л., 1950.

[2] Е. А. Давидович, О работах Гиссарского отряда в 1955 г.,— «Археологические работы в Таджикистане в 1955 г.», т. XIII, Сталинабад, 1956, стр. 76—78.

[3] Б.А. Литвинский, Э. Гулямова и Т.И. Зеймаль, Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты,— «Археологические работы в 1956 г.», вып. IV, Сталинабад, 1959, стр. 139—145.

[4] Башни не сохранились, этот участок распахан.

A. MIRZOYEV (USSR, DUSHANBE)

AN ARCHAEOLOGICAL FIND FROM SOUTHERN TAJIKISTAN

My short communication concerns an archaelogical find from Southern Tajikistan—a small ceramic vessel. The top part of it is painted white and glazed, and bears a short black inscription in Devanagari, edged with a reddish line. I discussed the inscription with Prof. Thapar, the Indian archaeologist. After a careful examination Prof. Thapar surmised that the inscription contained the name of the artisan who had manufactured the vessel. In his opinion, the vessel was manufactured in Central Asia before the 10th century A.D. and could not have been brought there from India. Further investigation will ascertain a more precise date of the inscription. Anyhow, our find testifies again to ancient and constant relations between the peoples of India and Central Asia. This find materially confirms the statement of Sam'ani about the spread of Sanskrit in these regions before the advent of Islam, which attracted the attention of W. Barthold and was first mentioned in his geographical survey of Maverah-un-Nahr.

I would like to give some information about the circumstances under which the find was made. In 1961, a representative of a religious organisation visited the Department of Oriental Studies of the Tajik Academy of Sciences, brought the above-mentioned vessel and told me that, since the vessel had an ancient inscription, he had decided to give it to me. In response to my question he told me that it was found while digging the foundation for a small mosque at a place called Chil-u-Chor-Chashma. Before telling my colleagues about the vessel I decided to visit Chil-u-Chor-Chashma personally, which I did in April 1968.

If you drive from the small town of Shaartuz in the direction of Chil-u-Chor-Chashma, you will first have to cross an arid desert stretch. Twenty-five kilometres from the town here is a hill, and the Chil-u-Chor-Chashma oasis is situated there; 44 springs gush out of the rocks, which do not freeze during the winter. The springs, which gave the place its name, flow together in a rivulet. At the source of the rivulet you can see thousands of fishes and snakes. The huge trees surrounding the springs are obviously very old. A small mosque, which was built there recently, is situated on the bank of the rivulet. I was told that the mosque was erected on a site of some ancient building.

Judging by the peculiarities of the site and by the archaeological find made there I surmise that a Buddhist temple or a temple of some other Indian creed may have been situated there in ancient times. I consider it necessary to carry out archaeological work in Chil-u-Chor-Chashma as soon as possible. It may give us the possibility of establishing a more precise date of our find and may result in further archaeological finds.

В. Н. ПИЛИПКО (СССР, АШХАБАД)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ НА ПОБЕРЕЖЬЕ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ АМУДАРЬИ (В ПРЕДЕЛАХ ТУРКМЕНСКОЙ ССР)

В настоящем сообщении под термином Средняя Амударья понимается долина этой реки с прилегающей к ней территорией на участке от Келифа до Кабаклинского тугая. Выделение этого района в особую историко-географическую область характерно как для современной географической литературы, так и для географических сочинений предшествующих исторических эпох.

На этом участке Амударья не принимает притоков и течет среди пустынной местности, являясь единственным источником орошения пригодных для земледелия территорий. (Исключением является лишь Карлюкская горная долина, орошаемая р. Кугитанг.) Культурные земли узкой лентой (шириной 2—4 *км*) тянутся вдоль поймы Амударьи, местами прерываясь, местами образуя небольшие оазисы. Эта узкая полоса интенсивно осваивается земледельцами; прилегающая территория со слабозакрепленными песками используется для скотоводства.

Долина Амударьи интенсивно обживалась в разные исторические эпохи. Однако изучение ранних этапов ее истории затруднено плохой сохранностью археологических объектов. Памятники в долине реки разрушаются как вследствие воздействия естественных факторов (блуждания русла реки, близости подпочвенных вод, сильной засоленности почвы), так и в результате деятельности человека (интенсивное использование относительно небольших пригодных для земледелия площадей). Все это привело к тому, что многие древние памятники, в том числе античные, оказались в настоящее время полностью или частично разрушенными или погребенными под более поздними напластованиями.

Тем не менее археологические данные позволяют говорить о достаточно плотном освоении этого района земледельческим населением уже в середине I тысячелетия до н. э. К моменту прихода юечжийских племен здесь уже существовали многовековые культурные традиции, города и поселения аборигенов.

После разгрома Греко-бактрийского государства юечжи первоначально обосновались на правом берегу Амударьи. Как показали работы А. М. Мандельштама, одна из групп этого объединения избрала местом обитания территорию современного Чаршангинского района Туркменской ССР. Здесь, в долине Кугитанга и на побережье Амударьи, зафиксировано несколько могильников кочевого населения (Акоюк, Ду-оба, Ага-баба, Баба-шов).

Наиболее крупным из них является частично раскопанный Бабашовский могильник, возникновение которого А. М. Мандельштам относит к концу II—I в. до н. э. При раскопках этого могильника выявлены погребальные сооружения своеобразной конструкции. Могила в виде прямоугольной грунтовой ямы, иногда с подбоем в одной из длинных сторон, оформлена на поверхности каменной выкладкой, повторяющей очертания ямы. Вокруг выкладки расположена круглой или овальной формы каменная ограда диаметром до 3,5 *м*. Высота ограды примерно 60—80 *см*. Костяки лежали в вытянутом положении головой на север, северо-запад, северо-восток. Погребальный инвентарь обычно невелик и представлен керамикой, металлическими предметами, связанными с одеждой, украшениями и небольшим количеством оружия.

Намогильные сооружения в виде округлых оградок не характерны для относящихся к этому периоду могильников южных районов Узбекистана и Таджикистана и, вероятно, свидетельствуют об этнической обособленности обитавшего здесь кочевого населения.

Однако основную массу населения Средней Амударьи в это время составляли не кочевники, а оседлые земледельцы.

В результате трех лет работы (1966—1968) Амударьинского отряда Института истории АН ТуркССР, а также обследования отдельных участков побережья сотрудниками ЮТАКЭ и А. М. Мандельштамом здесь зафиксировано свыше 40 памятников оседлого населения, содержащих слои кушанского времени. Размеры, планировка, а также административно-хозяйственные функции этих памятников весьма различны. Среди большого числа типов можно несколько условно выделить три основные группы памятников: сельские поселения, крепости, города.

Выявление планировки сельских поселений затруднено их плохой сохранностью или наличием более поздних культурных напластований. Следует лишь отметить большое количество типов внутри этой категории памятников. Наиболее распространены отдельно стоящие, хорошо укрепленные усадьбы. В небольшом оазисе юго-восточнее ст. Мукры хорошо выделяется характерный для этой местности тип — четырехугольник оборонительных стен. Фланкированные мощными башнями ворота — в одной из коротких сторон. Основные постройки располагались на противолежащем въезду конце и вдоль стен; в центре, как правило, находился обширный двор.

Можно также предполагать, что в позднекушанский период начинает складываться тип поселений, характерный для раннесредневекового времени: квадрат или прямоугольник усадьбы, в одном из углов которого расположен хорошо укрепленный дом владельца.

Крепости имеют в плане прямоугольник (основной массив) и хорошо укрепленную крупную цитадель прямоугольной формы; оплывшие руины некоторых из них даже в настоящее время достигают высоты 15—20 *м*. Цитадель в большинстве случаев располагалась в одном из углов крепости, охраняя ее ворота, но иногда примыкала снаружи к одной из ее сторон. В микрорельефе ряда городищ прослеживаются остатки башен, выступающих за линию стен.

Своеобразную планировку, обусловленную рельефом местности, вероятно, имели крепости, расположенные на скалистых утесах в местах переправ через Амударью (Келиф, Керкичи). Оригинальна система обороны крепости Усты, имеющей форму гигантского цилиндра (высота 18—20 *м*, диаметр 55—60 *м*), высеченного из естественного песчаного холма.

Некоторые городища по своим размерам и мощности культурных слоев имеют право называться небольшими городками. Это Мирзабек-кала (предположительная площадь городской застройки в кушанский период около 4 *га*), Эссен-Менгли-кала (4 *га*), Бешир-кала (4,5 *га*), Ходжа-Гундуз (4,5 *га*), Ходжа-Идат (5 *га*), Кош-тепе (3 *га*), Одой-тепе (7 *га*). Вокруг некоторых из них обнаружены остатки пригородов.

Среди этой группы памятников наряду с наиболее распространенным типом (четырехугольник основного массива с цитаделью в одном из углов) встречаются городища с иной системой планировки. Два из них, Одой-тепе и Эссен-Менгли-кала, имеют форму неправильного овала; эта планировка указывает на существование в их основе поселений I тысячелетия до н. э., что подтверждается стратиграфическими наблюдениями на Одой-тепе. У Бешир-кала подквадратная в плане цитадель находится в центре квадратного городища. На городище Кош-тепе цитадель расположена вне пределов основного массива городской застройки.

В древности, как и сейчас, побережье Амударьи не представляло собой сплошной освоенной культурной полосы. Путем картографирования можно выделить несколько очагов концентрации памятников, соответствующих древним культурным оазисам, орошавшимся выведенными из Амударьи каналами: Чарджоуский, Карабек-аульский, Халачкеркинский, Кызыл-аякский.

Своеобразие географического положения региона, вытянувшегося узкой лентой на стыке крупнейших историко-географических областей Средней Азии — Бактрии, Согда, Маргианы, Хорезма, и большая роль в его жизни международной торговли наложили заметный отпечаток на облик его культуры. Наиболее значительное влияние, особенно на южные районы, оказывалось со стороны Бактрии — Тохаристана. Этому наряду с географической близостью способствовало вхождение побережья Амударьи в состав Кушанского государства. Последнее подтверждается находками медных кушанских монет на всей территории области, включая Чарджоуский оазис.

Политическое господство кушан и торговые связи способствовали проникновению на эту территорию буддизма. Об этом свидетельствует находка на Ак-кала, близ Карабек-аула, терракотовой статуэтки местного изготовления, изображающей сидящего бодисатву.

Указывая на значительное влияние сопредельных территорий, следует отметить, что побережье Средней Амударьи в кушанское время представляло собой единую культурно-экономическую область со своеобразным обликом материальной культуры. Единство это было обусловлено географическими, политическими и экономическими причинами. Своеобразие культуры этой области прослеживается в археологическом материале, в первую очередь в керамике и коропластике.

Для керамики побережья Средней Амударьи наряду с наличием многих общих черт характерно менее широкое, чем в Согде и Бактрии, распространение красноангобированного покрытия, отсутствие типичной для Северной Бактрии керамики с орнаментацией мелкими штампиками, наличие ряда специфических форм. Мелкая терракотовая скульптура культового характера отличается от подобных изделий сопредельных областей по стилю и внешнему облику. Среди оригинальных образцов мелкой коропластики можно упомянуть формочку для изготовления мужских голов, стиль изображения которых унаследовал много черт греко-бактрийского искусства; статуэтки местных богинь в длинных, наглухо застегнутых накидках и небольшую изящную фигурку богини из Ходжа-Идат-кала в одеждах, драпирующихся частыми поперечными складками.

Подводя итоги предварительного археологического изучения Средней Амударьи, следует отметить, что ее вхождение в состав крупного централизованного государства, каким была Кушанская империя, способствовало росту экономического потенциала области, укрепляло ее культурные связи с соседними территориями и вместе с тем не препятствовало развитию местной самобытной культуры.

Summary

1. A short historico-geographic description of the area. The cultural development on the banks of the Amu Darya's central reaches in the remote past. The discovery of monuments of Achaemenian times in the Kerkin district. The difficulties of studying the ancient monuments on the bank of the Amu Darya: the wandering of the river bed, the

intensive use of the territories fit for agriculture, high soil salinity and the nearness of subsoil waters.

2. The banks of the middle reaches of the Amu Darya are a region in which the Yüeh-chih tribes settled after they had crushed the Graeco-Bactrian state. The Babashov burial site (Charshanga District) is a monument of early Kushan times, unique as regards burial rites and the objects unearthed. This burial site may be linked with the settlement in this territory of one of the Yüeh-chih tribes.

3. Archaeological monuments of Kushan times. The classification of the monuments according to their lay-out, size and administrative-economic function. Rural settlements, fortresses, towns. The main areas of the concentration of monuments. The high development of artificial irrigation.

4. The general and specific features in the material culture of the middle reaches of the Amu Darya in Kushan times. The unique geographical position and its influence on the economy and culture of the area. The finding of Kushan copper coins — a fact confirming the assumption that the lands along the middle reaches of the Amu Darya, including the Chardjou oasis, were part of the Kushan Empire. Pottery and terracottas.

5. The banks of the middle reaches of the Amu Darya as a single cultural and economic area with an original culture, exhibiting considerable similarity with the culture of Sogd and particularly of Northern Bactria.

Н. Н. НЕГМАТОВ и *Е. Д. САЛТОВСКАЯ (СССР, ДУШАНБЕ)*

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ В УСТРУШАНЕ И ЗАПАДНОЙ ФЕРГАНЕ

Изучение археологических памятников эпохи древности Уструшаны и Западной Ферганы, в той или иной степени характеризующих и материальную культуру кушанского времени, проводилось в последние десятилетия. В этом направлении особенно результативными были раскопки советских ученых на городище Мунчак-тепа и прилегающих некрополях (1943—1944 гг.), городище Муг-тепа — цитадели древней Курукады (1950, 1959—1960 гг.), двух поселений — Тудаи Хурд и Тудаи Калон (1959—1967 гг.), ряда других поселений, а также многих групп погребальных сооружений предгорных местностей.

В настоящее время более или менее выяснены стратиграфия поселений, основные этапы жизни, частично вопросы датировки, облик хозяйства и культуры населения, а для некоторых поселений сделаны попытки дробной классификации строительных комплексов вместе с керамическим и иным материалом, прослежена эволюция основных керамических форм.

К числу наиболее изученных поселений относятся прежде всего западноферганские памятники Тудаи Хурд и Тудаи Калон, расположенные близ селения Ашт[1].

Высоко поднятый на сырцовом стилобате шестиметровой высоты с пандусным подъемом вдоль западной стороны, замок Тудаи Хурд с прилегающей усадьбой (площадь развалин 250 × 100 *м*, вытянута с севера на юг) имеет три основных строительных этапа, относящихся ко II—I вв. до н. э.— II в. н. э. Полученный в результате раскопок очень интересный керамический комплекс включает станковой выделки тонкостенные красноангобированные со следами полосчатого лощения изящные миски и кувшинчики типично ферганских форм и груболепные округлодонные со следами матерчатого шаблона котлы и миски.

Более поздним по времени является холм Тудаи Калон (площадь развалин 100 × 65 м, вытянута с запада на восток). Нижний строительный комплекс памятника состоит из остатков небольшого укрепленного поселения с квадратными угловыми двухэтажными башнями и стреловидными бойницами. Массовый керамический материал (красноангобированные станковые миски, широкогорлые горшки, украшенные процарапанным по ангобу после обжига так называемым «даваньским» орнаментом) и некоторые характерные приемы строительной техники позволяют отнести остатки нижнего строительного комплекса Тудаи Калон III—IV вв. н. э.

Спустя некоторое время, в связи с глубокими социально-экономическими изменениями, на остатках нижнего укрепленного поселения возникает обширный двухъярусный замок с приемным парадным залом на верхнем ярусе. Существенные изменения происходят и в керамике. Наряду с типично ферганскими формами станковых красноангобированных мисок и широкогорлых горшков с «даваньским» орнаментом появляются новые формы мисок с ярко выраженным поддоном, кру́жки с зооморфными ручками, высокогорлые кувшины, свидетельствующие об усиливающихся связях в конце V—VI вв. с Ташкентским оазисом и долиной Средней Сырдарьи (Джеты Асар, Шау-Шукум), об усилении товарообмена со скотоводческим населением предгорий Ферганы (на основе материалов расположенного поблизости Аштского могильника).

В результате раскопок Тудаи Хурд и Тудаи Қалон получены некоторые данные для характеристики хозяйства и черт материальной культуры правобережной части Западной Ферганы в кушанское и послекушанское время.

Прежде всего заметим, что, согласно полученным материалам, жители обоих аштских поселений занимались довольно разнообразным домашним натуральным хозяйством: скотоводством, земледелием, металлическим производством, ткачеством и др. Предварительные результаты определения остатков костей животных показывают преобладание крупного и мелкого рогатого скота. Есть кости джейранов и благородных оленей, которые теперь в этих районах отсутствуют.

О наличии на поселении Тудаи Қалон своего металлического производства свидетельствуют находки в одном из помещений нескольких обломков стенок и округлого края плавильной печи, небольшого глиняного изделия типа льячки — ложки для разливания металла. Результаты спектрального анализа проб из обломков печи и с поверхности льячки, сделанные в лаборатории Института геологии АН Таджикской ССР, выявили значительное содержание серебра, меди, заметное содержание свинца, олова и некоторых других металлов, являющихся основными компонентами при получении бронзы. Таким образом выявлены остатки металлической мастерской, связанной с бронзолитейным производством, базировавшейся, видимо, на местном сырье. Широко известно разрабатывавшееся в древности Наукатское месторождение медной руды на левом берегу Сырдарьи; в отчетах Среднеазиатского геологоуправления есть упоминание о разработке залежей медной руды в горах Супетау; вблизи Ашта расположено Гутасское свинцовое месторождение с остатками древних выработок. Вообще горнодобывающая промышленность в Фергане в кушанское время была на довольно высоком уровне и играла немаловажную роль в экономике.

Неоднократно отмечались в рассматриваемых поселениях керамические пряслица, свидетельствующие о домашнем прядении. Находки нескольких десятков каменных зернотерок говорят о домашнем помоле зерновых продуктов.

Керамика с Тудаи Хурд и Тудаи Қалон — как станковая, так и груболепная домашняя. Основные формы: миски, широкогорлые горшки, кувшинчики, котлы. Абсолютное большинство керамики типично ферганских форм. На части их заметны параллели с сако-усуньской керамикой Памиро-Алая, Чу-Илийской долины и Семиречья, но также с каунчинско-кангюйской керамикой бассейна Средней Сырдарьи.

На отдельных керамических сосудах сохранились отпечатки штампов с изображением грифона, коня (или джейрана?), несущегося в стремительном беге, и композиция шествующих львов — сюжет, широко распространенный в изобразительном искусстве Востока всех времен.

Но, пожалуй, самой знаменательной находкой, интереснейшим памятником прикладного искусства, являются обнаруженные в одном из помещений второго строительного периода Тудаи Қалона фрагменты костяных прямоугольных пластинок неясного назначения (возможно, украшение для ларцов и шкатулок или накладки для чего-либо) с изобразительным сюжетом и игральные кости, украшенные кружками (от одного до четырех), выполненные пунсонной техникой.

На самом крупном фрагменте пластинок — выполненное неглубокой резьбой поясное изображение в профиль человека, по-видимому, женщины, с сильно выступающим носом и подбородком, в высоком головном уборе в виде шапочки, украшенной сзади перышками. За головой — подобие контурного нимба. Крутой завиток волос находит на щеку, в ухе — продолговатая серьга-подвеска. У запястья — широкий браслет, на шее — массивная гривна. Из-за левого плеча видно крыло. На груди — пышные поперечные и продольные складки одежды.

Левой рукой фигура держит венок, заканчивающийся ниспадающими вовнутрь с двух сторон лентами. В центре венка изображен кружок с тремя подвесками в виде колокольчиков. С противоположной стороны, очевидно, было такое же изображение, от которого сохранилась только рука, державшая второй конец венка.

Воссоздать по найденным кусочкам полную композицию почти невозможно из-за их фрагментарности, но, по всей видимости, два самых крупных обломка пластинок содержат изображение парящих богинь Победы, Ник-Викторий, с венком в руках. Наиболее близкие аналогии встречаются в Афганистане и Северной Индии. На одной из костяных пластинок из раскопок дворца в Беграме изображены две человеко-птицы с женским и мужским лицами, повернутыми вполоборота друг к другу; в ушах — серьги с круглыми подвесками, вокруг шеи — колье. Пластинка из Ашта с человеческим изображением и беграмская пластинка обнаруживают некоторое сходство в приеме гравировки, в сетчатой штриховке деталей, в жесте руки с поднятым пальцем. Бросается в глаза композиционная близость сцен. Однако, если на пластинке из Беграма сюжетная композиция, широко распространенная в искусстве Востока, трактована крайне схематично, то на аштской она сделана с большой тщательностью.

Помимо беграмских аналогий кое-какие детали туалета сближают изображения на аштской костяной пластинке с персонажем росписей Балалык-тепа.

Мотив Ник-Викторий, венчающих кого-то и что-то, широко вошел в искусство Востока, придя с триумфальных арок Рима, а еще ранее из классического древнегреческого искусства.

Вначале среднеазиатская Ника носит эллинизированные черты и близка к образу парящей Победы (Ника на Чаганианском медальоне).

На последующем этапе развития кушанского искусства в позе летящих Ник-Викторий видны сильно индианизированные (или гандхаризированные) буддийские небожительницы — дэвы. Вопрос о том, является ли аштская костяная пластинка произведением местного среднеазиатского изобразительного искусства, испытывавшего сильное влияние художественных связей Средней Азии и Индии в первые века нашей эры (в кушанский период), или же она является вещью привозной, решить довольно трудно. Стиль женских изображений и отдельные элементы на пластинке из Беграма близки искусству Северной Индии кушанского периода, исходя из чего Акэн датировал пластинки концом III—IV в. н. э. Другие исследователи считают более правильной дату I—II вв. н. э.

На основании довольно большого сходства в изображениях дата беграмской пластинки — в пределах I—IV вв. н. э. — с некоторой осторожностью может быть принята в качестве примерной даты для нашей находки. Пока трудно сказать, к какой художественной школе относятся человеческие изображения на аштских костяных пластинках. Скорее всего, это синкретический образ, возникший под влиянием индуизма, с одной стороны, и эллинистических традиций — с другой. Однако и в том и в другом случае пластинки с изобразительным сюжетом из древнеферганской части Таджикистана являются несомненным свидетельством высокого художественного мастерства его создателей.

В целом материалы с Тудаи Хурд и Тудаи Қалон позволяют судить не только о характере хозяйства и культуры их жителей, но и о широких связях этой части Ферганы кушанского времени с сопредельными областями как севера и северо-востока, так и юга.

В кушанское время в Западной Фергане были не только эти поселения. В пределах того же Аштского района мы знаем крепость Кухи Урда, возникшую ранее, но усиленно функционировавшую и в кушанский период[2]; известны слои рассматриваемого времени на поселении Қалаи Афрасиаб[3]. Значительное количество замков возникло в левобережной части Западной Ферганы, в бассейне Исфарадарьи. Первый из них — всем известный Қалаи Боло[4], а также «зáмки на скалах» в Ворухе, у Сурха, у северного входа в Сурхское ущелье, Қалаи Қофир на самой Исфарадарье и другие, возникшие в первые века нашей эры[5].

В кушанскую эпоху впервые была освоена часть пустынного Сомгорского массива. Здесь, в районе современного селения Сомгор, возникло первое оседлое поселение, впоследствии разросшееся в целое городище[6]. Имеются также отдельные намеки на существование поселений в первых веках нашей эры в оазисах Қанибадама[7] и Костакоза[8]. Известно также, что Қанибадамский земледельческий оазис в первые века нашей эры был огорожен со стороны Қаракчикумской степи оборонительным валом — Қампирдевором[9].

Нам пока не совсем ясно, продолжала ли функционировать Александрия Эсхата в кушанскую эпоху. В этом отношении примечателен, однако, факт упоминания Александрии Эсхаты в IV в. н. э. Аммианом Марцеллином[10].

Группа крупных городищ функционировала в кушанское время в северной, присырдарьинской части Уструшаны. Это Ширин и Мунчак-тепа. Если первое из них, известное уже давно, пока мало изучено[11], то второе городище вместе с прилегающими Ширинсайским и Восточным могильниками уже давно подвергнуто довольно широким раскопочным работам[12].

Городище Мунчак-тепа расположено на левом, обрывистом берегу Сырдарьи, напротив Фархадских скал в районе плотины Фархадский ГЭС. Его площадь — около 4 *га*; в плане оно имело вид возвышенного четырехугольника, равного 200 × 180 *м*, с высоким продолговатым холмом (70 × 40 *м*) главного здания в северо-восточной части. Городище Мунчак-тепа занимало выгодное место у береговой полосы Сырдарьи и совместно с городищем Ширин господствовало над сужающимся отрезком Сырдарьинской долины между Фархадскими скалами Могол-Тау с севера и отрогами Ширин-Қыз с юга, т. е. являлось своего рода береговым северо-западным заслоном на стыке земледельческой части Уструшаны и Хавастской степи.

Городище Мунчак-тепа имеет мощные отложения культурных напластований, достигающие толщины 5—6 *м* и включающие материал от красноангобированной лощеной керамики до поливной посуды развитого средневековья. Поселение здесь было основано на рубеже нашей эры. От первого, кушанского периода жизни в нем удалось зафиксировать остатки действовавшей тогда в центре поселения керамической мастерской с большой обжигательной печью (раскоп II); в различных местах были также отмечены культурные слои, содержавшие каменные литейные формы для отливки серег, множество крупных глиняных хумов для хранения продовольствия, каменные зернотерки, множество костей домашних животных, что говорит о наличии здесь ремесленно-земледельческого центра. Где-то около III в. н. э. в северо-восточной части поселения, видимо на высокой платформе, возникло крупное сырцовое здание (раскоп IV); здесь удалось расчистить два помещения (А и В) и башнеобразное сооружение с мощными стенами и помещением внутри.

В IV—V вв. в той же северо-восточной части поселения на западном крае на еще более высокой платформе было возведено другое монументальное сырцово-глинобитное сооружение (раскоп I) типа большого замка с хорошо сохранившейся входной сводчатой коридорной галереей и группой основных внутренних, также сводчатых, помещений к северу от нее. Здание это в целом отличалось своими тщательно разработанными конструктивными приемами узорной кладки стен, переходов к своду арок; оно имело также некоторые бытовые удобства (суфы — лежанки, ниши, очаги).

Синхронны с первыми периодами жизни на поселении материалы (керамика и другие находки), полученные с вышеупомянутых могильников, расположенных поблизости; они составляют вместе единый культурно-исторический комплекс данного района. Могильники представляют собой часть обширного кладбища, а погребенные в них, как показывает добытый материал, принадлежат к носителям оседлой культуры. Материал могильников, кроме того, указывает на явные культурно-экономические связи как с соседними областями (Чач, Фергана), так, например, и с отдаленной Центральной Азией.

Другим выдающимся памятником античной Уструшаны является городище Муг-тепа, отождествляемое с цитаделью г. Курукады[13]. Городище площадью около 6 *га* было окружено высокими стенами, общее протяжение которых около 600 *м*. Как показали результаты заложенных на городище Муг-тепа шурфов (I и II) и раскопов (III и IV)[14], там содержатся значительные культурные напластования IV—II вв. до н. э., рубежа и первых веков нашей эры, включающие довольно многочисленный керамический материал и некоторые другие находки, в том числе небольшую бронзовую печать с вертикальной ручкой (и отверстием в ней для подвешивания) и изображением крылатого грифона[15]. Аналогичные печати из Беркуткалинского оазиса древнего Хорезма С. П. Толстов относит к кангюйскому периоду (IV в. до н. э.— I в. н. э.)[16]. Археологически выявленный мощный культурный слой кушанского времени на городище Муг-тепа — цитадели Курукады находит письменное подтверждение у автора IV в. н. э. Аммиана Марцеллина[17]. Такое совпадение подтверждает мнение о том, что сообщение Аммиана Марцеллина не заимствовано из старых исторических хроник эпохи Александра Македонского, а отражает время, более близкое самому автору.

Район Ура-Тюбе знаменит также находкой клада денариев I—II вв. н. э., выпущенных от имени семи римских императоров (Веспасиана, Траяна, Адриана, Сабины, Антония Пия, Марка Аврелия и Коммода)[18]. Клад свидетельствует о росте торговых международных связей с древнеримским миром в кушанскую эпоху и связан, вероятно, с операциями на великом трансазиатском торговом пути. Находки бронзовой китайской монеты I в. н. э., бронзового китайского зеркала и гальки с китайской надписью в могильниках Мунчак-тепа указывают на другое центральноазиатское направление торговых связей в первые века нашей эры[19].

Мы не имеем здесь возможности остановиться на поселениях с культурными слоями кушанского времени горной части Уструшаны — бассейнов Исфаны-Сая и Ходжа Бакырган-Сая, а также более подробно охарактеризовать материальную культуру всех рассмотренных поселений Западной Ферганы и Уструшаны.

Однако отметим еще следующее. К интересным историко-культурным размышлениям приводят нас некоторые параллели памятников кушанского времени и раннего средневековья. Это живопись на стенах здания в одном из кушанских городов на Зеравшане — Кушанши, где были изображены римские императоры (по данным китайских хронистов), и обнаруженная в 1967 г. на стене центрального коридора дворца уструшанских афшинов на Калаи Кахкаха I роспись VIII—IX вв. с сюжетом легенды об основателях Рима (волчица, кормящая двух младенцев — Ромула и Рема). Отмеченный выше сюжет с изображением шествия львов на керамике западноферганского памятника Тудаи Калон развернут и повторен вновь на резном дереве того же дворца афшинов Уструшаны.

Таким образом, эти и другие наблюдения позволяют выявить в материальной культуре раннесредневековой Уструшаны продолжение каких-то пока не совсем ясно улавливаемых традиций, уходящих в кушанскую эпоху. Историко-археологическое изучение Уструшаны в течение последних десятилетий все больше укрепляет нас в мнении, что консолидация Уструшаны как единой историко-культурной области особенно усилилась именно в кушанский период, когда были созданы для этого наиболее благоприятные условия. То, что именно в кушанский период Уструшана переживала время наибольшего подъема (по сравнению с предыдущим временем) и заканчивалось ее сложение в единое историко-культурное целое, подтверждает прежде всего важнейший факт последующей ее истории: с распадом Кушанской империи она впервые за свою историю превратилась в отдельное владение, что и отмечено в гл. 97 хроники «Бейши» (435 г. н. э.).

По-видимому, наличие традиций кушанского времени в материальной культуре раннесредневековой Уструшаны можно объяснить таким образом.

В заключение приведем некоторые выводы, вытекающие из имеющегося письменного и археологического материала.

1) В целом равнинные и горные районы Западной Ферганы и Уструшаны в древности были обжиты довольно хорошо, здесь располагалась целая серия городов, крепостей, отдельных укрепленных и неукрепленных поселений. Археологически выявлен и факт обведения защитными поясами отдельных античных микрооазисов (например, Канибадамского оазиса). Основательно обжиты были как побережье Сырдарьи, так и долины ряда горных речек. Из них в первую очередь следует назвать Исфаринскую, Ходжабакыргансайскую, Исфанысайскую и Обиаштскую долины. В горной части Западной Ферганы выявлена интереснейшая категория долговременных оборонительных поселений — так называемых «крепостей (замков) на скалах», прототип которых — знаменитые бактрийско-согдийские укрепленные скалы времен нашествия Александра Македонского.

2) Как показывают имеющиеся сведения письменных источников и результаты археологических исследований, в Уструшане и Западной Фергане четко выявляются два этапа возникновения и развития оседлых поселений и городов. Если первым таким этапом было ахеменидское время, когда возникла серия городов и крепостей (Курукада, Газа, Бага, четыре безымянных, Кухи Урда, возможно, Пра-Александрия), то вторая, довольно многочисленная серия оседлых поселений строится именно в кушанский период (Тудаи Хурд, Тудаи Калон, Сомгорское поселение, Мунчак-тепа, поселения бассейнов Исфаны-Сая и Ходжа Ба-

кырган-Сая, Қалаи Боло, ранние «крепости на скалах» бассейна Исфарадарьи и некоторые другие).

Если появление первой серии городов-крепостей ахеменидской поры было вызвано военно-административной необходимостью управления и защиты земледельческого населения окраины империи и эти пункты лишь впоследствии становились торгово-ремесленными центрами и местами интенсивной социальной дифференциации населения на заре классового общества, то вторая серия населенных пунктов кушанского времени была уже следствием возрождения и дальнейшего подъема земледельческой и ремесленной традиции, а также международных связей, прерванных колоссальными разрушениями периода греко-македонских походов и последующих исторических перемен и смут последних веков до нашей эры.

3) Археологически прослеживаемое повсеместное развитие было возможно только в пределах какого-либо крупного государственного объединения, оградившего Уструшану и Западную Фергану от внешних вторжений, способствовавшего развитию экономики, возникновению и росту новых поселений и в целом историко-культурному подъему, выведшему эти области на более широкую арену в первых веках нашей эры. Заметим также, что именно в это время, по имеющимся наблюдениям, усиливается процесс оседания кочевого и полукочевого населения районов Қарамазарских и Ляйлякских гор. Таким государственным объединением могла быть только Кушанская империя, вхождение в состав которой Уструшаны и Западной Ферганы, с нашей точки зрения, было вполне реальным. Вопрос о северных границах Кушанского государства рассматривался неоднократно, в том числе Б. Я. Стависким[20], точку зрения которого мы считаем наиболее приемлемой. К перечню фактов, приведенных этим исследователем, кроме нашего общего вывода можно еще добавить находку в 1967 г. медной кушанской монеты Вимы Қадфиза в одном из курганов могильника в Аштской степи близ Тудаи Хурд и Тудаи Қалон.

---

[1] Е.Д. Салтовская, О раскопках античных поселений в районе Ашта,— «Археологические работы в Таджикистане», вып. VII (1959), Душанбе, 1961, стр. 163—166; ее же, Раскопки на Қзыл-тепе в 1960 г.,— «Археологические работы в Таджикистане», вып. VIII (1960), Душанбе, 1962, стр. 48—54; ее же, Раскопки на Тудаи Қалон в 1961 г.,— «Археологические работы в Таджикистане», вып. IX (1961), Душанбе, 1964, стр. 45—52; ее же, О некоторых археологических памятниках и находках в Аштском районе,— «Материальная культура Таджикистана», вып. I, Душанбе, 1968, стр. 142—161.

[2] Н.Н. Негматов, Предварительный отчет о работах Ходжентского отряда в 1954 г.,— «Археологические работы в Таджикистане в 1954 г.», Сталинабад, 1956, стр. 40—41, рис. 4; Е.Д. Салтовская. О некоторых археологических памятниках и находках в Аштском районе,— «Материальная культура Таджикистана», вып. I, Душанбе. 1968.

[3] Раскопки 1966 г.

[4] Е.А. Давидович, Раскопки замка Қалаи-Боло,— «Труды ТАЭ», т. III, МИА СССР, № 66, стр. 72 и сл.

[5] Е.А. Давидович и Б.А. Литвинский, Археологический очерк Исфаринского района, Сталинабад, 1955, стр. 140, 143—147, 150—151, рис. 73—75, карта на стр. 139 (№№ 3, 17, 20, 21, 44, 45).

[6] Н.Н. Негматов, Сомгор (К истории целинного сомгорского массива),— «Материальная культура Таджикистана», вып. I, Душанбе, 1968, стр. 118—143.

[7] Б.А. Латынин, Отчет Ферганской экспедиции 1934 г. Архив ИА АН СССР. ф. № 2, оп. 2, № 712, стр. 31—32.

[8] Н.Н. Ершов, Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк). Автореферат канд. дисс., Душанбе, 1957, стр. 5.

[9] С. Иванович, Легенды о Қампир-Дувале,— «Туркестанские ведомости», 1911,

№ 267; Б.А. Латынин, там же; Б.А. Литвинский, Новые материалы по археологии Таджикистана,— КСИИМК, вып. 55, М., 1954, стр. 139; А.М. Мандельштам и Н.Н. Негматов, Предварительный отчет о работах Кайрак-Кумского отряда в 1954 г.,— «Археологические работы в Таджикистане в 1954 г.», Сталинабад, 1956, стр. 47; Е.Д. Салтовская, Вал и могильник у кишлака Ниязбек,— «Изв. АН Таджикской ССР», Отд. обществ. наук, 1960, 1(22), Душанбе, стр. 92—93.

[10] Аммиан Марцеллин, История, кн. XXIII, 6, 53; В.В. Латышев, Известия древних писателей о Скифии и Кавказе,— ВДИ, 1949, 3(29), стр. 293.

[11] В. Чейлытко, Месторасположение древнего города Кирополя,— «Коммунист Таджикистана», 4.IX.1960; В.Ф. Гайдукевич, Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг.,— КСИИМК, XIV, М.— Л., 1947, стр. 98—99; О.И. Смирнова, Археологические разведки в Уструшане в 1950 г.,— «Труды ТАЭ», т. II, МИА СССР, № 37, М.— Л., 1953, стр. 225—227, рис. 42, 43. В 1970 г. на городище Ширин начаты раскопочные работы.

[12] В.Ф. Гайдукевич, Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг.,— КСИИМК, XIV, 1947, стр. 92—109; его же, Керамическая обжигательная печь Мунчак-тепе,— КСИИМК, XXVIII, 1949, стр. 77—82; его же, Могильник близ Ширин-Сая в Узбекистане,— «Советская археология», XVI, 1952, стр. 331—359.

[13] Н. Негматов, Уструшана в древности и раннем средневековье, Сталинабад, 1957, стр. 17—20.

[14] О.И. Смирнова, Археологические разведки в Уструшане в 1950 г.,— «Труды ТАЭ», т. II, МИА СССР, № 37, М.— Л., 1953, стр. 207—214; В.А. Ранов и Е.Д. Салтовская, О работах Ура-Тюбинского отряда в 1959 г.,— в кн.: «Археологические работы в Таджикистане», вып. VII (1959), Душанбе, 1961, стр. 117—129; Н. Негматов, Е.Д. Салтовская, О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1960 г.,— в кн.: «Археологические работы в Таджикистане», вып. VIII (1960), Душанбе, 1962, стр. 71-77.

[15] Н. Негматов, Е.Д. Салтовская, О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1960 г., стр. 76 и рис. 6.

[16] С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, табл. 83.

[17] В.В. Латышев, там же, стр. 293.

[18] Е.В. Зеймаль, Клад римских денариев из Таджикистана,— «Нумизматика и эпиграфика», т. III, М., 1967, стр. 141—146.

[19] В.Ф. Гайдукевич, Работы Фархадской археологической экспедиции..., стр. 94, 102; его же, Могильник близ Ширинсай..., стр. 334—335, 353—354, рис. 4; Н.Н. Негматов, Исследования в Северном Таджикистане в 1970 г.,— «Археологические работы в Таджикистане. Вып. X (1970 год)», М., 1973, стр. 95—96.

[20] Б.Я. Ставиский, О северных границах Кушанского государства,— ВДИ, 1964, № 1, стр. 108—114. Там же указание на основную литературу по этому вопросу.

Summary

1. In recent decades Soviet scholars have given much attention to the archaeological study of the monuments of ancient Ustrushana and Western Fergana, which also characterise the material culture of Kushan times. In this respect the best results were obtained in Munchak-Tepa site and the adjacent necropolis (excavated in 1943-1944), the Mugh-tepe town site — the citadel of ancient Kurukada (1950, 1959-1960), two settlements — Tudai Khurd and Tudai Kalon (1959-1967), and others.

2. Attempts were made to carry out a detailed classification of some building complexes and to trace the evolution of the basic ceramic forms. The Tudai Khurd (a castle and estate standing high on a stylobate of unbaked bricks) has gone through three basic construction stages, relating to the first centuries A.D. On Tudai Kalon (the remains of a small fortified settlement with square towers at the corners and arrow-shaped loopholes) several building complexes were likewise unearthed, the earliest of which refer approximately to the 3rd century A.D. The finds of pottery include turned thin-walled red pottery with traces of striped polish — beautiful bowls and jugs of Fergana style, and also coarse moulded round-bottomed pots and basins with traces of a cloth mould. Some vessels have stamped images of a griffin, horse and walking lions. There are interesting fragments of bone plaques with images of the goddesses of victory (Nike-Victoria), holding a wreath, which shows a strong influence of the artistic traditions of India on local art during the Kushan period. The finding in Munchak-Tepa of bronze mirrors, a pebble with a Chinese inscription and a Chinese coin shows an Eastern influence. The find of Roman denarii of the 1st-2nd centuries A.D. in Ura-Tyube District points to trade links with the ancient world. The material testifies to the development of jewellers' and metal-working art in Munchak-Tepa, of weaving and the pottery trade there. Various crops (grain, truck-garden and garden cultures) were cultivated there, and stock-breeding was developing.

3. Written sources and the archaeological finds in Ustrushana and Western Fer-

gana clearly indicate that there were two stages in the emergence and development of settlements and towns. The first stage was the Achaemenian times, when a chain of towns and fortresses appeared (Kurukada, Ghaza, Boga, four nameless towns, Kukhi Urda, possibly proto-Alexandria); the second was the Kushan period, when a large series of settlements emerged (Tudai Khurd, Tudai Kalon, the Somgor settlement, Munchak-Tepa, the settlements in the Isfana-Sai and Khodzha Bakyrgan-Sai basins, the early "fortresses on the cliffs" in the Isfara Darya basin).

4. The fortresses in Achaemenian times may have been built for military-administrative reasons connected with the need to govern and defend the agricultural population in the borderlands of the empire. Later they became industrial and commercial centres, when an intensive social stratification of the population set in. The settlements of the Kushan period, however, were the result of a revival of the traditional agriculture and the handicrafts that had been interrupted by the Graeco-Macedonian campaigns and the historical upheavals in the last centuries B.C.

5. The all-round development in the first centuries A.D., revealed by archaeological material, could have been possible only within a large polity, one that could have protected Ustrushana and Western Fergana from invasions, promoted economic and cultural development and the emergence and growth of new settlements. It is interesting to note that, according to available data, there was at this time an intensification in the process of the formation of the nomad and semi-nomad people in the districts of the Karamazar and Lyalyak Mountains. Only the Kushan Empire, which, we believe, is likely to have incorporated Ustrushana and Western Fergana, could have been such a polity. The question of the northern borders of the Kushan Empire has been repeatedly studied, most recently by B.Y. Stavisky, whose assumptions we consider highly tenable. To the materials published by him, we should add that a copper Kushan coin of Vima Kadphises was discovered in the burial site in Asht District near Tudai Khurd and Tudai Kalon in 1967.

Т. И. ЗЕЙМАЛЬ (СССР, ЛЕНИНГРАД)

ПОЗДНЕКУШАНСКИЕ СЛОИ В ЮЖНОМ ТАДЖИКИСТАНЕ

В этом сообщении я коснусь не только позднекушанских слоев Южного Таджикистана, но и вообще стратиграфии этого района в свете раскопок последних лет.

До самого недавнего времени датировочным эталоном для археологов, работающих в Северной Бактрии, служила сводная хронологическая схема, разработанная в 1953 г. М. М. Дьяконовым. В ряде случаев — наряду со стратиграфической колонкой Тали-Барзу — схема М. М. Дьяконова была использована при рассмотрении вопросов кушанской хронологии.

Схема М. М. Дьяконова была построена на материалах из раскопок 1949—1951 гг. в Кобадиане (городища Калаи-Мир и Кей-Кобад-шах) и в Гиссарской долине (могильник Туп-хона). Как отмечал в свое время сам М. М. Дьяконов, эти материалы *неравномерно* характеризуют разные этапы материальной культуры Северной Бактрии с IV в. до н. э. по IV в. н. э.

Слабым местом этой схемы, в частности, является отсутствие надежной типологической и стратиграфической связи между этапами Кобадиан I и Кобадиан II, а также отсутствие сколько-нибудь четкого стратиграфического различия между этапами Кобадиан II и Кобадиан IV. Во всяком случае, на Кей-Кобад-шах (эти этапы были выделены по раскопкам на этом городище) строительные остатки были засвидетельствованы только для слоев Кобадиан II и Кобадиан V. Дальнейшие раскопочные работы на этом памятнике лишь подтвердили необоснованность выделения этих трех этапов как самостоятельных. М. М. Дьяконов принял за самостоятельные слои пласты, образовавшиеся в результате постепенного накопления свалки во дворе. Это подтверждается резким падением уровня этих пластов по мере удаления в глубь городища, а также чрезвычайной близостью керамического материала всех трех этапов. Последнее обстоятельство отмечал и сам М. М. Дьяконов. Все это не позволяет растягивать на 500 лет время образования свалки на раскопанном участке двора.

В качестве датировочных аналогий для керамики М. М. Дьяконовым были использованы материалы из Тали-Барзу и Каунчи, датировка которых в настоящее время пересмотрена и уточнена в сторону омоложения.

Таким образом, вместо пяти этапов стратиграфической колонки Кобадианского оазиса мы вправе говорить только о трех самостоятельных слоях (и этапах периодизации): Кобадиан I, Кобадиан II и Кобадиан V.

Новые материалы из раскопок в Южном Таджикистане, накопленные за прошедшие 15 лет, позволяют внести существенные поправки в схему 1953 г. и тем самым по-новому оценить значение этой схемы для проблемы кушанской хронологии.

Первые шаги в этом направлении были сделаны А. М. Мандельштамом по результатам работ на Каменном городище; в частности, была взята под сомнение правильность датировки этапа Кобадиан II и были намечены промежуточные звенья между этапами Кобадиан I и Кобадиан II.

В 1963—1966 гг. Южно-Таджикистанским отрядом (начальник Б. А. Литвинский) были проведены раскопочные работы на городище Яван, давшие стратиграфическую колонку, оказавшуюся очень важной для проверки Кобадианской схемы. Особенно полезны данные, которые дал стратиграфический раскоп (№ 2) на городище Яван. Этот раскоп был заложен на самой высокой части городища (условно названной цитаделью), прорезал десять стратиграфических горизонтов с остатками построек и позволяет выделить шесть последовательных периодов в жизни городища (Яван I — Яван VI). Материк в этом раскопе был зафиксирован на глубине десяти метров от современной поверхности.

Наиболее поздний период — Яван I — датируется медными монетами (около 20 шт.). Самые младшие из монет этого слоя — анэпиграфные подражания чекану Васудевы и медные монеты Канишки III (с изображением на реверсе сидящей богини Ардохш). Здания верхнего слоя состояли из групп от трех до пяти помещений. Вторые этажи этих зданий не сохранились.

Наиболее многочисленный материал — керамика. Ассортимент форм слоя Яван I чрезвычайно разнообразен. Подавляющее большинство составляют сосуды для хранения зерна и воды. Особенно интересна столовая посуда. Вся она была изготовлена из глины тонкой отмучки, многие сосуды покрыты темно-красным плотным ангобом, поверх которого иногда наносилось лощение (полосчатое и сетчатое). Для украшения сосудов широко использовались штампы с изображением растительных и геометрических узоров. На диапозитиве представлены наиболее характерные формы сосудов из слоя Яван I. Относящиеся же к этому слою изделия из кости, гагата, камня и металла, а также терракотовые статуэтки представлены на выставке.

Следующие периоды в жизни городища — Яван II и Яван III — дали находки монет «Сотер Мегас», Канишки и Васудевы. Для даты этих слоев важна также находка оттиска штампа на кубке-чаше оттиска, изображающего кушано-сасанидского правителя.

Керамика слоев Яван II и Яван III типологически непосредственно предшествует керамике слоя Яван I: почти тот же набор основных ведущих форм, штампованные налепы на чашах, ряды оттиснутого штампом орнамента на открытых поверхностях мисок-ваз. Наряду с темно-красным ангобом широко использовался оранжево-красный; применялось лощение.

Для периода Яван IV датирующими находками являются медные монеты, чеканенные в подражание монетам Гелиокла. Их дата должна находиться — если учитывать время не только их выпуска, но и обращения — в пределах I в. до н. э.— I в. н. э. Ведущие формы в керамике — двуручные кувшины с прочерченным орнаментом, сосуды на трех ножках разных размеров.

Период Яван V связан с остатками постройки, рядом с которой была расчищена глубокая мусорная яма. К этому периоду относится крупный фрагмент хума с греческой надписью сохранкс. Судя по окончанию, это греческая надпись, передающая бактрийское имя. Надпись была прочерчена на хуме до обжига. В керамике ведущей формой являются так называемые миски на ножке с полусферическим туловом и отогнутым наружу краем.

И наконец, период Яван VI (вскрыт на небольшой площади 16 *кв. м*) дал небольшое количество находок. В керамике ведущей формой являются миски на ножке и близкие им по форме бокалы с колоколовидным туловом, как их называет А. М. Мандельштам.

Такова краткая характеристика последовательности слоев на Яванском городище. Сопоставление материалов по стратиграфии Яванского городища со схемой М. М. Дьяконова показывает, что периоду Яван I соответствует период Кобадиан V (по схеме 1953 г.). Периоды Яван II и Яван III синхронны периодам Кобадиан II, III, IV, нерасчленяемым стратиграфически. Естественно, что в разных долинах — в Вахшской и в долине Кобадиана, несмотря на их территориальную близость, нет полного совпадения всех форм керамики и других особенностей материальной культуры.

Более ранние материалы Яванского городища не находят себе соответствий в материалах городища Кей-Кобад-шах (и вообще в Кобадианской схеме 1953 г.).

Последовательность слоев и их датировка на материалах Яванского городища полностью подтверждаются результатами раскопок на других археологических памятниках в Южном Таджикистане. В частности, в полном соответствии с датой слоя Яван I находятся верхние слои поселения Болдай-тепе (Вахшская долина, раскопки 1962 г.). Они могут быть датированы благодаря находке в слое клада медных монет (около 130 экземпляров), состоявшего из анэпиграфных подражаний монетам Васудевы и нескольких кушано-сасанидских монет. Все это дает основание для датировки периодов Яван I и Яван II, а также синхронных им слоев на других памятниках Южного Таджикистана IV — начала V вв. Для периода Кобадиан II, III, IV (единого стратиграфически) возможна несколько более ранняя дата — III—IV вв. н. э.

Искусственно растягивая датировку периода Кобадиан II, III, IV, М. М. Дьяконов стремился избежать разрыва между периодами Кобадиан I и Кобадиан II. Однако сейчас приходится констатировать, что разрыв этот существует. Можно частично заполнить этот пробел в схеме 1953 г. материалами из новых раскопок. Нижние слои Болдай-тепе датируются IV — III вв. до н. э. и типологически непосредственно примыкают к материалам из нижнего слоя городища Калаи-Мир (Кобадиан I).

Нижние слои Яванского городища (Яван IV, V, VI) датируются I в. до н. э. — I в. н. э. В этом же хронологическом промежутке находят себе место материалы из могильника Тупхона, датированные подражаниями оболам Евкратида, а также курганные могильники в Бишкентской долине (раскопки А. М. Мандельштама).

Новые археологические материалы из Южного Таджикистана показывают, что именно на III — IV вв. н. э. приходятся наибольший расцвет оседлых поселений и материальной культуры и создание крупных ирригационных систем. Период со II в. до н. э. по I в. н. э. археологически представлен пока преимущественно кочевнической культурой. Все эти факты получают удовлетворительное общеисторическое объяснение только при позднем варианте кушанской абсолютной хронологии.

С. К. КАБАНОВ (СССР, ТАШКЕНТ)

ПОЗДНЕКУШАНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В НИЗОВЬЯХ Р. КАШКАДАРЬИ

Каршинский оазис (древний Нахшеб) площадью около 2000 *кв. км* в древности был густо заселен. Об этом свидетельствуют многочисленные искусственные бугры — городища и тепе, являющиеся своеобразным элементом ландшафта этой местности. Многие из этих поселений были оставлены в V — VI вв., в период бурных политических потрясений, но время их существования определяется предшествующим временем — III — V вв.; результатам исследований некоторых из этих памятников, относящихся к периоду распада Кушанской империи, посвящено настоящее сообщение.

В 1965—1967 гг. в окрестностях г. Карши, в 3 *км* к западу от известного археологического памятника Кала-и-Захаки-Морон, экспедиционный отряд Института истории и археологии АН УзССР вел археологическое обследование группы памятников, попавших в зону крупной новостройки. В изучаемую группу развалин сельских поселений входило 16 памятников, расположенных на площади около 150 *га*; все они орошались одним каналом (арыком), известным теперь под названием Бури-арык (см. рис.). Установлено, что поселения здесь возникли не ранее III в. н. э., а наиболее поздние из них оставлены, видимо, на рубеже VII — VIII вв. Таким образом, устанавливается факт проведения нового арыка и основания на орошенных им землях целого ряда поселений уже в период упадка империи Великих Кушан.

Западнее Бури-арыка обнаружены памятники трех типов, различающиеся по своим размерам и топографическим признакам. Крупнейшим памятником этой группы был Пирмат-баба-тепе — бугор высотой в 9 *м*, диаметром 70—75 *м*, почти круглый у основания и расплывшийся. Это были развалины здания III — V вв.; в нем установлено три строительных периода. В нижнем горизонте выявлены важные архитектурные элементы древнего здания — башня и часть обходного коридора. Башня, полукруглая в плане, сохранилась в высоту до 6 *м*; стены ее глинобитные, из крупных блоков пахсы. Сохранились всего две бойницы, снаружи они были расположены в два яруса — для ближнего и дальнего боя. Башня расположена в середине западной стороны здания; видимо, она защищала вход.

Организация внутреннего пространства капитальных зданий путем устройства обходного коридора — уже известный прием в истории архитектуры Согда; назовем лишь один памятник — Аул-тепе, развалины довольно крупного здания, в котором этот прием применен в наиболее развернутом виде [1]. Здание, скрытое в Пирмат-баба-тепе, было еще крупнее; возможно, в его середине был дворик. Планировку памятника не удалось полностью выявить раскопками, но вскрытые архитектурные элементы дают возможность установить, что это было капитальное здание типа замка.

К юго-западу от Пирмат-баба-тепе расположены рядом, с интервалом в 140—160 *м*, три бугра, прямоугольных в плане; они так и назывались — Уч-тепе (три тепе). Наиболее крупный из этих бугров — западный, размер его верхней площадки 44×36 *м*, высота 5 *м*. Раскоп-

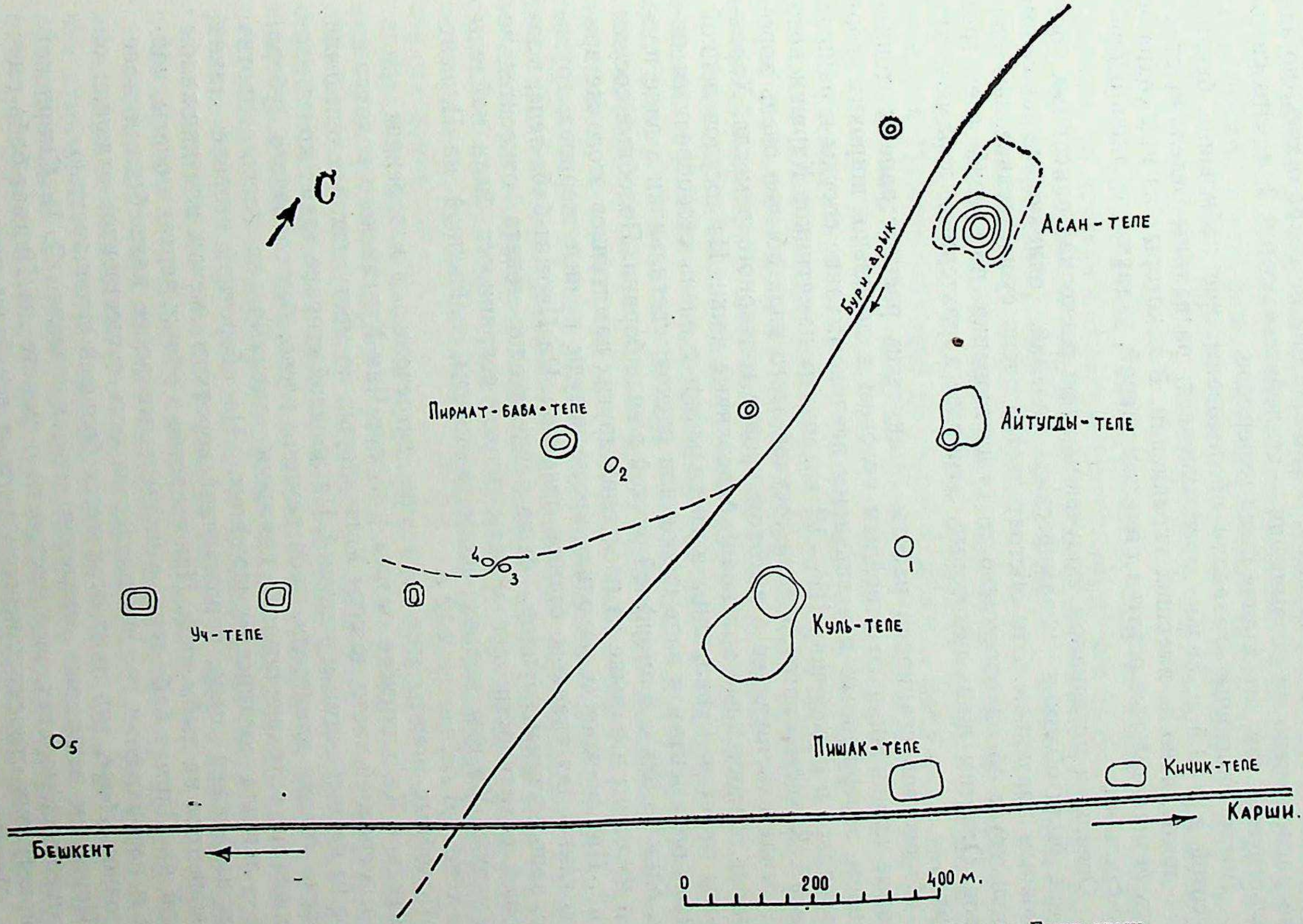

С
Асан-тепе
Бури-арык
Айтугды-тепе
Пирмат-баба-тепе
2
4
3
1
Куль-тепе
Уч-тепе
5
Пишак-тепе
Кичик-тепе
Карши.
Бешкент
0
200
400 м.

Схема расположения археологических памятников в зоне орошения канала Бури-арык ками выяснено [2], что бугор представлял собой развалины многокомнатного здания с общей для всех обитателей кладовой, в которой было расчищено десять хумов (корчаг) для хранения продуктов; общей была также и кухня, расположенная в северной части здания. Наружных крепостных стен не обнаружено; возможно, они не сохранились, но здание расположено на возвышении — стилобате высотой 2 *м*. Это свидетельствует о том, что здание было укреплено.

Возле описанных развалин обследованы еще небольшие бугорки высотой в 1—1,5 *м*, сильно расплывшиеся: развалины отдельно стоявших домов, явно не имевших укреплений. В некоторых из них сохранились незначительные остатки стен помещений, у других — лишь основание-стилобат.

Основным материалом, полученным при раскопках описанных поселений, были обломки керамических изделий, одинаковые по своим основным признакам. Это обстоятельство очень существенное, оно свидетельствует об одновременности существования поселений всех трех типов. Отметим лишь некоторые, наиболее характерные керамические формы.

Из сосудов станковой работы были очень распространены тонкостенные кувшинчики со стройным туловом и довольно широким горлышком, завершенным пластинчатым венчиком; такие сосуды и раньше встречались в наслоениях III — VI вв. многих памятников Каршинского оазиса [3]. Качество изготовления сосудов этого вида обычно очень хорошее, свидетельствующее о высоком уровне гончарного ремесла. Характерны и тонкостенные красноангобированные чаши. Из сосудов лепной работы отметим курильницы и светильники с очень своеобразным налепным орнаментом в виде шипов или дисков; светильники в виде плошек, один из них с зооморфной ручкой в виде барана. Подобные сосуды были известны и раньше из наслоений других памятников этого же времени [4]. При раскопках находили кроме посуды ручные жернова, грузики из глины для ткацкого станка, пряслица. На Пирмат-баба-тепе, в завале, заполнявшем коридор, была найдена одна монета относительно хорошей сохранности; две монеты плохой сохранности были найдены на Уч-тепе. Монеты медные; диаметр монеты, найденной на Пирмат-баба-тепе, 1,6 *см*, вес ее 2,42 *г*.

Подобные монеты уже и раньше встречались в наслоениях ряда памятников Каршинского оазиса и в зоне Чим-Курганского водохранилища, в средней части долины Кашкадарьи; по месту находок они были названы нахшебскими монетами [5]. На лицевой стороне таких монет изображена голова владетеля, повернутая влево, без головного убора, с волосами, опускающимися прямыми линиями на плечи; против лица — легенда согдийским шрифтом. На оборотной стороне таких монет изображен царь, поражающий коротким мечом или кинжалом поднявшегося на дыбы льва. При сходстве в общих чертах монеты, найденной на Пирмат-баба-тепе, с найденными ранее нахшебскими монетами в изображении головы владетеля есть существенное отличие: он в головном уборе, тип лица отличается большей сухощавостью.

Приведем некоторые сведения из заключения О. И. Смирновой о нахшебских монетах, и в частности о монете из Пирмат-баба-тепе; эту монету она относит к первому типу, а все более поздние — ко второму. Монеты литые, не чеканенные. Тип лица на монете из Пирмат-баба-тепе приближается к парфянскому профильному изображению головы царя влево. «Судя по головному убору — охваченному диадемой шлему с наушниками типа встречающегося на монетах Великих Кушан... из-под которого спускаются до плеч пряди длинных прямых волос, и по отсутствию нимба вокруг головы царя, нахшебская монета должна быть выпущена местным династом, зависимым (?) от кушан. Перед лицом царя надпись из восьми букв, которая равно помещается и на монетах второго типа.

Частичное совпадение надписи на нахшебских монетах с надписью на варварских подражаниях кушанским монетам (Васудевы) позволяет предположить, что на наших монетах упущена (за недостатком места?) средняя ее часть. Первые четыре знака допустимо читать как *kwš('n)R — „кушанский", „относящийся к кушанам", с пропуском слога ān('n)...

Если письмо надписей, как я полагаю, один из вариантов письма Согдианы, то последнее слово можно прочесть как „вараз" — титул...»

О. И. Смирнова не исключает и другой вариант чтения — kyškw k'w — «царь Кешский», предложенный раньше[6], хотя и считает его менее вероятным[7].

Надо отметить, что в самом Кеше пока не найдено ни одной монеты описываемого типа. В. А. Лившиц при ознакомлении с монетой из наслоений Пирмат-баба-тепе по шрифту легенды датировал ее IV в. Это определение подтвердило датировку описанной выше группы поселений III — IV вв.: ведь если монеты более поздние (второго типа) можно датировать V — VI вв., то прототип их, разумеется, датируется несколько более ранним временем — III—IV вв. Заметим, что существенное различие в монетах первого и второго типа предполагает определенный и довольно длительный перерыв в их выпуске.

Итак, нами обследована группа сельских поселений III — IV вв., имеющих различные топографические признаки и размеры, что позволяет сделать некоторые выводы о социальной структуре общества, оставившего эти памятники. Западнее Бури-арыка выявлены три типа памятников, к первому из них относится только один — Пирмат-баба-тепе, развалины хорошо укрепленного здания типа замка. Ко второму типу принадлежат три памятника, известные под названием Уч-тепе: это были многокомнатные здания, видимо также укрепленные, судя по относительно высокому стилобату. Наконец, к третьему типу относятся небольшие бугры, являвшиеся развалинами отдельно стоявших неукрепленных домов.

Вряд ли может вызвать возражение определение Пирмат-баба-тепе как развалин замка дехкана раннесредневековых письменных источников. Это было капитальное здание, воздвигнутое на трехметровом стилобате, со входом, укрепленным, как можно полагать, двумя башнями. Несомненно, от владетеля этого замка зависели обитатели всех отмеченных выше поселений, причем эта зависимость могла быть уже феодальной, поскольку, как видно из расположения поселений, их обитатели могли вести свое хозяйство в какой-то мере самостоятельно, используя, однако, общую ирригационную сеть.

Поселения, развалинами которых являлись бугры Уч-тепе, были жилищами земледельцев с общей кладовой и кухней; это дает основание думать, что и хозяйство было общим. Выявление этих черт производства и быта позволяет отнести исследуемые поселения к известному в истории Средней Азии их типу под названием «кед», социальная организация которого характеризуется как большесемейная община[8].

Признаком разложения общины можно считать существование рядом отдельно стоящих неукрепленных домов, которые, быть может, были заселены выделившимися из состава кеда малыми семьями. В письменных источниках известен термин «кадивар», применявшийся для обозначения зависимого землевладельца, ведшего, однако, свое хозяйство [9]. Видимо, к этой категории земледельцев относятся и обитатели неукрепленных домов. В. В. Бартольд считал, что кадивары «были членами и обитателями кеда» [10], однако во главе кеда стоял кедхуда, который непосредственно представлял свой кед перед дехканом, тогда как источники говорят о кадиваре как об относительно самостоятельном земледельце.

Нами рассмотрены памятники, расположенные только по западную сторону Бури-арыка; все эти поселения существовали в III — V вв., не позже. Памятники, расположенные восточнее этого арыка, почти все крупнее, и хронологический диапазон их существования более продолжителен — до VII — VIII вв. Ограничимся только краткой справкой о них. Наиболее крупный, Куль-тепе, является развалинами замка времени тюркского каганата (VI — VII вв.) с прилегавшим к нему поселением. К северо-востоку от него расположен Айтугды-тепе — памятник двухслойный. Нижний слой — позднекушанское здание, послужившее стилобатом для здания V — VII вв. с обходным коридором. Асан-тепе, видимо, является развалинами позднекушанского замка, как и Пирмат-баба-тепе. Из остальных трех памятников один является развалинами поселения с замком (Пишак-тепе), а два — развалинами отдельно построенных домов позднекушанского или эфталитского времени.

Исследование группы памятников, расположенных по западную сторону Бури-арыка, позволило восстановить некоторые особенности структуры общества позднекушанского времени; выяснилось, что его можно определить как раннесредневековое общество с различимыми элементами феодализма. Несомненно, было и рабовладение, о чем свидетельствуют более поздние согдийские письменные источники, но оно существовало в недрах хозяйств феодала и большой семейной общины [11].

Археологические исследования в зоне орошения канала Бури-арык, по-видимому, позволили выявить основные черты социальной структуры сельской округи III — IV вв. в Нахшебе — на окраине распадавшейся Кушанской империи. Необходимо, однако, затронуть другие стороны истории края, рассмотрев кратко в свете новых исследований еще два памятника позднекушанской поры древнего Нахшеба: городища Ер-курган и Шор-тепе, уже известные в научной литературе.

Городище Ер-курган, расположенное в центральной, наиболее населенной в древности части оазиса,— очень значительный памятник: общая площадь городища около 150 *га*. Центральная часть развалин древнего города, площадью 40 *га*, обнесена особой стеной; в верхнем слое она относится к интересующему нас сейчас позднекушанскому времени, к III — V вв. Особое значение имеет тот факт, что керамика верхнего слоя Ер-кургана нашла свои аналогии не в Согде, а в Тохаристане — в Термезе [12]; этот факт показывает, что город тяготел к одному из торгово-ремесленных центров северной части Кушанского государства.

Единственное прямое сообщение письменных источников о политической истории края в III — IV вв.— сообщение китайской хроники «Бейши» о том, что в Ношеболо (Нахшебе) главным городом является Боло; в этом городе поселился владетель Больших юечжей Цидоло (Ки-то-ло — Кидар), вынужденный под давлением жужаней оставить свои прежние земли в Восточном Туркестане; отсюда же он совершил поход в Индию, где покорил пять государств [13].

Сопоставив результаты разведочных раскопок на Ер-кургане с данными письменных источников, автор настоящего сообщения пришел к выводу, что это городище и есть развалины древнего города Боло, а следовательно, и столица кидаритов [14].

Однако вывод о локализации города Боло в Нахшебе не совпадал с данными нумизматики, памятники которой, обнаруженные в Индии и Кабуле, интерпретировались как принадлежавшие к чекану самого Кидара. Большинство исследователей считало столицей кидаритов Балх. Время существования государства кидаритов, по тем же нумизматическим данным, определялось второй половиной IV в. [15].

Недавно появились две работы, касающиеся вопроса о кидаритских монетах, позволившие внести существенные коррективы в понимание нумизматических источников. Выяснилось, что монеты из Тепе Маранджан близ Кабула — те из них, которые определялись как кидаритские,— в действительности выпускались сасанидским наместником, будущим шаханшахом Ирана Варахраном IV [16]. Выяснилось также, что в Индии монеты с именем Кидара выпускались не самим этим владетелем, а эпигонами Великих Кушан — мелкими владетелями, подпавшими под власть Кидара [17], видимо именно теми, которых подчинил себе Кидар во время похода в Индию, о чем сообщает «Бейши». Что же касается вопроса о времени кидаритских монет, то начало их выпуска, по нумизматическим данным, определяется теперь в хронологических пределах с 390 по 430 г. [18].

Приведенные данные, касающиеся нумизматических памятников, показывают, что они не дают оснований опровергнуть показание «Бейши» о том, что город Боло находился в Ношеболо (Нахшебе). Напомним, что на основе сопоставления исторических данных время существования государства кидаритов определялось приблизительно в пределах с 420 по 468 г. [19]; эта датировка теперь также не противоречит нумизматическим данным.

Наш краткий экскурс в область нумизматики необходимо продолжить. Перед нами новый факт — находка нахшебской монеты IV в., служившей прототипом для монет, имевших хождение в V — VI вв. Кто мог выпускать эту монету? Несомненно, династия сильных владетелей — возможно, из дома кушан, но, быть может, и связанных с парфянами, о чем говорят иконографические особенности монеты.

Выше уже указано, что есть существенное отличие в изображениях владетеля на монетах первого и второго типа. Здесь необходимо добавить, что на многих монетах позднейшего типа в изображении владетелей видны явные признаки искусственной деформации черепа. Эти различия дают основание прийти к выводу, к которому приходит и О. И. Смирнова: между выпусками монет первого и второго типа был довольно длительный перерыв. Приведенное выше указание «Бейши» о поселении Кидара в Нахшебе позволяет заключить, что перерыв был вызван именно его появлением. Кидар мог и не выпускать эти монеты, но должен был примириться с их обращением; это видно из того обстоятельства, что полувекового господства кидаритов было недостаточно для того, чтобы заставить местное население забыть старый образец монеты.

Нужно обратить внимание и на изображение на реверсе царя, поражающего мечом льва, вместо обычного для этого времени изображения зороастрийского жертвенника с предстоящими персонажами. Вероятно, в этом образе был политический смысл, в нем символически запечатлен мотив борьбы кушан с Сасанидами, а если это предположение верно, то сюжет изображения на монете как нельзя больше подходил Кидару.

Большие юечжи — это кочевники, пришедшие на древние культурные земли и, как обычно бывает в таких случаях, воспринявшие культуру земледельческих народов. Однако нет ли каких-либо реликтов их собственной исконной культуры, оставшихся после столетий обитания в другой культурной среде?

Еще в первые годы разведочных работ в Каршинском оазисе (1946—1948) на ряде памятников в наслоениях III — V вв. были выявлены фрагменты светильников и курильниц, украшенных очень своеобразным орнаментом в виде налепных шиповидных выступов или уплощенных дисков[20]; такого вида украшения сосудов нигде раньше не встречалось. В дальнейшем, при раскопках на Шор-тепе (1952—1953), была получена целая серия светильников с зооморфными изображениями, украшенных таким же способом[21], а также курильницы более примитивного вида[22]. Некоторые особенности планировки и стратиграфии Шор-тепе давали основание предполагать, что это поселение является в своем верхнем слое развалинами поселения скотоводов-кочевников, лишь недавно перешедших к оседлости. Нахшебские монеты датировали верхние наслоения Шор-тепе V —VI вв., что позволило определить обитателей этого поселения как Больших юечжей последнего этапа их переселений — кидаритов[23]. На Шор-тепе, таким образом, был получен материал, который позволил выделить определенный элемент культуры более древних поселений и определить, хотя бы в порядке выдвижения рабочей гипотезы, этот элемент как относящийся к Большим юечжам более ранних этапов их перехода к оседлости.

Раскопки группы памятников возле канала Бури-арык дали некоторые подтверждения этой гипотезы: здесь в развалинах земледельческих поселений обнаружены керамические материалы (светильник с зооморфным изображением, шиповидный орнамент на курильницах), свидетельствующие о древней культуре, отличающейся своими специфическими особенностями, связывающими ее с культурой кочевников-скотоводов, в более позднем варианте выявленной на Шор-тепе. Кроме того, найдена монета (нахшебская монета первого типа), легенда которой связывает исследованные памятники III — IV вв. с Кушанским государством, т. е. с государством, основанным кочевниками.

---

[1] С. К. Кабанов. Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашка-Дарьи (Узбекистан),— СА, 1958, № 3, стр. 144—151.

[2] Раскопки вели Л. Л. Ртвеладзе (Букинич) и Н. А. Суздальцева.

[3] С. К. Кабанов, Археологические данные по истории Нахшеба в III—V вв.,— ВДИ, 1956, № 2, стр. 165.

[4] Там же, стр. 168-169.

[5] С. К. Кабанов, Нахшебские монеты V—VI вв.,— ВДИ, 1961, № 1, стр. 137—144.

[6] В. А. Лившиц, В. Г. Луконин, Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах,— ВДИ, 1964, № 3, стр. 170, прим. 110.

[7] Автор пользуется возможностью принести О. И. Смирновой искреннюю благодарность за консультации и указания при изучении монет.

[8] Е.Е. Неразик, Сельские поселения афригидского Хорезма, М., 1966, стр. 112—120; С. К. Кабанов, К изучению аграрного строя Согда в V—VI вв.,— СА, 1966, № 3, стр. 59—62.

[9] О.Д. Чехович, Бухарские документы XIV века, Ташкент, 1965, стр. 17—18.

[10] В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана,— «Сочинения», т. II, ч. 1, М., 1963, стр. 209.

[11] «История таджикского народа», т. 1, М., 1963, стр. 471—477.

[12] С. К. Кабанов, Археологические работы 1948 года в Каршинском оазисе,— ТИИА, т. II, Ташкент, 1950, стр. 117—119, 129.

[13] Н.Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.— Л., 1950, стр. 264.

[14] С. К. Кабанов, К вопросу о столице кидаритов,— ВДИ, 1953, № 2, стр. 201—207.

[15] Литературу вопроса см. в кн.: «История таджикского народа», стр. 405, 550.

[16] В.Г. Луконин, Кушано-сасанидские монеты,— ЭВ, XVIII, Л., 1967, стр. 25.

[17] R. Göbl, Dokumente zur geschichte der Iranischen Hunnen in Baktrien und Indien, Bd II, Wiesbaden, 1967, стр. 53—54.

[18] В. Г. Луконин, ук. соч., стр. 33.

[19] С. К. Кабанов, Археологические данные по истории Нахшеба в III—V веках, стр. 172.

[20] С. К. Кабанов, Археологические работы 1948 года в Каршинском оазисе, стр. 89, рис. 2 и стр. 111, рис. 13.

[21] С. К. Кабанов, Археологические раскопки на Шор-тепе близ Карши,— «Известия АН УзССР», 1954, № 1, стр. 88.

[22] С. К. Кабанов, Раскопки на Шор-тепе близ Карши в 1952—1953 гг.,— ИМКУ, вып. 5, Ташкент, 1964, стр. 84.

[23] С. К. Кабанов, Археологические данные к этнической истории Южного Согда,— СА, 1963, № 1, стр. 229.

Summary

1. Ancient Nakhsheb (now Karshi Oasis) was situated at the junction of two historical-cultural regions — Sogd and Tukharistan. Nomadic tribes settled to a sedentary life in this oasis in the midst of a veritable ocean of steppes, and later this was to have a telling effect on the material culture and its syncretism.

2. Archaeological materials show that the 3rd-4th centuries were marked by serious changes in the socio-economic structure of Nakhsheb. In addition to large settlements of the Kalai-Zakhaki-Moron type (with a castle in the centre) and of the Mudin-Tepe type (with a castle in one of the corners), which existed there as early as the first centuries AD., the nobility built many-roomed castles with a system of processional corridors and fortified entrance towers (Pirmat-Tepe). Unfortified buildings on stylobates and small houses practically without stylobates were built in the vicinity of the castles.

3. The lands of the group of these newly-built settlements were irrigated by individual *aryk* irrigation ditches (for example, Pirmat-Tepe with a group of settlements on the Buri-aryk). This type of settlement of the farmers shows that there were independent producers who ran their farms individually, but were dependent on the ruler of the neighbouring castle. Thus, archaeological material shows that in the 3rd-4th centuries feudal society was in the making in Nakhsheb.

4. Nakhsheb's material culture of the 3rd-4th centuries, represented in the main by various pottery, differs from the material culture of Sogd. The wheel-turned pottery of the 4th-5th centuries (Er-Kurgan) has certain features linking it with the pottery of Tukharistan (Termez, Airtam). The pottery made by moulding has certain specific features (thorn-shaped moulded ornaments, zoomorphic images) which speak of traditions linked with the culture of the nomad cattle-breeders who mixed with the agrarian population of Sogd and were in the course of centuries assimilated by them.

5. Historical sources enable us to establish the ethnic origin of the bearers of these traditions. In the second half of the 2nd century B.C. the Great Yüeh-chih tribes settled in the oases near the northern banks of the Amu Darya, north of Ta-hsia (Bactria-Tukharistan). The aristocracy of these tribes, who were formerly nomads, later founded the Kushan Empire with the capital first at some place to the north of the Amu Darya, and later in India. Ancient Nakhsheb is one of the zones where the Great Yüeh-chih first settled. The influence of the nomad culture of the Great Yüeh-chih on the culture of the Sogd farming population determined the syncreticism of the latter, which can be seen from the moulded pottery of the 3rd-4th centuries A.D.

6. The stability of the traditions of the ancient Yüeh-chih in Nakhsheb is explained by the relative weakness of the exchange relations in this borderland of the Kushan Empire as compared with its southern provinces. Besides, the natural conditions in the steppes favoured the continuation of stock-breeding by the newly settled Yüeh-chih, which helped them preserve their habitual way of life and the implements connected with it.

7. According to the Chinese chronicle *Pei-shih*, members of the Great Yüeh-chih tribe, known as Kidarites, from the name of their ruler Kidara, settled in Nakhsheb later, in the 5th century. Comparing historical and archaeological material we are able to establish that the capital of the Kidarites was a town the ruins of which are the town-site of Er-Kurgan. The settling of the Great Yüeh-chih in areas inhabited by the agricultural population continued also in the 5th century, which can be seen from the moulded pottery, distinguished by a profusion of zoomorphic images, found in the upper layers of the Shor-Tepe town-site.

8. In the last third of the 5th century the power in Nakhsheb passed on to the Ephthalites. In the ruins of a building of the 3rd-4th centuries, Ephthalite group burials were unearthed.

А. МУХАМЕДЖАНОВ (СССР, ТАШКЕНТ)

К ИСТОРИИ ИРРИГАЦИИ В КУШАНСКУЮ ЭПОХУ

В истории орошения Средней Азии кушанская эпоха была периодом расцвета античной ирригации. Хотя мы не располагаем данными письменных источников об ирригационном освоении Средней Азии в эпоху кушан, следует отметить, что результаты археологических исследований, развернувшихся в последние годы на территории среднеазиатских республик, во многих отношениях дополняют этот пробел.

Остатки многочисленных ирригационных сооружений, как, например, сухие русла античных каналов, остатки подземных водопроводных тоннелей, водохранилищ и др., обнаруженные в районах древнего орошения Бухары, Самарканда, Хорезма, Ташкента, в долинах Кашкадарьи и Сурхандарьи, свидетельствуют о высоком уровне ирригации в кушанский период и о том, что многие ныне пустынные земли этих районов были тогда цветущими оазисами. Особенно яркую картину динамики ирригационного освоения низовьев Амударьи дали исследования в Хорезме, где часть земель древнего орошения была затем надолго, вплоть до наших дней, заброшена и превратилась в своеобразный археологический заповедник.

Археологические исследования показывают, что именно в кушанский период на территории современного Узбекистана сооружались крупные магистральные каналы, протянувшиеся на десятки и даже сотни километров. Многие ныне действующие каналы Узбекистана, например Бозсув и Загарик, орошающие Ташкентский оазис; Раметанруд, Шахруд и Калканруд — каналы Бухарского оазиса и многие другие были прорыты еще в первых веках нашей эры.

Одно из крупных ирригационных сооружений кушанской эпохи — канал Даргом, орошающий левобережную часть Самаркандского оазиса. Длина Даргома около 100 *км*, его голова находится в местности Раватходжа, расположенной в 42 *км* к юго-востоку от Самарканда. По археологическим данным полевых исследований 1967 г., проводившихся в верхней части Даргомской ирригационной системы, канал Даргом был прорыт на рубеже нашей эры. Безусловно, ирригационная система Даргома на протяжении своего существования неоднократно подвергалась переустройству, и оросительная сеть последующих периодов почти полностью стерла следы античной ирригации Даргома; поэтому очень трудно проследить общую конфигурацию ее с культурным ландшафтом в эпоху кушан. Однако отдельные ее детали, сохранившиеся в некоторых участках, в какой-то мере дают нам возможность установить общий характер этого крупного ирригационного сооружения кушанского периода. В 1967 г. в местности Раватходжа, на левом берегу р. Зеравшан, немного выше нынешнего Первомайского гидроузла, нами были обнаружены остатки древней головной части Даргома, состоящей из тоннельного водозабора. Тоннельная часть состояла из нескольких водозаборных отверстий диаметром до 1,5 *м*, рассчитанных на различный уровень воды в Зеравшане.

Следует отметить, что местность Раватходжа не случайно была выбрана древними ирригаторами Согда для устройства головной части канала Даргом. Во-первых, Зеравшан в этом участке сужен и имеет не более 200 *м* ширины, в то время как выше и ниже пойма реки расширяется, достигая местами 2 *км* ширины. Поэтому в этом месте течение Зеравшана постоянное. Во-вторых, река здесь имеет очень устойчивые берега; левый берег представляет собой высокий конгломератный массив более 15 *м* высотой. Через высокий и твердый берег Зеравшана, состоящий из конгломератного массива, провести головную часть Даргома было невозможно, так как для захвата воды из реки необходимо было бы прорезать пятнадцатиметровый конгломерат. Поэтому ирригаторы кушанского периода, трассировавшие магистральный канал Даргом, провели головную часть его по тоннелю, снабженному водозаборными отверстиями и очистительными колодцами. Древняя тоннельная часть Даргома, вероятно, проходила почти параллельно берегу. Впоследствии постоянный водоток размыл ее, и головная часть Даргома соединилась с поймой реки Зеравшан. Тоннельное устройство широко применялось в ирригационной технике Средней Азии в эпоху кушан. Таким устройством, например, был соединен канал Даргом с двухсоткилометровым каналом Эски-Ангор, подававшим воду Зеравшана в маловодный Каршинский оазис. Местность, где было расположено тоннельное устройство, соединявшее Даргом с Эски-Ангором, называется Кафир Мури, т. е. «отверстие (вернее, дымоход) неверного». Результаты археологических исследований, проведенных по древней трассе канала Эски-Ангор Амударьинской комплексной экспедицией Министерства водного хозяйства Узбекской ССР и Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР, показали, что канал Эски-Ангор был сооружен в I в. н. э. Таким образом, еще в кушанский период вода р. Зеравшан через каналы Даргом и Эски-Ангор общей протяженностью около 300 *км* была пущена в Каршинский оазис.

В изучении ирригационной системы Даргома очень ценный материал дали археологические раскопки на городище Афрасиаб. Здесь были прослежены следы городской системы водоснабжения Самарканда в эпоху кушан. Вода на Афрасиаб была проведена с южной стороны и разветвлялась в основном на три магистральных русла: центральное, западное и восточное. Центральное сначала направлялось на северо-восток, затем возле мазара Шейха Басира поворачивало на северо-восток и далее шло по направлению к цитадели. Его остатки почти полностью сохранились до наших дней. На территории Афрасиаба на расстоянии около 1,5 *км* его следы хорошо прослеживаются от начала до конца. От центрального канала отделялся левый — западный отвод, который от мечети Хазрати Хызра направлялся прямо на север к Бухарским воротам древнего города. У мазара Шейха Басира с правой стороны центрального русла отходил восточный канал в направлении восток-северо-восток. У мечети Хазрати Хырза от центрального русла отделялся один из боковых отводов, который направлялся на восток и орошал южную часть городища Афрасиаб. Ложе этого бокового русла хорошо сохранилось в западной стороне ансамбля Шахизинда.

В результате археологических раскопок, проводившихся в 1959—1968 гг. в двух пунктах по центральному и в трех пунктах по южному боковому руслу, было установлено, что под сухим ложем ирригационной системы Афрасиаба находились остатки двух каналов: античного и раннесредневекового.

Русло античного канала было вырыто прямо в материке. Оно было широким и мелким. Ширина его была свыше 6 *м*, а глубина не более 1 *м*. Таким образом, поперечное сечение русла древнегородского канала Афрасиаба было характерно для античных паводковых каналов, особенно хорошо изученных в древнеземледельческих районах Хорезма. Судя по ирригационным наслоениям, античный канал Афрасиаба имел несколько периодов существования; во всех периодах от каждого из трех выше отмеченных основных русел канала на территории городища отходило несколько более мелких оросителей, по которым вода поступала в небольшие водоемы; остатки последних обнаружены в северо-западной и южной частях Афрасиаба.

Следует также отметить, что древние ирригаторы Самарканда хорошо знали и учитывали естественную особенность местности. Очень удачно была проведена трассировка канала в условиях сложнейшего рельефа территории Афрасиаба. Это подтверждается тем, что на протяжении всей истории древнего города, т. е. до разрушения его Чингисханом, направление главных водных артерий Афрасиаба нисколько не изменилось. С течением времени заброшенное русло восстанавливалось или вновь строившийся канал проходил, как показали археологические раскопки, по ложам античного канала Афрасиаба.

Самый ранний керамический материал, извлеченный из нижних слоев русла античного канала, относится к I в. до н. э. и I в. н. э. По археологическим данным, к концу IV в. н. э. городской канал был заброшен.

Таким образом, благодаря строительству канала Даргом, отведенного от р. Зеравшан, на рубеже нашей эры была орошена и возделана часть левобережья Самаркандского оазиса; система водоснабжения древнего Самарканда была переключена в Даргом; вместе с этим через канал Эски-Ангор вода Зеравшана была переброшена в маловодный Каршинский оазис.

В кушанское время широкие ирригационные работы проводились не только в долинах больших и малых рек, но и в предгорьях и горных долинах Средней Азии. Для орошения и освоения предгорных местностей были использованы воды небольших родниковых ручьев путем отвода их далеко к каскаду на богарные земли; в целях утилизации скудных вод родников в орошаемом земледелии сооружались небольшие водохранилища. В горных долинах, где не было наземных водных источников, широко использовались подземные воды путем устройства подземных водных сооружений. К этому же периоду относится широкое распространение орошаемого земледелия на высоких предгорных бугристых полосах долин Зеравшана, Санзара и по Нуратинскому хребту.

Северные склоны Нуратинского хребта изобилуют большими и малыми горными ручьями родникового происхождения, образующимися внутри горных ущелий, например Нураксай, Османсай, Кульбасай, Учмасай, Фаришсай, Маджрумсай, Ухумсай, Сафсай, Катта Хиджсай, Тепиркабуксай и ряд других более мелких саев. Весной в период весенних дождей и таяния снега эти сайные речки превращаются в буйные реки. Однако летом вода в них обычно едва достигает подножия хребта. Поэтому для использования вод этих скудных саев древние ирригаторы строили небольшие водохранилища внутри ущелья. По археологическим данным, появление местных водохранилищ относится к первым векам нашей эры. Техника устройства этих сооружений была очень проста. Остатки древних водохранилищ обычно находятся в пологом месте надпойменной террасы. Размеры сооружений не превышали 50 × 40 *м*; стены высотой до 2 *м* выложены из каменных глыб с прокладкой дерна. Обычно водохранилище имело два небольших отверстия, расположенных наискось в противоположных стенах водоема. Верхнее отверстие служило водозабором, а нижнее — затвором для спуска воды из водохранилища. По северному склону Нуратинского хребта остатки таких мелких водохранилищ, вокруг которых простирались поля террасного земледелия, были зафиксированы в более, чем 20 местах. Таким образом, широкое ирригационное освоение в кушанский период наблюдается не только в долинах больших и малых рек, но и в предгорных районах Узбекистана.

В заключение следует отметить, что история орошения Средней Азии в кушанский период вообще не изучена. Этот вопрос должен занять одно из главных мест в исследовании кушанской проблемы, так как развитие земледельческой культуры на Востоке было связано с развитием ирригации и ирригационной техники.

С. С. ЧЕРНИКОВ (СССР, ЛЕНИНГРАД)

НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ

(по археологическим материалам Западного Алтая)

Постоянное соседство кочевников и земледельцев, их тесные долговременные связи являются характернейшей особенностью исторического развития народов Средней Азии. Как только сложилось кочевое скотоводство, начиная с VIII—VII вв. до н. э., кочевники, в силу специфики своего хозяйства, устанавливали военные и мирные контакты с земледельческим населением плодородных оазисов, располагая свои кочевья на прекрасных пастбищах у подножия среднеазиатских горных хребтов.

Их военная сила, опиравшаяся на мощный кочевой тыл в казахских степях, была велика и часто играла решающую роль в исторических событиях Западной Азии (падение Ассирии, борьба с Ахеменидской державой, а затем с Александром Македонским, образование Кушанского и Парфянского царств и т. п.).

Археологические исследования последних лет все с большей ясностью показывают, что в III в. до н. э. в среде кочевников степного пояса Евразии происходят крупные социально-экономические изменения. Возникают первые примитивные государственные образования, изменяется вооружение, изживает себя и деградирует «скифское искусство», исчезают богатейшие курганы кочевой знати. Наступает время некоторой относительной стабилизации кочевого мира. Можно думать, что эти изменения в своей основе связаны с появлением первых, уже вполне определившихся классовых отношений у кочевников.

Археологические памятники Западного Алтая, раскопанные за последние годы, дают яркую и убедительную картину этих изменений.

Для племен верховий Иртыша в I тысячелетии до н. э. общим, наиболее характерным признаком является кочевое скотоводство как господствующая, хотя и не единственная система хозяйства. Об этом свидетельствуют большие курганы, погребения с конем, скифо-сибирский «звериный стиль» в искусстве, типичные для ранних кочевников формы оружия и конской упряжи. В эту эпоху прекращают свое существование оседлые поселения поздней андроновской культуры и угасает древний металлургический центр по производству бронзы в Калбинских и Нарымских горах.

На нашем материале отчетливо различаются два больших хронологических этапа. Это VII—III вв. до н. э. и III в. до н. э. — первые века нашей эры.

На первом этапе в верховьях Иртыша обитали две группы племен, имеющие общие элементы сложившейся степной культуры, но несхожие между собой по некоторым существенным этнографическим признакам.

Северная группа. Для нее характерны курганы с насыпью из земли с камнем, деревянными срубами и захоронениями заседланных лошадей между срубом и стенкой могильной ямы. Это курганы пазырыкского типа, детально изученные и опубликованные в ряде широкоизвестных работ С. И. Руденко, М. П. Грязновым, С. В. Киселевым.

В Восточном Казахстане, как и на Алтае, внутри этой группы намечаются разные хронологические комплексы (VII—V вв. до н. э.). Эти памятники, несомненно, оставлены крупным племенным объединением, которое занимало северную часть территории Восточного Казахстана, Горный Алтай и прилегающие к ним степи. Есть все основания связывать его с аримаспами Геродота.

Южная группа характеризуется земляными курганами с деревянными перекрытиями могильной ямы или клеткой из бревен и дромосом с восточной стороны ямы. Устройство насыпи богатых курганов более сложное. Применялась и битая глина, и дерн, а у основания кургана выкладывалось кольцо из камней. Отсутствуют керамика и погребение лошадей. Это уже курганы сакского племенного союза. Здесь также можно наметить более ранние и более поздние памятники. Граница между двумя группами отчетливо прослеживается в самых верховьях Иртыша и в верхнем течении его правого притока, р. Нарым. Разница в бронзовых изделиях и украшениях между северной и южной группами почти не улавливается, и мы можем охарактеризовать их только суммарно.

Более ранние формы. Кинжалы с полусферическим навершием и шляпкой. Узкие прямые ножи с отверстием или протомой хищника на рукоятке. Наконечники стрел втульчатые, листовидные или ромбовидные, а также трехперые с черешком (характерная казахстанская форма). Удила со стремечковидными кольцами, трехдырчатые псалии, иногда с отростком или шишечкой. Сюжеты «звериного стиля» — «летящий» олень с поджатыми ногами, свернувшийся в кольцо хищник, орел, кабан, рыба, горный козел. Все изображения трактованы хотя и условно, но реалистично; еще нет усложненных образов.

Более поздние формы. Кинжалы с плоским дугообразным навершием и округлым перекрестьем. Железные прямые однолезвийные ножи без отверстия. К существующим наконечникам стрел добавляются втульчатые трехгранные. Удила с круглыми кольцами, бронзовые и железные, двухдырчатые псалии. Образы «звериного стиля» усложняются, делаются гораздо богаче, разнообразнее и все менее и менее реалистичны. Рога и хвост оленя трактуются уже в виде орлиных голов, орел становится ушастым. Появляются сцены терзания животных. Богатые курганы пазырыкского типа дают бесконечное разнообразие этих сюжетов. Следует отметить, что изображение орла в условной, но чрезвычайно выразительной манере является, по-видимому, только сакским (еще точнее, чиликтинским) сюжетом и у аримаспов не встречается. В пазырыкских памятниках мы находим изображение лося, совершенно не известное южнее.

Растущая потребность в металле в связи с развитием общества и просто с увеличением населения уже не могла долгое время удовлетворяться индустрией бронзы, и переход к железу происходит в Восточном Казахстане по крайней мере на три века позднее, чем в Причерноморской Скифии. Объяснить это можно только наличием крупного центра добычи бронзы с выработанными производственными традициями, так как имеющийся материал не позволяет говорить ни о какой культурной или экономической отсталости восточноказахстанских или алтайских кочевых племен в это время.

Вероятно, переход к железу в районах, находящихся далеко от древних центров цивилизации, произошел не потому, что первые железные орудия были лучше бронзовых. При первых попытках самостоятельно их изготовить они скорее всего были хуже, а их обработка для людей, привыкших к литью металла,— труднее. В Восточном Казахстане, так же как и в других районах степи, переход к железу произошел потому, что по мере развития общественных отношений все возраставшие потребности в металле уже не могли быть удовлетворены узкой сырьевой базой металлургии бронзы. Преимущества нового металла были быстро оценены, и древний металлургический центр в Восточном Казахстане к III в. до н. э. прекратил свое существование, о чем свидетельствуют курганы второго этапа, расположенные прямо на горных выработках.

Памятники оседлого земледельческого населения, подобные изученным М. П. Грязновым на Верхней Оби, в Восточном Казахстане не обнаружены. Но есть все основания думать, что поселения типа Трушниково, относящиеся к самому концу андроновской культуры, могли существовать и позднее — возможно, до VI в. до н. э. Во всяком случае, керамика, найденная в Башадарском кургане (раскопки С. И. Руденко), совершенно аналогична трушниковской. Если это так, то здесь мы имеем дело с одним из тех земледельческих очагов, без которых кочевники существовать не могли.

На этом же хронологическом этапе, не позже VI в. до н. э., произошло передвижение какой-то части южной (сакской) группы племен на Средний Енисей и в Туву. Преемственность особенностей «звериного стиля», форм оружия и конской упряжи, которую мы наблюдаем на ранней стадии тагарской культуры и в курганах Тувы, позволяют говорить о таком передвижении. В Минусинскую котловину пришла какая-то часть именно сакских племен, о чем свидетельствует стилистическое сходство тагарских оленей, орлов и «пантер» с чиликтинскими, а не с пазырыкскими образцами.

Есть все основания предполагать, что конные воины с верховий Иртыша совершали дальние походы в страны Передней Азии, а их культурные связи с древними цивилизациями после раскопок больших курганов чиликтинского и пазырыкского типов не вызывают никаких сомнений.

Археологические памятники второго хронологического этапа имеют уже совсем другой облик. В долине Иртыша появляются могильники, состоящие из нескольких десятков небольших однотипных курганов. Изменяется обряд погребения и могильный инвентарь, исчезают памятники пазырыкской культуры. На основании имеющихся материалов можно сейчас с уверенностью говорить о том, что в период с III в. до н. э. и в начале нашей эры верховья Иртыша занимала устойчивая группа племен, оставившая на зимних пастбищах в самой долине несколько крупных могильников. Раскопки показали, что здесь мы имеем дело со своеобразной археологической культурой, имеющей оригинальный и четко выраженный комплекс признаков, которую можно назвать по месту первых раскопок кулужургинской.

Курганы от 5 до 10 *м* и высотой до 0,6 *м* имели насыпь из земли с небольшими камнями — видимо, остатками разрушившейся круглой оградки. Погребения совершались в каменных ящиках, покрытых такими же плитами, и в грунтовых ямах. В одном случае отмечен небольшой подбой в головах парного погребения. Скелеты лежат в вытянутом положении, головой на восток (более ранние) и на запад (более поздние). В одном погребении на крышке ящика лежал скелет крупной овчарки. В некоторых ранних погребениях с каменными ящиками найден скелет лошади (в одном случае — двух) головой к востоку. Сопровождающие погребенных вещи, особенно в более поздних курганах, немногочисленны. Чаще всего в могилах встречаются глиняные сосуды крынкообразной формы, ручной лепки. Все основные орудия — железные, что свидетельствует об окончательном затухании в это время металлургического центра добычи бронзы. Найдены короткий кинжал с прямым перекрестьем, ножи с отверстием в рукоятке (в одном случае с кольцом) и стерженьки неопределенного назначения. Из бронзы найдены только шило, игла и круглое зеркало с короткой ручкой (все — в наиболее ранних погребениях). Из дерева — сосуд вытянутой формы с расширяющейся придонной частью и небольшой ручкой, миска, прямоугольные лотки для мяса, ящичек, внутри которого лежали палочки мела и красная краска (женское погребение). Украшения: золотые серьги, одна — с грушевидной подвеской, три — из тонкой проволоки, согнутой в виде восьмерки, и одна серебряная такой же формы; пластинки тонкого листового золота, нашивавшиеся на одежду; бусы из свернутого золотого листочка, цилиндрические — из белой стеклянной пасты и одна круглая — из голубой пасты. Почти все украшения встречены только в ранних могильниках. Следует упомянуть еще находку шиферного пряслица, точильного бруска и каменной терки. Во многих курганах у головы погребенных лежали хвостовые позвонки барана (курдюк), в двух случаях найдены чешуйки проса.

Курганы кулажургинского типа имеют наиболее близкие аналогии и в инвентаре и в формах погребального обряда в усуньских погребениях Семиречья, в Туве, а в формах керамики — аналогии с некоторыми сарматскими сосудами. Ясно прослеживаются также черты, связывающие их с северной группой предшествующего хронологического этапа — захоронение с двумя лошадьми, форма ножей, золотые листки, нашивавшиеся на одежду, золотая крестообразная бляшка с лотосообразными окончаниями. Эти факты говорят о преемственности культурных традиций, а приведенные аналогии позволяют датировать кулажургинскую культуру в целом III—I вв. до н. э. В пределах этого отрезка времени можно с уверенностью наметить две группы памятников. Более ранняя характеризуется положением погребенного преимущественно на восток, преобладанием каменных ящиков, захоронением лошадей и большим количеством инвентаря. Эту группу можно датировать III—II вв. до н. э. Более поздняя группа, предположительно I в. до н. э., характеризуется западной ориентировкой погребенных, преобладанием грунтовых могильных ям, отсутствием лошадей и бедным инвентарем.

С большой долей вероятности можно предположить, что памятники кулажургинской культуры оставлены племенем у-гэ, которое известно нам по походу хуннуского шаньюя Чжи-чжи на запад. Это племя, судя по большому количеству керамики и просу, вряд ли совершало большие и длительные перекочевки. Дальние походы и крупные передвижения кочевых племен на какое-то время здесь, видимо, прекратились. Положение стало более стабильным; пастбища можно было искать и поближе, зимние — в долине Иртыша, летние — скорее всего в Нарымских горах и степях левобережья. Население увеличилось, о чем свидетельствуют большие могильники. Вожди у-гэ, вероятно, не обладали такой властью и богатством, как вожди саков и аримаспов. Соответственно уменьшились и требования погребального обряда. В могилу клали все меньше и меньше дорогих вещей. У-гэ занимали, видимо, только верховья Иртыша, поддерживая наиболее тесные культурные связи с усунями Семиречья. На запад от них, в горах Чингистау, ниже по Иртышу и на Северном Алтае обитали какие-то другие племена, о чем мы можем судить по особенностям погребального обряда. Нам еще предстоит выяснить, кто занимал в это время теснины Горного Алтая и Чиликтинскую долину.

Антропологические материалы, относящиеся к ранним кочевникам Восточного Казахстана, изучены В. В. Гинзбургом. Они позволяют сделать следующие выводы. Андроновский антропологический тип, сложившийся в бронзовом веке, продолжает сохраняться здесь и в эпоху ранних кочевников в качестве основного. Это свидетельствует о несомненной преемственности населения, что подтверждают археологические данные. Кочевники не пришли из неизвестной дали, ими стали местные андроновские племена. Но уже на первом хронологическом этапе намечается примесь монголоидности (Чиликта, Усть-Буконь). На втором этапе монголоидность усиливается, и добавляются черты расового типа Среднеазиатского междуречья. Этот факт хорошо согласуется с результатами раскопок (культурное сходство кулажургинских курганов). Прямой генетической связи между населением первого и второго этапов, судя по погребальному обряду, видимо, нет, но это один круг кочевых племен, с одной андроновской основой.

Такая же смена археологических культур, свидетельствующая о каких-то значительных изменениях, происходит и на других степных территориях. Весь облик хунну, усуней, сарматов и других племен уже весьма существенно отличается от облика кочевников предшествующего времени. Больше сведений о них содержится в письменных источниках. В это время в кочевом мире создаются все условия для возникновения классовых отношений. Каких именно — еще предстоит выяснить. В VII в. до н. э. (653—625 гг.) скифы господствовали в течение 28 лет в Передней Азии, но, даже находясь в среде древневосточной цивилизации, они так и не сумели создать никакого подобия государства.

Совсем иное положение складывается с III в. до н. э. Кочевники обладали уже достаточным социально-экономическим развитием для того, чтобы сначала возникли кратковременные примитивные кочевые государства в степях (хунну, усуни, сарматы), а в дальнейшем и более стабильные царства — Парфянское и Кушанское в оседлых странах. Но при этом кочевая знать переставала быть кочевой, как это было и с парнами Аршака, и с юечжами Кадфиза.

Summary

1. A characteristic feature of the development of the Central Asian peoples is the constant close vicinity of and interconnection between nomads and agriculturists. From the 7th century A.D., the steppe nomads, owing to the specific features of their economy, drove southwards and established military and peaceful contacts with the agricultural population of the fertile oases, transferring their camps to the rich pastures at the foot of the mountain ranges.

The military might of these tribes, backed by the powerful nomad rear in the Kazakh steppes, was great, and played a decisive role in many historical events (the struggle with the Achaemenian state, the formation of the Parthian and Kushan empires).

2. Recent research has shown ever more convincingly that major socio-economic changes were at work among the nomads of Eurasia's steppe belt in the 3rd century B.C. The first primitive polities emerged (the Huns, the Scythian Kingdom in the Crimea), new weapons evolved, "Scythian art" declined and degraded, and the rich kurgans of the nomad nobility disappeared. A period of relative stability set in the nomad world. These changes may have been based on the emergence of shoots of class relations among the nomads.

3. The archaeological sites of Western Altai, excavated in recent years, give a clear and convincing picture of these changes. They may be divided into two chronological stages. The first (7th-4th centuries B.C.) is characterised by large rich burial mounds (Chiliktau valley, Mayemir, Berel and others), the predominance of bronze implements and weapons (daggers, knives, arrowheads, angling rods, psalias of a cha-

racteristic form), and magnificent examples of the "animal style" in art. There is a clear distinction of two ethnic groups — the southern, linked with the Saka tribal confederation, and the northern, into which enter also the mounds of the Pazyryk groups. These are probably the Arimaspi of ancient authors. Both maintained some links with the Western Asian civilisations, and more definite ones with the neighbouring steppes.

4. The monuments of the second stage (3rd century B.C.— first centuries A.D.) are quite different. Rich burial mounds alternate with a great number of low round mounds. Few objects are found in the graves. There is a universal transition to iron. This transition set in at a late date in this area because in the upper reaches of the Irtysh River there was one of the largest ancient bronze production centres, which had a major effect on the entire material culture of the area. By the 3rd century A.D. this centre (where not only copper and tin were mined, but also gold) apparently had stopped to exist.

The excavations of the second-stage mounds show that these presented a unique archaeological culture, which exhibits definite specific traits and which, according to the place where the first diggings were made, may be called the Kulazhurga culture. This culture has its closest analogue in the Wu-sun monuments of Semirechye. Some genetic links with preceding periods can also be traced. It can be assumed that the mounds of the Kulazhurga culture were left by the Wu-cheh tribe, which is known from the expedition of the Hun leader Chih-Chih to the west.

5. In the second chronological stage, which can be traced also in other regions of the steppes, the nomads were far enough developed in socio-economic respects not only to set up nomad empires of short duration, but also more or less stable empires — the Parthian and the Kushan — on sedentary lands. But in doing this, they stopped being nomads, as was the case with the Parnas under Arsaces and the Yüeh-chih under Kadphises.

А. Д. БАБАЕВ (СССР, ДУШАНБЕ)

МОГИЛЬНИК ЧИЛЬХОНА — ПАМЯТНИК САКСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЗАПАДНОМ ПАМИРЕ

В 1962 г. на территории Западного Памира (Ишкашимский район, Горно-Бадахшанская автономная область) было обнаружено несколько могильников, давших богатый уникальный материал, раскрывающий древнюю историю Памира. Важность открытия этих могильников заключается в том, что до 1962 г. на территории Западного Памира не были обнаружены памятники материальной культуры высокогорного Памира; поэтому многие вопросы этноса памирских народностей оставались невыясненными. Это не значит, что Памир не интересовал исследователей-археологов; наоборот, здесь побывали десятки русских, зарубежных и советских археологических отрядов [1]. Но все они отмечали одну категорию памятников — крепости. Памиру посвящены сотни исследований, основанных на анализе письменных источников [2]. С организацией в 1959 г. Западно-Памирского отряда возникла необходимость тщательного исследования Западного Памира. До 1962 г. отряд исследовал полностью крепостные сооружения. Однако изучения крепостей Памира оказалось недостаточным для полного освещения древней истории высокогорной западной части Памира. Вследствие этого перед отрядом была поставлена задача поисков погребальных сооружений. С этой задачей отряд справился; были обнаружены могильники Мызыльдыгар, Зумудг, Новобад и Чильхона. Анализ вещественного материала показал, что могильники разновременны и что самым древним является могильник Чильхона, которому посвящена данная статья.

Могильник Чильхона

Могильник Чильхона [3] расположен на 1 *км* западнее кишлака Зумудг Ишкашимского района ГБАО, на предгорных террасах Ваханского хребта. Он занимает вторую террасу и состоит из десятка курганов, вытянутых в цепочку в широтном направлении. Несколько ниже (южнее метров на 30) на первой террасе находятся небольшие странные каменные сооружения, круглые и прямоугольные (максимальный диаметр круглых — около 3 м, размер прямоугольных — 3 × 4 *м*). Они обнесены общей круглой стеной. Было раскопано лишь несколько помещений (с разведочной целью). Никаких признаков захоронения не обнаружено. Основной материал был извлечен из могильника, расположенного на второй террасе, на описании которого мы хотели бы остановиться.

Характеристика материала

Описание курганов и погребального инвентаря убедили нас, что на территории Западного Памира открыты новые памятники, до настоящего времени не известные науке.

I. ПРЕДМЕТЫ ДОМАШНЕГО ОБИХОДА

Глиняная посуда. 1) Горшки представлены тремя вариантами. Размеры их колеблются от 9 до 15 *см*. Все они круглодонны. Круглодонные горшки генетически увязываются с керамикой Восточного Памира. Это и понятно: близость и непосредственная взаимосвязь давали сходство форм и некоторых технических приемов изготовления. В работах ученых, посвященных археологии Восточного Памира[4], мы находим не только близкие и прямые аналогии полусферическим горшкам, но и указания на аналогичные сосуды из других областей. Так, очень ценным является замечание А. Н. Бернштама, что «полусферические формы чаш и горшков из древнейших могил прежде всего находят себе аналогии на Тянь-Шане и в Семиречье, от Иртыша до Қаратау и Ферганы включительно»[5]. Этим самым автор указывает границы распространения таких форм.

Полусферические сосуды характерны, в частности, для керамики из погребальных сооружений долины Или[6]. Исследовавшие эту керамику Қ. А. Акишев и Г. А. Қушаев относят основные типы полусферических сосудов к периоду с III—II вв. до н. э. по II—III вв. н. э., одновременно характеризуя процесс изменения форм[7].

Памирские полусферические сосуды, судя по имеющимся данным об эволюции этого типа, укладываются в хронологические рамки III—II вв. до н. э.— I в. н. э. Подобная полусферическая посуда типа небольших горшков встречается в захоронениях Айри-Там (Таласская долина, раскопки Гейкеля). Қ сожалению, материал не был им тщательно исследован и датирован. Упоминаемые Гейкелем сосуды, судя по комплексам, относятся к рубежу нашей эры; они тоже круглодонные, изготовлены из глины среднего качества.

2) Қувшины. Этот тип керамического сосуда представлен двумя экземплярами. Нельзя не отметить, что кувшины из курганов Западного Памира по форме корпуса, горла и венчика очень близки к усуньским, а также к кувшинам из сарматских погребений Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Они бытуют в Нижнем Поволжье в III—I вв. до н. э.[8].

Позже на смену им приходят кувшины с плоским дном[9]. Такая же картина прослеживается и в Средней Азии. Рассматривая плоскодонные кувшины из Баркорбазского могильника, С. С. Сорокин приводит целый ряд аналогий[10] и одновременно отмечает, что в этих сосудах «живут традиции лепки круглодонной посуды, распространенной в III—I вв. до н. э. на Тянь-Шане, в Южном Қазахстане и в Северном Прикаспии»[11]. Раскопки, произведенные А. Н. Бернштамом на Тянь-Шане в погребальных сооружениях усуно-юечжийских погребений, которые датированы со II в. до н. э. по II в. н. э.[12], также дают аналогичный тип кувшина[13].

Итак, мы видим, что круглодонные кувшины из погребальных сооружений Вахана, в частности из Чильхона, повторяют те формы, которые бытовали в III—I вв. до н. э. во многих районах Средней Азии. Они характерны в Средней Азии для памятников усуньского времени, а за ее пределами — для памятников раннесарматского периода[14]. Так, например, в сарматских погребениях I Бережковского могильника (курган 22) встречаются формы, аналогичные памирским.

3) Қотлы. Рассматриваемый тип керамических сосудов можно разделить на 2 варианта.

Рассматриваемые варианты имеют широкие аналогии в керамике кочевников-саков Восточного Памира[15]. Исходя из комплекса находок, укажем, забегая вперед, что и чильхонинские курганы датируются позднесакским временем. Қ этому же времени, т. е. к последним векам до нашей эры, несомненно, могут быть отнесены и котлы 1-го и 2-го вариантов.

II. ПРЕДМЕТЫ ЖЕНСКОГО ТУАЛЕТА

Бронзовое зеркало с валиком по краю и небольшой ручкой-отростком. Зеркало это относится ко второму типу классификации, разработанной Б. А. Литвинским для зеркал Средней Азии[16]. Он находит широкие аналогии такому типу, датируя его в основном III—II вв. до н. э. Такие зеркала существовали в Средней Азии вплоть до первого столетия нашей эры. Эта датировка подтверждается данными, приводимыми А. М. Хазановым, рассмотревшим вопрос о генезисе сарматских бронзовых зеркал. Подобный тип (четвертый по его классификации) Хазанов датирует IV—II вв. до н. э.[17]. Эти зеркала очень близки по форме к зеркалам II типа по классификации Б. А. Литвинского и к IV типу зеркал по классификации А. М. Хазанова. Общее, что объединяет их,— это валик по краю диска и выступающая ручка-штырь. Находки зеркал этого типа в Средней Азии немногочисленны. Можно указать на зеркало с Фархадстроя[18], обломок зеркала из Караджарского могильника[19], а также зеркало, найденное в некрополе на Душанбинских холмах[20]. Таким образом, наша находка показывает, что зеркала этого типа были распространены не только в Фергане и в Бактрии, но и на Памире. Они, очевидно, являлись одним из исходных типов для развития столь широко распространенного в Средней Азии типа зеркал с бортиком, боковой ручкой-штырем и выпуклостью в центре[21].

Перстни представлены двумя экземплярами. На щиток первого нанесены восемь шишкообразных выступов, образующих круг, в центре которого имеется также выступ, но бо́льших размеров. Второй экземпляр отличается крестообразным щитком, по концам каждого выступа имеется небольшой круглый выступ-шишечка. В центре также имеется такой выступ. Данные перстни имеют наиболее близкие по территории аналогии с перстнями Восточного Памира[22].

По-видимому, такое близкое сходство в форме перстней не случайно. Ведь недаром рассматриваемые перстни из погребальных сооружений древнего Вахана извлечены из могильника Чильхона, где было прослежено скорченное положение костяка, наличие круглодонной посуды, деревянных изделий (стрелы, посуда). Все это позволяет искать аналогию в памятниках кочевых племен Восточного Памира, которые детально изучены А. Н. Бернштамом и Б. А. Литвинским.

Помимо территориально близкой аналогии из Восточного Памира перстни с пятью круглыми выступами были найдены в Таксиле.

Таким образом, для могильника Чильхона характерны неглубокие, чаще одиночные, сильно скорченные захоронения. Устройство намогильного сооружения и ямы полностью совпадает с захоронениями восточнопамирских саков. Скорченность костяка — также характерная черта восточно-памирских погребений. Что же касается инвентаря, то показательно отсутствие плоскодонной керамики и полное господство круглодонной керамики и деревянной посуды. Наряду с восточнопамирскими аналогиями (или, скорее, идентичностью) прослеживается близость с позднесакской и усуньской керамикой Семиречья. Найденные в Чильхоне бытовые предметы, в частности перстни и зеркало, позволяют уточнить датировку. Могильник Чильхона должен датироваться III-II, может быть, III—I вв. до н. э.

Итак, для позднесакского времени мы располагаем бесспорным свидетельством, что какие-то группы восточнопамирского сакского населения продвинулись на запад, в долину Вахана.

Личное знакомство с географией, историей и археологией Памира убеждает нас, что гипотеза о нескольких путях продвижения саков через Памир подтверждается всеми наличными данными. Отсюда можно сделать также другое заключение: сакские племена оказались в пределах Вахана не случайно, их передвижение было обусловлено сложившейся на Памире во II в. до н. э. ситуацией[23].

Трудно сказать что-либо абсолютно бесспорное относительно судьбы этих саков на земле Вахана. Те племена, которые здесь прочно обосновались, явно не могли дальше вести обычный для себя кочевой образ жизни и должны были постепенно перейти к оседлости, составив один из древнейших пластов населения Вахана.

Исследования лингвистов показали, что ваханский язык относится к числу восточноиранских языков, входя в группу близкородственных памирских языков. Согласно тем же исследованиям, с точки зрения исторического развития ваханский язык противостоит всем другим памирским языкам по ряду признаков. Некоторые признаки сближают его с хотано-сакским языком. Предполагается, что ваханский, как и другие памирские языки, происходит от сакских диалектов[24].

---

[1] А.Д. Бабаев, Крепости древнего Вахана, Душанбе, 1973. См. особенно гл. I — «История археологического изучения Памира».

[2] А.М. Мандельштам, Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей, Сталинабад, 1957.

[3] У населения существует легенда, что в древности здесь находилось селение, состоявшее из 40 домов (отсюда местность носит название Чильхона — «сорок домов»), и что бог, разгневавшись, за одну ночь стер это селение с лица земли.

[4] А.Н. Бернштам, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая,— МИА СССР, № 26, 1952, стр. 310, 313, рис. 136, 137. См. также: Б.А. Литвинский, Раскопки могильников на Восточном Памире в 1959 г.,— «Труды Института истории им. А. Дониша», т. XXXI, 1961, стр. 51.

[5] А.Н. Бернштам, Историко-археологические очерки..., стр. 322.

[6] К.А. Акишев, Г.А. Кушаев, Древняя культура саков и усуней долины Или, Алма-Ата, 1963, табл. V.

[7] Там же, табл. XI.

[8] С.С. Сорокин, Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы,— СА, вып. 20, 1954, стр. 144.

[9] И.В. Синицын, Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья,— «Ученые записки Саратовского университета», т. XVII, вып. исторический, 1947, стр. 14, 20.

[10] С.С. Сорокин, Некоторые вопросы происхождения керамики..., стр. 143.

[11] Там же, стр. 144.

[12] А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки..., стр. 50.

[13] Там же, стр. 61, рис. 27/3.

[14] К.Ф. Смирнов, Работа первого Нижневолжского отряда Волгоградской экспедиции,— КСИИМК, вып. 55, М., 1954, стр. 72, рис. 24, 1; см. также: И.В. Синицын, Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953),— МИА, № 60, стр. 74, рис. 18/12.

[15] А.Н. Бернштам, Историко-археологические очерки..., стр. 311, рис. 136/1,5. Там же см. литературу вопроса.

[16] Б.А. Литвинский, Хронология и классификация среднеазиатских зеркал,— сб. «Материальная культура Таджикистана», вып. 2, Душанбе, 1971, стр. 34—67.

[17] А.М. Хазанов, Генезис Сарматских бронзовых зеркал,— СА, № 4, 1963, стр. 60.

[18] С.К. Кабанов, Археологические находки на Фархадстрое,— «Изв. АН УзССР», 1948, № 5, стр. 74, рис. 2/7.

[19] Ю.А. Заднепровский, Археологические памятники южных районов Ошской области, Фрунзе, 1960. См. также: В.П. Шилов, Калиновский курганный могильник,— МИА, № 60, 1959, стр. 429.

[20] Э. Гулямова, Раскопки на Душанбинском некрополе,— «Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР», вып. III, 1958, стр. 31.

[21] О них см.: О.В. Обельченко, Бронзовое зеркало Лявандакского могильника,— КСИИМК, вып. 91, М., 1962.

[22] Б.А. Литвинский и М.А. Бубнова, Раскопки курганов на Восточном Памире в 1960 г.,— сб. «Археологические работы в Таджикистане», вып. VIII (1960), Душанбе, 1962, стр. 33; Б.А. Литвинский в этой статье приводит в качестве аналогии перстни из Монголии и Синцзяна.

[23] Б. А. Литвинский, Древние кочевники «Крыши мира», М., 1972.

[24] В. А. Лившиц, Иранские языки народов Средней Азии,— в кн.: «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, М., 1962, стр. 153—154. См. также: В. С. Соколова, Очерки по фонетике иранских языков, II, М.— Л., 1953, стр. 209; С. И. Климчинский, Ваханские тексты,— «Труды Таджикистанской базы АН СССР», т. III, М.— Л., 1936.

Summary

1. Systematic research of the monuments left behind by the Saka tribes was conducted in the Eastern Pamir between 1946 and 1967. The investigations made under the guidance of A. Bernshtam, and B. Litvinsky helped to outline the basic routes travelled by the Sakas and to solve a number of problems connected with the history and culture of these tribes.

2. In 1962, the Western Pamir Expedition discovered several burial sites, among which the Chilkhona kurgan in the Ishkashim District was of particular interest. The skeletons were lying on their right side in a crouched position. A great many objects were found in the graves. The bones were discovered relatively close to the surface, the shape of the superstructure, the graves and the position of the skeletons fully coincide with the burials of the Eastern Pamir Sakas.

The objects found made it possible to date the Chilkhona burial site in the 3rd-2nd, perhaps 3rd-1st centuries B.C.

3. The Saka tribes did not appear in the Western Pamir by accident; their movement was a consequence of the situation that shaped in the Pamir in the 2nd century B.C. The Sakas who had settled there were obviously unable to continue their habitual nomad way of life and had to adopt a sedentary mode of life, forming one of the most ancient layers of the Pamir's indigenous population.

4. Recent linguistic research established that some specifics of the Vakhan language prove its kinship with the Saka-Khotanese language.

Thus, a study of archaeological monuments enables us to fix some stages in the evolution of the Western Pamir culture in ancient times. Its population played an active part in the history of the Eastern part of Central Asia and in the economic and cultural relations of that region.

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ (СССР, ЛЕНИНГРАД)

К ИСТОРИИ КОЧЕВНИКОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ КУШАНСКОГО ПЕРИОДА

В истории среднеазиатских кочевников рассматриваемой эпохи выделяются два периода: предкушанский (II—I вв. до н. э., предшествующий появлению Кушанского государства) и кушанский (I — начало IV в. н. э.).

II—I вв. до н. э. в истории Средней Азии — время широких передвижений кочевых племен, которые существенным образом повлияли на исторические судьбы соседних стран: в частности, именно кочевники сыграли важную роль в разгроме Греко-Бактрии и образовании государства кушан, кочевнического по своему происхождению.

Изучение этих племен долгое время основывалось на сопоставлениях и интерпретации немногочисленных письменных источников. В последнее время все большее значение приобретают данные археологических исследований.

На территории среднеазиатских республик изучено огромное количество погребальных памятников кочевников этого периода. По приблизительным подсчетам, вскрыто несколько тысяч курганов. Все эти памятники могут быть разделены на ряд географических, хронологических и типологических групп, различающихся по устройству могилы, особенностям погребального обряда и инвентаря, а также по антропологическому типу погребенных. Следует оговорить, что большая часть археологических материалов еще не опубликована и не все они могли быть использованы при подготовке сообщения. Эта работа далеко не закончена, и некоторые положения даются в предварительном порядке, в качестве гипотез. В сообщении рассматриваются в основном памятники только одного типа.

Могильники кочевников II в. до н. э.— III—IV вв. н. э. исследованы во всех историко-культурных областях: в Семиречье, на Тянь-Шане, в Фергане, Ташкентском и Хорезмском оазисах, Согде и Бухаре, на юге Таджикистана и Туркмении. Мною учтено более 140 памятников только с захоронениями в катакомбных и подбойных могилах. Кроме того, в ряде районов — в Хорезме, Фергане и Семиречье — выявлено значительное количество иных погребальных памятников этого же периода.

Необходимо отметить, что во многих районах в один и тот же период представлены могильники с захоронениями в могилах разного устройства. Однако на основании статистических подсчетов можно выделить районы с преобладанием тех или иных погребальных памятников. Во многих могильниках существуют синхронные захоронения разного типа. Все это осложняет решение основной задачи — систематизации и классификации памятников кочевников.

В основу группировки памятников мной положен принцип разделения по форме могильного устройства — принцип, который успешно использовался в других разделах археологии. При этом во внимание принимается не только форма могилы, но и особенности обряда и инвентаря и др. В результате учета, систематизации и картографирования всего доступного материала удалось выявить ряд групп памятников:

Тулхарская группа, которая включает могильники юга Таджикистана, Бухарского оазиса и Южной Ферганы. Характерные признаки: устройство грунтовой могилы с нишей-подбоем в западной или восточной стенках; ориентация погребенных головой на север или на юг; как правило, одиночные захоронения в вытянутом положении; определенный набор сопровождающих покойника вещей.

Основные могильники раскопаны А. Мандельштамом, но в эту группу входят и отдельные захоронения в подбойных могилах Бухарского оазиса, изученные О. Обельченко. Здесь отсутствуют однородные кладбища с курганами этого типа. Памятники Бухарского оазиса по ряду определяющих признаков сближаются с могильниками Тулхарской группы в Южном Таджикистане. Особо отметим, что в этих областях наблюдается сходство ряда керамических форм. Все это не позволяет, однако, говорить об идентичности памятников, так как можно заметить ряд специфических черт в каждой из областей.

К этой же группе можно отнести могильники, подобные Карабулаку в Южной Фергане и Алае, изученные А. Бернштамом, Ю. Баруздиным, Ю. Заднепровским. Весьма возможно, что при дальнейшем изучении будут выделены локальные варианты внутри этой группы, занимающей обширную территорию от Амударьи до Сырдарьи.

В северо-восточной горной части Средней Азии — в Семиречье и на Тянь-Шане — изучены курганы, которые по ряду важнейших признаков сходны с Тулхарской группой. Они не образуют самостоятельных кладбищ и, как правило, встречаются в могильниках, где преобладают простые грунтовые захоронения. В этих районах курганы с захоронениями в подбойных могилах по количеству занимают второе место после грунтовых. Они составляют около 18% всех исследованных курганов рассматриваемого периода. Все иные типы погребальных сооружений кочевого населения на этой территории представлены единичными курганами. Северная группа, названная Айгырджальской, отличается от южной — Тулхарской — по ориентировке (здесь в большом количестве представлены захоронения головой на запад или — реже — на восток). Отличаются они и по инвентарю, хотя разная степень изученности и сохранности материалов в обеих группах не позволяет считать результаты сравнительного изучения сопоставимыми.

Памятники Тулхарской группы благодаря трудам А. Мандельштама, О. Обельченко, Ю. Баруздина хорошо изучены; выявлены характерные черты материальной культуры кочевников, оставивших их. Эти памятники довольно обоснованно датированы II в. до н. э. — серединой I в. н. э. Датировка памятников Семиречья и Тянь-Шаня менее аргументирована, хотя при современном уровне наших знаний можно говорить о синхронности обеих групп.

При сравнительном изучении этих памятников археологи сталкиваются с большими трудностями. Прежде всего не ясно, как подходить к решению следующего вопроса: являются ли рассматриваемые группы большими локальными вариантами единой археологической культуры кочевников (о чем свидетельствует сходство конструкций могил и обряда погребения) или это разные комплексы? Решение этого принципиального вопроса обусловливает и возможности исторического истолкования памятников. Другой сложной проблемой является выяснение этнической принадлежности этих памятников. В этой связи надо обратить внимание на то, что курганы Айгырджальской группы резко выделяются среди массы грунтовых захоронений в Семиречье. Последние составляют примерно 80% всех памятников.

Эта группа, называемая *Чильпекской,* представляет собой могильники основного населения Семиречья усуньского периода, синхронного кушанскому периоду в южных районах Средней Азии. Они непосредственно связаны с памятниками предшествующего периода, когда на этой территории обитали сакские племена. По сути дела, сакские и более поздние могильники Чильпекской группы — это памятники одного и того же кочевого народа, только разного времени. К этому заключению приходят многие советские археологи. Генетическая связь между ними устанавливается по многим признакам. Таким образом, имеются веские основания утверждать, что могильники Чильпекской группы, которые ранее считались усуньскими, в действительности оставлены теми сакскими племенами, которые, по данным письменных источников, вошли в состав усуньского племенного объединения. Нет сомнений, что именно саки составляли основную массу населения Семиречья, а не пришедшие из Центральной Азии кочевые племена юечжей и усуней.

Могильники с подбоями Айгырджальской группы широко распространяются на этой территории начиная со II—I вв. до н. э. Для предшествующего сакского периода известны только единичные подбойные захоронения, и то лишь в районах, расположенных к северу от Семиречья. В настоящее время невозможно найти местные корни происхождения памятников Айгырджальской и Тулхарской групп. Они появляются как-то внезапно и в большом количестве на обширной территории. Поэтому возникает предположение, что они оставлены пришлым населением. Имеются основания сопоставить эти археологические данные с известиями китайских хроник о переселении начиная примерно со 160 г. до н. э. на эту территорию племен юечжей и затем усуней. Имеются по крайней мере две возможности этнического определения памятников Айгырджальской группы: они принадлежат или юечжам, или усуням, поскольку в Семиречье, по данным хроник, отмечается сосуществование трех основных этнических компонентов — саков, юечжей, усуней.

Работами Обельченко и Мандельштама обосновано предположение, что могильники Тулхарской группы на юге Средней Азии могут быть связаны с теми кочевыми племенами, которые вторглись во II в. до н. э. в Северную Бактрию. Если придерживаться китайской версии исторических событий на рубеже нашей эры, то вполне естественно сопоставить Тулхарские могильники с юечжами, как и предполагает Мандельштам. Сходство курганов Айгырджальской группы с Тулхарской является веским доводом в пользу определения памятников Семиречья как относящихся тоже к юечжам. Если можно принять эту гипотезу, то распространение могильников с захоронениями в подбойных могилах можно было бы рассматривать как отражение процесса расселения и передвижения юечжийских племен или какой-то их части на территории Средней Азии.

Следует оговорить, что конкретная историческая обстановка на рубеже нашей эры была значительно более сложной. В событиях, связанных с периодом возникновения Кушанского государства, участвовали, судя по данным археологических исследований, по крайней мере три основные группы кочевников: 1) центральноазиатского происхождения (из района Лобнор-Дуньхуан) — юечжи и усуни, 2) местные племена — саки, кангюй и др., 3) кочевники северо-западного происхождения из Северного Прикаспия, родственные и близкие сарматам и аланам. В настоящем сообщении обращено внимание только на один круг вопросов. Необходимы дальнейшие исследования погребальных памятников разного типа, с тем чтобы можно было определить хронологию и ареалы распространения отдельных групп памятников и племен. Только после этого появится возможность объективного сопоставления археологиче-

ских памятников с данными письменных источников о наименовании конкретных племен и решения вопроса о конкретных участниках коалиции кочевников, выступавших против Греко-Бактрии и затем положивших начало Кушанскому государству. Тогда станет возможным в какой-то мере выяснить характер дальнейших взаимоотношений среднеазиатских кочевников первых веков нашей эры с могущественной державой кушан.

Summary

1. The 2nd century B.C. is a period in Central Asian history marked by an extensive movement of nomad tribes, which had a major impact on the destiny of the adjacent countries, and notably on the formation of the Kushan Empire.

At least three basic groups of nomads participated in these events: (1) tribes of Central Asian origin — the Yüeh-chih and Wu-sun, (2) local tribes, such as the Sakas, Kangkiu and others, (3) nomads of a north-western origin, related to the Sarmatians (from the region between the Aral and Caspian Seas).

2. We now have some archaeological data enabling us to concretise our ideas about these groups. There is no doubt that Tulkhar and other adjacent burial sites are linked with the nomads who invaded Northern Bactria in the 2nd century B.C. The area of the monuments of the Tulkhar group should be broadened by including into it the synchronous kurgans of the Bukhara Oasis, which are similar to it as regards the structure of the graves, the burial rites and implements. It is extremely likely that the monuments of Southern Fergana and Alai, such as the Karabulak, also belong to it, although the possibility is not excluded that they constitute a local variant. The Tulkhar group of monuments of the nomads, if we are to believe Chinese sources, can be linked with the Yüeh-chih.

3. Kurgans have been investigated in Semirechye and in the Tien Shan, which, according to the grave structures and some burial rites, resemble the Tulkhar group. As regards their orientation and implements, they differ from the Tulkhar relics (though to the best of our knowledge, they are synchronous). The shaft-type graves in Semirechye and the Tien-Shan are not self-contained burials and are encountered among the burials of the Chilpek group. The latter are directly linked with the relics of the preceding Saka period and apparently belong to the local Saka population, which was part of the Wu-sun confederation. As distinct from this group, the shaft-type graves in Semirechye have no local roots and were probably left by an alien population (the Yüeh-chih or Wu-sun). If we are to assume that according to the ethnic definition the Tulkhar group belongs to the Yüeh-chih, we can also assume that the similar kurgans in Semirechye are of the Yüeh-chih type, and that the distribution of burials of the shaft type in the territory of Soviet Central Asia reflects the main stages of the movement of the Yüeh-chih tribes, evidence of which is contained in source materials.

4. The catacomb-type burials of the Kenkol group are concentrated in the Tashkent Oasis, in Talas and Ketmen-Tyube. There are close links between them and the settlements of Kaunchi culture. The emergence of similar monuments in Western Fergana, in the Zeravshan valley and in the Bukhara Oasis should be regarded as a result of their spread to the South.

5. Due to the scarcity of material the question of the links between the Sarmatians of the North Caspian area and the monuments of the Lyavandak group with catacomb burials (differing from the Kenkol group) can be posed only in the most general aspect.

6. During the migration and struggle with Graeco-Bactria and the probable intertribal warfare there proceeded a displacement and an integration of nomads of different origins, which ended in the victory of the tribe that advanced the Kushan dynasty.

7. Some elements found in Indian culture of the Kushan period exhibit a Central Asian origin and probably appeared there together with the nomads.

И. КОЖОМБЕРДИЕВ (СССР, ФРУНЗЕ)

КУЛЬТУРА КОЧЕВНИКОВ ТЯНЬШАНО-АЛАЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ НАШЕЙ ЭРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ КАТАКОМБНЫХ КУРГАНОВ)

Тяньшано-Алайский массив Средней Азии в древности представлял собой район безраздельного господства кочевых племен, в среде которых происходили беспрерывные миграционные процессы смещения и ассимиляции. Культура этих племен росла и развивалась в тесном взаимодействии с соседями — с восточными, центральноазиатскими и западными среднеазиатскими народами.

Все это очень слабо отражено в исторических источниках, но мы получаем представление об этом, изучая археологические памятники, многочисленные курганы древних кочевников. Среди этих памятников очень богатыми как по численности, так и по содержащемуся инвентарю являются курганы с катакомбными захоронениями. Катакомбные могильники широко распространены в ущельях и межгорных долинах горного Тянь-Шаня. Для примера можно указать на долину Кетмень-Тюбе. В этой небольшой по площади долине нами зарегистрировано более 5000 курганов в десяти могильниках. В отдельных могильниках количество курганов достигает тысячи насыпей. Это говорит о том, что в Тяньшано-Алайском массиве жила наиболее крупная этническая группа с устойчивыми палеоэтнографическими особенностями, выраженными в погребальных сооружениях и в погребальном обряде.

Многолетние систематические раскопки катакомбных курганов на территории Тяньшано-Алая дали огромный археологический материал, имеющий весьма важное научное значение для характеристики различных сторон истории культуры кочевых племен.

Исследование курганов показало, что могильные сооружения состоят из катакомбы и дромоса, расположенного перпендикулярно к длинной оси катакомбы. Дромос — трапециевидный, длинный (3—16 *м* в длину), узкий, в виде коридора, наклонен по отношению к входу катакомбы и заполнен мягкой лёссовой землей и крупными камнями. Отверстие входа круглое. Оно закрывалось камнями, реже сырцовыми кирпичами. Катакомба овальная в плане со сферическим потолком, дно ниже пола дромоса. Погребения совершались на земляном полу, в арчевых гробах и на арчевых ложах. Погребенные лежали на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, голова ориентирована в большинстве случаев на северо-восток.

Захоронения, как правило, одиночные. Парные и коллективные встречаются редко. Особенность катакомбных погребений — наличие в них погребальных масок из листового золота, которые обычно клали на лицо умерших. Золотые маски обнаружены на территории долин Кетмень-Тюбе, Алая и Чу в девяти катакомбных захоронениях. Во всех случаях они встречались в женских погребениях вместе с драгоценными ювелирными изделиями. Подобный ритуал погребального обряда — несомненно новое явление в рассматриваемую нами эпоху на данной территории. Вопрос о том, как и откуда он появился, пока остается открытым и требует дальнейшего изучения. Золотые маски для начала нашей эры мы встречаем в районах Передней Азии и в Причерноморье. Исследователи С. Б. Куфтин, В. Гайдукевич, Н. Погребова, Н. Пятышева и другие по-разному объясняют очаги их появления и пути распространения. Большинство склонны считать, что золотые погребальные маски распространились из Передней Азии.

Особенно богато в катакомбных погребениях представлены золотые украшения (серьги, перстни, бляшки, медальоны, подвески и т. д.), инкрустированные драгоценными камнями; чаще всего они встречаются вместе с золотыми масками. Судя по многочисленным находкам ювелирных изделий, золотым украшениям придавалось большое значение. Мастера-ювелиры умели высокохудожественно обрабатывать золото, серебро и различные камни. Им были известны такие технические ювелирные приемы, как инкрустация, зернь, филигрань и штамповка.

Все найденные золотые украшения из катакомбных погребений в Кетмень-Тюбе, Алае и Шамси по форме чрезвычайно своеобразны, и можно предполагать, что они изготовлены местными мастерами. Вопрос о происхождении техники инкрустации и зерни — один из не разработанных еще вопросов. Исследователи по-разному устанавливают центр первоначального появления этих ювелирных изделий, исходя прежде всего из сходства внешней формы. Однако повсеместное нахождение многочисленных золотых изделий с инкрустацией и зернью, особенно на территории Киргизии и в отдельных районах Казахстана, говорит о том, что в основе их лежат местные традиции.

Отдельные золотые украшения с инкрустацией и зернью (серьги, перстни, бляшки, пряжки) идентичны, с одной стороны, ювелирным изделиям Северного Причерноморья, с другой — украшениям из Восточного Казахстана и Алтая. Думается, что близкое сходство ювелирных изделий на столь обширной территории в эпоху великого переселения народов объясняется не только движением определенных этнических групп, но и межплеменными торговыми связями.

Некоторые обнаруженные предметы искусства убеждают нас в том, что художественный уровень кочевого населения был высок. Об этом говорят помимо ювелирных изделий скульптурные изображения животных из золота, бронзы, глины. Художественно переданы изображения таких животных, как горный козел, олень, баран. Этот вид искусства для кочевников Средней и Центральной Азии был характерен с глубокой древности.

Археологические находки убедительно говорят о том, что в жизни кочевых племен важное значение имело вооружение. Большое количество предметов вооружения свидетельствует о воинственном характере местного населения. Были найдены многие виды оружия. К наиболее массовым находкам относятся наконечники стрел. Стрелы употреблялись главным образом железные, трехлопастные, трехгранные, изредка костяные, плоские. Железные наконечники стрел вместе с древками составляют в длину 85—95 см. Древки стрел имели на конце вырез для вставки в тетиву. Иногда при раскопках встречаются «свистунки» — костяные просверленные шарики, прикреплявшиеся к наконечнику стрелы у места насадки и издававшие в полете свист. Железные наконечники стрел по своей форме очень близки центральноазиатским наконечникам. Аналогичные формы наконечников для IV—V вв. н. э. широко известны в Поволожье, Приуралье, Причерноморье. Боевой лук был сложносоставным. Длина его достигала 140—165 *см*. Луки, видимо, обладали большой пробойной силой. К наиболее почетным видам оружия относились железные мечи. Они встречаются довольно редко. По нашим раскопкам их известно около 15. Длина мечей колеблется от 80 *см* до 1 *м* и больше; они двухлезвийные, с узким и широким клинком, с прямым перекрестием. Наряду с мечами встречаются однолезвийные палаши длиной более метра и наконечники копий — лавролистные, втульчатые, небольшого размера. Железные палаши (их обнаружено пять) и копье (одно) пока являются единственными находками в Средней Азии для начала нашей эры. Из защитного оружия найдены многочисленные фрагменты железных кольчуг, панцирей, щита. Судя по значительному весу кольчуг и панцирей, они имели форму полной боевой рубашки, покрывавшей всю верхнюю часть тела воина. Кольца кольчуги имеют различные размеры: 5, 8, 13 *мм* в диаметре. Железные кольчуги, панцири, палаши, копье, обнаруженные в горном Тянь-Шане,— одни из наиболее ранних находок подобного рода защитных доспехов на территории Средней и Центральной Азии.

Находки предметов вооружения свидетельствуют о том, что основной ударной силой древних кочевых племен была конница.

Среди находок в катакомбных погребениях встречаются предметы импорта, свидетельствующие о торговых связях с восточными и западными странами. На торговые связи с Востоком указывают найденные шелковые ткани, нефритовые браслеты, металлические зеркала и т. д. О связях с западными странами говорят находки стеклянных сосудов и камеи из погребения в Шамси. Наиболее замечательный предмет художественного импорта — литая стеклянная ваза, найденная А. Абетековым в 1968 г. в долине Алая. В погребении кроме вазы было множество золотых ювелирных изделий (серьги, перстень, пряжки, бляшки) с инкрустацией и зернью, серебряная ваза, погребальная маска из листового золота, железный меч и т. д.

В целом катакомбные могильники Тяньшано-Алайского массива дали замечательные вещественные находки, характеризующие кочевой быт. Они имеют большое научное значение в разработке вопроса о культурной роли кочевников. У племен катакомбной культуры были тесные этнокультурные связи с древними насельниками Центральной Азии. Общность их культуры проявляется в покрое одежды (Кенкол, Ноин-Ула), предметах быта (бронзовые котлы, деревянные столики из Ноин-Ула, Пазырыка, Шамси, Айгыр-Джала), художественных изделиях (изображения горного козла, оленя, барана, техника ювелирных изделий) и в особенности в предметах вооружения. Все это позволяет говорить об общих корнях культуры древних кочевников Центральной Азии и Тяньшано-Алайского массива.

Археологические связи (по предметам украшения, быта, вооружения, антропологическим данным) прослеживаются также на материалах района Сырдарьи и Приаралья. Тяньшано-Алайский массив в целом характеризуется устойчивым погребальным ритуалом и типом погребальных сооружений, единой материальной культурой и единым антропологическим типом — европеоиды с монголоидной примесью. Характерна искусственная кольцевая деформация черепа. Вопрос об этнической принадлежности катакомбной культуры сложен и поэтому до сих пор окончательно не решен.

Одни исследователи (С. С. Сорокин, А. К. Кибиров, Ю. Д. Баруздин) связывают появление катакомбной культуры с местными племенами; другие (О. В. Обельченко, Ю. А. Заднепровский) связывают это с движением юечжийских племен. Первый исследователь катакомбной культуры, А. Н. Бернштам, относил ее к гуннам. Анализ всего археологического материала Тяньшано-Алайского массива с привлечением письменных источников и палеоантропологических данных склоняет нас к предположению о связи катакомбной культуры с кругом усуньских племен.

Summary

1. Tien Shan-Alai massif in Central Asia was in ancient times an area dominated by nomadic peoples. Among them proceeded an endless process of migration and assimilation. The culture of these tribes grew and developed in close interaction with their neighbours: with Western Asian peoples and with Central Asian peoples.

2. Archaeological studies over the vast spaces of the Tien Shan-Alai have provided abundant and unique materials telling of the highly developed original culture of the ancient nomads. To judge from the archaeological material, the tribes that left the catacomb burials wère quite numerous and had stable palaeoethnographic features as regards their burial structures and the details of their burial rites.

3. The region most thoroughly studied is the Ketmen-Tyube valley, where mainly large burial sites are concentrated (in some burial sites there are up to 1,000 graves).

4. As a result of archaeological research (about 400 burials have been excavated) over many years an enormous number of ancient objects have been unearthed. These are implements of labour and objects of wood, clay and metals, remains of fabrics, all sorts of gold ornaments with inlay (earrings, finger-rings, plaques, medallions, etc.) and weapons (armour, chain mail, fragments of a shield, swords, broadswords, spears, bone ornaments for bows and numerous arrowheads of different shapes).

5. An analysis of the materials unearthed in the Tien Shan-Alai shows that the polychrome style with characteristic local forms prevailed in the jeweller's art of the ancient nomads. The high quality of the weapons shows that military organisation was well developed.

6. Extensive comparative material shows that the ancient population of the Tien Shan-Alai was not isolated from the ambient world but had constant close ties with the populations of Central Asia, Western Turkistan and the Northern Black Sea area.

State Museum Library
9209
Lucknow

Э. В. САЙКО (СССР, ДУШАНБЕ)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КЕРАМИКИ КУШАНСКОГО ПЕРИОДА СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ

В развитии керамического ремесла, так же как и в других видах производств, отмечаются этапы, выделяемые рубежами значительных изменений, определяющих направление развития производства в тот или иной период. Обычно такие рубежи связаны с целым комплексом нововведений и технических изменений, взаимосвязанных друг с другом. Установление внутренней логики развития основных направлений в технике керамического ремесла и раскрытие структурной связи всех компонентов в их генетическом взаимодействии создают условия для построения хронологической последовательности технического прогресса данного производства, относительную хронологию производства. Особенности и характерные черты керамики того или иного периода обусловлены в первую очередь техническими приемами ее изготовления — способом формовки, возможностями инструмента формовки, приемами дополнительной обработки сосуда, обработки глиняных масс. С другой стороны, выделение таких особенностей для определенного периода имеет большое значение для характеристики керамического материала как источника информации об этом периоде.

Исследуя некоторые особенности технологии керамики Северной Бактрии первых веков до нашей эры и первых веков нашей эры, в качестве основной мы ставили задачу: установить, связаны ли важные нововведения, определяющие уровень производства, с собственно кушанским периодом. При этом мы исходили из следующих положений.

1. Северная Бактрия к рассматриваемому времени имела древние и активные культурно-экономические связи с другими областями Востока.

2. В период IV—II вв. до н. э. на всем Востоке, судя по литературным данным и материалам наших исследований ряда среднеазиатских керамических комплексов, отмечаются значительные изменения в керамическом производстве.

3. Наличие локальных вариантов, обусловленных в определенной степени и этнографическим фактором, а также разный технический уровень керамики одного периода той или иной области не нивелируют главного — общего технического уровня, существующих возможностей производства.

Среди характеристических данных, отмечаемых для керамических комплексов, датируемых исследователями последней четвертью I тысячелетия до н. э. и первыми веками нашей эры, выделяются следующие: а) четкость, тонкость, расширение разнообразия и резкое изменение форм; б) широкое распространение высококачественного красного ангоба; в) тонкость и высокие качества черепка. Не останавливаясь на специальных вопросах хронологии, попробуем осветить некоторые особенности развития техники производства керамики в период собственно кушанский и предшествующий, используя данные наших исследований материала керамических комплексов многослойных северобактрийских памятников (Кобадиана, Явана, Болдай-тепе) и данные археологической литературы.

В технологии сырья. 1. Отмечаемые исследователями высокие качества черепка изделий обеспечивались, как показали данные микроскопического и химического анализа образцов, дифференцированным подбором глин, тщательной их обработкой (тонкодисперсные массы и определенный размер пластического материала).

2. При фиксирующих значительных отличиях глиняных масс изделий различных комплексов одновременных слоев (Яван нижний, Болдай-тепе верхний) отмечаются, что более важно, различия глиняных масс керамики одного комплекса, одного слоя. Для Явана (слои III—IV вв. н. э.) наблюдается связь определенных глиняных масс с формой (тонкостенные амфоровидные сосуды).

3. Введение в глиняную массу изделий, формируемых на кругу, специального инертного материала (шамота, дресвы, песка и т. д.), что особенно характерно для керамики III—IV вв. н. э., не свидетельствует об ухудшении обработки глиняного сырья (как указывается иногда в литературе), а является показателем дальнейшей разработки технологии обработки глиняных масс, отвечающих тем или иным техническим требованиям (уменьшение водопоглощения, увеличение жаростойкости).

В технике формовки. Среди наиболее важных и показательных элементов производства керамических изделий — технические приемы формовки и, главное, инструмент формовки, его рабочие возможности, нашедшие отражение в определенной степени в характере форм. Согласно данным археологических исследований, к IV—II вв. до н. э. значительно изменяются формы, расширяется их ассортимент, появляются технически новые (бокалы, кувшины, амфоровидные сосуды); профили сосудов четкие, но более плавные, стенки тонкие. Очевидно, происходят значительные изменения в развитии техники формовки, которые связаны с принципиально новыми техническими приемами — возможно, с улучшением рабочих возможностей формующего инструмента. Определяя некоторые особенности развития техники формовки древнего периода на основе изучения конкретного археологического материала самой керамики, мы исходили из следующих положений.

1. Гончарный круг, происхождение которого относится к глубокой древности (III тыс. до н. э.), получил распространение в Средней Азии в конце III — начале I тысячелетия, и первые формы, изготовленные на гончарном круге, значительно отличались от лепных, в частности за счет большей герметизации (прежде всего за счет вторичной обработки их на круге).

2. Говоря о гончарном круге, мы имеем в виду не подставки, поворачиваемые руками, а такое орудие производства, где рабочее действие и движение круга совмещаются. Формовка осуществляется двумя руками.

3. Рабочие качества как ножного, так и ручного гончарного круга определяются скоростью, а главное, ровностью и длительностью вращения его; от этого зависят возможности работы мастера с глиной при ее движении, многократность изменения ее рабочей формы, а значит, изготовление той или иной формы.

4. Ровность и длительность движения зависят, в свою очередь, согласно формуле работы вращающегося инструмента, приведенной А. И. Августиником $\left(A=\frac{mr^2:w^2}{2}\right)$[1], от величины радиуса круга (прямо пропорционально квадрату радиуса) и его массы. Развитие круга шло по линии увеличения радиуса рабочего круга (площадки, на которой формируется изделие) или за счет его массы.

5. К III в. до н. э. хорошо известны два вида круга высоких рабочих возможностей — ножной с массивной головкой (изображение бога Хнум на западной стене храма Осириса вблизи Асуана за гончарным кругом) [2] и ручной большого диаметра (увеличенный радиус и в определенной степени масса) в Греции, изображение которого известно на сосуде-гидрии (музей в Мюнхене) [3].

Не исключено, что именно с греческими колонистами-ремесленниками связано появление где-то около IV—III вв. до н. э. в Средней Азии гончарного круга больших (по отношению к предшествующему времени) рабочих возможностей.

6. Одновременно с развитием гончарного круга шло освоение и осмысливание основных моментов и приемов формовки глины на нем, осмысливание возможных сочетаний определенных глин и форм при соответствующих данных круга. Чем ровнее и дольше вращается круг, тем легче многократно уплотнять и вытягивать глину и таким образом получать более тонкие стенки изделий и большее разнообразие новых форм, являющихся результатом возможного увеличения этапов формовки.

7. Многочисленные наблюдения показали, что отдельные этапы формовки изделий в ряде случаев определяли развитие форм [4]; в этом плане формы изделий, отмечаемые исследователями как новые для периода III—II вв. до н. э., являются развитием возможностей формовки пластичных масс на круге по отношению к более раннему периоду.

8. Многочисленные наблюдения рентгеновских снимков, подбор образцов с учетом различного характера движения глиняной массы на разных этапах формовки показали, например, что движение массы было более интенсивным и ровным на изделиях Болдай верхний, Яван нижний и верхний, Кобадиан II, чем на изделиях Болдай нижний и Кобадиан I.

9. О значительном движении глиняной массы изделий рассматриваемого периода, ее разном изменении при формовке на круге свидетельствуют и микроскопические исследования и микрофотографии масс черепка керамических изделий, на которых хорошо видна ориентация пластического материала, более или менее выраженная.

10. На протяжении первых веков до нашей эры и первых веков нашей эры происходит дальнейшее развитие форм и освоение круга, его возможностей и приемов, появившихся в период IV—II вв. до н. э.

Итак, к IV—II вв. до н. э. на территории Северной Бактрии произошли какие-то значительные изменения в технике формовки керамических изделий за счет получения новых возможностей инструмента формовки — изменения, определившие технические линии и направления развития керамики по крайней мере на ближайшие три-четыре столетия.

В технологии ангобов. Согласно существующим датировкам керамического материала, именно к III в. до н. э. в керамическом производстве Северной Бактрии происходят подъем и интенсивное развитие в принципе очень древней техники ангобирования: распространяются разные виды красных ангобов, обладающие высокой плотностью (часто с блестящей поверхностью), ангобы лощеные, черные и светлые. Особый интерес для нас представляют блестящие яркие красные или черные ангобы, часто с лощением, и обычные черные по серому или красно-коричневому черепку.

Прием лощения, как таковой, известен с глубокой древности еще для лепных неолитических сосудов по ангобированным и неангобированным поверхностям изделий бронзового века [5]. Новый подъем этой техники отмечается в Передней Азии в III—II вв. до н. э., например в Селевкии[6]. Для этого времени известны лощеные ангобы и в Северной Бактрии[7]. Гладкие блестящие поверхности получались за счет уплотнения мельчайших глиняных частиц под давлением, которое производилось лощением. При обжиге изделий мельчайшие частицы ожелезненной глины быстро и легко реагировали на температуру в печи, уплотняясь и спекаясь. Блестящие плотные поверхности, характеризующиеся частичным спеканием, могут быть и результатом хорошего окислительного обжига обильно ожелезненных тонкодисперсных масс. Судя по данным термического анализа, обжиг таких изделий происходил при температуре около 1000°. Исследование таких ангобов (из Явана, Кобадиана II, Болдая верхнего) позволило отметить удивительно тонкую обработку масс, имеющих пелитовую структуру, и совершенно аморфный вид их. Характер окраски массы ангоба неодинаков. Железистые окислы образуют различные по своему характеру и цвету соединения. Распространение высококачественных плотных и ярких ангобов в III—I вв. до н. э. может быть связано с тенденцией к введению специальных плотных водонепроницаемых покрытий, обладающих высокими декоративными и техническими качествами, в том числе глазурей, в производство бытовой керамики на Ближнем и Среднем Востоке, в Средней Азии.

В III—I вв. до н. э. в эпоху эллинизма в греческом керамическом ремесле распространяются сосуды, сплошь покрытые «лаками» — черным и коричневато-золотистым. В позднеэллинистической керамике Малой Азии (Селевкия[8], Дура-Европос[9]) известна темно-зеленая глазурь, не использовавшаяся ранее, как правило, в бытовой керамике. Широкое распространение получают красные ангобы. В отличие от известных ранее, эти ангобы отличаются высокими кроющими способностями и плотностями, ровностью в цвете и массе. Они как бы соперничают с глазурованными покрытиями парфянских сосудов и греческими лаками, называемыми иногда глазурями[10], что находит, кстати, упорные возражения других исследователей[11]. Античные лаки состоят из щелочи, глины и окисей (для черных лаков — закиси) железа. Схема состава условно может быть обозначена так: Na_2O — Fe_2O_3 — Al_2O_3 — SiO_2, где в качестве плавня выступают Fe_2O_3 и Na_2O, а лаки или «глазури» могут быть названы «натрий-железо-алюминий-силикатными». Определенному составу такой системы присущи такие особенности, как способность образовывать промежуточный слой с черепком, иметь определенную необходимую температуру спекания и плавления, определенный коэффициент термического расширения их. Нами в лаборатории были получены высококачественные блестящие красные поверхности, аналогичные лакам на основе указанной системы.

Согласно А. М. Блюмену, лаки греческих сосудов представляют собой богатую железом тонкоотмученную глину[12], т. е. схема их может быть представлена как F_2O_3 — Al_2O_3 — SiO_2. Такая же схема может быть предложена для наших яванских ангобов, имевших в качестве основных компонентов Fe_2O_3, Al_2O_3, SiO_2, где основную роль плавня играют окислы железа. Плавкость железистых глин усиливается мельчайшими размерами частиц, плотностью их укладки. Увеличение количества окислов железа улучшает плавкость и спекаемость ангобных масс. Определенные составы глиняных масс этой схемы также могут удовлетворять некоторым требованиям глазури, а именно образовывать промежуточный слой, иметь определенную температуру плавления. Однако такие факторы, как высокая вязкость за счет высокого содержания глинистого материала, характер поверхностного натяжения, не удовлетворяют условиям обычных глазурей. А наличие одного плавня, такого, как окислы железа, не может обеспечить получение «глазуроподобных» составов. Введение в состав ангобов щелочей значительно увеличивает возможности получения глазуроподобных веществ при обжиге около 1000°. Наличие щелочей отмечено для ангобов исследуемых нами комплексов (Явана) всего в двух случаях (около 5%). Тем не менее мы можем отнести массы высококачественных блестящих, частично спекающихся ангобов к системе технологии изготовления специальных масс, предназначенных для получения особых декоративных покрытий, обладающих высокими техническими качествами и включающих в качестве основных компонентов окислы железа, дающих различные варианты составов — от «глазурей» (подобных приведенным Фармаковским) и глазуроподобных масс до обычных ожелезненных глиняных, приобретающих особые качества за счет технологии обработки и обжига.

Различные виды составов ангобов, создающих блестящие яркие и плотные поверхности, характерны для всего древнего периода, вплоть до IV в. н. э. включительно. Другим видом обработки поверхности изделий (как решение поставленной технической задачи для получения водонепроницаемой блестящей красивой поверхности) были щелочные глазури. Глазурованные изделия первых веков нашей эры были обнаружены М. И. Вязьмитиной в Термезе. М. И. Вязьмитина отмечает, что «химический анализ поливы не установил в ней наличия свинца»[13].

Для древнего периода известны два вида глазурей — свинцовые и щелочные, но в бытовой керамике Ближнего Востока[14], Индии[15] использовались, как свидетельствуют литературные данные, глазури щелочные. В этом плане айртамские глазури, очевидно, также продолжали ближневосточные традиции и при изготовлении другого вида покрытий — полив-глазурей.

Керамика восстановительного обжига. Черный ангоб. Другой характерной особенностью в керамическом производстве первых веков нашей эры, начиная с рассматриваемого нами рубежа III—II вв. до н. э., является сероглиняная керамика или, что на наш взгляд вернее, керамика восстановительного обжига. Технические приемы получения такой керамики, часто с блестящей гладкой поверхностью, известны с глубокой древности, технологические особенности такой керамики неоднократно дискутировались (А. Лукас, В. М. Петри, Н. Н. Франкфорт)[16].

Для рассматриваемых нами комплексов характерны изделия с сероглиняным черепком и черным ангобом и изделия со светло-коричневым черепком и темно-коричневым, почти черным ангобом. Исследование ангобных масс показало высокое содержание в них окислов железа при отсутствии каких-либо других компонентов, могущих оказать влияние на окраску массы. При обжиге с красноангобированной поверхностью в восстановительной среде наряду с обычным процессом происходит процесс восстановления окислов железа. Быстрее эта реакция происходит на поверхности, покрытой тончайшим слоем ожелезненной глиняной массы, за счет мельчайших частичек глиняной массы, а также за счет большой легкоплавкости ожелезненных масс. В зависимости от характера обжига — полный или частичный обжиг в восстановительной среде — получается сероглиняный черепок с черной корочкой ангоба или красноглиняный черепок с черноангобированной поверхностью.

Таким образом, получение черноангобированных поверхностей, как правило, связывалось с использованием двух технических приемов —

получения красноангобированных поверхностей и восстановительного обжига их.

Итак, в период III—II вв. до н. э. в Северной Бактрии появилась керамика, изготовление которой было связано с введением в керамическое производство совершенно определенных технических приемов и их детальной разработкой. Вновь появившиеся в технологии производства приемы получили свое дальнейшее развитие на протяжении ряда столетий, определяя в значительной степени особенности керамики вплоть до IV в. н. э. на технических основах, установленных в бактрийский период. В этом плане сходство материала Кобадиана II, III, IV и Беграм I и II, независимо от абсолютной датировки их, не может вызывать удивление. А изменения, связанные, например, с расширением ассортимента изделий, их технического разнообразия, являлись результатом общего подъема ремесел в областях огромной Кушанской империи с развитыми культурно-экономическими взаимосвязями между народами.

---

[1] А. И. Августиник, К истории развития формирования керамических сосудов методом вращения,— «Труды Ленинградского Технологического института им. Ленсовета», вып. XXIX, 1954, стр. 7.

[2] Там же, стр. 8.

[3] H. B. Walters, A History of Ancient Pottery (Greek, Etruscan and Roman).

[4] Это хорошо просматривается на киноленте, подробно фиксирующей процесс формовки трех разных видов изделий (кувшина, кубка, чаши).

[5] A. Evans, The Palace of Minos, London, 1921, vol. I, p. 38; W.E. Albright, Excavations during 1933 in Palestine, Transjordan and Syria,— "American Journal of Archaeology", vol. XXXVIII, No. 1, January — March, 1937; В. М. Массон, Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Куфтина,— «Труды ЮТАКЭ», т. VII, 1956; А. Лукас, Материалы и ремесленные производства древнего Египта, М., 1958.

[6] N. C. Debevoise, Parthian Pottery from Seleucia on the Tigris, University of Michigan Press, 1934. См. также: S. Birch, History of Ancient Pottery, London, 1858, стр. 239.

[7] См., например: А. М. Мандельштам, Кочевники на пути в Индию,— МИА, 136, стр. 93—95.

[8] N. C. Debevoise, op. cit.

[9] N. Toll, The Green Glazed Pottery. The Excavations at Dura-Europos. Final Report, IV, pt I, London, 1943.

[10] G. Prichter. Red and Black Glaze,— "Nederlande kunsthistorische Jaarbock", 1954, vol. 5; C. F. Binns, A. D. Fraser, Genesis of the Greek Black Glaze,— «American Journal of Archaeology», № 33, 1929.

[11] E. F. P. de Iong, A. J. Rijken, Surface Decoration on the Terra Sigillata and on Greek Black Painted Vases,— "American Ceramic Society Bulletin", 1941, 25.5—7.

[12] А. М. Блюмен, Глазури, 1957.

[13] М. И. Вязьмитина, Керамика Айрама времени кушанов,— ТАКЭ, т. II, Ташкент, 1945, стр. 40.

[14] N. C. Debevoise, op. cit.; N. Toll, op. cit.

[15] B. B. Lal, Studies in Ancient Indian Materials and Industries,— «Current Science», vol. 22, № 1, January 1953, стр. 7—8.

[16] См. А. Лукас, ук. соч.

Summary

1. Studies of ceramics and its classification; its role in exploring the complicated problems of the history of the Kushans. The common features and local variants in the ceramics of the regions coming under the Kushan Empire. The technology and processes involved in the production of vessels: selection and processing of raw materials, moulding, slip-covering, decoration of the surface and glazing, which form the principal features of the ceramics of this or that period. Investigation of the production methods and technical characteristics of the Northern Bactrian pottery of the Kushan and earlier periods. The close connection between the shapes, clay mass composition and vessel moulding techniques as a basis for ceramics classification by periods.

2. Moulding techniques in making ceramic ware and the necessary tools. Studies in various ceramic complexes dated from the 2nd century B.C. to the 4th century A.D.

from Northern Bactria, the different moulding techniques and working abilities of various tools coexistent in time. X-ray investigation of the material and microscopic analysis of ceramic masses; microscopic studies of the traces of moulding on fragments; variations in length, rate and smoothness of motion of the moulding tools in making this or that kind of ceramics. The diversity of techniques involved in making vessels noted for the ceramic complexes of one and the same site (Kobadian, Saksanokhur). Secondary processing on the wheel of a range of ware (the material of Kobadian and Yavan).

3. The technique of slip-covering aimed at improving the decorative and technical quality of the vessel; its ancient traditions and complicated history. Ceramics of the Graeco-Bactrian period: the development of various types of high-quality ferrous slips, red and red-brown colours and hues. Multiple versions of transition of the composition of these slips from ferrous clay masses of the system $Fe_2O_3—Al_2O_3—SiO_2$ *to* $Na_2O—Fe_2O_3—Al_2O_3—SiO_2$ (diagram of the fourth system). The development of slips within the systems indicated in the Kushan period.

4. The technical quality of red slips. The material of the Northern Bactrian complex.

5. Articles with a light slip. Technological processes involved in the making of light slip-covered ceramics.

6. Investigations of the glazed ceramics found in the regions coming under the Kushan Empire; the Near Eastern traditions in the production of Northern Bactrian glazes.

А. К. АБЕТЕКОВ (СССР, ФРУНЗЕ)

РАННИЕ КОЧЕВНИКИ ТЯНЬШАНЯ И ИХ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ С КУШАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ

В последние годы Институтом истории АН Киргизской ССР поставлен вопрос о планомерном изучении археологических памятников кочевого населения на всей территории республики. Изучение проблемы ранних кочевников приводит нас к важному вопросу, поднятому еще исследованиями покойного профессора А. Н. Бернштама, — к вопросу о взаимоотношении кочевых племен с земледельческим миром в эпоху Кушанской империи, с которой связан расцвет культуры античного периода в Средней Азии.

Новые археологические материалы позволяют точнее осветить вопрос об этих взаимоотношениях.

В этом выступлении мне хотелось бы коснуться проблемы культурных взаимоотношений Кушанской державы с кочевыми племенами сопредельных районов. Курганы и могильники, относящиеся к периоду падения греко-бактрийской цивилизации и образования Кушанской империи, исследованы в большом количестве и в разных районах Средней Азии, в том числе в Киргизии. Среди них известны курганные захоронения с подбойными и катакомбными могилами. Такие памятники появились в начале нашей эры и охватывают довольно широкий ареал.

Культура кочевников Тянь-Шаня и Алая в I тысячелетии до н. э. — саков и усуней — на протяжении всей их многовековой истории отличалась значительной устойчивостью. Как и другие кочевые племена, усуни создали своеобразную кочевую культуру, которая подвергалась, видимо, во II—III вв. н. э. некоторому влиянию кушанской цивилизации. Кушанское влияние прослеживается в курганах Алайской долины; об этом, например, говорит миниатюрная золотая маска, обнаруженная нами в могильнике Джалпак-Добе (курган № 8) в могиле с подбоем, но без скелета погребенного. Подобные маски известны в памятниках хорезмийско-кушанской античности.

Интересна также находка 1968 г. в том же кургане около 30 золотых вещей (овальной формы медальон с инкрустацией красными гранатами, нашивные бляшки из фольги, круглой и квадратной формы, цепочка и перстень с ромбовидными выемками и т. д.). Там же найдена стеклянная ваза с резным орнаментом и ручками в виде львиных головок и серебряная ваза. Подобные находки впервые обнаружены в курганных могилах Средней Азии.

Среди находок Кара-Булакского могильника имеется уже неоднократно издававшаяся уникальная бронзовая статуэтка танцовщицы индийской работы I—II вв. н. э.

Этот материал свидетельствует о связях кочевников с оседлым населением Кушанской империи. По мере их развития расширяется круг предметов, импортируемых в кочевой мир, в результате чего на территории Киргизии появляются такие великолепные предметы кушано-бактрийского производства, как упомянутая орнаментированная ваза с ручками в виде львиных головок, ювелирные изделия и др., а из Индии — фигурка танцовщицы.

Эти примеры показывают, что кочевые племена Алая и, видимо, Каратегина (Памир) не были оторваны от кушанской цивилизации.

В этой связи представляет определенный интерес сходство антропологического типа кочевников Киргизии — саков и усуней — с типом населения оседлых областей, входивших в Кушанскую державу. Тем не менее у нас нет оснований говорить о едином этнокультурном массиве, как это делает О. Хельфен в одной из своих статей[1]. Кочевники и земледельцы Средней Азии, несмотря на многовековое тесное общение, все же имели четко выраженные различия.

---

[1] Otto Maenchen-Helfen, The Yüeh-chih Problem Re-examined,— JAOS, vol. 65, April — June 1945.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

В дискуссии на утреннем заседании 3.X. 1968 приняли участие: Б. И. Маршак (СССР, Ленинград), |Ф. А. Заславская| (СССР, Москва), Б. Огёл (Турция, Анкара), Б. А. Литвинский (СССР, Душанбе).

В связи с положениями некоторых заслушанных на заседании докладов Б. И. Маршак высказал пожелание, чтобы к датировке соответствующих памятников подходили более осторожно. Монеты Хормизда II из позднекушанского слоя, о которых говорил Л. И. Альбаум, могут быть монетами кушаншаха Хормизда (иногда его отождествляют с Хормиздом II, но это лишь гипотеза). Надпись на монете, включающая, по мнению С. Қ. Қабанова, слово «кушан», не содержит этого слова. О здании, которое Б. А. Тургунов датировал греко-бактрийским периодом, можно лишь сказать, что оно относится ко времени ранее Қанишки. Предложенная Н. Н. Негматовым дата слоя Тудаи-Қалон слишком точна, особенно если принять во внимание, что там нет монет; костяная же пластинка, о которой упоминалось в докладе, должна быть датирована не ранее позднесасанидского времени.

Ф. А. Заславская остановилась на значении терракотовых статуэток для истории искусства стран кушанского региона. Она отметила важность материалов, продемонстрированных индийскими учеными, говорила о необходимости издания (типа каталога), которое обобщило бы все подобные материалы. Она высказала пожелание использовать классификационную статистику при изучении данных материалов.

Б. Огёл, отметив большой интерес археологических материалов, представленных на заседании, говорил о необходимости выделить определенные критерии, которые дали бы возможность разграничения культуры саков, усуней, юечжей; лишь в этом случае допустимы сделанные на археологических материалах конкретные исторические выводы о происхождении этих народов.

Б. А. Литвинский заметил, что датировка тех или иных археологических комплексов на основе отдельных найденных в них предметов является одной из причин различных датировок таких комплексов. Большинство комплексов из Ферганы и окружающих областей датируется не сако-усуньским временем, а II—III вв. н. э. и поэтому не имеет отношения к вопросу о передвижении юечжийских племен. На основании археологических материалов пока нельзя говорить — тем более в категорической форме — о конкретных передвижениях племен. Особое внимание Б. А. Литвинский обратил на доклад Т. И. Зеймаль, в котором дана на основе богатейшего материала четкая аргументация датировки слоев кушанских памятников.

SUMMARISED RECORD OF DISCUSSION

October 3, 1968, morning session. The speakers were: B.I. Marshak (Leningrad, U.S.S.R.), |F. A. Zaslavskaya| (Moscow, U.S.S.R.), B. Ogel (Ankara, Turkey), B. A. Litvinsky (Dushanbe, U.S.S.R.).

Commenting on the hypotheses broached in some of the papers, B.I. Marshak called for greater caution in dating the archaeological material in question. The Hormizd II coins in the late Kushan layers mentioned by L.I. Albaum could be coins of the Kushanshah Hormizd, and although the latter was often identified with Hormizd II, that was simply a conjecture. The inscription on the coin into which S.K. Kabanov had read the word "Kushan", did not contain that word at all. As for the building which B.A. Turgunov had placed in the Graeco-Bactrian period, all one could say for it was that it pertained to the time before Kanishka. N.N. Negmatov's suggested dates for the Tudai-Kalon layer were too precise, especially in view of the absence of any coins; the bone plate mentioned in his paper could not be dated before the late Sassanian period.

F.A. Zaslavskaya touched on the significance of the terracotta statuettes for the history of the art of the countries of the Kushan region. She stressed the importance of the material demonstrated by the Indian scholars and called for the publication of something in the nature of a catalogue that would embrace all such material, and also the use of classificatory statistics in studying it.

B. Ogel noted that the archaeological material presented at the session was highly interesting, and spoke of the necessity to establish criteria which would make it possible to distinguish between the Saka, Wu-sun and Yüeh-chih cultures. Only then could concrete historical conclusions as to their origins be drawn from the archaeological data.

B.A. Litvinsky said that the practice of dating archaeological complexes on the basis of isolated artifacts found in those complexes was one of the reasons for the lack of agreement in their dating. Most of the complexes from Fergana and its environs belonged not in the Saka-Wu-sun period but the 2nd and 3rd centuries A.D. and therefore had no bearing on the migration of the Yüeh-chih tribes. One could not draw any conclusions, and least of all categorical ones, about the exact movement of the tribes on the basis of the archaeological material alone. Litvinsky singled out T.I. Zeimal's paper for the clearly argumented case it presented, on the basis of a wealth of factual material, for the dating of the layers bearing Kushan finds.

Утреннее заседание 4.X.1968

ИСКУССТВО КУШАНСКОЙ ЭПОХИ

Morning Session 4.X.1968

KUSHAN ARTS

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА (СССР, ТАШКЕНТ)

КУШАНСКОЕ ИСКУССТВО В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ ОТКРЫТИЙ В СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ

Термин «кушанское искусство» все прочнее завоевывает себе место в искусствоведческой и археологической литературе. В нем подкупает лаконизм, который вмещает в краткую формулу большое понятие; но по этой же причине, как всякий условный термин, он требует как бы подразумеваемых в скобках оговорок.

Речь идет о художественной культуре народов, вошедших в состав Кушанского царства в хронологических рамках его становления, расцвета и упадка, — о той культуре, в которой при всем своеобразии тематических направлений и школ возникает некий объединяющий их внутренний субстрат. Выявление этого субстрата составляет одну из интереснейших проблем кушановедения.

В изучении кушанской художественной культуры ученые почти постоянно делали крен в сторону Индии. Искусство Гандхары и Матхуры как-то заслонило собой те замечательные памятники, которые со временем дали древняя Нагарахара (Джелалабадская провинция, Афганистан), Кабулистан, а за последнее двадцатилетие — Бактрия (Амударьинский оазис). Между тем истоки культуры кушанской эпохи следует искать, на наш взгляд, прежде всего в Бактрии, на землях древней местной культуры и начального закрепления кушан, где не только вызревали и крепли силы молодого государства, но и формировались многие черты его идеологии.

Исследование больших и малых городищ кушанского времени — Термеза, Зар-тепе, Халчаяна, Айртама, Дальверзин-тепе в Узбекистане, Кей-Кобад-шаха, Саксанохура, Яванского городища в Таджикистане, Балха в Афганистане — освещает некоторые ведущие черты бактрийско-кушанского градостроительного искусства. Планы городов в большинстве регулярны, внешний контур прямоуголен. Они хорошо укреплены, имеют цитадели, крепостные стены и рвы. Кладки стен массивны, в них нередко устроены внутристенные коридоры, камеры стрелков; имеются боевые площадки, зубчатые парапеты; ко рву выносилась платформенная боевая площадка типа протейхизмы. Бактрийско-кушанская фортификация знает два типа крепостных стен — фланкированных башнями и без них. В стенах и башнях были щелевидные бойницы с прямым или стреловидным завершением, расположенные прямо или вкось, причем наряду с подлинными нередки бойницы ложные.

Бактрийско-кушанским крепостным ограждениям присущи суровая простота гладких поверхностей стен, строгий ритм башен и вертикальных линий бойниц, скромность декора. Облик их существенно отличен от индийско-кушанских укреплений, хотя сами приемы фортификации сходны.

Глина — основной материал строительства, употреблявшийся в виде пахсы и сырца в конструкциях стен, сырцового и жженого кирпича в кладках сводов, а также в строительных растворах, смазках, штукатурках. Весьма значительна была роль дерева в системе колонных террас-айванов и плоских балочных перекрытий. Изредка применялся камень. Этот основной состав строительных материалов сыграл определенную роль в формировании как конструктивных систем, так и общего строя архитектурных форм и композиций самих сооружений.

Археологическими раскопками в Хатын-Рабате, Халчаяне, Дальверзин-тепе выявлены некоторые типы жилых домов рядового населения бактрийско-кушанских городов и селений. Характерная черта их — многокомнатная композиция, в чем, по-видимому, отражены большесемейные традиции частной жизни. В доме на городище Хатын-Рабат смежно с жилой частью располагаются производственные помещения и дворики.

Традиции бактрийского народного жилого строительства входят в дворцовую архитектуру кушанской Бактрии. Таков раннекушанский дворец в Халчаяне. Здесь господствуют шестиколонный айван, продолговатый приемный зал и расположенная за ним двухколонная (видимо, тронная) комната. Для этого небольшого в своих абсолютных размерах здания характерны монументальность и композиционная завершенность. Халчаянский дворец не имеет прямых параллелей ни в грекоримском, ни в парфянском, ни в индийском зодчестве.

Кушанская культовая архитектура представлена храмовым комплексом, связанным с культурой Великих Кушан в Сурх-Котале. Система его ограждающих стен, оформленных прямоугольными башнями, явно повторяет приемы бактрийско-кушанской фортификации. Принцип дворовой организации внутреннего пространства восходит, по-видимому, к греко-бактрийской эпохе, о чем позволяют судить раскопки зданий в Ай-Хануме. Композиция же святилища — центрального и за стенами, — главную идею которой составляет зал в кулуаре, говорит еще о староиранских связях (храм V в. до н. э. в Сузах), но особенно о греко-бактрийских и парфянских традициях. Такова система грекобактрийского здания в Айртаме (II в. до н. э.), форт в Мерве, храм Кухи-Ходжа (I в. н. э.), храм Хатры (I—II вв. н. э.).

С проникновением в Бактрию буддийских колоний здесь появляются ступа, святилища, пещерные вихары и наземные сангарамы. На бактрийской почве они несколько видоизменяются, очевидно в соответствии с местными архитектурными принципами. Традиционны по композиции ступы Тепе-Рустам и Шахри-Фалак в Балхе, Зурмала в Термезе, ступа в Айртаме. Они имеют невысокий квадратный пьедестал и башнеобразный цилиндрический массив с пониженно-коробовым куполообразным завершением. Однако приемы их кладок (сырец и пахса) и облицовок (белый мергелистый известняк, окрашенный в красный цвет жженый кирпич) отличают их от ступ иных кушанских областей распространения буддизма. Черты своеобразия характеризуют планировку и пространственное построение монастырей и святилищ. Так, буддийские святилища Дальверзин-тепе и монастырского комплекса Кара-тепе в Термезе развивают ту же систему зала в обводном коридоре, что и в айртамском здании и в храме Сурх-Коталя.

Связки бактрийско-кушанского зодчества с греко-бактрийскими и восточнопарфянскими традициями III—II вв. до н. э. отчетливо предстают при анализе архитектурных деталей и элементов. Таковы торовидные и аттические базы, «варваризованные» терракотовые антефиксы, коринфизированные капители. Генезис коринфизированных капителей кушанской архитектуры большинством ученых связывался с римскими архитектурными влияниями. Ниса и Ай-Ханум свидетельствуют о том, что прототип этой формы — в лоне греко-бактрийского и восточнопарфянского зодчества III—II вв. до н. э.

Нет оснований отрицать значение кушано-римских связей первых веков нашей эры, захватывавших не только коммерческую, но и культурную сферу. Однако в области архитектуры они не сыграли существенной роли. Корни кушанского зодчества на территории Бактрии уходят не в римский приток, но в греко-бактрийскую почву, на которую со временем, подобно плодородному илу, наслаивается индо-буддийский пласт.

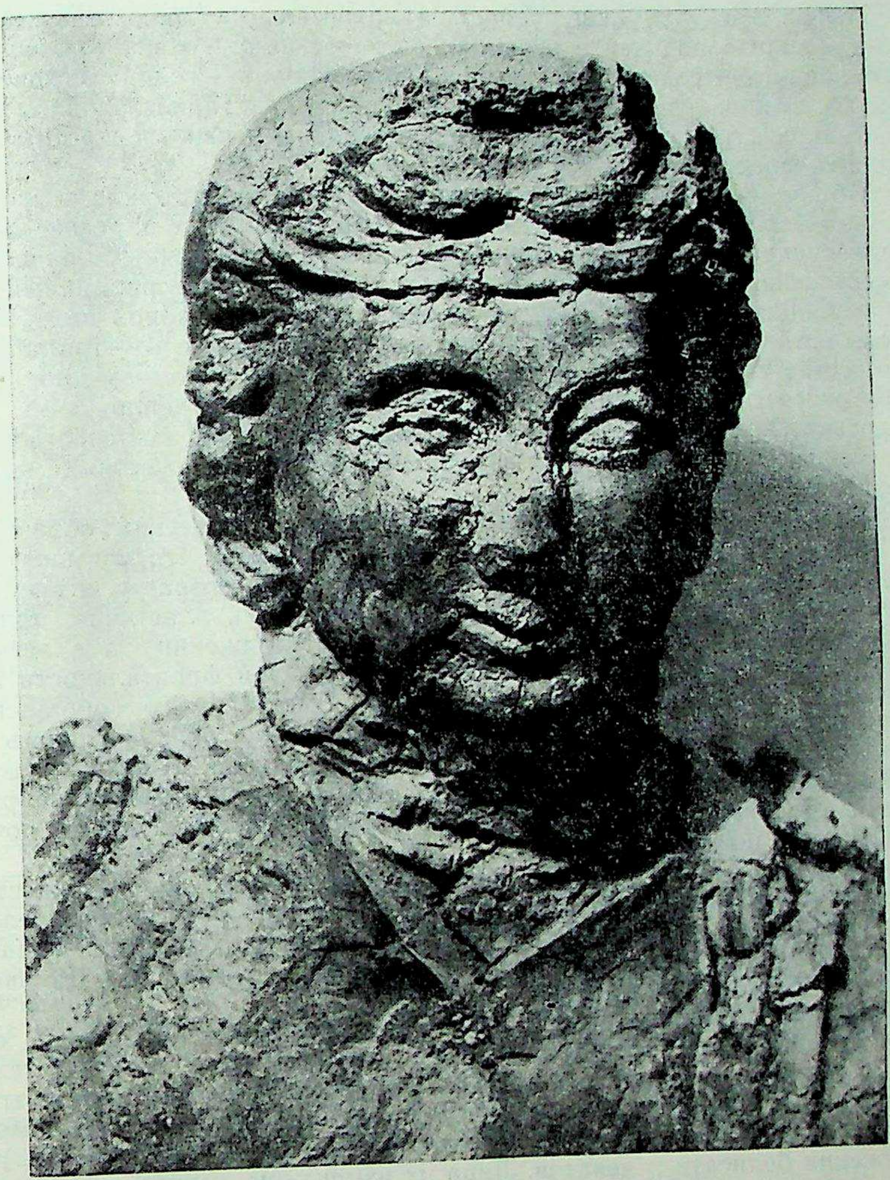
Эстетические тенденции кушанской Бактрии особенно наглядно отражены в скульптуре. Она предстает в памятниках разных категорий — светской и культовой, народной и аристократической, в произведениях круглой пластики и в барельефе, в монументальных скульптурных композициях и мелких терракотах.

Терракотовые статуэтки встречаются почти на всех бактрийских городищах, а в Шор-тепе, Дальверзин-тепе, Саксанохуре обнаружены также матрицы-калыпы. Они были связаны с массовыми народными культами, среди которых ведущая роль принадлежала почитанию местных великих богинь. Отметим два принципиальных положения. Статуэтки богинь из разных районов Бактрии отличны в передаче лиц, головных уборов, одежд, атрибутов, но в пределах каждого района обычно господствуют два-три ведущих иконографических типа -- очевидно, в наибольшей мере отвечающих сложившимся культовым и эстетическим представлениям. Иконография этих терракот претерпевает медленную, но явственную эволюцию во времени — от эллинизированных к сильно «варваризованным», передающим локально-этнические особенности облика и одеяний. Эта эволюция — показатель изменения самих художественных вкусов.

Мужские статуэтки редки. Широкое распространение получают лишь штампованные, а чаще — грубо вылепленные фигурки всадника на лепном же коньке. Культ коня и всадника, видимо, был связан с идеологией той конной степной среды, из которой вышли нахлынувшие во II в. до н. э. в Бактрию племена юечжей, в том числе и сами кушаны, о чем свидетельствует и изображение всадника на обороте раннекушанских монет (чеканы Герая и «Сотера Мегаса»).

Оставляя в стороне монетную иконографию кушан, которой уже посвящена огромная литература, отметим, что образы царей и божеств, представленные на них, безусловно имели статуарные прототипы в монументальном искусстве Кушанской империи. Матхурские статуи и скульптурные фрагменты из Сурх-Коталя передают монументальную иконографию Канишки, халчаянские скульптуры подтверждают изобразительную точность как портрета Герая, так и образа кушанского всадника, представленного на оборотах монет Герая и «Сотера Мегаса». Каменная статуэтка сидящей богини из Куль-тепе и терракотовая из Дальверзин-тепе в основном совпадают с монетной иконографией Ардохшо в чекане Васудевы II.

Открытия скульптуры в Халчаяне и Дальверзин-тепе проливают совершенно новый свет на развитие статуарного искусства кушанской



Халчаян. Статуя супруги правителя. Глина с окраской

Бактрии. Скульптура Халчаяна близка ко времени царя Герая, скульптура Дальверзин-тепе датируется монетами Кадфиза I и Кадфиза II. Таким образом, оба памятника восполняют большой хронологический пробел в истории кушанской художественной культуры в целом. Значимость их тем более велика, что в пластических композициях здесь фигурируют реальные представители кушанской среды.

Своеобразие проявляется уже в выборе материала — не камня, как в Гандхаре, а тонко отмученной глины (в статуях Халчаяна) и пластичного гипса (в Дальверзин-тепе), нанесенного по-сырому на глиняную болванку, обернутую тканью.

Айван и главный зал дворца в Халчаяне были оформлены пристенными скульптурами, заполнявшими высокий зофор и венчающий фриз. Сюжеты зофора связаны с прославлением первых кушан из клана царя Герая. В центре был изображен правитель на троне с супругой, в окружении сородичей и вельмож; слева от него — сцена торжественного представительства кушанской знати; справа — галоп легковооруженных лучников и закованных в броню катафрактариев. Образы всех участников глубоко достоверны, индивидуальны и явно портретны. Это целая галерея реальных лиц и характеров.

Общее содержание халчаянского скульптурного цикла — триумф молодой, восходящей власти, воплощенный в сюжетах царского величия, государственной силы, воинской доблести, праздничных процессий, божественного благоволения. Полосы фриза заполняет ритмичный побег гирлянды, несомой бегущими детьми, в свесах которой выступают бюсты сатиров, девушек-музыкантш, скоморохов. Все это — традиционный состав участников вакхических сцен; однако в огромном дионисийском репертуаре греко-римского искусства прямых реплик они не встречают. Халчаянские ваятели вкладывали в эти образы собственное отношение, придавая им черты реальных участников местных народных празднеств и процессий.

Скульптура Халчаяна — это не подражание греческим образцам; однако самый стиль ее пронизан духом эллинизма с его повышенным интересом к человеческой личности, к характеру и возрасту, к выразительности красоты и безобразия. Лепка лиц очень пластична, драпировки мягки, фигуры переданы то в сильном движении, то в легком обороте, то в уравновешенном покое. Но застылой фронтальности нет даже там, где фронтальна сама позиция. Вместе с тем обращение к местному типажу при подборе действующих лиц, проникновение в их внутреннее существо, собственное понимание идеала мужской и женской красоты — все это характеризует особое художественное направление в статуарном искусстве античного мира, развивавшееся на почве кушанской Бактрии.

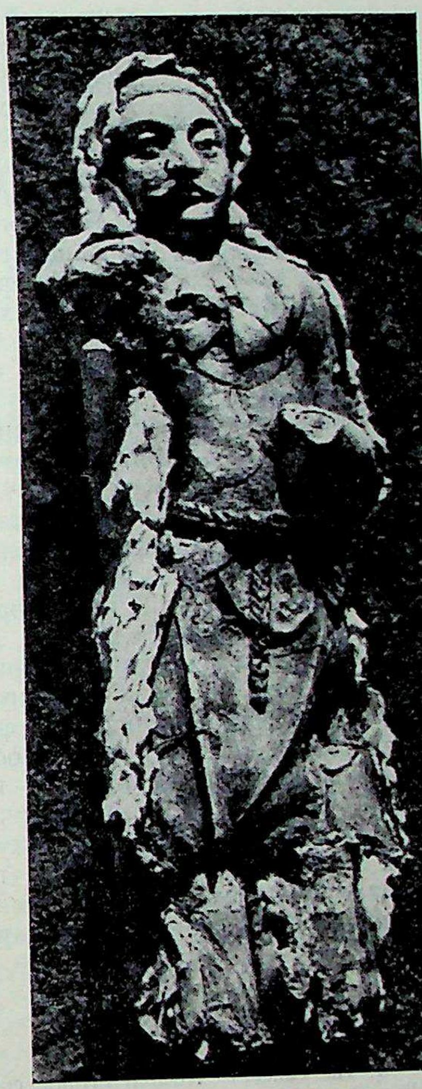
Светская линия халчаянской скульптуры бесспорна, божества здесь играют лишь соподчиненную роль верховных покровителей. В ней заложены основы династического искусства кушан, следующее звено которого дает скульптура буддийского святилища Дальверзин-тепе.

Скульптура располагалась здесь в двух смежных помещениях, одно из которых, судя по составу статуй и месту для возжигания светильников, служило кумирней, а второе — «царской галереей». Все статуи были жестоко разбиты. Тем не менее можно определить, что в композицию кумирни входила статуя стоящего Будды (до 4—5 *м* высоты) в окружении бодисатв и деватов. Лица их изысканны, нежны, обрамлены кудрями, иногда подхваченными нарядными повязками. По типу они очень близки к некоторым скульптурным головкам из Хадды, а одна фрагментированная голова из Дальверзин-тепе почти идентична знаменитому «гению с цветами».

Наиболее своеобразны статуи из «царской галереи». Здесь были две крупные мужские фигуры в богатых кафтанах и шароварах с нашивными украшениями, в высоких конусовидных головных уборах. Характер одеяний и форма этих шапок, сходных с головными уборами статуй из Матхуры, не оставляет сомнений в принадлежности этих персонажей к дому кушан. Одна из фигур представляет пожилого мужчину с усами (видимо, самого правителя), другая — молодого безусого мужчину (наследника). Его лицо с правильными чертами исполнено величия, аристократизма, высокого достоинства. В ту же композицию входили статуя знатной женщины со своеобразной прической, подхваченной богатой перевязью, и статуи вельмож в кушанских костюмах.

Стилистически дальверзинская скульптура представляет собой новый этап развития кушанского ваяния в сравнении с халчаянской. Тема царского величия здесь особенно подчеркнута. Фигуры правителя и принца больше натуральных размеров, фигура женщины меньше, а статуи вельмож совсем невелики. Это отличие масштабов недвусмысленно выделяет ранг каждого из них на лестнице сословной иерархии. Статуи из «царской галереи» представлены почти в фас — здесь явно начинает господствовать закон фронтальности.

Лица бодисатв в сравнении с дионисийскими персонажами халчаянского фриза, пожалуй, изысканней и красивей, но при явной идеализации их образов утрачивается присущая последним жизненная сила. Эта идеализация отражена и в статуях «царской галереи». Хотя внешность каждого участника не следует какому-либо стандарту, а лица их вполне индивидуальны, выполнены они в той общей манере, которая скрадывает возраст и темперамент. Духовный строй и характер ничем не выражены, внутренние эмоции не смещают лицевой мускулатуры; однако в них нет и отвлеченной бесстрастности идола. Искусство ставит целью передачу некоей идеальной сущности, выраженной через портретно-индивидуальную лицевую маску.



Дальверзин-тепе.
Статуя вельможи-адоранта

К портрету саганианского принца неожиданной параллелью предстает статуя из святилища Антиоха Коммагенского в Нимруд-Даге (I в. до н. э.). Это сходство художественных решений определялось единством идейных позиций и общностью стилистических явлений, генезис которых уходит в единую почву восточно-эллинизированного искусства, вызревавшего еще в Селевкидской Сирии и в Греко-Бактрии.

Время наивысшего подъема империи Великих Кушан в правление Канишки и Хувишки ознаменовалось новой, заключительной фазой эволюции кушанского искусства. Буддийская скульптура на территории Бактрии возрастает числом, но преимущественно повторяет образцы гандхарского ваяния (рельефы из Сурх-Коталя, Кундуза, Баглана). Однако айртамский фриз дает оригинальную композицию с размещением между крупными листами аканта полуфигур с музыкальными инструментами, цветами и сосудами в руках. Закон фронтальности царит здесь уже безраздельно, эмоциональность в лицах персонажей почти совсем снята.

Фрагменты царских статуй из Сурх-Коталя и Матхуры свидетельствуют о том, что те же особенности стиля присущи и небуддийским пластическим образам кушанского ваяния. В конечном счете отличия в облике царей и принцев в матхурской скульптуре определяются лишь деталями костюмов и головных уборов, лица же их почти стандартны, неподвижны, лишены какой-либо возрастной или эмоциональной характеристики. Стиль кушанского ваяния в эту пору сближается со скульптурами Хатры и Пальмиры, возвещая какие-то общие тенденции в позднеантичном искусстве Среднего и Ближнего Востока.

Династическая и вообще светская линия эволюции статуарного искусства кушан, связанная с передачей реальных исторических лиц, все более абстрагируется. В царских портретах главная цель — передача некоего трансцендентного начала, выражающего идею освященной божественным покровительством власти, как таковой, величия династии, почти независимо от того, кто в данный момент восседает на троне.

Таким образом, в эволюции кушанского ваяния намечаются три этапа изменения стиля, из которых ранний можно было бы назвать экспрессивно-реалистическим, второй — идеализирующим, а третий — иератическим или официозно-каноническим.

Анализ памятников архитектуры и искусства различных областей Кушанской державы приводит к заключению о существовании здесь нескольких крупных очагов формирования локальных художественных школ — Бактрии, Кабулистана, Нагарахары, Удайяны, Гандхары, Матхуры. Вместе с тем единство присущих им общих тенденций характеризует кушанскую художественную культуру как сложносоставное, но цельное явление. Процесс его формирования был сложен, но в общем в нем выделяются как бы две основных встречных волны. Раннекушанское искусство зачиналось на греко-бактрийской почве, но в эту же эпоху в Северо-Западной Индии слагалось новое направление индо-буддийского искусства. В эпоху Великих Кушан происходит слияние двух этих встречных потоков, что в конечном счете определяет формирование кушанской художественной культуры как целостного направления искусства античного мира в его особом центральноазиатском варианте.

Summary

1. The concept "Kushan artistic culture" is a conditional one—it pertains to art within the territorial and chronological framework of the Kushan Empire; however, neither the dynastic nor the ethnic traits (of the Kushans as the genetic name of one of the Central Asian tribes and the dynasties emerging from it) were decisive in its formation.

2. The investigation of a number of town-sites in Northern Bactria—Termez, Khalchayan, Airtam, Dalverzin-Tepe (Uzbekistan), Kobadian, Kukhne-Kala, Yavan (Tajikistan) — reveals traits of Bactrian town-planning and fortifications. The study of ancient buildings buried in the layers of these and other town-sites (the palace and the remnants of dwelling houses in Khalchayan and Dalverzin-Tepe, Buddhist structures in Airtam, Dalverzin-Tepe, Kara Tepe and Żurmala in Termez, the ruins of large buildings with stone architectural elements in Parkhar and Khatyn Rabat and others) revealed the basic methods of construction, the evolution of architectural compositions and forms, and the predominant features of architectural style.

3. Clay statues from the Khalchayan palace and gypsum statues from the Dalverzin sanctuary, which are of great artistic value, give an idea of the monumental statuary of Northern Bactria, while the discovery of numerous terracotta figurines shows that the popular trend in the local art was pronounced. All these monuments together with those found in Northern Afghanistan (Ai-Khanum, Surkh Kotal, Shahr-i-Banu and others) depict the main trend of the evolution of creative ideas and the methods of their artistic implementation in Bactrian-Kushan architecture and sculpture.

4. Bactrian monumental architecture took form on the basis of local traditions as regards its constructional, technical and planning-compositional principles. At the same time, in the 3rd to 1st centuries B.C., the influence of Hellenistic architecture is clearly

visible; this influence was gradually eclipsed, and in the 1st-3rd centuries A.D. there emerged (chiefly in Buddhist cult structures) the Gandharan influence.

5. In the sculpture of Khalchayan the images are full of an internal tension, they express the characters' age and temperament, exhibit portrait features and character, and embody a special idea of beauty. The statues of the donors in Dalverzin-Tepe are also portraits, but in spite of the personal distinctions of their features, the faces are executed in a generalised manner, which conceals the spiritual make-up; this is a beginning of an idealisation of images, even though the face masks undoubtedly express individuality. In the Surkh Kotal sculpture, in the profiles of Vima Kadphises and Huvishka on coins, and also in the gallery of the Kushan rulers from the dynastic sanctuary in Mathura, idealisation and typisation of the royal image had already become a predominant feature, embodying the abstract idea of the triumph of the transcendental principle over the real, the mundane.

6. A comparison of the architectural and art monuments of various regions of the Kushan Empire leads to the conclusion that there were several major artistic centres in the empire, and local "schools" developed in Bactria, Kabulistan, Nagarahara, the Swat valley, Gandhara and Mathura. At the same time the common trends show that there was a Kushan culture, which was a complex but monolythic phenomenon in the art of the ancient world in its specific Central Asian variant.

7. In its late manifestations, Kushan art already contained an embryo of the phenomena which, in the regions where this art spread, were assimilated and developed by early medieval art, reflecting the new system of social ideas by a consecutive change of the artistic images and forms.

B. ROWLAND *(CAMBRIDGE, MASS., U.S.A.)*

GRAECO-BACTRIAN ART AND GANDHARA: KHALCHAYAN AND THE GANDHARA BODHISATTVAS

It is only within the last decades that Western scholars have become aware of the extraordinary discoveries of Soviet archaeologists in the ancient principalities of Russian Central Asia. We stand in admiration of the work of Tolstov, Masson, Pugachenkova, Belenitsky and Litvinsky. For too long, the Amu Darya has figuratively separated their endeavours in Turkmenistan, Uzbekistan and Tajikistan from the related material in Afghanistan and Pakistan. It seems high time, if only as belated tribute to our Russian colleagues, to evaluate some of the Graeco-Bactrian and Kushan art from the Transoxian region in relation to finds in the realm of Gandhara.

In the final paragraph of her splendid article on the sculpture of Khalchayan, G.A. Pugachenkova wrote, "Le rôle de tout ce complexe sculptural dépasse certainement les cadres de l'art bactrien seul: ces sculptures peuvent servir de clef à compréhension d'autres exemples de toute la culture artistique antique de l'Asie Centrale et de l'école de sculpture du Gandhâra en particulier. Car les sources de celle-ci, malgré l'existence d'une littérature d'une richesse immense, restent encore à saisir, mais ce sujet demande encore à être repris"[1]. As a kind of footnote response to G.A. Pugachenkova's challenging remarks, I would like to examine some of the sculpture and painting of Khalchayan in its relation to the art of Hadda, Taxila and Central Asia with the idea of establishing the decoration of this princely castle in Uzbekistan as a possible foundation for later developments south of the Amu Darya and the Hindu Kush, indeed south of the Khyber Pass.

As G.A. Pugachenkova and others have pointed out, there is no doubt that the style of clay heads from the great frieze at Khalchayan is ultimately derived from Hellenistic art, notably the *Sturm und Drang* school of Pergamum. We would not question either the proposal that in certain respects, such as the intense realism and pictorial composition of the relief, what may be described as a true Bactrian style had developed by the late 2nd century B.C. Whether its direct antecedents are the actual Hellenistic sculpture of Staraya Nisa and Ai-Khanum is only of indirect interest to our problem, which is more concerned with the artistic descendants of the Khalchayan complex.

In an earlier publication I have called attention to the persistence of Hellenistic art in Pakistan[2], notably at Taxila of the Parthian period, where it was possible to find many close parallels between the stucco heads from Sirkap and the late Hellenistic or Graeco-Roman art of Aphrodisias. The heads of donors and divinities from the Apsidal Temple in Sirkap and the Dharmarajika Stupa are to be assigned to the pre-Kushan period, presumably the 1st century A.D. in the time of Gondophares, the last important Saka-Parthian ruler of Taxila.

It now seems even more persuasive that the early stucco heads at Taxila are in some way related to the Bactrian art of Khalchayan. A number of the bearded heads of cavaliers and warriors found at Khalchayan immediately suggest the style of the stucco masks of divinities and donors from Sirkap in the freedom of modelling, the poignant intensity of facial expression and in the pictorial handling of the medium—quite different from the formality of the countless heads made from moulds at Taxila and Hadda in later centuries. We may note especially the counterpart for the famous satyr head at Taxila and a similar mask from the assembly of divinities at Khalchayan. Certain details of the satyr head from Sirkap, such as the treatment of the hair and the dynamic animation achieved by the contracted brows and open mouth, are, like the companion satyr from Khalchayan, suggestive of the school of Pergamum. It is not necessary, of course, to assume a direct influence of the style of Khalchayan on the pre-Kushan stuccoes of Taxila. They may be regarded with the reliefs of Khalchayan as emerging from the surviving Graeco-Bactrian tradition in this Philhellenic phase of Parthian domination in north-western Pakistan.

In the case of the Buddhist sculpture of the Kushan period the connections with the Bactrian style of Khalchayan appear even closer. Certainly Khalchayan is not without its importance for the beginnings of Buddhist sculpture in Gandhara; for example, the heads of the young princes of Khalchayan in their radiant virility and as ethnic types suggest some of the earlier Gandhara Bodhisattvas which, on another occasion, I proposed might be portrayals of local nobles deified in the likeness of members of the Buddhist pantheon [3]. G.A. Pugachenkova's observation on the resemblance of one of the royal portrait heads to the coin portraits of Heraus [4] brings to mind the similarity between the famous Yaksha Kubera of the Lahore Museum and the portrait of Hyrcodes. This may not be just a resemblance of ethnic types, but another instance of a deified royal portrait. Although the Gandhara Bodhisattvas have been reduced to generalised types as appropriate for divine beings, many retain reminiscences of individualised portraits, and it is this characteristic that makes their identification as deified nobles more convincing. It is this trace of realism and their regal bearing that relate them to the secular portraits of Khalchayan.

We are all familiar with the syncretic nature of Kushan art and religion, as illustrated primarily by the pantheon of mixed origins on the coins of the Kushans and reflected occasionally in Gandhara sculpture. The collection of deities in the peribolos of Surkh Kotal and the assembly of gods at Khalchayan are the sculptural equivalents of this numismatic evidence. Again, the Athena of Lahore has her ancestor in the version of the goddess found at Khalchayan, and the heads of Mithra and other deities from this Bactrian site reappear in the stucco sculpture of Hadda.

The sculpture of Hadda indeed is often characterised as a belated florescence of the Hellenistic style. The quality of radiant spiritual expressiveness and pathos, sometimes analysed as a Gothic quality at Hadda, is already present in the sculpture of Khalchayan. The individualised realism of the Khalchayan portrait heads persists in many of the representations of subsidiary figures at Taxila and Hadda, where it is employed to give an expression of intense religious fervour. As Prof. Belenitsky has pointed out, the art of Khalchayan is certainly a dynastic one, and perhaps for this very reason—its association with the reigning house—it provided the forms and techniques for the religious art patronised by the Kushans. As a parallel it could be noted that in Byzantine art there is little difference between the art dedicated to the throne and the church.

Certainly by the time Bactrian forms were assimilated into Buddhist art in Gandhara, they again underwent certain local changes under Indian and, as I have long maintained, under Roman influence through the commercial and diplomatic relations between the Kushans and the Mediterranean world.

Certain other features at Khalchayan provide the antecedents of common forms in Gandhara art. The frieze of garland-bearing putti which crowned the great frieze at Khalchayan immediately brings to mind one of the favourite motifs of Gandhara sculpture, although the erotes of Khalchayan are much more classical in modelling than their drily carved descendants in Gandhara. In this connection it is worth mentioning *en passant* that this same decorative arrangement is repeated in the wall paintings of Miran. Also, the special tonsure of the head of a boy in a fragment of wall painting from the great hall at Khalchayan reappears in the putti of Miran and also in the winged genii of the Kucha casket. Another detail reproduced by G.A. Pugachenkova, a sort of Late Antique ephebe, seems to be the direct forebear of the heads of flying angels from Hadda.

The direct line of descent from Graeco-Parthian Nisa to Khalchayan, to Surkh Kotal, and eventually Hadda may be illustrated by the comparison of fragments of royal portraits from Nisa[5], a draped torso from Khalchayan[6], and the remnants of stucco figures from Surkh Kotal[7]. The final step to Hadda appears in some of the more classical Buddha images unearthed at Tepe Kalan.

One thing which I hope these comparisons and suggestions have made clear is that the Bactrian tradition never died, but was sustained and diffused for centuries by the dynastic and religious patronage of the Kushans. Although it does appear that Bactrian art, as represented by Khalchayan, was the immediate progenitor of the classical phase of Kushan sculpture, I see no reason to abandon the argument which I have advanced on many occasions: the intrusion of recognisable Roman forms and techniques into the sculpture of Gandhara in the early centuries of our era.

---

[1] G. Pougachenkova, "La sculpture de Khalchayan", *Iranica Antiqua,* vol. 2, 1965, p. 127.

[2] B. Rowland, Jr., "The Hellenistic Tradition in Northwestern India", *The Art Bulletin,* March 1949, XXXI, 1, pp. 1-10.

[3] B. Rowland, Jr., "Bodhisattvas or Deified Kings. A Note on Gandhara Sculpture", *Archives of the Chinese Art Society of America,* XV, 1961, pp. 6-12.

[4] The same type, including the head band universally worn by the nobles of Khalchayan, reappears in a stucco from Hadda. See: J. Hackin, *L'oeuvre de la délégation archéologique française en Afghanistan, 1922-32,* Tokyo, 1933, p. 11, pl. 12 *a* and *b*.

[5] G. A. Pugachenkova, *Iskusstvo Turkmenistana,* Moscow, 1967, pp. 23-25.

[6] G. A. Pugachenkova, *Khalchayan,* Tashkent, 1966, pl. XXI.

[7] John M. Rosenfield, *The Dynastic Arts of the Kushans,* Berkeley and Los Angeles, 1967, figs. 125, 125a.

G. SHARMA (ALLAHABAD, INDIA)

KUSHAN ARCHITECTURE WITH SPECIAL REFERENCE TO KAUSAMBI (INDIA)

The ruins of the well-known site of Kausambi (81° 23′ N. Lat., 25° 20′ E. Long.) are situated on the left bank of the River Yamuna at a distance of 51.2 km. from Allahabad in a south-westerly direction. The remains of the ancient city viewed from a distance give the impression of an imposing hillock, which, when approached, reveals itself as a chain of rolling mounds, standing high above the surrounding plains, girdled on the south by the Yamuna. The background of the entire scene to the south is provided by the Vindhyan range, peeping through the horizon at not a great distance beyond the river.

The remains of Kosam were for the first time identified as those of the once famous Kausambi by General Cunningham in the year 1861. N.G. Majumdar of the Archaeological Survey of India was entrusted with the work of the excavation of the city in 1937, which he did for two consecutive seasons. However, due to the demise of Majumdar in 1938, the work was abandoned, to be started afresh in 1949 by the Allahabad University. Since then the University has been carrying on excavations in different sectors of the old town uninterruptedly.

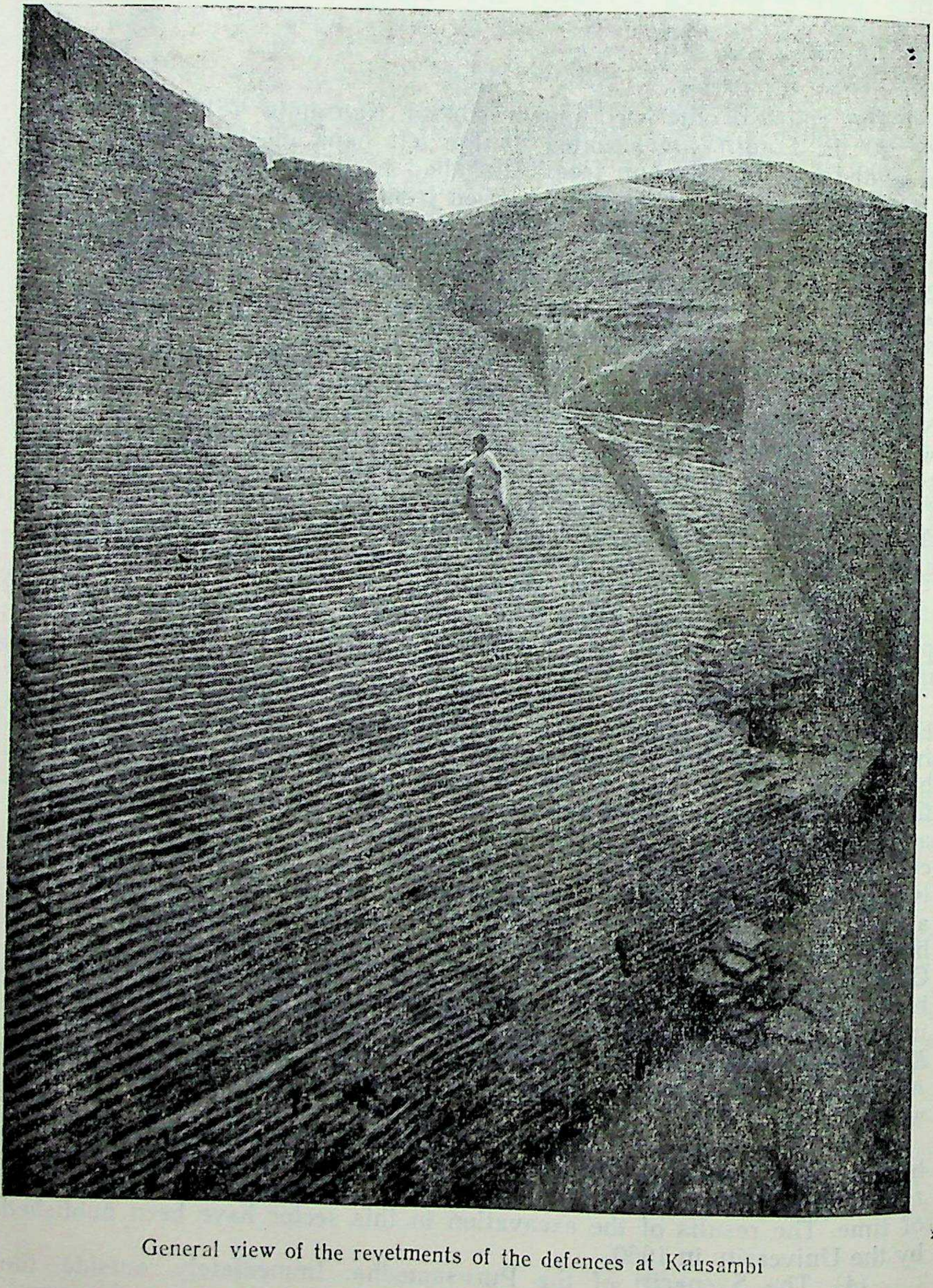
The main areas excavated[1] so far are:

(1) Ancient roads, lanes and residential houses of the common people near the Asokan pillar situated practically in the centre of the mound enclosed by the defences.

(2) Ghositarama Monastery, the celebrated abode of Gautama Buddha, near the eastern gate of the ancient city. The monastery is frequently mentioned in the early Buddhist literature and is said to have been built by one of the leading bankers of Kausambi named Ghosita. In tradition he is referred to as the treasurer of King Udayana and also related to the latter through his foster daughter. During the course of his stay at Sravasti, the Buddha was invited by Ghosita and two of his other banker friends, named Kukkuta and Pavariya, to pay a visit to Kausambi. In order to provide a lodging for the Buddha and his followers, Ghosita built a monastery, which was christened as Ghositarama. The Lord Buddha is said to have graced the monastery by his visits and stay on many an occasion, and the *Tripitaka* abounds in stories concerning it. Some of the famous Suttas and Jatakas, e.g. *Kosambiya, Jaliya, Sandaka, Upakkilasa, Sekha-Suttas* and *Dalhadhamma, Kosambi* and *Surapana* Jatakas were preached by the Buddha while he was staying at Ghositarama.

(3) The defences of Kausambi. Near the eastern gateway of Kausambi has been laid bare the complex defence system with a number of revetments, bastions and guardrooms, built and rebuilt over a vast span of time. The results of the excavation in this sector have been published by the University in 1960.

(4) The Syenaciti of the Purusamedha. Immediately outside the defences on its eastern side have been unearthed the ruins of a sacrificial altar, which has been identified as a Syenaciti on which the famous sacrifice known as the Purusamedha was performed in the 2nd century



General view of the revetments of the defences at Kausambi

B.C. The identification has been made on the basis of the nature of its construction, the materials excavated and the literary data.

Needless to say, the excavations conducted in these sectors have thrown welcome light on the various aspects of ancient Indian history and culture. Our knowledge regarding the evolution of town life, the growth of urban concepts, sculpture, architecture, epigraphy and the antiquity of coinage has been considerably enlarged. However, on the basis of the ceramic industries of the entire sub-periods noticed so far, the total culture sequence can be divided in five distinct groups, each presenting a special feature characteristic of its own:

KSB Period I (c. 1300 B.C.-1000 B.C.). Pottery from the lowest levels, particularly from the defences, is very fragmentary and extremely worn out. The major ceramic industry of this period is predominantly red, occasionally painted in black pigment. In addition to this, there is a small percentage of sturdy grey to buff ware, coarse black-and-red ware and coarse black ware. Some sherds with incised designs have also been obtained.

Excepting a few stray examples, the pottery of this period is wheel-turned, treated with a wash or slip.

KSB Period II (c. 1000 B.C.-c. 900 B.C.). The pottery from the later layers of the defences at Kausambi and almost the entire earlier material from the palace area, according to our latest analysis, especially in the light of the material of other sites, constitutes a distinct group. There are at least 9 types present in this group at Kausambi, which compare well with the similar types of Atranjikhera I. The decorative motifs on the painted and incised sherds, mostly from the palace area, are comparable with similar ones on the pottery of Rangpur II B, II C and III, Lothal B, Navdatoli III and Bahal I. They constitute a distinct group from KSB I and KSB III. Like that of the earlier period, the pottery assemblage of this period comprises red ware and black-and-red ware.

Many of the types of Periods I and II are widely distributed in Western and Central India as well as in the Ganga valley, generally in a Chalcolithic context, the sites in question being Rangpur (II B.C.-III), Lothal (B), Prabhasa, Rojdi (I A-I C), Mehagaon (Pd I), Bhogatrava (Pd I), Amra, Sawalda, and Ahar I C in Western India, Eran I and Navdatoli III in Central India, and Alamgirpur (Pd I), Bahadarabad, Atranjikhera I and II, Kakoria, Sonepur (Pd I), and Chirand I in the Ganga valley. It is interesting to note that in Western India the comparable types occur in the late Harappan or immediate post-Harappan context. In the Ganga valley, the most noteworthy sites yielding some of the analogous types are Atranjikhera (Etah District, U.P.) and Kakoria on the Chandraprabha (Varanasi District), the number of comparable types at the former site being 15, at the latter 73.

Chirand in Bihar has also offered 9 analogous types. In this context it is interesting to note that a recent radiocarbon determination from Chirand I has yielded a date going back to 1600 B.C.

As in the case of pottery types, so in the case of painting and incised patterns, some of the painted pieces resemble very much their counterparts from Navdatoli III, Eran I, Rangpur II A-III, and Alamgirpur I. The incised designs at Kausambi are also represented either in incision or in painting at the sites like Lothal B, Prabhasa IB, RGP II B-III, Bara (IB), Alamgirpur I, Rojdi (I), Gilund I etc., everywhere in Chalcolithic context.

Thus the early pottery of Kausambi of Periods I and II shares many types, as well as painted and incised designs, with some of the late Harappan and post-Harappan sites of Western India, Central India and the Ganga valley. This points to its early antiquity and origin. A link with the Chalcolithic culture complex and with Harappan traditions seem to be ultimately indicated.

KSB Period III. This period is characterised by the occurrence of the typical painted grey ware along with black-slipped ware, black-and-red ware, plain grey ware and red ware. A comparison of the pottery assemblage of Kausambi III with other sites of the Ganga valley, especially Atranjikhera III, has brought into focus the following points:

(I) The black-and-red ware, black-slipped ware and the red ware associated with the painted grey ware of this period have a wide diffusion and they show much similarity at Atranjikhera III, Kakoria, Chirand I A-I B, Sonepur I A-I B, etc., at least in typology.

(II) Though at the sites of Atranjikhera, Hastinapur, and Rupar, etc. the painted grey ware is a rich industry, at the site of Kausambi it appears to be an effete one.

(III) It appears that the painted grey ware represents a superimposition on a non-painted grey ware pottery assemblage in the Ganga valley.

KSB Period IV. The pottery assemblage of this period includes the famous northern black polished ware, black-and-red ware, black-slipped ware and the red ware. The northern black polished ware in this assemblage seems to be the de luxe ware of the time. The sherds of this ware in various shades, e.g. steel-grey, lustrous blue, orange, tan, chocolate, brown, drab, pink, buff, cream, silvery and golden, have been obtained.

The continued occurrence of the painted grey ware in the earliest levels of the northern black polished ware and the occasional similarity in the painting motifs of the two show an unmistakable influence of the painting tradition of the former on the latter. It is, however, to be noted that the earliest evidence of lustrous polish is not furnished by the bowls and dishes which this ware shares with the painted grey ware, but by the vases and stems of stands of red ware.

The ware is represented by bowls, dishes, basins with collared rim, basins with spout, lids, globular vessels, small, miniature and medium-sized vases and spouted vases.

A few sherds of red ware, black-and-red ware and northern black polished ware have been found with incised, impressed or appliqué designs, consisting of rows of punctured dots, strokes, triangles, circles, chevrons, criss-cross wavy lines, horizontal, vertical and oblique bands, latticed designs and semicircles.

The excavations in the different sectors at the site have also brought to light a number of sherds—with graffiti marks, of all the principal wares of this period. The symbols consist of signs of cross, plus, multiplication, trident, bow and arrow, taurine, parallel vertical lines, triangles, circles, squares and a few early Brahmi signs.

KSB Period V. It is marked by the complete absence of the northern black polished ware, the principal wares of the period being red and black.

The study of pottery from Kausambi Periods IV and V has furnished very interesting data throwing light on the connection between India and the territory of the Soviet Central Asian Republics. Among the common shapes scattered over a wider area from India to Khorezm mention may be made of conical cylinder bowls of different sizes, pedestalled goblets, handled incense burners and lipped surahis, etc. (for detailed discussion, see the paper *The Saka-Kushans in the Central Ganga Valley* in this volume).

C-14 Dates from Kausambi.

The chronology of the archaeological sequence described above has been partially corroborated by C-14 determinations, kindly supplied to us by the Tata Institute of Fundamental Research, Bombay. Of a number of samples examined by them mention may specifically be made of samples T.F. 221[2], T.F. 219[3], T.F. 96[4] and T.F. 95[5]. All these samples have been selected from the stratified deposits in a very limited area where the superimposition of the road-levels provides extremely reliable evidence regarding their relative relationship. The earliest, T.F. 221, is from a layer from the middle of the lower levels of the northern black polished ware. The C-14 determination 500±105 B.C. thus fully confirms the archaeological deduction regarding the beginning of that ware in c. 600 B.C. In fact, indications are in favour of a higher antiquity. T.F. 219 is from the 1st road and its radiocarbon determination 440±100 B.C. is significant. C-14 determination of T.F. 96 from Period IV is 115±100 B.C. Archaeologically, this level represents the immediate pre-Kushan period. Road V is associated with the beginnings and the early part of the Kushan rule and the C-14 determination of the sample T.F. 95 is A.D. 50±120.

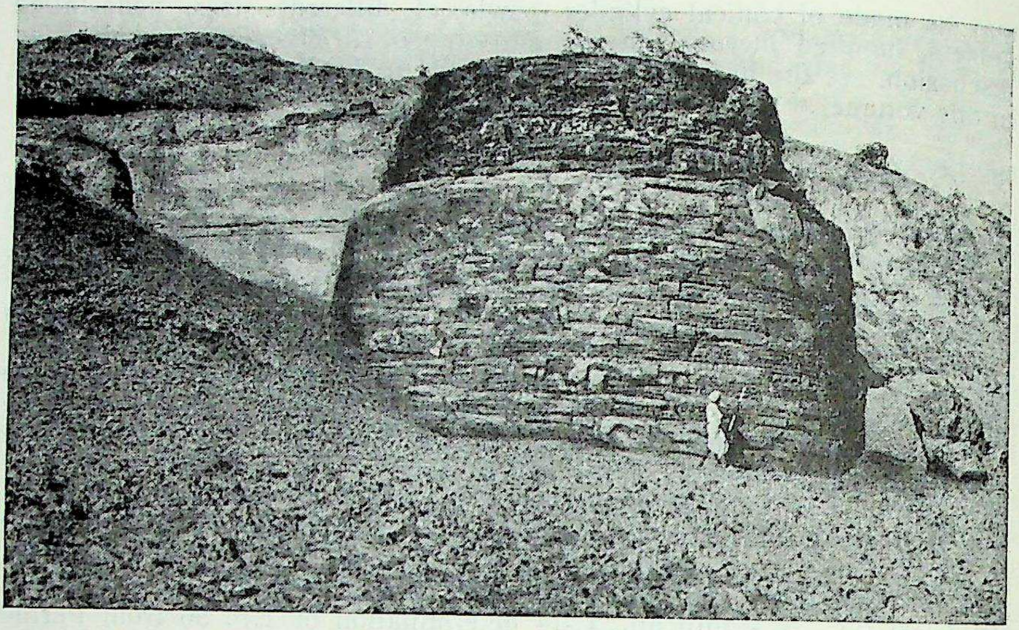
A number of samples from other excavated areas from Kausambi were also examined, and they offer consistent chronological evidence and confirm the archaeological sequence. The extensive destructions carried out by the Huns in Ghositarama have yielded seals counterstruck with the seal of Toramana and also those of Hunaraja, besides a large number of Hun arrowheads. The C-14 determination for this level is A.D. 435+95[6]. Thus we have now a number of radiocarbon determinations, ranging in dates from about 600 B.C. to A.D. 600.

The Palace Area

In the south-western corner of the ancient walled city of Kausambi, an area on the Yamuna was clearly marked out from the rest of the site by its well-defined contours. The entire area was littered with chips of stone, fragments of plaster and the sherds of the northern black polished and associated wares. On the Yamuna, two small prominent mounds covering an overall area of almost 75×45 metres were included within this complex. To these walls was connected a strongly built tower with a diameter of 11 and 2.5 metres respectively at the top and bottom, still standing in utter defiance of the formidable currents of the Yamuna, especially in the rainy season.

The examination of the surface indicated the possibility of the existence of extensive stone buildings of considerable antiquity.

The excavations conducted by the University since 1960 have laid bare a massive stone fortress on the Yamuna measiring 320×150 metres. In plan, it is barrel-shaped. The northern and southern sides are parallel and the eastern and western—curvilinear. There are three towers, circular in plan, fully exposed, at the north-eastern, north-western and south-eastern ends. The corresponding tower on the south-western side and also a considerable part of the palace complex has been washed away



Existing circular tower on the Yamuna

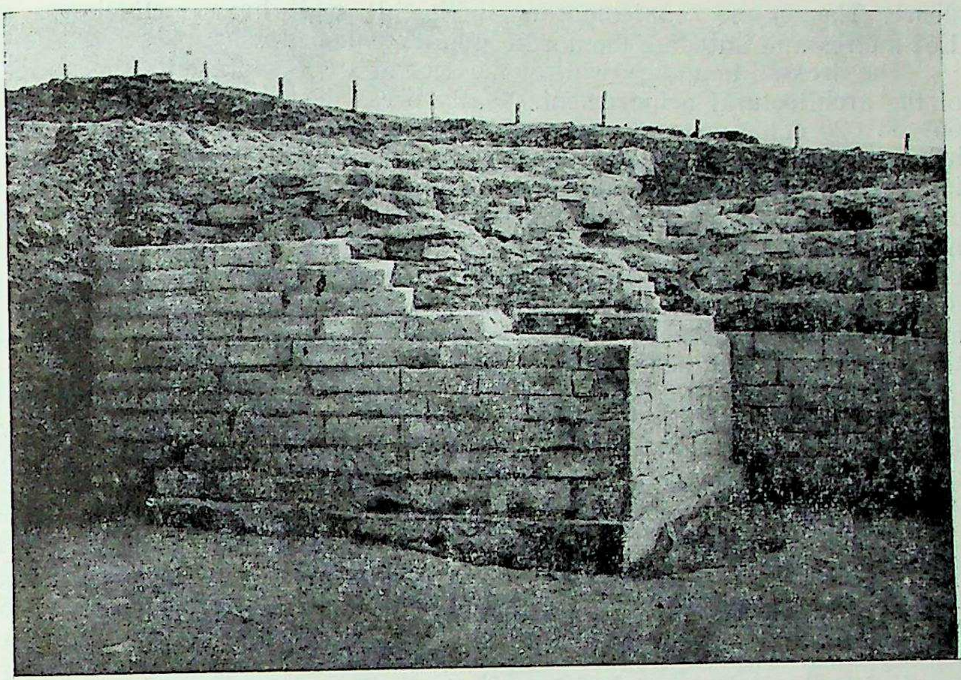
by the river. The rectangular tower (15.24×12.34 metres) is a later addition to the northern boundary wall. The palace complex shows some addition to and modification of original plan.

The northern side, which is fully intact, is approximately 132 metres in length and its width is 5.8 metres. The circumference of the towers at its north-eastern and north-western ends is 7.92 metres. The southern wall, on account of subsequent superstructures which are parallel to the northern, is exposed in a very limited area. The tower at the south-eastern corner has a diameter of 10.66 metres. The difference in the radii in the three existing towers may be due to the later extension of the tower at the south-eastern end. It has not been possible so far to demarcate clearly the original outline of this from the subsequent enlargement, as has been done in the case of the north-eastern and north-western towers. The eastern and western walls have been only partially exposed.

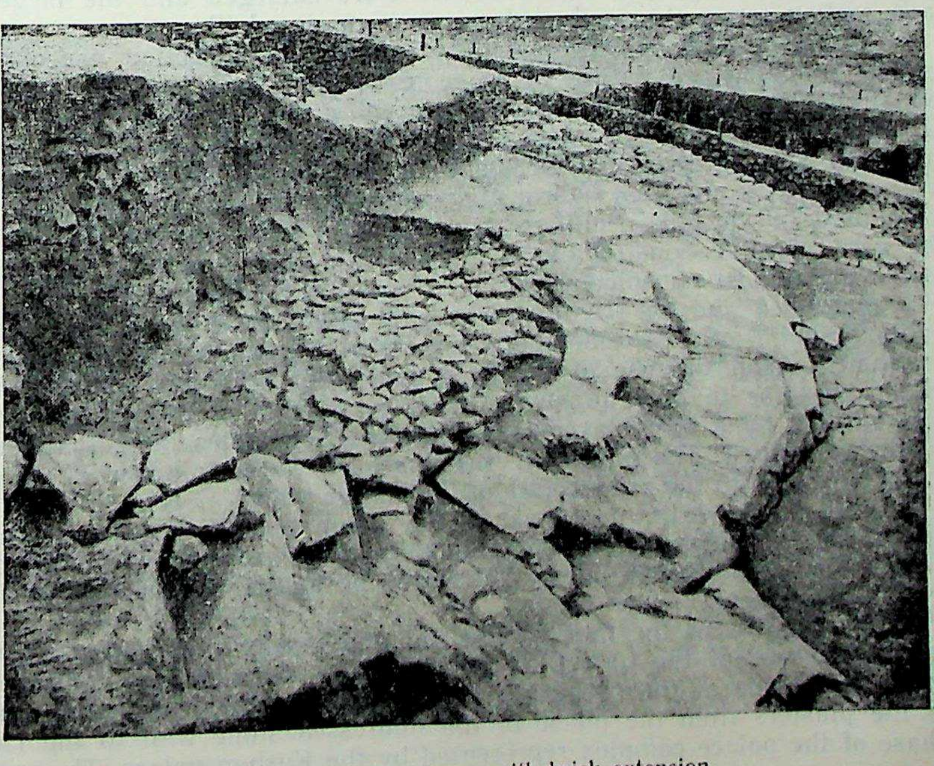
The stone fortress was surrounded by a dry ditch (4.57 metres in depth and 4.57 metres in width), of which the evidence is exposed in a limited area, to the north of the northern boundary wall. Like the palace complex, the ditch shows a number of periods and the materials recovered from it provide valuable evidence, contemporary with the corresponding periods of the palace.

The excavation of the two mounds on the Yamuna has laid bare a very extensive later complex of residential buildings of the 1st-2nd centuries A.D.

The excavation shows four main stages in the architectural evolution of the palace with ten sub-periods. The earliest stage is represented by an undressed stone boundary wall, which has been exposed beneath the dressed wall of the second stage on the northern and western sides. The wall was built entirely of random rubble, huge stones being laid in lime mortar. The stones were not dressed, but the outer surfaces of the wall might have been plastered, though there is no conclusive evi-



The northern stone boundary wall with rectangular tower



The north-eastern tower with brick extension dence. The layers contemporary with this wall have a thickness of 1.52 metres and antedate the northern black polished ware.

The dressed boundary wall of the second stage represents the apogee of the architectural achievement. Neatly dressed stones measuring about 66×53×20 cubic metres were used for the facing of the walls. The core, however, remains of rubble. This wall remained in existence for a very long time and two sub-periods of construction are denoted (1) by change of alignment, (2) by the addition of the rectangular tower and change in the position of the return wall in the eastern side, and (3) by the use of flush-pointing in the period. The flush-pointing shows a certain amount of deterioration in the standard of construction, but on the whole a high standard has been maintained in the use of highly dressed stone to provide the facing of the wall.

The return wall constituting the western side of the palace was actually built on the western side of the rampart, which, incidentally, shows that the stone fortress is posterior to the main defences of the township.

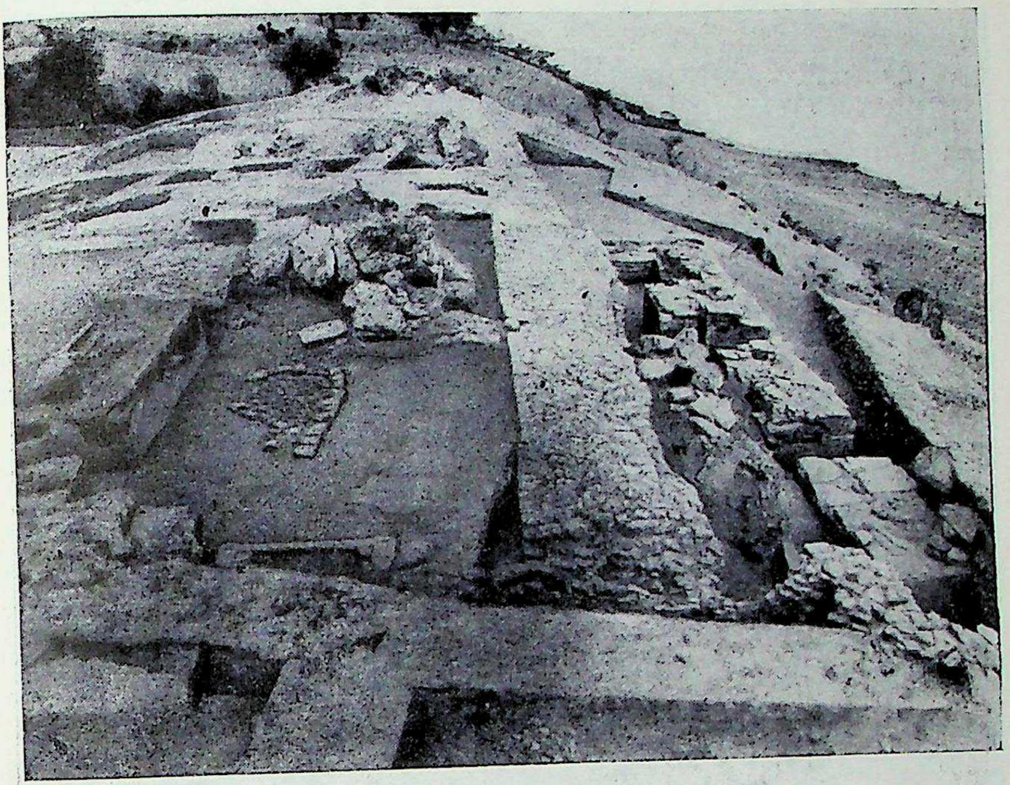
The palace was destroyed some time in the 2nd century B.C., when the stone boundary walls and towers were razed to the ground. There is also evidence of conflagration. The debris layers which covered the ruins of the wall yielded sherds of the northern black polished ware, besides a sealing bearing an inscription in the Brahmi script of c. 2nd century B.C. The layer has also yielded double-tanged arrowheads, ascribed to the Indo-Greek invasion of Kausambi.

The third stage of the palace was rebuilt immediately after the destruction, but there is a noticeable change in the alignment and in the method of construction. The boundary wall was no longer built of stone alone, the core being made of stone and the bricks being used for the facing. The corner towers were enlarged and the largest cross-section across the north-eastern tower measured 19 metres.

The fourth stage is represented by extensive construction, especially on the Yamuna. The nature of the construction gives it distinct individuality. Contrary to the general norm of construction at Kausambi, as revealed by the brick structures of the preceding periods of this area and also in the Ghositarama and other areas so far excavated, it is a typical example of hybrid architecture in which bricks and stones were used in an indiscriminate manner. Only brickbats were used in the very massive construction of this period and new and complete bricks are almost conspicuous by their absence. The stone blocks were also undressed and no attention was paid either to shape or size. The builders sought to overcome the weakness of the walls and the towers consequent upon the use of the poor quality of building materials by taking recourse to thick plaster. Almost every inch of the construction was covered by a thick layer of plaster and sometimes more than one coat was applied. The palace in this phase shows certain new features so far unknown to the architecture of the Ganga valley.

There is, however, no break in the occupation. The walls of this period were considerably widened, but they were built on the foundation of the third architectural phase. There was no appreciable change in the general alignment.

The analysis of the mortar material and plaster of different architectural phases of the palace by Dr. B.B. Lal demonstrates continuity in the technique of the preparation of the joining material, as well as in the plasters from the phase of the undressed stone wall to the last phase of the palace complex represented by the Kushan palace. The com-



General view of Kushan palace on the Yamuna

position of the mortar and the plaster and their constituent elements do not show variation of any fundamental nature.

The plan of the fortress was considerably modified by the addition of two circular towers, one of which still survives on the Yamuna. This new addition formed an apex of the triangle with the southern side of the original barrel-shaped plan as base and each of the two new additional sides, measuring approximately 34.8 metres.

The Chronology of the Four Architectural Phases.

According to the evidence of stratigraphy, pottery and other finds, the chronology of the four main phases in the construction of the palace is as follows:

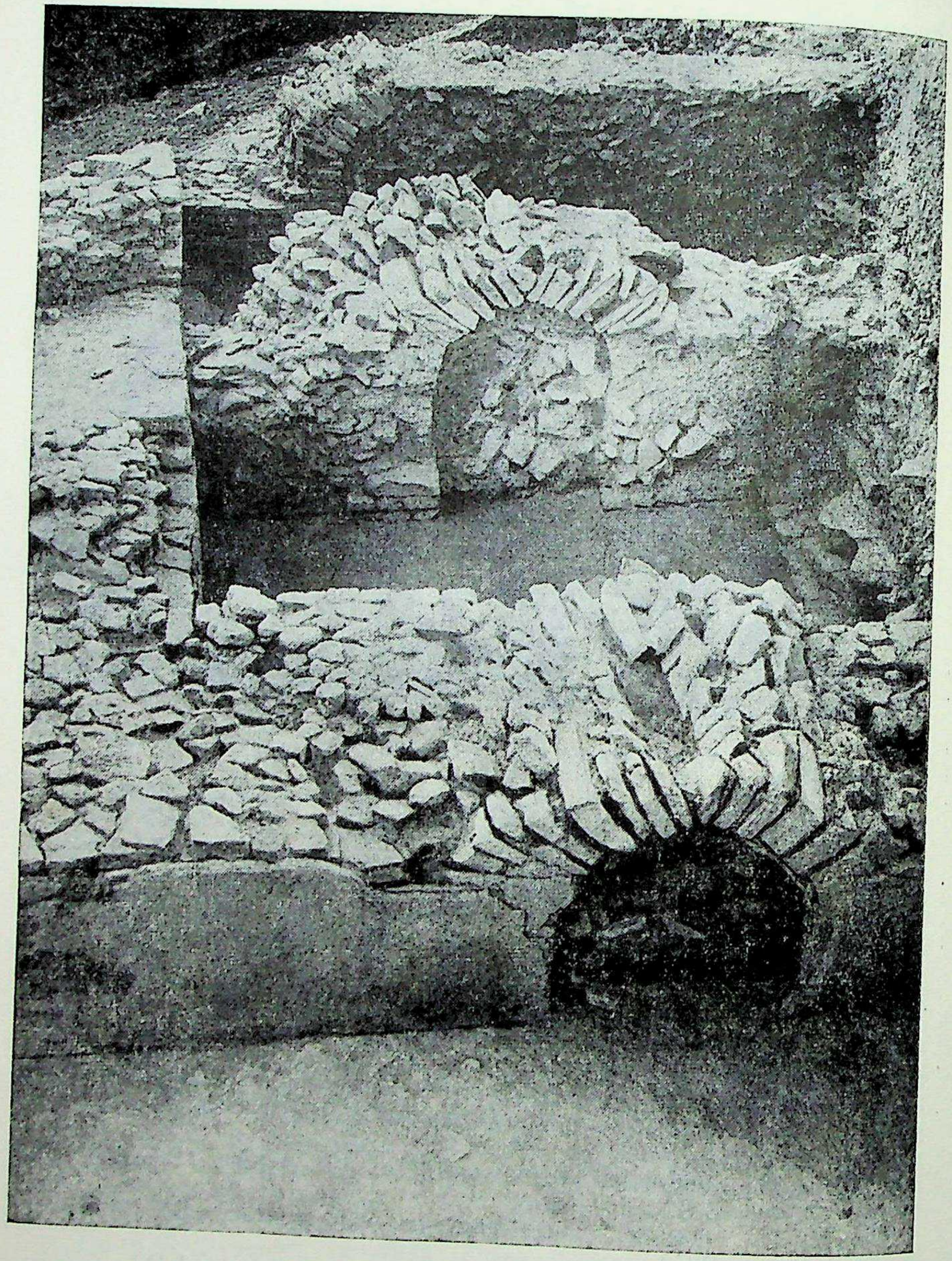
(I) The undressed stone wall (c. 8th century B.C.-6th century B.C.).

(II) The dressed stone wall (c. 6th century B.C.-2nd century B.C.).

(III) The third phase (c. 2nd century B.C.-1st century A.D.).

(IV) The last stage—Kushan palace (c. 1st century A.D.-2nd century A.D.).

The ruins of an extensive palace on the Yamuna, concealed by the two mounds mentioned above, represent the last occupation of the palace area. As has been noted earlier, the architecture of the period denotes a clear departure in the architectural tradition and introduces technique, forms and concepts completely unknown previously.



Three arches in a row in the western block

The palace is divided into three blocks—eastern, western and central—connected by galleries. The eastern block and central block measure 22.86×12.49 metres and 24.99×12.86 metres respectively. A considerable portion of the western block has been washed away by the Yamuna.

The central block consists of two sets of three rooms measuring respectively 4.47×3.91 metres, 7.51×3.91 metres and 5.40×3.91 metres. As is evident from the debris, the set of three rooms designated as ER 1, ER 2 and ER 3 in the later section of this paper, on the southern side facing the Yamuna, had a domical (Sikhara-like) surmounting structure. Room ER 3 and the corresponding room on the eastern side of the block had basements supported by semi-elliptical vaults. The basement of the northern room of this set is fairly well preserved. This room had a diameter of 5.40×3.25 metres. The height of the vault was 2.08 metres. The passage of this room into the gallery had a segmental arch which is only partially preserved. The centre of the major axis of the arch was considerably flattened to provide a levelled living floor.

The semi-elliptical barrel vault over the basement of room ER 3 is badly disturbed, but the evidence is sufficient for the reconstruction of its shape. The passage of the basement in the gallery had a segmental arch which is very well preserved. A room attached to this complex in the eastern block has preserved evidence of a collapsed barrel vault.

The central block consists of a rectangular room in the middle, measuring 11.44×4.08 metres, and a set of two rooms on two sides, each measuring 4.08×2.81 metres. There is evidence of a veranda attached to the front of the central rectangular room. There are seventeen passages that connect all the rooms and the veranda, and also the set of two rooms on both sides with two galleries, eastern and western. The passages were provided with doorjambs of stone. The door-sill is usually a monolithic stone with sockets at its two ends for doorjambs.

The debris of the collapsed domical roof (Sikhara) has been exposed in the central rectangular room. It is clear that the brick courses alternated with stone courses not only in the construction of the wall, but also in that of the surmounting structures.

Attached to the southern wall and south of it was a basement 2.13 metres in width. A passage in the western gallery connects this basement with the central block. The basement had a semi-elliptical barrel-vault with a height of 2.08 metres, and the three passages had four-centered pointed arches, of which that over the opening of the basement is fully preserved.

Western block: There is evidence for a basement in the two rooms on its eastern side, which alone are now partially preserved. The basement of the southern of these rooms had three passages, which had arches of different types, one of them being fully preserved. The geometry of its construction will be discussed in a subsequent section. The second arch in this room is again an example of a four-centered pointed arch. The third, on the other hand, belongs to the type of segmental arch. It is interesting to observe that passages under the same vault had two types of arches, the shapes of which were evidently conditioned by the span of the passage, the height being nearly the same. The evidence of a vault over this room has been completely destroyed.

The evidence of a semi-elliptical barrel-vault has, however, been very well preserved by a ghost arch. The foundations of the walls alone are preserved. The entire abutment was robbed, but as the vault was packed with debris before the robbing, the subsequent robbing of the bricks from the abutment and the destruction of the floor has left undisturbed its inner profile. This vault in its shape is almost identical with the one described in connection with the eastern block. The centres of the arch, e.g. the minor arcs, are below the springing level in both cases, and, curiously enough, their radii measure 0.52 metres.

Galleries: The two galleries, eastern and western, measuring approximately 7.74 metres and 7.36 metres respectively, connect the three blocks—eastern, central and western. The vault has collapsed, and the evidence is considerably disturbed. However, the pieces of the collapsed vault are well preserved in the eastern gallery. The roof of the basement in the gallery was supported by a semi-elliptical barrel-vault. All the basements in the room and in the gallery had a uniform level on which the rooms of the ground floor were reconstructed. Both galleries had passages towards the Yamuna. In the case of the eastern gallery, the door-sill along with the passage is well preserved.

Height of the Passages in the Basement.

Attention may especially be invited by a very peculiar feature of construction. In no case the height of the passage in the basement was more than 1.42 metres.

GENERAL FEATURES OF THE NEW ARCHITECTURAL DEVICE

The first important feature is the extensive use of elastically curved surfaces like roofing and bridging devices over rooms and door openings respectively. The roofing device consists of the Sikhara-like domes and semi-elliptical barrel-vaults, whereas the bridging device consists of segmental and four-centered pointed arches. These devices were used on an extensive scale and indiscriminately in basement and ground floors as well. This system of construction in technical terminology is referred to as "arcuation".

The total impression this construction gives is of its having been done in haste, which is evident from the intermixing of brick and stone material together with irregular sizes of pieces of short-length small-dimensioned masonry blocks and general deviations from the arcuated profile of geometry. Most of these deficiencies have, however, been sought to be compensated by thick mortar joints and heavy coatings of plaster for bonding and geometrical contour perfection respectively.

The constructional differences between the roofing and bridging devices of the arcuation system seem to represent a period of transition, when the masons knew the radial device of arches as one-plane curvature, but did not have the hold upon the radial device necessary for domical construction, i.e. provision of two-way curvature along horizontal and vertical planes. This led to the use of the corbelling device, i.e. off-setting in the horizontal plane of consecutive courses of bricks in the domical construction. The most striking feature of these domical roofing structures is that rectangular rooms have been roofed by a dome elliptical in plan. The elements of perfection in the radial arches were the provision of skewbacks of the harder bed, i.e. stone, and keystone of some kind. An attempt was also made to form a general symmetry of geometrical profile of arches along their vertical axis by establishing certain radii of curvatures resulting in segmental and four-centered pointed arches. However, due to the irregular sizes of stone and brick voussoirs a continuous elastic curve of arch-ring consisting of regular extrados and intrados is missing. This also produced inaccuracy of the geometrical profile of arches. The irregular size of voussoir has further caused the blurring of the centres of curvatures. The placing of voussoir on end or on edge suggests technical improvement.

The common use of plaster on the surfaces of arches has brought the outward accuracy of geometrical profile of curved surfaces. This device could not, however, improve the structural deficiencies of the general arcuation system, which could not but remain weak and less durable.

A temporary system of support below these curved surfaces seems to have been taken recourse to; its marks can still be seen on the fragments of the dome. It seems that the roofing surfaces were temporarily supported during their construction and setting period in order to maintain their desired profile of curve by a shuttering frame consisting of cross-planking. However, in case of arches such evidence is not available, although it is assumed that some system of temporary support like centering might have been used.

Classification.

(i) Morphological.
(ii) Functional.

On the basis of morphology and the geometry, the arcuation has been classified into the following categories:

(i) The four-centered pointed arch;
(ii) The segmental arch;
(iii) The semi-elliptical barrel vault;
(iv) The dome with foliated profile:
  (a) circular in plan,
  (b) elliptical in plan.

The classification is primarily based on intact specimens. Disturbed or fragmentary specimens have, however, been studied for confirmatory evidences.

Four-centered Pointed Arch. Arches of this type have four centres, two on either side of the axis of symmetry. The vortex formed at the junction of two central arcs from either side develops a conical profile producing a pointed crown. Of the five arches of this type so far excavated, four are mostly intact.

Segmental Arch. All the extant specimens of segmental arches represent the shorter segment of a circle. Consequently, the centre of curvature falls below the springing level. Of three specimens, only one is intact.

Semi-elliptical Barrel-Vault. This type of arch was invariably used for roofing the basements. Eight specimens can be wholly or partly reconstructed. The elliptical profile is a product of three centres of curvatures, the two minor radii being on either side of the axis of symmetry, and the third and major one coinciding with the vertical axis itself. Consequently, the two arcs at the two ends are smaller than the central major arc. In the extant specimens, the curvature of the central arc has been reduced almost to a flat surface to enable it to serve as a level floor.

Dome with Foliated Profile. The discovery of fragments in the rooms of the eastern and central blocks with curved surfaces, arc-like plan on horizontal plane; concentric pattern of brick courses rising upwards to produce curved surface also on vertical plane, pointed to the existence of domical surmounting structure. Since some of the fragments showed clear evidence of change of curvature along their vertical section plane, it has been inferred that the fragments formed part of domes with foliated profile. The circular and elliptical domes in plan could also be understood from the horizontal section of the available fragments.

Functional classification: The arches were used as a bridging device over all openings and their shape depended upon their span. The four-centered pointed arch was used to cover smaller spans, while the segmental one was used for larger spans. In the case of the four-centered pointed arch, the ratio of height to span was 9:8, whereas in the case of the segmental arch, the ratio was 57:56. The height of the arches in both cases was not sufficient for minimum headway for a walking person. This was due to the fact that all the extant arches spanned passages to basement chambers.

The semi-elliptical vault is most in evidence, having been used to provide the roof over the basements and galleries between the three blocks.

Geometry of Arches.

Four-centered Pointed Arch. In all the four cases of this type where the arches were more or less intact it was observed that the rise of arch was less than half the span. In arches Nos. 1, 2, 3 and 4 the rise and span measure 0.33 m. and 0.86 m., 0.30 m. and 0.91 m., 0.39 m. and 1.11 m., and 0.21 m. respectively. None shows deviation from this general rule.

The voussoirs show a rise in ascending order from springing level to crown, but on account of the use of material of irregular size and thickness there is no uniformity in the angles of rise of two consecutive voussoirs. Again, on account of irregular size and thickness of the voussoirs and the use of stone and brick without discrimination, the voussoirs radiate at different angles, and not at their respective centres of curvature.

The geometrical deficiencies noted above were sought to be overcome by the use of a thick coat of plaster.

The continuity of the arch ring formed within the extrados and intrados is missing, which impairs the structural efficiency of the elastic curve of arches. This is due to the fact that while the intrados curvature was maintained, sufficient attention was not paid to the extrados curvature.

In certain examples the skewback was used in its true concept and the splayed bed was correctly maintained, but in other cases the arch ring was placed on a horizontal bed.

The builders of these arches seem to have been fully conversant with the importance, function and position of keystone at the crown, but they have not refrained from using undressed stone of irregular size or even brickbats for the crown.

Segmental Arch. In a real segmental arch the voussoirs radiate from one centre, but here they do so from different centres, though all these centres meet the centre line, evidently the radiation converging along the plane of symmetry.

The deviation from the correct geometry characterising the construction of segmental arch, namely, the convergence of all the voussoirs at the central point, was due to their irregular sizes.

Of the three arches of this type only two were sufficiently preserved to yield results relating to the geometry of their construction. In both cases the rise was less than half the span. In arch No. 6 the rise is 41 cm. and the span 1.52 m., and in arch No. 7 the rise is 43 cm. and the span 1.37 m. In the illustrated specimens the arch ring rests on a horizontal bed of stone and there is no evidence of splayed bed of skewbacks. This seems to be the general feature of this type of arch.

Semi-elliptical Barrel-Vault. Voussoirs radiate in an ascending order even in the flat surface. They form an angle with the plane of symmetry, though nearly parallel to one another. The arch rests on a splayed bed of skewbacks formed out of brick courses by offsetting.

Contemporary Arches from Afghanistan[7] *and the U.S.S.R.*[8]

The three arches of Toprak-Kala and Dzhanbas-Kala from Khorezm are dated in the 1st-3rd centuries A.D. They are interesting in the Indian context because of the association of these areas with the Kushans.

The geometry of the segmental arch from Dzhanbas-Kala offers the closest parallel to its Indian prototype from Kausambi. As at Kausambi, the single centre of the arch is situated below the springing level. The radiation of the voussoirs meets not at the centre of curvature of the arch, but along the vertical plane of symmetry. The material of which this arch is made is entirely different from that with which the arches are made at Kausambi. The use of wedge-shaped voussoirs of uniform width resulted in the formation of a regular arch ring at the extrados and intrados.

The second arch at Dzhanbas-Kala is also a segmental arch. But its construction is imperfect because of the irregularity of voussoirs. However, the geometrical principles on which this arch was constructed are the same. On account of assymmetrical placement of voussoirs of the arch on either side of the vertical plane of symmetry, the radiation of corresponding voussoirs does not coincide on their respective points on the central line. Some of the voussoirs, on the contrary, radiate away from the vertical plane of symmetry. The crown piece or the keystone is also unsymmetrically placed.

The arch from Toprak-Kala is a peculiar type of elliptical arch in which the arch ring is asymmetrically placed and the plane of two centres of radii for minor arcs of the ellipse is inclined from the horizontal plane. However, the similarities of this arch with Kausambi examples are that its radii of curvatures fall below the plane of springing line and that the voussoirs do not radiate from the centres of radii of their respective arcs.

RESTORATION OF DOME (SIKHARA)—EASTERN BLOCK

The rooms and the halls of the central and eastern blocks and the two galleries were filled with large, heavy fragments, many of which were removed in the process of clearance of the area. However, the material that was preserved, after its significance was correctly understood, has made possible a critical study and reconstruction of the surmounting structures, which, as will be evident from the discussion, were domical in shape and can aptly be described as Sikharas. These fragments, made of bricks, thick lime mortar and heavy coating of plaster, are fairly large. Close observation indicates horizontal as well as vertical curvature of surfaces. In each fragment the brick courses are so placed that each succeeding course slightly recedes from the preceding one, and thus is formed a sort of offsetting indicating the corbelling technique on both the intrados and extrados. This characteristic is obvious where the plaster is disturbed.

Study of the Raw Material.

Six fragments have been selected for physical and morphological study. The morphological study primarily deals with the geometrical shape of the fragments.

The dimensions of the fragments are 1.52 m.×0.89 m., 1.95 m.×0.73 m., 1.32 m.×0.66 m., 0.92 m.×0.76 m., 1.22 m.×0.91 m. and 0.91×0.81 m. respectively. The brick courses have been set in lime mortar. The mean thickness of brick courses and mortar used in these pieces is 5.33 cm. and 4.82 cm. respectively. The combined mean thickness of the above two is 5.08 cm. The brick courses used in fragments Nos. 1, 2, 3, 4, 5 and 6 are 9, 6, 6, 6, 9 and 9 respectively. These courses are so placed that each succeeding course recedes from the preceding one and thus provides an orderly offsetting of a mean depth of 3.81 cm.

In order to understand the morphology of the fragments, vertical sections at their maximum available height and horizontal sections at maximum available bottoms and tops were cut across. As a result, it was found that these fragments had two-way curvatures along vertical and horizontal planes. It appears from their vertical sections that they had wide bottoms and narrow tops. Their thickness at the bottom and top measures 55.88 cm. and 45.72 cm., 45.72 cm. and 30.48 cm., 63.50 cm. and 58.42 cm., 53.34 cm. and 48.72 cm., 48.26 cm. and 48.26 cm., 45.72 cm. and 43.18 cm. respectively.

It was observed from the study of their horizontal sections that their radii of curvatures had a tendency of gradual reduction from bottom to top. The radii of these pieces at the bottom and top measure 2.48 m. and 2.10 m., 2.13 m. and 1.90 m., 5.04 m. and 5.86 m., 4.87 m. and 4.42 m., 4.47 m. and 4.18 m., 4.16 m. and 3.78 m. respectively. Here it may be pointed out that fragment No. 4 has two radii, i.e. minor and major, indicating thereby its being part of an ellipse. The minor radius measures 1.27 m.

The Results of Morphological and Physical Observations of the Fragments for the Domes.

The evidence of curved profile is the most significant feature of these fragments. The horizontal sections cut at the available bottom and top of the fragments invariably reveal an arcuated plan. These were, therefore, either part of a circle or an ellipse. Similarly, the vertical section cut at the available maximum height of the fragments represents mostly convex and occasionally concave profile externally. Thus the evidence of curved surface on the vertical section also indicates the probability of some type of curved roof.

Further, a gradual reduction in the thickness of the vertical section is clearly discernible from the study of these fragments. The implication of this evidence is significant from the viewpoint of structural considerations. It reduces the weight of the material of the roofing surface towards its top transmitted to the supporting abutments.

Both at the extrados and intrados there is clear evidence of orderly, if not uniform, offsetting. The surface is made smooth by a thick coating of plaster. This orderly offsetting testifies to the construction of this part of the surmounting structure by corbelling, which produced concentric rings on the plan. It may specifically be pointed out here that the radial technique of brick-setting is entirely absent.

The radius of curvature is gradually reduced on the horizontal plan from the bottom to the top of the domes. The conclusion emerges, therefore, that the surmounting structure had a wide bottom and narrow top.

In fragment No. 4 there is evidence of two radii. This evidence suggests the possibility of an elliptical construction. It is important to note that the fragments enclosed in a smaller room, which is more or less square, do not furnish evidence of this nature. Such testimony, i.e. the arc being governed by two radii, comes from the pieces recovered from the hall which is rectangular in form.

Locational and Typological Analysis of the Fragments.

The problem of determining the place occupied by the fragments in the superstructure raises two interconnected questions in the light of which the present problem may be dealt with. The first and basic question concerns their locational identification. The second one relates to the nature and type of the superstructure of which these fragments form part.

(A) Locational Identification:

Though the fragments in question are scattered within the four walls of the main hall of the eastern block, the nature of the mortars, the surfaces and the offsetting of the courses prove beyond doubt that these were not parts of the wall, but of the surmounting structure of a curved shape. This would be only a roofing device and not a supporting member.

(B) Typological Identification:

Since the fragments have two-way curvature, i.e. along the horizontal and vertical plane, which is a characteristic feature of a domical surface, it is self-evident that the superstructure of which these were parts was domical in shape. Had the roofing device been a vault, the fragments could have had only one-way curvature, i.e. along the vertical plan. A flat roof is altogether ruled out due to the presence of curvature in these fragments. Besides, absence of groins precludes the possibility of a cross vault or a polygonal dome.

These fragments, therefore, may be identified as parts of dome. The curved surfaces in roofing and bridging devices are only applied where the straight-line bridging and roofing members, like beams and lintels, are not available. The locally available material may be of short length and small dimension, like brick and stone, which may be brought into a homogeneous surface of support only by curvature.

Sub-type of Dome.

The type of dome is governed by the plan of the room. A room with square, circular or polygonal plan alone would support a circular dome. In the plan of the circular dome only one centre and one radius are used.

On the other hand, the plan of the room for an elliptical dome is rectangular in form. If a circle is drawn on any rectangle with a radius having half of the shorter span, which is the minimum necessary radius to cover the width of a rectangle, a large space remains uncovered. But, on the contrary, if a circle is drawn with half of the larger span of the rectangle, it goes much beyond the shorter span. For these reasons the possibility of a circular dome on rooms with a rectangular plan is ruled out.

Elliptical domes rest on three radii and three centres.

Comparative Examination of the Evidence.

The smaller room in the eastern block measures nearly 4.47 m.×3.91 m. The room, therefore, for all practical purposes was square in plan. The two fragments found in this room have very prominent curvature and the horizontal section at bottom is curcular in plan. Since the circle has one centre and one radius, these pieces form part of a circular construction. The plan of the room and the nature of fragments both lead to the conclusion that the surmounting structure was a circular dome. This conclusion is further affirmed by the fact that the resultant circle from the radii of these pieces rests on the four walls at their mid-length.

The larger room in the eastern block is rectangular in plan, the sides measuring 7.51 m.×3.91 m. The fragments discovered within this room may be divided into two groups from the point of view of their geometry. To the first group belong those pieces which have one radius and one centre. The fragment of the second group has two centres and two radii. The surmounting structure, of which the latter formed part, is, therefore, elliptical in shape. The fragment having two radii and two centres seems to be the piece at the junction of the major and minor arcs of the ellipse.

Determination of the Height of Domes (Sikharas).

An attempt has been made to determine the approximate heights of the domes (Sikharas) in the eastern block. For this purpose an intensive survey of the available fragments of the domes was carried out. The mean thickness of the bricks is 5.33 cm. and that of the mortar between two courses is 4.82 cm. The combined mean thickness of brick and mortar is 5.08 cm. The mean depth of the offset in the corbelled couses is 3.81 cm. The major and minor radii of curvature of the fragments available in room ER 2 (rectangular in plan) are 5.94 m. and 1.27 m. respectively. It has already been discussed why a surmounting curved structure should have been elliptical in shape. With the help of these two radii, an ellipse was drawn in room ER 2; concentric rings were drawn within the ellipse from the three centres of the outermost ellipse representing the mean depth of offsets of the corbelling courses. This produced 71 concentric rings corresponding to the 71 courses of the corbels. Allowance was also made for the eye-opening of the domical structure at its apex.

The total height of the surmounting structure, therefore, can be mathematically determined in the following manner:

Assuming the total number of mortar courses$=n'$ and the mean thickness of mortar in each course$=Z$, the thickness of the mortar used would be $n' \times Z = (M)$ — (i).

Similarly, assuming the total number of brick courses as n'' and the mean thickness of a brick as Y, the total thickness of brick courses would be $n'' \times Y = (B) - (ii)$. Therefore, $M + B = n' \times Z + n'' \times Y$, i.e. the total height of the surmounting structure$= (H) - (iii)$.

According to the above formulae, we get the total height of the elliptical surmounting structure over ER 2 as 7.24 m.

Height for Circular Dome.

Similarly, the maximum radius of curvature for the circular dome in plan, over from ER 1 is 2.48 m. The basis for determining the circular nature of the dome has been explained earlier.

Within the circle of the maximum radius of curvature, concentric circles were drawn, representing the offset courses of corbels on the basis of the mean depth of the offsets. This yielded 61 concentric circles. With the method described in connection with the calculation of the height of the surmounting structure over room ER 2, the height of the dome over room ER 1 was determined as 6.22 m.

Placing of the Fragments.

Having arrived at the height of the domical surmounting structures on rooms ER 1 and ER 2, the next task was to find out the actual places the fragments occupied in the surmounting structures over the two rooms. The placing of these fragments would ultimately determine the precise form of the actual domes.

The reasons for inferring a circular dome as the surmounting structure over room ER 1 have been recorded earlier. The two available fragments 1 and 2, were placed against the concentric rings drawn on the basis of the mean depths of the offsets.

Similarly, the four fragments from room ER 2 were placed against the concentric rings drawn within the ellipse, on the basis of the mean depths of the offsets. Of the four fragments selected for purposes of restoration, three (3, 5 and 6) have radii which indicated that they were to be placed within the major arc of the ellipse. Only fragment 4 had two radii, related to those of the major and minor arcs of the ellipse. Evidently this fragment was to be placed at the junction of two arcs—the minor and major arcs of the ellipse. With the help of the radii of curvatures of each piece, the respective positions of all these four fragments were determined on the plan.

The horizontal and vertical sections of the fragments are cut along most informatory places. The difference of inner and outer radii of curvatures of the horizontal sections of fragments Nos. 3, 4, 5 and 6 indicates the respective thickness of vertical sections of the fragments at their respective bottom and top. The thickness of vertical sections of fragment No. 3 at the bottom and at the top is 0.63 m. and 0.58 m. respectively; that of No. 4, 0.50 m. and 0.48 m.; that of No. 5, 0.48 m. at both ends; while that of No. 6 is 0.45 m. and 0.43 m. respectively. From the studies, it is clear that there is a gradual reduction in the thickness of the sections at the two ends, i.e. the upper and the lower end of each fragment, and also the reduction is greater in the case of No. 3, which shows that this fragment is a part of the lower portion of the surmounting structure. Similarly, it can be inferred that Nos. 4, 5 and 6 are in the ascending order, and that there is not a great gap in the actual positions which they occupied. From the nature of their haunches Nos. 5 and 6 seem to represent close proximity. It is also to be observed that the haunches gradually widen towards the top of surmounting structure.

The level of the fragment at its respective position in the surmounting structure is governed by the horizontal distance of the fragment from the outermost ring, in addition to the thickness of the mortar of the brick courses indicated within that distance. The level of the bottom of the fragment will thus be equal to the courses of bricks multiplied by their mean thickness, together with the mean thickness of the intervening mortar. The inclination, as it has already been indicated, will be represented by the difference between the radii of curvatures of bottom and top of the fragment on the plan. Accordingly, fragments Nos. 3, 4, 5 and 6 were placed in their respective positions with their respective inclination towards the vertical axis of symmetry. The placing of these fragments restored the shape of the surmounting structure over room ER 2. The topmost part and eye-opening are conjectural, but the conjecture is based on the tendency of the inclination of the fragments and the necessary requirements of the eye-opening. The base of this portion has been restored on the basis of evidence of fragments from room ER 1.

The emergent profile of this surmounting structure reveals certain turning-points of curvatures in the section, which in their totality provide a foliated appearance. It appears that this surmounting structure had five foliations both on the inner and outer surfaces, and a number of horizontal haunches on the inner surface of the crowning part.

Restoration of Dome (Sikhara) over Room ER 1.

Only two fragments, Nos. 1 and 2, are available in room ER 1, but they proved invaluable for purposes of restoration. The principles of restoration have already been discussed in connection with Room ER 2. One fragment is extremely interesting, because its three sides—inner, outer and base—are fully preserved. From the position in the plan it is evident that it was the basal fragment of the surmounting structure which, as explained earlier, was circular in plan. According to the evidence of the fragment, the surmounting structure was vertical at its base at the outer side up to a height of 43.2 cm., representing an edge beam circular in plan at the base of the dome. The inner surface and the outer one above the vertical part had inclinations as in the surmounting structure over room ER 2. The difference between the thickness at the top of this fragment and the bottom of fragment No. 2 is 2.0 cm., which shows their close proximity. These two pieces were therefore restored against the height according to the principles discussed above. The restoration reveals foliated inner and outer profile like the dome (Sikhara) over room ER 2. It was only natural to assume that the contiguous surmounting structures over the three rooms of the eastern block would have a symmetrical dome and a symmetrical body. The restoration of the dome over room ER 1 is based on a proportionate reduction of the dome over room ER 2.

Since the width of rooms ER 1 and ER 3 is the same, the height of the dome and the profile of dome on room ER 3 have been conjecturally restored on the principle of symmetry.

The most significant conclusion emerging from this restoration is the Sikhara-like shape of the surmounting structure. This establishes that the Sikhara, which is so closely associated with the majority of Hindu temples, had already evolved in its typical curvilinear North-Indian characteristic in the 1st-2nd centuries A.D., and that it was a popular roofing device on secular structure-like palaces of kings.

EVIDENCE OF INDIAN INSCRIPTIONS AND LITERATURE

We get inscriptional as well as literary evidence of towers as constituents of buildings in the early centuries of the Christian era. The Hathigumpha Inscription of Kharavela (1st century A.D.)[9] throws interesting light on the plan of the city of Kalinga. In this connection mention is made of Sikhara (tower) in addition to Gopura (gate-house); Pakara (wall), Nivesana (residential buildings), Tadaga (tank), Uyana (garden), Raja-nivasa Mahavijaya-pasada (the royal residence, the Great Victory palace), Vithi (road), Catara (square) and Palikha (gate-bar). The record of the 12th year has the terms Vithi, Catara, Palikha, Gopura and Sikhara in plural forms (Vithicatara, Palikhani, Gopurani, Sikharani). The expression "Nivesanasihara" also occurs in the same record[10]. From this it is quite clear that towers were constructed in residential buildings (Nivesana) also.

In the chapter dealing with the construction of forts, Kautilya in his *Arthasastra* refers to Toranasirah, i. e. the crest of the arch[11]. It has been conceived to be the part above the frame of the gate[12]. According to P.K. Acharya, it is employed both as an architectural member and an ornament of buildings[13].

The *Milindapanha,* a non-canonical Pali text of Buddhism, of which Books I to III were translated into Chinese between A.D. 317-420, gives a picturesque description of Sagala, the capital of Milinda, who has been identified with the Indo-Greek king Menander. Here we find allusion to Gopura-Torana[14]. It has been suggested by Barua that where Gopura is employed in the sense of gate-house or gate-tower, Torana is implied in the sense of gate or gate-way[15].

In the same context we get the expression "himagirisikharasankasa-vara-bhavana" in the *Milindapanha,* which literally means magnificent buildings resembling the peaks of the Himalayas[16]. This gives not only the idea of height but also that of broad resemblance in shape, and the latter can be postulated only in respect of buildings having towers (Sikharas). This conclusion is further strengthened by the inscriptional evidence of buildings having towers, noted above.

The Mandasor Inscription (A.D. 436 and 473) of Bandhuvarman[17] reads:

> Kaliasatungasikharapratimani
> Canyanyabhanti dirghavalabhini savedikani.

Here also the high mansions of the city of Dasapura are conceived as resembling the Sikhara (peak) of Kailasa.

In the *Angavijja*[18], a text breathing the atmosphere of the Kushan age, we find Nakuda as part of a building along with many others, such as Kottaka, Kadikatorana, Torana, Gopura, etc. Here in the light of the meaning of Kuta given in the *Amarakosa*[19], the Prakrit form Nakuda appears to stand for tower. Kuta, Sikhara and Srnga are given in it as synonyms.

The *Ramayana*[20] of Valmiki (not later than the early centuries of the Christian era) alludes to the construction of high domes over the royal buildings of Ayodhya. Kuta is the term used for dome in this text also.

ORIGIN OF SIKHARA

The origin[21] of Sikhara has been one of the most disputed points of Indian architecture. It has variously been traced to the stupa, a wooden processional car, a primitive type of bamboo construction, a figuration of the *mukuta,* the towering head-dress of Visnu, or to the continuous attempt at "the piling up of many superimposed storeys or roofs much compressed"[22]. The Sikhara is found to have acquired prominence in Hindu temple architecture from the Gupta period[23] onwards. According to Zimmer, it was in the late Gupta period that the Sikhara (the North Indian spire) began to appear in temples.

In course of time the curvilinear Sikhara became common in Hindu temples throughout four-fifth of India, with temples of this variety found as far south as the Tungabhadra[24]. It has been surmised that "the Sikhara or spire is literally meant to point to God, to be the very embodiment of that magic axis that pillars apart heaven and earth and is variously symbolised by mountain, tree, or the Universal Man, Purusa"[25].

But the term Sikhara meaning literally the "mountain peak" appears to have originally been used in relation to secular architecture, which is clear from the epigraphic and literary evidence. Now the use of Sikhara device in the palace excavated at Kausambi belonging to the Kushan period establishes beyond doubt that it was with secular architecture, that, as an architectural member, it was associated for the first time. Later on, the device was introduced in temple architecture, adapted to appropriate symbolism.

CONCLUSION

The results of the study of the architecture of the Kushan palace may be summed up as follows:

(I) The Kushan architecture was a hybrid architecture, making indiscriminate use of stone blocks of different shapes and sizes, and brickbats.

(II) It was extremely massive and imposing. The width of the walls and the towers enables us to envisage structures of considerable height.

(III) New ideas and concepts of architecture were introduced in India, especially the true arches of various types.

(IV) The builders had the knowledge of the geometry of arches, and the deficiency in construction is due to the use of defective material. This phenomenon also characterises the contemporaneous arches in Afghanistan and the U.S.S.R., from territories closely associated with the Kushans in these two countries.

(V) The discovery of true arches in the Kushan palace puts in proper perspective the extant specimens in the brick temple of Bhitaragaon[26] and the monuments of Mirpur Khas[27].

(VI) The use of the corbelling technique on a large scale in the domical structures testifies to the continuity of the Indian tradition of architecture, which is corroborated by the lack of variation in the cementing material used as mortar and plaster along with their constituents from the undressed stage of the palace to its last phase in the Kushan period.

(VII) Under the impetus and the new ideas of architecture provided by the Kushans, the Indian craftsmen rose to the occasion and evolved the typical curvilinear North-Indian Sikhara, which later on was adopted on a large scale for the religious buildings.

(VIII) The existence of Sikhara in this period is further confirmed by the inscriptional and literary data.

---

[1] G. R. Sharma, "Excavations at Kausambi—1949-50", in: *Memoirs of the Archaeological Survey of India,* No. 74; *Excavations at Kausambi—1957-59. Defences and Syenaciti,* Allahabad, 1960; section on the excavations at Kausambi,— in: *Annual Bibliography of Indian Archaeology,* 1949-1955, vol. XVI, Kern Institute, Leyden; sections on the excavations at Kausambi,— in: *Indian Archaeology—A Review,* 1953-1954, Nos. 54-55, 55-56, 56-57, 57-58, 58-59, 59-60, 60-61, 61-62, 62-63 ff.; *Allahabad Through the Ages,* Allahabad, 1965; "New Light on the Origin of Stone Architecture and True Arch in India—Excavation of the Palace of Early Kings of Kausambi", paper in the *Proceedings of the XXVI International Congress of Orientalists,* New Delhi, 1966; "India's Contact with Western and Central Asia with Special Reference to the Evidence of Kausambi—c. 600 B.C. to 500 A.D.", paper read at International Conference on the Art and Archaeology of Iran, April, 1968.

[2] D. P. Agrawal, Shella Kusumigar and D. Lal, "The Measurement of Radiocarbon Activity and Some Determinations of Archaeological Samples", *Current Science,* 34, No. 13 (July 1965), p. 5.

[3] *Ibid.*

[4] D. P. Agrawal et al, "Radiocarbon Dates of Archaeological Samples", *Current Science,* 33, No. 9 (May 1964), p. 268.

[5] *Ibid.*

[6] *Ibid.*

[7] Rodney S. Young, "The South Wall of Balkh—Bactria", *American Journal of Archaeology,* vol. 59, No. 1, January 1955, pp. 267-276.

[8] *V.L. Voronina,* "Stroitelnaya tekhnika drevnego Khorezma", *Trudy Khorezmskoi expeditsii,* vol. I, Moscow, 1952, pp. 87-104, figs. 2, 12 and 13.

[9] H. C. Raychaudhuri, *Political History of Ancient India* (2nd ed.), p. 141; B. M. Barua, *Old Brahmi Inscriptions in the Udaigiri and Khandagiri Caves,* Calcutta, 1929, p. 281.

[10] *EI,* vol. XX, p. 88; Barua, *op. cit.,* p. 288.

[11] *Arthasastra,* Section on Durgavidhana (ed. by Shamasastry), p. 52.

[12] R. P. Kangle, *Kautilya Arthasastra,* pt II, p. 75.

[13] P. K. Acharya, *An Encyclopaedia of Hindu Architecture,* pp. 490-492.

[14] *Milindapanha* (Trenckner's ed.), p. 18.

[15] Barua, *op. cit.,* p. 288.

[16] *Milindapanha, loc. cit.*

[17] Fleet, *CII,* vol. III, p. 79.

[18] *Angavijja,* pp. 251 ff.

[19] Kuto'stri Sikharam Srngam (*Amarakosa* II. 3. 4).

[20] Kutagaraisca Sampurnamindrasyevamaravatim (*Ramayana,* I. 5. 15-16); see also *The Ramayana of Valmiki* (tr. by H.P. Shastry), London, 1952, p. 18.

[21] The various views are summarised by R. P. Chanda in his paper entitled "Beginning of the Sikhara of the Nagara (Indo-Aryan) Temple", Rupam, 17, 1924; also Coomarswamy, *History of Indian and Indonesian Art,* Dover ed., New York, 1965, pp. 6, 83; B. Rowland, *The Art and Architecture of India,* p. 133.

[22] Fergusson, *A History of Indian and Eastern Architecture,* 2nd ed., London, 1910, p. 119; Coomarswamy, *op. cit.*

[23] Rowland, *op. cit.;* Zimmer, *The Art of Indian Asia,* vol. I, Bollingen Series, XXXIX, 1955, p. 270.

[24] Stella Kramrisch, *The Hindu Temple,* vol. I, p. 205.

[25] *Ibid.,* p. 165.

[26] *Archaeological Survey of India,* vol. XI, pp. 40-46.

[27] H. Cousens, "The Antiquity of Sind", *Archaeological Survey of India,* Imperial Series, vol. XLVI, 1925 (pl. XXIII).

B. N. MUKHERJEE (CALCUTTA, INDIA)

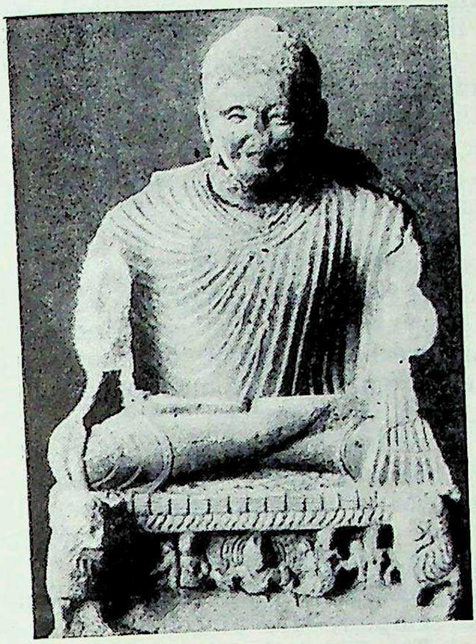
PROBLEMS OF DATED IMAGES OF THE MATHURA SCHOOL OF SCULPTURE OF THE KUSHAN PERIOD

Oriental genius expressed itself through different media of art in the Kushan period. One of them was sculpture. It is well known that a school of sculpture flourished in and around Mathura during the rule of the Kushans. Its origin in pre-Kushan time, development in the Kushan age and continuation in certain subsequent periods have been studied by competent scholars[1]. Yet certain relevant questions still remain unsolved. One of these is the problem of expressing in terms of the Christian era or any other reckoning the dates on several images, which are generally ascribed to the Kushan age. The importance of the study of this riddle can hardly be overemphasised, since the sequence of the development of a particular style can be traced with the help of stratified evidence or dated sculptures, and since the principles of development thus defined may be used to fix the ages of undated sculptures.

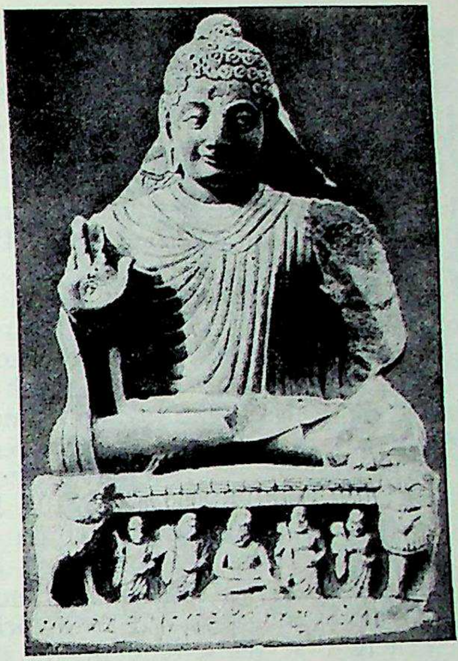
Inscribed images, dated in the reign of one of the Kushan monarchs and in the year 98 or earlier, can be considered as products of the first hundred years of the era of Kanishka (I). There are, however, certain images with dates varying from the year 5 to 57, the stylistic treatment of which has been considered as somewhat different from those of the last-mentioned group of sculptures. J.E. Van Lohuizen de Leeuw has suggested that the figure of hundred of the Kanishka era was omitted before the dates on these images[2]. J.M. Rosenfield has recently attributed these sculptures to a second Kushan era starting soon after the year 98 of the reckoning of Kaniska I[3]. If any of these hypotheses is correct, the images in question are to be assigned to the century after the first hundred years of the Kanishka era, and the stylistic features betrayed by them may be considered as typical of that period. We propose to analyse the arguments in favour of these theories and to study, in that connection, the question whether an undated sculpture of the Mathura school of the Kushan age can be safely dated on stylistic grounds alone.

J.E. Van Lohuizen de Leeuw apparently believes that the projection of the heads of the lions of the pedestal above its top slab, the shape of the manes and hair and the protruding tongue of these animals, and the slight depth of the pedestal relief as a whole of the Buddha images from Sitala Ghati and Saheth-Maheth (pls. I and II) are favourably comparable with similar features of some Jaina icons dated from the year 80 to 98 (of the Kanishka era)[4] (pl. III). And since the inscription on the pedestal of the Saheth-Maheth sculpture does not, unlike the majority of the image inscriptions of the Kushan period up to the year 98, mention either the reigning king or the year, it should be placed after the year 98[5].

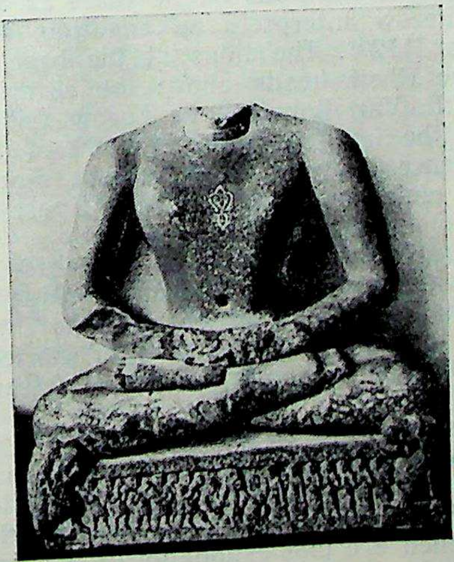
J.E. Van Lohuizen de Leeuw has further observed that the treatment of the draperies and pedestals of these Buddha images has great resemblance to that of the garment and the pedestal of the Buddha icon dated in the year 22[6] (pl. IV). Hence the sculpture of the year 22



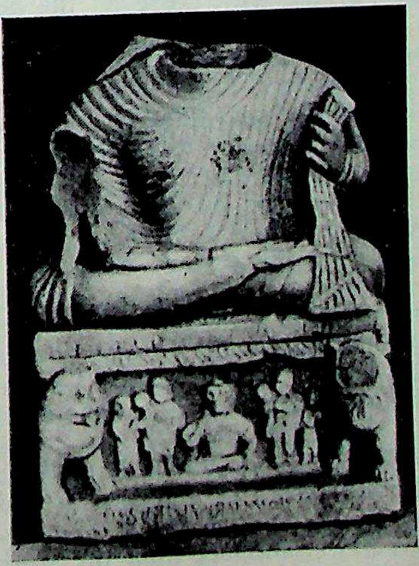
Pl. I



Pl. II



Pl. III



Pl. IV

should be ascribed, like the images from Sitali Ghata and Saheth-Maheth, after the year 98. This suggests that the date of the sculpture in question should be considered as at least the year 122. Such a hypothesis implies the omission of the figure of 100 before the numerals for 20 and 2. It has been argued that the forms of the letters *ka*, *ya* and *ma* are much more developed than those of these letters found in the records of Kanishka I's time[7]. H. Lüders, it has been pointed out, also admitted the possibility of the omission of the figure of 100 before the date inscribed on this image[8].

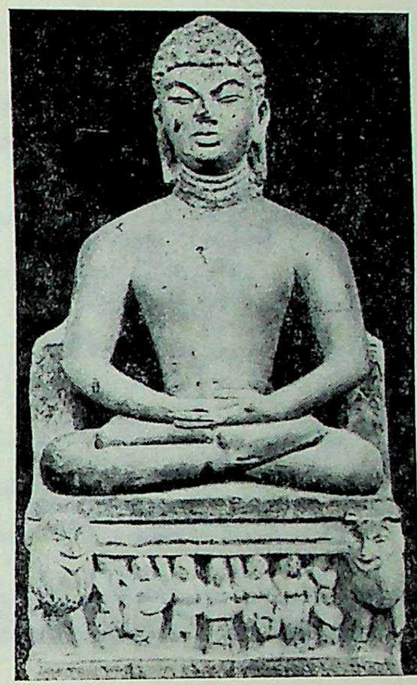
J.E. Van Lohuizen de Leeuw has then discussed the Jina images of the years 12, 15, 5, 50, 35 and 57, and has remarked that the palaeographic features of the inscription on each of them (including the icon of the year 5?) are much more developed than the known palaeographic traits dating approximately from the year mentioned by it, if the date is referred to the reckoning of Kanishka I without the omission of the figure of 100. She, therefore, assigns these icons respectively to the years 112, 115, 105, 150, 135 and 157[9].

These sculptures have certain noteworthy stylistic traits. The Jina of the year 12 has half-drooping eyelids and curled hair looking like snail shells[10]. Two out of the four Jina figures of the year 15 also have their heads covered with locks resembling snail shells. We may note here that the attendants in this sculpture are placed on a level different from that of the main figures[11]. The inscription on this sculpture speaks of one venerable Vasula, a pupil of the venerable Sangamika[12]. Apparently the same person has been mentioned in an inscription of the year 86, which refers to one venerable Vasula, a pupil of the venerable Sa(ng)amika[13]. It is rather improbable for a person to hold a distinguished position for 71 years (year 15 - year 86). So J.E. Van Lohuizen de Leeuw thinks that it is better to supply the figure of 100 before 15, which will require us only to believe that Vasula held the distinguished position for 29 years[14].

The lions on the pedestal of an image, the inscription on which speaks of one Siha mentioned also in the record of the year 50, are comparable with those on the pedestals of the icons of the years 22 and 12, which J.E. Van Lohuizen de Leeuw interprets as denoting respectively the year 122 and the year 112[15]. The lions at the base of the sculpture of the year 57 project their heads above the covering slab of the pedestal. This feature, J.E. Van Lohuizen de Leeuw thinks, is noticeable for the first time in the image of the year 80 of the reign of Vasudeva (I) (pl. III). Hence the year 57 should be placed after the year 80. This implies the omission of at least the figure of 100 before the date 57[16].

The treatment of lions, the manes of which hang on the chest in a circular shape and the heads of which rise above the upper ridge of the relief on the pedestal of the image of the year 35, indicate them as stylistically little more developed than those on the socle of the icon of the year (1)22. Hence the date 35 should be placed after (1)22 and should be considered to denote (1)35[17] (pl. V).

J.M. Rosenfield thinks that stylistically the sculpture of the year 22 of the rule of Vaskushana[18] (pl. VI), and the figure of Bhagavat (Bodhisattva) of the year 28 of Vasashka[19] (pl. VII) and its replica in the Mathura Museum (No. A.45)[20] (pl. VIII) are considerably drier and more compact than the works which are unquestionably of the time of Kanishka I and early Huvishka[21]. Rosenfield is of the opinion that the years 22 and 28, and the dates of the images discussed by



Pl. V

J.E. Van Lohuizen de Leeuw should be referred to a second Kushan era.[21a]

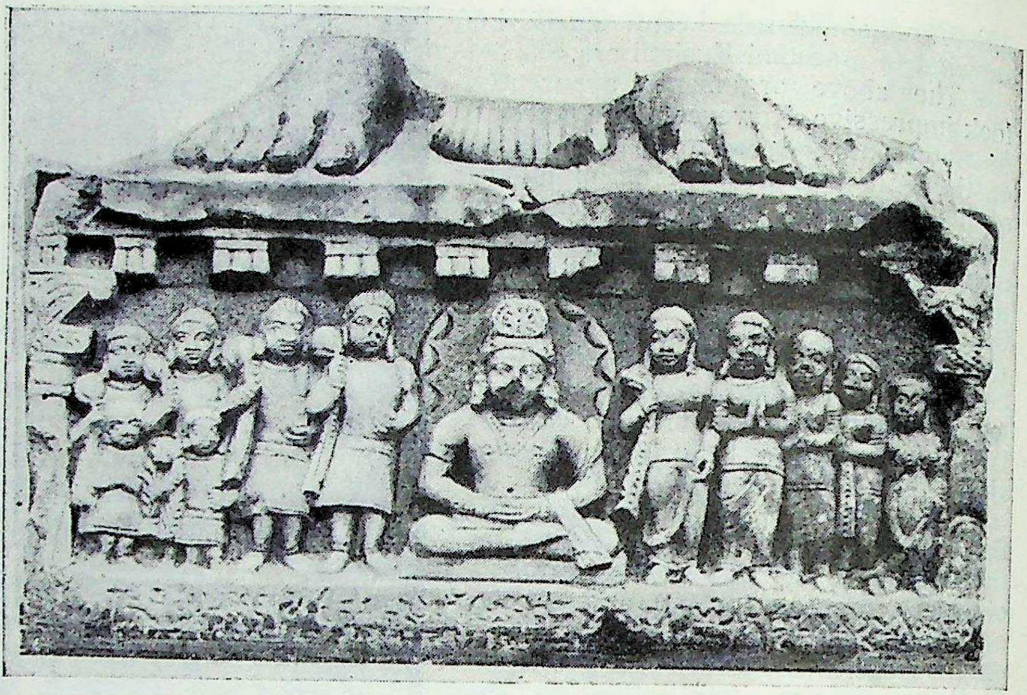
The above arguments apparently look impressive. However, these perhaps do not stand close scrutiny. The heads of the lions on the base of an image of the year 44 or 58 of the reign of Huvishka have their heads projected over the pedestal[22] (pl. IX). In fact, this image is very similar to that of the year 80 of the reign of Vasudeva (I) (pl. III). There is no difference between the treatments of these two icons, though an interval of more than twenty or even nearly forty years separates the one from the other.

There is also no justification for dating the Saheth-Maheth image after the year 98 of Vasudeva I on grounds of the absence of the name of a ruler and date from the inscription engraved on it. Several inscribed images from Mathura do not refer either to the reigning king or to a date. The treatment of the upper garment covering both shoulders, as witnessed in the icons from Sitala Ghati and Saheth-Maheth, as well as in the figure of the Buddha of the year 22, can also be noticed in the image of the year 4 or 30+X, referring to Kanishka[23] (pl. X). It may also be noted that the forms of the letters *ka* and *ma*, as found in the inscription of the year 22, are similar to those of the same letters in an epigraph of the year 10 of Kanishka I[24]. Similarly, the letter *ya* of the record of the year 22 is analogous to *ya* of the Saheth-Maheth epigraph of Huvishka of the year 33[25]. Hence, there is no necessity to interpret the year 22 as denoting the year 122.

A male figure in a sculptured panel of the reign of Kanishka I has its curly hair resembling shells of snails[26] (pl. XI). One of the figures on the pedestal of the image of the year 20 has half-drooping eyelids[27] (pl. XII). Thus the sculptures of the years 12 and 15 having one or more of these features need not be dated to the years 112 and 115. No doubt, if Vasula of the inscription of the year 15 was the same as Vasula mentioned in the record of the year 86, she should be considered to have held a distinguished position for 71 years. Such a phenomenon is not impossible. Quite a few rulers are known to have reigned for very long periods[28]. Besides, we also would like to point out that the inscription of the year 86, recording a donation made at the request of Vasula, need not necessarily imply that she was alive at that time.

The projection of the heads of the lions above the pedestal of the image of the year 57 need not date it, as one of the above arguments indicates, to the year 157. The pose and posture of the lions on the pedestal of the icon of the year 35 is comparable with those of the lions on the base of the sculpture of the year 22, which should not be dated to the year 122[29].

It is difficult to follow J.M. Rosenfield's argument that stylistically the images of the year 28 of Vasashka, and of the year 22 of Vaskushana



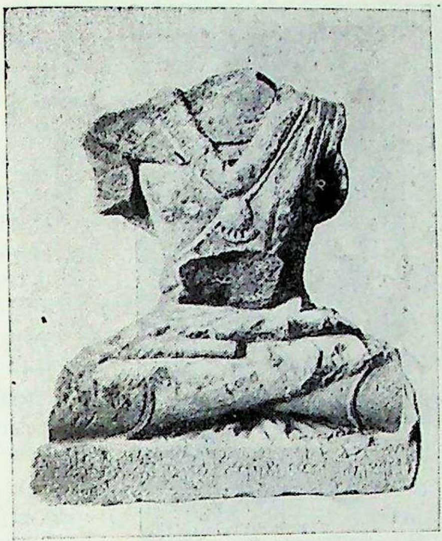
Pl. VI

are "drier and more compact" than those of the sculptures of the periods of Kanishka I and Huvishka. It is more difficult to believe, in the absence of other reliable data, that there was a king called Vasashka or Vasishka after the rule of Vasudeva I. We can admit, in the present state of our knowledge, the existence of only one Kushan ruler called Vasishka, who ruled up to some time of the year 28 of the Kanishka era [30]. The treatment of the lappet of the garment of the replica of the image of the year 28 (pl. VII) is identical with that of the drapery of the central figure on the pedestal of the image of the year 22 of Vaskushana (pl. VI). So at least stylistically the latter sculpture need not be placed nearly a century after the first. And if Vaskushana is considered to have been the same as Vasishka Kushana [30a], the year 22 can be safely referred to the 1st century of the Kanishka era.

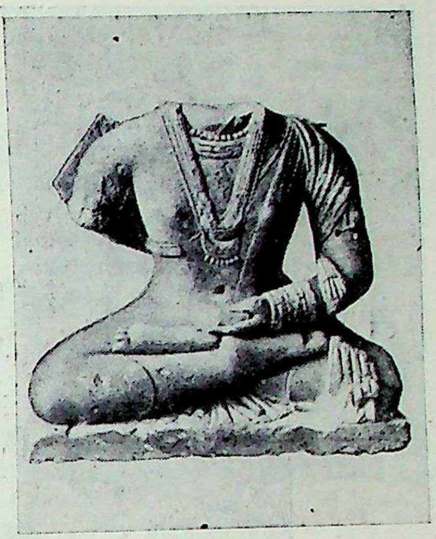
Thus on stylistic grounds the dates of the images discussed above cannot be referred to the century after the first hundred years of the Kanishka era [30b]. Had the system of omitting the figure of 100 been in vogue in the Mathura area in the century after the reign of Vasudeva I, we could have expected, on the analogy of the dates on several Maukhari coins following perhaps a similar custom [31], to find occasional appearances of the numeral for 100 in the dates of some of the epigraphs.

Some of the letters in certain epigraphs inscribed on the icons concerned betray features more developed than those usually met with in the epigraphs of the time of Kanishka I or Huvishka. But there are known examples of the occurrence of the forms associated with the Gupta period in the records of the early period of the Kushan rule in Mathura [32].

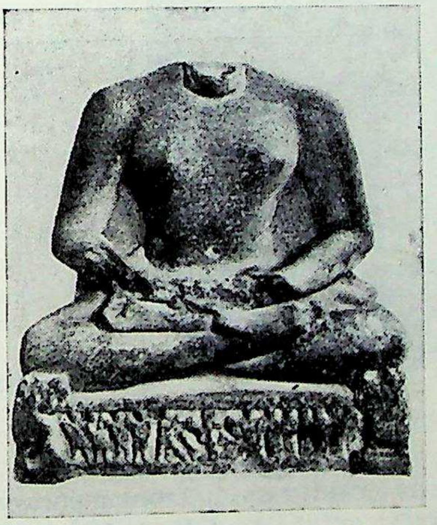
Similarly, a sculpture, produced by a really skilled artist, may appear more beautiful than most of the works of art of its age or may anticipate stylistic traits of a later period. On the other hand, a product of a sculptor of less than average merit, could have been inferior to the generally



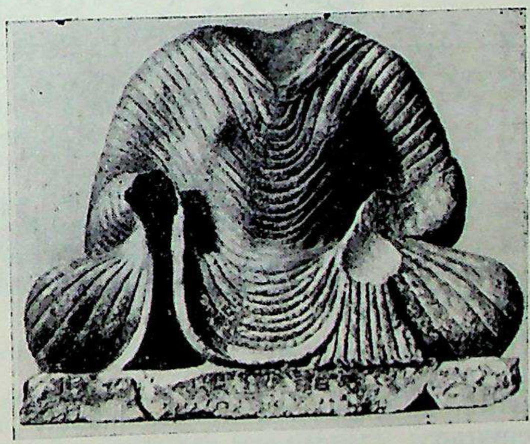
Pl. VII



Pl. VIII



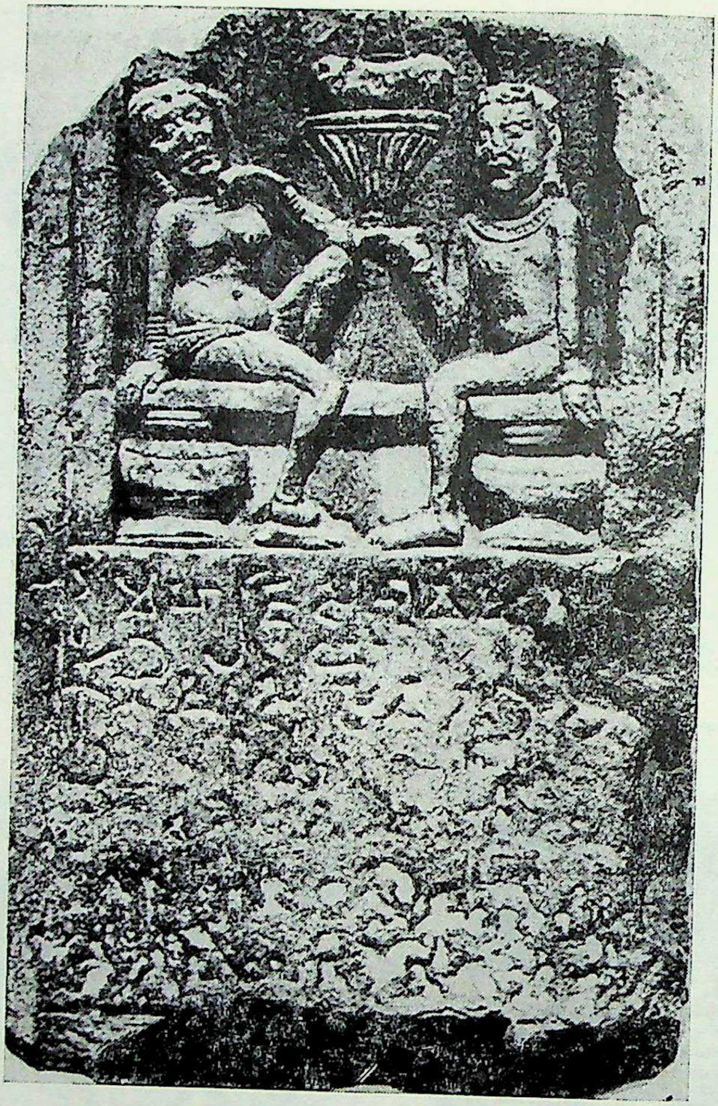
Pl. IX



Pl. X

known standard of works of art of his times. The treatment of the icon of Naga of the year 52[33] (pl. XIII) is cruder than that of the Naga image of the year 40 of Huvishka or of the Buddhist sculpture of the year 44 or 58 of the same king (pl. IX). The workmanship of the product of the year 52 is worse than even that of a Jaina figure of the year 57, which J.E. Van Lohuizen de Leeuw has dated to the year (1)57[34]. Will it be prudent, following J.E. Van Lohuizen de Leeuw's line of reasoning, to explain the differences between the styles of these sculptures by suggesting the omission of the figure of 200 before the date 52?

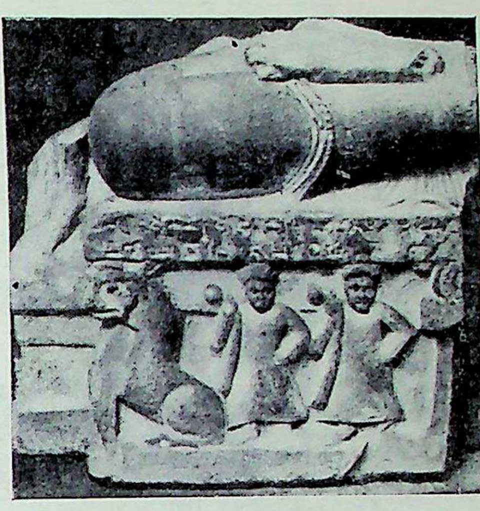
The human factor in the problem of dating images on stylistic grounds should be evident to a student of the art of the Kushan period,



Pl. XI

when, as suggested by the number and contents of contemporary epigraphs, the demand for icons was very great. Economic affluence allowed the wealthy persons of different faiths to acquire merit by dedicating or making gifts of images. We can very well guess that, as the demand was great, good sculptors were not always available for fashioning icons. Hence at times bad artists had to be employed by the donors to satisfy their demands. At least such a hypothesis can reasonably explain the differences in the treatments of images, dates on which would have otherwise attributed them to one and the same period.

Date on a sculpture, if assignable to a known era, is of great importance in determining its age and also in fixing the chronology of the inceptions of different stylistic characteristics of the school to which it belongs. A particular trait, indicated by a dated image, may be considered to have become known or at least to have been anticipated by the time it was produced.



Pl. XII

Available testimonies from the Mathura records themselves suggest that the known dates of the pre-Kushan and Kushan periods in that area fall into two categories. The year 72 of the rule of Mahakshatrapa Sodasa, mentioned in a votive tablet inscription, must be placed, as it is universally done, before the age of the Kushans in the Mathura region[35]. This date is generally referred to the Era of 58 B.C.[36] Another series of dates began in the reign of Kanishka I and continued at least up to some time of the rule of Vasudeva I[37]. To one of these reckonings we may refer the dates in the inscriptions which do not mention the name of any ruler, but may otherwise be assigned to the Kushan period or the age immediately preceding it.

On the basis of the images dated in the Kanishka era or otherwise assignable to the Kushan period we may draw up a chart indicating the earliest datable occurrences of stylistic features and motifs of the products of the Mathura school of the Kushan period.

In this connection we may take help (for the sake of comparison) of the evidence of the techniques of execution betrayed by the statue of Bhagavat (Manibhadra) from Parkham and by the central lady on the votive tablet of the year 72, both dated in the pre-Kushan age[38].

1. *Treatment of body:*

(I) Frontal (?) treatment of the body, massive portliness, prominent abdomen, expressionless face and stump-like feet—noticeable in the Parkham statue (pl. XIV).

(II) Heavy body, expressionless face, stump-like feet—noticeable in the figure of Bodhisattva of the year 3 of Kanishka I[39] (pl. XV).

(III) Massive and frontal treatment of the body—can be seen in the statue of Kanishka I[40]

(IV) Good modulation of body—noticeable in the sculpture of the year 8 of Kanishka I[41].

(V) Beautiful and slender treatment of body — can be noticed in the image of Naga of the year 40 of Huvishka.[42]

(VI) Slender waist, heavy hips and prominent breasts of female figure, treated unrealistically—can be seen in the figure of the central lady on the votive tablet of the year 72, and also in the representation of Goddess Lakshmi on a number of Satrapal coins of Mathura, datable to the pre-Kushan age.

(VII) The features described in section VI are more realistically treated in the female figure in the panel of the year 10 of Kanishka I[43] (pl. XI).

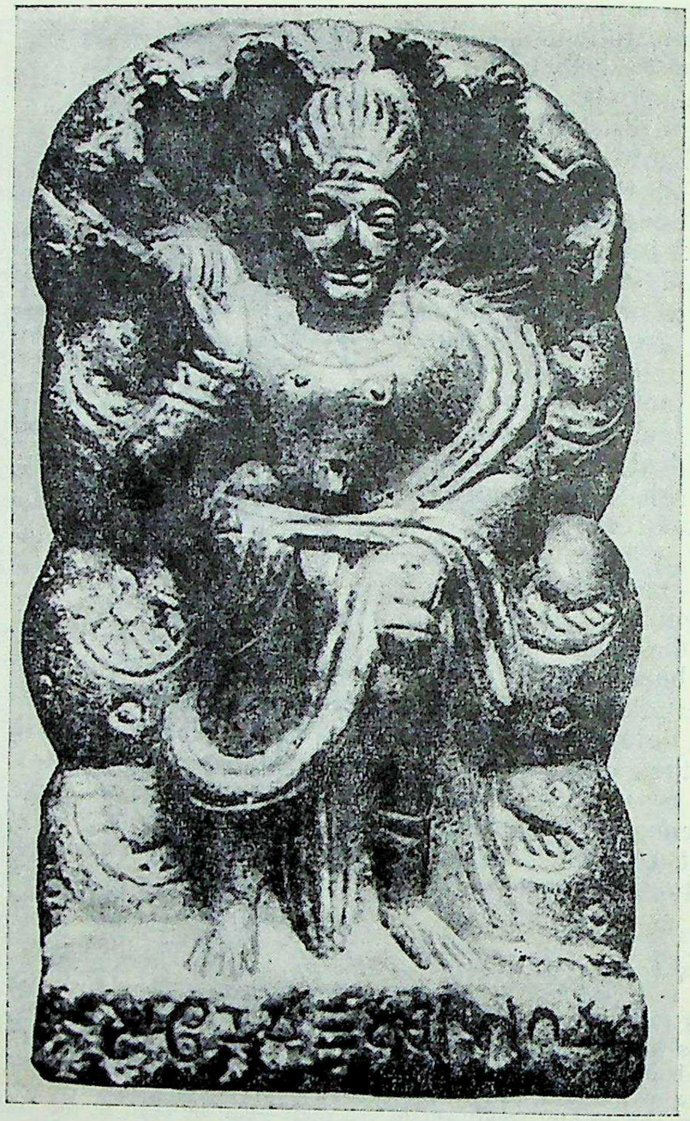
(VIII) Very realistically treated drooping breasts (covered)—noticeable in the female figures on the pedestal of the image of the year 49[44] (pl. XVI).

2. *Treatment of draperies:*

(I) Semi-transparent drapery, in portions clinging to the body with free ends given separate volumes—noticeable in the Parkham statue (pl. XIV).

(II) Thinning down of the volume of drapery and introduction of folds by incised lines on torso and of ridges on arms and shoulders—noticeable in the representation of Bodhisattva of the year 3 of Kanishka I (pl. XV).

(III) Thinning down of ridges—noticeable in the garment of an image of the year 22[45] and in the draperies of the figures on a pedestal of the year 49.



Pl. XIII

(IV) Upper garment covering the left shoulder (of Buddhist figures)—can be noticed in the figure of Boddhisattva of the year 3 of Kanishka I (pl. XV).

(V) Upper garment covering both shoulders—noticeable in the images of the year 4 or 30+X[46] (pl. X) and in the icon of the year 22 (pl. III).

(VI) Heavy coat, trousers and boots—worn by the statues of Kanishka I and Vima.[47]

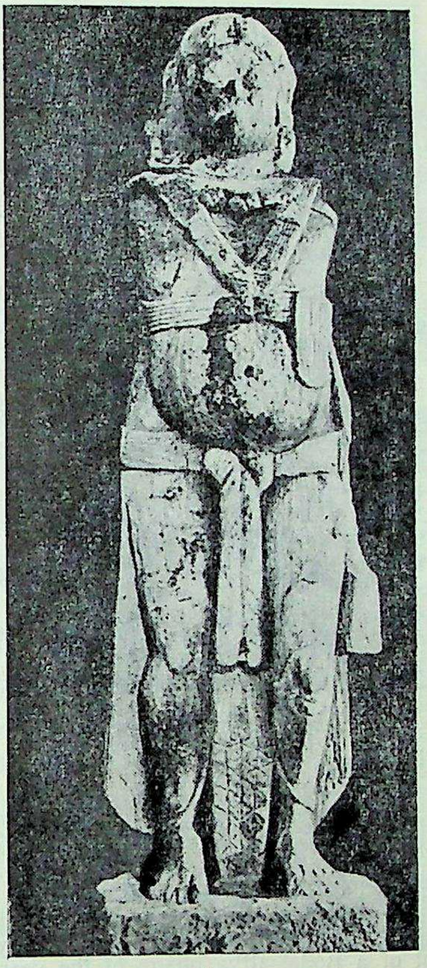
(VII) Dhoti, waist-band and loose upper garment—worn by the Parkham Bhagavat (?) (pl. XIV) and the Sarnath Bodhisattva of the year 3 (pl. XV).

(VIII) Dhoti, waist-band and scarfs—adorn the figure of Bhumi Naga of the year 8 of Kanishka I.

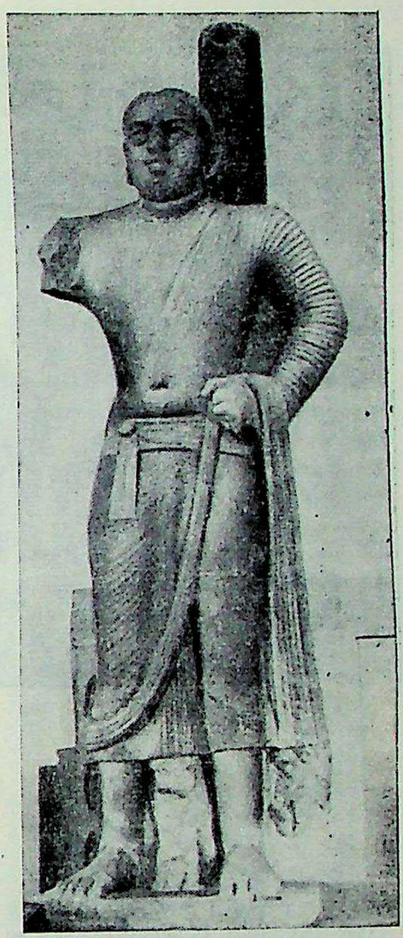
(IX) Dhoti and rope-like scarf (or waist-band)—worn by Kartikeya of the year 11[48] (pl. XVII).

3. *Nimbus:*

Traces of halo—noticeable in the Saheth-Maheth figure of Bodhisattva of the reign of Kanishka I[49] and on the back of Kanishka I's statue.[50]. Full nimbus can be noticed on the back of the central figure on the pedestal panel of the image of year 22 of the reign of Vaskushana[51] (pl. VI) and behind the Buddha or Bodhisattva of the year 32.[52]



Pl. XIV



Pl. XV

4. Head:

(I) Shaven head—noticeable in the figure of the Sarnath Bodhisattva, year 3[53] (pl. XV).

(II) Shaven head with coil-like ushnisha—can be noticed in the Ahicchatra Buddha or Bodhisattva, year 32.[54]

(III) Hair with curls looking like snail shells and ending with a knot or tuft or a protuberance (?) on top—noticeable in the female figure in a panel of the year 10 of Kanishka I (the Saheth-Maheth Buddha and certain Gandhara Buddha figures have similar hair-style).

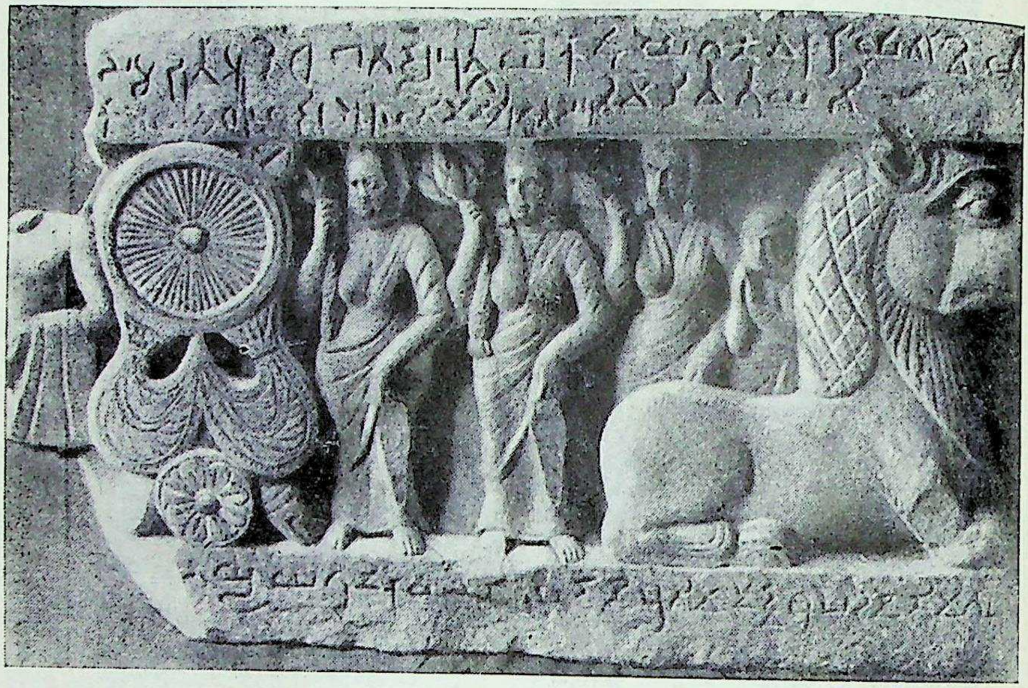
(IV) Snail-like curls—cover the head of a male figure in a panel with an inscription of Kanishka I, year 10 (pl. XI).

(V) Hair indicated by elongated curls in coils rising in tiers (to be placed stylistically before the round spiral curls?)—may be seen in an image of Arishtanemi, year 18,[55] and in an icon of the year 51[56] (pl. XIX).

5. Face:

(I) Expressionless face—can be seen in the image of the year 3 of Kanishka I (pl. XV).

(II) Expressive smiling face—can be found in the icon of the year 11 (pl. XVII).



Pl. XVI

6. Eyes:

(I) Bulging eyes—noticeable in the figure of the Sarnath Bodhisattva, year 3[57] (pl. XV).

(II) Drooping upper eyelids—can be seen in the representation of Kartikeya, year 11 (pl. XVII). A figure on the pedestal of a Bodhisattva image of the year 20 of Kanishka I has its upper eyelids drooping[58] (pl. XII).

7. Auspicious marks:

Three-folds or trivali—can be noticed on the neck of the Buddha from Saheth-Maheth of the reign of Kanishka I (pl. XVIII) and of the Jaina icon of the year 44 or 58 of Huvishka (pl. IX). Srivatsa symbol is noticeable on the chests of the images of the year 5.[59]

8. Pedestal:

(I) Ornamental pedestal with human figures—noticeable at the base of the image of the year 8 of Kanishka I.

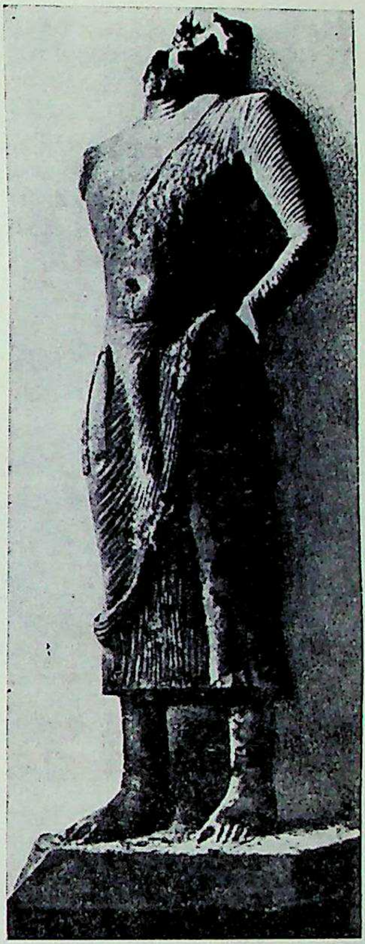
(II) Lions in the two ends of the pedestal, projecting their heads above it, in the image of the year 22 (?) [60] (pl. III), in the sculpture of the year 35[61] (pl. V) and in the icon of the year 44 or 58 of Huvishka (pl. IX).

9. Human attendants of the main figures:

(I) Portrayed as standing on the same level as that of the main figure (on the votive tablet of the year 72), also in the sculpture of the year 8 of Kanishka I.

(II) Portrayed as standing on a level different from that of the main figure—in the sculptures of the years 15, 20, etc.[62] This feature is also noticeable in the half-broken image of the year 39 of Huvishka (pl. XX), which appears to have attendants (stele and nimbus?) like those of the representation of the Bodhisattva found in the Katra mound (pl. XXI).

Pl. XVII



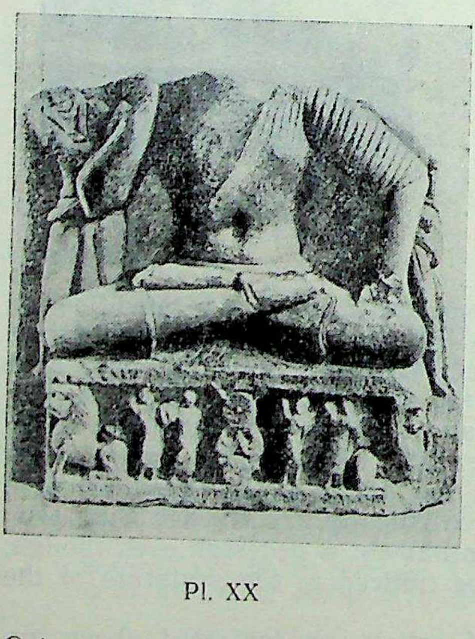
Pl. XVIII

The above list is a very tentative one and is subject to modification and correction by new discussions on little-noticed objects and future discoveries. It should also be noted that there is no certainty that each of the dated sculptures incorporated the latest stylistic features. For an example, we can refer to the appearance of high, erect and unrealistically treated breasts in the icon of Sarasvati of the year 54, even though the female figures on the pedestal of the image of the year 49 have their drooping breasts (covered) very realistically portrayed[63]. Similarly, the two images of the year 62 have no ornamented pedestal, even though, as we have seen, such a feature can be noticed in the sculpture of the year 8 of Kanishka I[64].

Apart from the inferior calibre of artists, as indicated above, religious injunctions may have helped the continuation of archaic traits or stereotyped style. The figure of Bodhisattva of the year 4 or 30+X of Kanishka wears garments covering both shoulders, though the Jaina figures of much later dates have their bodies bare[65].

We must also consider the possibility that sometimes the date referred to in an inscription on an image may have been engraved at the time of dedicating it, some time after it had been fashioned. In such

Pl. XIX



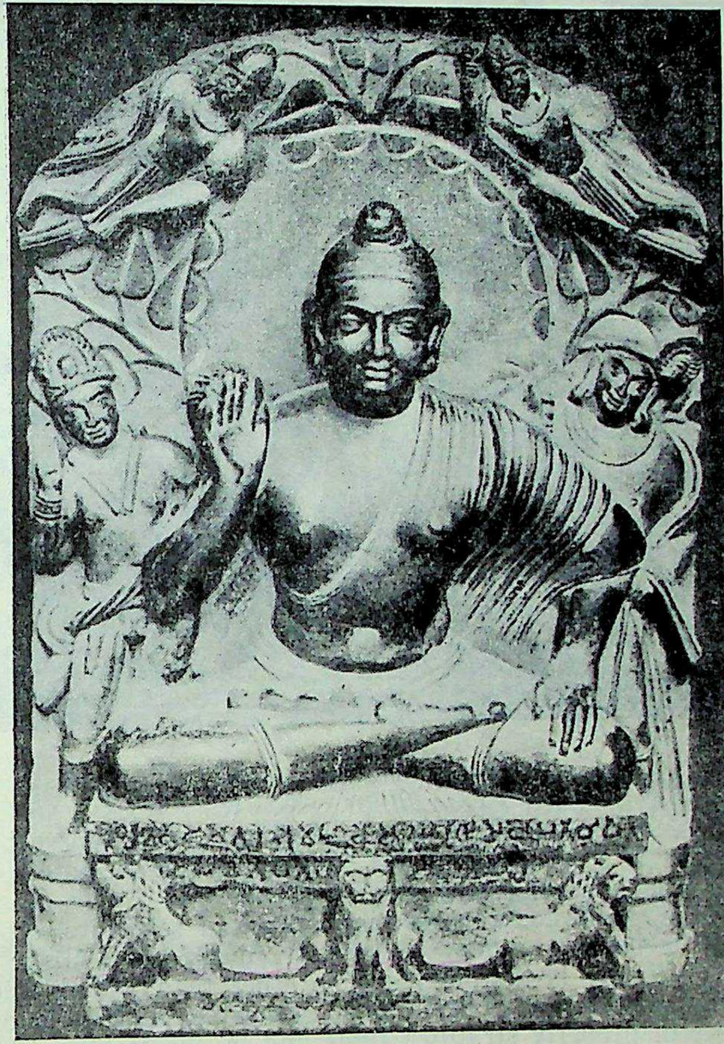
Pl. XX

a case the dates of the icon and the inscription could not have been identical.

In spite of all these possible defects in the above chronological chart, such a list provides us with an idea of the chronology of the evolution of the sculptural style of the Mathura school in the Kushan period. Our knowledge, so derived, may help us in fixing a provisional date for an undated scultpure.

Here we must strike a note of caution. Persistence or revival of older techniques in a later period may tempt an artist, even possessing great skill, to imitate the traits of an earlier age. His work of art would stylistically belong to an age much older than his own times. Thus the age of a sculpture, fixed on stylistic considerations, does not necessarily indicate the actual date of its production.

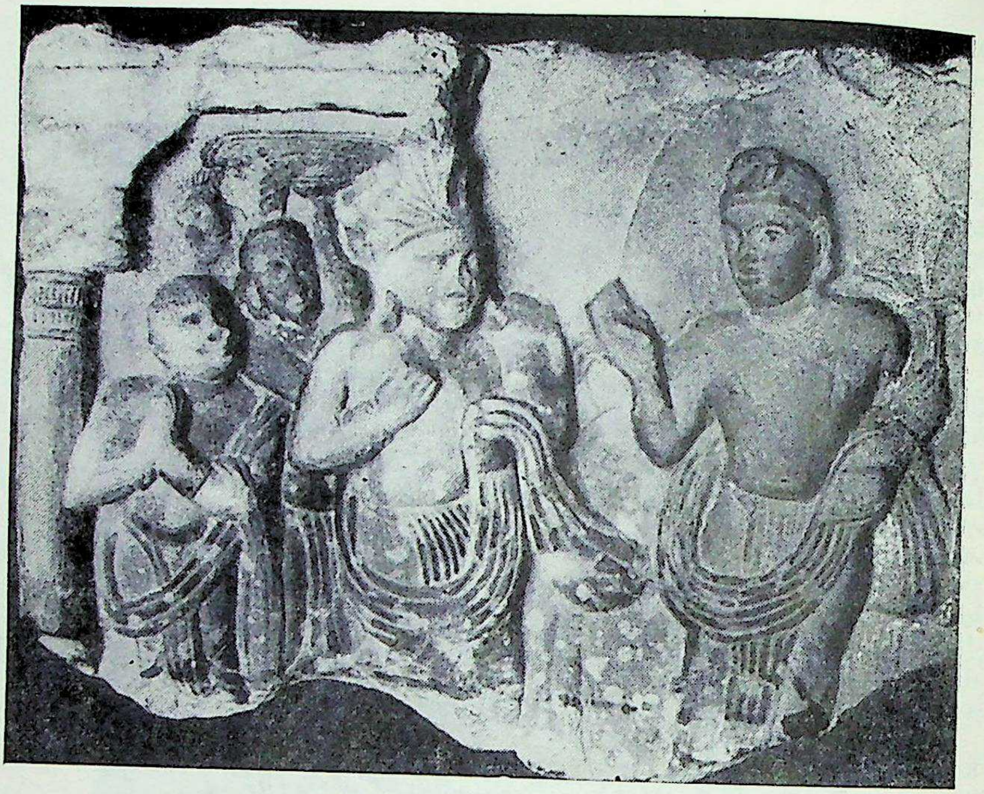
Nevertheless, the evidence of dated sculptures helps us in dating stylistically other works of art. Dated sculptures of Mathura allow us to have a glimpse of the history of the art activities in Kushan Mathura. Available dates and datable testimonies (like those of the votive tablet of the year 72=c. A.D. 14-15, the Parkham image of Bhagavat [Manibhadra] of much earlier age, etc.)[66] suggest that the development of art-style or idiom in pre-Kushan Mathura was very slow and gradual. The much greater number of dated images of the Kushan period and the rapid development of style betrayed by them indicate hectic activities in the ateliers of the artists concerned, who produced some beautiful works of art following indigenous tradition and sometimes also by successfully assimilating outside influences[67]. The unification of a great part of the Orient under one central authority in the Kushan age gave security to a vast region, which was necessary for free movement, fruitful exchange of ideas and growth of profitable trade, and so for an increase of economic prosperity[68]. Traders and other religious-minded men and women called upon art, the handmaid of religion, to satisfy their demand for icons, which they would worship or dedicate for acquiring merit. The creation of Bodhisattva and some time later of the Buddha images by



Pl. XXI

the Mathuran artists of the Kushan age show that such art activities had received popular sanction in that area by that time[69]. These factors, excepting the last one, were absent from this region in the age following the decline of the Kushan power and the advent of the Imperial Guptas. The paucity of dated sculptures definitely ascribable to this period alludes to the decline in the tempo of art activities in the decades after the end of the Kushan rule in Mathura.

If the year 270 of a Maharaja[70] and 299 of a Maharaja Rajatiraja[71], the former inscribed on a round object and the latter on the base of a sculpture of the Mathura school, indicate the revival of the old era of 58 B.C., in which the votive tablet of the year 72 is dated, then these dates may be placed towards or after the end of the Kushan phase in Mathura, when at least from the time of Kanishka I the dated images followed the reckoning of Kanishka I. It is not maintained that there was no art activity in Mathura in the period from the year 270, i.e. A.D. 212-213, or 299, i.e. 237-238, to the advent of the Imperial Guptas in the 4th century A.D. But the close similarities between certain



Pl. XXII

features of some Kushan and Gupta sculptures may suggest that the rate of growth of style slowed down in the period immediately following the Kushan rule in the Mathura area[72].

The above discussion reveals that a Kushan sculpture, or even any early Indian sculpture, cannot be precisely dated on stylistic grounds alone. The difficulty is that we have no other readily available method for determining the age of sculptures. A partial remedy is offered by the evidence of properly stratified finds and by the testimonies of dated images, which can be referred to known eras. Approximate dating for sculptures is perhaps possible with the help of our knowledge of stylistic traits derived from such objects. It is a great pity that their number is meager in comparison to the vast quantity of undated works of art.

---

[1] In this connection see R. P. Chanda, "The Mathura School of Sculpture", *Archaeological Survey of India, Annual Reports,* 1922-1923, pp. 164 ff.; A. K. Coomaraswamy, *History of Indian and Indonesian Art,* London, 1927 (also referred to as *HIIA*), pp. 57 ff.; S. K. Sarawati, *A Survey of Indian Sculpture,* Calcutta, 1957 (also referred to as *SIA*), pp. 51 ff. and 61 ff.; V. S. Agrawala, *Indian Art,* Varanasi, 1965 (also referred to as *IA*), pp. 216 ff.

[2] J. E. Van Lohuizen de Leeuw, *The "Scythian" Period,* Leiden, 1949 (referred to hereafter as *SP*), pp. 232 ff.

[3] J. M. Rosenfield, *The Dynastic Arts of the Kushans,* Berkeley and Los Angeles, 1967 (mentioned below as *DAK*), p. 295 (n. 22) and pp. 270-273.

[4] *SP,* p. 222; cf. figs. 43 and 44 with figs. 45-49.

[5] *Ibid.,* p. 232.

[6] *Ibid.,* pp. 232-233; fig. 54.

[7] *Ibid.*, pp. 234-235.

[8] *Ibid.*, p. 236.

[9] *Ibid.*, pp. 237-259; figs. 55, 56, 60, etc. J. E. Van Lohuizen de Leeuw has not discussed the palaeography of the inscription of the year 5.

[10] *Ibid.*, pp. 237-239, fig. 56.

[11] *Ibid.*, p. 241; text figure No. 22.

[12] *Epigraphia Indica*, Ootacamund and New Delhi (mentioned below as *EI*), vol. I, p. 382.

[13] *Ibid.*, p. 388.

[14] *SP*, pp. 242-243.

[15] *Ibid.*, pp. 247-248; text figure No. 24.

[16] *Ibid.*, p. 255; fig. 55.

[17] *Ibid.*, p. 250; fig. 60.

[18] *DAK*, p. 295, n. 22; M. Hamid, R. C. Kak and J. Marshall, *Catalogue of the Museum of Archaeology of Sanchi, Bhopal State*, Calcutta, 1922 (hereafter referred to as *SC*), pl. XII, fig. A. 83.

[19] *Ibid.*, pl. II, fig. A. 82.

[20] J. Ph. Vogel, *Catalogue of the Archaeological Museum at Mathura*, Allahabad, 1910 (also referred to as Vogel, *Catalogue*), pl. X, No. A. 45.

[21] *DAK*, p. 295, n. 22.

[21a] *Ibid.*, pp. 270-273.

[22] H. Lüders read the date as *Huvishkasya as vatsare 40*(+)^4 *hana gri(sya)masa 3 divasa 2* (H. Lüders, *A List of Brahmi Inscriptions* (Appendix to the *Epigraphia Indica*, vol. X; also referred to as *Lüders' List*), No. 42, R. D. Banerji read the date as *Huvishkas (ya) sa(m)vasare ashtapana gri(sya)masa 3 (da)visa 2* (EI, vol. X, p. 114).

[23] H. Lüders, *Mathura Inscriptions*, Göttingen, 1961 (also referred to as *Mathura Inscriptions*), p. 200; B. N. Mukherjee, *The Kushana Genealogy (Studies in Kushana Genealogy and Chronology*, vol. I), Calcutta, 1967, p. 77.

[24] Cf. *EI*, vol. XIX, No. 1 of the plate facing p. 66, with *ibid.*, vol. IX, plate facing p. 239.

[25] Cf. *EI*, vol. XIX, No. 1 of the plate facing p. 66, with *ibid.*, vol. VIII, plate facing, p. 182.

[26] *EI*, vol. IX, pl. facing p. 239.

[27] *DAK*, fig. 31.

[28] As an example, we can refer to the long reign of Queen Victoria.

[29] The head of the image of the year 35 betrays stylistic features (small mouth, half-closed eyes, etc.) usually found in icons of the Gupta period (*SP*, p. 252 ff.). As admitted by J. E. Van Lohuizen de Leeuw, the head is disproportionate in relation to the torso. It is evident that a head from a later image had been set in place of the original one. The dimensions of the neck of the present head do not fit in with those of the torso, as is clear from the projection of the lower tip of the neck in left side beyond the natural end of the shoulder. The curved line at the central top of the torso marks the point of joining (see also *ibid.*, p. 254).

[30] B. N. Mukherjee, *The Kushana Genealogy...*, p. 68.

[30a] *Ibid.*, pp. 74 and 117, n. 326.

[30b] For the drawbacks in J. E. Van Lohuizen de Leeuw's interpretations of the year 14 and the year 22 on two different images as denoting respectively the year (1)14 and the year (1)22, see *ibid.*, pp. 105-107, n. 179 and 191.

[31] B. P. Sinha, *The Decline of the Kingdom of Magadha*, Patna, 1954, pp. 427-428.

[32] The form of *ha* occurring in inscription of the year 4 of Kanishka I can be compared with the so-called Eastern Gupta variety of the same letter (*Indian Archaeology*, 1956-1957, p. 39).

[33] J. Ph. Vogel, *Sculpture des Mathura* (hereafter refered to as *SM*), pl. XLI, No. d.

[34] *SP*, pl. XXX, No. 55.

[35] *EI*, vol. II, p. 199.

[36] D. C. Sircar, *Select Inscriptions Bearing on Indian History and Civilisation*, vol. I, Calcutta, 1942, p. 118.

[37] *Journal Asiatique*, 1958, vol. CCCXVI, pp. 386-393.

[38] See below n. 66.

[39] *SM*, pl. XXXVIII, No. a.

[40] *Ibid.*, pl. I.

[41] *EI*, vol. XVII, pl. facing p. 10.

[42] *SM*, pl. XLI, No. a.

[43] *EI*, vol. IX, pl. facing p. 239.

[44] *SP*, pl. XXXVIII, No. 66.

[45] *SP*, pl. XXX, No. 54.

[46] *Ibid.*, pl. XXII, No. 37.

[47] *SM*.

[48] *DAK*, fig. 49.

[49] *EI*, vol. VIII, pl. facing p. 10.

[50] *DAK*, p. 197.

[51] *SC*, pl. XII, No. A 83.

[52] *Journal of the Asiatic Society of Bengal* (referred to also as *JAS*), 1955, Letters, No. 1, pl. II.

[53] *EI*, vol. VIII. The shaven head of the icons of the Buddha or Bodhisattva stylistically developed probably from the shaven heads of certain Yaksha figures found at Mathura (*SP*, pl. XXII, fig. 38).

[54] *JAS*, 1955, *Letters*, No. 1, pl. II. The coil-like ushnishas may have developed from a type of ushnishas or turbans of the figures of Yakshas (*HIIA*, pl. XXI, No. 72; cf. with fig. No. 80, *Journal of the Royal Asiatic Society*, 1928, pp. 815-841). One of the earliest representations of Mathuran Buddha with this type of ushnisha may be seen in a Kankali Tila sculpture (*SP*, p. 159, pl. XXII).

[55] *SP*, pl. XXXVII, fig. 63.

[56] *SP*, pl. XXIII, No. 39.

[57] *SM*, pl. XXVIII, No. a. The Parkham image of Bhagavat (Manibhadra), datable long before the Sarnath Bodhisattva, has bulging eyes (*ibid.*, pl. XLII).

[58] *DAK*, fig. 31.

[59] *SP*, p. 241; text fig. 22.

[60] *SP*, pl. XXX, No. 54.

[61] *Ibid.*, pl. XXXV, No. 60.

[62] In each of these sculptures the attendants are standing on a level lower than that of the seated main figure.

[63] Cf. *SP*, pl. XXIV, No. 59, with *ibid.*, pl. XXXVIII, No. 66.

[64] Compare *ibid.*, pl. XXIX, No. 52, with *EI*, vol. XVII, pl. facing p. 10.

[65] Cf. *SP*, pl. XXII, No. 37, with *ibid.*, pl. XXVI. Nos. 45-46. etc.

[66] *SP*, pl. XVIII, No. 29; *HIIA*, pl. III, No. 9, *SIA*, p. 53 ff.

[67] Garments covering the shoulders of the images of Bodhisattva and the Buddha betray the influence of the style of the Gandhara school. A few Gandharan sculptures have been discovered in the Mathura area.

[68] In this connection see: B.N. Mukherjee, *Nana on Lion: A Study in Kushana Numismatic Art*, ch. VI.

[69] In this connection see: *The Art Bulletin*, June, 1927, pp. 287-328; *HIIA*, pp. 57 ff.; *SIA*, p. 63; *IA*, p. 235 ff.; *SP*, pp. 145 ff.; Takata, *The Origin of the Buddha Image* (in Japanese), Tokyo, 1967, ch. I; etc.

[70] *Mathura Inscriptions*, p. 162.

[71] *Indian Antiquary*, 1908, vol. XXXVII, pl. III.

[72] Compare the treatment of the hair of the Saheth-Maheth Buddha (*SP*, pl. XXV, No. 43) with that of a Mathura Buddha (*SIA*, pl. XX, No. 90). Compare the position of the Wheel of the Law on the pedestal of the image of the year 97 (*SP*, pl. XXXVIII, No. 65) with that of the wheel on the pedestal of a Buddha image from Sarnath (*HIIA*, fig. 161).

В. А. МЕШКЕРИС (СССР, ДУШАНБЕ)

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ШКОЛЫ КОРОПЛАСТИКИ В КУШАНСКУЮ ЭПОХУ

Коропластика Средней Азии в эпоху кушан (в период предыстории и истории Кушанского государства) не была искусством повсеместно однородным. Каждый этнокультурный обособленный земледельческий район Средней Азии (Согд, Хорезм, Бактрия — Тохаристан, Маргиана) представлял своеобразную художественную «школу» коропластики со сложившимися местными традициями и самобытными чертами. Следует отметить, что это же явление локализации народного искусства по областям, как отметил в своем выступлении Б. Тхапар, наблюдается и в Индии в кушанскую эпоху.

В изучении наметившихся среднеазиатских «школ» первостепенной является проблема стилей, отражающих территориальную локализацию искусства по историко-культурным областям.

Характеристика каждой «школы» в отдельности дает следующую картину.

I. *Согд* не являлся оплотом ни эллинистической, ни буддийской культуры. Этот вывод сделан на базе исследований целого ряда ученых (К. В. Тревер, Г. В. Григорьева, А. И. Тереножкина, Г. А. Пугаченковой, Л. И. Ремпеля, Ф. А. Заславской, А. М. Мандельштама) [1]. Редкие образцы эллинистического типа свидетельствуют лишь о кратковременном проникновении в Согд непосредственных влияний античного Запада, преимущественно в докушанский период [2].

Содержание коропластики Согда было связано с местными культами среднеазиатского маздеизма. Статуэтки-идольчики — домашние божества, покровители рода, семейного очага, как указывается в «Авесте», — почитались в арийской среде. Для ритуального назначения они изготовлялись в большом количестве в открытых глиняных формочках.

Образ женского божества пользовался особой популярностью. Иранская природа культов среднего Согда подтвердилась анализом иконографии основных типов женского божества [3]. Иконография согдийских богинь с ребенком, трилистником, в высокой короне восходит, с одной стороны, к древнейшим образцам Передней Азии (терракоты Нейраба [4], скульптурная голова из Нимруда первой половины — середины I тысячелетия до н. э.) [5], а с другой — имеет близкие параллели с более поздними парфянскими памятниками (терракоты из Селевкии на Тигре, Вавилона и Ниппура I—III вв. н. э. [6], монументальная скульптура Пальмиры) [7].

Наиболее распространенный тип согдийской богини с плодами растения в руках, в мантии-накидке, роскошно убранной с головы до пят, напоминает образ Анахиты «Авесты», а также изображения этой богини на известных сасанидских рельефах Таки-и-Бустана [8].

Другие тематические группы согдийских фугурок также имеют много общего с переднеазиатскими памятниками. Статуэтки мужчин (жрецов?), музыкантов в типично скифо-иранском костюме близки к аналогичным изображениям из Западной Парфии [9].

Культовая согдийская пластика — традиционно восточная не только по содержанию, но и по форме. Своеобразный канон нашел выражение в устойчивости иконографии, во фронтальной композиции, в тенденции к линейно-пластической манере, в утяжеленных пропорциях. Как правило, все согдийские статуэтки имеют укороченную нижнюю часть туловища и непропорционально большую голову. Длина лица (своеобразный модуль) составляет не менее $^1/_6$ длины тела (цифровые данные колеблются от $^1/_4$ до $^1/_6$). Канон проявляется и в трактовке образа: боги должны предстать непременно в богатых одеждах, в застывшей позе, с бесстрастным выражением лица.

Согдийский канон является одним из вариантов проявления всеобщего закона фронтальности, связанного с ориентализацией искусства, вызванной реакцией против эллинизма в первые века нашей эры[10]. В согдийской коропластике этого времени нашли яркое выражение основные качества, присущие закону фронтальности, которые исследователи видят в парфянском искусстве. Статуэтки представляют собой не просто изображения в фас; они выражают внутреннюю структуру образа через такие качества, как иератическая оцепенелость, строгая симметрия и неподвижность.

Зрелость согдийской школы ярко выразилась не только в устоявшихся традициях канона, но и в художественном мастерстве: в завершенности канонизированных типов, отработанности изобразительных приемов, в утонченной пластике некоторых нестандартных культовых фигурок, а иногда даже в эмоциональности и индивидуальной выразительности отдельных образов (например, скульптурный портрет из Тали-Барзу)[11].

Аналогии в монументальной скульптуре династических кушан Матхуры[12], Сурх-Коталя[13], в парфянском искусстве[14], наряду с отсутствием их в греко-буддийской пластике (кроме отдельных стилистических признаков), подтверждают «иранскую» в широком смысле этого слова природу кушанской пластики Согда.

II. *Хорезм,* расположенный, так же как и Согд, в глубинных районах Средней Азии, судя по результатам исследований С. П. Толстова[15] и М. Г. Воробьевой[16], был близок к предыдущему коропластическому центру культово-образной системой, утверждающей местные традиции. В общих чертах линия развития хорезмийской и согдийской коропластики во второй половине I тысячелетия до н. э. и в первые века нашей эры была единой. Вначале, в IV—III вв. до н. э., и там и здесь наблюдается переосмысление переднеазиатских образов, затем формируется местное искусство, в котором намечаются черты своего собственного стиля. В этот период — юечжийский для Согда, кангюйский для Хорезма — зарождается каноническая пластика, которая получает развитие в кушанский период.

В Хорезме повторяются те же тематические группы: многочисленные статуэтки женского божества, небольшие группы фигурок мужчин, изображенных без атрибутов, статуэтки с музыкальными инструментами. Здесь также устойчивы иконографические типы, а в основе художественной трактовки — те же стилистические принципы: хорезмийские фигурки, подобно согдийским, — строго фронтальные, скованные в позах и жестах, непременно крупноголовые. Эта родственная семантическая и стилистическая близость, ярко выраженный одинаковый культовый характер пластики, безусловно, объясняются историко-культурной общностью населения Согда и Хорезма. Вместе с тем согдийцы и хорезмийцы, принадлежавшие к различным этническим группам древнего населения Средней Азии, не могли не иметь своеобразных черт в культуре и искусстве.

Иконографические типы сходных по семантике хорезмийских и согдийских божеств различны. Хорезмийская богиня плодородия никогда не изображалась, как согдийская, с плодами в обеих руках, в пышном головном уборе. Вместе с тем амфора, зеркало — атрибуты-символы хорезмийской богини — никогда не встречаются на изображениях согдийской. Для Согда очень редки статуэтки женского божества без всяких атрибутов, для Хорезма они довольно типичны. Некоторые же иконографические типы с идентичными атрибутами (например, богини с трилистником или с ребенком) в Хорезме и Согде сильно отличаются друг от друга по общему облику.

В Хорезме при меньшей массовости культовых статуэток, в отличие от Согда, наблюдается сравнительное многообразие образов-типов.

Каждый тип обнаженных и одетых богинь докушанской и кушанской эпохи своеобразен и не похож один на другой [17].

Хорезмийский канон утверждал приблизительно те же пропорциональные соотношения в изображении фигур: длина лица составляет $^{1}/_{4}$—$^{1}/_{5}$ всей фигуры. Однако от согдийского он отличается тем, что фигура укорочена не за счет ног, а за счет сокращения верхней части туловища. В отличие от плоскостных согдийских статуэток, выполненных в характерной линейной манере, чаще всего жестких по рельефу, отличающихся тщательной разделкой формы, хорезмийские терракоты более обобщены и обтекаемы по пластике. Некоторые из них имеют тенденцию к пространственному решению деталей: у них ступни ног выступают вперед, почти как в объемной скульптуре [18]. Эти особенности пластического решения явно канонизированных культовых фигурок, пожалуй, присущи только терракотам Хорезма.

О художественной зрелости хорезмийской школы свидетельствуют не только выработанные приемы традиционной культовой пластики, но и примеры реалистического мастерства: такова крупная голова старухи [19]. Следует также отметить, что пути развития искусства к концу кушанского периода в Хорезме были иные, чем в Согде. В Хорезме в III в. н. э. появляются самобытные, очень крупные, а иногда и мелкие терракотовые и алебастровые статуэтки сидящих «богинь» [20]. Подобных статуарных типов в кушанской пластике Согда никогда не было.

III. *Бактрия — Тохаристан* по сравнению с Согдом и Хорезмом — самый обширный по территории район, занимавший пространство от Гиссарского хребта до предгорий Гиндукуша, т. е. территорию юга Узбекистана, Таджикистана и севера Афганистана [21].

Тем не менее в целом находки терракот на этом обширном пространстве в Беграме [22], в Шари-Бану (Афганистан) [23], в Старом Термезе [24] и на соседних с ним городищах Шор-тепе [25], Караул-тепе [26], Саксанохур [27] (юг Узбекистана и Таджикистана) и значительно севернее (около Денау) [28] характеризуют эту территорию как один общий район коропластического искусства.

Территория Бактрии — Тохаристана, в отличие от Согда и Хорезма, была больше подвержена влиянию буддийской культуры и в какой-то мере — эллинистической. Представления об этом коропластическом районе сложились на основе ряда находок (М. Е. Массона, Г. А. Пугаченковой, М. И. Вязьмитиной, Л. И. Альбаума, Б. А. Литвинского, Б. Я. Ставиского, Е. В. Зеймаля и др.) [29]. Несмотря на отсутствие обобщающего исследования, можно сделать предварительное заключение о проникновении в коропластику Тохаристана буддийской тематики, заимствования некоторых стилистических приемов монументальной кушанской скульптуры. В этом районе встречаются образы греко-буддийского типа — головки из Гиссара, а также из

Исмаил-тепе близ Термеза[30], изображения Будды или Бодисатвы[31] (некоторые из них целиком копируют памятники Северо-Западной Индии, Таксилы, Сари-Бахлол, Тахти-Бахти, Сикри, Матхуры)[32].

В коропластике Тохаристана наряду с официальным направлением кушанской скульптуры, в результате новых открытий все ярче обнаруживается струя местного самобытного искусства. Даже традиционные фигурки женского божества из Тохаристана далеки от согдийских и хорезмийских по иконографии и стилю. Несмотря на то что в пределах единой историко-культурной области интерпретация этого традиционного образа имела «районные» варианты[33], все же можно отметить некоторые общие специфические черты, присущие тохаристанской коропластике в целом.

Для юга типичны уплощенные фигурки сидящей богини, которые встречаются повсеместно, начиная от Беграма на юге до района Пахтаабада на севере[34]. Они отличаются монолитным широким и плоским корпусом, на котором выпукло даны только кисти рук. Специфичными следует также признать фигурки с рогом изобилия[35]. Главные иконографические черты богини плодородия в Тохаристане, по-видимому, восходят к традиционным образам Харити, Ордохшо[36]. Своеобразны фигурки богинь с инвеститурным кольцом[37], а также женские статуэтки в складчатых одеждах — например, из Шор-тепе и Кара-тепе, выполненные под греко-иранским влиянием[38]. Вообще отличительной чертой тохаристанской коропластики является ярко выраженное влияние восточного эллинизма, ассимилированное в бактрийской среде. Оно ярко прослеживается в терракотах Зар-тепе[39], городища Халчаян[40].

IV. *Маргиана* как составная часть Парфии (на основании исследований Л. И. Ремпеля и Г. А. Пугаченковой[41]) представляется очагом передневосточного эллинизма, который наложил свой отпечаток как на общий стиль, так и на трактовку самого устойчивого местного образа маргианской богини с зеркалом[42]. Опосредованность эллинистических традиций в этом искусстве Маргианы не может идти ни в какое сравнение с несколько внешним, поверхностным характером проявления эллинистических веяний в Тохаристане (огрубленной редакцией античных сюжетов). Эллинистические терракоты Маргианы и Тохаристана различны по стилю: первые отличаются изысканной, тонкой разработкой деталей, тенденцией к миниатюрной масштабности; вторые—обобщенностью форм, приближающихся к объемной пластике и имеющих относительно крупные размеры. Неоспоримо своеобразие Маргианы в общем явлении эллинизма в искусстве южных районов Средней Азии.

Антигреческое направление в народном искусстве первых веков нашей эры в Маргиане также развивалось своеобразно. В отличие от Согда и Хорезма, сугубо «азиатские» по стилю терракоты Мерва мало что восприняли из традиций классического Востока. Здесь, например, отсутствуют такие традиционно иранские тематические группы статуэток, как группы мужчин-жрецов, музыкантов в скифо-иранском костюме, встречающиеся среди согдийских и хорезмийских терракот. Маргианские терракоты не дают таких иконографических типов, которые были бы выдержаны в духе древневосточных традиций, как, например, изображения согдийской богини с трилистником, в короне, сидящей верхом на животном или с ребенком. Статуэтки маргианской богини местного типа также сильно отличаются от согдийских и хорезмийских не только по внешнему виду и пластическому решению, но и по пропорциям. Некоторые из маргианских женских статуэток местного типа имеют удлиненные пропорции, которые не характерны ни для Согда, ни для Хорезма.

Оригинальные местные позднепарфянские статуэтки не похожи на статуэтки из других коропластических районов Средней Азии как по общему облику и иконографии, так и по моделировке формы: они отличаются крайней условностью, слишком приземистыми пропорциями и чрезмерной декоративностью в отделке поверхности статуэток[43].

Изображения мужчин (III в. н. э.), которые Г. А. Пугаченкова связывает с манихейством, характерны только для Мерва.

Таковы различия и некоторые черты сходства коропластики Хорезма и Согда, с одной стороны, и Маргианы — с другой, в пределах только одного общего явления — утверждения местного азиатского стиля. Если же сравнивать терракоты парфянского Мерва с терракотами Согда, Хорезма, Тохаристана во всем комплексе, давая суммарную характеристику тематических групп и стилистических направлений, то между ними будет весьма значительная разница.

Среднеазиатская коропластика — по своей природе искусство традиционное и массовое, имеющее одну и ту же функцию обслуживания народных культов, — развивалась в географических границах определившихся «школ». Каждая «школа» отражала исконно местные традиции. Дальнейшие исследования раскроют значение творческого вклада древних народов Средней Азии в развитие изобразительного искусства кушанской эпохи.

Суммарная характеристика коропластического искусства по историко-культурным областям, минуя современные границы, даст ключ к решению важной проблемы локальных стилей искусства центральноазиатских народов в кушанскую эпоху.

---

[1] C. Trever, Terracottas from Afrasiab, Moscow — Leningrad, 1934; Г. В. Григорьев, Городище Тали-Барзу,— ТОВ, т. II. Л., 1940; А. И. Тереножкин, Согд и Чач,— КСИИМК, XXXIII, М.— Л., 1950; Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, История искусства Узбекистана, М., 1965; Ф. А. Заславская, Богиня плодородия в коропластике Афрасиаба кушанского времени,— «История материальной культуры Узбекистана», вып. 1, Ташкент, 1959; А. М. Мандельштам, К вопросу о хронологической классификации древних терракот Согда,— сб. «Искусство таджикского народа», Труды АН ТаджССР, т. XXIX, 1960.

[2] В. А. Мешкерис, Ранние терракоты Согда (К вопросу об истоках согдийской коропластики),— «Искусство таджикского народа», вып. 3, Душанбе, 1965, стр. 39—48; ее же, Терракоты Самаркандского музея, Л., 1962, стр. 19—20.

[3] В. А. Мешкерис, Согдийская школа коропластики в кушанскую эпоху,— «Известия Отд. общественных наук АН ТаджССР», 2(52), 1968, стр. 5—11.

[4] *Syria,* IX, 1928, p. 311, fig. 14a.

[5] André Parrot, Assur, Gallimard, стр. 150, fig. 185.

[6] W. Ingen, Figurines from Seleucia on the Tigris, London, 1939, pp. 8, 19—20, pl. V; E. D. Buren, Clay Figurines of Babylonia and Assyria, London, 1930, pl. XIII, figs. 63—65.

[7] R. Ghirshman, Iran. Parthes et Sassaniden, Gallimard, 1962, fig. 98, p. 87.

[8] L. I. Ringbom, Zur Ikonographie der Gottin Ardvi sura Anahita.— «Acta Academiae Aboensis Humaniora», XXIII, 2, Abo, 1957, S. 5, 13, 14, Bild 7, 8.

[9] W. Ingen, op. cit., pp. 35, 279, 281, 559, 561; R. Ghirshman, op. cit., p. 53, fig. 15.

[10] Г. А. Кошеленко, О фронтальности в парфянском искусстве,— «Историко-археологический сборник (посвященный А. В. Арциховскому)», М., 1962, стр. 135—146; его же, Культура Парфии в современной зарубежной литературе,— ВДИ, № 3, 1962, стр. 168—169.

[11] В. А. Мешкерис, Терракоты Самаркандского музея, табл. X, 112.

[12] J. Vogel, Sculpture de Mathura,— «Ars Asiatica», Paris, 1930, p. 22, pl. I—IV; J. M. Rosenfield, The Dynastic Arts of the Kushans, Berkeley and Los Angeles, 1967, pl. 2, 22, 23, 108, 109, 120.

[13] D. Schlumberger, Descendantes non-méditerranéens,— "Syria", t. 37, 1—2, 157, pl. XXXVII, 1—3.

[14] Рельеф из Бехистуна с изображением стоящей мужской фигуры (R. Ghirshman, op. cit., p. 53, fig. 15); скульптуры из Хатры (Shinji Fukai, The Artifacts of Hatra and Parthian Art,— "East and West", vol. II, 2—3, 1960, p. 143, pl. 3; p. 147, pl. 8; p. 151, pl. 12).

[15] С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 126—211; его же, Итоги двадцати лет работы Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции (1937—1951),— СЭ, № 4, 1957, стр. 56; его же, Работы Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции АН СССР, 1954,— СВ, № 6, 1955, стр. 93, 94, рис. 5; его же, По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 126—127.

[16] М. Г. Воробьева, Ранние терракоты древнего Хорезма,—сб. «История археологии и этнографии Средней Азии», М., 1968, стр. 135—147; ее же, Памятники искусства (разд. I),— в кн.: «Қой-Қрылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.— IV в. н. э.»,— «Труды Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции», 5, М., 1967, стр. 173—201.

[17] М. Г. Воробьева, Памятники искусства (разд. I),— в кн.: «Қой-Қрылган-кала...», табл. XXV, 2, 4, табл. XXIX, 36, 40, 46.

[18] Там же, стр. 182, рис. 71.

[19] С. П. Толстов, По древним дельтам..., стр. 127, рис. 66е.

[20] М. Г. Воробьева, Памятники искусства (разд. I),— в кн.: «Қой-Қрылган-кала...», стр. 187, 208, табл. XXIX, 46, табл. XXXIII, 4.

[21] Этот единый коропластический район несколько шире территории древнего Тохаристана. В развитии такого массового искусства, как коропластика, не могли отразиться точные границы историко-культурных областей.

[22] Хотя Беграм и относится к другой историко-культурной области — Қабулистану, как центр коропластики он мало чем отличается от тохаристанских центров терракотового производства. См.: R. Ghirshman, Begram,— MDAFA, Cairo, 1946, t. XII, pp. 49—56.

[23] I. Carl, Fouilles dans le site de Shahri-Banu et sondage au Zakar-tepe,— MDAFA, Paris, 1959, t. VIII, pp. 59—73, pl. V, fig. 223.

[24] М. Е. Массон, Городища Старого Термеза и их изучение,— ТАҚЭ, Ташкент, 1940—1941, т. 1, стр. 74—76.

[25] Г. А. Пугаченкова, Материалы по коропластике Бактрии — Тохаристана, сб. «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран», М., 1967, стр. 184, рис. 6.

[26] В. А. Мешкерис, Согдийская школа коропластики..., стр. 14, рис. 5.

[27] Б. А. Литвинский, Археологические работы Института истории АН Таджикской ССР. Археологические открытия 1966 г., М., 1967, стр. 314, 315; см. также: Х. Мухитдинов, Терракоты Саксонохура (в этом томе).

[28] Г. А. Пугаченкова, Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии, Ташкент, 1966, стр. 218—139; ее же, Материалы по коропластике Бактрии — Тохаристана..., стр. 176—185.

[29] Основная литература по коропластике Бактрии — Тохаристана приведена в сб.: В. А. Мешкерис, Терракоты из Қара-тепе,— сб. «Буддийские пещеры Қара-тепе в Старом Термезе», М., 1969, стр. 126.

[30] Термезский музей, КП. 1512—24.

[31] В. А. Мешкерис, Согдийская школа коропластики..., стр. 14, 15, рис. 5, 1, 2.

[32] В. А. Мешкерис, Терракоты из Қара-тепе, стр. 131—136, рис. 23 Б.

[33] Г. А. Пугаченкова, Материалы по коропластике Бактрии — Тохаристана, стр. 184.

[34] R. Ghirshman, Begram,— MDAFA, t. XII, p. 52, pl. XXIII, B.C. 371; pl. XIV, B.C. 175; А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер, Работы Қафирниганского отряда в 1952—1953 гг.,— МИА, № 66, М.— Л., 1958, стр. 301, 304, 310, рис. 7, 12, 13; Е. В. Зеймаль, Археологические разведки в Гиссарской долине,— «Труды ИИ АН Тадж. ССР», Сталинабад, 1961, т. XXVII, стр. 124—125, 132—133, рис. 36, а, б.

[35] Там же, рис. 3а.

[36] R. Ghirshman, Begram,— MDAFA, t. XII, p. 52.

[37] М. Е. Массон, Городища Старого Термеза и их изучение..., стр. 77, рис. 49.

[38] В. А. Мешкерис, Терракоты из Қара-тепе, стр. 127—131.

[39] Л. И. Альбаум, Балалык-тепе, Ташкент, 1960, стр. 34; его же, Некоторые данные по изучению Анхорской группы археологических памятников (1948—1949),— «Труды ИИА АН Уз.ССР», Ташкент, 1955, вып. VII, стр. 119—129.

[40] Г. А. Пугаченкова, Халчаян..., стр. 218.

[41] Л. И. Ремпель, Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы,— «Труды ЮТАҚЭ», т. I, Ашхабад, 1949; Г. А. Пугаченкова, Маргианская богиня,— СА, XXIX—XXX, М., 1959; ее же, Коропластика древнего Мерва,— «Труды ЮТАҚЭ», т. IX, Ашхабад, 1962; ее же, Искусство Туркменистана, М., 1967, стр. 72—85.

[42] Г. А. Пугаченкова, Искусство Туркменистана, рис. 57, 58.

[43] Там же, рис. 56.

Summary

1. The term "school" is taken to mean the localisation of Central Asian art according to historico-cultural regions. This art is clearly expressed in the coroplastics or Sogd, Khoresm, Margiana and Bactria-Tukharistan in the Kushan period. In spite of a general trend in the development of this art, local features are expressed in a certain uniqueness of identical images and stylistic qualities, and sometimes even in the different content, connected with differing historical conditions and the nature of the cults.

2. A general characteristic of each "school" gives the following picture:

(a) The content of the art of Kushan Sogd seems to be linked with the local Mazdeist cults of Central Asia. The sources of the iconography of the basic types reach back to the distant prototypes of the West Asian terrain. The cult plastics are traditionally Eastern not only as regards content, but also as regards form. A definite canon is adhered to in the frontal position, in the heavy proportions, in the tendency to a linear plastic form. The maturity of the Sogd "school" can be seen also from the great realistic mastership of the sculptural moulding on the handles of vessels relating to the end of the Kushan period. Analogies in the monumental dynastic sculpture of the Kushans in Parthian art, as also the absence of such analogies in Graeco-Buddhist sculpture (except individual stylistic qualities) confirms the "Iranian" (in a broad sense of the word) nature of the Kushan coroplastics of Sogd.

(b) Khorezm, which, like Sogd, is located deep inside Western Turkistan, was closely related (according to the results of research conducted by S.P. Tolstov and M.G. Vorobyova) with the preceding coroplastic centre of the similar cult and figurative system, which asserted local traditions. The Khorezm "school", like the Sogd "school", having passed through a phase mastering Western Asian influences, seems to have been just as traditional and stable as regards the preservation of local cult images, the limited scope of subjects and the canons. However, the iconographic types, the proportionality module, the nature of moulding and the development of this art at the end of the Kushan period in Khorezm, differed from Sogdian art.

(c) Bactria Tukharistan, as distinct from Sogd and Khorezm, was subjected to the influence of Buddhist, and to some extent, of Hellenistic culture. Our views on this coroplastic region were formed on the basis of a number of finds by M. Masson, G. Pugachenkova, L. Albaum, B. Litvinsky, B. Stavisky and others. Despite the absence of summary research, the conclusion can be drawn that Buddhist subjects predominated in Tukharistan coroplastics, that it contained many stylistic qualities borrowed from Kushan monumental sculpture, and that Hellenistic and Indian subjects penetrated into that art and took root in it. The types of terracottas, made in the traditions of local Tukharistan art (for example, figurines of a sitting goddess), are objects of art possessing distinctive features.

(d) Margiana, a component part of Parthia, seems to have been a centre of Western Asian Hellenism (according to the research conducted by L. Rempel and G. Pugachenkova), which left a mark on the interpretation of the local, traditional image of the female deity. Local unique types, illustrating the anti-Greek trend of the first centuries A.D. and the assertion of a style of their own, are semantically close to identical statuettes of Sogd and Khorezm, but differ from them as regards iconography, proportions and stylistic features. The original thematic content of some groups also determines the specific features of the Margiana coroplastic centre.

3. The Kushans did not play the decisive role in the formation of local art in the remote areas of Central Asia (Khorezm and Sogd are outside the Buddhist trend of Kushan sculpture); the official Buddhist trend of Kushan art exerted an influence only on the terracottas of Tukharistan.

4. The above "schools" of coroplastics are of great importance to an investigation of the creative contribution made by the local peoples of the various regions of Western Turkistan to the development of the fine arts in the Kushan period.

А. ФАЗИЛИ (СССР, БАКУ)

АТРОПАТЕНА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВ ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ

К началу нашей эры на огромном пространстве (от Хорезма на севере до устьев Инда на юге) складывается могущественная юечжийская держава, известная под именем Кушанского царства. Это государство объединило под своей эгидой разнообразные, разрозненные до того племена, явилось могучим соперником Парфянского царства, а позднее — Сасанидского Ирана.

Образование сакских княжеств и Кушанского царства на Востоке, гибель последних самостоятельных эллинистических государств — все это этапы одного и того же процесса: борьбы народов Ирана и Средней Азии против чужеземцев, появления новых элементов общественного устройства, которые дадут себя знать только значительно позднее.

Особое развитие в рамках Кушанского государства получили торговые и культурные связи.

Именно в кушанскую эпоху был проложен первый в истории межконтинентальный Великий шелковый путь; как бы продолжением его был водный торговый путь, который шел через Каспийское море, по рекам Кура и Рион и в Черное море[1]. Этот путь имел не только внутрикавказское значение. Он соединялся с другими водными и сухопутными торговыми путями и играл большую роль в торговых связях стран Ближнего и Среднего Востока, Средней Азии и Европы. Древняя Атропатена и Кавказская Албания, располагавшиеся в то время на землях современного Азербайджана, тоже были включены в систему этих отношений.

Отличаясь благоприятными природными условиями, эти области знали и земледелие и скотоводство, о чем убедительно свидетельствуют результаты археологических раскопок, проведенных на территории Азербайджана.

Азербайджан — страна, где азербайджанцы составляют основную массу населения и где они прошли свой исторический путь,— располагается по обе стороны Аракса, прилегая к западному берегу Каспийского моря.

О высоком развитии хозяйства и культуры этой страны в древности свидетельствуют сведения античных источников. У Страбона и других античных авторов есть интересные сведения об Атропатене.

Из Мидии выделилась малая Мидия, где независимым правителем был тесть Пердикки — Атропат, бывший сатрап Мидии при последних Ахеменидах. Эта страна так и осталась за Атропатом и его потомками (она получила впоследствии название Мидия-Атропатена-Атурпаткан, откуда современное название — Азербайджан).

По словам Страбона, нравы и обычаи мидийцев были близки персидским и армянским[2]. В Мидии было довольно большое число греческих городов, основанных македонянами: Лаодикея, Апомея, город около Раги. Его основал Селевк Никатор, назвав его Европом; затем парфяне переименовали город в Арсакию[3]. Большой славой пользовались мидийские лошади, похожие на парфянских[4]. В древности в этой стране выращивались пшеница, ячмень, рис, конопля и хлопок. В зоне

Атропатены произрастает трава, которая была лучшим кормом для лошадей и называлась мидийской[5].

Говоря о Кавказской Албании, Страбон рассказывает, что «виноградные лозы там никогда не окапывают до конца, а только раз в 5 лет подрезают. Молодые лозы плодоносят уже на второй год, а достигнув зрелости, дают так много гроздей, что значительную часть их приходится оставлять на ветвях»[6]. В стране было много вечнозеленых садовых деревьев. Страбон отмечает также, что «однажды засеянная земля во многих местах дает 2 или 3 урожая, и первый урожай получается даже сам-пятьдесят; причем поле не лежит под паром и вспахивается не железным плугом, а деревянным. Орошается вся эта равнина лучше вавилонской и египетской своими реками и прочими водами...»[7].

Благодаря плодородию и трудолюбию населения эта страна имела большие запасы различных товаров для торговли. Торговые пути связывали древние города Азербайджана друг с другом и с другими странами. Через Кензек и Рагу пролегали торговые пути, на которых располагались охранные посты. Большое значение имел путь, ведущий из Хузистана через Рагу к берегам Каспия в Атропатену. Этот путь связывал Малую Азию, Кавказ, Среднюю Азию. По этим путям товары Индии, Средней Азии, Ирана и других стран Ближнего Востока шли в Азербайджан и через Азербайджан в Армению, Грузию и Малую Азию.

Азербайджан играл важную роль в древних торгово-экономических связях Ближнего Востока и эллинистических государств.

Росту производительных сил вообще, а также развитию торговли способствовало то, что еще в древности в горах Закавказья и, в частности, в Азербайджане получила развитие металлургия.

Видимо, с древних времен возле азербайджанского города Шабрана (Шавран) был известен черный камень, употреблявшийся для определения золота. Этот камень вывозился за пределы страны[8].

С развитием торговли связано и развитие денежного обращения. Характерно монетное обращение, которое оказало влияние на развитие внешней и внутренней торговли Азербайджана[9]. Пока здесь не обнаружено монет, выпущенных правителями Атропатены. Однако в Азербайджане были широко распространены монеты соседних стран — драхмы, тетрадрахмы Александра и его преемников[10]. Развитию торговых связей способствовало развитие родственных связей правителей Атропатены. Известны дружественные и родственные связи царей Атропатены с царями Армении и Парфии, с видными государственными деятелями Рима.

Торговые пути, ведущие из Атропатены в Албанию, а оттуда в другие страны, оказывали влияние на развитие торговли и денежного обращения внутри Азербайджана. Атропатена и Албания имели торговые связи с эллинистическими государствами. Об этом свидетельствуют найденные в Барде, Хыныслы и Нахичевани многочисленные селевкидские монеты[11].

Главным фактором развития торговли в Азербайджане было экономическое развитие страны.

Изготовленные в Атропатене шерстяные, хлопчатобумажные и льняные ткани, а также тканные золотыми и серебряными нитями поступали на торговые рынки Рима и других стран древнего мира. Купцы Атропатены покупали у римских купцов различное оружие, украшения, продавали им ковры, оливковое масло, шерстяные ткани и ювелирные изделия.

Об одном из экспортных товаров, вырабатывавшемся в Атропатене, сообщает Страбон: «Мидийская земля производит также сильфий, откуда добывается так называемый ,,мидийский сок'', во многом уступающий ,,киренскому'', а иногда и превосходящий его или благодаря местным условиям, или в силу изменения вида растения, или же, наконец, старанию собирателей и изготовителей сока, которые достигают того, что сок сохраняется длительное время впрок и для употребления»[12].

В числе экспортных товаров древнего Азербайджана была также рыба.

После падения Ахеменидской империи в 328 г. до н. э. в Азербайджане сложилось самостоятельное государство во главе с Атропатом, которое сумело сохранить свою самостоятельность до начала нашей эры, о чем свидетельствует генеалогия восьми атропатенских царей,— от Атропата (328 г. до н. э.) до Артавазда II (I в. до н. э.), сына Ариабарзана II.

Артабан III (Аршакид по матери, связанный родством со знатью кочевых племен северо-востока Парфии)[13] стал основателем династии младших Аршакидов и наиболее яростным противником римлян[14]. В сообщениях Тацита и Иосифа можно найти указания о целях выступлений сторонников Артабана. Их возмущало, что престол Аршакидов раздают как римскую провинцию, их неудовольствие вызывала близость к грекам Тридата III (римский ставленник и противник Артабана)[15]. Борьба с Римом и римскими ставленниками идет под знаком борьбы за восстановление державы Кира и Александра[16]. После захвата аршакидского престола Артабан III назначает своего брата Вонона правителем Мидии-Атропатены[17]. С этого времени, видимо, до падения династии Аршакидов Атропатеной правила одна из младших ветвей Аршакидского дома[18].

Будучи связана с Парфией, выступая то в качестве ее союзника, то в качестве противника, Атропатена несомненно играла определенную роль в исторических событиях первых веков. Изучение истории ее окажется полезным и для понимания истории Кушанского государства — извечного соперника Парфии.

---

[1] З. И. Ямпольский, К изучению древнего пути из Каспийского моря по реке Куре, через Грузию к Черному морю,— «Труды Института истории АН Груз.ССР», II, 1956, стр. 160—180.

[2] Страбон, География, XI, 13, 9.

[3] Страбон, География, XI, 13, 6.

[4] Страбон, География, XI, 13, 7.

[5] Там же.

[6] Страбон, География, XI, 4, 5.

[7] Там же.

[8] А.А. Ализаде, Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв., Баку, 1956, стр. 47.

[9] Е.А. Пахомов, Античные монеты в Албании (в пределах Азербайджанской ССР),— сб. «Вопросы истории Кавказской Албании», Баку, 1962, стр. 106.

[10] См.: «История Азербайджана», т. I.

[11] Е.А. Пахомов, Античные монеты..., стр. 107.

[12] Страбон, География, XI, 13, 7.

[13] Г.А. Кошеленко, Культура Парфии, М., 1966, стр. 51.

[14] Там же.

[15] Tac., Ann. II, 2.

[16] Tac., Ann. VI, 31; Dio Cass., XVIII, 26; Suet., Tiber., 66.

[17] Г.А. Кошеленко, ук. соч., стр. 51.

[18] R. Ghirshman, Iran. From the Earliest Times to the Islamic Conquest, 1954, стр. 263.

Summary

Towards the beginning of the new era, a powerful Yüeh-chih state, known as the Kushan Empire, emerged over a vast territory. As it brought under its aegis different, previously disunited tribes, the Kushan Empire became a powerful rival of the Parthian and later the Sassanian states, persisting until the 3rd century A.D.

Ancient Azerbaijan had a favourable natural setting. Crop-raising and cattle-breeding flourished, as witnessed by archaeological excavations in the territory.

The socio-economic history of Atropatena in the Kushan period has been to some extent covered by research. The Silk Route — the first intercontinental line—which took form in the Kushan period, was supplemented by a waterway leading from the Caspian Sea along the Kura and Rion rivers to the Black Sea. Trade routes played a major part in the socio-economic development of Atropatena.

Trade routes also linked the ancient cities of Azerbaijan with other countries. Those running via Kenzek and Raga had safeguard outposts along them. Of great importance was the route leading from Khuzistan via Raga to the Caspian shore of Atropatena, linking as it did Asia Minor, the Caucasus and Central Asia. Goods from India, Central Asia, Iran and other countries of the Near East were delivered to Azerbaijan, and from there reached Armenia, Georgia and Asia Minor. At that time Atropatena's rulers had political and economic relations with Parthia and Rome.

Having links with Parthia, of which it was now an ally and now an opponent, Atropatena undoubtedly played a part of her own in historical events. Studies in the history of Atropatena may prove of use also for an understanding of the history of the Kushan state, since it was one of Parthia's rivals.

А. МУХТАРОВ (СССР, ДУШАНБЕ)

НОВЫЕ НАХОДКИ КАМЕННЫХ КАПИТЕЛЕЙ КУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ШАХРИНАУ (ЮЖНЫЙ ТАДЖИКИСТАН)

Отряд Сектора истории средних веков Института истории АН Таджикской ССР ежегодно выезжает в различные районы республики с целью сбора средневековых юридических документов, наскальных и намогильных надписей. Во время работы мы обнаруживаем и другие уникальные находки. Летом 1965 г. отряд[1] работал на территории кишлаков Гиссарской долины. На территории старого городища Шахринау мы обнаружили массу черепков, целые сосуды, монеты и пр. Среди собранной керамики оказались черепки, кувшинчики позднего античного времени, а среди 28 собранных у населения монет — монеты кушанского времени: две — «безымянного царя» и одна — Канишки. Все монеты хорошей сохранности.

Среди шахринауских находок самыми интересными и заслуживающими внимания являются две каменные капители. Одна из капителей была обнаружена в доме Исматулло Сангинова, другая — в доме Меликнора Джураева.

Основание капители из дома Сангинова окружено восемью акантовыми листьями в два ряда. Листья нижнего ряда лежат почти горизонтально.

Угловые волюты заменены здесь фигурами крылатых грифонов с львиными лапами, закрученными рогами и напряженно выгнутой грудью, на которую с морды опускается грива. Морды грифонов сохранились плохо, однако уцелевшая верхняя часть одной из них позволяет думать, что они были стилизованными львиными. Грифоны воспроизводят традиционный образ древнего Востока, хорошо известный по искусству Ассирии, Вавилона и ахеменидского Ирана.

Другая особенность описываемой капители состоит в том, что ее украшают четыре человеческие полуфигуры. Они расположены между грифонами и выступают из-за второго ряда листьев аканта. Головы у этих фигур не уцелели. Можно предполагать, что две полуфигуры — мужские, а две — женские. Одна из предполагаемых женских фигур лучшей сохранности. Она украшена тройным ожерельем с широкой квадратной пряжкой, в руках держит большую чашу с поддоном, разделенную на выпуклые дольки. Женские фигуры одеты в низко подвязанные передники, спускающиеся плавными полукруглыми складками. Известно, что тройное ожерелье с широкой квадратной пряжкой имеет одна из фигур айртамского фриза.

Предположительно мужские фигуры украшены только перевязью с верхним бахромчатым краем, спущенной с левого плеча и огибающей правое бедро. Под перевязью, очевидно, одежда с двумя небольшими круглыми углублениями, которые могли быть пуговицами. Торсы полуфигур наклонены вперед под углом более чем 45°. Наклон фигур вперед указывает на тонкий расчет мастера, стремившегося к тому, чтобы их можно было легко увидеть снизу. Иное расположение фигур не позволило бы находящемуся снизу зрителю разглядеть их с близкого расстояния.

Грудь, мышцы и торс человеческих фигур анатомически проработаны, что может свидетельствовать о высоком мастерстве древних ваятелей. Об этом также свидетельствует большая глубина резьбы — от 6 до 16,5 *см*.

На поверхности абаки сохранился след прорезанного каким-то острым инструментом круга. В центре абаки мастер высек глубокое прямоугольное отверстие, в которое, очевидно, входил деревянный или металлический шип, скреплявший капитель с лежащей на ней архитектурной формой.

Посередине основания капители также высечено квадратное отверстие для деревянного или металлического штыря, скреплявшего капитель с колонкой.

В целом капитель представляет собой единый, сложный художественный организм, выполненный рукой опытного мастера. Несмотря на утраты, капитель и сейчас производит сильное впечатление.

Вторая капитель (из дома Джураева) также высечена из известнякового блока, квадратного в плане и прямоугольного по фасадным сторонам: ширина ее 36 *см*, высота 22 *см*. Она венчала квадратную в сечении колонну, ширина ствола которой составляла всего 17,5 *см*. В основании капители сохранилась шейка этой колонны. Углы плиты поддерживаются четырьмя грифонами. Они изображены в момент прыжка или стремительного бега. Массивная шея с квадратной головой вытянута вперед так, что грудь совсем не видна, лапы выброшены вперед, крылья отогнуты назад. Гривы и бороды грифонов четко разделены. Пряди бороды воспроизводят листья аканта.

Исключительно своеобразно акантовое убранство второй капители. Каждая ее сторона украшена четырьмя крупными, превосходно изваянными листами. Два листа расходятся налево и направо, следуют направлению лап грифонов и смыкаются с листьями соседней стороны. Один крупный лист расположен посередине, другой, поменьше,— под ним. Впечатление такое, что четыре листа аканта выросли из одного корня и расходятся по четырем сторонам. Следует отметить весьма похожее акантовое убранство на фрагменте капители из Хатын-Рабата, опубликованном Г. А. Пугаченковой.

Верхняя и нижняя поверхность капители снабжена глубокими квадратными выемками, расположенными в центре. Это гнезда для штырей, которыми капитель скреплялась со стволом колонны и лежащим на ней антаблементом. На верхней поверхности, кроме того, неглубокое квадратное углубление, расположенное сбоку и под углом. Вероятно, это след дополнительного крепления капители с балкой архитрава. Такое крепление могло иметь значение в процессе монтажа.

Строгая структурность, стилистическое единство всех деталей, пышное декоративное убранство, исключительность художественного образа капители позволяют видеть в ней несомненный шедевр восточного эллинистического искусства. В ней ярко отразилось своеобразие местной художественной школы.

Небольшие размеры и тонкость работы шахринауской капители показывают, что она, вероятно, украшала интерьер.

Обе капители относятся к типу коринфских. Среди немногочисленных пока фрагментов греко-бактрийской и кушанской архитектуры, найденных в Средней Азии, есть несколько капителей коринфского типа. Таковы капитель пилястра на городище древнего Термеза и небольшая гипсовая капитель из Мерва, в композиции которых важную роль играют выступающие из акантовых листьев изображения человека[2]. Тот же принцип применен и в известном Айртамском фризе, где из низких акантовых листьев первого ряда выступают полуфигуры людей, детали одежды которых (например, ожерелья с центральными медальонами) представляют собой очень близкую аналогию нашей капители[3]. Совпадает и стилистическая манера изображений. Хотя фигуры Айртамского фриза значительно крупнее, исполнение акантовых листьев уступает шахринауским капителям.

Аналогии этому мотиву ранее были обнаружены и зафиксированы в буддийской архитектуре Афганистана (Хадда)[4] и гандхарской архитектуре Индии (капитель из Джемальгари)[5].

Фрагменты греко-бактрийской архитектуры, найденные в Средней Азии, Афганистане и Индии, показывают, что включение в композицию капители человеческих изображений в виде полуфигур или бюстов было отличительной особенностью кушанского, парфянского и гандхарского искусства.

Шахринауские капители, по всей вероятности, относятся к I—II вв. н. э. Об этом могут свидетельствовать вышеупомянутые аналогии, а также монеты, обнаруженные на территории шахринауского городища.

Эти капители — новое свидетельство изумительного мастерства древних зодчих, высокого искусства предков таджикского народа.

Новые находки дают некоторый косвенный материал для решения вопроса о существовании каменных колонн в древнем, в том числе кушанском, зодчестве Средней Азии. Интересен и факт существования в этом зодчестве не круглых, а квадратных в плане колонн, о чем до сих пор не было никаких сведений.

Новые находки снова указывают на Таджикистан как на один из крупных центров художественной культуры эллинизма, где создавались произведения исключительно высокохудожественные, отмеченные печатью несомненного и яркого своеобразия.

Каменные капители из Шахринау дают ценный материал искусствоведам-кушановедам для обобщающих выводов о замечательных мастерах далекой кушанской эпохи.

---

[1] В состав отряда входили А. Мухтаров (начальник отряда), В. Ибрагимов, А. Ягоне, А. Бобокалонов.

[2] Г. А. Пугаченкова, Акант в архитектуре Средней Азии,— «Труды АН ТаджССР», т. CXX, Душанбе, 1960, стр. 172, рис. 43, стр. 174.

[3] Л. И. Ремпель, Архитектурный орнамент Узбекистана, Ташкент, 1961, стр. 39.

[4] J. Barthoux, Les fouilles de Hadda, vol. 1, Paris, 1933.

[5] B. Rowland, The Art and Architecture of India, Baltimore, 1953, pl. 42-A.

Summary

In the summer of 1965 an expedition of the Department of Medieval History (Institute of History, Tajik Academy of Sciences) discovered two stone capitals in Hissar valley, near the Dushanbe-Regar and Shakhrinau-Karatag crossroads. Both capitals are of the Corinthian type but possess many original features. As regards their sculptural decoration, there is a great abundance of feathered acanthi, and the corner volutes are replaced by figures of winged griffins with lion paws, twisted ram horns and tensely extended chests, onto which a mane descends from the brute's face.

The acanthus decoration of the second capital is highly original. Each side is decorated with four large, exquisitely moulded leaves, which appear to grow from a single root. The two lateral leaves diverge horizontally, following the direction of the griffins' paws. The leaves in the corners, under the griffins' paws, link with the leaves of the adjacent side.

Another specific feature of one of these capitals is that it is decorated with four human busts. They are placed between the griffins. It can be assumed that two figures are male, and the other two female. The figures assumed to be female are decorated with a triple necklace, which has a broad square clasp. The male figures are decorated only with a shoulder-belt descending from the left shoulder and rounding the right hip.

It should be noted that this is not the first time such finds were made in Tajikistan. Many monuments of local Hellenistic art have been found here, including many elements of Graeco-Bactrian and Kushan stone architecture—bases, capitals, etc.

However, a comparison of the two capitals with other elements of stone architecture found in Western Turkistan reveals that the capitals from the Shakhrinau town-site are true masterpieces of Eastern Hellenistic art.

The new finds afford some indirect material that throws light on the question of the existence of stone columns in the ancient architecture of Western Turkistan, including also Kushan architecture. It also reveals the interesting fact that this architecture used not only round, but also square columns, of the existence of which there was no information up to the present.

The new finds show that Tajikistan was a large centre of Hellenistic artistic culture, where works of great artistic value, showing much originality, were created.

Х. МУХИТДИНОВ (СССР, ДУШАНБЕ)

ТЕРРАКОТЫ САҚСАНОХУРА

Мелкая терракотовая скульптура как источник для изучения идеологии древних племен и народностей, с одной стороны, и как памятник искусства — с другой, в последнее время все чаще и чаще стала привлекать внимание исследователей, и в настоящее время она полнее и разностороннее изучена для Хорезма, Маргианы и Согда. Остальные области Средней Азии в этом отношении изучены неравномерно, хотя находки терракотовых статуэток, за исключением Ферганы, отмечены и в этих областях.

Многочисленные изображения людей и животных найдены в археологических слоях в Сурхандарьинской и Қашкадарьинской областях УзССР, в Термезе, Халчаяне, Дальверзине и других местах. На той части территории Бактрии, которая ныне входит в состав Таджикской ССР, они отмечены в Қей-Қобад-шахе, Узбектон-тепа, Халкаджаре; особенно многочисленны находки терракотовых статуэток на Яванском городище.

За последние годы большое количество предметов коропластики обнаружено в Пархарском районе Таджикской ССР при раскопках городища Саксанохур. Найденные здесь терракотовые статуэтки людей и животных дают сравнительно полное представление о типах статуэток левобережной Бактрии, указывают на то, какие именно иконографические образы, воплощенные в коропластике, обнаруженные в других районах Средней Азии, имели здесь распространение. В свою очередь, это может выявить направления культурных, а также экономических связей отдельных областей древней Бактрии, особенности духовной культуры ее обитателей.

На городище Саксанохур или, как его называют местные жители, Теппаи-Шофтолубог, расположенном в 7 *км* севернее районного центра Пархар, в течение двух лет ведет раскопки Южно-Таджикистанский археологический отряд. Здесь открыт большой дворцово-храмовой комплекс с четкой планировкой и изящной архитектурой, в сооружении которого наряду с пахсой и сырцовым кирпичом широкое применение получил камень. Қамень использовался для пилястров, баз и капителей, а также для фустов колонн и в вымостке проходов парадных помещений. Некоторые помещения были украшены настенной живописью, фрагменты которой обнаружены при раскопках.

Недалеко от дворцово-храмового комплекса раскопана часть гончарного квартала с остатками печей для обжига и многочисленными отвалами керамического брака и мусора. Установлено, что гончарный квартал функционировал продолжительное время. На одном и том же месте изготавливали и обжигали керамические изделия как в греко-бактрийское, так и в кушанское время. Слои последнего времени хорошо датируются монетами ранних кушанских правителей.

Здесь найдены четыре монетных кружка, два из которых удовлетворительной сохранности. Одна монета, найденная в завале помещения № 12, принадлежит «Безымянному царю», другая, найденная в завале помещения № 5,— Виме Қадфизу (или Қанишке). Кроме того, недалеко от раскопа в подъеме найдена монета Қанишки.

Установлено, что обжигательные печи обоих периодов не имеют сколько-нибудь конструктивных различий. Печи нижнего (греко-бактрийского) и верхнего (раннекушанского) горизонтов — двухъярусные, небольшие, прямоугольные или округлой формы, в них обжигались как керамика, так и терракотовые статуэтки. Керамика нижнего горизонта — красноглиняная, покрыта светлым ангобом; в керамике верхнего горизонта появляются отдельные красноангобированные черепки, а также штамп и фрагменты кубков.

В отвалах и заполнениях печей вместе с керамикой найдено большое количество предметов коропластики, статуэтки и матрицы для их изготовления, изображения животных. Почти все обнаруженные статуэтки людей и животных фрагментированы, отдельные части их попадались в различных местах и глубинах раскопа, что указывает на производственный брак или ломку.

Основная часть терракотовых статуэток происходит из верхнего горизонта; главное место занимают изображения женщины, в частности изображения «богини с зеркалом». Последние существовали и в предыдущее время, о чем свидетельствуют их находки в отвалах печей этого периода. Эти статуэтки имеют иконографическое сходство со статуэтками раннекушанского периода, но в то же время отличаются стилистически. Те и другие статуэтки предназначены для фронтального обзора, в изготовлении их применялся штамп. Отличие заключается в том, что одежда ранних статуэток имеет богатые украшения и выдержана симметрия фигуры. Статуэтки же раннекушанского времени были несколько массивнее. Здесь найдены только матрицы для формовки.

Оттиски, полученные в этих матрицах, показывают, что формовавшиеся в них статуэтки имели складчатую одежду; складки выполнены несколько небрежно; голова массивна, плохо моделирована, с острым лицом и крупным носом. На груди большое зеркало с ручкой, поддерживаемое двумя руками. Зеркало в статуэтках нижнего горизонта миниатюрно, соразмерно всему туловищу.

Наряду со статуэтками «богини с зеркалом» при раскопках печей верхнего горизонта обнаружены женские статуэтки иного типа. Например, в отвалах печей, занимающих верхнюю часть раскопа, на различных глубинах (в отдельности) были найдены торс, а затем голова женской статуэтки с кубком в правой руке. Она выполнена более реалистично. Изготовленная в форме статуэтка одета в длинную складчатую одежду; подол имеет строго вертикальные, тщательно выполненные складки. Статуэтка в правой руке держит сосуд в виде кубка, а в левой — узел, закрепленный в запястье руки. Лицо моделированное, почти круглое; большой прямой нос; выступающие выпуклые глаза, зрачки не выделены. Рот небольшой, пухлый, подбородок выступающий. Волосы аккуратно причесаны назад, головной убор отсутствует.

Третий тип женских изображений представлен одной матрицей. В ней изготавливали небольшие статуэтки женщины в длинном, расширенном книзу платье, с приложенными к животу согнутыми кистями рук, между которыми натянута нитка или веревка. Краткое описание статуэток, найденных при раскопках, показывает, что, как и в других областях, в верованиях саксанохурцев основное место принадлежало женскому божеству. Сейчас трудно решить, изображают ли статуэтки одну и ту же богиню в различных ее функциях или различных богинь. На наш взгляд, наиболее вероятным является последнее предположение. Три типа женских статуэток представляют собой три различных иконографических образа, видимо близких по существу, но различных по функциям.

Как бы то ни было, в верованиях населения низовьев Кизил-су почитанию «богини с зеркалом» отводилось особое место, на что указывают многочисленность находок данного типа и продолжительность культа этой богини. Культ ее, возникнув в греко-бактрийское время, существовал и в кушанское, тогда как статуэтки других женских божеств найдены только в слое кушанского времени.

Появление последних, видимо, связано с некоторыми изменениями, происшедшими в идеологии жителей различных областей, вошедших в состав империи Великих Кушан. Если это так, то традиционным можно назвать образ «богини с зеркалом», культ которой имел широкое распространение в Северной Парфии.

Терракотовые изображения этой богини пока что найдены в Маргиане и Хорезме (Кой-Крылган-кала); на территории Согдианы этот культ, видимо, не получил распространения, так как среди сотен экземпляров терракотовых статуэток изображения богини с зеркалом отсутствуют.

Исследователи терракот Маргианы Л. И. Ремпель и Г. А. Пугаченкова отмечали традиционность сюжета «богини с зеркалом» в маргианской коропластике, а также то, что этот образ напоминает по типу эллинистические статуи Исиды. Известно, что культ этой богини в эпоху эллинизма получил широкое распространение далеко за пределами Египта, проник в Маргиану, повлияв на ранее существовавшие иконографические образы «великой маргианской богини». Находки в Саксанохуре «богини с зеркалом» относят к ареалу распространения этого культа и районы левобережной Бактрии.

Появление статуэток «богини с зеркалом» для Маргианы Г. А. Пугаченкова относит к 1 в. до н. э., а их находки в хорошо датируемых слоях городища Саксанохур говорят о том, что появление этой богини относится к более раннему времени, т. е. к греко-бактрийскому, и что ее культ получил большое распространение в период ранних кушан.

Саксанохурская «богиня с зеркалом» имеет много сходных черт с маргианской богиней. Там и тут главным атрибутом выступает зеркало. Маргианская богиня также одета в длинное, расходящееся книзу платье, но в то же время она имеет и отличительные черты. Если маргианские статуэтки выполнены в реалистической манере, с моделированным лицом, подчеркнутыми деталями головного убора и одежды, и держат зеркало в одной руке (в поздних вариантах есть изображения даже с двумя зеркалами), то изображение саксанохурской богини более условно и главным атрибутом ее является одно зеркало с длинной ручкой, придерживаемое на груди обеими руками. Зеркало и там и здесь выступает как символ отражения людских судеб, сосредоточенных в руках богини. Зеркало в обеих руках у саксанохурской богини в большей степени сближает ее с Исидой по сравнению с маргианскими статуэтками. Действительно, здесь ясно видно, что иконография Исиды оказала определенное влияние на коропластический образ, видимо ранее существовавший как в Маргиане, так и в Бактрии. Создание образа «богини с зеркалом» не было рабским копированием: художники стремились придать богиням близкие их народу черты, одевали их в местную одежду, тем самым приближая образ к своей среде.

В настоящее время трудно установить, в какой степени на сложение данного иконографического образа повлияли местные бактрийские культы, воплощенные в коропластике; бесспорно то, что эти культы существовали и, в свою очередь, являлись основой для появления нового иконографического образа.

Находки «богини с зеркалом» в Саксанохуре показывают, насколько широко был распространен этот культ. Она почиталась в Парфии, Хорезме и Бактрии, возможно, и в Согде. А это свидетельствует о духовной близости народов, населявших эти области Средней Азии.

Наряду с культом «богини с зеркалом» в Саксанохуре широко почиталась «богиня с кубком», о чем говорят находки таких статуэток в археологическом слое. Культ этой богини получил еще большее распространение. Статуэтки с сосудами, с плодами у груди найдены в Хорезме (IV в. до н. э.), в Согде и в других местах и, видимо, связаны с идеей плодородия.

Саксанохур кроме женских статуэток дал мужские статуэтки, которые делятся на два типа: статуэтки всадников и статуэтки воинов.

К первому типу принадлежат миниатюрные фигурки, большинство их фрагментировано. Все фигурки лепные; они имеют одинаковое положение в седле и одеты в короткий кафтан с украшениями в виде зигзагообразных линий и косых насечек. Руки приложены к животу, ноги раздвинуты. У большинства статуэток отсутствует голова. Лучше всего сохранились статуэтка всадника и статуэтка всадника с конем. Первая происходит из раннекушанского слоя, нижняя ее часть отбита. Голова маленькая, шея массивная, нос крупный, с горбинкой; вместо глаз небольшие углубления. Брови отсутствуют, на лоб надвинута остроконечная шапка, обтянутая спереди шнуром и украшенная вертикальными короткими углублениями. Другая статуэтка — всадник с конем, небольшого размера — сохранилась полностью. Всадник одет в кафтан, вместо воротника — ленточный манжет с вертикальным вырезом спереди. Руки приложены к животу, кисти отсутствуют. У всадника массивная красивая шея; лицо острое, с большим носом, губы не выделены, рот полуоткрыт. Глаза показаны двумя округлыми налепами, зрачки выделены углубленным рельефом, брови отсутствуют, на голове — остроконечная шапка. Поза всадника легка и свободна. Под всадником сильный и горячий конь. Особенно реалистично передана голова коня. Красивая грива лежит козырьком на лбу, уши небольшие, острые, глаза широко раскрыты, рот приоткрыт. Шея длинная, сильная и красивая.

И конь и всадник изображены так, будто перед ними — мощное препятствие, помешавшее их свободному движению. Это вполне реалистическое изображение несколько портят детали. Например, ноги всадника небрежно прилеплены к туловищу коня, ноги коня толстые, в виде конических штырей.

Второй тип мужских статуэток — статуэтки воинов. Найдены три матрицы для их формовки. Оттиски указывают, что в них формовались статуэтки мужчин, предназначенные для фронтального обозрения. Статуэтки плоские, одеты в короткий кафтан с широким украшенным мантуэтки плоские, одеты в короткий кафтан с широким украшенным манжетом, с украшениями в виде насечек; плотные, облегающие ноги шаровары, видимо, заправлены в сапоги. Талию некоторых оттиснутых статуэток подчеркивает пояс.

Две оттиснутые фигурки в правой руке держат какой-то предмет; один из них, возможно, является булавой. Руки полусогнуты; правая на уровне живота с каким-то направленным вперед предметом, левая на этом же уровне согнута в кулак. Вторая статуэтка с булавой, которая положена на плечо; левая рука также полусогнута.

Оттиски третьей матрицы (она фрагментирована) имеют аналогичную одежду, но несколько иную позу. Правая рука придерживает пояс, левая приставлена к талии.

Краткое описание показывает, что перед нами статуэтки не религиозных персонажей, а воинов с одинаковой формой одежды, но разным по типу вооружением.

Раскопки на городище Саксанохур, как видно из изложенного, дали разнообразные изображения по коропластике греко-бактрийского и раннекушанского периода. Предварительное их изучение показывает, что на территории Северной Бактрии в докушанское и кушанское время существовали различные школы коропластики.

В своей творческой мысли мастера Саксанохура, как и других мест, не ограничивались только религиозными образами. На широту и разнообразие тем в их творчестве указывают различные типы статуэток. Если в изображении религиозных сюжетов наблюдается однообразие и трафарет, то другие статуэтки выполнены более свободно. Статуэтки Саксанохура не ограничиваются вышеуказанными типами; здесь найдены и другие изображения людей и животных. В целом можно сказать, что население низовьев Ќзыл-су имело общие традиции и иконографические образы с другими территориями Бактрии, а также Парфии, Согда и Хорезма; в то же время оно выработало свой коропластический стиль, который отличает саксанохурские статуэтки от терракотовых изображений других областей.

В кушанскую эпоху наряду с развитием других жанров искусства происходило бурное развитие коропластики, что отмечено повсеместно, в том числе и на материалах Саксанохура. Новые находки терракот в Саксанохуре — это свежий и обильный материал для изучения не только духовной культуры, но и искусства населения левобережной Бактрии вообще и низовьев Ќзыл-су в частности.

Summary

1. Many of the special monographs and articles that have been written on the terracottas of Sogd, Merv and Ķhorezm, which are among the most interesting monuments of ancient Central Asian art, are widely known. In recent years a profusion of terracotta articles have been found in North Bactrian territory.

2. In 1966 excavations of the potters' quarter in Saksanokhur (the lower reaches of the Ķizil Su, South Tajikistan) unearthed complexes of terracotta articles, consisting of a series of figurines of men and women, and also the moulds for their production, in addition to some images of animals. All these finds were linked with occupation levels, burning kilns and their dumps, and have been dated according to Graeco-Bactrian and Kushan coins.

3. Particularly numerous are female terracotta statuettes and the moulds for their manufacture; the dominant place is held by the image of a goddess with a mirror. They were found in the lower (Graeco-Bactrian) and also upper (Kushan) levels.

The finds from the lower level differ somewhat from those of the upper level stylistically. They have a common attribute—the mirror, but they differ as regards the richness of the goddess' clothing and the production techniques.

As distinct from all other images of the goddess with a mirror found in Central Asia, the Saksanokhur figurines hold the mirror with both hands near the breast.

G. Pugachenkova has noted that there is a connection between the image of this goddess and the iconography of Isis. However, in our opinion, these figurines have been related to a somewhat later date than they really should have been. Probably their appearance in North Bactrian terracottas is connected with an earlier period (2nd to 1st centuries B.C.).

4. Another type of figurine depicts the goddess in a very rich draped dress, holding a cup-shaped vessel at the breast with her right hand, the left hand extending along the body holding an object resembling a basket.

The finding of figurines of both types in identical archaeological layers indicates that both iconographic images obviously existed simultaneously on this territory and depicted two different goddesses.

The male types are represented mainly by figurines on horseback and by moulds for their manufacture.

5. The new material found during the excavations of the Saksanokhur town-site is very important for a study of the fine art of pre-Kushan and Kushan times, and helps to understand the religious beliefs of the population of Northern Bactria during the indicated period.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

В дискуссии на утреннем заседании 4.X.1968 приняли участие: Л. И. Ремпель (СССР, Ташкент), Д. Сиркар (Индия, Калькутта), А. И. Вощинина (СССР, Ленинград), Д. М. Розенфилд (США, Беркли), Г. Шарма (Индия, Аллахабад), Б. Мукерджи (Индия, Калькутта).

В своем выступлении Л. И. Ремпель остановился на ряде проблем кушанского искусства в связи с положениями доклада Г. А. Пугаченковой, которая выдвинула идею о трех исторических этапах в развитии кушанского искусства в Северной Бактрии. Первый из них отражен в памятниках Халчаяна с их экспрессивным реализмом стиля глиняной скульптуры, второй — в памятниках Дальверзин-тепе с идеализирующим стилем скульптуры из резного штука, третий — в буддийском святилище Айртама с иератическим стилем скульптур из резного камня. Одновременно выявляются два изначальных русла кушанского искусства — бактрийско-кушанское и индо-кушанское, на третьем этапе сливающиеся в общем потоке искусства Великих Кушан и проявляющие себя локально в Бактрии, Кабулистане, Нагарахаре, Гандхаре, Матхуре и т. д. Принимая в целом эту концепцию, Л. И. Ремпель сделал несколько замечаний и добавлений: с искусством Северной Бактрии тесно связано также согдийско-кангюйское и сако-кушанское искусство областей северной периферии Кушанского царства; их памятники помогают выявить истоки той варваризации стиля, которые выражены терминами «экспрессивность» и «иератизм». Истоки экспрессивности стиля раннекушанского времени могут иметь два начала. Одно из них лежит в искусстве восточного эллинизма, в его культах и мистериях, уже получивших эстетическое преломление, и вызвано большой популярностью на Востоке творений мастеров школ Лисиппа, Скопаса и др.; так, можно указать на бронзовую фигурку танцовщицы из Ферганы, восходящую к образу «Вакханки» Скопаса, на модификации образов на темы Аполлона, Диониса, Геракла, дожившие в Самарканде до VI—VIII вв.; греческий дух в них давно испарился, а римское начало их почти не коснулось. Экспрессия реализма составляет самую впечатляющую черту скульптурных голов юношей и старцев в резном штуке и торса танцовщицы в настенной терракоте Варахши, морской сцены и особенно человеческого торса в глиняном рельефе из Пенджикента. Вне наследия бактрийско-кушанского и согдийско-кангюйского искусства они необъяснимы. Другое начало экспрессии раннекушанского искусства можно видеть в особом характере того динамического реализма, который несли с собой сако-юечжийские племена как наследники героико-эпического и «звериного» стиля. Белокаменный блок с собакогрифонами и капитель из Шахринау связаны с капителями на ту же тему из Каттаганской области в Афганистане; истоки образов этой каменной скульптуры восходят к традициям искусства ахеменидского Ирана и Горного Алтая. В кушанское время эту линию продолжают памятники курганов сарматского времени в Согде и Приаралье, сохраняющие традиции той среды, из которой вышли и сако-юечжийские племена. Иератизм — общее явление для всего искусства Среднего и Ближнего Востока. Выявление его истоков в искусстве различных стран — дело будущего; в Бактрии и районах к северу от нее известную роль могли играть архаизирующие факторы, связанные с активностью народных культов и родо-племенной традиции.

Л. И. Ремпель заметил также, что критерий эстетической оценки, выдвинутый классической нормативной эстетикой, неприменим для кушанского искусства: критериями художественного мастерства должна быть не только сама идея — правильная или ложная, но и степень ее выражения. Кушанское искусство дает повод к пересмотру критериев эстетической оценки искусства античного Востока в целом. Такая переоценка началась с пробуждением Востока, и она вполне закономерна.

Д. Сиркар высказал сомнения в датировке кушанским временем некоторых памятников архитектуры из Каусамби, о которых говорил в своем докладе Г. Шарма.

А. И. Вощинина подчеркнула значение скульптурных памятников из Халчаяна для изучения искусства античной эпохи. Искусство ряда областей кушанского мира развивается на эллинистической основе, как справедливо отмечено Г. А. Пугаченковой; оно испытывает и римское влияние, но превалирует в нем самобытное начало. Представляется возможным поставить проблему обратного влияния школ кушанской эпохи на развитие искусства римского Средиземноморья. Возражая Г. А. Пугаченковой и Б. Роуленду, А. И. Вощинина считает, что скульптурные головы из Халчаяна не являются портретами; в них преобладают наряду с эмоциональностью и некоторой асимметрией черт обобщение и типизация; это живо и реалистически переданные образы людей той эпохи и определенного социального круга, но не портреты.

По мнению Д. Розенфилда, положение доклада Б. Мукерджи о том, что датированные по кушанской эре скульптуры Матхуры могут относиться ко времени после последней известной даты Васудевы (т. е., 98 г. эры Канишки), не может считаться доказанным. Если это положение верно, то в Матхуре имеются скульптуры и надписи позднего Канишки и других царей с именами, аналогичными имени Васудевы, а даты продолжаются еще около 60 лет после 98 г. эры Канишки.

Возражая Д. Сиркару, Г. Шарма повторил свои аргументы в пользу датировки кушанским временем арочных построек в Каусамби. Он отметил также, что подобные постройки были известны в Индии и до открытий в Каусамби, хотя ранее эти свидетельства игнорировались. Кроме того, буддийское строение кушанского периода с арками недавно открыто в Матхуре. Арочные постройки близкого времени известны теперь также на территории Афганистана и советской Средней Азии.

Б. Мукерджи заметил, что Д. Розенфилд в своем выступлении не привел никаких оснований, которые заставили бы отказаться от датировки скульптур с надписями из Матхуры временем и после 98 г. эры Канишки.

SUMMARISED RECORD OF DISCUSSION

45

October 4, 1968, morning session. The speakers were: L.I. Rempel (Tashkent, U.S.S.R.), D. Sircar (Calcutta, India), A. I. Voshchinina (Leningrad, U.S.S.R.), J. Rosenfield (Berkeley, U.S.A.), G. Sharma (Allahabad, India) and B. Mukherjee (Calcutta, India).

L.I. Rempel discussed certain problems of Kushan art in the context

of G.A. Pugachenkova's paper, in which she had delineated three historical stages of the development of Kushan art in Northern Bactria. The first stage was represented by the expressive realism of the Khalchayan clay sculptures; the second, by the idealised style of the stucco figures at Dalverzin-Tepe; the third, by the hieratic style of the stone statuary in the Buddhist sanctuary at Airtam. At the same time she traced these back to two primary sources of Kushan art, the Bactrian-Kustan and Indo-Kushan, which in the third stage merged to form the general stream of the art of the Great Kushans, with local seats in Bactria, Kabulistan, Nagarahara, Gandhara, Mathura, and so on. L.I. Rempel agreed with this concept on the whole, but had comments and addenda to make. He noted, specifically, that the art of Northern Bactria was also closely related to the Sogdian-Kangkiu and Saka-Kushan art of the northern peripheral zone of the Kushan state, and that the remains there offered a clue to the origins of the barbarisation of style covered by the terms "expressiveness" and "hieratism". The expressiveness of the style of the early Kushan period might be seen as deriving from two sources. One of these sources was Eastern Hellenism, whose cults and mysteries had already been transcribed into the language of art, and whose spread was promoted by the great popularity in the Orient of the work of the schools of Lysippus and Scopas. The speaker mentioned the bronze figure of a dancing girl found in Fergana, which was reminiscent of Scopas' Bacchante, and the variations on the themes of Apollo, Dionysus and Hercules encountered in Samarkand up to the 6th-8th centuries, long after the Greek spirit had disappeared, and with the Roman influence hardly perceptible. Expressive realism was the most striking quality of the stucco heads of young and old men and the terracotta torso of a dancing girl at Varakhsha, as well as the marine scene and especially the human torso in a clay relief at Pjanjikent. These could not be understood except in terms of a Bactrian-Kushan and Sogdian-Kangkiu background.

The other source of the expressiveness of early Kushan art might be defined as the unique dynamic realism contributed by the Saka-Yüeh-chih tribes, among whom a heroic epic and animal style persisted. The white stone block with representations of griffins and the Shakhrinau capital had thematic parallels in the capitals found in the Kattagan region of Afghanistan; the sources of that stone sculptural work went back to the traditions of the art of Achaemenian Persia and the Altai area; in the Kushan period that line was continued in the Sarmatian-period mounds of Sogd and the Aral area, where there survived the traditions of the ancestral tree from which the Saka-Yüeh-chih tribes stemmed. Hieratism was a phenomenon common to all the art of the Middle and Near East. The task of tracing its origins in the art of different countries belonged to the future. In Bactria and the regions to the north of it, an archaistic role might have been played by the survival of certain folk cults and tribal traditions.

L.I. Rempel also noted that Kushan art could not be appraised according to the aesthetic criteria of Graeco-Roman art. A work of art had to be judged not only by its idea and whether that was right or wrong, but also by how expressive it was. Kushan art gave us cause to revise our aesthetic criteria for judging the art of the Orient of the period of classical antiquity. Such a reappraisal had indeed started with the awakening of the East, and was quite justified.

D. Sircar questioned the dating of certain architectural relics from Kausambi mentioned by G. Sharma as of Kushan times.

A.I. Voshchinina emphasised the significance of the sculptural finds at Khalchayan for the study of ancient art. The art of several regions of the Kushan world developed on a Hellenistic foundation, as G.A. Pugachenkova had correctly pointed out, and also came under Roman influences, but it was predominantly indigenous. One might also pose the problem of the reverse influence exerted by the schools of the Kushan period on the development of the art of the Roman Mediterranean. Speaking of the Khalchayan sculptures, Voshchinina disagreed with Pugachenkova and Rowland, and denied that they were individual portraits; aside from their emotionality and asymmetry of feature, their predominant trait, in her opinion, was generalisation; they were life-like realistic typisations of the people of the time and a definite social milieu, but they were not portraits.

J. Rosenfield questioned B. Mukherjee's contention that the Mathura sculptures which had been dated in the Kushan era could also belong to a period subsequent to the last known Vasudeva date (year 98 of the Kanishka era), and said it could not be considered proved. If that were true, there would appear to be at Mathura sculptures and inscriptions of the later Kanishka and other kings with names analogous to the name Vasudeva, and the dates would extend another 60 years or so after the year 98 of the Kanishka era.

G. Sharma disagreed with D. Sircar, and repeated his arguments in favour of dating the arched structures at Kausambi in the Kushan era. He said that similar structures had been found in India before the discovery at Kausambi, but their existence had been ignored. A Buddhist building with arches belonging to the Kushan period had recently been found at Mathura. Arched structures of much the same period were also known to exist on the territory of Afghanistan and Soviet Central Asia.

B. Mukherjee said that J. Rosenfield had not presented any cogent grounds for not dating the inscribed sculptures of Mathura also subsequent to the year 98 of the Kanishka era.

Вечернее заседание 4.X.1968

ИСКУССТВО КУШАНСКОЙ ЭПОХИ. КУШАНСКОЕ НАСЛЕДИЕ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ИСКУССТВЕ

Afternoon Session, 4.X.1968

KUSHAN ARTS. KUSHAN HERITAGE IN EARLY MEDIEVAL ART

GUITTY AZARPAY (BERKELEY, U.S.A.)

THE FOUR-ARMED GODDESS: A KUSHAN SURVIVAL IN THE EARLY MEDIEVAL ART OF TRANSOXIANA?

The late antique civilisation of the Kushans in Bactria and areas south of the Hindu Kush is often regarded as a major stimulus, if not the actual fountainhead, for the cultural development of the early medieval states in Transoxiana. Although the art of the Kushans displays some similarities to that of the subsequent Central Asian states, studies of other aspects of the civilisations of Khorezm and Sogdiana appear to disprove the earlier assumption that the Kushans exercised political control far to the north of Transoxiana.

In the light of new evidence which implies the existence of independent cultural media in Northern Transoxiana from the late antique period, it appears necessary to re-examine the question of Kushan influence on the art of that area, and to define the precise nature of that influence. With this ultimate aim in view, the present paper examines the motif of the four-armed female figure that appears in the art of Khorezm and Sogdiana in the early medieval period and represents a particularly relevant example within the context of this question.

A silver bowl in the British Museum, found in 1875 at an unknown location in the Soviet Union, is the first example of a Khorezmian work of art that may be accurately dated to A.D 658. This dating was made on the basis of its inscription, which mentions a specific year in the Khorezmian era. There is a correspondence between the date of the execution of the inscription and that of the design on the dish, as indicated by evidence from other inscribed Khorezmian dishes which show that space for the inscription had been stipulated in the original plan for the distribution of patterns on the walls of those dishes. Three inscribed and dated Khorezmian dishes share with an undated fourth the theme of a seated four-armed figure embossed and chased within the medallion inside the phiale. The silver phiale in the British Museum has smooth walls and a central medallion framed by a braid pattern that follows the negative contour of the curvilinear ring stem originally attached to the base of the bowl. The four-armed figure represented within the medallion is seated on a feline animal that curls along the lower arc of the rondo, while the crenellated crown and upper arms of the figure follow the upper arc of the composition. The figure wears a three-piece costume consisting of a long skirt, a sleeved tunic gathered at the waist, and a shawl the ends of which are draped over the shoulders. This costume, which is repeated with some variation on three other similar figures represented on Khorezmian dishes, is familiar because of Graeco-Indian representations from India and Bactria as late as the 5th century. For example, a stucco figure from the court of the Jaulian stupa in Taxila shows a similar costume. The stucco figure from Taxila in turn reflects earlier Graeco-Indian prototypes from Bactrian and Gandharan art, as illustrated by a Gandharan stone relief in Berlin that shows a seated pair with a child and cornucopia associating them with concepts of fertility and fortune. A similar female figure with a cornucopia is seen on a stone relief from Hadda that is now in the Kabul Museum. This figure, seated in a hieratic position flanked by mail-clad warriors and river spirits, perhaps personifies Tyche or the goddess of the city of Hadda.

In contrast to the medallion composition on the Khorezmian dish in the British Museum, the stucco figure from Taxila shows a fluid, illusionistic treatment of drapery that appears to preserve Hellenistic artistic principles with greater fidelity. The reduction of illusionistic effects in the representation of drapery on the Khorezmian dish may be a result of the geographical distance between Khorezm and the Hellenising artistic centres in the south; it may also be a consequence of the purely internal development of the Khorezmian artistic style. In contrast to the earlier, more plastic, style of the late "classical" period of the Toprak-Kala wall paintings and sculptures, the early medieval Khorezmian style of the Tok-Kala ossuary paintings and numismatic evidence from the 7th-8th centuries A.D. indicate a taste for a flat two-dimensional style, as demonstrated by the following details from the Tok-Kala ossuary paintings which show the deceased surrounded by mourners.

Western Asiatic antecedents for some details of costume represented on the Khorezmian dish are found in the provincial Roman style that was current at Dura Europos and in Parthian Hatra until the early 3rd century. The ultimate origin of the hanging scarves on the shoulders of the figure on the Khorezmian bowl and the stucco torso from Taxila may have been the sleeveless chiton knotted over the shoulders as found on a marble bust of a lunar goddess from Hatra. A second representation of a lunar goddess from Hatra, found like the former example in the "Second Temple" and dated to the 2nd-3rd centuries A.D., shows the double-skirt effect that is comprised essentially of the chiton and himation, which were the usual feminine dress of the Greek East.

However, the representation on the Khorezmian dish departs from Graeco-Indian prototypes both in the greater emphasis on linearity and in the use of stylisations such as the flattened volute-shaped drapery folds and the "cleft" pattern that zigzags on the right leg. Similar stylisations are ubiquitous in the early medieval art of Western and Central Asia; note, for example, the "cleft" pattern and the flattened volute pleats on the trouser leg and shirt of the king represented on a late Sassanian silver vessel in the Bibliothèque Nationale, Paris.

Of the four Khorezmian dishes, a phiale in the Hermitage Museum, dated A.D. 538 (which should read, rather, as 638), is probably the earliest example of representation of the four-armed female divinity. This phiale shows the flat, linear style and the frontal view similar to the style of the painted Khorezmian ossuaries from Tok-Kaka. The other representations of this goddess are found on a vessel from Bartym, in the Kama River region, now in the State History Museum at Moscow (A.D. 672?), and on an undated but inscribed Khorezmian dish in the Hermitage

Museum. The last two dishes are closest in composition and style to the British Museum piece. The relatively high relief, the trumpet-shaped drapery folds with volute-like pleat edging, the three-quarters view of the head, and details of the three-piece garment, are features shared by the three examples cited. These dishes appear to have been produced by a workshop different from but nearly contemporary to that which produced the earliest dated Khorezmian phiale mentioned before. If the Graeco-Indian traits from the earlier art of the Kushans, which survived in the costume of the goddess in Khorezmian art of the early medieval period, are to be regarded as a reversion to the past, then the flat and linear style of the earliest Khorezmian dated phiale seems to provide a link between the more traditional schools of art in Khorezm of the 6th century A.D. and the slightly later provincial style of the ossuary paintings from Tok-Kala.

The representations of the four-armed goddess and other divinities in Sogdian art as known from the Pjanjikent wall paintings, like the Khorezmian versions found on the dishes, display archaisms that reflect artistic models of an earlier age. The wall painting from Sector III:7 shows a hieratic composition combined with illusionistic effects that produce the impression of a mannered naturalism as in the Graeco-Indian artistic tradition. It is noteworthy that the later Sogdian artistic schools at Pjanjikent reserved soft drapery effects and illusionistic techniques primarily for religious imagery. The seated goddess with a lion vehicle from Sector III:7 at Pjanjikent wears a costume that is, as noted by the excavators, very different in function and rendering from the costume of the secular female figures represented in the same series of paintings. The style of the garment and the surface treatment of highlights and shading found on the divine image in Sector III:7 are found also in a representation of the four-armed goddess at Pjanjikent. A detail of the latter composition showing the four-armed goddess from the "Mourning Scene" from Sector II again has hieratic scale and stylistic formulae that revert to the classicising past. Even within the same composition, two entirely different systems of artistic expression were permissible; this is shown by the difference in the treatment of the figures of worshippers and that of the divine image in the wall painting from Sector VI:8 from Pjanjikent. The recently published example of the four-armed divinity from wall painting uncovered in the precincts of the second temple at Pjanjikent leaves little doubt regarding its iconographic connections with the Khorezmian figures. The deliberate archaism found in the representation of the four-armed divinity in Sogdiana and Khorezm may indicate that religious imagery in Transoxiana had found highly satisfactory expression in an earlier age when both the local and the imported pantheon were represented according to Graeco-Indian artistic and iconographic principles.

If the images of the four-armed divinity of Transoxiana recall earlier Kushan models, then the content of this imagery might be expected to reflect also a similar origin.

Since O.M. Dalton's tentative identification of the four-armed figure on the Khorezmian dish in the British Museum in 1907, further studies on various aspects of the civilisations of Central Asia have led to new interpretations and discussions of that theme. S.P. Tolstov was the first to associate this four-armed figure and similar representations on other silver dishes and in terracottas specifically with the region of Khorezm that lay in the delta of the Amu Darya (Oxus) south of the Aral Sea. Later, M.M. Diakonov compared these four-armed figures with similar representations from Sogdian wall paintings that he identified as cult images. Tolstov's interpretation of the Khorezmian four-armed figure as a local version of the Iranian goddess Anahita was studied by A. M. Belenitsky, who further linked the Sogdian images with Oxsho of the Kushan coins; Oxsho was represented usually as a seated figure, resembling that on the reverse of a coin of Huvishka in the British Museum.

In an article written in 1961, N.V. Diakonova considered the four-armed figures of the Khorezmian dishes and the Pjanjikent wall paintings to be manifestations of the Indian Rudramsa Durga interpreted according to regional beliefs of Transoxiana. Since the discovery and publication of the Sogdian coins bearing the name of Nana, a more affirmative statement on the identification of the four-armed divinity of Transoxiana has been made by N.V. Diakonova and I.I. Smirnova. According to the latter, the lunar symbol and the lion throne of such figures link them with the Kushan Nana, whose name and image appear on Kushan coins.

Despite the manifest importance of the cult of Nana in Sogdiana in general and at Pjanjikent in particular, no proof exists for a definitive identification of the four-armed divinity of the Pjanjikent wall paintings and the Khorezmian silver dishes. In the absence of references in the accompanying inscriptions, several valid alternative identifications may be examined. The Kushan Ardoxsho, who is generally represented as an enthroned female figure in Greek costume with cornucopia, is usually identified as the Avestan goddess of abundance and wisdom Aši. Ardoxsho has been compared also with Arədvi Sūra Anāhita of the Pahlavi texts, who in turn closely resembles Nana of the Kushan coins. The Kushan coins show the goddess with a sceptre, cup, Graeco-Indian costume, crescent crown, and a lion vehicle. This Nana is perhaps equivalent to Artemis, whose shrine in Elymais harboured tame lions, and is similar to the Mesopotamian Nanai the Lady, who was the iconographic prototype for several female divinities in the Indo-Iranian pantheon. Thus Arədvi Sūra Anāhita of the Pahlavi texts, like the Indian Sarasvati, evolved from a river goddess who later assumed additional functions and different manifestations, as shown by a stone figure in the Lahore Museum. The lion vehicle of the major Mesopotamian fertility goddess survived in different regional manifestations in Mesopotamia and the Roman East until the early Sassanian period. However, the lion was not exclusive to the fertility goddess in Roman iconography, as shown, for example, by representations of various Nereids in mosaics from the "Chamber of Arione" at Piazza Armerina, in Sicily, dated to the 4th century A.D. One of these Nereids is shown here with a mirror and a lion vehicle in a marine setting.

The presence of animal thrones and animal vehicles of the goddess in Transoxiana, Bactria and India in late antique and early medieval times, therefore, is not without Western counterparts; the somewhat earlier date of the western counterparts was doubtless a result of the suppression of such cult images under the orthodox Zoroastrianism of the Sassanian state.

Like the Tyche-Fortuna manifestation of the Kushan Ardoxsho, the Khorezmian divinity wears a Graeco-Indian costume and holds a sceptre of sovereignty. But also like Nana of the Kushan coins, she sits upon a lion vehicle and wears the Graeco-Indian costume of North-West India. Like representations of the goddess Anāhita in Sassanian art, in which the functions of the Avestan Aši were combined with those of the Arədvi Sūra Anāhita, the Khorezmian image is a composite divinity whose functions are further increased by the attributes of the animal vehicle and the four arms.

The development and importance of the cult of Nana in Sogdiana and its spread in Transoxiana and Chinese Turkistan would be difficult to explain if Nana's functions were strictly equated to those of Arədvi Sūra Anāhita, who was clearly subordinate to Ahura Mazda in the Iranian pantheon. The only Iranian divinity whose position was equal to that of Ahura Mazda in pre-Avestan times was the earth goddess Armaiti, who later became Spənta Armaitiš, the fifth "aməša spənta" in the Avestan pantheon. As in the Vedic pantheon, Armaiti as the earth element formed a pair with the sky god Ahura Mazda in pre-Avestan times. However, following the elevation of the latter to the rank of supreme deity in the Zoroastrian religion, Armaiti's position declined to that of the daughter of the god. The fact that Spənta Armaitiš of the Pahlavi texts was of pre-Zoroastrian importance in the Iranian pantheon has been noted most recently by H.W. Bailey, who calls attention to the survival of the name of this earth spirit in several Middle Iranian languages as well as in Armenian.

The cult of the goddess Armaiti as an elemental and creative divinity in the Iranian pantheon established a precedent for later cults of female divinities in the pre-Zoroastrian Iranian world before the introduction of Islam. The syncretic manifestation of the female divinity represented on Khorezmian dishes and in Sogdian art might indicate a similar conceptual synthesis in which the functions and roles of several divinities were added to those of the goddess Nana (if the Nana identification is accepted). It would appear, then, that while the iconography and ideology of ancient Mesopotamia, like those of India, clearly coloured the image and concept of the major goddess of Transoxiana in early medieval times, the basis for the prolonged importance of that cult should more properly be ascribed to the persistence of the earlier Iranian traditions of Transoxiana and its neighbours where the earlier cult of the elemental earth goddess survived in a syncretic form.

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ (СССР, ЛЕНИНГРАД)

СРЕДНЕАЗИАТСКОЕ ИСКУССТВО ПРЕДАРАБСКОГО ВРЕМЕНИ И ЕГО СВЯЗЬ С КУШАНСКИМ

Открытие повсеместно на территории Средней Азии разнообразных по материалу и содержанию памятников монументального изобразительного искусства, датируемых VI — началом VIII в. н. э., поставило перед наукой много проблем. Проблемы эти по мере своих возможностей разрешают советские исследователи. Можно с удовлетворением отметить, что в настоящее время среднеазиатское искусство привлекает все большее внимание и зарубежных исследователей. Однако знакомство с работами наших зарубежных коллег убеждает в том, что научные традиции у нас разные. По крайней мере некоторые из западных исследователей отталкиваются от предвзятой и устойчивой традиции, которую можно обозначить как отрицание самостоятельной роли искусства, а подчас и всей культуры Средней Азии, в истории искусства Востока. У советских исследователей традиция иная, и они более подготовлены к тому, чтобы воспринять открываемые памятники как явление самостоятельное. Я хочу напомнить, например, исследования замечательного ученого В. В. Бартольда, который первым поставил вопрос о самостоятельной роли «Восточного» Ирана в истории культуры иранских народов.

В подходе к исследованию проблем среднеазиатского искусства можно отметить и еще одно отличие: разное понимание самого термина «Средняя Азия». В зарубежной литературе понятие это более широкое и расплывчатое. Зарубежные исследователи склонны рассматривать историю собственно Средней Азии и Восточного Туркестана как явление одного порядка, недифференцированно. Между тем исторические судьбы народов Средней Азии и Восточного Туркестана не были одинаковы. Во всяком случае, ход исторического процесса на территории советских среднеазиатских республик был совершенно иной, чем в районах Восточного Туркестана. Нельзя не отметить и то, что географическая обстановка в Средней Азии также иная, чем в Восточном Туркестане. Отметим хотя бы несравненно более развитую гидрографическую сеть, позволявшую создать более устойчивую оседлую культуру, чем в Восточном Туркестане. Несомненно, что с глубокой древности внутренняя связь между отдельными районами в Средней Азии была гораздо более интенсивной, чем в Восточном Туркестане. Такие государственные образования, как Ахеменидское, Греко-бактрийское, Кушанское, оказывали консолидирующее влияние и содействовали созданию общих культурных традиций и связей. При таких условиях рассматривать с одних и тех же позиций историю культуры собственно Средней Азии и Восточного Туркестана было бы неверно.

Переходя к непосредственной теме моего сообщения о связи искусства раннего средневековья Средней Азии с кушанским, необходимо прежде всего указать на определенные трудности, с которыми мы неизбежно сталкиваемся, пытаясь разрешить эту проблему.

Затрудняет исследование прежде всего неопределенность хронологии кушанской династии и соответственно тех памятников, которые могут быть отнесены к кушанскому времени. Второе затруднение заключается в том досадном для нас факте, что между памятниками, которые мы так или иначе относим к кушанскому времени, и известными нам среднеазиатскими памятниками раннего средневековья существует довольно длительная лакуна. К сожалению, нельзя с уверенностью отнести к IV—V вв. ни один памятник монументального искусства. Только в самое последнее время лакуна эта в очень небольшой мере начала заполняться единичными памятниками художественной торевтики. Но эти последние, разумеется, недостаточны для того, чтобы восстановить непрерывность связи. Как бы то ни было, уже сейчас в открытых на территории Средней Азии памятниках монументального искусства, которые датируются достаточно уверенно в пределах VI — начала VIII в., мы обнаруживаем бесспорные следы влияния кушанского искусства.

Но что такое кушанское искусство?

Как известно, термин «кушанский» в применении к истории искусства — новый. Его впервые ввел в науку совсем недавно Д. Шлюмберже, который в данном случае сделал такой же важный шаг в науке, какой в свое время сделал М. Ростовцев, открывший «парфянское искусство». Тем самым существенно изменилась вся перспектива при изучении этого периода в истории искусства обширного района Востока — Северной Индии, Пакистана, Афганистана и Средней Азии. Господствовавшие до того в науке понятия и термины — «гандхарское искусство» и особенно «греко-буддийское искусство» — дали основание одностороннему направлению исследований. Эта односторонность заключалась в том, что исследователи направили свои усилия — главным образом, если не исключительно — на выяснение заимствований, будь то эллинистические или римские. Тем самым искусство исследовалось фактически в отрыве от той почвы, на которой оно выросло, и выглядело как искусственно привитое иноземное растение. Было бы, разумеется, неправильно игнорировать влияние, несомненно сильное, которое шло с запада. Но это было влияние на нечто уже существовавшее. Говоря фигурально, в кушанское время уже существовало дерево, к которому были привиты те или иные ростки. Ай-Ханум, Ниса, Халчаян — блестящие доказательства этого положения.

Очень важной особенностью кушанского искусства, на которое также указал Д. Шлюмберже, было наличие в нем дворцового «династийного» направления, которое, как нам представляется, оказало особо значительное влияние на дальнейшее развитие изобразительного искусства в Средней Азии.

В целом памятники искусства, которые в настоящее время могут быть обозначены как кушанские, представляют по своему генезису и направлению явление достаточно сложное, впитавшее в себя различные элементы и развивавшееся в различных направлениях. Соответственно и влияние кушанского искусства в последующее время, очевидно, следует рассматривать дифференцированно для отдельных категорий памятников.

Кушанское время явилось прежде всего решающим этапом в сложении буддийской иконографии в ее канонических формах, которые впоследствии устойчиво сохраняются на протяжении ряда веков в странах и у народов, принявших это вероучение. Для нашей темы особо важно отметить в качестве примера влияние кушанской (буддийской) иконографии в Сериндии. Это положение, уже давно признанное, в последнее время нашло новое подтверждение в исследованиях Busagli и особенно Hambis и Hallade, посвященных Тумшуку, где это влияние прослеживается на памятниках, датируемых с середины IV по VII в. Ограничусь одним замечанием этих авторов (Toumchuk, т. II, стр. 324):

«Многочисленные аналогии у Тумшука с Северной Индией указывают еще раз, что искусство Сериндии восприняло традиции, сформированные в государстве кушан, и является его продолжением через Таксилу, Гупту, Хадду».

Что касается Средней Азии, то здесь мы сталкиваемся со значительно более сложными проблемами. Исследователям среднеазиатского искусства раннего средневековья в настоящее время приходится иметь дело по крайней мере с двумя существенно отличающимися одна от другой категориями памятников искусства.

С одной стороны, это искусство собственно буддийское, представленное такими памятниками, как Ак-Бешим, Кува и Аджина-тепа. Я не буду подробно касаться их в своем сообщении. Отмечу лишь, что в их иконографии мы можем обнаружить влияние буддийского искусства кушанского времени в той же мере, что и в иконографии и искусстве Восточного Туркестана. Близость буддийских памятников Восточного Туркестана и названных памятников Средней Азии едва ли вызывает сомнения.

С другой стороны, перед нами памятники искусства Балалык-тепе, Варахши, Афрасиаба, Пенджикента. Конечно, и они не отгорожены стеной от собственно буддийских памятников. Рассматривая их с точки зрения связи с кушанским искусством, представляется, что эти памятники восходят главным образом, но не исключительно к тому направлению, которое названо Д. Шлюмберже «династийным». Термин этот условный. Их можно назвать и «дворцовыми». В этом отношении особо характерны памятники искусства Пенджикента. Они показывают, что монументальное искусство было популярно не только среди собственно владетелей дворцов, но и среди значительного слоя зажиточных горожан. Это расширение круга распространения монументального искусства повлияло в первую очередь на репертуар тем и сюжетов монументального искусства раннего средневековья.

Надо отметить, что за время, прошедшее с момента падения Кушанской империи до времени создания интересующих нас памятников искусства, на всем Ближнем Востоке имели место крупные идеологические перемены, отразившиеся на характере и содержании изобразительного искусства. К ним относятся утверждение и распространение христианства, манихейства, индуистических верований. Именно с этими идеологическими факторами следует связывать в первую очередь общую эволюцию стиля искусства — процесс общий для всего передне- и средневосточного искусства. Поэтому было бы, очевидно, неверным прямолинейно возводить как иконографически, так и стилистически каждый памятник искусства раннего средневековья Средней Азии к кушанским прототипам. Тем не менее связь с кушанским искусством прослеживается уже сейчас в таком объеме, что можно утверждать, что кушанское искусство принадлежит к той традиции, которая оказала очень большое влияние на раннесредневековое искусство Средней Азии, и прежде всего на его сюжеты и темы.

Перечислю некоторые из таких тем: тритон и макара, сцена оплакивания покойника, Дионис, сирены, процессия животных, групповой (семейный?) портрет, трон в виде фигуры животного, солнечная колесница, сцены игр и охоты, изображение ритуальных предметов и некоторые орнаментальные мотивы.

Summary

1. The discovery on the territory of Soviet Central Asia of monumental art dating back to the 6th-early 8th centuries A.D., diverse both as regards its materials and content, confronted science with many problems, including also the problem of its genesis.

Even though this art exhibits elements speaking of a definite influence of the contemporary art of neighbouring countries, it is obviously based on local traditions going back through the ages. This is the premise adopted by Soviet scholars.

2. There can also be no doubt that the Kushan period is one of the most important stages in the development of the art in that territory in pre-Arab times, especially in the Central Asian interfluvial area. Archaeological research in North Afghanistan and the southern districts of Soviet Central Asia (Airtam, Surkh Kotal, Khalchayan, Kara Tepe) fully confirms that the Kushan period was of decisive importance in the history of Central Asian art.

3. Until recently, researchers analysing the art of Kushan times emphasised only the elements and features borrowed from the art of other countries, mainly Hellenistic and Roman art. It must be said to D. Schlumberger's credit that he was the first to point out the independent significance of Kushan art, the presence in it of local roots. He was also the first to see that in Kushan art there was a secular trend, which he called "dynastic".

4. The specific features of Kushan art were inherited by the local schools that formed in the various regions of the former Kushan Empire, and also in the areas which had political and cultural links with it, or were dependent on it—for instance, in Eastern Turkistan. Recent studies of the relics of Buddhist art in Eastern Turkistan (M. Bussagli) and especially the recently published studies of Buddhist monuments in Tumshuk in the Kashgar district (i.e. directly on the border of Fergana), dating from the mid-4th to the 7th centuries A.D. (studied by Hambis and Hallade), convincingly demonstrate that this art is closely linked with the art of such great centres of the Kushan period as Gandhara and Mathura. In the Central Asian interfluvial area we, unfortunately, do not have relics of monumental art of the 4th-5th centuries A.D. (of the Ephthalite period) reflecting the traditions of the preceding period. This lacuna is to some degree filled in by some toreutic monuments and by depictions on the reverse of certain types of coins showing, in particular, that secular subjects did not become extinct in the fine arts.

5. During the time that passed since the decline of the Kushan Empire and the flourishing of art in pre-Arab times, substantial changes took place in Central Asia in the style of monumental art; however, the links of that art with Kushan art can be traced in the subjects and themes chosen by local artists. They include: Triton and Makara, pictures showing the mourning over the dead, Dionysus, sirens, processions of animals, group (family?) "portraits", thrones resembling animals in shape, sun chariots, depictions of games and contests, other depictions, including such as ritual objects, ornamental motives, etc.

Т. В. ГРЕК, Н. В. ДЬЯКОНОВА (СССР, ЛЕНИНГРАД)

КОНЦЕПЦИЯ ДХАРМАКАЯ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

(К вопросу о развитии догматики махаяны в Кушанском государстве)

Как известно, буддийское культовое искусство складывалось на основе того многообразного художественного наследия, которое встречала буддийская религия в процессе своего развития и распространения. Обычным примером этого считается синкретичность иконографии самого Будды, большинства бодисатв и многочисленных божеств, адаптированных северным буддизмом.

Эта особенность северно-буддийской иконографии часто затрудняет определение сюжета и раскрытие содержания того или иного изображения.

Подобной загадкой представлялся и фрагмент стенной росписи из пещеры № 11 в Шикшине, привезенный первой русской туркестанской экспедицией 1909—1910 гг., возглавлявшейся академиком С. Ф. Ольденбургом, и ныне хранящийся в Эрмитаже (инв. № ШШ-793). Несмотря на крайне плохое состояние этой росписи, на ней четко различимо крупное, почти в натуру, изображение стоящего человека. Голова и ступни фигуры полностью стерты, но ее сохранившаяся часть представляется чрезвычайно интересной, благодаря изображениям, покрывающим все тело этого персонажа. На торсе фигуры—обвитая змеем гора Меру, на вершине которой дворец; фасад его изображен в виде ряда расположенных друг над другом галерей с человеческими фигурками между колоннами. Так обычно передают дворцовые здания на кушанских и более древних индийских рельефах. Руки и ноги этого персонажа сплошь заполнены овальными и круглыми картушами с антропоморфными изображениями (часть из них, по-видимому, небожители или бодисатвы, часть — судя по напоминающей панцирь одежде — «Четыре магараджи»). Круглые медальоны на коленях, заключающие — правый — белое, левый — желтое лица, олицетворяют солнце и луну.

Фоном упомянутой фигуры служит мандорла, заполненная стилизованными изображениями волн, среди которых плавают утки, цветы, листья водяных растений и подымаются фигурки змей-нагов, олицетворяющих в индийской мифологии водную стихию. Эти фигурки дали основание А. Грюнведелю, опубликовавшему в свое время копию упомянутой росписи, определить изображенный на ней персонаж как «Нагараджу (царя нагов) в узорных доспехах».

С. Ф. Ольденбург, описывая в своем экспедиционном отчете эту роспись, выражает сомнение в отношении данного А. Грюнведелем определения и полагает, что это Будда, аналогичный сфотографированному в 1906 г. М. М. Березовским в одной из Кучарских пещер. Действительно, здесь не возникает сомнений в отношении того, что в данном случае перед нами какой-то Будда, так как эта роспись достаточно хорошо сохранила очертания головы с характерной ушнишей и монашескую одежду. В то же время и эта фигура вся покрыта такими же изображениями горы Меру с многоярусным дворцом на ее вершине и овалами, заполненными фигурками мифологических персонажей, на тех частях плаща Будды, которые покрывают его руки и ноги.

В отличие от шикшинского изображения, солнце и луна переданы просто кружками, расположенными не на коленях, а на груди фигуры над изображением горы Меру. На нижней части плаща этого Будды языки пламени и острые зубцы скал изображают ад.

Чрезвычайно близкое по композиции настенное изображение Будды опубликовано А. Лекоком (BSM, II/VI, табл. 7), который вполне справедливо сопоставляет его с упомянутым шикшинским изображением, но приходит к неожиданному заключению, что в обоих случаях это «Будда в доспехах», приводя, правда, здесь же замечание С. Ф. Ольденбурга, категорически отрицавшего возможность изображения Будды в панцире.

Среди икон-свитков знаменитой Стейновской коллекции живописи, найденной в «замурованной» пещере монастыря 1000 будд близ Дуньхуана, есть один, изображающий рай Шакьямуни. В нижней части композиции выделяется фигурка сидящего Будды, плащ которого несет изображения, весьма сходные с описанным: посередине отчетливо видна гора Меру, по ее сторонам солнце и луна, кругом пейзаж с фигурами людей и животных.

Издавший и аннотировавший эту икону Р. Петруччи обращает внимание на это «необычное изображение Будды» и пытается истолковать его как единственную в своем роде и не имеющую аналогий персонификацию горы Меру.

Нам представляется, что Петруччи в данном случае подошел близко к разгадке этого странного образа, связывая его с космогоническими представлениями буддизма.

Однако этот образ, как мы постараемся показать дальше, значительно сложнее, чем простая персонификация или аллегория, и является выражением важнейшей религиозно-философской концепции северного буддизма. Это предположение подтверждается еще и тем, что Петруччи ошибается, считая подобную иконографию «уникальной» и «необычной».

Помимо упомянутых нами четырех икон такого «странного» Будды могут быть названы еще по крайней мере шесть подобных изображений. Если некоторые из них позволяют уловить лишь общую композицию, то целая серия стенных росписей из буддийских монастырей дает возможность установить канон их написания и истолковывать их.

Быть может, самая ранняя икона этого типа — Будда на фрагменте стенной росписи из Балаваста. Тело его покрывают космические символы и знаки мирового владычества: гора Меру, солнце, луна, шриватса, хирананда, восьмигранная чинтамани, конь и другие. Эти знаки не связаны в единую композицию, поскольку тогда, по-видимому, они еще не нуждались в комментариях.

Этот же иконографический тип Будды, но в более развитом виде представлен по крайней мере на четырех стенных росписях Дунь-хуана. Согласно существующим датировкам, самая ранняя из них (пещера 135) относится к началу VI в. Здесь в контур тела Будды вписаны не просто абстрактные знаки, а дано связное изобразительное повествование о мироздании, покрывающее его тело и одежду. В центре, как полагается,— гора Меру, над ней райская обитель с сидящими буддами и парящими дэвами. Солнце и луна здесь в руках титана зеленого цвета, по-видимому Махакала, олицетворяющего вечность. Все это — древние индийские символы, закономерно вошедшие в буддийскую иконографию. Мир людей и животных — земной мир — покрывающий нижнюю часть фигуры, очень детальный и подробный, выполнен в той же квазиреалистичной манере, что и мирские сцены и пейзажи росписей

Дунь-хуана. На подоле антара-васики помещены призрачные уродливые прета.

По этой же схеме, с небольшими отклонениями, написаны и остальные иконы этого Будды в Дунь-хуане. Определяющим признаком этих достаточно частых и каноничных изображений являются космические символы, вначале абстрактные, позднее рисующие всю картину мироздания, в основе которой лежат индийские космогонические представления. Эти символы в более ранних памятниках покрывают непосредственно тело Будды, позднее его одежду (сангхати и антара-васика).

Таким образом, тело или фигура Будды включает в себя все элементы мироздания, сумму всех дхарм — дхармата. В данном случае дхарма понимается не как закон, а как элемент истинного бытия. Значит, рассматриваемый тип иконы представляется не чем иным, как дхармакая. Это соответствует толкованию дхармакая Праджнапарамитой, где говорится, что Будда должен рассматриваться как космический порядок — дхарматах, а его тело — как космос, дхармата. «Все мириады существований — бхутакоти — должны рассматриваться как тело Будды — дхармакая, проявляющееся в них. И в этом высшая мудрость — Праджнапарамита».

Учение о трех телах Будды было важнейшим в онтологии махаяны. Оно разделялось всеми школами этого толка, и популяризация этого учения в проповеди махаянистов занимала центральное место. Концепция дхармакая, естественно, должна была найти свое выражение не только в философизированных догматах, но и понятных массам мирян, зримых образах искусства.

Факт изображения одного из трех кай в искусстве Индии отметил еще А. Кумарасвами, определяющий один из рельефов в Карле как Самбхогакая.

Принятая в настоящее время датировка рассмотренной группы изображений V—VIII вв. позволяет думать, что сложение их иконографии произошло уже к середине первого тысячелетия нашей эры. В пользу этого говорят хотя бы такие ранние литературные источники, как Маха—Умага джатака, рассказывающая, что «в великом храме (маха-уммагасья-габбхе) лучшие художники изобразили Сакку во славе, гору Меру, великие и малые воды, четыре материка, гималайские горы, озеро Аноттата, царский престол, солнце и луну, четыре великих царя (локапала) и шесть небес блаженства».

Весь круг символов, использованных в иконографии этой необычной иконы Будды, в особенности же сама идея изображения мироздания как человеческого тела, тесно связаны с древнейшими индийскими религиями: брахманизмом и особенно джайнизмом, не выходившими за пределы этой страны, что, по нашему мнению, подтверждает вероятность сложения данного типа иконы уже на индийской почве в недрах Кушанского государства.

Summary

1) Among the materials of the First Russian Turkistan expedition of S. Oldenburg preserved at the Hermitage Museum, there is a fragment of a wall painting from Cave No. 11 in Shikshin (Museum No. ШШ—793). It represents a nearly life-size standing human figure. Its arms and legs are covered with anthropomorphic figures in oval and round cartouches; Mount Meru is depicted on the torso with a many-storeyed palace on it. The head and the feet of the figure are destroyed. The backround is formed by a mandorla filled with stylised drawings of waves and water deities.

A. Grünwedel who published a drawing of the wall painting, called the personage "Nagaraja in armour". S. Oldenburg did not agree with A. Grünwedel and believed

it to be an unusual representation of the Buddha, which has its analogies in a painting of Kutsha.

A similar image of the Buddha from Qizil has been published by A. Lecoq. Comparing it with the above-mentioned Shikshin painting he drew the unexpected conclusion that it was a "Buddha in armour" and at the same time quoted S. Oldenburg's remark categorically denying the possibility of such an iconographic type.

2) Among the painted scrolls at the British Museum which were found in the "walled-in chapel" of the Monastery of the Thousand Buddhas near Tun-huang, there is one representing the Paradise of Sakyamuni. In its lower part there can be seen a seated Buddha whose clothing is ornamented with analogous figures, featuring Mount Meru.

R. Petrucci, who published this icon, notes its uniqueness and presumes that the unusual figure of the Buddha is here a "personification of Mount Meru", and the only object of figurative art showing Sakyamuni in this aspect. However, besides those mentioned above there exist other such "unique" images of the Buddha: one probably originating from Bolowast is in the National Museum in New Delhi and four are to be found among the wall paintings at Tun-huang.

3) Thus these images are neither "unusual" nor "unique"; they were apparently canonical and fairly widely used. The decisive feature of icons of this type is the presence on the clothes or on the naked body of the Buddha of symbolic figures, corresponding to the Indian idea of the macrocosmos. Such a manifestation of the Buddha where his body incorporates all the elements of the universe is probably an expression of the Dharmakaya concept by artistic means.

The doctrine of the three bodies of the Buddha which expresses the ontology of Mahayana was shared by all schools of the Greater Vehicle and also by the Sautrantika school formerly belonging to the Hinayana. The Dharmakaya concept had also to find its own expression not only in theological dogmas but in more comprehensible visible images. This had not been taken into account when the objects of art in question were classified. Moreover, the incorrect definitions ("Nagaraja", "Buddha in armour", "personfication of Mount Meru") which they received, were apparently linked with the biased notion of the predominance of the Hinayana in Central Asia.

4) Since the commonly accepted date of the objects in question is the 5th-8th centuries A.D. there is reason to believe that the Dharmakaya iconography must have had its origin before the middle of the first millennium A.D. Literary sources mentioning analogous symbolic representations of the universe on wall paintings in India in the first centuries A.D. (Jataka, VI, 3333, Moha-ummaga jataka) also speak in favour of this view.

5) The analysis of icons of the Buddha Dharmakaya helps to discover in the emerging Mahayana iconography iconographic schemes belonging to other religions, especially to Jainism.

В. А. НИЛЬСЕН (СССР, ТАШКЕНТ)

КУШАНСКОЕ НАСЛЕДИЕ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХИТЕКТУРЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

State Museum Library Lucknow 1209

В этом докладе я, безусловно, не смогу достаточно полно осветить вопрос о влиянии кушанского зодчества на дальнейшее развитие архитектуры Средней Азии, и в частности в раннесредневековую пору, т. е. в века, прошедшие между крушением Кушанского государства и победой ислама. Этот вопрос может быть освещен лишь наметкой некоторых вех еще и потому, что древняя доисламская архитектура Среднего Востока вообще изучена недостаточно. Особенно мало изучена архитектура кушанского времени и более ранних эпох. Однако обзор выявленных археологическими экспедициями остатков построек и поселений указывает, что в первых веках до и после нашей эры существовала весьма высокая и своеобразная культура, проявившаяся не только в изобразительном искусстве, памятники которого весьма эффектны и наиболее наглядны для всякого рода параллелей и выявления взаимосвязей с другими народами и странами, но и в архитектуре, где вопросы эстетические неразрывно связаны с вопросами техническими и производственными.

Архитектура Средней Азии кушанской поры была основана на развитии местных строительных традиций и на дальнейшем развитии и переработке элементов зодчества греко-римского мира, Ирана и Индии, в основном почерпнутых из арсеналов архитектурно-декоративного и монументального искусства.

Этот вопрос достаточно подробно освещен в научных трудах, посвященных искусству кушан, и в некоторых выступлениях делегатов конференции.

Мне бы хотелось отметить, что подъем архитектурно-строительного искусства времени кушан был, очевидно, связан с тем, что эта важнейшая отрасль общественной деятельности стала объектом государственной регламентации и государственого руководства как в самой Кушанской державе, так и в соседних государственных образованиях. Это проявилось в развитии ирригационного строительства, отмеченного экспедицией С. П. Толстова для древнего Хорезма и экспедицией Я. Г. Гулямова для долины Зеравшана.

Ничем другим нельзя объяснить также сходство крепостных стен городов Топрак-кала и Гяур-кала в Хорезме, Кей-Кобад-шах и Дальверзин-тепе в Тохаристане и др.

Возможно, проявлением государственной регламентации является некоторая стандартизация размеров и конфигурации сырцового строительного кирпича: накануне нашей эры получил повсеместное распространение кирпич квадратной формы со средними размерами 40×40×10 *см*, наиболее удобный для конструирования сооружений и производства строительных работ с максимальным использованием рабского и общинного труда. Хотя практически размеры кирпича, применяемого для возведения одной постройки, колебались в пределах нескольких сантиметров (от 36×36×10 до 44×44×11), что было вызвано методом его изготовления и существовавшими тогда системами счисления и антропометрическими единицами измерения, все же для этого времени чувствуется определенный стандарт, которого не было еще в середине первой половины I тысячелетия до н. э. Изготовление громадного количества кирпича для крепостных стен городов и построек государственного значения — дворцов и храмов — вызвало упорядочение методов учета труда строительных рабочих.

Архитектура эпохи кушан безусловно не была цельной и единой. В различных частях Кушанского государства и в прилегающих к нему областях существовали локальные архитектурные школы, и архитектура здесь развивалась под влиянием своих собственных традиций, географических, идеологических и прочих условий. Имелись локальные отличия в архитектурных формах и методах декоративной отделки, но создавались общие, характерные композиции храмов, дворцов, системы планировки города. Наблюдается улучшение качества архитектурного строительства.

Бесспорно, что с крушением Кушанского государства разрушились и прекратили функционировать находящиеся на территории современной Средней Азии города (Топрак-кала в Хорезме, Хайрабад-тепе, Дальверзин-тепе, Термез, Кей-Кобад-шах в Северной Бактрии, Афрасиаб и ранняя Варахша в Согде и др.). Погибло много поселений, храмов, дворцов и других монументальных построек.

Хотя продолжительность и степень упадка в различных частях Средней Азии были различны, он все же послужил тем барьером, за которым новые социальные отношения феодального порядка вызывали становление новой архитектуры.

Архитектура предарабских веков в общем была как бы начальным этапом стиля среднеазиатской средневековой архитектуры, когда в процессе нового развития создавались новые слагаемые архитектуры, отживали старые принципы и концепции, не соответствующие новым условиям жизни и новым эстетическим нормам. В то же время архитектура сохраняла и перерабатывала то значительное и целесообразное, что было создано в эпоху кушан.

Так, если взять техническую сторону архитектуры V—VIII вв., то наглядно видны все большее распространение глинобитных пахсовых кладок и переход в областях Тохаристана, Согда, Ферганы, Уструшаны к сырцовому кирпичу прямоугольной формы, хотя в Южной Туркмении и Хорезме продолжали применять квадратный кирпич несколько меньшего размера; наиболее ответственные постройки по-прежнему возводились на платформах. Этот прием применялся не только во времена среднеазиатской античности (дворец Топрак-кала и др.); он уходит корнями в глубочайшую древность — ко временам Ура и древнего Шумера.

Конструирование сводчатых и купольных покрытий достигает к VIII в. значительного искусства на основе совершенствования местной техники бескружальной кладки отрезками и отхода от бытовавших в кушанское время отдельных примеров клинчатых сводов полуциркульного очертания (Тешик-тепе), заимствованных, очевидно, с Ближнего Востока, из технического арсенала римлян.

В V—VIII вв. продолжает сохраняться тип плоского деревянного балочного покрытия, несущего земляную кровлю. Этот тип перекрытия, появившись на Востоке в глубокой древности, из-за хороших термоизоляционных свойств просуществовал до наших дней без каких-либо существенных технических изменений, несмотря на свое техническое несовершенство. В рассматриваемую эпоху это перекрытие имело много вариантов осуществления — как без внутренних опор, так и с поддерживающими колоннами — и применялось в постройках различного назначения. Покрывая резьбой и окрашивая открытые балки перекрытия, мастера того времени придавали интерьерам своеобразный художественный облик.

Некоторые традиции кушанской архитектуры сохранились в планировочно-композиционном построении сельских укрепленных замков, особенно в начале предарабского периода.

Так, например, первоначально (в V—VI вв.) замки Балалык-тепе и Занг-тепе имели систему узких коридорообразных помещений, располагавшихся вокруг квадратного двора и вдоль наружных стен, прорезанных бойницами, подобно более ранним Ангка-кала в Хорезме и Кызыл-кыры под Бухарой. Впоследствии в связи с возросшими потребностями владельцев внутренняя структура замков стала более сложной и более удобной, но вначале она определяла композицию и облик здания.

Некоторые принципы предшествующей эпохи заметны в планировке и фасадном решении дворца бухарских владетелей в Варахше. Здесь сомкнутые в ряд большие и малые помещения открыты на север через систему арочных проемов. Осуществленный в местных строительных материалах и конструкциях варахшский дворец по композиционному построению наследует, очевидно, принципы более ранних аналогичных построек, в частности дворца парфянских царей в Хатре.

Значение здания Халчаяна, открытого и изученного Г. А. Пугаченковой, заключается не только в его архитектуре и наличии в нем прекрасной, выразительной скульптуры, присущей кушанской эпохе районов Северной Бактрии. В планировке здания, основанной на осевом принципе, где за наружной лоджией-террасой следовали продолговатый зал и далее по оси небольшое, сообщающееся с залом помещение, наблюдаются основные моменты композиции плана, которые присущи широкоизвестным пенджикентским храмам, построенным в VI—VII вв. Сам же принцип акцентирования главного фасада колонными стволами предвосхищает подобные композиции пенджикентских храмов и более поздних мусульманских мечетей.

Для пригородного ландшафта раннесредневековых городов долины Зеравшана, Чирчика и Ангрена характерны своеобразные небольшие погребальные постройки — семейные надземные склепы, которые исследователи связывали с зороастрийским обрядом захоронения в местной среднеазиатской интерпретации. Эти наусы-склепы кубической или ульеобразной формы с объемно подчеркнутым входом предшествовали будущим мусульманским мавзолеям, имевшим иное идейное содержание; они безусловно оказали влияние на формообразование последних. Но истоки строительства подобных сооружений раннего средневековья оставались неясными. Поэтому раскопка в районе Термеза Л. И. Альбаумом и Т. Агзамходжаевым погребального наземного сооружения кушанского времени указывает на то, что строительство подобных сооружений имеет более древние корни.

Очевидно, в зданиях, связанных с культами, где традиционные ритуалы накладывали отпечаток некоторой консервативности на дальнейшее развитие архитектуры, влияние предшествующих времен особенно заметно. И это действительно заметно в буддийском храмово-монастырском комплексе Аджина-тепа и даже в отличном по планировке от многих более древних образцов храме в Куве, раскопанном В. Булатовой-Левиной.

Даже краткий и неполный перечень примеров говорит о наличии многих общих черт в сооружениях самого различного назначения кушанского периода и времени раннего средневековья, общих моментов как в техническом конструировании зданий, так и в планировочных и объемных композициях.

Влияние культуры кушанского времени заметно и в различных архитектурных формах, и в элементах архитектурного декора. Об этом свидетельствует распространение торовидных каменных баз под деревянными колоннами; проявляется это и в пластической обработке деревянных конических капителей и находящихся над ними импостных элементов, где, несмотря на наличие характерной для раннесредневекового искусства стилизации и условности, чувствуется еще влияние эллинизированных приемов пластики и техники резьбы. Об этом влиянии говорят многочисленные примеры применения акантового листа в резьбе по дереву и алебастру — правда, уже подвергшегося стилизации и во многих случаях ставшего элементом отвлеченных орнаментальных композиций. Это влияние заметно в технике изготовления живописного декора, в художественном мастерстве при прорисовке персонажей варахшских росписей и в некоторых сюжетах росписей Пенджикента.

Отражением традиций старой эллинизированной архитектуры является мотив кариатид. Многочисленные изображения кариатид на предметах глиптики, торевтики, в монументальных росписях, а также найденные в Пенджикенте и на Афрасиабе обуглившиеся деревянные женские фигуры (причем в местах, исключающих какое-либо другое толкование их назначения) свидетельствуют о широком применении кариатид, особенно в интерьере парадных залов, где они обычно поддерживали балдахин над троном владетеля. Это дало нам основание для введения кариатид в реконструкцию «красного зала» варахшского дворца.

Таким образом, архитектурное искусство кушанского времени не перестало существовать с падением Кушанской державы. В отличие от многих древних восточных цивилизаций, не оказавших существенного влияния на развитие культуры после своего падения, многие элементы кушанского искусства и архитектуры продолжали существовать в раннем средневековье и перерабатывались под влиянием новых социальных идей эпохи.

Л. С. БРЕТАНИЦКИЙ (СССР, БАКУ)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ МУСУЛЬМАНСКОГО ИСКУССТВА

Сложность и многогранность кушанской проблемы подтверждает программа конференции, итоги работы которой если и не дадут исчерпывающего ответа на ряд выдвинутых вопросов, то во всяком случае значительно расширят круг научных представлений о них. Для исследователей более поздних исторических эпох результаты работы конференции имеют не только познавательную ценность. В них могут оказаться «ключи», которые помогут раскрытию проблем и вопросов, также служащих предметом острой научной полемики. В истории архитектуры и искусства народов Переднего Востока эпохи мусульманства подобных проблем и вопросов немало.

Я позволю себе остановиться на интересном и важном вопросе, для решения которого также необходимы отчетливые представления о культуре кушанского периода и ее связях с культурой последующих исторических эпох. Я имею в виду в первую очередь проблему искусства мусульманских народов, которая по-прежнему привлекает многих отечественных и зарубежных ученых. В этом отношении показательны несколько вышедших в течение последних лет монографий общего характера, а также ряд отдельных исследований, в которых рассматривались, характеризовались и анализировались проблема в целом, некоторые ее аспекты и правомерность самого термина «мусульманское искусство» [1].

В свете чрезвычайно обширного и разностороннего материала, которым в настоящее время располагают ученые Востока и Запада, благодаря плодотворности существенно расширившихся, углубившихся и упрочившихся научных связей (обмен специальными изданиями, установление личных контактов и, главное, непосредственное ознакомление с произведениями зодчества и искусства) постепенно выкристаллизовывается позиция, до некоторой степени примиряющая различные точки зрения.

Ее сущность можно представить в следующем виде: ислам, как и любая «мировая» религия, оказывал весьма большое воздействие на характер формирования и развития духовной и материальной культуры воспринявших его народов. Это бесспорно, но неопровержима и другая истина: ислам не создал и не мог создать норм художественной выразительности, единых для всех исповедовавших его народов.

Подобные нормы не возникли, несмотря на то что выработались тождественные по своему функциональному назначению виды архитектурных сооружений, непосредственно связанные с мусульманской религией. Кроме того, в отличие от других «мировых» религий, ислам для пропаганды своих идей не только не взял на вооружение средства изобразительного искусства, но значительно ограничил его распространение, повсеместно способствуя преимущественному развитию декоративного, бессюжетного искусства. Художественно целостный стиль «мусульманского искусства», единый для огромного ареала ислама во времени и пространстве, так и не сложился. Впрочем, не сложилось и художественно единое «христианское искусство», отвечающее ареалу христианства во времени и пространстве.

Черты локального своеобразия искусства различных областей мусульманского мира (имеются в виду хронологические и территориальные пределы распространения того или иного явления) в значительной, если не в решающей мере определялись сложившимися в домусульманскую эпоху художественными и техническими традициями. Они накладывали весьма ощутимый отпечаток на весь дальнейший процесс развития архитектуры и искусства любого воспринявшего ислам народа независимо от времени, когда мусульманская религия приобрела положение господствующей.

Сложность определения подлинного значения этого исключительно важного компонента в формировании и развитии искусства того или иного народа в «мусульманскую» эпоху (для удобства воспользуемся этим условным термином) связана с одним немаловажным обстоятельством. Распространение, а иногда и внедрение мусульманства для большинства областей Переднего Востока, как известно, неотделимо от арабского завоевания. Но общеизвестен также парадоксальный разрыв между обилием сведений исторических хроник и географических сочинений современников о произведениях зодчества, объеме, видах и даже характере развития художественных ремесел в период вхождения областей Закавказья и Закаспия в состав аббасидского халифата и крайней ограниченностью числа сохранившихся до наших дней памятников зодчества и художественных изделий того же времени.

Однако последующий период — условно назовем его сельджукским — представлен несоизмеримо богаче, причем не только численностью самих произведений искусства и архитектуры. Законченность замысла, продуманность художественного строя, изысканность форм и изящество убранства позволяют полагать, что ряд из них, во всяком случае, как бы завершает определенный этап последовательной эволюции и совершенствования не только отдельных композиционных приемов или методов и средств их осуществления, но и типов архитектурных сооружений и художественных изделий.

Таким образом, существует своего рода вакуум между искусством мусульманского времени и сравнительно отдаленными от него эпохами. Тем более важно и интересно обнаружить черты преемственности, которые их несомненно связывают, но до настоящего времени еще не прослежены. Представляется, что результаты изучения искусства кушанского периода позволят несколько заполнить этот пробел. В данном сообщении мне хотелось привлечь внимание к нескольким памятникам азербайджанского зодчества, изучением которых мне довелось заниматься. В их убранстве нашли отчетливое выражение сюжеты, несомненно связанные с домусульманской идеологией и с издревле складывавшейся художественной традицией во времена господства ислама, сохранявшейся в основном только пережиточно.

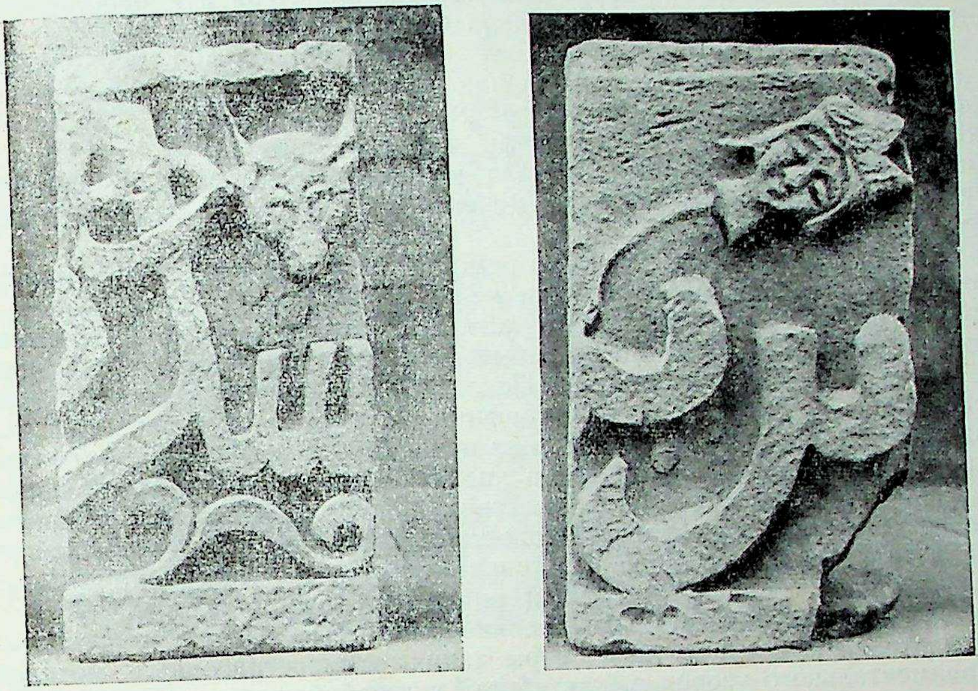
Некоторые сюжеты принадлежат к категории «бродячих», и их распространение ни в коей мере не ограничивается пределами Азербайджана (территорией нынешних советского и Иранского Азербайджана). Но мы остановимся на них только в данных историко-географических границах, отнюдь не пытаясь исчерпать их проявления даже в сопредельных областях Переднего Востока. Кроме того, в настоящее время не всегда представляется возможным проследить весь путь эволюции того или иного тематического сюжета, орнаментального мотива, формы художественного изделия. Круг сюжетов сознательно ограничен в силу религиозной догматики, а изображения живых существ, по нашему убеждению, связаны с предшествующими эпохами. Сами памятники сравнительно малоизвестны и интересны не только особенностями своего убранства. Однако они публиковались, и поэтому можно не задерживаться на их описании.

Показательна, например, хорошо известная и часто встречающаяся композиция с павлинами, расположенными по обеим сторонам «древа жизни». Нет надобности останавливаться на смысловом значении сюжета, которому посвящен ряд высказываний в работах различных исследователей. Сопоставление подобных изображений на каменной капители из албанского культового комплекса в Мингечауре V—VI вв.[2] и в выполненном техникой «граффито» многоцветном панно на фасаде приемных покоев дворцового комплекса в Шеки (конец XVIII в.)[3] позволяет отметить некоторые черты, видимо общие для подобной тематики. В первую очередь к ним относится жизнестойкость самого мотива. Однако для «умельца» позднего времени сам сюжет, очевидно, уже полностью утратил первоначальное смысловое значение, связанное с кругом древних и религиозно-мифологических представлений. Сохранился лишь мотив, трактовка которого определялась комплексом сложно взаимодействовавших обстоятельств. Среди них едва ли не первое место принадлежало творческой индивидуальности мастера, подчас совершенно не представлявшего уходящую в глубь веков предысторию мотива.

К кругу подобных тем относится также встречающийся в различном материале, в различные исторические периоды и художественно различно интерпретируемый сюжет с хищником, терзающим травоядное животное. Для сопоставления здесь взяты серебряная ваза, на дне которой выгравирован когтящий оленя грифон (Кахский район, III в. н. э.)[4], и изображение на одной из плоскостей фасада мавзолея в Хачин-Дорбатлы, сохранившего не только дату строительства (1314 г.), но также имена зодчего (устад Шахензи) и заказчика (Катава Ходжа, сын Мусы). В архитектуре мавзолея органично сочетаются художественные формы и строительные конструкции, встречающиеся в зодчестве «мусульманского» и «христианского» Закавказья[5]. Но сама традиционная тематика искусно гравированных изображений вновь уводит в круг далеких от мусульманства идеологических представлений, мифологических сюжетов и художественных образов.

Чрезвычайно интересна тематика рельефов, вкомпонованных в текст огромной лапидарной надписи на декоративном фризе, некогда опоясывавшем верх стен и башен ханеги, затонувшей в бакинской бухте. Круг изображений здесь еще более широк, и раскрытие значения большинства их потребует не только упорного, кропотливого труда и широкого круга познаний, но также фантазии, опирающейся на научные аргументы. Эта задача еще впереди, так же как систематизация и расшифровка обрывков надписей памятника. Сейчас мы знаем только дату строительства (1234—1235 гг.), имена и профессиональные звания зодчего (устад Зайн-ад-Дин, сын Абу Рашида) и художника-декоратора (наккаш Рашид), а также фрагменты пышной титулатуры ширваншахов-кесранидов[6].

Объем работ и различные манеры исполнения изображений говорят о труде целой артели каменотесов. Однако некоторые рельефы несомненно связаны с доисламским кругом идеологических представлений и художественных традиций. Отметим среди них фантастическое существо с телом хищника кошачьей породы и человеческой головой; геральдического характера украшения и в особенности часть большого панно с деталью взнузданной конской головы. Это фрагменты произве-



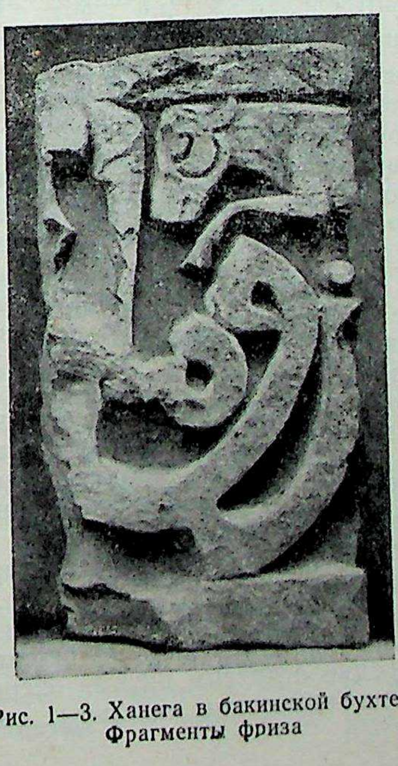


Рис. 1—3. Ханега в бакинской бухте. Фрагменты фриза

дения искусства совсем другого масштаба, характера и манеры исполнения, принадлежащего значительно более ранней эпохе.

В архитектурные образы всех этих разноплановых сооружений приведенные элементы декора вошли чрезвычайно органично; привлекает не их «чужеродность», а то, что в азербайджанском зодчестве они столь же редки, как рельефы караван-сарая Белеули (XI в.), изображения на тимпанах портала медресе Шир-Дор в Самарканде (XVI в.) или драконы анауской мечети (XVII в.) в архитектуре народов Средней Азии.

В изделиях художественного ремесла, в ту пору еще неотделимого от искусства, подобные традиции не менее устойчивы и, главное, довольно широко распространены, хотя обычно связаны с изделиями, преимущественно предназначавшимися не для широкого потребителя, а для «избранного» покупателя. Показательна, например, своеобразная преемственность в сюжетах зооморфных сосудов, от черноглиняных лощеных из Мингечаура (первые века нашей эры) [7] через мелкую металлическую пластику первых веков хиджры [8] вплоть до таких шедевров зрелого средневековья, как известный ширванский водолей [9]. Вновь подчеркнем, что и в данном сопоставлении привлекает жизненность темы, а не особенности ее трактовки, связанные с материалом, манерой трактовки и художественной индивидуальностью мастера.

Еще более показательны древние генетические корни и постепенная модификация исходных форм таких распространенных мотивов орнаментального узорочья, как «бута» в азербайджанском [10] или «туступи» в среднеазиатском [11] декоративном искусстве. Отметим также органичное и тем не менее несколько неожиданное включение в состав орнаментального убранства мавзолея в с. Джуга превосходно выполненного эллинистического меандра [12].

Приведем также некоторые соображения об истоках черт локального своеобразия, присущих архитектуре исповедовавших ислам народов Переднего Востока. Некоторыми учеными архитектура этих народов рассматривалась и рассматривается вплоть до настоящего времени как нечто целостное [13].

Как уже отмечалось, ислам действительно вызвал к жизни определенные виды архитектурных сооружений, непосредственно связанные с требованиями новой религии и получившие повсеместное распространение во всех странах «мусульманского» мира. Однако это положение не ограничило многообразия типологических решений и не создало единых архитектурных форм, конструкций, приемов и средств убранства.

Своими корнями зодчество — как правило, еще глубже и прочнее, чем изобразительное искусство,— связано с издревле слагавшимися локальными традициями — строительными и художественными. Вопросы архитектурного формообразования в эпоху средневековья теснейшим образом связаны с конкретностью местных условий строительства — от ресурсов природных материалов и связанных с ними инженерных решений, а также приемов и методов строительства до специфики историко-социального развития, способствовавшей иногда преимущественному развитию, а иногда и возникновению новых типов функционально единых архитектурных сооружений, распространенных в строительстве всего Переднего Востока.

Тем не менее именно в истории архитектурного развития наблюдаются смены стилистических явлений, на первый взгляд мало, а то и вовсе не связанных одно с другим нитями внешней преемственности. Не так уж редко и возникновение отдельных сооружений, художест-

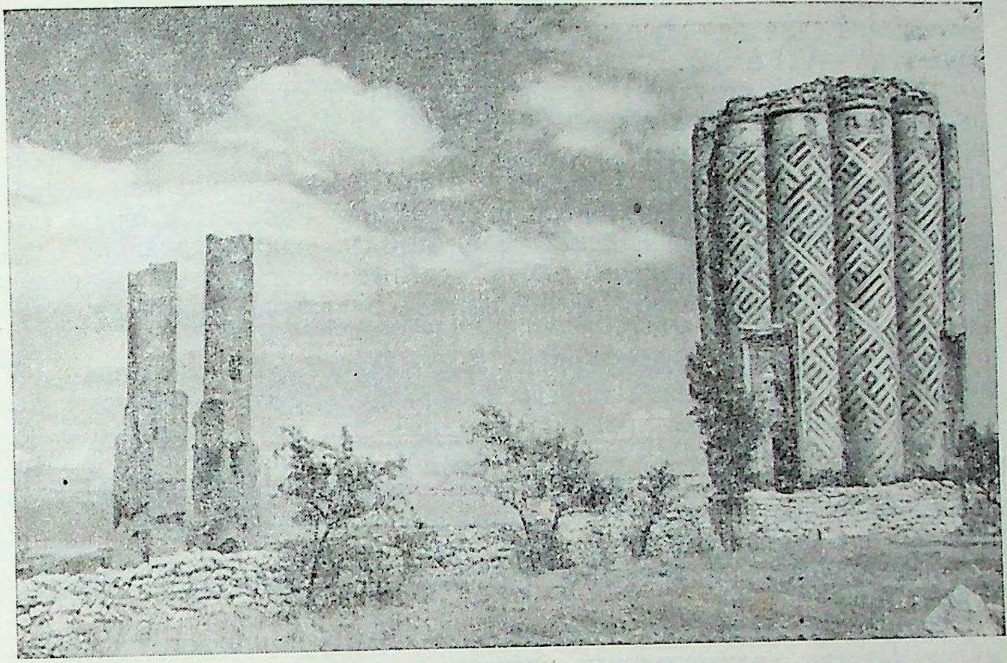


Рис. 4. Қара-багкар. Мавзолей

венный облик которых несвойствен архитектурным традициям данной области и представляется иногда — и не без основания — полностью привнесенным.

Остановимся на нескольких явлениях, подтверждающих наш основной тезис: генетические связи некоторых видов архитектурных сооружений, приемов и форм, широко распространенных в строительстве ряда областей «мусульманского» Переднего Востока, в частности Азербайджана, с предшествовавшими периодами архитектурного развития в значительной мере определяли черты их локального своеобразия.

Вокруг проблемы возникновения и распространения такого функционально единого, композиционно целостного и в то же время архитектурно многообразного явления, как «башенные» мавзолеи, сложилась обширная литература, отражающая различие мнений по этому вопросу ряда отечественных и зарубежных ученых [14]. Тем не менее все придерживаются единого мнения о том, что генетические корни этого своеобразного типа архитектурных сооружений, наиболее отчетливо и эффектно выявившегося в памятниках Азербайджана, Хорасана и Малой Азии, уходят в эпоху, предшествовавшую распространению ислама, ортодоксальная догматика которого, кстати, вообще относилась отрицательно к идее увековечивания мест захоронения.

Широко известны факты использования в строительстве наиболее ранних, омейядских мечетей не только архитектурных элементов, но и конструктивной основы сооружений, принадлежавших предшествовавшим культам. В этом отношении столь же убедительным примером, как мечеть аль-Валида в Дамаске, служит и Джума-мечеть в Дербенте. Нынешний ее облик сложился, согласно лапидарной надписи, в XIV в. в результате окончательной перестройки значительно более древнего здания зодчим Тадж-аддином ал-Бакуи, сыном Мусы (1368 г.) [15]. Однако основой этого огромного и для данных областей уникальной структуры здания, несомненно, послужило культовое сооружение эпохи возведения «длинной стены», в свое время перегородившей дербентский проход (V—VII вв.) [16].

Уникальные структура плана и объемно-пространственная композиция мечети Скалы в Иерусалиме также труднообъяснимы, если не привлечь к сопоставлению столь распространенные в культовом строительстве «христианского» Переднего Востока памятники, как церкви Сергия и Вакха в Константинополе, Виталия в Равенне, с одной стороны, а с другой — принципиально единые, но принадлежащие к закавказскому художественному кругу круглые в плане с тетраконхом в центре храмы в с. Лекит (Азербайджан), Звартноц (Армения), Бана (Грузия) [17].

Ранее указанное многообразие архитектурно-художественного образа таких тождественных по своему прямому функциональному назначению видов архитектурных сооружений, как мечети и в особенности минареты, подтверждают — в качестве обусловивших его факторов — особенности конкретных условий строительства, лежавшие в основе издревле складывавшихся локальных традиций, а также переосмысленное в свете возникших новых задач заимствование ранее выработанных приемов организации пространства и композиции архитектурных масс.

В этом плане весьма показательно широкое применение в эпоху мусульманства архитектурных мотивов, форм и конструкций, также уходящих своими генетическими истоками в предшествовавшую распространению ислама эпоху и свойственных определенным областям. В равной мере к ним можно отнести и открытое пространство зала летней резиденции ширваншахов в с. Нардаран (XV в.) или упомянутых покоев дворцового комплекса шекинских ханов (XVIII в.) — своеобразную трансформацию организации зального пространства сасанидских дворцов [18]; и былую тектоническую логику приема «гофрирования» поверхности мавзолея в с. Карабаглар, своеобразно «пересказывающего» трактовку стен домусульманских «кешков» Средней Азии [19]; и постепенно утрачивающие свой первоначальный конструктивный смысл сталактиты самых разнообразных зданий, последовательно превращавшихся в элемент архитектурного убранства.

Приведенные примеры ставили целью подтверждение основной мысли нашего сообщения — необходимость неотложного, глубокого и всестороннего изучения явлений, которые предшествовали и, в конечном счете, предопределяли черты локального своеобразия искусства и архитектуры воспринявших ислам народов.

---

[1] См.: E. Diez, L'art de l'Islam, Paris, 1967; K. Otto-Dorn, Kunst des Islam, Baden-Baden, 1964; D. T. Rice, Islamic Art, London, 1965.

[2] М. Усейнов, Л. Бретаницкий, А. Саламзаде, История архитектуры Азербайджана, М., 1963, стр. 36, рис. 28.

[3] Л. Бретаницкий, Дворец шекинских ханов,— сб. «Архитектура Азербайджана», Баку, 1952, стр. 356, рис. 6.

[4] Г. М. Асланов, Т. И. Голубкина, Ш. Г. Садыхзаде, Каталог золотых и серебряных предметов из археологических раскопок Азербайджана, Баку, 1966, стр. 41, табл. XIX.

[5] Л. Бретаницкий, Зодчество Азербайджана XII—XV вв. и его место в архитектуре Переднего Востока, М., 1966, стр. 188, рис. 116.

[6] Там же, стр. 82, рис. 18—22.

[7] Т. И. Голубкина, О зооморфной керамике из Мингечаура,— «Материальная культура Азербайджана», т. II, Баку, 1951.

[8] М. М. Дьяконов, Бронзовая пластика первых веков хиджры,— «Труды Отдела Востока Эрмитажа», т. IV, Л., 1947.

[9] М. М. Дьяконов, Бронзовый водолей 1206 г. н. э.,— «III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии», М.— Л., 1939.

[10] А. Казиев, О видах народного бытового искусства,— «Искусство Азербайджана», т. IV, Баку, 1954.

[11] Г. В. Григорьев, Тус-тупи,— «Искусство», 1937, № 1.

[12] Л. Бретаницкий, Зодчество Азербайджана..., стр. 124, рис. 63.

[13] H. Saladin, Manuel de l'art musulman, Paris, 1907; Н. И. Брунов, Очерки по истории архитектуры, т. I, М.— Л., 1937; S. K. Yetkin, Islam mimarisi, Ankara, 1959.

[14] Г. Пугаченкова, К проблеме возникновения шатровых мавзолеев Хорасана,— «Труды ЮТАКЭ», т. I, Ашхабад, 1949; А. Саламзаде, Некоторые вопросы генезиса и изучения башенных мавзолеев в Азербайджане,— «Искусство Азербайджана», т. II, Баку, 1949.

[15] Л. Бретаницкий, Зодчество Азербайджана..., стр. 159, рис. 84—85; Л. Лавров, Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XVII вв., М., 1966, стр. 120.

[16] М. И. Артамонов, Древний Дербент,— «Советская археология», VIII, 1946; О. С. Хан-Магомедов, Стены и башни Дербента,— «Архитектурное наследство», № 17, М., 1963.

[17] Л. Бретаницкий, Г. Елькин, Л. Мамиконов, Д. Мотис, Некоторые проблемы взаимосвязи в архитектуре народов Закавказья,— «Известия Азербайджанского филиала АН СССР», 1942, № 7.

[18] Р. Мустафаев, Искусство Азербайджана и эпоха Низами,— «Искусство», 1940, № 5.

[19] Л. Бретаницкий, Зодчество Азербайджана..., стр. 320.

Summary

The results of the study of the art of the Central Asian peoples at the time of the Kushan Empire are not without significant bearing on the problems that interest students of the culture and art of later periods. By illuminating little or entirely unknown pages of the development of world culture, they further our understanding of the problems of the artistic development of subsequent historical periods, especially those connected with the spread of Islam.

As in the case of all the great religions, Muslim dogma exerted a marked influence on the development of the culture of the nations that adopted Islam and served as its ideological foundation. But the spread of Islam was not accompanied by the adoption of uniform aesthetic standards. Although it did stimulate the appearance of new types of functionally identical architectural structures associated with the observance of the new religion (mosques, minarets, madrasahs), it did not endow them with artistically similar forms.

Study of the architectural and artistic heritage of different regions of the Muslim world proves the strength and vitality of their more ancient local artistic traditions. With time some of these changed and acquired new features. That was precisely what led to the appearance of the unique aspects of the art of each historically integrated area in that vast region.

Quite a few of the artistic themes that arose long before Islam and persisted even after they lost their original connotations for both the artist and his patrons showed a surprising degree of viability. Take, for instance, the motif of the "Tree of Life" and the sacred birds—from the stone capitals at Mingechaur (5th-6th centuries) to the panel which adorns the palace of the Shekin khans (18th century); or the scenes of a beast of prey attacking a herbivorous animal, from the representation on the silver vase found in the Kakh District (3rd century) to the engravings on the tomb at Khachin-Dorbatly (14th century).

Quite interesting is the interpretation of the portrayal of living creatures (on which Islamic dogma frowns) as seen in the evolution of zoomorphic vessels, from the black polished vessels found at Mingechaur (first centuries A.D.) through the small plastic objects of the first centuries of the Hegira and up to the Shirvan vessel (18th century); or from the relief on the Bailov Stones (13th century) and the Beleuli Caravanserai (11th century) to the pictures on the portals of the Shir-Dar madrasah (16th century) and the Anau mosque (17th century).

In the decorative arts, interest likewise attaches to the genesis of the widespread ornamental *buta* (Azerbaijan) and *tus-tupi* (Central Asia).

In architecture, the ties with the pre-Islamic architectural traditions take highly varied forms, from the transformation into mosques of buildings which had served before the advent of Islam as places of worship for other religions or the adoption of their characteristic features in the new buildings, to the use of the older architectural types.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

В дискуссии на вечернем заседании 4.X.1968 приняли участие М. С. Асимов (СССР, Душанбе), Т. В. Грек (СССР, Ленинград), Д. Сиркар (Индия, Калькутта), Б. Я. Ставиский (СССР, Москва), Б. А. Литвинский (СССР, Душанбе), Б. И. Маршак (СССР, Ленинград), А. Хабиби (Афганистан, Кабул), Г. А. Пугаченкова (СССР, Ташкент), Г. Азарпай (США, Беркли).

Д. Сиркар, отметив, что на конференции неоднократно говорилось о вхождении в состав Кушанской державы территорий к северу от Окса, выступил с возражениями против этого мнения. Он считает, что, хотя области между Оксом и Яксартом, по-видимому, действительно были заняты юечжами, нет никаких доказательств, что эти области входили в состав Кушанской империи при Канишке, Васишке, Хувишке и Васудеве. Имеются эпиграфические свидетельства, указывающие на то, что Канишка правил обширными территориями от Афганистана на западе до Варанаси в Восточном Уттар Прадеше на востоке. Открытие кладов кушанских монет, надписей, датированных по эре Канишки, и скульптур с мотивами кушанского искусства в Восточной Индии не рассматривается как достаточно веское доказательство кушанского господства над территориями Непала, Бихара, Бенгала и Ориссы. «Миграция» из одной страны в другую таких предметов, идей и мотивов была обычным явлением. Никаких более существенных следов кушан не было открыто в областях к северу от Окса. Можно в этой связи, например, еще напомнить о находке клада кушанских монет в Эфиопии. Открытие буддийских монастырей в областях к северу от Окса также не свидетельствует о том, что они были заняты кушанами; эти монастыри являлись частными учреждениями и не были построены кушанскими царями. Кроме того, сейчас невозможно доказать, что кушанские цари были последовательными буддистами; имеющиеся данные говорят лишь о том, что у некоторых из них была склонность к буддизму. Накширустемская надпись Шапура I, свидетельствующая о его притязаниях на территории кушан, не относится ни ко времени Канишки, ни ко времени его ближайших преемников. Согласно китайской традиции Канишка подчинил восточные, западные и южные территории, но области на севере ему подчинить не удалось. Поэтому теория о владычестве Канишки и его ближайших преемников над районами к северу от Окса не может считаться доказанной и остается пока лишь предположением.

Б. Я. Ставиский, возражая Д. Сиркару, отметил, что среди советских ученых идут споры о северных границах Кушанского царства; но в любом случае Бактрия, включая ее северную, правобережную часть (т. е. современные районы Южного Узбекистана и Южного Таджикистана), была первоначальным центром и постоянным ядром Кушанского государства. Вместе с тем Б. Я. Ставиский отметил, что, по его мнению, памятники буддизма Средней Азии V—VIII вв. нельзя прямолинейно связывать с кушанами, так как бóльшая часть буддийских памятников этого времени открыта на севере Средней Азии и может быть объяснена «второй буддийской волной», на сей раз из Восточного Туркестана. Что же касается Аджина-тепа, то пока еще неясно, чего здесь больше — кушанских традиций или восточнотуркестанских влияний.

Б. А. Литвинский поддержал мнение Б. Я. Ставиского о том, что Северная Бактрия входила в состав Кушанской державы, но не согласился с его положением относительно второй волны буддизма, распространившейся в Средней Азии в раннее средневековье.

Д. Сиркар, возражая Б. Я. Ставискому и Б. А. Литвинскому по вопросу о северных границах Кушанского государства, вновь привел свои аргументы и, в частности, особо остановился на данных надписи Канишки.

А. Хабиби, коснувшись вопроса о пределах Кушанской державы, высказал надежду, что новые археологические открытия помогут решить эту спорную проблему.

Г. А. Пугаченкова, возражая Д. Сиркару, указала, что имеющиеся в настоящее время археологические данные не оставляют сомнений в том, что Северная Бактрия была частью Кушанской империи.

Б. И. Маршак, отметив интересные положения, содержащиеся в докладе Г. Азарпай, высказал мнение о том, что объяснить один из образов системы можно, лишь исходя из всей системы; `иконография же важна для истории искусства, но не для объяснения верований; система образов религий Хорезма и Согда сложна и богата, и неясно, относится ли та или иная черта к иконографии одного бога или разных богов. В связи с вопросом о распространении буддизма в Средней Азии с юга и с востока Б. И. Маршак указал, что имеются сведения о постройке китайцами буддийского храма в Семиречье, и это не позволяет отрицать возможность также и восточного влияния при распространении буддизма на востоке Средней Азии.

Г. Азарпай, отвечая Б. И. Маршаку, сказала, что он, по-видимому, неправильно понял ее выводы. В докладе не утверждалось, что четырехрукая богиня является именно Анахитой, а доказывалось, что прототипом для культа верховного женского божества в Среднеазиатском междуречье, вероятно, послужила Арманти.

SUMMARISED RECORD OF DISCUSSION

October 4, 1968, afternoon session. The speakers were: M.S. Asimov (Dushanbe, U.S.S.R.), T.V Grek (Leningrad, U.S.S.R.), D. Sircar (Calcutta, India), B.Y. Stavisky (Moscow, U.S.S.R.), B.A. Litvinsky (Dushanbe, U.S.S.R.), B.I. Marshak (Leningrad, U.S.S.R.), A. Habibi (Kabul, Afghanistan), G.A. Pugachenkova (Tashkent, U.S.S.R.), G. Azarpai (Berkeley, U.S.A.).

D. Sircar said that although the territory north of the Oxus had repeatedly been referred to at the Conference as a part of the Kushan Empire, he disagreed with that assumption. He felt that while, presumably, the area between the Oxus and Jaxartes had been occuped by the Yüeh-chih, there was no direct proof that it had been incorporated in the Kushan state under Kanishka, Vasishka, Huvishka or Vasudeva. The epigraphic evidence indicated that Kanishka had ruled over a vast territory ranging from Afghanistan in the west to Varanasi (Eastern Uttar Pradesh) in the east. The discovery in Eastern India of hoards of Kanishka coins and inscriptions dated in the Kushan era, as well as sculpture bearing the motifs of Kushan art, could not be taken as

very weighty proof that the territory of Nepal, Bihar, Bengal and Orissa had come under Kushan rule. The "migration" of such objects, of ideas and artistic motifs was all too common. No convincing traces of the Kushans had been found in the regions north of the Oxus. (What about the discovery of a hoard of Kushan coins in Ethiopia, what was one to make of that in such case?) Nor did the discovery of Buddhist monasteries in regions north of the Oxus mean that they had been occupied by the Kushans. The above monasteries were private institutions and were not built by the Kushan kings. In fact, it was impossible to prove at present that the Kushan kings were Buddhists. All we knew was that certain of them were favourably disposed towards Buddhism. The Naksh-i-Rustam inscription of Shapur I, which reflected his claims to the territory of the Kushans, did not pertain to the time of either Kanishka or his immediate successors. According to the Chinese accounts, Kanishka subjugated territories to the east, west and south, but failed to conquer those in the north. Therefore, the theory that Kanishka and his immediate successors ruled over the regions to the north of the Oxus remained no more than a conjecture and required more conclusive proof.

B.Y. Stavisky disagreed with D. Sircar and said that while the opinions of Soviet scholars differed as to the northern borders of the Kushan state, they definitely agreed that Bactria, including its northern right-bank zone (the present-day regions of southern Uzbekistan and southern Tajikistan), had been the original centre and permanent seat of the Kushan state. At the same time B.Y. Stavisky said he did not believe that the 5th to 8th century Buddhist remains found in Soviet Central Asia could be directly linked to the Kushans, since the majority of the Buddhist relics of that period were found in the north of Soviet Central Asia and could be attributed to a "second Buddhist wave" coming at that time from Eastern Turkistan. As for Adzhina-Tepa, it was not at all clear yet what it exemplified most: the Kushan tradition, or Eastern Turkistan influences.

B.A. Litvinsky supported Stavisky's view that Northern Bactria was part of the Kushan state, but did not concur with his thesis about the second Buddhist wave which swept over the present-day territory of Soviet Central Asia in early medieval times.

D. Sircar again challenged the position of Stavisky and Litvinsky on the northern borders of the Kushan state, and repeated his arguments, in particular the evidence of the Kanishka inscriptions.

A. Habibi also went into the question of the borders of the Kushan state and voiced the hope that further archaeological finds would help to solve that controversial problem.

G.A. Pugachenkova took issue with D. Sircar and pointed out that the present archaeological evidence dispersed all doubts as to whether Northern Bactria had been a part of the Kushan Empire.

B.I. Marshak acknowledged the interesting premises advanced by G. Azarpai and then went on to say that any one element in a system of images could be explained only on the basis of the whole system; iconography was of importance for the history of art, but not for the interpretation of beliefs; the system of religious images in Khorezm and Sogd was rich and intricate, and it was not clear whether its various features pertained to the iconography of one god or different gods. With respect to the spead of Buddhism in Central Asia from the south and the east, Marshak reminded the audience of the evidence that the Chinese had built a Buddhist temple in Semirechye; that left room for the additional possibility of an eastern influence on the spread of Buddhism in Eastern Central Asia.

Replying to the above remarks by Marshak, G. Azarpai said that her conclusions had evidently been misunderstood. She had not intimated that the four-armed goddess was Anahita; what she had stated was that the prototype of the cult of the supreme female deity in the Central Asian interfluvial zone was probably Armaiti.

Часть IV

ОФИЦИАЛЬНОЕ ЗАКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Part IV

OFFICIAL CLOSING OF THE CONFERENCE

Заключительная сессия конференции состоялась в Большом зале заседаний Верховного Совета Таджикской Советской Социалистической Республики 5 октября 1968 г.

Открывая заседание, Президент АН Таджикской ССР М. С. Асимов сказал, что конференция с большими достижениями завершает свою работу и, безусловно, явится важным шагом вперед в изучении цивилизации народов Центральной Азии. От имени ученых Таджикистана он сердечно поблагодарил всех участников конференции, приехавших в Таджикистан из многих стран мира.

М. С. Асимов подчеркнул, что успеху конференции содействовала большая организационная работа, проведенная Комитетом по изучению Центральной Азии Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО, а также сотрудниками Государственного Эрмитажа СССР, которые организовали прекрасную выставку, существенно дополнившую вклад в кушановедение, сделанный участниками конференции на заседаниях.

Затем выступил председатель конференции академик Б. Г. Гафуров.

«Наша конференция,— сказал Б. Г. Гафуров,— внесла существенный вклад в разработку истории кушан, истории народов стран Азии. Это был самый представительный форум ученых-специалистов по кушанской эпохе. В обсуждении вопросов истории и культуры Центральной Азии в кушанское время приняли участие ведущие историки и археологи, искусствоведы и нумизматы, этнографы и специалисты по кушанской письменности.

Характерной чертой конференции, проводившейся в Душанбе, на древней кушанской земле, было то, что в ней приняли активное и плодотворное участие ученые из стран региона Центральной Азии: Афганистана, Ирана, Индии, Пакистана, Советской Средней Азии и Монголии. Ее успеху содействовало участие представителей науки из братских социалистических стран — Болгарии, Венгрии и Германской Демократической Республики, а также из других стран Европы, Азии и Америки. Советская наука была представлена на конференции в Душанбе учеными Таджикистана, Киргизии, Узбекистана, Туркмении, Казахстана, РСФСР, Азербайджана, Армении, Эстонии и Бурятии.

Трудно перечислить все события, которые имели место на конференции за эти десять дней. Наша конференция по изучению кушанской эпохи проходила в атмосфере дружбы и взаимопонимания, в атмосфере делового сотрудничества и стремления ученых к совместному решению актуальных проблем. Были, конечно, и принципиальные научные споры.

В ходе дискуссий на конференции были затронуты практически все основные проблемы кушанской эпохи».

Б. Г. Гафуров отметил большой успех многих докладов ученых Востока и Запада, которые поставили важные научные проблемы:

«Много сделали в области археологии в Пакистане и Афганистане ученые западных стран. Труды Барту и Акэна, Гиршмана и Шлюмберже стали археологической классикой.

Большой вклад в дело изучения кушанского прошлого Пакистана и Афганистана вносит Итальянская археологическая миссия. В интереснейшем докладе проф. Д. Фаченны мы услышали о великолепных открытиях итальянских археологов в районе Буткары и в других районах.

О многих открытиях японских археологов мы узнали из доклада проф. Т. Хигути».

Б. Г. Гафуров подчеркнул, что Советское государство проявляет большую заинтересованность в изучении национального наследия — памятников культуры прошлого. Огромные средства расходуются на восстановление и реставрацию исторических памятников, на то, чтобы восстановить и сделать достоянием всего народа памятники мировой истории. Десятки экспедиций исследуют все области Средней Азии — от горных долин Памира до степей Казахстана. Советскими учеными сделаны открытия, имеющие важное значение для исследования кушанской эпохи.

Б. Г. Гафуров указал, что хотя многие вопросы кушанистики значительно прояснились, однако еще далеко не все пути и методы использованы учеными; предстоит разгадка многих проблем.

Затем Б. Г. Гафуров сказал:

«Успешная работа нашей конференции позволяет по-новому оценить роль Кушанской державы в истории человечества, глубже понять ее воздействие на эту историю.

В этот период особого расцвета достигли культура и экономика народов, которые населяли огромные просторы от Аральского моря до Гималаев, от Ганга до Сырдарьи.

Кушанское государство — редкий образец мирного взаимодействия культур различных народов, которые были объединены в высокоразвитой цивилизации. Это государство сумело создать такие материальные и духовные ценности, которые в течение ряда столетий оказывали огромное влияние на народы, входившие в состав Кушанской державы.

Заканчивая работу нашей конференции, хотелось бы выразить надежду, что мы не только находимся на верном пути для всестороннего разрешения отдельных неизученных сторон кушанской проблемы, но что мы нашли удачную форму сотрудничества ученых различных направлений, разных специальностей и разных национальностей, объединенных любовью к знаниям и любовью к истине. Нам кажется, что созыв такого рода международных конференций надо практиковать и в будущем.

Конференция явилась важным шагом для дальнейшего развития международного сотрудничества ученых, направленного на осуществление проекта ЮНЕСКО по изучению цивилизаций народов Центральной Азии.

Я должен с удовлетворением отметить, что конференция имела немалое международное значение. В день ее открытия все делегаты с большим вниманием встретили приветствие Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина и приветствие Председателя Совета Министров Таджикской ССР А. К. Кахарова.

С большим вниманием была также встречена и приветственная телеграмма шахиншаха Ирана Мухаммеда Реза Пехлеви.

На имя конференции поступило большое число приветствий от послов зарубежных стран в Москве, научных и культурных учреждений

СССР, от коллективов трудящихся нашей страны. Все это подтверждает слова А. Н. Косыгина о том, что в Советском Союзе замечательное культурное наследие прошлого плодотворно служит делу прогресса.

Я рад возможности выразить с этой высокой трибуны самую сердечную признательность вице-председателям нашей конференции проф. Гиршману, Гхошу, Дани, Али Сами, Хабиби и Харматте за их большой вклад в работу конференции, за их благородные усилия сделать ее еще более плодотворной.

Мне доставляет большое удовольствие поблагодарить от лица всех присутствующих представителей ЮНЕСКО Н. Баммата и Л. И. Мирошникова за их содействие нашей работе и те усилия, которые они приложили для организации конференции, а также Комиссию СССР по делам ЮНЕСКО, ее председателя В. М. Виноградова и сотрудников комиссии В. В. Вахрушева и Г. А. Можаева.

Разрешите от имени участников конференции выразить сердечную благодарность правительству Таджикистана, Академии наук Таджикской ССР и ее Президиуму, которые так много сделали для того, чтобы мы с вами могли успешно и плодотворно работать.

Мы выражаем благодарность руководителям районов Колхозабада, Курган-Тюбе и Вахша за гостеприимство во время посещения делегатами конференции мест археологических раскопок.

В дни работы нашей конференции к ней был проявлен большой интерес научной общественности не только в республиках Средней Азии, но и во всей нашей стране. Это было еще одно свидетельство того, что мы, советские люди, с глубоким уважением относимся к истории и культуре народов Востока.

Изучение прошлого этих народов убеждает нас в том, что у них не только было славное прошлое, но что им предстоит сыграть великую роль в мировой истории. Изучение истории народов Центральной Азии поможет нам лучше понять сегодняшний день Азиатского континента, народы которого в наше время вновь обрели независимость, уверенность в собственных силах.

Изучая прошлое, мы работаем для будущего, для настоящих и грядущих поколений, и успех нашего труда дает духовную веру народам, вселяет в нас оптимистическую веру, что современные страны Азии достигнут самых высоких вершин материального и культурного прогресса и обеспечат процветание и мир на величайшем континенте земного шара».

После акад. Б. Г. Гафурова выступили вице-председатели конференции А. Гхош (Индия), А. Хабиби (Афганистан), А. Дани (Пакистан), А. Сами (Иран), Р. Гиршман (Франция) и Я. Харматта (Венгрия).

А. Гхош в своем выступлении отметил ценность вклада, который был внесен конференцией в развитие науки, а также хорошую организацию конференции. Он поблагодарил за оказанное гостеприимство. «Я очень благодарен таджикским друзьям,— сказал он,— за то внимание, которое они проявили».

А. Хабиби подчеркнул важность научного вклада, сделанного учеными Таджикистана и другими участниками конференции в изучение кушанской эпохи. «Афганский народ,— сказал он,— с большим интересом следит за работой конференции. Будучи посвящена изучению общечеловеческого культурного наследия, она имеет большое значение для укрепления дружбы и взаимопонимания между народами».

От имени ученых Пакистана выступил вице-председатель А. Дани. Он сказал:

«От имени делегации Пакистана я имею удовольствие передать нашу искреннюю благодарность народам Советского Союза, и в особенности народу Таджикистана, которые принимали здесь у себя, на своей земле, делегатов нашей конференции. Мы открыли в Таджикистане близкий нам, родственный народ. Мы понимаем прошлое этого народа, мы обсуждали это на конференции в Душанбе, где изучали историю кушанской цивилизации; мы вновь вскрыли тот культурный слой, на котором покоится фундамент общей для нас, родственной культуры. Это богатая и славная история. Мы надеемся, что в будущем еще больше укрепим узы нашего сотрудничества, в частности, по изучению проблем прошлого.

Я думаю, что ЮНЕСКО предприняла очень полезную инициативу, когда способствовала исследованию этой интереснейшей главы человеческой истории, и я выражаю уверенность, что ЮНЕСКО продолжит эту работу по своей программе.

Еще раз хочу поблагодарить организаторов этой конференции, в частности ее президента проф. Б. Г. Гафурова, его коллег, народы всего Советского Союза за прекрасную возможность побывать здесь, встретиться с ними и восстановить наши вековые узы».

Затем слово было предоставлено представителю Ирана Али Сами. Он сказал: «Мы участвовали во многих международных конгрессах ряда стран, но, пожалуй, впервые мы являемся участниками конференции, которая так глубоко и тщательно занимается изучением народной культуры, еще малоизвестной в истории.

Несомненно, что конференция открывает новые дороги и дает ключи к продолжению изучения этой культуры; мы пойдем значительно дальше по пути изучения этого предмета, столь необходимого и важного для ученых Афганистана, Пакистана, Индии и Средней Азии».

От имени ученых Ирана Али Сами выразил большую благодарность Институту востоковедения Академии наук Таджикской ССР и ЮНЕСКО за хорошую организацию конференции.

Р. Гиршман в своем приветственном слове заявил:

«Дорогие друзья и коллеги! Подходит день разлуки. От имени французской делегации и от моего имени я хочу выразить нашу глубокую благодарность за все, что мы здесь встретили, благодарность Академии наук Таджикской республики и нашу глубокую и сердечную благодарность Б. Г. Гафурову.

Для нас было чрезвычайно интересно войти в прямые контакты с нашими советскими коллегами, беседовать с ними на темы, которые нас интересуют, узнавать о том, что они сделали, что они публиковали, посетить раскопки. Для нас это был большой праздник. Мы провели чрезвычайно интересные и ценные дискуссии».

Я. Харматта (Венгрия) отметил в своем выступлении, что Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху явилась значительным достижением в области изучения кушан. Я. Харматта подчеркнул важность изучения вопросов экономической истории (торговля, сельское хозяйство, ирригация).

Затем он от имени венгерской делегации выразил благодарность за прекрасную организацию и успешную работу конференции. «Я увожу с собой,— сказал Я. Харматта,— яркие впечатления о прогрессе, достигнутом таджикским народом на древней земле кушан».

Представитель Польской Народной республики А. Зайончковский от имени Польской Академии наук, Польского национального комитета по делам ЮНЕСКО и всего коллектива польских востоковедов поблагодарил организаторов конференции за предоставленную возможность принять участие в этой международной встрече ученых-кушановедов, за оказанное гостеприимство и теплый прием. Он специально отметил блестящую идею разработки самой проблемы в широком аспекте: ведущую роль играли археологи, но представители других областей знания — лингвисты, филологи, антропологи, историки религии и искусствоведы также внесли весьма крупный вклад. Это явилось проведением в жизнь современного принципа интеграции науки.

А. Зайончковский подчеркнул в качестве важного момента, который положительно повлиял на проведенную конференцию, активное участие, наряду с представителями союзных республик Средней Азии, стран Европы и США, делегатов из стран Востока, особо заинтересованных в изучении своего богатого культурного наследия. Это новое явление, коренным образом изменяющее традиционное и не всегда для науки полезное положение, когда в востоковедении приоритет изысканий принадлежал почти исключительно европейским центрам.

Затем слово было предоставлено Т. Хигути (Япония).

Приветствуя участников от имени японских ученых, Т. Хигути сказал: «Для японского народа Средняя Азия — не просто сказочная страна; во время пребывания здесь мы увидели, что Средняя Азия также одна из процветающих стран. Ее народы встретили нас весьма сердечно и тепло. Мы смогли познакомиться со многими видными учеными из различных стран, получить огромное количество информации об изучении кушанской культуры. Мы видели, чем дышит и что чувствует эта страна, мы видели свидетельство дружбы ко всем делегатам этой конференции. Я обещаю, что по возвращении в Японию я доложу о колоссальных результатах этой конференции всем японским ученым и тем представителям Японии, которые этим интересуются».

Выступая от имени археологов одного из ведущих институтов Академии наук СССР, Института археологии, лауреат Ленинской премии Е. И. Крупнов выразил глубочайшую благодарность организаторам конференции за приглашение и за возможность участвовать в работе конференции. Он подчеркнул роль, которую играет археология в изучении важнейших проблем древних эпох на территории Советского Союза и сопредельных стран мира.

«В изучении кушанской эпохи,— сказал Е. И. Крупнов,— археология имеет особое значение, потому что она является наиболее объективным историческим источником».

От имени ученых Азербайджана выступил А. С. Сумбатзаде, который отметил, что конференция по кушанской эпохе — один из показателей больших успехов советского востоковедения, которое год от года становится все более мощным.

«Вместе с тем,— сказал А. С. Сумбатзаде,— я хочу подчеркнуть, что на нашей конференции действительно царствовал настоящий свет разума и дух дружбы и сотрудничества. А это — самое важное условие для научного международного сотрудничества и научного творчества.

Но я должен сказать, что история началась не с кушан и не кончилась ими. Кушанская держава объединила многие народы Центральной Азии. Разработка истории и культуры Центральной Азии в кушанский период — прекрасная почва для международного сотрудничества, так же как и разработка истории Центральной Азии, Средней Азии, Индии, Афганистана и Ирана в последующие века. Народы этого региона были активными творцами своей истории в древний и средний периоды, а сейчас они стали активными исследователями своего прошлого».

Член Лондонского Королевского азиатского общества Мак Дауэл отметил громадный прогресс, который был достигнут в изучении кушанской проблемы.

«Путем международного сотрудничества,— сказал он,— путем тщательного анализа материала и обмена мнениями, вовлечения в круговорот нашего анализа различного рода новых материалов, путем дальнейшей работы мы в конце концов добьемся истины и решим эту интереснейшую проблему».

Представитель Монголии Ш. Бира поблагодарил за предоставленную ему возможность принять участие в работе конференции.

Ш. Бира сказал: «Многим может показаться, что Монголия находится далеко от Средней Азии. Но богатая история монгольского народа показывает, что монгольский народ всегда находился в тесных взаимоотношениях, в контакте не только с русским народом, но и с другими народами, которые населяют ныне территорию Советского Союза, в том числе с народами Средней Азии.

Принимая участие в работе этой замечательной конференции, я, так же как и другие делегаты конференции, убедился в том, что советский народ с большим уважением относится к культурному наследию всех национальностей Советского Союза».

Затем выступил Д. Розенфилд (США), который выразил сердечную благодарность таджикским ученым и всем ученым СССР. «Я чрезвычайно рад,— сказал он,— что имел возможность побывать в Душанбе и посетить места замечательных археологических раскопок. Я рад еще и потому, что прибыл сюда со словами мира, в целях науки, в целях развития культуры».

С краткими приветственными речами выступили А. М. Дьяков (СССР), Д. Шлюмберже (Франция), Р. Фрай (США), Д. Фаченна (Италия) и Г. Моде (ГДР). От имени Международного совета по философии и гуманитарным наукам Ирэн Меликофф (Франция) поздравила организаторов конференции с успехом и поблагодарила за гостеприимство.

От имени Секретариата ЮНЕСКО выступил Н. Баммат, который подчеркнул, что конференция кушановедов в Душанбе имеет исключительно важное международное значение.

«В течение этих дней в ходе работы конференции было сделано много конкретных предложений, высказано много интересных мыслей. Многие ученые и в дальнейшем будут вести работу в этом направлении.

Хотелось бы заверить вас,— продолжал Н. Баммат,— что мы в ЮНЕСКО готовы немедленно приступить к дальнейшему сотрудничеству по этому проекту.

По возвращении в Париж я смогу сказать Генеральному директору ЮНЕСКО и проходящей там в настоящее время Генеральной конференции, что результаты конференции в Душанбе намного превзошли самые оптимистические прогнозы».

Далее Н. Баммат сказал, что одним из критериев для оценки успеха конференции является то, какие перспективы она открыла. И в этом смысле решающим является обмен мнениями, который имел место.

«Во-первых, советская делегация внесла предложение о том, чтобы продлить срок действия проекта ЮНЕСКО по изучению Центральной Азии. Это предложение, очевидно, будет принято Исполнительным советом ЮНЕСКО. Рекомендации конференции, поскольку они основаны на научно-теоретическом базисе, могут рассматриваться как очень веский аргумент в пользу продления срока действия этого проекта ЮНЕСКО.

От имени Секретариата ЮНЕСКО я обещаю, что мы используем любую возможность, чтобы еще на несколько лет продлить этот проект.

Другое предложение, которое было сделано здесь, касалось публикации научных трудов по кушанской эпохе. ЮНЕСКО рассмотрит это предложение в сотрудничестве с комиссией, которая создана здесь, с тем чтобы найти возможность для периодической публикации таких работ. Детали этого проекта могут быть уточнены позже, но мы совершенно уверены, что плодом работы этой конференции будут новые важные труды.

Я хочу напомнить, что проект предусматривал создание национальных и региональных научных учреждений и центров по изучению кушан прежде всего на территории самой Центральной Азии. В этом смысле конференция является весьма знаменательной. Созданы постоянные научные группы, так что этот проект будет означать повседневное сотрудничество с избранными вами рабочими органами.

Конференция в Душанбе не только представляет собой достижение сама по себе, но и открывает широкие перспективы для значительных и постоянных исследований по важнейшим проблемам истории и культуры Азии.

Я хочу особо отметить, что одним из самых интересных предложений было открыть новую главу в истории Азии путем изучения современных аспектов цивилизации Центральной Азии. Начав с археологии, участники конференции пришли к современной цивилизации.

Известно, что страны Центральной Азии внесли громадный вклад в изучение цивилизации прошлого. Я хочу также отметить, что конференция является прекрасным доказательством того, что Центральная Азия — это живой, цветущий, динамичный организм. Мы благодарим всех организаторов конференции и правительство Таджикской республики; мы также высоко ценим заслуги замечательного ученого, академика Б. Г. Гафурова. Я участвовал в различных международных заседаниях и конференциях и поэтому могу с полным правом сказать, что организация конференции в Душанбе была превосходной. Я никогда еще не видел такую способную группу организаторов и переводчиков, как те, которые подготавливали и проводили конференцию в Душанбе.

Конференция является очень важной и в теоретическом плане, и с точки зрения утверждения культурных связей между народами; она способствует процветанию всех народов Азии».

На этом официальная часть работы конференции закончилась.

The Conference closing session was held at the Grand Congress Hall of the Supreme Soviet of the Tajik Soviet Socialist Republic on October 5, 1968.

In his address M.S. Asimov pointed out that the Conference, an important step in the study of Central Asian civilisations, had undoubtedly been successful, and thanked the Conference participants for their efforts.

B.G. Gafurov, the Conference Chairman, noted that a feature of that truly representative forum of scholars was the active part taken in it by researchers from the Central Asian countries — Afghanistan, Iran, India, Pakistan, the Soviet Central Asian Republics and Mongolia. In his opinion, many researchers from both Eastern and Western countries had posed in their reports major problems in the field of Kushan studies which would undoubtedly be further elaborated and result in many important discoveries. B.G. Gafurov further said that the Conference had

been a significant development in the international cooperation of scholars working on the UNESCO project of studies of the civilisations of the peoples of Central Asia and stressed the world-wide recognition of the Conference.

The next speakers were the Conference Vice-Chairmen—A. Ghosh (India), A. Habibi (Afghanistan), A. Dani (Pakistan), Ali Sami (Iran), R. Ghirshman (France) and J. Harmatta (Hungary). They all acknowledged the importance, high scientific standards and excellent organisation of the work of the Conference.

Addresses were made by |A. Zajonckowski| on behalf of the Academy of Sciences of Poland and the Commission of Poland for UNESCO; T. Higuchi on behalf of Japanese scholars; Prof. |Y.I. Krupnov| on behalf of the Institute of Archaeology of the U.S.S.R. Academy of Sciences; A.S. Sumbatzade on behalf of the scholars of Soviet Azerbaijan; D. Mac Dowall (Great Britain); Sh. Bira (Mongolian People's Republic); and J. Rosenfield (U.S.A.).

Short complimentary addresses were also made by |A. M. Dyakov| (U.S.S.R.), |D. Schlumberger| (France), R. Frye (U.S.A.), D. Faccenna (Italy) and G. Mode (G.D.R.). On behalf of the International Council for Philosophy and Humanistic Studies Prof. Irène Melikoff addressed a message of appreciation to the sponsors of the Conference.

N. Bammate, representing the Director-General of UNESCO, emphasised the outstanding international prestige and achievements of the Dushanbe Conference. He said UNESCO felt that the programme of study of the civilisations of the peoples of Central Asia ought to be prolonged for several years, and the proposal made by the Soviet delegation to that effect stood every chance of being accepted by the UNESCO Conference. He also expressed himself in favour of another proposal voiced at the Conference, concerning the publication of scientific works on the Kushan period. In conclusion N. Bammate pointed out that, in addition to its scientific value, the Dushanbe Conference had doubtless contributed to the flourishing of the culture of Asian peoples and had helped to strengthen cultural contacts between nations.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть III. Доклады и сообщения на пленарных заседаниях и дискуссии

История Кушанского государства и его границы 7

Д. Сиркар. Восточная Индия и кушаны 7
Г. Шарма, Дж. Неги. Саки-кушаны в долине Центрального Ганга 15
М. Е. Массон. К вопросу о северных границах государства «Великих Кушан» 42
Н. Г. Горбунова. Фергана в кушанское время 50
Б. Пури. Поздние кушаны 56
С. Чаттопадхьяя. «Махабхарата» и некоторые проблемы, связанные с историей кушан 66
Г. Гумбах. Птолемей и Центральная Азия в кушанскую эпоху 71
Э. А. Грантовский. О восточноиранских племенах кушанского ареала 76
Обсуждение докладов 93

История Кушанского государства. Культура и социально-политический строй 97

|*Д. Шлюмберже*|. Храм в Сурх-Котале 97
Б. Я. Ставиский. Кара-тепе и вопросы истории и культуры кушанской Бактрии 103
А. Гхош. Кушанские слои городищ Северной Индии 108
Г. Фрумкин. Некоторые работы советских археологов по кушанскому периоду 113
Р. Шарма. Кушанские элементы в государственном устройстве империи Гупт . 117
Б. Ядава. Некоторые аспекты социального строя в Индии сако-кушанского периода 123
Обсуждение докладов 137

История кушанского государства. Проблема культурных связей 139

Р. Гиршман. Кушаны и Иран 139
Али Сами. Кушаны в период Сасанидской империи согласно среднеперсидской надписи Накши-Рустема 146
Р. Фрай. Сасанидские надписи и история кушан 151
В. Зундерман. Мани в Индии 153
Д. И. Тихонов. Культурные связи народов Центральной Азии с кушанами . . . 158
Ш. Бира. Кушаны в монгольской традиции 162
С. Ваклинов. Раннеболгарская культура и Средняя Азия 166
И. Эрдели. Авары и Средняя Азия 169
Б. Огел. История кушан и китайские источники 172
И. Н. Хлопин. Исторический подход к кушанской ономастике 173
К. Алиев. К вопросу о номадах Средней Азии и древнего Азербайджана . . . 176
Обсуждение докладов 180

Вопросы идеологии и религии 183

Б. Пури. Идеология и религия в кушанскую эпоху 183
Б. А. Литвинский. Распространение буддизма в Средней Азии 191
А. Мотамеди. Фигура, символизирующая триратну, из Кабульского музея . . 199
Г. Моде. Университет в Таксиле и роль высшего образования в кушанскую эпоху 206
Л. С. Васильев. Кушаны и проникновение буддизма в Китай 210
П. Нурмекунд. О транслитерации санскритских слов в ранних буддийских переводах на китайский язык 217
Л. Мялль. Некоторые проблемы возникновения махаяны 219

А. Н. Зелинский. Кушаны и махаяна 223
Б. Брентес. Фазан как символ неба и ушастая сова 237
Обсуждение докладов 239

Новые археологические материалы кушанской эпохи в Средней Азии 241

Л. И. Альбаум. Стратиграфия кушанских поселений Ангорского района Сурхандарьинской области 241
Б. А. Тургунов. Городище Айртам 245
Э. Гулямова. Изучение кушанских памятников района Шахринау 250
А. М. Мирзоев. Об одной археологической находке в Южном Таджикистане . . 253
В. Н. Пилипко. Археологические памятники кушанского времени на побережье среднего течения Амударьи 254
Н. Н. Негматов, Е. Д. Салтовская. Материальная культура кушанского времени в Уструшане и Западной Фергане 258
Т. И. Зеймаль. Позднекушанские слои в Южном Таджикистане 267
С. К. Кабанов. Позднекушанские поселения в низовьях р. Кашкадарьи 270
А. Мухамеджанов. К истории ирригации в кушанскую эпоху 278
С. С. Черников. Некоторые закономерности исторического развития ранних кочевников 282
А. Д. Бабаев. Могильник Чильхона — памятник сакской культуры на Западном Памире 288
Ю. А. Заднепровский. К истории кочевников Средней Азии кушанского периода 293
И. Кожомбердиев. Культура кочевников Тяньшано-Алая первой половины I тысячелетия нашей эры 297
Э. В. Сайко. Некоторые особенности керамики кушанского периода Северной Бактрии 301
А. К. Абетеков. Ранние кочевники Тяньшаня и их культурные связи с Кушанской империей 308
Обсуждение докладов 310

Искусство кушанской эпохи 312

Г. А. Пугаченкова. Кушанское искусство в свете новейших открытий в Северной Бактрии 312
|*Б. Роуленд*|. Греко-бактрийское искусство и Гандхара: Халчаян и гандхарские бодисатвы 320
Г. Шарма. Кушанская архитектура на примере исследования в Каусамби (Индия) 323
Б. Мукерджи. Проблемы датированных памятников матхурской школы скульптуры кушанского периода 346
В. А. Мешкерис. Среднеазиатские школы коропластики в кушанскую эпоху . . 363
А. Фазили. Атропатена в системе государств первых веков нашей эры 370
А. Мухтаров. Новые находки каменных капителей кушанского времени из Шахринау (Южный Таджикистан) 374
Х. Мухитдинов. Терракоты Саксанохура 378
Обсуждение докладов 383

Искусство кушанской эпохи. Кушанское наследие в раннесредневековом искусстве 387

Г. Азарпай. Четырехрукая богиня: кушанский пережиток в средневековом искусстве Средней Азии? 387
А. М. Беленицкий. Среднеазиатское искусство предарабского времени и его связь с кушанским 392
Т. В. Грек, Н. В. Дьяконова. Концепция дхармакая в изобразительном искусстве Центральной Азии 396
В. А. Нильсен. Кушанское наследие в раннесредневековой архитектуре Средней Азии 400
Л. С. Бретаницкий. К вопросу об истоках мусульманского искусства 404
Обсуждение докладов 412

Часть IV. Официальное закрытие конференции 417

CONTENTS

Part III. Papers, Communications, Discussions

History and Frontiers of the Kushan State . . . 7

D. Sircar — Eastern India and the Kushans . . . 7
G. Sharma, J. Negi — The Saka-Kushans in the Central Ganga Valley . . . 15
M. Masson — The Problem of the Northern Borders of the State of the "Great Kushans" . . . 42
N. Gorbunova — Fergana in the Kushan Period . . . 50
B. Puri — The Later Kushans . . . 56
S. Chattopadhyaya — The *Mahabharata* and Some Kushan Problems . . . 66
H. Humbach — Ptolemy and Central Asia in the Kushan Period . . . 71
E. Grantovsky — The East Iranian Tribes in the Kushan Area . . . 76
Summarised Record of Discussion . . . 95

History of the Kushan State. Culture and Socio-Political System . . . 97

D. Schlumberger — Sur la nature des temples de Surkh Kotal . . . 97
B. Stavisky — Kara Tepe and Questions of the History and Culture of Kushan Bactria . . . 103
A. Ghosh — The Kushan Levels at Some Excavated Sites in North India . . . 108
G. Frumkin — On Soviet Archaeological Finds relating to the Kushan Period . . . 113
R. Sharma — Kushan Elements in the Gupta Polity . . . 117
B. Yadava — Some Aspects of the Changing Order in India during the Saka-Kushan Age . . . 123
Summarised Record of Discussion . . . 137

History of the Kushan State. Cultural Relations . . . 139

R. Ghirshman — The Kushans and Iran . . . 139
Ali Sami — Kushan in the Days of the Sassanian Empire according to the Pahlavi Inscription of Naksh-i-Rustam . . . 146
R. Frye — Sassanian Inscriptions and Kushan History . . . 151
W. Sundermann — Mani in India . . . 153
D. Tikhonov — Cultural Contacts between the Peoples of Central Asia and the Kushans . . . 158
Sh. Bira — Mongolian Tradition on the Kushans . . . 162
S. Vaklinov — Early Bulgarian Culture and Central Asia . . . 166
I. Erdeli — The Avars and Central Asia . . . 169
B. Ogel — The History of Kushans and Its Chinese Sources . . . 172
I. N. Khlopin — Historical Approach to Kushan Onomastic . . . 173
K. Aliyev — The Nomads of Central Asia and Ancient Azerbaijan (Atropatena and Caucasian Albania) . . . 176
Summarised Record of Discussion . . . 181

Ideology and Religion . . . 183

B. Puri — Ideology and Religion in the Kushan Epoch . . . 183
B. Litvinsky—The Spread of Buddhism in Western Turkistan . . . 191
A. Motamedi — Triratna Figure of the Kabul Museum . . . 199
H. Mode — Takkasila and the Role of Higher Education in the Kushan Period . . . 206
L. Vasilyev — The Kushans and the Penetration of Buddhism into China . . . 210
P. Nurmekund — The Rendering of Sanskrit Terms in Early Buddhist Chinese Translations . . . 217
L. Mäll — Some Problems related to the Rise of Mahayana . . . 219
A. Zelinsky — The Kushans and Mahayana . . . 223

B. Brentjes — Pheasant of Heaven and the Horn-Owl Garuda 237
Summarised Record of Discussion 239

New Archaeological Discoveries of the Kushan Period in Soviet Central Asia . . 241

L. Albaum — Stratigraphy of Kushan Settlements in the Angor District of the Surkhan Darya Region 241
B. Turgunov — The Airtam Town-Site 245
E. Gulyamova — The Study of the Kushan Monuments in Shakhrinau 250
A. Mirzoev — An Archaeological Find from Southern Tajikistan 253
V. Pilipko — Archaeological Monuments of Kushan Times on the Banks of the Amu Darya's Central Reaches 254
N. Negmatov, E. Saltovskaya — Material Culture of Kushan Times in Ustrushana and West Fergana 258
T. Zeymal — Late Kushan Strata in South Tajikistan 267
S. Kabanov — Late Kushan Settlements in the Lower Reaches of the Kashka Darya 270
A. Mukhamedzhanov — Irrigation in Central Asia in the Kushan Period . : . 278
S. Chernikov—Some Regularities in the Historical Development of Early Nomads 282
A. Babaev — Chilkhona Burial Ground: Monument of Saka Culture in the West Pamirs 288
Y. Zadneprovsky — History of Central Asian Nomads in the Kushan Period . . 293
I. Kozhomberdiyev — Culture of the Tien-Shan—Alai Nomads in the First Half of the 1st Millennium A.D. 297
E. Saiko — Some Features of Ceramics of the Kushan Period (Northern Bactria) 301
A. Abetekov — Early Nomads of the Tien-Shan and Their Cultural Contacts with the Kushan Empire 308
Summarised Record of Discussion 310

Kushan Arts 312

G. Pugachenkova — Kushan Art in the Light of Recent Discoveries in Northern Bactria 312
|*B. Rowland*| — Graeco-Bactrian Art and Gandhara: Khalchayan and the Gandhara Bodhisattvas 320
G. Sharma — Kushan Architecture with Special Reference to Kausambi (India) . . 323
B. N. Mukherjee — Problems of Dated Images of the Mathura School of Sculpture of the Kushan Period 346
V. Meshkeris — Central Asian Coroplastic School of the Kushan Period 363
A. Fazili — Atropatena in the System of States in the First Centuries A.D. . . 370
A. Mukhtarov — New Finds of Stone Capitals of the Kushan Times in Shakhrinau (Southern Tajikistan) 374
H. Mukhitdinov — Saksanokhur Terracottas 378
Summarised Record of Discussion 384

Kushan Arts. Kushan Heritage in Early Medieval Art 387

G. Azarpay — The Four-Armed Goddess: a Kushan Survival in the Early Medieval Art of Transoxiana? 387
A. Belenitsky — West Turkistan Art of the Pre-Arab Period and Its Connection with Kushan Art 392
N. Dyakonova, T. Grek—The Conception of Dharmakaya in the Fine Arts of Central Asia (Contribution to the Problem of the Development of the Mahayana Dogmatics in the Kushan Empire) 396
V. A. Nilsen — Kushan Heritage in Early Medieval Architecture in Central Asia . 400
L. Bretanitsky — On the Origins of Muslim Art 404
Summarised Record of Discussion 413

Part IV. Official Closing of the Conference 417

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В КУШАНСКУЮ ЭПОХУ
том II

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *Е. Я. Бессмертная*
Младший редактор *Л. З. Шварц*
Художник *И. Р. Бескин*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *С. В. Цветкова*
Корректор *Н. Б. Осягина*

Сдано в набор 7/I 1974 г.
Подписано к печати 20/XI 1974 г.
А-12420. Формат 70 × $108^1/_{16}$. Бум. № 1
Печ. л. 27. Усл. п. л. 37,8. Уч.-изд. л. 35,94
Тираж 2100 экз. Изд. № 3009
Зак. № 12. Цена 3 р. 91 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Набрано в Московской типографии № 13 Союзполиграфпрома при Государственном комитете по делам издательств полиграфии и книжной торговли
107005, Москва Б-5, Денисовский пер., 30

Отпечатано в 3-й типографии
издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

State Museum Library
7209
Lucknow

राज्य संग्रहालय पुस्तकालय
प्रो• बी• एन• पुरी
संग्रह
लखनऊ